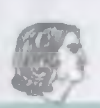

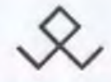
БИБЛИОТЕКА
РАСОВОЙ
МЫСЛИ

РУССКАЯ ЕВГЕНИКА

РУССКАЯ ЕВГЕНИКА

Сборник оригинальных работ русских учёных (хрестоматия)

БИБЛИОТЕКА
РАСОВОЙ
МЫСЛИ

РУССКАЯ ЕВГЕНИКА

Сборник оригинальных работ русских учёных (хрестоматия) под общей редакцией В.Б. Авдеева

Москва 2012

ББК 87.7
Р24

В серии вышли книги: «Расовый смысл русской идеи. Вып. 1 и Вып 2»; Людвиг Вольтман. «Политическая антропология»; Эрнст Крик. «Преодоление идеализма»; В. Авдеев. «Метафизическая антропология»; Ганс Ф.К. Гюнтер. «Избранные работы по расологии». Изд. 1-е и 2-е; В. Авдеев. «Расология». Изд. 1-е и 2-е; «Философия вождизма»; А.Н. Савельев. «Образ врага»; А.М. Иванов. «Рассветы и сумерки арийских богов»; К. Штрац. «Расовая женская красота», изд. 1-е и 2-е.; «Раса и мировоззрение»; В. Авдеев. «История английской расологии»; «Родоведение».

Русская евгеника. Сборник оригинальных работ русских учёных (хрестоматия) под общей ред. В.Б. Авдеева / Серия «Библиотека расовой мысли». — М.: Белые альвы, 2012 — 576 с.: ил.

ISBN 978-5-91464-001-6, ISBN 978-5-91464-066-5

На протяжении десятилетий советского периода о евгенике было принято говорить как о реакционной лженауке, причем именно буржуазного характера. Естественно, что никакого критического осмысления официальная марксистско-ленинская трактовка науки не предполагала, и уж совершенно обходила сам факт существования русской школы евгеники и ее расцвета в условиях пролетарского государства, причем с высшей санкции партийного руководства.

Издание данной хрестоматии осуществлено с введением В.Б. Авдеева, чтобы помочь современному отечественному читателю составить собственное представление о таком грандиозном и исторически значимом явлении как русская евгеника. Без изучения русской евгеники общий контекст развития нового типа мировоззрения, багажом которого в значительной степени мы пользуемся сегодня, будет неполным. Именно в начале XX века человек стал пониматься как всесторонне интегрированная система взаимопроникающих биологически наследуемых признаков и социальных предпочтений. К чести русских ученых, нужно сказать, что они сумели внести значительный вклад в создание естественнонаучной картины мира и в этом ключевом вопросе. Здесь, как и в других областях русской культурной жизни, всё было весьма разнообразно и не так однозначно, как нам это силятся показать «политкорректные» историки науки.

В сборник вошли следующие работы: Флоринский В.М. «Усовершенствование и вырождение человеческого рода»; Кольцов Н.К. «Улучшение человеческой породы», «Генетический анализ психических особенностей человека»; Филипченко Ю.А. «Пути улучшения человеческого рода»; Волоцкой М.В. «Поднятие Жизненных сил расы один из практических путей»; Караффа-Корбутт К.В. «Евгеническое значение войны»; Осипов В.П. «В вопросу о мерах психического оздоровления потомства»; Бунак В. В. «Антропологическое изучение преступника»; «Труды комиссии по изучению племенного состава населения России» и др.

Владимир Авдеев

ИДЕОЛОГИЯ РУССКОЙ ЕВГЕНИКИ

«От дурного семени
не жди доброго племени»
Русская народная пословица

На протяжении десятилетий советского периода о евгенике было принято говорить как о реакционной лженауке, причем именно буржуазного характера. Естественно, что никакого критического осмысления официальная марксистско-ленинская трактовка науки не предполагала, и уж совершенно обходила сам факт существования русской школы евгеники и ее расцвета в условиях пролетарского государства, причем с высшей санкции партийного руководства. Впрочем, такого рода противоречиями и откровенными идеологическими искажениями полна вся советская эпоха.

1.

Именно поэтому приятно отметить, что сегодня не только профессиональные биологии и историки науки предпринимают осознанные и целенаправленные усилия по реабилитации и всестороннему освещению этого интереснейшего и поистине уникального естественнонаучного и, в целом, мировоззренческого явления, но и самые широкие круги интеллектуальной публики проявляют свою неподдельную заинтересованность к этому вопросу.

Однако, вместе с тем, отчетливо просматривается общая тенденция: наибольшую часть публикаций по данному вопросу отличает лишь однобокое хронологическое описание, без анализа его идеологической основы. Создается устойчивое впечатление, что завеса молчания с данной проблемы снята еще не полностью и инерция мышления исследователей дает себя знать, словно речь идет не об объективном направлении в истории науки, а о некоем конспирологическом заговоре с сомнительным подтекстом.

В соответствии с вышеизложенными обстоятельствами и осуществлено создание данной хрестоматии с введением, чтобы помочь современному отечественному читателю составить собственное представление о таком грандиозном и исторически значимом явлении как **русская евгеника**. На наш взгляд, это был один из первых и наиболее удачных

примеров гармоничного синтеза биологических и социальных наук, под эгидой которого происходит развитие всего комплекса исследований о природе человека в последнее время. Мы полагаем, что без изучения русской евгеники общий контекст развития нового типа мировоззрения, багажом которого в значительной степени мы пользуемся сегодня, будет неполным. Именно в начале XX века человек стал пониматься как всесторонне интегрированная система взаимопроникающих биологически наследуемых признаков и социальных предпочтений. К чести русских ученых нужно сказать, что они сумели внести значительный вклад в создание естественнонаучной картины мира и в этом ключевом вопросе.

Выделение евгеники в самостоятельную науку принято связывать с именем выдающегося английского ученого **Сэра Фрэнсиса Гальтона (1822-1911)**, двоюродного брата Чарльза Дарвина. Сам термин «евгеника» происходит от греческих слов «eu» - «благо» и «genos» - «род» и означает науку об исследовании возможностей улучшения человеческой природы. Открытие Гальтоном и освоение целой новой отрасли естествознания было обусловлено многочисленными талантами самого ученого. Свое имя он вписал в историю науки сначала как путешественник, картограф, метеоролог, создатель теории психологического портрета и дактилоскопии. Он изобрел множество антропометрических методик, которыми до сих пор пользуются современные ученые, а также собственноручно сконструировал приборы для этих целей. Но именно обоснование принципов евгеники снискало ему наибольшую славу. С первых теоретических работ Ф. Гальтона начался бурный рост исследований в этой области. Кроме того, и это очень важно в контексте развития истории науки, его концепция основывалась на анализе богатейшего статистического материала, что позволило автору избежать обвинений в умозрительных спекуляциях.

Приоритет английского ученого в данной области сегодня никем не оспаривается. Но, если взглянуть на проблему шире, а именно: с мировоззренческой точки зрения и в контексте развития культуры в целом, - то мы без труда обнаружим, что евгенические тенденции были присущи человеческим сообществам на всех стадиях существования. Рекомендациями по поводу выбора супругов с целью улучшения и прогнозирования наследственности полны многие древние летописные источники, такие как Ветхий Завет и зороастрийская «Авеста». В самых разных частях Земли встречаются народные сказки, где соединяемые в браке главные герой и героиня являются квинтэссенцией физических, психических и моральных признаков своего племени, от которых и ведется родословная. У многих народов существуют представления о «Золотом веке», когда люди были прекрасны телом и душой, и не

существовало болезней. Евгенические тенденции со всей очевидностью прослеживаются и в классической философии. Так, например, Платон в своем знаменитом трактате «Государство», нисколько не стесняясь, сравнивает Человека с собакой и предлагает применять к нему те же меры селекции, которые уже успели хорошо зарекомендовать себя в деле выведения пород с заданными физическими и психическими свойствами. Известны древнегерманские, древнеперсидские и древнеримские юридические акты, ставившие своей целью государственный контроль за здоровьем населения. С древнейших времен известны и практические меры по избеганию появления на свет нежелательного потомства с отягченной наследственностью. Так, знахари и колдуны применяли плодово-отравляющие средства, а астрологи на основе сведений о положении небесных светил практиковали предсказания о благоприятных и неблагоприятных для соития днях. Известен обычай древних спартанцев, которые сбрасывали в пропасть со скалы младенцев с признаками физической ущербности, а детям без явных признаков врожденных патологий они создавали настолько тяжелые условия существования, что до периода половой зрелости доживали самые здоровые и выносливые.

В более позднее время можно обнаружить ту же самую общемировую евгеническую тенденцию. В теоретических трудах социалистов-утопистов, таких например, как Т. Мор и Т. Кампанелла, ясно обозначены регламентации всех сфер жизнедеятельности идеального общества, вплоть до интимной, с целью получения потомства желаемого типа. Вряд ли стоит сомневаться, что, доживи изобретатели этих футуристических концепций до наших дней, они, видимо, одобрили бы создание банков спермы с целью воплощения «городов Солнца», воспетых этими утопистами.

Чарльз Дарвин был весьма эрудированным человеком и истинным джентльменом, поэтому в своей «Автобиографии» счел необходимым подчеркнуть, что не считает себя создателем концепции принципиально нового типа, но лишь привел в систему весь известный ему свод данных научно-практического и мировоззренческого характера. Следует подчеркнуть, что эта созданная им теория и способствовала развитию целого комплекса наук о Человеке, охватывающего биологическую и социальную сферы. Именно поэтому такой крупный ученый, как Герберт Спенсер, - признанный основоположник социал-дарвинизма — в своей монографии «Принципы социологии» писал: «Вскармливание ни на что негодных за счет годных есть крайняя степень жестокости. Это — намерение накопления несчастий для будущих поколений. Нет большего проклятия потомкам, чем оставить им в наследство растущую популяцию имбицилов».

Желание управлять наследственностью потомков ясно описано еще Платоном, поскольку он был свидетелем всеобщей деградации биоло-

гической природы современников на фоне их якобы культурного усовершенствования. Факторы вырождения всегда сопутствовали эволюции на всех ступенях развития человеческого общества. Не случайно, что позже в этой связи немецкий естествоиспытатель **Готфрид Рейнхольд Тревиранус (1776-1837)** изобрел столь общеупотребимый в наше время термин **дегенерация**, насмотревшись как раз на общеевропейские плоды Великой Французской революции.

Теперь перейдем к русской культуре, вновь убеждаясь, что многочисленные описания былинных чудо-богатырей и писаных красавиц, которыми полны наши народные сказки, это не фантазии сказителей, а реальная генетическая память русского народа, явленная в архетипически узнаваемых символах, до сих пор созвучных пониманию его наиболее расово-чистых представителей.

Не только поэтическими образами, но и фигурами реальных исторических личностей изобилует русская история в интересующем нас вопросе. Самое же замечательное заключается в том, что, как и во многих иных областях знания, пальма первенства здесь должна принадлежать России, несмотря на то, что формально основоположником евгеники принято считать Гальтона. Но если абстрагироваться от термина, введенного им в международный обиход, и рассмотреть сами принципы организации данной отрасли естествознания, то сделанный нами вывод становится очевидным.

2.

Интернациональная советская наука сделала почти все, от нее зависящее, чтобы утопить в безвестности имя такого русского гения, как **Василий Маркович Флоринский (1834-1899)**, которого и следует считать основоположником евгеники. В. М. Флоринский — это яркий пример успешного государственного деятеля, одновременно реформатора науки и талантливого администратора в системе образования, укреплявшего своей подвижнической деятельностью авторитет монаршей власти. Он сделал очень много для завоевания отечественной наукой академического государственного и международного статуса. Именно такие личности, как он, по мнению советских партийных идеологов, ваяли в теории и на практике величественный ансамбль «просвещенного абсолютизма». Поэтому, видимо, его имени не нашлось места в отечественных учебниках истории. И лишь с крахом советского режима личности такого масштаба стали возвращаться из небытия.

На основе опубликованной переписки: Е. В. Ястребов «Сто неизвестных писем русских ученых и государственных деятелей к Василию Марко-

Василий Маркович Флоринский (1834-1899)

вичу Флоринскому» (Томск, 1995), - сегодня представляется возможным говорить о поистине обширных научных и общественных связях ученого.

Он дружил с основоположниками русской антропологической школы Дмитрием Николаевичем Анучиным (1843-1923) и Анатолием Петровичем Богдановым (1834-1896), с выдающимися невропатологами и психиатрами Владимиром Михайловичем Бехтеровым (1857-1927) и Яковом Афанасьевичем Анфимовым (1852-1930), с ботаниками и географами Андреем Николаевичем Бекетовым (1825-1902), Василием Васильевичем Докучаевым (1846-1903) и Василием Васильевичем Сапожниковым (1861-1924); с востоковедами и путешественниками Владимиром Густавовичем Тизенгаузеном (1823-1902) и Петром Петровичем Семеновым-Тян-Шанским, химиками Дмитрием Ивановичем Менделеевым (1834-1907) и Александром Яковлевичем Данилевским (1838-1923), со светилами русской медицины и физиологии Николаем Васильевичем Склифосовским (1836-1904) и Иваном Петровичем Павловым (1849-1936).

Среди государственных деятелей он пользовался благорасположением и уважением таких именитых персон, как Великий князь Константин Николаевич Романов (1827-1892), Великий князь Николай Михайлович Романов (1859-1919), а также членов Государственного совета: Константина Петровича Победоносцева (1827-1907), графа Дмитрия Андреевича Толстого (1823-1889), графа Ивана Давидовича Делянова (1818-1897) и графа Александра Григорьевича Строганова (1795-1891).

Эпистолярное наследие Василия Марковича Флоринского поистине огромно — это свыше трехсот тридцати монографий, статей, отзывов и рецензий по вопросам истории, медицины, в том числе и народной, системы высшего образования, организации библиотек и научных фондов. Общество русских врачей в Санкт-Петербурге в 1879 году выбрало его вместе с С. П. Боткиным своим почетным членом. В том же году ученый стал почетным членом Бостонского гинекологического общества (США). Он был также действительным и почетным членом многих научных обществ Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Томска, Екатеринбурга и Киева. С государственной службы Флоринский уходил в гражданском чине тайного советника (соответствующий ему чин — генерал-лейтенант), награжденный десятью орденами, в том числе «Высочайшим приказом № 1 по гражданскому ведомству» орденом Белого Орла.

Василий Маркович Флоринский родился 16 февраля 1834 года в селе Фроловское Юрьевского уезда Владимирской губернии в семье сельского дьякона. Спустя три года семья переселилась в село Песковское Шадринского уезда Пермской губернии. В 1853 году он окончил Пермскую духовную семинарию и уехал в Санкт-Петербург, где поступил в Медико-хирургическую академию, которую окончил в 1858 году по специальности «акушерство и гинекология»; в 1861 году защитил диссертацию на степень доктора медицины. После двухлетней стажировки в ведущих университетах Западной Европы с целью ознакомления с передовыми достижениями в области медицины и смежных наук ученый возвратился в Петербург и был определен профессором по кафедре акушерства, женских и детских болезней при Медико-хирургической академии. С 1875 по 1877 годы служил в Министерстве народного просвещения, после чего уехал в Казань, где возглавил кафедру акушерства и женских болезней в местном Университете. В 1880 году, оставаясь в этой должности, был назначен официальным представителем Министерства народного просвещения при строительстве Университета в городе Томске. Флоринский лично руководил строительными работами по созданию этого учебного заведения. В 1885 году был назначен попечителем только что созданного Западно-Сибирского учебного округа с центром в Томске. В 1898, в связи с ухудшением состояния здоровья,

подал прошение об отставке и уехал с женой в Санкт-Петербург, где и скончался 3 января 1899 года от сердечного приступа.

Среди фундаментальных сочинений Флоринского нас в большей степени привлекает его работа с характерным названием «Усовершенствование и вырождение человеческого рода», вышедшая в 1865 году. В самом начале автор подчеркивал, что «корень народного здоровья — гигиена бракосочетания». Это четкая постановка проблемы, характерная для евгеники как самостоятельной науки, но сформулированная русским ученым на несколько десятилетий раньше массового развития «евгенического движения».

Далее автор подверг анализу расовую дифференциацию человечества, и на основе характерных признаков описал население России и причины формирования тех или иных расовых типов с учетом с развития различных исторических процессов на гигантских территориях страны. Указывал он и на социальное расслоение в связи с существованием расовых типов. «Дворянство и духовенство чрезвычайно редко женились и женятся на инородках, особенно на татарках, поэтому в них признаки азиатской помеси должны быть отнесены к давнему времени».

Он свидетельствовал и об исторической устойчивости расовых типов и их неподверженности влияниям среды. Расовые типы, по мнению Флоринского, есть следствие миграций мирных ассимиляций и военных столкновений различных племен, происходящих во времени и пространстве, что полностью соответствует современным положениям этнографии и генетики. «Таким образом, как русская жизнь и выработалась у нас под влиянием географических условий, дружественных и враждебных столкновений с соседями, - так и русский тип, или лучше сказать, русские типы складывались и формировались мало-помалу, под влиянием тех же столкновений и политических переворотов. Варяги, половцы, хазары, финские и монгольские племена, греки и прочие откладывали свои разнообразные черты на русском типе, изменяя, осложняя и разнообразя его до бесконечности. И по настоящее время мы не имеем права сказать, что этот тип сложился, окончательно и упрочился, напротив, как тип всякой расы и нации, он и прежде не имеет ничего прочного и определенного. В высшей степени подвижный и изменчивый, он изменился и изменяется теперь и будет изменяться под влиянием новых столкновений».

Что мы и наблюдаем сегодня. Но вот далее, относительно прогнозов на будущее, ученый ошибся. «Новые славяно-западные типы со временем будут встречаться все чаще и чаще, потому что по складу современной истории, европейская помесь, естественно, у нас будет превалировать над азиатской». Даже такие диаметрально противоположные по убеждениям

фигуры мировой истории как Бердяев и Гитлер, подчеркивали, что «коммунизм имеет сугубо азиатский характер», но именно эта модель развития и возобладала в России в XX веке вопреки чаяниям Флоринского.

Далее Флоринский подчеркивал, что расовые помеси всегда сказываются на моральном и умственном развитии народа, причем как в лучшую, так и в худшую сторону. Современные философы, политологи и социологи, пишущие о всесторонней деградации русского народа должны исходить не из абстрактных влияний среды, а из факта негативных этно-расовых мутаций, на что указывал великий русский ученый еще полтора века назад. Как знаток истории, свои выводы он делал на основе элементарного сопоставления фактов биологического и социокультурного характера. «Процесс вырождения римской нации совершался в течение веков под влиянием исторических переворотов Римской империи, путем замещения, разделения и видоизменения анатомических особенностей, вносимых каждой нацией в потомство при помеси крови».

Именно на основе этого, одного из первых в мировой научной практике социобиологического истолкования истории В. М. Флоринский и начал объяснять значение гигиены бракосочетания. По его мнению, именно она регулирует все эволюционные процессы в обществе. Задолго до переоткрытия законов наследуемости признаков Г. Менделя В. М. Флоринский четко сформулировал их суть, подчеркивая, что потомки наследуют не только физические, но и психические свойства своих родителей. «Характер и привычки также передаются наследственно».

Именно на основе наследуемости индивидуальных признаков, в том числе и психических, В. М. Флоринский перешел к обобщениям более высокого порядка, обосновывая умственную конституцию целой нации и в дальнейшем влияние на формирование и развитие цивилизации. Тип умственной конституции, передаваемый по наследству вместе с анатомическими признаками, формирует цивилизационный тип, согласно убеждениям Флоринского. «Рассматривая общее движение умственного развития целой нации, мы должны придти к тому же заключению, какое мы вывели при рассмотрении анатомических национальных типов, то есть, что умственный склад нации вырабатывается, совершенствуется и укрепляется постепенно, путем собственного упражнения и благоприятствующей помеси. Влияние цивилизованных народов на цивилизуемую страну точно такое же, как влияние относительно более совершенного анатомического типа на тип менее совершенный. Анатомический шаг к развитию, сделанный мозгом, путем ли личного упражнения этого органа, или под влиянием наследственной передачи, сообщается потомству, для которого достижение известного уровня умственного развития вследствие этого становится легче. Таким образом, нравственный и умственный уро-

вень типа мало-помалу возвышается. От этого происходит, что одна нация воспринимает и удерживает современную цивилизацию легче, другая — медленней, развивается туже, смотря по тому, чей мозг более подготовлен, более прогрессивно развит. В Северо-Американских Штатах цивилизация принялась быстро, может быть, между прочим, именно вследствие того, что туда были перенесены из Европы не одни книги и науки, но и европейский мозг, размноженный производителями — талантливыми, умными и энергичными выходцами из Европы. Под влиянием такого обновления, такой благодетельной смеси, ум американцев не должен был проходить в своем развитии все степени догоняющего движения, как ум другой нации, предоставленной самой себе, а прямо начал с прогрессивного движения вперед. Таким образом, назначение цивилизующей нации состоит не в том только, что оно играет роль учителя цивилизуемой страны, но, при помеси кровей, и роль рассадника того мозгового процесса, который для первой составляет нормальный анатомический уровень».

Итак, в силу своей собственной природной одаренности В. М. Флоринский определил, что развитие общей культуры в лоне той или иной исторической цивилизации есть результат не абстрактных идеологических влияний, но исключительно следствие совершенства ума, передаваемого из поколения в поколение как важнейший конструктивный элемент совокупности расово-анатомических различий человека. Таким образом, замечательный русский ученый самостоятельно вывел одно из ключевых правил классической расовой теории задолго до времени ее расцвета. Он доказал, что тип и степень совершенства цивилизации определяются уровнем морфофизиологического совершенства базовых наследственных характеристик основной части сообщества, создающей и развивающей эту цивилизацию.

Вообще данного рода пластичные переходы от большего к малому и наоборот, то есть способность автора осмысливать масштабы истории сквозь призму брачных отношений, составляет одну из самых примечательных черт данного сочинения. «Любовь есть половой эстетический выбор с целью воспроизведения более совершенного потомства; но требования при этом выборе у разных личностей, разных сословий и наций бывают различны. Здесь играют роль запрос на те или другие качества и личный вкус. В этом отношении половой вкус руководится более или менее замаскированным, даже не сознаваемым, но совершенно естественным чувством (чутьем), указывающим на большую соответственность избираемого лица для половых целей. В каждом человеке, как и в животном, существует половой инстинкт, замаскированный розовыми красками в виде сердечных отношений, инстинкт весьма деятельный и в высшей степени важный, потому что он служит рычагом для продол-

жения рода всего живущего. Помощью его природа показывает человеку на одну из главных физиологических целей и незаметно подводит его к этой цели, окружая ее ореолом любви и нравственных отношений».

Вторгаясь в такую деликатную тему, автор на протяжении всей книги являет нам образцы великолепного стиля, сочетающего изумительный русский язык, высокий нравственный пафос и совершеннейшую научную терминологию, в результате чего все мысли ясны и вызывают сопереживание. Так, например, основной механизм, лежащий в основе эволюции общества и прогресса цивилизации, В. М. Флоринский называет не иначе как **«рациональным бракосочетанием»**. Это язык не просто изящного стилиста, но вместе с тем и академического ученого, что делает сочинение удобным для чтения и понятным по прошествии даже полутора веков. Поскольку его язык очень информативен, можно смело утверждать, что человек менее талантливый написал бы несколько томов, чтобы донести до читателя те же естественные истины, а Флоринскому для этого достаточно было лишь небольшой по объему, но совершенно революционной по смыслу книги. Он, как и большинство русских пионеров науки, опередил время и за это, как водится у нас, был предан забвению.

За много лет до развития таких дисциплин, как социобиология и биополитика, Флоринский утверждал, что **«крепость физического и нравственного сложения нации»** определяет ее государственную и социальную жизнь. Вообще способность нации творить историю он объяснял на основе ее **степени запаса органических сил»**, вновь и вновь повторяя, что все они слагаются на основе ее **«рационального бракосочетания»** и никак иначе. Не учет данных факторов — профанация законов истории, когда, по меткому выражению Флоринского, и «деяния рук народов оказываются прочнее, чем сами народы». И действительно, где же сегодня можно увидеть во плоти тех самых египтян, греков и римлян, что создали свои величайшие образчики культуры, что определили каноны ее понимания и оценки? «Факт вырождения, о котором свидетельствует нам история, точно так же, хотя и в меньших размерах, совершается и в нашу эпоху, перед нашими глазами. Вырождение этих последних происходит или путем слияния, или перехода в другую нацию, или путем измельчания, ослабления и вымирания».

Не обошел вниманием В. М. Флоринский и влияние гигиены бракосочетания на социально-экономическую сферу жизнедеятельности общества. «Чем равномернее будет распределение народного богатства и сословных прав и преимуществ, чем меньше в обществе будет эксплуатирующих паразитов, тем с большей гармонией, с большим успехом будут развиваться народные силы, тем больше народные массы будут защищены от ослабления и вырождения».

Главный же вывод книги замечательного русского ученого состоит в следующем: если государство желает заботиться о своем будущем процветании, оно неизбежно должно регулировать чистоту и рациональность бракосочетания своих граждан.

Публикация этой книги В. М. Флоринского прошла незамеченной современниками, и лишь на короткий период расцвета русской евгеники, в начале XX века, обозначился интерес как к личности ученого, так и к его взглядам. Сам факт существования самостоятельной отечественной школы в области изучения наследственности человека, с целью дальнейшего воздействия на нее, официальной советской наукой тщательно замалчивался, и за евгеникой в СССР прочно утвердился штамп «буржуазной, реакционной науки». Лишь с началом изменений в идеологии Эпохи перестройки молчание вокруг интересующей нас проблемы было прервано. Но при этом большая часть публикаций по законному вопросу носит, на наш взгляд, слишком поверхностный характер и виной тому — отсутствие в научном обиходе первоисточников.

3.

Цель настоящей хрестоматии, вместе с предпосланным к ней авторским предисловием, как раз и заключена в том, чтобы показать все богатство идеологической палитры русских евгенистов, поскольку их мировоззренческие установки исчерпываются не одним только розовым цветом. Здесь, как и в других областях русской культурной жизни, все было весьма разнообразно и не так однозначно, как нам это силятся показать «политкорректные» историки науки.

К числу наиболее интересных и объективных современных работ, посвященных данной теме, следует отнести статью Е. В. Пчелова «Евгеника и генеалогия в отечественной науке 1920-х годов» из составленного им сборника «Родословная гениальности: из истории отечественной науки 1920-х годов» (М., 2008; из нее мы почерпнули ряд фактических сведений для биографий интересующих нас лиц). Автор совершенно прав, подчеркивая в ней, что такой резкий старт исследований в России в описываемый период обусловлен в первую очередь наличием академических школ в области медицины и биологии, а также высокой степенью природной одаренности самих ученых. Данный эта питательная среда и оказалась благодатной для расцвета евгенических идей под воздействием внешних социально-политических изменений, которые последовали за революцией 1917 года. Коммунисты пророчили радикальное изменение и обновление всех сфер жизни и открыто пред-

рекали будущее человеку «нового типа». Именно этот идеологический импульс и вызвал к жизни **феномен русской евгеники.**

Множество ученых и общественно-политических деятелей причастны к возникновению и оформлению идей этой новой науки, но мы остановимся на рассмотрении взглядов наиболее ярких фигур.

Одним из главных создателей и признанным лидером направления был крупный русский ученый-биолог, основоположник отечественной генетики **Николай Константинович Кольцов** (1872-1940). Он происходил из купеческо-промышленной среды, которая во времена экономического подъема рубежа XIX-XX веков дала России множество талантливых людей в самых различных областях деятельности: от коммерции и производства до науки и искусства. С раннего детства Кольцов обнаружил кипучую энергию и неутомимую тягу к знаниям. В 1894 году он блестяще закончил Московский Университет, где был одним из лучших учеников знаменитого зоолога М. А. Мензбира. Получив золотую медаль за свою дипломную работу, в 1899 году он стал приват-доцентом; в 1897-1899 и 1902-1903 годах прошел стажировку в лучших европейских научных центрах, а в 1901 году защитил магистерскую диссертацию. В 1911 году в знак протеста против политики Министерства просвещения ученый покинул Университет, в который вернулся вновь уже после Февральской революции 1917 года. С 1903 года читал лекции на Высших Женских курсах. В августе 1917 года Кольцов организовал в Москве на частные средства Институт экспериментальной биологии. С января 1920 года Институт вошел в ведение Наркомздрава РСФСР, а в конце 1930-х под новым названием «Институт цитологии, гистологии и эмбриологии» был переведен в подчинение Академии науН. Целью создания данного научного учреждения было объединение в нем, на основе экспериментальных методов, различных отраслей биологической науки, особенно важных для тогдашнего этапа ее развития. Институт вскоре стал одним из ведущих научно-исследовательских центров в области биологии, причем тематика его исследований касалась наиболее насущных «злободневных» вопросов, к числу которых относилась и евгеника. В стенах этого учреждения Кольцову удалось собрать уникальный коллектив лучших специалистов в Советской России.

Коммунистические власти с самого начала насторожились и с опаской отнеслись к бурной активности ученого, за что он уже в 1920 году был в первый раз арестован ВЧК по обвинению в создании контрреволюционной организации «Национальный центр». Вскоре обвиняемым по этому делу, и Кольцову в их числе, вынесли приговор — вполне в духе времени — расстрел, который так же быстро и без особой волокиты и разбирательства был отменен, а все фигуранты освобождены без каких-либо последствий. Пока.

Николай Константинович Кольцов

Будучи неистребимым энтузиастом и романтиком от науки, Н. К. Кольцов, едва покинув застенки Лубянской тюрьмы, тут же организовал при своем институте Евгенический отдел, а уже в октябре того же года вместе с другими сотрудниками создал Русское Евгеническое общество, которое и возглавил в качестве председателя. 2 телем Общества в Постоянной международной евгенической комиссии. Устав Русского Евгенического общества был им предусмотрительно утвержден в НКВД 6 ноября 1923 года. Основной задачей общества была объявлена работа в области евгеники и расовой гигиены, что у комиссаров вначале не вызывало никакого интернационально-идеологического отторжения. Был учрежден и главный печатный орган — «Русский евгенический журнал», выходивший с 1922 по 1929 годы. Позже он был закрыт властями, а Кольцов в 1930 году с началом репрессий был вынужден вторично оставить Московский Университет, из-за нездорового морального климата, царившего здесь уже по воле не царских чиновников, а большевиков. Незадолго до смерти Кольцов был выдвинут в академики, но в условиях травли и разгула «лысенков-

щины» его кандидатура была отклонена. Сохранилось письмо Николая Константиновича к Сталину, отправленное ему за три дня до смерти. В нем ученый откровенно недоумевал, почему его записали в разряд «фашистских евгеников», ведь данной тематикой он начал заниматься по прямому указанию Луначарского.

Основные идеи по рассматриваемой теме изложены Кольцовым в первом номере «Русского Евгенического журнала» в его программной работе «Улучшение человеческой породы». Это не скучная статья по сиюминутным вопросам прикладной биологии, а актуальный и сегодня мировоззренческий манифест, написанный ярким образным языком.

С самого начала автор дает аргументированную отповедь либеральным пропагандистам так называемой «теории среды». «И до сих пор еще многие социологи наивно — с точки зрения биолога — полагают, что всякое улучшение в благосостоянии тех или иных групп населения, всякое повышение культурного уровня их должно неизбежно отразиться соответствующим улучшением в их потомстве, и что именно это воздействие на среду и повышение культуры и является лучшими способами для облагораживания человеческого рода. Современная биология этот путь отвергает». Согласно мнению Кольцова, главный гуманистический идеал наивысшего счастья наибольшего числа людей «именно в силу биологических законов не может быть положен в основу евгеники как науки». Мало того, он утверждает: «Для дальнейшей эволюции человеческого типа может быть поставлен идеал такого приспособления к социальному устройству, которое осуществлено у муравьев или термитов. При этом уже существующее разнообразие генетических типов должно упрочиться. Должны быть развиты до совершенства типы физических работников, ученых, деятелей искусства и т. д., и все в равной мере должны обладать социальным инстинктам, заставляющим их свои способности применять для общей пользы всего социального организма». Кольцов сознательно оправдывает действие эволюционных законов отбора наиболее приспособленных в деле построения общественного порядка. Это уже даже не принципы социального дарвинизма, против которых так активно выступала советская идеология, а открытая пропаганда идеала сверхчеловека в духе Ницше. «Конечно, будущий человек не должен быть развит слишком односторонне. Он должен также быть снабжен и здоровыми инстинктами, сильной волей, врожденным стремлением жить, любить и работать, должен быть физически здоров и гармонично наделен всем тем, что делает его организм жизнеспособным. **Это новый человек — сверхчеловек,** «homo creator» - должен действительно стать царем природы и подчинить ее себе силою своего разума и своей воли».

Итак, по аналогии с ульем или муравейником обосновывается иерархическая структура, где на одном полюсе находится дисциплинированный работник с чувством социальной ответственности, а на другом — сверхчеловек, покоряющий мир силой воли и разума.

Вполне закономерно Кольцов продолжает ход своей мысли, предельно биологизируя представление обо всех гранях мироздания, утверждая, что даже каноны морали подвержены действию универсальных законов эволюции. Наследственное неравенство отдельных индивидов плавно переходит в неравенство наций и рас, и речь здесь идет не о том, кто «лучше» или «хуже», а о том, что генетическое многообразие типов неизбежно порождает несходство в моральных оценках. «Не всякий идеал может быть проведен в жизнь в одиночку одной нацией, а только такой, который обеспечивает ей успех борьбы за существование с другими нациями. В интересах этой борьбы нация должна отказаться от многих достоинств общечеловеческого идеала и испортить его желательными в других отношениях чертами».

То есть, сознательная «порча общечеловеческого идеала» и составляет суть евгенического идеала отдельной нации, борющейся за существование с другими нациями. «Культурное государство должно взять на себя важную роль естественного подбора и поставить сильных и особенно ценных людей в наиболее благоприятные условия. Неразумная благотворительность приходит на помощь слабым. Разумное, ставящее определенные цели евгеники, государство должно прежде всего позаботиться о сильных и об обеспечении их семьи, их потомства. Лучший и единственно достигающий цели метод расовой евгеники это — улавливание ценных по своим наследственным свойствам производителей: физически сильных, одаренных выдающимися умственными или нравственными способностями людей и постановка всех этих талантов в такие условия, при которых они не только сами могли бы проявить эти способности в полной мере, но и прокормить и воспитать многочисленную семью, и притом непременно преимущественно в сравнении с людьми, не выходящими за среднюю норму. Именно это преимущество имеет евгеническую цену, так как равенство условий размножения и для выдающихся, и для посредственных приведет только к увеличению всего народонаселения и не изменит в желательную сторону наследственных свойств человеческой расы».

Всеобщее евгеническое просвещение народа и селективный отбор его лучших представителей, по мнению Кольцова, должны были положены в основу государственной политики. Как типично русский максималист и подлинный энтузиаст науки, Н. Н. Кольцов завершил свою работу словами: «Евгеника — религия будущего, и она ждет своих пророков».

В контексте рассматриваемой темы большой интерес представляет также его статья «Влияние культуры на отбор в человечестве» из того же «Русского евгенического журнала». Приводя статистику и анализируя исторические факты, ученый приходит к неутешительному выводу: «Культура сама истребляет те именно биологические особенности расы, которые она считает наиболее ценными для своего собственного развития. Именно это самоуничтожение, а вовсе не какие-то таинственные признаки естественной старости и смерти рас и народов, являлось неизменной причиной гибели всех старых культур. Ни один народ, ни одно государство, ни одно правительство не должны забывать об этой опасности. Нельзя безнаказанно вычеркивать наиболее культурные наследственные задатки из населения. Природа не признает ничего противоестественного и на противоестественный отбор реагирует вырождением культивирующего его народа». Таким образом, только искусственное культивирование элиты может гарантировать народу перспективу исторического развития.

От этих общих историко-философских рассуждений Н. Н. Кольцов в своей следующей работе «Генетический анализ психических особенностей человека» на основе анализа различных наследственных характеристик высшей нервной деятельности приходит к выводу, что каждый генетический тип человека создает свой облик культуры, и, соответственно этому, государство, через селективный отбор того или иного расового типа, может генерировать политически желательную культуру.

Переводя все вышеозначенные умозаключения Н. Н. Кольцова в плоскость классической философии, можно обнаружить, что его мировоззренческая концепция в этой терминологии может быть определена как четкий и последовательный **биологический детерминизм**. Этим, на наш взгляд, его научные работы представляют до сих пор особую ценность.

4.

Согласно общему мнению историков науки, занимающихся данной проблематикой, следующей по величине фигурой в русском евгеническом движении был **Юрий Александрович Филипченко (1882-1930)**. Он окончил Петербургский университет в 1905 году. В 1913 году молодой приват-доцент начал читать первый в России университетский курс по генетике, который назывался «Эволюция и наследственность», а в 1917 г. защитил первую докторскую диссертацию по генетике и издал первый учебник по генетике «Наследственность». В 1918 году профессор Филипченко возглавил созданную им университетскую Лабораторию генетики и экспериментальной зоологии, которая вскоре была преоб-

разована в первую в России кафедру генетики. Он был автором множества публикаций и монографий, а его учебное пособие «Общедоступная биология» выдержала 12 изданий.

В 1920 году к Филипченко обратился Кольцов с предложением о сотрудничестве в области евгеники, и первоначально они работали вместе. В апреле 1920 года Филипченко даже возглавил отдел кольцовского института, а в 1921 году он организовал в Петрограде самостоятельное Бюро по евгенике, которое также стало издавать свой периодический печатный орган «Известия Бюро по евгенике». Хотя названия его позднее менялись, издание просуществовало с 1922 по 1930 годы. Само Бюро по евгенике было преобразовано в 1930 году в Лабораторию генетики Академии наук СССР, а в 1933 - в академический Институт генетики. В 1924 году Ю А. Филипченко возглавил Ленинградское отделение Русского Евгенического общества и стал одним из редакторов «Русского евгенического журнала».

Ю. А. Филипченко был классическим академическим ученым-генетиком, но свое имя он вписал в историю и как талантливый организатор и популяризатор науки. В области евгеники им были сформулированы следующие главные задачи, ставшие программой деятельности возглав-

Юрий Александрович Филипченко

ляемого им Бюро: во-первых, тщательное научное изучение вопросов наследственности путем проведения анкетных опросов, обследований, экспедиций в определенные регионы; во-вторых, распространение сведений о евгенике — популяризаторская работа; и, в-третьих, консультирование по вопросам евгеники желающих вступить в брак и вообще всех интересующихся собственной наследственностью. Исследования самого Филипченко и его сотрудников отличались тщательностью и исключительно научным подходом на основе огромного количества экспериментальных данных. Ученый хорошо владел также зарубежной информацией. Все это в полной мере отражено в его теоретической работе «Пути улучшения человеческого рода», в которой он, основываясь на анализе богатейшего мирового опыта, настаивал на введении в СССР евгенических мер на уровне государственной политики, вплоть до принудительной стерилизации дегенератов и социально-опасных личностей. Те же самые выводы обозначены и в другой его программной работе «Что такое евгеника?» Многим планам Ю. А. Филипченко не дано было осуществиться, так как он неожиданно скончался в 1930 году, в самом начале официальных гонений на евгенику.

Одним из самых ярких и даровитых представителей молодой науки был **Михаил Васильевич Волоцкой (1893-1944).** Сын учителя городского начального училища, будущий ученый происходил из старинного, но не знатного русского дворянского рода. В 1918 г. он окончил естественное отделение физико-математического факультета МГУ, где учился у знаменитого антрополога Д. Н. Анучина. После окончания университета был оставлен Анучиным на кафедре антропологии и географии. Биография Волоцкого весьма насыщена. Он работал во многих научно-исследовательских и высших учебных заведениях, в том числе: в Научно-исследовательском институте антропологии и на кафедре антропологии Московского университета, в Институте экспериментальной биологии, в Биологическом научно-исследовательском институте им. Н. А. Тимирязева, Государственном Центральном институте физической культуры Наркомздрава, в Первом и Втором Московских медицинских институтах, в Медико-генетическом институте им. Максима Горького. В 1935 году Квалификационной комиссией Наркомпроса он был утвержден в звании старшего научного сотрудника. В феврале 1938 г. Ученым Советом МГУ ему присвоили степень кандидата биологических наук без защиты диссертации, а в апреле 1940 г. ВАК утвердил его в звании доцента. В 1944 году он скончался вследствие несчастного случая.

Волоцкой занимался широким спектром антропологических исследований, главным образом в области морфологии человека и антропометрии, а также индивидуальной, наследственной и географической изменчивостью капиллярных узоров пальцев ладоней и ступней. Он

Михаил Васильевич Волоцкой

внес существенный вклад в развитие дерматоглифики, в частности, ему принадлежит целый ряд терминов, закрепившихся в этой науке.

В плане развития евгеники метод М. В. Волоцкого интересен тем, что в своих исследованиях он опирался на целый спектр наук: антропологию, психологию, психиатрию, физиологию, генетику, специальные разделы медицины, криминалистики, демографической статистики, правоведения и социологии. Кроме того, его можно назвать одним из самых радикально мыслящих ученых. В фундаментальной работе «поднятие жизненных сил расы. Один из практических путей» (М., 1926) уже во введении автор подчеркивал: «В данном случае речь будет идти о тех способах, какими общество может и должно устранять от создания нового поколения тех, кто должен быть от этого отстранен по своей наследственной неполноценности». Все данное исследование Волоцкого посвящено обоснованию методов практической евгеники, среди которых принудительная стерилизация наследственно дефективных индивидов занимает ключевое место. Авторитет советской власти он привлекал для обоснования правомерности своих утверждений, в частности комментировал декрет «Об охране

здоровья лиц, вступающих в брак», внесенный в 1923 году Народным комиссаром Здравоохранения на утверждение Совета Народных Комиссаров. Материалистический подход к изучению человека, отрицающий религиозный мистицизм, Волоцкой ставил во главу угла и считал, что только в условиях государства победившего пролетариата, а не буржуазной демократии, возможно торжество идеалов евгеники. «Идея стерилизации всегда встречала оппозицию со стороны государственной власти. Все сказанное приводит нас к убеждению, что в нашей стране более чем где-либо назрел момент для научного проведения в жизнь метода половой стерилизации». Рассматривая правовые аспекты медицины, Волоцкой выделил в своей работе целую главу с характерным названием «Полное отсутствие в принципе половой стерилизации карательного элемента».

Для большей убедительности в этом исследовании ученый приводит достаточно подробное описание хирургических операций по половой стерилизации мужчин и женщин, снабженное предельно откровенными иллюстрациями. По морально-этическим соображениям в настоящей редакции этого труда мы опускаем их, поскольку основной идеологический мотив предельно ясен: «Итак, рассмотрение стерилизационной идеи показывает нам, что в ней нет ничего такого, что бы шло вразрез с общими принципами культурного строительства, и в то же время она открывает нам новые пути для оздоровления расы».

В статье «Спорные вопросы евгеники» В. М. Волоцкой в том же ключе предпринимает попытку обоснования непротиворечивости главных идей евгеники и марксистского учения, ибо, по его мнению, только централизация власти, осуществляемая советским государством, на практике может способствовать воплощению в жизнь идеалов расовой евгеники.

«Пора уже начать борьбу с полной анархией, господствующей в процессе производства новых поколений, когда всякий носитель наследственных страданий, как бы ни были тяжелы эти последние, может беспрепятственно производить неограниченное количество потомства. Я думаю, что такое положение вещей не может быть допущено, в особенности в коммунистическом обществе будущего. В отличие от капиталистического общества с его неорганизованностью, стихийностью всех процессов, в нем протекающих, в коммунистическом обществе будущего все отношения между людьми будут ясно видны для каждого, и общественная воля будет организованной волей. Нужно надеяться, что этот организационный процесс затронет, в конце концов, и столь жизненно-важную область, как производство новых поколений человечества. Однако трудно себе представить организацию данной области без того, чтобы в некоторых, более или менее редких случаях, личные интересы индивида не приносились бы в жертву интересам общества».

Справедливости ради нужно отметить, что даже творцы расовой гигиены Третьего Рейха не отличались такой радикальностью постановки вопроса и в своих теоретических построениях были много мягче и толерантнее, никогда не иллюстрируя свои тезисы оздоровления расы деталями хирургических операций. При всем немецком прагматизме, авторов эпохи национал-социализма отличало безукоризненное следование канонам европейской академической науки, не говоря уже о том, что всюду в их книгах присутствовал флер немецкого идеализма, сообщая им характер социальной фантастики, а не строгих медико-генетических предписаний по усовершенствованию природы человека.

Взгляды Волоцкого, при всей экстравагантности манеры изложения, вовсе не диссонировали с общими настроениями, царившими в среде молодого русского евгенического движения всячески поддерживавшимися также представителями смежных науН. В качестве примера рассмотрим брошюру «Улучшение расы (Евгеника)» (Петроград, 1923) химика и биолога **Бориса Ивановича Словцова (1874-1924).** Он родился в семье преподавателя естествознания. В 1882-1886 годах учился в Тюменском реальном училище, позднее переехал в С.-Петербург и поступил в Военно-медицинскую академию, которую окончил в 1897 году. Еще студентом он написал работу по медицине, за что был удостоен золотой медали. После окончания академии Б. И. Словцов был оставлен

в лаборатории знаменитого профессора Д. Я. Данилевского на три года для усовершенствования и подготовки и профессорскому званию. В эти годы Б. И. Словцов изучал вопросы биохимии мозга, обмена веществ и физиологии. В 1899 году защитил диссертацию на степень доктора медицины, а затем был отправлен на два года в командировку за границу.

В 1903 году Б. И. Словцов стал приват-доцентом Императорской Военно-медицинской академии В Петербурге. В 1910 году он руководил созданием кафедры фармакологии при Саратовском университете, которую затем возглавил. В 1912 году Словцов вернулся в Петербург, где вел активную преподавательскую и общественную деятельность, опубликовав более 100 научных работ по широкому спектру вопросов: очерки, обзоры, монографии, учебники и экспериментальные работы, в первую очередь по проблемам фармакологии, биохимии мозга, и иммунитета. Он стоял у истоков создания Общества российских физиологов и был ответственным редактором «Русского физиологического журнала».

Таким образом, Б. И. Словцов существенно расширил границы евгеники, используя тот комплекс наук, в которых являлся уже признанным специалистом. В своей брошюре «Улучшение расы (Евгеника)», он указывал: «Всякий народ, который хочет сохранить положительные качества своей расы, должен внимательно отнестись к евгеническим течениям. Многие задают вопрос, нужно ли это вмешательство человека? Ведь природа сама заботится об улучшении породы и рано или поздно уничтожит более слабые и более негодные элементы. Мы забываем, однако, о том, что наша цивилизация и культура сохраняют слабых, больных и порочных людей. Между тем статистика показывает, что именно эти отрицательные элементы плодятся сильнее и быстрее, чем более здоровые элементы общества».

Словцов рассуждает далее о породистых производителях, о «детоводстве» и не видит ничего предосудительного в полицейском надзоре над браком. «Евгеника и расовая гигиена будто бы нарушают естественные права человека. Но такой подход к этому вопросу нам представляется устаревшим. Право начинается там, где дело идет о приобретении или созидании ценностей, и право отдельного человека не должно угрожать обществу. Поэтому-то правовая наука давно уже узаконила ограничение свободы душевнобольных и запрещает вступление в брак близким, кровным родственникам. Путь, по которому должно идти законодательство, это — ограждение здоровья будущего поколения. И мы можем теперь сознательно говорить о праве каждого гражданина быть рожденным от здоровых родителей. Это право должно войти в кодекс прав ребенка, который будущее общество выработает на почве тех материалов, которые будут собраны учеными, изучающими евгенику».

И если Волоцкой ратовал за стерилизацию и полагал, что лишение детородной функции дефективных граждан вовсе никак не ограничивает их прав, то Словцов, будучи признанным физиологом, не возражал против кастрации рецидивистов и душевнобольных. И все это во имя высокой гуманистической цели: «Очевидно, евгеника теперь особенно нужна Европе для улучшения ее породы, если она считает свою культуру заслуживающей сохранения. Пора, быть может, и у нас задуматься над теми законодательными попытками, которыми так богат Новый Свет. Пока, однако, Европа остается инертной в этой области и ведет, в лучшем случае, только линию изучения вопроса. Остается пожелать, чтобы и наша республика со своими неограниченными возможностями пошла по стопам более юных стран и создала себе план для реального проведения евгеники в жизнь».

5.

Россия в это время переживала один из самых драматичных периодов своей истории. В Первой мировой войне и затем в гражданской погибли миллионы людей, представлявшие собой цвет нации, как в физическом, так и в моральном отношении. Не приняв большевизм, миллионы самых деятельных и талантливых граждан России устремились в эмиграцию. Количественная, а главное качественная убыль населения была неслыханной и ни с чем не сравнимой. Поэтому столь радикальные взгляды русских евгенистов имеют под собой реальную жизненную почву. Они желали всеми силами исправить демографическую ситуацию и сделать это как можно быстрее, ведь именно биологи могут оценивать суть исторических процессов не в абстрактных метафизических, а в количественных категориях состояния народонаселения страны. Таким образом, мотивы, которые двигали этими русскими учеными, были идеологически предельно чисты и гуманны, просто наши сегодняшние представления об общественном благе существенно изменилось. Что не изменилось с тех пор, так это негативное отношение к войне, категорическое неприятие ее мнимой героики, якобы закаляющей дух и волю нации. Все это поэтические заблуждения воспаленных умов, не имеющие никакого отношения к реальной жизни.

Доказательству этого очевидного, на наш взгляд, тезиса советский профессор **Н. В. Караффа-Корбутт** посвятил свою обстоятельную работу того времени «Евгеническое значение войны», в которой, используя значительное количество статистических данных и факторов объективной психологии, пришел к таким неутешительным выводам: «Военная обстановка, в которой элемент насилия, хищничества и бесправия выделяется в особенно резкой степени, быстро вытравляет сознание

права, привитое нам воспитанием, и внедряет в участников хищные навыки первобытного человека, которые затем переносятся и в мирную обстановку, а измененные под влиянием обстановки инстинкты могут передаваться по наследству. Поэтому мы вправе ожидать, что многие участники войны не только сами сохранят приобретенные навыки, но передадут измененные инстинкты своему ближайшему потомству и таким образом увеличат в нации число элементов с нисходящей психической вариацией (асоциальные элементы).

Особенно резко уменьшается рождаемость у представителей интеллигентных классов, с другой стороны, именно среди них война вырвала наибольшее процентуальное число жертв. Ясно, что война в резкой степени ускорила процесс «опрощения» европейских народов.

Суммируя все сказанное, мы можем утверждать, что война является фактором, стимулирующим процессы расового вырождения. Мы знаем, что Великая революция и Наполеоновские войны нанесли французскому народу такую тяжелую рану, после которой он не мог вполне оправиться. Франция потеряла свою генеративную потенцию, в смысле увеличения народонаселения от своих соседей, франко-прусская война нанесла стране еще одну тяжелую рану, после которой совершенно прекратился рост нации в целом. Можно думать, что законченная война, хотя и победоносная, обречет страну на медленное, но неизбежное вымирание, если только Франции не удастся провести в жизнь чрезвычайных мероприятий евгенического характера.

В качестве ближайших результатов войны мы можем ожидать следующих изменений с соматической стороны: понижение среднего роста и веса индивидуумов нации, понижение мышечной силы, повышение заболеваемости и смертности, уменьшение рождаемости и прироста населения, увеличение гибридных форм — словом, увеличение минус-вариантов физического характера.

С нервно-психической стороны: увеличение числа душевных заболеваний и самоубийств, повышение нервных заболеваний и нервозности, стоящей на границе патологии, повышение преступности, понижение успешности школьных занятий, уменьшение числа духовно-одаренных лиц и, наоборот, повышение числа умственно-недоразвитых, одним словом, увеличение минус-вариантов психического характера».

Идеи евгеники в Новое время возникли на волне роста явлений общего вырождения, как это было и в античной Греции в эпоху Платона, когда подъем культуры сопровождался падением нравов и признаками физической дегенерации. Профессор **А. И. Крюков** в статье «О дегенерации черепа» (1925) задавался справедливым вопросом: «Не находится ли переоценка исторического роста культуры народов в тесной связи с

анатомо-физиологическими факторами их развития». Именно в черепе автор статьи, согласно своим клиническим наблюдениям, находил максимальное число отклонений от нормы у современных ему людей. Таким образом, «Закат Европы», о котором писал тогда Освальд Шпенглер, следует рассматривать именно с анатомо-физиологической точки зрения.

Одним из талантливейших генетиков, развивавших евгеническое направление, был **Александр Сергеевич Серебровский** (1892-1948). Он происходил из провинциальной дворянской семьи и был сыном архитектора. В 1914 году он окончил Московский университет. Будучи учеником Кольцова, Серебровский работал во многих научных и педагогических учреждениях Москвы. С 1921 по 1923 годы он работал в Институте экспериментальной биологии под руководством своего учителя. В 1929-1932 годах заведовал лабораторией генетики в Биологическом научно-исследовательском институте им. Н. А. Тимирязева. В 1931 году создал сектор генетики и селекции во Всесоюзном институте животноводства. Одновременно с 1928 г. был сотрудником Кабинета наследственности и конституции человека при Медико-биологическом (впоследствии Медико-генетическом) институте. В 1930-1945 годах заведовал кафедрой генетики в МГУ, работал также в Научно-исследовательском институте зоологии МГУ. В 1933 году Серебровский был избран членом-корреспондентом АН СССР, а в 1935 — академиком ВАСХНИЛ.

А. С. Серебровский рано увлекся евгеническими идеями, а так же, как и многие его коллеги, связывал ее будущее с торжеством большевистских идей. Сильная власть в условиях авторитарного режима, по его мнению, могла бы творить чудеса в деле совершенствования наследственности человека и постановки ее под идеологический контроль. Этому посвящена его программная работа «Антропогенетика и евгеника в социалистическом обществе» (1929). А. С. Серебровский в самом начале указал, что с практической точки зрения видел главную задачу «в учете биологических качеств населения СССР», чтобы определить «какое количество тех или иных полезных или вредных генов находится в этой массе народов СССР, и, главное, происходят ли или не происходят в генофонде какие-либо процессы, которые имели бы обнадеживающее или угрожающее значение для нашего хозяйства и культуры?»

Таким образом, автор ставил задачу создания целостной системной картины многонационального генофонда нации, с целью выявления «полезных» и «вредных» генов разных народов, чтобы добиться максимальной устойчивости и жизнеспособности государственного организма. Так радикально до него еще никто не переносил идеалы евгеники в плоскость обоснования новых принципов законодательной практики. Но и на этом Серебровский не останавливается, а продолжает ход своей

Александр Сергеевич Серебровский

мысли в подлинно революционном направлении. «Решение вопроса по организации отбора в человеческом обществе, несомненно, будет только при социализме после окончательного разрушения семьи, перехода к социалистическому воспитанию и отделения любви от деторождения. Мы полагаем, что решением вопроса об организации отбора у человека будет распространение получения зачатия от искусственного осеменения рекомендованной спермой, а вовсе не обязательно от любимого мужчины».

Отметим, что А. С. Серебровский был членом ВКП(б) и членом Общества биологов-марксистов. Ни один расовый теоретик Третьего Рейха не додумался до такой организации общества, которое можно назвать не иначе, как **генетический социализм**. Согласно вычислениям Серебровского, каждый наиболее евгенически ценный строитель коммунизма мог бы дать жизнь 10 0000 генетически перспективным детям своей «рекомендованной государством спермой», не забивая себе голову буржуазными пережитками вроде любви. «Социализм, разрушая частнокапиталистические отношения в хозяйстве, разрушит и современную

семью, а, в частности, разрушит в мужчинах разницу в отношении к детям от своего или не своего сперматозоида. Точно так же, может быть несколько труднее, будет разрушено стыдливое отношение женщины к искусственному осеменению, и тогда все необходимые предпосылки в организации селекции человека будут даны. Что касается положительной части воспитания, то она должна заключаться лишь во внедрении идеи о том, что для зачатия ребенка должна быть использована сперма не просто «любимого человека», но что во исполнение селекционного плана сперма эта должна быть получена из определенного рекомендованного источника. Наоборот, необходимо будет внушить, что срыв этого сложного, на много поколений рассчитанного плана есть поступок антиобщественный, аморальный, недостойный члена социалистического общества. Мы не сомневаемся, что именно подобные моральные директивы окажутся отвечающими интересам нового социалистического общества и будут поддержаны жизнью настолько, что через пару поколений будут казаться всем той самой «природой», на которую сейчас ссылаются защитники буржуазной семьи и неотделимости любви от зачатия».

Итак, согласно концепции А. С. Серебровского, евгенический идеал мог быть осуществлен на практике через плановую сдачу спермы по рекомендации партии, а срыв этих господрядных поставок в «закрома родины» являлся бы самым страшным моральным преступлением перед новым обществом. Созданию современных банков спермы, которые не очень афишируются, конечно же, предшествовали идеи такого рода, тем более что популяризировались они государственными издательствами.

6.

Виктор Петрович Осипов (1871-1947), по всеобщему признанию, являясь одним из столпов советской психиатрии и неврологии, не позволял себе столь экстравагантных идеологических пассажей. Он получил классическое образование еще в царское время и всегда придерживался академических канонов науки. Но и он нашел для себя возможным откликнуться на новейшие евгенические тенденции в науке и обществе. Еще в 1915 году Осипов возглавил кафедру психиатрии Петербургской военно-медицинской академии, а в 1917 стал председателем Петроградского общества психиатров и невропатологов. С 1939 он был членом-корреспондентом Академии наук. В 1943 получил звание генерал-лейтенанта медицинской службы, а в 1944 стал академиком Академии медицинских наук СССР. Его гигантский фундаментальный том «Курс общего учения о душевных болезнях» (1923) до сих пор не утерял своей научной значимости, в силу обилия изложенной в нем информации. Осипов изучал историю всевоз-

можных психических отклонений еще с древнейших времен, а потому также считал необходимым популяризировать свои взгляды. В статье «К вопросу о мерах психического оздоровления потомства», опубликованной на страницах «Русского евгенического журнала», автор подчеркивал: «Для борьбы с психопатическим вырождением населения необходимы широкие государственные мероприятия, выполняемые в очень важной части и в настоящее время».

Развитие евгенического движения в России многим обязано и такой личности, как **Павел Исаевич Люблинский (1882-1938)**, ибо, будучи профессиональным юристом, он придал ему легальный правовой статус. Он окончил юридический факультет Петербургского университета с дипломом первой степени в 1904 году и был оставлен там же при кафедре уголовного права. В 1907 году защитил магистерскую диссертацию на тему «Свобода личности в уголовном процессе». Впоследствии преподавал не только на юридическом факультете, но и на Высших женских курсах, а также в Юридическом институте и в Педагогическом институте им. А. И. Герцена. Был участником международных конгрессов криминалистов. После 1917 года участвовал в работе комиссии при Со-

Павел Исаевич Люблинский

внаркоме по реформе законодательства о детях. П. И. Люблинский был разносторонне образованным человеком и оставил после себя множество публикаций по всем основным вопросам евгеники. По приглашению Н. Н. Кольцова в 1925 году он вошел в редколлегию «Русского евгенического журнала», в связи с чем писал: «Я около 15 лет интересуюсь вопросами евгеники и буду рад способствовать освещению социальных и правовых проблем, связанных с евгеническим движением». В своих статьях «Современное состояние евгенического движения», «Новое в вопросе о стерилизации дефективных» и «Евгенические тенденции и новейшее законодательство о детях», напечатанных на страницах данного печатного органа, он старался обосновать законность данного подхода ко оздоровлению нации, на основе международного опыта, который он считал вполне применимым в условиях Советской власти.

И даже признанный классик советской антропологии **Виктор Валерианович Бунак (1891-1979)**, который внес свой вклад практически во все разделы гигантского комплекса наук о человеке, был не чужд евгеническим изысканиям. Сын потомственного дворянина, в 1912 году он окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета. Был учеником знаменитого русского антрополога Д. Н. Анучина. Преподавал на университетской кафедре антропологии, где в 1925 стал профессором. В 1922 году, когда при факультете был создан Научно-исследовательский институт антропологии, В. В. Бунак стал одним из четырех его первых «действительных членов», а после смерти Д. Н. Анучина в 1923 г. возглавил институт. Одновременно с этим, с 1920 по 1927 годы он руководил Евгеническим отделом института, основанного Кольцовым. В 1927 году возглавил Центральное антропометрическое бюро при Государственном институте социальной гигиены Наркомздрава. С 1933 по 1948 годы ученый руководил лабораторией морфологии человека Института антропологии МГУ. В 1948 г. был уволен из Института за свои евгенические взгляды, и впоследствии являлся старшим научным сотрудником Института этнографии АН СССР.

В. В. Бунак опубликовал множество статей и монографий по самому широкому спектру проблем антропологии, а в рассматриваемый нами период развития науки оставил после себя ряд ценнейших работ, значение которых, на наш взгляд, до сих пор оценено не в полной мере. Еще летом 1920 года он напечатал статью «Война как биологический фактор», в которой философски осмысливал судьбоносный этап русской истории: «Период кровавой борьбы, в какой вступила европейская история последнего десятилетия, явился для большей части русской интеллигенции совершенной неожиданностью. Убаюканная долгими годами относительного спокойствия, она полагала, что кровавые столкновения народов, этот пере-

Виктор Валерианович Бунак

житок средневековья, окончательно отошел в область прошлого». Именно русская интеллигенция, воспитанная на идеалах благодушия и в эстетике декаданса, по мнению Бунака, повинна в поражении России в Первой мировой войне и последовавшем за ней хаосе братоубийства войны гражданской. Европейская интеллигенция, традиционно более практически мыслящая, лучше представлял биологические последствия массовых вооруженных конфликтов. Война является одним из самых мощных факторов естественного отбора в процессе эволюции человеческих сообществ, ибо она ведет к сокращению численности одних расовых типов и увеличению численности других, неизбежно изменяя всю социальную структуру государства. Горнило войны действует весьма избирательно, повышая эволюционную ценность одних антропологических типов и лишая других всяких исторических перспектив. Война нарушает естественно устоявшийся баланс смертности и плодовитости расовых типов внутри воюющей нации. «Таким образом, война имеет следствием отбор, направленный в пользу менее культурных слоев общества», - делает вывод В. В. БунаН. Но носителями культуры являются конкретные расовые типы, обладающие соответствующими характеристиками, поэтому их гибель в условиях массовых войн не проходит бесследно для всей структуры общества, подчас весьма радикально меняя физиогномический портрет нации. «Война является несомненным

фактором отбора, сокращая более сильные в физическом и психическом отношении типы и способствуя увеличению типов, менее сильных в этом отношении. Не к сокращению одного народа за счет другого ведет война, а к замещению в среде самого народа, одинаково как побежденного, так и победившего, одного расового элемента другим».

Война неизбежно приводит к вымыванию из структуры общества наиболее ценных как в наследственном, так и в культуросозидающем отношении расовых типов, именно в этом и состоит ее главный негативный биологический фактор, о котором должны всегда помнить пропагандисты идей милитаризма.

В своей фундаментальной работе «Антропологическое значение преступника, его современное положение и задачи», опубликованной на страницах «Русского евгенического журнала», В. В. Бунак исследовал вопрос в духе господствовавшей тогда доктрины криминальной антропологии Чезаре Ломброзо. Данного рода комплекс идей в советской науке никогда не поощрялся, и совершенно очевидно, на наш взгляд, что эти публикации сказались самым негативным образом на дальнейшей карьере В. В. Бунака, увы, и не только его одного.

Еще одна замечательная личность, принимавшая участие в евгеническом движении, - **Сергей Николаевич Давиденков (1880-1961)** был выдающимся невропатологом, генетиком, основателем отечественной медицинской генетики. После окончания в 1904 году медицинского факультета Московского университета работал в ряде медицинских учреждений, а в 1912 году, после защиты диссертации, возглавил кафедру нервных болезней Харьковского женского медицинского института. В 1920-1923 годах работал в Бакинском университете. С 1925 года С. Н. Давиденков заведовал нейрогенетическим отделением Института профессиональных заболеваний в Москве. В 1932 году он переехал в Ленинград, где заведовал кафедрой нервных болезней Института усовершенствования врачей, а в 1933-1936 годах являлся заведующим Клиникой неврозов Всесоюзного Института экспериментальной медицины. Во время Великой Отечественной войны С. Н. Давиденков в звании полковника медицинской службы был главным невропатологом Ленинградского фронта. В 1945 году он был избран академиком Академии медицинских наук СССР. Являясь автором множества теоретических работ по невропатологии, он был также сторонником практического внедрения знаний о наследственности: считал необходимым ввести преподавание общей и медицинской генетики в медицинских вузах страны и повсеместно организовывать медико-генетические консультации. Еще в 1925 году Давиденков выступил с предложением создания «Каталога генов», и эта его провидческая идея нашла свое практическое воплощение в проекте создания генома чело-

Сергей Николаевич Давиденков

века. Он предлагал также проводить всеобщий регулярный евгенический осмотр населения страны. Этой деятельностью, по его мнению, должен был руководить «Высший Государственный Евгенический совет», а вся информация о наследственных качествах населения страны должна была бы стекаться и обрабатываться в «Центральном Евгеническом институте».

К числу выдающихся деятелей Русского Евгенического общества принадлежал и **Тихон Иванович Юдин (1879-1948)** — один из крупнейших отечественных психиатров. Выпускник медицинского факультета Московского университета, он работал в психиатрической клинике. С 1924 по 1932 годы был профессором психиатрии в Казанском университете, с 1932 по 1937 годы руководил Клиническим институтом Всеукраинской психоневрологической академии и являлся ее вице-президентом, а в 1937-1943 годах. возглавлял Украинский психоневрологический институт в Харькове. С 1943 Т. И. Юдин заведовал кафедрой психиатрии в Московском медицинском стоматологическом институте.

Тихон Иванович стоял у истоков создания клинической генетики психических заболеваний. Он изучал наследственное предрасположение к психическим заболеваниям, широко используя генеалогический метод, провел генетический анализ психопатических конституций человека и установил их наследственную связь с психозами, занимался вопросами взаимодействия

Тихон Иванович Юдин

факторов наследственности и среды, исследовал популяционную частоту наследственных психических заболеваний, в том числе шизофрении. К числу его важнейших печатных работ принадлежат «Наследственность душевных болезней» (1922), «Психопатические конституции» (1926), «Очерки истории отечественной психиатрии» (1931), «Евгеника. Учение об улучшении природных свойств человека» (1925). В последней книге Т. И. Юдин подробно рассмотрел зарубежный евгенический опыт и предложил использовать эти многие наработки в условиях социалистического государства. В ней автор писал, что видит свою задачу как ученого в соединении «человеческой генетики», «социальной антропологии», «политической демографии», «патологического анализа», «социальной и расовой гигиены», а в целом ставит задачу создания научной концепции «биологии социальных типов».

Активными членами Русского Евгенического общества были также **Николай Владимирович Попов (1894-1949)** – специалист в области судебной медицины и гематологии, **Олег Владимирович Николаев (1903-1980)** – хирург и эндокринолог, генетик **Владимир Владимирович Сахаров (1902-1969)** и многие другие талантливые ученые, изучавшие непосредственное отношение к развитию научного движения. В 1925 году Русское Евгеническое общество насчитывало 150 человек и располагало несколькими филиалами в разных городах страны.

Но не только в советской России многие были очарованы перспективами создания коммунистического общества будущего на евгенической основе, но также некоторые видные зарубежные ученые поддались этому соблазну.

Яркий тому пример — американский генетик **Герман Джозеф Мёллер (1890-1967)**. Он был учеником известного биолога Томаса Моргана и в 1927 году в собственной лаборатории сделал крупное открытие в области изучения наследственности, за которое в 1946 году был удостоен Нобелевской премии. Мёллер придерживался левых политических взглядов, открыто выражал свои симпатии к Советскому Союзу и социалистическим принципам организации общества. В 1933 году, по приглашению Н. И. Вавилова, он приехал в СССР и стал работать в Институте генетики Академии наук, где заведовал одним из отделов. Избрание его в этом же году членом-корреспондентом Академии наук СССР только усилило существовавшие восторги и увлечения идеалами нового социалистического общества, так что во всех официальных документах он стал именовать себя на русский лад Германом Германовичем, а в 1936 году обратился с открытым письмом к Сталину, в котором писал:

«Генетики, принадлежащие к левому крылу, признают, что только социалистическая экономическая система может дать материальную базу и социальные и идеологические условия, необходимые для действительно разумной политики в отношении генетики человека, для политики, которая будет влиять на человеческую биологическую эволюцию в социально-желательном направлении. Они признают далее, что уже

Герман Джозеф Мёллер

имеются достаточные биологические знания и достаточно разработанная физическая техника для получения весьма значительных результатов в этой области даже на протяжении нашего поколения. И они сознают, что как непосредственные, так и конечные возможности биологического порядка, открывающиеся, таким образом, при социализме, настолько превосходят биологические цели, которыми до сих пор задавались буржуазные теоретики, что последние выглядят просто смешными. Подлинная евгеника может быть только продуктом социализма и, подобно успехам в физической технике, явится одним из средств, которое будет использовано социализмом для улучшения жизни.

Процесс, посредством которого такой биологический прогресс может быть искусственно осуществлен при минимуме вмешательства в личную жизнь, заключается в том, чтобы дать возможность всем людям, желающим принять участие в производстве детей, обладающих наилучшими генетическими свойствами, получить соответственный воспроизводительный материал для использования посредством искусственного осеменения».

Сталин не ответил на это письмо, по свидетельствам очевидцев, и был весьма раздражен.

Итак, доктрина создания новой породы людей в условиях социалистического общества путем централизованного манипулирования наследственными параметрами в «желательном направлении» открыто признавалась научным и партийным руководством молодой советской страны.

7.

Французский исследователь Шарль Шампетье на страницах журнала «Элеман», № 2, в июле 1998 года опубликовал статью с характерным названием «В СССР планировали создание сверхчеловека». Проанализировав множество интереснейших фактов, которые ранее ускользали от историков науки, он писал со всей откровенностью. «За десять лет до Гитлера советские исследователи уже планировали большевистский «Lebensborn» к вящей славе родины — матери социализма». Близкие, по сути, выводы можно обнаружить и в книге американского ученого Марка Б. Адамса «Благородная наука. Евгеника в Германии, Франции, Бразилии и России» (1990).

В 1924 году делегация советских ученых участвовала в работе Международного евгенического конгресса в Милане, кстати, при фашистском режиме.

В 1928 году Н. Н. Кольцов создал Общество изучения расовых патологий и географического распределения болезней, в котором собралась плеяда замечательных ученых, таких как Абрикосов, Авербах, Бунак,

Давиденков, Четвериков и другие. В марте 1931 года в Москве была основана Лаборатория расовых исследований. В ее работе были намечены исследовательские программы совместно с немецкими учеными, которые посылали свои экспедиции в Закавказье. И, несмотря на разительные идеологические расхождения режимов советской России и национал-социалистической Германии, высшее политическое руководство Третьего Рейха уже в марте 1933 года разрешило продолжать сотрудничество в данной области, а с советской стороны в апреле того же года оно было одобрено центральным аппаратом Наркомздрава. Лишь в 1938 году немецкая сторона отозвала своих ученых. Целая обстоятельная работа Пауля Вейндлинга «Германо-советская кооперация в науке. Лаборатория расовых исследований 1931-1938 годов» (1986) посвящена детальному исследованию данного уникального явления в истории науки. Следует отметить также, что теоретические работы Н. Н. Кольцова и Н. И. Вавилова регулярно печатались в англоязычных изданиях «Science» и «Eugenical News», а также в немецком «Archiv fur Rassen und Geselschafts biologie», причем неизменно с весьма лестными откликами.

В целях большей политической корректности евгенику в СССР стали в 1930-х годах называть «медицинской генетикой». В 1928 году П. Ф. Робицкий, ученик Кольцова и Серебровского, опубликовал классический труд «Можно ли улучшить «человеческий род?». Во втором издании 1934 года он добавил новую главу «Генетика применительно к человеку и ее буржуазное искажение». А. С. Серебровский (член партии с 1930 года) и С. Г. Левит (член партии с 1919 года) требовали «большевизации» науки и вместе с В. В. Бунаком и Г. Г. Мёллером в марте 1935 года основали Институт исследований в области медицинской генетики им. Максима Горького, где также расовые и евгенические вопросы занимали ведущее значение. Но только до определенного времени.

Радикализм русских евгенистов, помимо специфики русского национального характера, имел под собой и объективные причины. Ни в одной стране того времени, охваченной евгеническим движением, не существовало тех проблем, которые составляли извечный клубок основных исторических проблем России. Ни в одной стране мира ученые, впервые занявшиеся проблемой наследственности, не сталкивались с таким разнообразием исходного человеческого материала, представленного племенными, языковыми, культурными и религиозными группами, разбросанными на гигантских просторах страны. Биологи первыми осознали всю беспочвенность рассуждений философов об абстрактном человеке вообще, так как столкнулись с существованием реальных биотипов. Именно пестрота племенного состава России заставила русских евгенистов заняться кодификацией и учетом наследственных расовых

С. Г. Левит

признаков населения. Политическая живучесть государства, согласно провидческим обобщениям В. М. Флоринского, определяется степенью комплиментарности этносов, слагающих его в единое историческое целое. Неудивительно поэтому, что именно в разгар Первой мировой войны в 1917 году Российской Академией Наук была составлена «Инструкция к составлению племенных карт», в которой с самого начала была поставлена четкая системная задача: «...указать не только районы расселения отдельных народностей России, но и выяснить взаимные численные и территориальные соотношения между всеми этническими элементами, населяющими государство». Каждая народность, даже не имеющая собственной автономной государственности, стремится в пределах ареала обитания обозначить культурный и геополитический центр, и данная методика по составлению племенных карт также предусматривала его указание. Как уже упоминалось, работы по систематизации информации обо всем национальном составе страны не прекращались и при советской власти. С этой целью Академией Наук СССР в 1927 году был издан «Список народностей Союза советских социалистических республик».

Казалось бы, сама биологическая наука с ее евгенической составляющей развивалась в правильном направлении, даже невзирая на революционные перемены в нашей стране. Но очень скоро все изменилось и не в лучшую сторону.

Крупный современный ученый Эдуард Израилевич Колчинский осуществил поистине титаническую работу именно в этой, мало изученной области истории науки. В своей фундаментальной монографии «Биология Германии и России-СССР в условиях социально-политических кризисов первой половины XX века» (СПБ, 2007) он подробно, на основе богатейшего архивного материала показал, как целенаправленно уничтожали науку в нашей стране.

«Начавшаяся в 1928 году «культурная революция» и последовавший вскоре «великий перелом» коренным образом изменили процессы диалектизации биологии. Были предприняты усилия положить конец относительной свободе дискуссий по философским вопросам биологии. Создавались массовые марксистские организации, призванные насильственно внедрить диалектический материализм в практику биологических исследований и подчинить их задачам социалистического строительства. До этого власти не вмешивались в биологические дискуссии, используя внутринаучную конкуренцию для проведения своей политики. Но уже в апреле 1929 года руководитель Комакадемии М. Н. Покровский заявил о прекращении мирного существования с немарксистами-естественниками и об изживании фетишизма перед буржуазной наукой». Во всех слоях общества, в том числе и в среде научной интеллигенции, начались так называемые «зачистки» неугодных. Вначале по классовому признаку, а затем и по идеологическому.

В результате имя Трофима Денисовича Лысенко стало символом политических репрессий в науке и обрело устойчивый смысл уже как целое массовое явление — «лысенковщина» или «лысенкоизм» (в западной терминологии). Но каждый, кто хоть раз видел самого Лысенко в кадрах старой хроники, наверное согласится с тем, что тому не по умственным силам было возглавить идеологическое течение «инквизиции XX века». Безусловно у него были кураторы, например, Исай Израилевич Презент, которые выполняли роль провокаторов, буквально взрывающих общественное мнение с целью выявления всех мало-мальски самостоятельно мыслящих людей в России, так как потребность иметь свое собственное мнение по тому или иному вопросу более не соответствовала принципам социалистического общества. «Как никто другой, Презент умел придать любой дискуссии характер обострившейся классовой борьбы, будь то обсуждение методики преподавания или охрана природы», - подчеркивает Э. И. Колчинский.

Сталинский тезис об усилении классовой борьбы по мере построения социализма выразился в том, что если поначалу инакомыслящих увольняли с работы и изгоняли из научных сообществ, то в тридцатые годы их уже арестовывали и расстреливали. А затем, по подсчетам

Колчинского, после Великой Отечественной войны в самый разгар разгрома генетики в 1948-1952 годах счет репрессированных ученых, только из числа представителей естественных наук, шел уже на тысячи (!!!). Как говорят военные, это были безвозвратные потери, поскольку если ученый и не был расстрелян, то долгие годы, проведенные им в сталинских лагерях, конечно же, вели к полной профессиональной дисквалификации и устойчивой боязни занятий первоначально выбранной темой. «Начавшийся «большой террор» положил конец евгенике и медицинской генетике. Всякие исследования в этом направлении были прекращены. Евгеника была первым направлением в генетике, которая подверглась идеологическому осуждению и была запрещена», - указывает Э. И. Колчинский.

Бесследно исчезали тысячи не просто талантливых и, главное, ни в чем не повинных людей, но даже академические институты и целые области науки. «Только в одном институте генетики АН СССР число репрессированных превышает численность биологов (профессоров и сотрудников институтов), уволенных, эмигрировавших и погибших в концлагерях во всей гитлеровской Германии». Лысенко лично руководил «зачистками».

В 1938 году был расстрелян С. Г. Левит, несмотря на то, что по убеждениям он был устойчивым марксистом; зимой 1943 года в саратовской тюрьме от истощения скончался Н. И. Вавилов; еще в 1937 году под прикрытием интернациональных бригад, направляющихся в Испанию, страну покинул Герман Мёллер; а в 1948 году он был исключен из числа член-корреспондентов Академии Наук СССР за свою критику разгрома генетики в СССР.

Мы помним, что Н. Н. Кольцов, как и многие русские евгенисты, писали не просто о евгенике, а именно о расовой евгенике, так как их целью было оздоровление не только абстрактного человечества, но конкретной расы — белой расы, создавшей Россию. Поэтому и здесь правящему режиму нужно было внести полную идеологическую ясность. Разгромом русской антропологической школы, изучавшей расовую проблему, руководили такие люди, как Аркадий Исаакович Ярхо. В 1930 году он возглавил «Русский антропологический журнал», который сразу же «потерял» слово «русский» в названии. В 1934 году на страницах журнала Ярхо опубликовал теоретическую статью под названием «Очередные задачи советского расоведения», где предельно ясно писал: «Борьба с расовыми теориями предполагает наличие совершенно определенной тактики и стратегии. Только при условии, если в противовес тезисам расовых теорий нами будет выставляться концепция исторического материализма, если мы перенесем центр тяжести критики из плоскости биологии в плоскость социологии, наша критика

будет действенна. Поэтому первое и основное — это систематическое разоблачение роли расового фактора в истории».

Теперь совершенно понятно, как и почему биология превратилась во вредную и опасную для советской власти науки. Официальное заигрывание режима с дарвинизмом выполняло роль ширмы, ибо никакого естественнонаучного обоснования постулатов марксизма, кроме социально-политической демагогии, не было и быть не могло.

Картина русской евгеники будет неполной, если мы не расскажем еще об одном явлении, не имеющем аналогов в мировой истории науки. Как в известных русских сказках, здесь была не только живая вода, но и мертвая. Согласно архивным изысканиям таких современных ученых, как Эдуард Израилевич Колчинский и Кирилл Олегович Россиянов, в молодой советской республике велись работы по выведению не только расы сверхчеловеков, но и их антиподов — недочеловеков, в самом прямом смысле этого слова, ибо проводилось масштабное экспериментирование по скрещиванию человека и обезьяны. Советским женщинам на «идеологической основе» предлагалось зачать от спермы обезьян, с целью выведения масс послушных, выносливых, а главное безропотных работников — строителей коммунизма. Вначале эти эксперименты по научному скотоложеству проводились централизованно по инициативе Академии наук СССР в Африке усилиями специально отправленной туда экспедиции. «Знаменитый животновод И. И. Иванов, работавший в Институте экспериментальной ветеринарии и в Московском высшем зоотехническом институте, поставил экзотические опыты по выведению нового биологического вида. Он впервые предпринял попытки получения гибридов человека и человекообразных обезьян путем искусственного осеменения. Он выполнял работы под эгидой АН СССР, которая в 1926 году направила возглавляемую им экспедицию в Африку с целью осеменения самок обезьян спермой человека. В то время Иванов был главным экспертом по искусственному осеменению домашних животных и их гибридов. Однако осеменение трех самок шимпанзе спермой человека в первой половине 1927 года закончилась неудачно. Тогда Иванов решил продолжить свои эксперименты в Сухумском приматологическом центре, где спермой орангутанга оплодотворяли девушек, жаждавших добровольно пойти на опасный эксперимент ради науки. Эти эксперименты, без учета научной обоснованности, содержали целый ряд нравственно-юридических проблем, так как в случае удачи оставался бы непонятным биологический и социальный статус гибрида человека и обезьяны, его расовая принадлежность, этническая идентификация», - пишет Колчинский.

Обратите внимание на сугубо биологический аспект социальной пропаганды пресловутого советского интернационализма, ибо если в Африке

большевики издевались над обезьянами, то у нас в стране — над нашими женщинами. Как видим, любые бредовые идеи марксизма осуществлялись за счет физических и нравственных сил русского народа. Самое же страшное заключается в том, что никто на официальном уровне даже и не пытался скрывать это кощунство в стране, где еще были живые идеалы православия. В среде профессиональных антропологов при дискуссиях для обозначения данного процесса употреблялись такие понятия, как «лабораторное обезьяноводство», а сам ожидаемый результат скрещивания получил определение «поместный гомункулус». В 1930-е годы данная экспериментальная деятельность была прекращена, а все ответственные лица, в том числе и пресловутый И. И. Иванов, были расстреляны. Пострадали ли сами инициаторы проекта, достоверно неизвестно. Но достоверно известно, что «гуру» Т. Д. Лысенко И. И. Презент в 1960-е, когда идеологический вектор изменился, как ни в чем не бывало отказался от своих убеждений и перешел на более умеренные позиции, словно и не был причастен к разгрому русской биологии советской эпохи.

Можно полностью согласиться с Колчинским, что в Третьем Рейхе, ужасами которого средства массовой информации пугают с завидным постоянством, ничего подобного никому и в голову не пришло, так как в условиях национал-социалистического государства здоровье немецкой нации был приоритетной задачей, а честь немецкой женщины — основной общественной ценностью.

В заключении данного исследования ваш покорный слуга считает необходимым подчеркнуть, что не претендует на полное раскрытие темы. Однако же, как известно, масштабных публикаций в области анализа именно идеологических основ русской евгеники еще не предпринималось, и предлагаемая хрестоматия призвана восполнить этот пробел в изучении истории отечественной науки.

Хочу выразить самую искреннюю благодарность за предоставленные мне уникальные материалы, фотографии, а также оказание консультаций Эдуарда Израилевича Колчинского — доктора философских наук, профессора Санкт-Петербургского государственного университета, директора Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники; Евгения Владимировича Пчёлова — кандидата исторических наук, доцента Российского Государственного Гуманитарного университета; Бориса Николаевича Казаченко — кандидата биологических наук, сотрудника Лаборатории расоведения Научно-исследовательского института и музея антропологии МГУ, а также Кирилла Олеговича Россиянова — кандидата биологических наук, сотрудника Московского института истории естествознания и техники РАН.

В. М. Флоринский

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ И ВЫРОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА

Едва ли кто будет сомневаться, что с развитием гигиены и большим применением ее правил к общежитию увеличивается благосостояние народонаселения. Каждая образованная нация очень хорошо понимает это и старается применять результаты науки к народному здоровью. Народ и правительство заботятся об уничтожении миазм, о доброкачественности съестных припасов, о здоровости жилищ и пр., но, к удивлению, так мало обращают внимания на корень народного здоровья — на гигиену бракосочетания. В гражданских уложениях относительно охранения народного здоровья перечислены все, даже мелочные возможности вредного влияния на здоровье народонаселения, а громадная масса гибельных последствий, которые рушатся на рождающиеся поколения вследствие негигиенического бракосочетания, оставлены без внимания.

В этом отношении гораздо более обращено заботы на домашних животных, чем на человека. Взгляните на коннозаводчиков, на сельских хозяев, на улучшение пород рогатого скота, овец, лошадей, собак, даже кур, голубей и проч.; существуют целые учения, тратится столько внимания, и действительно цель достигается. Систематически взлелеянные породы животных изумляют нас своим совершенством, между тем как человек в последовательных генерациях скорее размножает болезни и физическую слабость, чем совершенствуется.

Если мы и видим иногда в некоторых нациях счастливую помесь, удачный подбор супругов, обнаруживающийся физическим улучшением расы, то подобное благодетельное явление, так сказать, обновление человеческой породы, является не как результат преднамеренных действий, не как плод науки, а совершенно случайно, вследствие счастливого столкновения разных национальностей или разных темпераментов и сложений, благоприятствующих улучшению породы. Между тем, это улучшение вполне заслуживает нашего попечения, если не для того, чтобы стремиться к размножению и усовершенствованию изящных форм сложения (что тоже вполне достойно нашего внимания), то хотя в силу старой латинской пословицы: mens sana in corpore sano.

Исторический опыт показывает нам, как вырождаются и мельчают физически и нравственно породы привилегированных сословий даже целых наций, и если бы не было обновления нации со стороны других слоев общества и помеси с другими национальностями, то вырожде-

ние человеческого рода обнаруживалось бы еще резче и быстрее. Но это обновление, как мы сказали, совершается почти всегда помимо человеческого произвола, так сказать, бессознательно, вследствие инстинктивного влечения относительно отдельных индивидуумов и вследствие политических столкновений и географических условий — относительно целых наций.

Между тем, наука имеет уже столько данных, чтобы, применивши их к жизни, более или менее рассчитывать на сознательное улучшение породы, устраивая браки не по одному безотчетному влечению полов, тем более не из одних корыстных видов, а более или менее соображая данные для воспроизведения лучшего потомства.

Нам скажут, что те законы группировки полов, которые выработала наука относительно животных, не применимы к человеку, не потому, чтобы они не могли повторяться в человеческой расе, а вследствие сложности социальных условий и иногда невозможности определить заблаговременно все те качества, какие требуются с гигиенической точки зрения для известных индивидуумов, вступающих в брак.

Это отчасти справедливо, но все-таки не исключает возможности применения помянутых законов к человеческому роду. Если на людей в этом отношении мы не можем действовать с такою же отчетливостью, как на животных, если не всегда можем по произволу создать себе потомство с такими или другими физическими качествами, то все-таки, зная наперед условия для воспроизведения этих качеств, мы будем в состоянии, при благоприятных социальных обстоятельствах, применить наше знание к делу и, стало быть, сознательно улучшить качества нашего потомства.

Во всяком случае, будет больше пользы, если хоть кто-нибудь воспользуется гигиеной брака, чем все будут смотреть на процесс воспроизведения потомства, как на процесс самый пустой, не требующий ни соображений, ни внимания, в силу изречения Грибоедова: «чтобы иметь детей, — кому ума не доставало»!

Если в роде человеческом применение правил гигиены брака до сих пор было так ничтожно, то мы уверены, что это зависело не от упорного нежелания публики воспользоваться этими правилами, но, с одной стороны, от трудности применения этих правил, вследствие сложности социальных условий, а, с другой стороны, от незнания публики, потому что до сих пор, по странной щекотливости, специалисты как будто стыдились популяризировать свою науку, держали ее, как алхимики или средневековые монахи, взаперти.

От этого публика, желавшая знать что-нибудь о гигиене брака, была угощаема пустыми книжонками, произведениями шарлатанства и

спекуляции. Что публика желала знать что-нибудь об этих существенных вопросах жизни, видно из того, что помянутые книжонки, несмотря на ничтожность их содержания, раскупались в большом количестве, распространяя, таким образом, вместо пользы предрассудки и невежество.

Брак с физиологической и гражданской точек зрения имеет целью воспроизведение потомства. Стало быть, между другими условиями нормального и счастливого бракосочетания, вопрос о способности женщины к зачатию и родам, равно как вопрос о воспроизведении в потомстве тех или других родительских качеств, должен бы был являться на первом плане. Между тем, в жизни сплошь и рядом гораздо более ценятся общественные связи, положение, приданое невесты, чем физические ее качества, телосложение, порода.

Даже в том случае, когда брак совершается по любви, стало быть, более или менее на основании физических достоинств женщины, и тут, вследствие извращенного вкуса, нередко за достоинство считаются физические недостатки. Кто не знает, что еще так недавно молодые девушки с таким пренебрежением отзывались о цветущем здоровье, крепости сложения, предпочитая этому бледный, бескровный вид, находя грацию в болезненной тонкости членов и слабости сил.

Этот странный вкус не поддерживался бы, если бы не находил сочувствия в мужчинах, если бы «неземные созданья» в действительности не предпочитались здоровым и крепким девушкам. Этот факт показывает, что в жизни на брак смотрят большею частью как на исключительно личное удовольствие, не помышляя о цели брака — о потомстве.

Между тем, нельзя сказать, чтобы вопрос о физических и нравственных качествах детей был чужд родителям. Каждый из них, в силу эгоизма, и желает, и старается, чтобы дети его были по возможности и умны, и красивы. Но само собой разумеется, что это старание может быть успешно только тогда, когда о нем заботятся не после рождения детей, а до вступления в брак, так как физическая красота здоровье, отчасти и нравственные качества, не столько зависят от воспитания и ухода за новым индивидуумом, сколько от наследственности. Поэтому неудачно сочетавшимся родителям нередко приходится сетовать на то, что бог не наградил их хорошими детьми, не соображая того, что неудача воспроизведения зависит не от судьбы, а от бестолковой женитьбы.

В предстоящем очерке мы намерены познакомить читателей с общими условиями усовершенствования и вырождения человеческого типа, насколько позволит это сделать новость предмета, до сих пор не разработанного, можно сказать, даже не тронутого. Поэтому мы наперед извиняемся перед читателями, если они найдут здесь что-либо

недосказанным или гипотетическим. Это не такой предмет, в котором можно прямо излагать законы, а по необходимости сплошь и рядом приходится только подмечать явления, группировать их и выводить то или другое заключение.

Кроме того, самый предмет показывает, что для полного и всестороннего его изложения потребовалось бы написать целый том; поэтому для журнальной статьи мы по необходимости ограничились только общими очерками, не вдаваясь в подробные научные рассуждения.

Глава первая

Изменяемость человеческого типа

Прежде, чем мы будем говорить об улучшении человеческой породы путем естественного или рационального подбора родичей, необходимо показать, что анатомические и физиологические свойства человека в известной степени изменчивы, подвижны, следовательно, под влиянием наследственности и физических условий окружающей среды, они могут или совершенствоваться, или ухудшаться.

Окончательные пределы этой изменчивости установить невозможно, так как в этом отношении пришлось бы основываться только на предположениях. Для нашей цели достаточно показать, что племена и расы в состоянии переходить одна в другую, что форма скелета может изменяться, принимать другой тип, обезображиваясь или совершенствуясь. Таким образом, не вдаваясь в антропологические прения о происхождении человека, — мы за исходную точку изменения человеческого скелета можем принять те первоначальные формы его, о которых мы имеем понятие по ископаемым остаткам человеческих костей, приписываемых к самой отдаленной эпохе (нижняя челюсть и зубы, найденные в 1863 году близ Мулен-Кольена, в бассейне реки Соммы в Пикардии, человеческие черепа, найденные в Швеции и Дании, Америке и пр., принадлежащие к так называемому каменному веку). По найденным остаткам самых древних черепов, по чрезвычайно косому направлению нижней челюсти можно заключить, что люди, к которым принадлежали эти черепа, стояли на очень низкой степени телесного развития. Люди каменного периода в Швеции и Дании отличались короткой и круглой головой; в Швеции она была мала, подобно голове современных лапландцев. Многие головы необыкновенно вытянуты в длину, с плоским лбом и выдающимися вперед челюстями, Скелет человека, открытый при прокладывании железной дороги между Монтрё

и Вильневом, в восточном углу Женевского озера, и относимый также к каменному периоду, имел также малый, очень круглый (короткий) и необыкновенно толстый череп.

Сравнивая ископаемые остатки человека с формою теперешних обитателей тех же стран, сопоставляя формы современных диких и полудиких народов с формами народов цивилизованных, мы убеждаемся, какой громадный шаг к прогрессивному физическому развитию сделан человеком по настоящее время. Не вдаваясь в вопрос о происхождении рас и племен человеческих, мы оставляем за собой только тот исторический факт, что форма человеческого тела совершенствовалась постепенно и совершенствуется, несмотря даже на то, что до сих пор человеком не употреблено было для этого никаких усилий, никаких сознательных действий, могущих ускорить и упрочить это усовершенствование. Что касается границы прогрессивного физического развития человека, то само собой разумеется, что определить ее теперь невозможно. Однако же на основании существующих данных прошедшего, сравнивая громадный шаг, сделанный развитием форм человеческих от первых ископаемых остатков скелета до настоящего времени, мы, кажется, не имеем основания предполагать, чтобы физическое изменение человека дошло теперь до своей последней границы. Напротив, нам кажется, что на основании предшествовавшего хода развития, можно допустить возможность известной доли его и в будущем. Без сомнения, это будет совершаться слишком медленно, неуловимо для наблюдения, может быть, едва заметно для истории, но все-таки спустя тысячелетия мы можем ожидать человека в новой, лучшей форме, чем в настоящее время.

Видимые, так сказать, осязательные изменения форм человеческих, доступные современному или историческому наблюдению, совершаются, как всегда, так и теперь, по всему земному шару в форме изменения рас и племен, в переходе их одна в другую, в выработке новых типов из взаимного сочетания существующих. Результат этого движения может быть, конечно, и прогрессивный и регрессивный, но общее, незаметное движение клонится все-таки к усовершенствованию человеческой породы. В таком развитии можно различить две формы: одна, где менее развитые племена, при сочетании (помеси) с племенами более совершенными, заимствуют от них лучшие качества и совершенствуют свой тип, — это, так сказать, догоняющее движение; другая форма, когда от взаимодействия двух передовых типов (относительно этой эпохи совершенных), при благоприятствующей помеси их, развиваются лучшие формы, — это шаг вперед, прогрессивное движение развития.

При определении типических форм черепа обращается внимание на его абсолютную величину и емкость, на относительные размеры

поперечников, относительный объем лицевых костей (в особенности челюстей по сравнению с костями черепа), на положение верхней и нижней челюстей, — насколько они отодвинуты назад от передней части мозгового вместилища или выдвинуты вперед. Далее обращается внимание на поперечные размеры лица, особенно размер, проведенный через скуловые части, на степень округления или заострения черепной кровли, на место большей ее выпуклости, на сплющивание или выпячивание задней части черепа. Большая или меньшая ширина формы носа, длина, направление и образ соединения (плоский или более выпуклый носовой свод) носовых костей, форма образуемых ими носовых отверстий, форма и глубина глазных впадин, большее или меньшее развитие (выдвигание) краев этих впадин, большее или меньшее развитие скуловых костей дают выражению лица тот или другой племенной тип.

Для краткости, при определении формы черепа, в науке приняты особенные названия, введенные Ретциусом. Так, например, круглые черепа, у которых наибольшая длина относится к наибольшей ширине приблизительно как 100 к 80 (ширина никогда не превышает длины правильно устроенного черепа), называются брахицефалическими, и люди с такими черепами — брахицефалами. Образчиком их могут служить нам калмыки. Другие черепа, имеющие удлиненную форму, у которых наибольшая длина относится к наибольшей ширине приблизительно как 100 к 70, называются долихоцефалическими, а люди, имеющие такие черепа, — долихоцефалами (например, негры). По развитию челюстей, — слабо или сильно они выдаются вперед, — черепа называются в первом случае ортогнатными (прямозубыми), а во втором — прогнатными (косозубыми).

Народы, населяющие шар земной, разделяются антропологами на несколько племен или рас, и каждое племя — на несколько ветвей. Вот самое распространенное деление: племя первое — белое или кавказское. У людей, его составляющих, лицевой угол имеет почти 85°, овал головы правилен, лоб широк и высок, зубы перпендикулярны челюстям, глаза прямые. Это племя разделяется на три ветви: первая заключает в себе ассириян, халдеян, арабов, евреев и египтян; вторая или индийская — распадается по языку на четыре семейства: 1) санскритское (народы Индостана); 2) семейство древних пеласгов, откуда произошли греки и латины, а потом все языки Южной Европы; 3) готское, откуда произошли жители Северной Европы (датчане, англичане, немцы, голландцы); 4) славянское; третья ветвь — скифская заключает в себе отдельные народы или небольшие племена обширных степей Азии.

Второе племя — монгольское; люди, его составляющие, имеют широкое и плоское лицо, выдающиеся скулы, сплюснутый нос и от-

крытые ноздри, глаза длинные и прорезанные косвенно, цвет кожи более или менее оливковый, лицевой угол от 75 до 80°. В этом племени различают четыре ветви: 1) манджурскую; 2) китайскую; 3) северную и 4) корейскую.

Третье племя — красное или американское. Признаки его: скулы, менее выдавшиеся, чем в монгольском племени, лицо широкое, глаза большие, косо прорезанные, кожа красного или медного цвета, волосы черные и плоские.

Четвертое племя — черное или африканское. Оно отличается длинным, в верхней части суженным лицом, выдающимися челюстями, длинными и косвенными зубами, широким и сплющенным носом, толстыми губами, широким ртом, короткими и курчавыми волосами. Лицевой угол — 70-75°. Это племя разделяется наследующие ветви: 1) эфиопскую; 2) кафрскую; 3) готтентотскую; 4) папуасскую; 5) тасманийскую (жители Ван-Дименовой земли) и 6) австралийскую (Новая Голландия).

Многие ученые разделяют человеческие племена иначе, принимая их то больше, то меньше. Наш академик К. Бер разделяет род человеческий на шесть групп, подразделяя каждую из них на несколько племен (см. его сочинение: «Человек в естественноисторическом отношении». С.-Петербург. 1851). Для изучения различных особенностей европейских племен, мы пользовались, между прочим, недавно опубликованными исследованиями д-ра Вейсбаха, которых описываются отличительные формы черепов: у цыган, венгерцев, итальянцев, поляков, рутенов, словаков, богемцев (чехов), кроатов и пр.

Теперь нам остается привести еще несколько данных, которые могли бы показать, что описанное движение в физическом развитии человека в известной степени существует и в нашу эпоху, перед нашими глазами.

Вопрос, что тип человеческих племен и наций может изменяться, не трудно решить, не вдаваясь даже в слишком подробные изыскания по этому предмету. Влияние климата на цвет кожи и волос и на величину роста ясно для всякого, кто сравнит анатомический характер северных и южных жителей. Но еще более значительны изменения типа вследствие помеси. Известно, что все племена, точно так же, как нации и фамилии, могут смешиваться между собой и давать на потомство средний тип. Результат такой племенной помеси лучше всего заметен на неграх. От негра и белой женщины родится мулат с темно-желтым цветом кожи и черными менее пушистыми волосами. От мулата и белой женщины родится квартерон (четвертое колено от соединения черного племени с белым), с смуглым оттенком, с черными и длинными волосами и с типом, значительно удаляющимся уже от африканского. Квартерон с белою

женщиною рождает октавона (восьмое колено от соединения черного племени с белым), менее смуглого и более уже подходящего к белому племени. Наконец, октавон с белою женщиной рождают уже детей, совершенно смешивающихся с кавказскою породой. Такое же количество поколений необходимо и для превращения белого типа в черный.

Таким же порядком происходит перерождение племени и при других помесях, например, монгольского типа с кавказским и пр., хотя влияние помесей здесь не обнаруживается так резко и отчетливо, как на черном типе.

Плод помеси различных типов называется метисом. Метисы могут соединяться между собой и размножаться, хотя и говорят, что они менее плодовиты. Такое смешение народов, без сомнения, происходило и происходит по всему земному шару, где только существовали народные столкновения. «Все племена, — говорит В. Ф. Эдвардс, — которых история нам известна, более или менее испытали такие смешения. Эта причина (изменчивости типа) тем сильнее, что она действует на внутреннюю организацию. Если бы эта причина действовала беспрепятственно, она, может быть, уничтожила бы все племенные различия[1].

Если мы будем изучать европейское народонаселение с этой точки зрения, то убедимся, что помесь наций происходила и происходит повсюду в большей или в меньшей степени, смотря по тому, где больше происходило национальных столкновений. Сравнивая, например, типы южных славян с славянами северными (в России и Сибири), мы не можем не заметить значительной разницы между теми и другими. Всматриваясь внимательнее в типы русских славян, особенно в Сибири и в северной полосе России, мы видим, что там часто попадаются формы, составляющие видимый переход от монгольского племени. Монгольская форма черепа, округлая плоская форма лица с выдающимися скулами, широкий приплюснутый нос, редкая борода, узкие глаза, белокурые и желтоватые волосы — прямо указывают на результат помеси с монгольскими и финскими племенами.

Эта помесь встречается гораздо чаще и резче бросается в глаза в тех местностях, где обитает больше инородцев, именно в северной и восточной полосе России, а также приморских и пограничных городах. Я имел случай особенно наблюдать это в Вятской, Пермской, отчасти Тобольской и Казанской губерниях, равно как в окрестных деревнях Петербурга и Псковской губернии. Переезжая Урал, каждый путеше-

[1] О физиологич. признаках человеческих пород и их отношении к истории. Письма В. Ф. Эдвардса и А. Тьерри, перев. Грановского. (Сочин. Грановского, том I, стр. 33. 1856 г.)

ственник может заметить, как славяно-русский тип сибирских жителей начинает изменяться и разнообразиться, отмечаясь финскими и татаро-калмыцкими признаками, а в юго-восточной Сибири, по свидетельству Щапова, — монголо-бурятскими чертами, в Якутской же области — равным образом якутами. Щапов говорит, что, напр., в Иркутске и его окрестностях из десяти туземных жителей — 4 и даже 5 наверное имеют бурятское обличье. Особенно типично и выразительно выступает этот монголо-бурятский облик в Забайкальском русском народонаселении.

Усольцев так обрисовывает монголо-тунгусско-русский облик жителей Зюльзы и других селений по долине р. Мерчи. «Черные, жесткие волосы, большею частью узкие и несколько вкось расположенные темно-карие глаза; смуглый цвет лица, нос немного приплюснутый в переносьи; едва заметно выдавшиеся скулы выказывают монгольское происхождение. Но высокий рост, стройный стан, плотное сложение, мужество и сила, которые так редко бывают в тунгусах, говорят о смешении их с русскими. В женщинах эта смесь составляет особенную красоту».

Результат помеси в монгольско-бурятской среде еще яснее можно видеть в селениях так называемых ясашных или оседлых инородцев. Здесь явно образуются новые, оригинальные разновидности русского народа, ни чисто русские, ни чисто бурятские. В физиономии, в характере и даже в нравах их, — говорит Щапов, — элемент русский и элемент бурятский соединяются в своеобразный, оригинальный этнографический образ, представляющий новую племенную разновидность.

Точно такие же наблюдения, в большей или меньшей степени, можно сделать и в других местностях России, населенных инородцами. Жители Псковской губ. и окрестных петербургских деревень, отличающиеся невысоким ростом, белокурыми или изжелто-беловатыми волосами, круглой, небольшой головой, более или менее плоским лицом, вздернутым, перегнутым в переносьи носом и флегматическим характером, представляют помесь с эстами и чухонцами. В Казанской, Вятской и в Пермской губерниях путешественник нередко встречает плоды помеси с татарами, вотяками, черемисами и другими инородцами. То же самое в приморских, торговых и пограничных городах — можно видеть самую разнообразную помесь со всеми пришельцами.

Мы указали здесь на видоизменение и перерождение русского типа, совершающееся, можно сказать, перед нашими глазами, но нет никакого сомнения, что половое сочетание племен, а, следовательно, и помесь славянского типа происходила, может быть еще в большей степени, в самые отдаленные времена, одним словом, с тех пор, когда славяно-русская нация начала вступать в сношения с соседними кочующими и оседлыми племенами. Примесь татарской крови к чисто русскому на-

родонаселению, по всей вероятности, в больших размерах произошла во время монгольского ига, когда политическое значение и физическая сила последних господствовали над русским элементом. Монголы оставили неизгладимую черту, как на характере, нравах, языке, так и на внешних анатомических признаках, в типе русского народа. От этого мы и до сих пор видим почти во всей России более или менее смягченные и измененные татарские черты. Эта помесь обнаруживает себя широким и плоским лицом, сильно развитыми скулами, широким приплюснутым носом, редкой бородой, большими ушами, а иногда несколько косвенным разрезом глаз. Эти признаки, совершенно несвойственные славянскому типу, встречаясь в сословии дворянства и духовенства, служат доказательством древности этой помеси. Все остальные сословия, несмотря на пренебрежение к нынешним татарам, вследствие ли религиозных предрассудков, или неуважения к их социальному быту, могут еще вступать и действительно вступают с ними в супружеские сношения, производя, таким образом, в потомстве смешанный тип. Но дворянство и духовенство чрезвычайно редко женились и женятся на инородках, особенно на татарках; потому в них признаки азиатской помеси должны быть отнесены к давнему времени.

Что упомянутый монголо- или финно-славянский тип, так часто попадающийся в России и Сибири, не есть результат действия северного климата, — это видно из того, что рядом с этим типом, при тех же условиях среды, существуют, не изменяясь, и типы чисто - славянские. С другой стороны, как увидим ниже, климат, отражаясь на цвете кожи и волос, едва ли имеет большое влияние на форму костей черепа и лица — свойства чисто наследственные, передаваемые потомству от родителей.

Таким образом, как русская жизнь сложилась и выработалась у нас под влиянием географических условий, дружественных и враждебных столкновений с соседями, — так и русский тип, или, лучше сказать, русские типы складывались и формировались мало-помалу, под влиянием тех же столкновений и политических переворотов. Варяги, половцы, хазары, финские и монгольские племена, греки и проч. откладывали свои разнообразные черты на русском типе, изменяя, осложняя и разнообразя его до бесконечности. И по настоящее время мы не имеем права сказать, что этот тип сложился окончательно и упрочился; напротив, как тип всякой расы и нации, он и прежде и теперь не имеет ничего прочного и определенного. В высшей степени подвижный и изменчивый, он изменялся и изменяется теперь и будет изменяться под влиянием новых столкновений.

Всматриваясь в тип русской нации, нельзя не заметить того явления, что она в физической красоте значительно отстала от других (южных)

славянских племен; в течение веков она под влиянием неблагоприятных помесей утратила многие свои прежние черты, свойственные славянскому племени вообще. Только в тех местностях, где северо-восточной помеси было меньше, остались еще более или менее чистые славянские типы, как, напр., в некоторых внутренних губерниях России, на Дону, в Малороссии, а отчасти между старообрядцами.

Впрочем, с другой стороны, надобно заметить, что если мы, вследствие частых помесей, много потеряли в физической красоте, то, может быть, настолько же выиграли в физической и нравственной силе; потому что чем чаще и больше обновляется племя, тем больше оно получает задатков для будущего более сильного и разнообразного развития. Племя, предоставленное самому себе, кровь которого не освежается и не подновляется, обыкновенно мельчает физически и нравственно; чистый тип рано или поздно вырождается. Помесь в этом отношении действует благодетельно, но, конечно, было бы лучше, если бы эта помесь и в эстетическом отношении происходила бы в нашу пользу, что мы и начинаем замечать в последнее время. Теперь там и сям в России встречаются уже новые типы, образовавшиеся под другими условиями, при более счастливом сочетании племен. Между массой обыкновенных или даже некрасивых физиономий вы встречаете не редко поразительную красоту, усовершенствованный южный тип, перенесенный на нашу почву. Эти новые славяно-западные типы со временем будут встречаться все чаще и чаще, потому что, по складу современной истории, европейская помесь, естественно, у нас будет превалировать над азиатской.

В настоящее время Россия по своему географическому и этнологическому положению, едва ли не более чем другая какая-либо страна, представляет условий для изменчивости тип а ее жителей. Эти условия заключаются в обилии и разнообразии племен, населяющих Россию, и в более распространившихся сношениях с европейцами. Таким образом, тип наш теперь благодетельно подновляется и изменяется, как под влиянием внутренней помеси (остзейцы, поляки, евреи, цыгане, кавказские племена), так и наплыва иностранцев — немцев, англичан, французов, итальянцев и пр. Это в особенности ясно можно видеть в столицах, в больших торговых или портовых городах, в пограничных местностях или местах с смешанным народонаселением, по берегам Балтийского и Черного моря. При таких разнообразных столкновениях мы имеем право предположить, что со временем тип русской нации выработается гораздо совершеннее, так как ныне совершающаяся помесь дает лучшие результаты, чем бывшая помесь с татарами и финнами. Может ли это от-

разиться на умственном развитии народа, — мы увидим ниже.

Кроме России, без сомнения, племенная помесь происходит и во всех других местностях, где только существует смешение племен. Так, например, в Австрии, составляющей политическую смесь немцев, чехов, сербов, итальянцев, венгерцев, взаимная помесь всех этих разнохарактерных племен должна была отразиться на типе их. И, действительно, в Вене результат такой помеси резко бросается в глаза путешественнику. Ни в одном городе нельзя встретить столько разнообразной красоты, столько пестроты в сочетании разнообразных, нередко противоположных физических качеств, как там. Случаи помесей, напр., итальянцев с немцами, чехов с венгерцами и пр. дают новому поколению качества тех и других, напр., блондинок с черными бровями, глазами и ресницами, брюнеток с голубыми глазами, белокурых немцев с итальянским типом и пр.

При взгляде на современный венгерский тип, нельзя также не заметить в нем значительного уклонения от прежнего монгольского типа. Я считаю лишним много распространяться здесь о происхождении венгров или мадьяров — это вопрос истории. Скажу только, что во время пребывания моего в Пеште я был поражен сходством некоторых венгерцев с нашими казанскими татарами. То же самое впечатление испытал я и многие из моих товарищей-казанцев при посещении аудиторий венского университета, где было очень много студентов-мадьяров. Судя по тому, нет никакого сомнения, что этот народ, — обломок гуннов, есть выродок монгольского племени. Если мы вспомним портрет Аттилы, имевшего широкую грудь, маленькие глаза, редкую бороду, сплюснутый нос, смуглый цвет лица (Демулен, Приск), и вообще описание наружности гунна (Йордан), то убедимся еще более, что часть нынешнего венгерского населения, происходящего от них, есть отрасль монгольская. Находясь в других условиях, чем их единоплеменники, окруженные со всех сторон славянскими и немецкими народами, венгры естественно претерпели значительное смешение со своими соседями и в результате изменили свой родовой тип.

Эту изменчивость мы не можем объяснить исключительно влиянием климата. Оно обнаруживается, как мы видели, только на цвете кожи и волос. И, действительно, судя по описаниям, гунны были смуглы, а современные венгры не имеют этого признака. Стало быть, цвет их изменился под влиянием климата точно так же, как он изменился у евреев, переселенных на север, или как белый цвет кавказского племени, населившего Африку (Египет), перешел в бронзовый. Но, с другой стороны, мы видим, что в мадьярах утрачены или перемешаны и многие родовые монгольские признаки, выражающиеся в скелете, перемешаны так, что историки при

взгляде на этот народ долго колебались, куда отнести его происхождение. Чистого типа гуннов теперь не существует, а его можно узнать при больших или меньших изменениях в помесях, от него происходящих. Эта помесь совершалась очень давно и очень разнообразно. Народ, который навел ужас на Европу в IV столетии, а в V грозил ей совершенным порабощением, по свидетельству историков, состоял из пестрой смеси племен турко-монгольского и финского происхождения. Их смешение произошло у подножья Уральских гор, исконной родины финнов, куда зашли племена, вытесненные войною и другими неизвестными причинами из своих жилищ в Средней Азии. Кроме того, гунны увлекли в своем движении и славян; имя их осталось во многих славянских местностях, некогда им подвластных. Стало быть, гунны представляли имя собирательное: гунны, в собственном смысле, были монголы, — мадьяры, по свидетельству Грановского, принадлежали к финскому (чудскому) племени, которое составляло значительную часть гуннского народа, или, правильнее сказать, ополчения.

Из этого краткого исторического очерка можно понять, какое смешение и какое изменение должен был претерпеть монгольский тип при самом первоначальном его водворении в Венгрии. Это смешение продолжалось и в течение всей последующей истории Венгрии. Этим только и можно объяснить ту разнохарактерную смесь венгерского народонаселения, отсутствие чистого типа в этой стране, до такой степени, что одни историки считают родоначальниками венгров финские племена, другие — монгольские, третьи — славянские. Это последнее обстоятельство служит самым красноречивым доказательством нашей мысли о перерождении племени.

В настоящее время венгерский череп характеризуется следующими признаками: верхние челюсти сильно развиты, поэтому лицо приближается к прогнатическому типу. Лоб выгнут мало, затылок — умеренно, а середина черепа — очень сильно. Лицо умеренной длины, широко особенно в скуловых костях и верхних челюстях; в нижней части оно суживается. Нижняя челюсть очень велика, верхняя широка, сильно выдается вперед, дуги их велики и длинны. Вид черепа большей частью продолговато-овальный; лоб низок и узок, лицо сравнительно с черепом велико. Основание носа широкое; надбровные дуги значительно выступают; нижний край глазных впадин большею частью очень толст и выгнут кпереди; скуловые кости толсты, виски умеренно выпуклы; нижняя челюсть крепка и толста, подбородок закруглен и широк. Точно так же смешанные, переходные формы можно наблюдать у чехов, преимущественно в Праге, где резче выражаются следы помеси с немцами, у сербов, кроатов — следы помеси с венгерцами и северными итальянцами. На юге Франции бросается в глаза помесь с испанцами,

что придает обитающим здесь французам чисто - южный тип, с продолговатым лицом, черными, как смоль, волосами и черными глазами.

Изучая итальянский тип, мы прежде всего обратили внимание на разность теперешнего типа с древнеримским и на отличие северных итальянцев от южных. Кто внимательно всматривался в старые картины, фрески, бюсты и статуи в неаполитанском музее, римских музеях и преимущественно в Ватикане и Капитолии, музеях флорентийских и пр., особенно в бюсты и статуи римских императоров, греческих и римских философов, тот мог воскресить в своем воображении, на основании этого праха древности, — живой образ древнеримского типа.

В этом отношении особенно интересны бюсты первых императоров (Августа, Тиверия, Германика, Клавдия, Нерона, Тита и пр.), потому что они происходили от древних фамилий и не принадлежали, как многие из их преемников, к чуждым племенам.

Тип их большею частью резко характеризуется следующими чертами: вертикальный размер головы короток, вследствие этого лицо широко; верхушка черепа довольно плоская; нижний край челюсти почти горизонтальный, от этого очерк головы спереди подходит к форме четырехугольника. Боковые части головы выше ушей выпуклы, лоб низок, нос настоящий орлиный, т.е. горб начинается сверху и оканчивается не доходя до конца. Передняя часть подбородка округлена. Этот тип римлянина, резко характеристичный, можно видеть почти на всех бюстах, статуях, барельефах и древних картинах. Стало быть, это был тип народный, его не редко можно встретить и до сих пор в верхней Италии и к северу от Рима. В Неаполе он исчезает или, по крайней мере, становится очень редким.

Всматриваясь в портреты великих поэтов Италии: Данте, Петрарки, Ариосто и Тассо, в картины венецианской школы, в портреты дожей, собранные в бывшем дворце их, и пр., невольно поражаешься лежащим на всех этих портретах отпечатком одной породы. Но эта порода уже несколько отличная от древнеримской; здесь голова представляется продолговатою, лоб высокий и развитой, нос, загнутый концом книзу, с вздернутыми ноздрями. Этот тип можно и теперь наблюдать в Тоскане, Болонье, Ферраре, Падуе, Венеции и Милане. Он обязан своим происхождением галлам, потому его можно встретить не только в верхней Италии, но и по ту сторону Альп в Швейцарии около Женевы и отчасти во Франции (в Бургундии, Лионской области, Дофинэ и Савойе), что придает теперешним французам некоторое сходство с северными итальянцами.

Сравнивая эти два типа, т.е. чисто римский и современный итальянский, нельзя не придти к тому заключению, что тип древних римлян

значительно отличался от нынешнего. Классическая римская красота в настоящее время изменилась и приняла другие формы. Остатки ее, конечно, попадаются и теперь, но это не что иное, как обломки старого типа, перемешанные и сгруппированные с чертами пришлыми, как старые римские здания, реставрированные по новому стилю. Процесс этого вырождения римской нации совершался в течение веков под влиянием исторических переворотов римской империи, при наплыве и смешении разнохарактерных наций, путем замещения, разделения и видоизменения анатомических особенностей, вносимых каждой нацией в потомство при помеси крови.

Как результат этого вырождения, мы видим и теперешнюю разницу между северными и южными итальянцами. Красивые формы встречаются преимущественно в северной Италии. Череп северного итальянца в настоящую эпоху характеризуется следующим: он довольно широк, лицо сравнительно с черепом мало, умеренно длинно и скорее узко, чем широко. Вид черепа широкоовальный; лоб широк и сильно выпуклый, виски сильно выгнуты, затылок широк и плоскоокруглый; надбровные дуги не выдаются, отверстия глазных впадин велики и продолговато — четырехугольны, нижний край их тонко заострен; корень носа, равно как и носовые кости узки; скуловые кости тонки. Вид черепа спереди продолговато - овальный. Кроме этого красивого склада черепа, северный итальянец обыкновенно имеет круглые глаза, небольшой рот, прекрасные зубы, большую, окладистую, большею частью, черную бороду, стройный стан, средний, редко высокий рост при незначительном отложении пигмента в коже и достаточной жировой подстилке. Каждый путешественник, вероятно, обратил внимание на массу выдающихся красавиц и красавцев в Венеции, в Вероне, Милане, Турине, Генуе и отчасти во Флоренции и Риме, что особенно может броситься в глаза во время больших праздников карнавала, в театрах, на общественных гуляньях, при стечении масс народа, когда можно сделать оценку красоты народонаселения.

Совершенно особенный характер южно-итальянского типа можно наблюдать, напр., в Неаполе и его окрестностях. Здешние жители почти исключительно брюнеты; цвет кожи большей частью темно-матовый; черты лица более продолговатые, чем у северных итальянцев; нос длинный, прямой или выгнутый; рот довольно большой; жировая подкожная клетчатка развита очень мало. Вообще, южные итальянцы скорее походят на нынешних греков или наших цыган, а северные более приближаются к типу галльскому или южнославянскому. Нет сомнения, что в происхождении этих особенностей играло не маловажную роль и действие климата, но су-

щественным образом тип изменился под влиянием помеси крови.

Всматриваясь в польский тип, мы найдем в нем значительные особенности, отличающие его от славяно-русского типа. Череп их довольно велик, короток и очень широк; затылок плоский, лоб сильно выпуклый; средняя часть головы выгнута умеренно; лицо сравнительно с черепом довольно длинно, в верхней части довольно широко, а к низу суживается; глазные впадины малы и мелки (оттого глаза на выкате). Спереди голова кажется продолговато - овальной формы, с высоким и широким лбом; корень носа узок, носовые кости довольно велики, при соединении своем образуют плоский нос; нижняя челюсть значительно велика, подбородок довольно узкий.

Выработке польского типа содействовала помесь с соседними племенами. Вследствие географического положения и политических судеб этой страны, жители ее очень рано начали сталкиваться с окружающим их немецким народонаселением, с малороссами, эстонцами, пришлыми голландцами, французами и пр. и находящимися в их среде евреями. Таким образом, у поляков помесь с европейцами произошла раньше, чем у русских славян, и она дала лучшие результаты, чем помесь в России, происходившая в прежнее время с монгольским и с финскими племенами. От этого польский тип выработался несколько совершеннее, чем тип русский.

Эти примеры, надеюсь, достаточно доказывают, что племенной и национальный тип изменчив. Теперь остается указать на несколько примеров того, каким образом совершается это изменение. Изменение типа вследствие помеси наций может быть весьма разнообразно, что зависит от элементов, играющих роль в этой помеси. Кому неизвестно влияние еврейского, армянского или грузинского типа на тип славянский, и наоборот? Между обитателями России эта помесь выдается резче всего. Влияние помянутых племен на славянские черты отражается не только в цвете волос и глаз, но и в форме лица, которое делается уже; кроме того, изменяются форма и направление носовых костей, скул и челюстей, так что в новом поколении выходит большею частью нечто среднее между еврейским или армянским и славянским типами, дающее более красивые формы. Сглаживание и улучшение формы вследствие помеси образуется большею частью не вдруг, а через несколько генераций, когда родоначальные типы, перемешиваясь, совершенно маскируются. Конечно, такое превращение может происходить и быстрее, особенно если на рождающихся детях одновременно отражаются черты обоих родителей.

Всматриваясь в русских красивых брюнеток и брюнетов с продолговатым лицом, широким лбом и прямым, тонким носом, напоминающих собой итальянский тип, мы по возможности старались анализировать

их генеалогию. Большею частью оказывалось, что в ряду их родоначальников, иногда за несколько генераций, были пришлые элементы, именно еврейский, армянский, грузинский или итальянский. При виде таких субъектов можно, в большинстве случаев, смело сказать, что в произведении их от славянского корня участвовали пришлые нации, а иногда при строгом наблюдении — даже какие именно.

Признаки пришлой помеси сохраняются на поколении иногда очень долго, воспроизводясь в последующих генерациях в форме смешанного типа, если только они не будут парализованы более сильным влиянием чистокровного родителя, вполне отразившего на детях свои национальные черты. Такое возвращение к чистому типу, впрочем, происходит сравнительно реже, чем продолжение смешанного, так как большею частью, при продолжающихся помесях, на рождающемся потомстве воспроизводятся одновременно, хотя и не всегда в одинаковой степени, черты обоих родителей. От этого в общей сложности, при смешении племен происходит мало-помалу, при различных колебаниях, изменение племенных типов. Напр., при долго продолжающемся смешении брахицефалов с долихоцефалами, ортогнатических племен с прогнатическими, в общем итоге, наконец, будет средний тип, в котором характеристические резкие черты тех и других утратятся.

При помеси славян с татарами, башкирами, калмыками образуется точно так же смешанный тип, в котором славянские черты будет носить отпечаток монгольского происхождения; в этом случае круглое славянское лицо не суживается и не удлиняется, как при только что описанной помеси, а, напротив, расширяется и делается более плоским. Форма черепа, относительные размеры лица, формы и степень развития лицевых костей (скуловые и носовые кости, верхняя и нижняя челюсти), форма и направление глазных орбит теряют резкую типичность той и другой расы, выражая собою нечто среднее, как бы переходную форму. От этого между полукровными славянами с примесью монгольской крови мы встречаем типы с татарским оттенком, что особенно часто можно наблюдать на окраинах России, например, около Астрахани, в Казанской, Оренбургской, Вятской и Пермской губерниях и в Сибири. Такие смешанные типы при дальнейших генерациях производят подобное же поколение, в котором будут преобладать монгольские или славянские черты, смотря по тому, какого влияния было больше. Так как татарская помесь происходила у нас большею частью очень давно, изменялась и перерождалась под влиянием помесей с другими инородцами, то на таких смешанных типах иногда бывает уже трудно узнать следы их первоначального происхождения, хотя все-таки переродившийся тип будет отличен от типа чисто славяно-русского.

Этим смешением можно объяснить то всем известное явление, что у нас народонаселение почти всех губерний имеет нечто особенное в своей наружности. Сравните, напр., ярославских или московских крестьян с крестьянами Вятской, Нижегородской, Пермской, Петербургской, Псковской, Витебской губерний и пр., и вы увидите разницу их так осязательно, что при некотором навыке можно даже в некоторых случаях приблизительно сказать, к какой губернии принадлежит крестьянин. Чем меньше инородцев в губернии, тем славяно-русский тип чище, и наоборот. Этим же мы, между прочим, объясняем и общее отличие русского типа (весьма, впрочем, разнообразного в частностях) от типа других славянских народов, напр., поляков, чехов, сербов и пр., выработавшихся под другими условиями, при других помесях, большею частью с европейскими народами.

До сих пор мы говорили о помеси наций, теперь обратим внимание на помесь фамилий. Кому из путешествовавших по России не известно, что в нашем обширном отечестве встречаются ограниченные местности, отдельные села и деревни, исстари славившиеся, как оазисы среди пустыни, красотой своих жителей. Такая молва большею частью идет не напрасно. В этих селах и деревнях вы действительно встречаете народонаселение и стройное и красивое, иногда с совершенно особенным оттенком, чем в смежных местностях. Образчиком этому может служить, например, наша Охта, если мы сравним ее жителей с жителями других окрестных петербургских деревень. Объяснить это не трудно, если мы вспомним, что некоторые отдельные местности точно так же славятся красотой и лучшим качеством животных. Так, напр., кто не знает про холмогорских и тирольских коров, про вятских и шведских лошадей, про романовских и шленских овец и пр. Эти животные, раз разведенные от доброкачественных родоначальников и поселенные в известной местности, плодились здесь, сохраняя более или менее свой первоначальный тип даже при продолжающихся время от времени помесях с туземными животными.

Точно так же объяснение вышеприведенного факта исключительной красоты мы должны искать в счастливом происхождении этих жителей от красивых и крепких родоначальников, или в подновлении семейных пород пришлыми, однокровными, но лучшими элементами. Так, например, относительно Охты мы знаем, что жители ее произошли от переселенцев разного рода вольных людей Новгородской, Тверской и Олонецкой губерний, выписанных сюда при Петре I в числе трехсот. Зная, с одной стороны, что жители Новгородской и Тверской губерний и прежде и теперь отличаются стройным и красивым сложением, а вольная молодежь их, выбранная для переселения, по всей вероятности

состояла из более способных к работе, следовательно, более рослых и крепких людей; с другой стороны, предполагая, что вольные переселенцы, преимущественно старообрядцы, едва ли в своем поколении допускали помесь с окрестными (туземными) жителями Петербурга, — мы поймем, отчего тип охтян выработался чище и лучше, нежели у жителей окрестных петербургских деревень, где происходили и происходят помеси с финским племенем. С другой стороны, нельзя не допустить и того предположения, что охтянки при своей свободе, в постоянных сношениях с Петербургом, кое-когда подновляли свой род элементами разнообразного петербургского народонаселения.

Относительно деревень, разбросанных в глубине России, большею частью можно сказать то же самое, т.е. что красивые жители их произошли от переселенцев из других губерний, отличающихся лучшим типом жителей, или расплодились и усовершенствовались под влиянием пришлых и временных обитателей. В ряду этих последних нужно поставить на первом плане войска и фабричных рабочих. Что долго продолжающиеся военные постои имеют влияние на тип нового поколения занимаемой ими местности, в этом внимательному наблюдателю убедиться легко. Рослые и бравые солдаты, особенно гвардейских и лейб-гренадерских полков, сплошь и рядом служат рассадниками красивого народонаселения, незаметно сглаживают фамильные недостатки данной местности, обновляют вырождающееся племя, точно так же, как в сельскохозяйственном быту кровные или полукровные животные (приводимые с заводов) поддерживают и поправляют мельчающую расу деревенского скота. Мы слыхали, что описанное влияние солдат было давно известно помещикам, и что некоторые из них, по экономическим расчетам, будто бы желали в своих деревнях военных постоев, находя, что налоги от них значительно вознаграждаются в будущем приобретением большого количества живых рабочих сил. Как бы то ни было, но, сравнивая народонаселение местности, где долго квартировали войска, с народонаселением местности, где не было этих постоев, мы почти всегда найдем, что жители первых превзойдут рослостью и силой.

И это будет еще понятнее, когда мы разберем законы вырождения и подновления фамилий, — влияние помеси крови и отборно доброкачественных племенных рассадников на новое поколение данной местности. Кроме солдат, такую же роль могут играть, хоть и в меньшей степени, и другие пришлые и временные обитатели, как, напр., рабочий ремесленный люд, приходящий на заработки из других губерний, мелкие торговцы (напр., вязниковцы, офени и пр.), фабричные и т. п. Влияние их на тип жителей данной местности менее заметно, нежели от солдат, так как численность первых несравненно менее, но оно все-таки есть.

Уральские, донские и малороссийские казаки славятся своим ростом и красотой. Тип донской казачки имеет в себе нечто особенное (черные быстрые глаза, черные брови; тонкий, большей частью прямой нос; лицо более продолговатое, чем у других славяно-русских женщин; стройный стан и пр.), точно так же, как и тип казака, если его сравнивать с великорусским крестьянином. Развитие такого типа будет понятно, если мы вспомним историю образования казачества. Даже прежде того, напр., во времена Владимира, в Киеве и вообще в южнорусской земле население было более смешанное, чем в другой местности: тут были и греки, и варяги, шведы, датчане, поляки, печенеги, немцы, евреи и болгары. Эта пестрота народонаселения естественно давала поводы к помесям. Не только Киев, но и вся киевская земля населена была такою смесью. Население здесь увеличивалось не посредством народного размножения, а передвижением его из разных более или менее отдаленных стран. Поэтому на юге России, при наплыве разнообразного народонаселения и постоянных столкновениях с разнохарактерными соседними и пришлыми племенами, тип южнорусский мог вырабатываться лучше. Богатыри Владимира, даже женщины того времени, славились высоким ростом, необыкновенной физической силой и удалью.

Впоследствии казачество на Днепре и на Дону еще более выработало и усовершенствовало южный славянский тип. Эти древние русские рыцари составляли наплыв более энергического народонаселения из всех краев русского государства. Ряды казачества наполнялись людьми недовольными, теми, кто не уживался в обществе, для кого не по натуре были его узы, — стало быть, сравнительно, людьми лучшими. В закладке донского казачества, равно как казачества по берегам Волги, Яика, Терека, лежала уже более или менее выработанная малороссийская народность. При политической свободе и при частом обновлении племени, естественно, тип казаков усовершенствовался быстрее, чем тип крестьянского народонаселения.

Таким образом можно объяснить происхождение областных и фамильных особенностей типа и во всех других местностях.

Вышеприведенные факты и рассуждения, надеюсь, показывают ясно, что типы человеческие изменчивы и переходчивы, что они существенным образом подчиняются влиянию помеси и отчасти — влиянию окружающей среды. Сознание этого служит краеугольным камнем для дальнейших наших рассуждений. Теперь мы должны показать причины и условия изменяемости типа, именно начать с наследственности, потому что без знания законов ее нельзя понять, каким путем род человеческий совершенствуется или вырождается.

Глава вторая

Знание наследственности в изменяемости человеческого типа

Чтобы яснее представить процесс вырождения или усовершенствования человеческих пород, необходимо познакомиться с общими физиологическими законами наследственности.

В настоящее время, конечно, никто не будет сомневаться в том факте, что материальное необходимое и существенное условие развития состоит в слиянии мужского элемента — семенного живчика с женским элементом — яичком. Зародыш есть продукт этого слияния.

Как яичко, так и семенной живчик носят в себе, подобно зерну растения, скрытые задатки индивидуальных особенностей того лица, которому они принадлежат. Как из макового зерна не разовьется колос, из куриного яйца не выйдет фазан, так и из семенного живчика или яичка от лиц кавказской расы не произойдет негр или калмык. Мало того, через помянутые элементы размножения передаются и более частные, индивидуальные способности — цвет волос и глаз, очертание лица, свойства сложения и пр., так что новый индивидуум получает отпечаток родителей. На этом основано явление наследственности и сходство родителей с детьми.

С другой стороны, на процесс возрастания имеют влияние среда, условия питания, развития, упражнения органов, так что унаследованные признаки могут получить через это то или другое направление, вследствие чего сходство детей с родителями может приближаться или отдаляться, особенно в течение нескольких поколений.

Если признаки супругов, произведших новый индивидуум, существенно различны, то на новой особи обыкновенно отражаются или признаки одного из родителей, преобладавшего в воспроизведении, или смесь признаков того и другого. В последнем случае продукт не будет вполне походить ни на одного из родителей, а представит нечто среднее между тем и другим. В свою очередь, эта новая личность, при своем собственном размножении, может передать, по тем же законам, или свои личные признаки всецело, или только признаки, унаследованные от одного из родителей, или те и другие в смеси с признаками того лица, с которым оно вступило в брачные сношения. На этом основано изменение породы путем помеси крови.

Если новая особь, носившая в себе сочетание признаков отца и матери, при своем размножении передает признаки одного из своих родителей, тогда проявляется сходство внучат с дедами. Такой возврат

к родичам, вероятно, может случиться и через несколько генераций, если ослабленные в родителях свойства снова усилятся в потомках вследствие благоприятных условий. В этом заключаются общие основания наследственности. Почему в одном случае потомок получает больше свойств от отца, чем от матери, в другом — наоборот, - решить трудно. Во всяком случае, здесь, кажется, должно играть некоторую роль свойство живчика и яичка. Может быть, сравнительно лучше развитой живчик обусловливает преобладание отцовского влияния. Противоположный случай, т. е. проникновение слабого в развитое и доброкачественное яичко, дает место преимущественному проявлению в зародыше свойств матери. Это предположение можно подтвердить теми фактами, что у крепких, здоровых и энергичных женщин, зачавших вскоре после месячных очищений (преимущественно период зрелости яичек), рожденные дети чаще походят на мать. Но, повторяем, этот закон сходства далеко еще не подмечен и не определен ни у человека, ни у животных, и это служит существенным препятствием рациональному улучшению породы.

Относительно живчика и яичка мы знаем, что они во время половой жизни не остаются в одном и том же состоянии, а первые постоянно нарождаются, вторые созревают и потом снова приходят в увядание, исчезают. Кроме того, мы знаем также, что общее расстройство организма или местные болезни половых органов имеют большое влияние на свойства элементов размножения. У людей больных или слабых, семенные живчики оказываются вялыми, мало подвижными и мало развитыми, так что, наконец, они делаются неспособными к оплодотворению. Это мы замечаем; также у стариков и лиц истощенных, особенно злоупотреблением половых сношений. С другой стороны, у людей крепких, здоровых и воздержных по виду и энергии живчиков можно судить о более совершенном их развитии. Оплодотворяющая способность таких людей обыкновенно бывает развита в сильной степени, и новая особь, происходящая вследствие такого оплодотворения, развивается лучше и правильнее.

То же самое мы видим и в женских яичках. Процесс оплодотворения может застать их в различные эпохи развития (вследствие преждевременного разрыва граафова пузырька) и при различных качествах. Поэтому яичко в некоторых случаях хотя и может воспринять оплодотворение, но по слабости своего развития сравнительно с семенным живчиком оно будет оказывать меньше влияния на структуру и отличительные черты нового индивидуума. Во всяком: случае, нельзя отвергать, что от степени развития; здоровья энергии элементов размножения зависит большая или меньшая степень участия

этих элементов в форме и свойствах развития плода. Стало быть, есть основание допустить, что сходство детей с одним из родителей обусловливается преобладанием силы элементов этого развития. Поэтому у старых, истощенных или больных мужей дети гораздо чаще походят на мать, чем на отца. Из вышесказанного можно вывести следующее практическое применение: если женщина желает, чтобы дети походили на нее, то больше шансов достигнуть этого в том случае, когда оплодотворение будет совершено вскоре после месячных очищений, когда больше можно рассчитывать на зрелость и более совершенное развитие яичка. С другой стороны, мужчина больше может рассчитывать на сходство со своим поколением тогда, когда трата семени у него происходила в большие промежутки времени, стало быть, когда семенные нити успевают более развиться. Ежедневные совокупления в этом отношении будут служить не в его пользу. Онанисты, люди, страдающие непроизвольным истечением семени или злоупотребляющие половыми сношениями, значительно ослабляют силу своих семенных живчиков, так что становятся или вовсе непроизводительными, или, по крайней мере, мало уделяют своего влияния на развивающийся вследствие такого оплодотворения плод.

Некоторые читатели могут подумать: не слишком ли мы ограничили причину сходства детей с родителями, приписывая это только семенному живчику и женскому яичку? Казалось бы, что в этом отношении со стороны матери надо было указать и на другое влияние — влияние почвы, на которой развивается утробный плод, влияние материнской крови. Но мы напомним читателю, что кровь матери здесь играет роль только питательного материала, притом доступного зародышу не с самого начала беременности, а по истечении известного времени, когда зачатки органов плода уже существуют. Мало того, даже самое яичко не все участвует в воспроизведении органов и форм нового индивидуума, а только известная, самая незначительная его часть, именно зародышевый пузырек с зародышевым пятнышком. Остальная часть яичка тоже составляет только питательный материал. Это мы яснее увидим на курином яйце, в желтке которого каждый может заметить сероватое пятнышко, с горошину величиной. В этом-то пятнышке и происходит начало и вся сущность будущего цыпленка; здесь, как и в зерне, скрыты и сосредоточены все готовые уже отличительные формы нового животного, а вся масса желтка назначена для того только, чтобы дать средства на счет ее развиться этим формам. Стало быть, и материнская почва вместе с желтком яичка не играет никакой роли в воспроизведении признаков новой особи, а, как земля для зерна растения, представляет только

необходимую среду для развития скрытых в существенных элементах размножения форм и признаков. Поэтому влияние матери на форму и признаки плода совершенно равносильно влиянию отца. Другое дело — здоровое питание и развитие плода: это зависит уже от матери, стало быть, только в этом отношении она и может гордиться своим большим влиянием.

Итак, мы знаем вообще, что у животных и человека дети носят отпечаток произведших их родителей. Впрочем, в человеческом роде в этом отношении мы встречаем нередко отступления от общего правила: видим, что дети совершенно не походят ни на отца, ни на мать, представляя иногда черты близких знакомых (мужчин) или дальних родственников. На подобных фактах и было когда-то основано учение о заглядывании и передаче фамильных признаков через несколько поколений. То и другое учение держалось очень долго и по настоящее время так упорно держится в публике потому, что оно представляет много успокоительного для мужей и законный щит для жен в тех случаях, когда на детях их обнаруживается совершенно чуждый тип.

Теория заглядывания для некоторых людей имеет тем более доказательной силы, что основание ее кроется еще в книгах священного писания. В подтверждение этого ссылаются на историю Иакова, жившего у дяди своего Лавана, когда он будто бы подметил этот закон природы. Известно, что по условиям, сделанным между этими двумя лицами, пестрые овцы должны были принадлежать Иакову, а одноцветные — Лавану. С целью размножения как можно более пестрых овец, Иаков начал класть в бассейны пестро струганные палочки, на которые овцы должны были смотреть во время водопоя, и это отражалось на цвете шерсти приплода. Этой уловкой Иакова, перехитрившего Лавана, воспользовались впоследствии и жены, чтобы перехитрить мужей. В случае если родившийся ребенок их носил черты какого-нибудь ami de famille, это объясняли заглядыванием, т.е. что беременная женщина часто смотрела на близкое лицо, и оттого черты его отразились на ребенке.

На основании той же теории, разделяемой когда-то врачами и физиологами, советовали окружать беременных женщин изящными предметами (красивыми картинами, цветами, вообще комфортом) с целью приобрести более красивое потомство.

С другой стороны, теорией заглядывания объясняли также и различные уродства или физические недостатки на рождающихся детях, напр., прирожденные болезни кожи, родимые пятна, в форме которых искали изображения того животного, которым была напугана женщина во время беременности (большею частью мышь, крыса). Само собой

разумеется, что подобные взгляды на происхождение красоты или безобразия детей смело могут быть отнесены в настоящее время к разряду нелепых басен, порожденных и поддерживаемых невежеством.

Мы уже видели, что тип рождающемуся потомству передается исключительно через мужское семя (семенные живчики) или женское яичко, следовательно, этот тип неизбежно должен носить отпечаток или отца, или матери, или обоих вместе, видоизменяясь таким образом вследствие новой группировки признаков и видоизменений их от такого сочетания. Поэтому на родившемся ребенке мы видим иногда всецело воспроизведенный тип одного из родителей или, еще чаще, черты того и другого, напр., глаза отца, брови и ресницы матери и т. п. Форма этого сочетания может быть весьма разнообразна и в некоторых случаях до такой степени может затемнить сходство, что ребенок представляется как бы с новым типом. Точно так же, как от смешения двух красок образуется новый цвет, и от смешения двух физиологических элементов происходит новый тип, который все-таки должен представлять собой не что другое, как результат этого смешения. Закон этот, так точно определенный относительно красок, конечно, далеко не исследован относительно происхождения человеческих типов, но все-таки в общих чертах он известен. Например, блондин и блондинка не могут произвести кровного брюнета. Точно так же, если мы видим на ребенке прямой и тонкий нос, мелкие глазные впадины (глаза на выкате), тонкие и узкие скуловые кости, тонкий и острый подбородок, тогда как у обоих родителей эти черты совершенно противоположны, то, разумеется, такой экземпляр скорее заставит сомневаться в действительности законного родителя, чем в общих законах наследственности.

То же самое нужно сказать про те случаи, когда на ребенке отражается какой-нибудь резкий национальный тип, напр., еврейский, армянский, татарский и пр., когда родители не принадлежат к этим нациям и в своих чертах не имеют с ними ничего сходного. Впрочем, при кажущемся несходстве детей с родителями, достаточно иногда подметить в них один какой-нибудь резкий признак отца (напр., нос, глаза, какую-нибудь особенность сложения), чтобы убедиться в действительном их происхождении от данного родителя, несмотря даже на резкое несходство во всех других отношениях.

На одном ребенке никогда не могут быть следы двух отцов, так как зачатие совершается непременно вследствие одного плодотворного совокупления. Поэтому, если плод хотя одной чертой доказывает происхождение свое от законного отца, то все другие несходные черты должны быть объяснены или смешением материнских и отцовских признаков, или наследственностью через одно или два поколения.

Мы сказали, что смешение типов, как и смешение красок, имеет свои законы и пределы, точного определения которых нужно ожидать еще от будущих исследований. Теперь об этом можно сказать одно, - что основание этих законов, т. е. перехода красок и форм, должно быть чисто физическое и механическое. Так, в этом отношении для нас очень понятно, если у брюнета и блондинки ребенок будет иметь русые волосы и карие глаза, от широколицего и длиннолицей родится плод с овальным лицом, от негра и белого родится мулат и пр. Словом, при сочетании противоположных или различных качеств являются черты переходные, в которых резкие особенности одного элемента сглаживаются на счет другого. На этом основано происхождение новых типов и усовершенствование существующих. При этом мы должны еще упомянуть об усилении типа, вследствие сочетания двух однообразных элементов. Так, от русых родителей могут родиться белокурые дети, от двух брюнетов может явиться еще более окрашенный или даже рыжий тип, причем на потомстве иногда являются и другие признаки этого типа, которых не было на родителях, напр., курчавые волосы и т. п. Законы усиления тоже не исследованы в точности, хотя существование их несомненно. Вообще законы усиления и разделения признаков на потомстве могут быть выражены математически: два однообразных элемента дают в смешении или однородное произведение, или сумму взятых качеств; два разнообразных элемента производят разделение или математическую разность качеств того и другого, т.е. смешанный тип.

Кроме теории заглядывания, несходства детей с родителями часто объясняют передачей признаков через поколение (возврат к родичам). Если ребенок непохож ни на отца, ни на мать, то обыкновенно говорят, что он вышел в бабушку, прабабушку, дедушку, тетку и т. п. Такое толкование не противоречит научным наблюдениям, хотя нужно сознаться, что им в жизни злоупотребляют довольно часто, произвольно расширяя пределы помянутого закона и давая необузданную волю воображению при отыскивании сходственных признаков. Поэтому мы считаем нужным несколько распространиться здесь об этом предмете.

Передача признаков не непосредственно от родителей к детям, а скачками, через одно или два поколения, составляет весьма интересный биологический факт, но факт еще мало исследованный. Резким, неопровержимым доказательством этому могли бы служить те случаи, когда таким образом передаются в потомство различные патологические неправильности сложения и наследственные болезни, которые гораздо легче отличить, и легче проследить порядок их происхождения, нежели сходство в анатомических чертах (на основании последних можно судить только приблизительно, с большим или меньшим вероятием).

Действительно, случаев такой передачи в медицинской литературе можно отыскать несколько. Так, напр., случалось наблюдать передачу через поколение наследственного помешательства, порочного развития конечностей (короткие руки, излишние или сросшиеся пальцы и пр.).

Здесь нужно допустить странную гипотезу, что ненормальные качества семени деда произвели свое влияние не на развитие первого поколения» а только на семя того поколения, от которого развились уродливые внуки. Такая гипотеза была бы слишком смела и произвольна, потому она может иметь место только тогда, когда будущие более точные наблюдения действительно покажут несомненность вышеприведенных фактов передачи патологических недостатков через поколения.

Итак, мы можем сказать, что путем непосредственной или посредственной передачи анатомических и физиологических свойств от родителей к детям сохраняются, в течение известного времени, фамильные особенности или фамильный тип, равно как и тип целой нации. Рано или поздно, однако же, этот тип маскируется и совершенно изменяется, или вследствие преобладающего влияния новых, пришлых элементов, или вследствие обмельчания, вырождения, при недостатке подновления крови.

При вопросе о наследственности, мы кстати коснемся образования полов. Причины происхождения полов доискивались с давних времен, придумывали на счет этого и странные, и более или менее правдоподобные гипотезы, но все это до сих пор имеет весьма шаткие основания. В прежние времена (Гиппократ) приписывали разность полов разности яичек или яичников, из которых произошло оплодотворившее семя или оплодотворенное яичко. Так, например, по этой теории яичко, вышедшее из правого яичника, давало при оплодотворении мальчика, из левого яичника — девочку.

Но эта гипотеза пала сама собой, когда накопившиеся факты показали наблюдателям, что женщины с одним яичником (при уничтожении другого вследствие болезни или операции) рождали одинаково и мальчиков и девочек; то же самое и мужчины с одним семенником производили детей обоих полов.

Аристотель дал намек на другую причину разности полов, именно на разность возраста родителей. На эту идею обратили особенное внимание позднейшие исследователи и на основании ее создали целые теории и старались вывести точные законы о происхождении полов. Так, напр., Жиру, исследовавший этот вопрос на баранах, говорит, что «пол продукта более или менее зависит от относительной силы спаривающихся особей. Продукт старого отца и молодой матери тем менее походит на отца, чем дряхлее он, и чем сильнее она, а продукт

от старой матери и молодого отца тем менее походит на первую, чем она слабее, а он сильнее. По свидетельству Мертегута (1861), в овчарне Biale в Blanc весьма сильные бараны спаривались с слишком молодыми и с очень старыми овцами, вследствие чего рождалось большее количество самцов. Наоборот, от спаривания сильных овец с слишком старыми баранами преимущественно получались самки.

Профессор медицины в Тюбингене Гофаккер в 1828 году опубликовал свою теорию, по которой причина пола плода должна заключаться в возрасте родителей. Эту теорию он составил на основании фамильных списков тюбингенских жителей, из которых он взял 2.000 детей и проследил их происхождение. Он разделил в этом отношении браки на несколько классов, в которых разность родителей была 1-3 лет, 3-6 лет и 9-12 лет и вывел из своих исследований следующие законы: 1) Если жена старше мужа, то от такого брака вообще родится больше девочек. 2) Равным образом родится больше девочек, чем мальчиков, и в том случае, если отец и мать одинакового возраста (женщина, рожденная в одном году с мужчиной, в замужестве должна считаться старше его, так как она вообще скорее старится). 3) Если муж старше жены, то у них больше родится мальчиков, и именно в возрастающей прогрессии с разностью возраста родителя.

Вскоре после этого Michael Thomas Sadler опубликовал подобные же наблюдения (Law of Population. London. 1830. 3-я глава 4-й книги). Он имел в виду 2068 детей. В 54 супружествах муж был моложе жены, и от этих супружеств родилось 122 мальчика и 144 девочки, следовательно, отношение первых к последним было как 865 к 1000. В 18 супружествах возраст родителей был равный, от них родилось 54 мальчика и 57 девочек или 975 мальчиков к 1000 девочкам. В 309 случаях муж был старше жены, и от этих браков родилось 929 мальчиков и 765 девочек, следовательно, мальчики относились к девочкам, как 1214 к 1000. Далее, разбирая эти последние браки по категориям, Задлер нашел, согласно Гофаккеру, что чем старше был муж, тем больше у них родилось мальчиков. После того этот, так называемый Гофаккер-Задлеровский закон относительно происхождения полов был проверен многими исследователями (Gochlert, Noirot, Legbyt, Wappen's и др.) в обширных размерах, и каждый раз он более или менее оправдывался. Само собой разумеется, что при оценке этого закона нужно брать во внимание целые массы, а не отдельные случаи.

Только в последнее время исследования цюрихского профессора Бреслау оказались не совсем согласными с вышеприведенными вычислениями. В 1862 году в Цюрихском кантоне от браков, где муж был старше жены, родилось 3114 мальчиков и 2851 девочек (1092 мальчиков

на 1000 девочек); от браков, в которых муж и жена были одинакового возраста, было 326 мальчиков и 290 девочек (1124 на 1000 девочек), а где жена была старше мужа — 949 мальчиков и 878 девочек (1080 мальчиков на 1000 девочек). Из этого видно, что при всех отношениях возраста родителей оказывалось мальчиков больше, чем девочек, но все-таки и в этом вычислении существуют колебания в их перевесе сообразно с разностью возраста родителей.

Доктор Буден (Boudin) в 1863 г., в заседании Парижской Академии Наук (23 февраля), представил записку под заглавием: De l'influence de Гаде relatif des parents sur le sexe des enfants, в которой закон Гофаккер-Задлера опять подтверждается. По его исследованиям, от браков, где муж был моложе жены, рождалось 1000 девочек на 910 мальчиков; где супруги были равного возраста, там пол детей относился как 1000:945; а где отец был старше, там на 1.000 девочек родилось 1092 мальчика.

Из всего сказанного можно с большей или меньшей основательностью заключить, что относительный возраст родителей, кажется, должен иметь влияние на происхождение пола детей. Этим влиянием, во всяком случае, легче всего объяснить тот общий статистический закон, по которому во всех городах и местностях, в больших и малых родильных домах, всегда число рожденных мальчиков бывает больше, чем девочек (1092 на 1000), может быть, именно потому, что в нормальных браках муж всегда несколько старше жены.

Почти то же самое показали и помянутые исследования Мертегута в овчарне Biale. Самые благоприятные спаривания для мужского приплода были для двухлетних овец с двухлетними баранами (56,11%), трехлетних овец с четырехлетними баранами (56,76%), четырехлетних овец с пятилетними баранами (58,29%). Если возраст барана превышал возраст овцы более, нежели одним годом, то число мужского приплода превышало среднее количество (5,07%); если же мать была старше отца, то количество мужского приплода уменьшалось. Такие же наблюдения сделаны были над рогатым скотом, из которых видно, что отношение возраста спаривающихся особей имеет большое и постоянное влияние на количество мужского и женского приплода. Но, чтобы эти наблюдения имели полное значение, необходимо было бы обращать внимание и на количество случек каждого барана и на сроки этих случек. Если предположить, что от барана требуется больше силы для мужского приплода, то нельзя забывать, что эта сила должна уменьшаться от слишком частой случки, так как количество семенных живчиков и зрелость их при этом уменьшается. Сельские хозяева на это имеют положительные факты. Ежегодно

наблюдается ими, что в начале яра, пока баран обладает полною силою, он производит более самцов, чем самок. Несколько дней спустя, когда овцы в большем количестве приходят в охоту, и баран истощается от частой случки, тогда получается от него более самок, чем самцов. Когда, наконец, этот период яра начинает проходить, и число в охоту приходящих овец уменьшается, тогда мужской приплод делается снова преобладающим. Это может служить подтверждением вышеприведенного нами положения, именно, что частая потеря семени препятствует как воспроизведению мужского поколения, так и сходству детей с отцом.

Наконец, из новых теорий о происхождении полов, мы должны упомянуть о теории Тюри (Thury). Она основывается на степени зрелости яичка в различные периоды течки. Эта теория одностороння уже по тому самому, что здесь берется во внимание только один из элементов размножения, именно женский. С другой стороны, проверить и доказать эту теорию фактами было бы очень трудно, потому что наблюдать степень зрелости яичка мы не имеем никаких средств. Поэтому теория Тюри навсегда должна остаться шаткой и произвольной гипотезой. К женщинам она не применима, так как период овуляции (созревания и выхождения яичек) у них не бывает так резко ограничен, как у животных; разрыв граафовых пузырьков и выхождение яичек у них, по всей вероятности, совершаются и вне менструальной эпохи. По крайней мере, срок зачатия у женщин в наибольшем числе не совпадает со сроком месячных очищений.

Из всего вышесказанного о происхождении полов можно вывести только то заключение, что пол плода, так же, как и его наследственные свойства и признаки, зависит от преобладающего влияния одного из супругов, или, лучше сказать, от преобладающего влияния и силы одного из элементов размножения. Зрелость яичка и семенного живчика, возраст и сила родителей составляют только условия этого преобладания, условия, в число которых можно бы было включить и несколько других побочных, которые также могли бы содействовать или противодействовать этому преобладанию и, стало быть, по вышеозначенным теориям, тоже могли бы быть включены в число причин происхождения полов.

Теперь мы скажем о передаче наследственных качеств в частности. Потомству могут быть переданы от родителей все анатомические, физиологические и даже отчасти психические качества. При браках одноплеменных в этой передаче нет ничего особенного. Новый индивидуум обыкновенно с большей или меньшей отчетливостью воспроизводит в себе признаки родителей. Другое дело при браках разноплеменных, при

помеси крови. Здесь не все признаки родителей передаются одинаково легко и скоро.

Мягкие части тела — развитие мышечной системы, количество подкожной жировой клетчатки, характер кожи и волос и прочее обыкновенно при наследственности представляются очень подвижными. У птиц и млекопитающих не представляет большой трудности произвести животное путем рационального подбора, так сказать, по заранее определенному рисунку с известными крапинками и цветными пятнами, и для этого не требуется многих генераций. Искусный заводчик сэр Джон Себрайт говаривал (по свидетельству Дарвина) относительно голубей, что он берется произвести всякое данное перо в 3 года.

На основании такой наследственности английский фермер Баку эль создал целые породы домашних животных, сложение которых вполне соответствовало предположенной цели. Он хотел, напр., чтобы у быков, назначенных для бойни, мясистые части, составляющие лучшие куски, развились на счет частей худших. После пятнадцатилетних опытов ему удалось развести многочисленную породу быков, у которых головы и кости отличались очень малыми размерами, ноги были короткие, брюхо узкое, кожа тонкая и нежная, между тем как грудь и бедра были очень массивны, и мышцы этих частей развиты до того, что вес их равнялся двум третям всего веса животного. Соображая, что рога у животного бесполезны и часто даже опасны, Баку эль произвел виды, не имевшие вовсе рогов. Таким же образом он развел породу больших лошадей, употребляемых в Лондоне для перевозки тяжестей.

Но самое обширное поприще для искусственного разведения животных путем подбора и наследственности и вместе с тем верх успеха — был на овцах. Здесь при разведении старались преследовать различные цели. Англичане смотрели на овцу, как на питательный материал, поэтому те части ее тела, которые доставляли лучшее мясо, старались развить до наибольших размеров. Для этого они разводили таких животных, которые уже в молодости были бы способны отлагать мясо и сало; в результате у таких животных до последней возможности развита подкожная жирная клетчатка. У этих овец подкожный слой сала может быть так толст, как у свиньи (английская овца). При разведении мериносовых пород старались, наоборот, обращать исключительное внимание на шерсть, тонкость и мягкость ее. В какой степени эта цель достигнута, каждый может судить по сравнению тонких шерстяных материй из мериносовой шерсти с грубыми произведениями из шерсти обыкновенной. Наконец, некоторые овцеводы желали соединить на породе оба качества, т. е. мяса и шерсти, и более или менее достигли этого результата скрещиванием мериносовой и лей-честерской пород.

Не только родовые и фамильные признаки могут передаваться потомству, но даже и те особенности, которые составляют случайные отступления, игру природы. Примером этому может служить недавно разведенная порода моршанских овец, отличающихся необыкновенно тонкой шерстью, почти не уступающею шерсти кашмирской козы. Порода эта произошла таким образом. В овчарне родился очень слабый барашек, с необыкновенно тонкой шерстью, так что сначала его сочли было за уродца, ни к чему не пригодного. Этого барашка случили с мериносовой овцой, и тонкая шерсть стала постоянно передаваться потомственно на всем поколении.

То же самое наблюдается и у человека: например, известны целые породы тучных людей, у которых тучность составляет фамильное качество. Ожирение, так часто встречающееся в купечестве и духовенстве, происходит как от образа жизни, так и от наследственности. Славянские овальные или шаровидные объемистые груди у русских женщин обязаны своим происхождением тоже наследственности. Так называемые козлиные, финно-татарские бородки, с редкими желтоватыми волосами держатся в русском населении в таком огромном количестве благодаря наследственности. В частности, волосы с их цветом, распределением, густотой и редкостью и пр. передаются по наследству очень легко, точно так же, как форма и цвет глаз, качество кожи и мышечной системы.

Потомству передаются не только природные, но и искусственно развитые свойства. Так, например, когда при разведении рогатого скота старались обращать преимущественное внимание на его молочность, старательно выдаивая коров, то эта молочность сделалась достоянием целых поколений. Напротив, молочность совершенно пропадает, если животные несколько генераций совершенно не доятся. Так, венгерский скот, воспитываемый обыкновенно на убой, вовсе не дает молока, но если его отдаивать, то через несколько генераций молочность снова восстанавливается. Европейская корова, завезенная в Колумбию, где ее перестали доить, перестала давать молоко, за исключением того, которое высасывает теленок.

Повторение этого факта мы видим и у женщин. У аристократок, например, и вообще у женщин, которые не кормят своих детей, груди почти совершенно исчезают, так что в целом потомстве, путем наследственности, этот орган представляется весьма мало развитым, и плоскогрудые женщины по необходимости делают искусственные груди. В Германии и отчасти во Франции груди у женщин вообще развиты гораздо меньше, чем у женщин русских, и это зависит не от одних корсетов, а, главным образом, от недостатка упражнения этого органа. Многие птицы, добывающие себе пищу из почвы, редко летают, и у

них почти нет крыльев. У домашней утки кости крыла развиты менее чем у ее дикого родича, тоже вследствие недостатка упражнения. От этого же так мало развиты глаза у крота и других роющих грызунов.

С другой стороны, точно так же передаются наследственно и те особенности, которые вырабатываются постоянным упражнением. Так, напр., у рысистых лошадей через постоянные упражнения способность к бегу все более и более увеличивается, и сообразно с этим слагаются и формы тела. Рысистый бег, как всем известно, передается наследственно. Те породы животных, которые ходят по горам и на них отыскивают себе пищу, отличаются особенною силою и ловкостью. Эта сила и ловкость, выработанные упражнением, передаются по наследству и составляют потом характеристические черты известной породы.

Изощрение чувств представляет также наследственный признак. Это яснее всего видно на животных, которые по образу жизни или вследствие искусственного упражнения развивают в себе то или другое чувство преимущественно и потом это изощрение передают целому поколению. Резкий пример этому могут представить нам охотничьи собаки. Известные породы собак выработали в себе наследственную способность к известного рода охоте (сеттер, гончая собака и пр.), и потому порода таких собак охотниками особенно ценится. Приморские жители и жители степей приобретают вследствие постоянного упражнения способность дальнозоркости, которую потом передают потомству.

Кроме анатомических свойств и признаков, путем наследственности передаются и физиологические особенности. Сюда можно причислить необыкновенное плодородие. Таким плодородием, например, отличается известная романовская порода овец, разводимая преимущественно в Романо-Борисоглебском уезде Ярославской губернии. Она плодится 2 раза в год, и это составляет наследственный признак.

Примеры фамильного плодородия нередки и в человеческом роде. Мы приведем здесь некоторые из них. В записках В. А. Нащокина под 1755 годом рассказывается следующий факт: «Февраля 2-го в Петербурге известие получено, в котором хотя нужда не обстоит, но для примечания к достоинству такой редко бываемой рода человеческого натуры случай происходит, и для того ниже следующее случение выесть подобает в журнал. В Московскую губернскую канцелярию рапортом 1754 году написано: «Шуйского уезду, вотчины Николаевского монастыря (села) Введенского у крестьянина Якова Кирилова с первою женою 21 брюхо, в том числе 4 четверни, 7 тройни, 10 двойни, всего 57 человек; с другою женою 7 брюх все по двойни, в том числе одни тройни, и того 15 человек. Всех было 72 человека, а выше описанный крестьянин по известию и ныне жив, лет ему 70». Другой факт напечатан был в

«Панораме С.-Петербурга»: «1782 года 27 февраля прислана в Москву ведомость от Никольского монастыря, что Шуйского уезда крестьянин Федор Васильев, женатый два раза, имел от обоих браков 87 детей. Первая жена в 27 родах имела: 4 раза по 4 (16), 7 раз по 3 (21), 16 раз по 2 (32), всего 69. Вторая жена 2 раза родила тройни (6), 6 раз двойни (12), а всего 18. Васильеву было тогда 75 лет, а из детей были живы 83». Случаи эти замечательны, между прочим, потому, что были в одной и той же местности (Шуйском уезде). В 1862 году доктор Lewis Brittain сообщил об одной англичанке, забеременевшей в первый раз на 25 году и с 1839 по 1857 год — в 14 беременностей родившей 25 детей, причем 11 раз были двойни.

Изложенные факты, каких мы могли бы набрать несколько, представляют исключительную плодовитость, но в меньшей степени это свойство не составляет редкости и большею частью обнаруживается, как свойство фамильное, наследственное.

С другой стороны, нам нередко случалось наблюдать, что легкие или очень быстрые роды составляют также наследственное качество. Акушеры и акушерки могут указать на многих женщин, у которых это замечается в родстве, как фамильный признак. То же самое можно сказать относительно срока созревания женщины, наклонности к послеродовым кровотечениям и пр., что, по всей вероятности, обусловливается наследственной передачей известного анатомического строения матки.

Большая или меньшая продолжительность жизни оказывается тоже наследственною. Есть целые фамилии, славящиеся долголетием. Это можно объяснить наследственностью организма или тех качеств его, от которых зависит долголетие. Изнеженность или крепость организма, склонность или способность его к той или другой деятельности также нередко составляют качества наследственные. Кроме упомянутых физиологических свойств, передаваемых наследственно, можно указать и на множество других, но перечислять их мы не считаем особенно нужным. Достаточно помнить тот факт, что физиологические свойства и особенности точно так же передаются в потомство, как и анатомические признаки.

Характер и привычки также передаются наследственно. На большую часть инстинктов животных можно смотреть не иначе, как на выработанную упражнением и упроченную наследственностью привычку. Такие инстинкты находятся в связи с образом жизни и могут утрачиваться или заменяться другими под влиянием обстоятельств. Приведем этому несколько примеров. В тех местах, где часто охотятся на дичь, молодые детеныши птиц выказывают вскоре после рождения такую осторожность, какой не заме; чается даже у старых уток

в местах, менее посещаемых охотниками. Турман (голубь) приобрел себе странную привычку, передающуюся наследственно, летать стаей на значительной высоте и кувыркаться в воздухе. Некоторые кошки привыкли охотиться за мышами, другие — за крысами, одни ловят птиц, другие — кроликов, третьи охотятся по болотам за куликами и тетеревами, и эти привычки передаются из рода в род. Всем известно, как трудно приручить и выдрессировать дикую лошадь, собаку и вообще дикое животное; но животное той же породы, рожденное от прирученного и выдрессированного, обыкновенно, уже рождается с этими качествами или с наклонностью к ним, так что воспитать его для известных целей бывает уже очень легко. Поэтому охотниками и ценится порода лошади или собаки. Пословица — «как волка ни корми, он все в лес глядит» — справедлива только относительно. Естественно, что у волка в первой генерации, несмотря на всю дрессировку, будут проявляться врожденные волчьи наклонности и привычки, но при последующих генерациях, происходящих от прирученного волка, эти привычки мало-помалу исчезнут и заменятся другими, искусственно выработанными. Известное благонравие и кротость арабских лошадей есть унаследованный плод последовательного воспитания. То же самое можно сказать относительно характера и привычек и всех других животных, равно как и человека. Кто не замечал, что на детях иногда отражаются не только черты родителей, но и походка, привычные позы, склад речи и, вообще, те мелкие особенности, которыми отличались родители. Правда, во многих случаях это есть результат подражания при первоначальном воспитании, но очень может быть, что и наследственность имеет здесь некоторое влияние.

Относительно наследственности нравственных качеств и умственных способностей вопрос представляется еще не решенным. Одни говорят, что эти качества развиваются только вследствие воспитания и постепенного упражнения органов, что из человека воспитанием можно сделать все; но постоянные факты убеждают нас в противном. Кто не знает, что сплошь и рядом целые семейства и целые поколения семейств отличаются умом, другие, наоборот, посредственными умственными способностями, даже глупостью.

Кроме того, нельзя не признать врожденной способности, напр., к математическим наукам, к живописи, к стихотворству и пр. Одному человеку это с малолетства дается, легко, напр., он, не учась, начинает писать стихи, сохраняя правильность стихосложения, между тем как другой не может с этим справиться в течение целой жизни.

Противники наследственности объясняют все это тем, что в умных семействах дается более разумное воспитание; поэтому не мудрено, что

дети выходят умнее, а преимущественные наклонности и способности к тем или другим наукам или искусствам происходят вследствие преимущественного упражнения этих способностей и, стало быть, большего их развития.

Но против этого можно указать на те факты, где выходили самоучки художники, ученые, техники, стихотворцы, музыканты и пр., — люди, рожденные в неразвитой среде, которая скорее задерживала их развитие, чем поощряла. Между тем, несмотря на все это, мальчик с юных лет горит или необыкновенной любознательностью и способностью обобщения фактов, или рисует углем правильные, даже художественные фигуры, или устраивает какие-либо механизмы и пр., и при благоприятствующих обстоятельствах показывает необыкновенно быстрые успехи развития в этом направлении. Как есть люди, совершенно обиженные музыкальными способностями или способностями к живописи и стихотворству, точно так же есть люди восприимчивые для умственного развития и не восприимчивые. Это составляет врожденную способность, без которой воспитанники учебных заведений, находящиеся под одинаковыми условиями, развивались бы почти одинаково, не было бы категорий глупых и умных, посредственных и гениальных.

Так как нравственные и умственные способности должны быть рассматриваемы не иначе, как результат того или другого сложения и развития мозга, то отсюда понятно, что материальные особенности строения мозга, а, стало быть, и задатки для тех или других умственных качеств могут, даже должны быть наследственны, точно так же, как наследственны и все другие анатомические и физиологические особенности человека. Если через отцовское семя или яичко матери передается ребенку наследственный рост (высокий или низкий), долговечность и плодородие, — признаки, которые обнаруживаются спустя много лет после рождения, то нет никакого основания не допустить, что и задатки умственного роста также передаются потомству и обнаруживаются в нем в той или другой быстроте и крепости умственного возрастания.

Те случаи, где от умных отцов и матерей родились глупые и ограниченные дети, должны быть рассматриваемы, как случаи ненормальные. Все равно, как от крепких и рослых родителей может уродиться карлик или урод, вследствие воспрепятствованного утробного развития или вследствие английской и других болезней детства, точно так же и от умных родителей может иногда родиться идиот, напр., вследствие кровного родства или зачатия в пьяном виде, как это мы покажем ниже. Во всяком случае, такие примеры, по-видимому, противоречащие наследственности умственных качеств, должны быть объясняемы или врожденными болезнями мозга, или физическими и нравственными

болезнями детства, а общий закон наследственности остается неприкосновенным. С другой стороны, рассматривая такие примеры, не нужно упускать из внимания и того обстоятельства, что умственные качества супругов нередко бывают далеко неодинаковы. Умный муж и от природы ограниченная жена могут производить детей и умных и ограниченных, смотря по тому, кто больше передаст потомству своих наследственных качеств. При скрещении благородного и обыкновенного животного видим же мы нередко, что структура последнего, равно как и нравственные качества, долго не подчиняются облагораживанию. Это тем более может иметь место у человека, потому что умные отцы сплошь и рядом представляют поколение новое, молодое, неупроченное, следовательно, нет ничего удивительного, если наследственно передаваемые задатки их ума так часто парализуются влиянием прочно-установившейся, но умственно неразвитой породы.

Само собой разумеется, что наследственно передаются не умственные качества в полном их развитии, а только задатки этих качеств, т. е. способность при известном упражнении скорее достигать лучшего развития. Жеребенок от рысистой лошади не имеет еще рысистого бега, но его легко можно развить упражнением, тогда как у жеребенка от водовозной лошади все усилия к этому были бы напрасны. Поэтому, кроме наследственности, врожденности, для развития умственных качеств необходимо еще правильное упражнение.

Принимая наследственность умственных качеств, мы вовсе не хотели сказать того, что умные дети могут родиться исключительно от развитых родителей. Мы видим очень часто, что лучшие деятели нашего общества происходят из неразвитой или мало развитой среды, напр., из крестьян или мещан, но это нисколько не противоречит высказанным нами положениям о наследственности умственных качеств вообще; потому что, само собой разумеется, что в этой среде точно так же, если еще не в большем количестве, встречаются от природы даровитые личности, с здравым и прочным, хотя и мало развитым умом. Врожденный, так сказать, натуральный ум нужно отличать от ума, выработанного воспитанием, точно так же, как мы отличаем природную красоту сложения от красоты искусственной, достигаемой культурой тела, манерами и поддерживаемой косметическими средствами и различными приправами утонченного туалета. Как мы нередко обманываемся искусственной физической красотой кокеток, так и при разборе умственных качеств человека иногда принимаем по ошибке за природный ум начитанность, ум, заимствованный или приобретенный умственной дрессировкой. Таких личностей в развитом классе общества встречается очень много, и нет ничего удивительного, если дети их, не

употребившие над собой таких усилий для умственного развития, какие употреблены были родителем, выходят личностями ограниченными. Личности неразвитые, но богатой натуры, в этом отношении могут быть гораздо производительнее; от мужика может родиться гений и от образованного дворянина — дурак; таких фактов можно указать много и в истории и в обыденной жизни. При виде таких фактов остается только жалеть, что не все слои общества имеют одинаковую возможность для развития своего природного ума, что много прекрасных, талантливых натур скрывается в массе народа, как бесплодный, непроизводительный капитал, которому нет ни выхода, ни применения.

Рассматривая общее движение умственного развития целой нации, мы должны придти к тому же заключению, какое мы вывели при рассмотрении анатомических национальных типов, т. е. что умственный склад нации вырабатывается, совершенствуется и укрепляется постепенно, путем собственного упражнения и благоприятствующей помеси. Влияние цивилизованных народов на цивилизуемую страну точно такое же, как влияние относительно совершенного анатомического типа на тип менее совершенный. Анатомический шаг к развитию, сделанный мозгом, путем ли личного упражнения этого органа, или под влиянием наследственной передачи, сообщается потомству, для которого достижение известного уровня умственного развития вследствие этого становится легче. Таким образом, нравственный и умственный уровень типа мало-помалу возвышается. От этого происходит, что одна нация воспринимает и удерживает современную цивилизацию легче, другая — медленней, развивается туже, смотря по тому, чей мозг более подготовлен, более прогрессивно развит. В Северо-Американских Штатах цивилизация принялась быстро, может быть, между прочим, именно вследствие того, что туда были перенесены из Европы не одни книги и науки, но и европейский мозг, размноженный и распространенный в стране лучшими производителями — талантливыми, умными и энергическими выходцами из Европы. Под влиянием такого обновления, такой благодетельной помеси, ум американцев не должен был проходить в своем развитии все степени догоняющего движения, как ум другой нации, предоставленной самой себе, а прямо начал с прогрессивного движения вперед. Таким образом, назначение цивилизующей нации состоит не в том только, что оно играет роль учителя цивилизуемой страны, но, при помеси крови, и роль рассадника того мозгового прогресса, который для первой составляет нормальный анатомический уровень.

Русская цивилизация до Петра шла так плохо, между прочим, потому, что славянский ум, положим, от природы довольно богатый, не только был предоставлен самому себе, стало быть, должен был

проходить постепенно все фазы своего прогрессивного развития, но, кроме того, это развитие парализовалось невыгодной помесью с нациями менее цивилизованными. По мере заводимых сношений с Европой, славяно-русский мозг не только стал получать больше пищи для своего развития и стал быстрее совершенствоваться, но, сверх того, путем физиологической помеси с европейцами, наследственно стал получать от них уже выработанные плоды современной цивилизации.

В подтверждение нашей мысли о наследственности умственных качеств и о постепенном физиологическом усовершенствовании мозга целой нации мы можем указать еще на евреев. Они представляют такую нацию, которая воплотила в себе плоды самой древней цивилизации. Мозг их в течение тысячелетий развился и окреп, раса получила устойчивость в передаче наследственных качеств. Естественно после этого, что до сих пор, несмотря на все превратности судьбы, на все гонения и невыгоды социального положения, евреи не только сохраняют свой национальный тип, но и поддерживают сравнительно высокий интеллектуальный уровень. Рассеянные, можно сказать, отдельными единицами, по всему земному шару, они не только не поглощаются окружающими племенами, как это обыкновенно случается с другими не настолько физиологически-устойчивыми инородцами, но, сверх того, везде имеют своих славных представителей в рядах ученых, дипломатов, художников, музыкантов и пр. Если бы можно было представить процент замечательных личностей из евреев, относительно общего их народонаселения, и сравнить его с процентом подобных личностей из других, более юных наций, то, по всей вероятности, громадная разница оказалась бы в пользу евреев. Это показывает, что ум каждой нации вырабатывается временем, и что каждый шаг к развитию, сделанный мозгом, запечатлевается неизгладимым следом, вступающим в число национальных, наследственных признаков.

Наконец, говоря о наследственности умственных и нравственных качеств, мы коснемся еще одного вопроса. В силу высказанного выше положения, т.е. что ум нации или известного слоя общества вырабатывается и совершенствуется временем, путем постоянного упражнения и наследственности, мы должны были бы признать, что верхние слои нашего общества более способны к развитию, чем нижние, стало быть, первые не без основания отличают себя от последних «голубою, более благородною кровью». Признать такое мнение — значит поставить себя в противоречие с повсюдными и ежедневными фактами. Достаточно сравнить уровень образования различных учебных заведений, где воспитываются люди из верхних, средних и низших слоев общества; достаточно обратить здесь внимание на сравнительный процент способных,

талантливых и ограниченных воспитанников, чтобы убедиться, на чьей стороне будет перевес. И, действительно, предполагаемая разница подмечена давно: не даром в обществе сложилось мнение, что нравственную и умственную силу нации нужно ожидать не от привилегированных слоев, а от народа, и не потому, чтобы последний был численно больше, а потому, что он умственно и нравственно крепче.

Почему же, спрашивается, более цивилизованные слои общества, упрочившие за собой цивилизацию с давнего времени, не могли выработать себе, в силу вышеприведенного закона, больших задатков для прогрессивного развития для умственной и гражданской деятельности, чем слои менее цивилизованные? Для удовлетворительного решения этого вопроса нужно было бы зайти нам слишком далеко, именно в пределы статьи о вырождении рас и фамилий. Об этом мы скажем в своем месте. Теперь заметим только, что так называемая цивилизация верхних слоев не всегда была и есть истинная цивилизация, а сплошь и рядом мишурный блеск. Процесс умственного развития и роста состоит не в том, что человек воспринял в себя кое-какие сведения усвоил приемы приличия и иностранную речь. При таком образовании мозг играет, можно сказать, пассивную роль. Во многих случаях сметливому крестьянину или ремесленнику приходится чаше раскидывать мозгами, думать и придумывать, чем богатому, образованному дворянину, незнающему, куда приложить свое образование, и в течение жизни не встречающему ни предмета, ни вопроса, над которым бы он мог задуматься. Вполне обеспеченный и довольный, он большею частью живет чужим умом, делает чужими руками, и ни одна невзгода жизни не заставит его сделать усиленного напряжения мозга, чтобы выйти из стеснительного положения. От этого барич так мало способен к серьезной умственной работе, от этого маменькины сынки и вообще люди, веденные на помочах, теряются и падают духом при первом столкновении с суровою жизнью, при первой трудности, которую мог бы преодолеть простой деревенский мальчик.

Другое дело — человек необеспеченный и угнетаемый: со дня рождения он принужден вступать в борьбу со всем окружающим, и людьми, и природой; каждый кусок хлеба, каждое удобство жизни он должен приобрести своим трудом, уменьем, расторопностью, да сверх того должен придумывать меры, как бы не похитили у него этого куска и этого удобства. Оттого и происходит, что деревенский мальчик гораздо более находчив, предприимчив и смел, чем мальчик такого же возраста, воспитанный в неге и холе в роде Обломова. Простой крестьянин иногда лучше выпутается из стеснительных обстоятельств, лучше и отчетливее сделает всякое дело по его силам, чем благовоспитанный джентльмен,

находящийся, сравнительно со своим образованием и положением, в таких же обстоятельствах. Понятно после этого, кто умственно работает больше, и где мы вправе ожидать большего потомственного развития мозга. Теперь не покажется странным, если мы скажем, что вековая работа умственного возрастания совершается не в одном так называемом образованном обществе, а еще с большей энергией, с большим напряжением она идет и копится незаметно, обогащая национальный ум, в тех классах, которые еще так недавно считались если не полулюдьми, то, по крайней мере, существами низшими, обиженными природой.

Итак, мы видим, что богатство, образование и довольство нельзя еще считать абсолютным условием для прогрессивного умственного развития; оно делается этим только тогда, когда служит средством для более обширного применения умственной работы. И, с другой стороны, бедность иногда подавляет человека, убивает умственный труд, иногда же, напротив, служит стимулом для умственного труда.

Из сказанного отчасти уже понятно, почему уровень умственного прогресса у привилегированных классов, несмотря на давность их цивилизации, ниже такого же уровня других слоев общества; что у первых, по складу жизни и отсутствию умственной работы, мозг, естественно, должен не усовершенствоваться, а, напротив, атрофироваться. Это обстоятельство служит одной из причин вырождения аристократических фамилий, даже вырождения целых наций, если они, подчинивши себе покоренные народы, начинают жить на счет их умственного и физического труда и превращаются в паразитов.

Чувствую, что этой главой я утомил своих читателей, но, тем не менее, хотел бы коснуться еще одного вопроса, имеющего некоторую аналогию с только что изложенным, именно вопроса об умственном развитии женщин.

Если мы вспомним, сколько было писано об этом предмете, сколько деятельных защитников женского прогресса старалось доказать умственное тождество женщины и мужчины; если, говорю, вспомним все это, то всякое рассуждение о женском уме может показаться излишним. Но вооружусь терпением и храбростью и скажу от себя несколько слов. Не знаю, будут ли они по сердцу моим читательницам. На всякий случай я защищаю себя от их неблагосклонных взглядов старинным изречением: amicus Plato, sed magis amicus veritas est! (будь другом Платону, но большим твоим другом да будет истина!).

Что женщина, за исключением сферы половых органов, имеет такую же совершенно организацию, как и мужчина, что она, стало быть, способна к тем же физиологическим отправлениям, как и он, — это вопрос давно решенный, даже избитый. Но сущность нашего вопроса

заключается не в этом, а в том, на каком уровне прогрессивного умственного развития стоит наша женщина, или, лучше сказать, в какой степени ее мозг выработан интеллектуальным упражнением и упрочен наследственностью для того, чтобы быть способным к самобытному и плодовитому умственному труду. Выше мы видели, что не у всех наций, не во всех классах общества этот уровень стоит одинаково. У одних предшествовавшего исторического умственного труда было больше, и оттого наследственный ум, или, правильнее сказать, мозг, развился лучше, у других, наоборот, от недостатка упражнений, мозг атрофировался, или, по крайней мере, остался на более низкой степени развития. От этого одна нация или одна общественная группа дает большую сумму умственных сил и лучший результат их применения, чем другие.

Если мы посмотрим на историческую судьбу женщины, то увидим, что в течение целых веков, даже тысячелетий, положение ее относительно умственного развития было самое невыгодное. Отстраненная мужчиной от всех важных, так сказать, головоломных занятий, она по необходимости сосредоточила свое внимание на домашнем очаге и детях. Круг ее деятельности был слишком узок, заботы слишком ограничены, положение слишком зависимое, чтобы не сказать — порабощенное. Даже при теперешнем положении, по-видимому, улучшенном, женщина в так называемом образованном классе большею частью или кукла, предназначенная для утешения мужчины, или нянька и экономка, или же, в рабочем классе общества, — работница, т.е. механическая рабочая сила. Заботы о приискании средств к жизни, дающие наибольшую пищу для ума, заботы о прославлении своего имени (которого у женщины нет), заботы о своем отечестве, как всегда, так и теперь отстранены от женщины. Поэтому естественно, что инициативы для умственного труда у женщины было меньше, чем у мужчины. Вследствие этого она наполняла свое безделье или вязаньем чулков, или мелочной механической работой по хозяйству, или даже чтением, но это последнее большею частью не составляет у женщины целесообразного, определенного труда, а то же препровождение времени. В этом отношении образованную женщину нашего времени можно поставить в параллель с теми обеспеченными и праздными личностями, о которых мы говорили выше. Взявши это во внимание, не трудно придти к тому заключению, что женский мозг, вследствие исторических судеб, от недостатка упражнения не выработан так, как он выработан у мужчины. Вследствие этого женщина менее восприимчива к умственному труду и менее производительна в этом труде.

Против такого состояния женского мозга можно сделать одно, и очень серьезное, возражение, именно то, что женщина получает

наследственные качества не от одной матери, но и от отца, следовательно, все то, что мужчина выработал в себе в этом отношении, должно было делиться поровну на оба пола. Но степень применения этого основного закона наследственности к данному вопросу может подлежать еще некоторым ограничениям. В этом отношении мы знаем, что, помимо передачи основных фамильных признаков, есть признаки, которые преимущественно передаются по женской или мужской линии. Так, например, в анатомическом отношении женщина наследственно выработала в себе более грациозные формы, большую тонкость частей скелета, меньшее развитие мышц и пр., и эти признаки, несмотря на помесь с мужским элементом, передаются только по одной женской линии. То же самое относительно привычек и характера. Девочка с самого начала обнаруживает кокетливость, скромность, наклонность к известным играм, тогда как мальчик, воспитывающийся совершенно под одними и теми же условиями, проявляет другие наклонности. Этого нельзя было объяснить подражанием, потому что характер мальчика и девочки обнаруживается одинаково и при тех условиях, когда дети развиваются исключительно под материнским влиянием. Далее, если мы обратим внимание на половой характер животных, то увидим разность между самцами и самками, разность наследственную, повторяющуюся постоянно, при всех условиях, даже в тех случаях, когда молодое животное удалено от родителей и, стало быть, не могло развить своих инстинктов и привычек путем подражания. Наконец, мы могли бы указать здесь на несколько фактов патологической наследственности, где известные болезни, например, истерика, передаются по женской линии, тогда как другие, например, запой, — по мужской. От чего бы ни зависело такое явление, но оно показывает, что при распределении на сыновьях и дочерях наследственных признаков родителей, особенно умственных и нравственных, они группируются на потомстве большею частью сообразно половой упроченности этих признаков. Следовательно, если женщина, несмотря на помесь в ее организме с мужским элементом, наследует от матери особенность женского организма, если наследственно передаются половой характер и привычки, то почему бы не допустить, что и женский склад мозга тоже большею частью передается по женской линии.

Этим только и можно объяснить тот поразительно ничтожный процент женского умственного капитала, который мы видели до сих пор в литературе, науках и искусствах. Такого умственного застоя, такой непроизводительности женщин нельзя приписывать исключительно социальному положению их. Оно виновато только в историческом от-

ношении, т.е. в том смысле, что парализовало развитие женского мозга, но при нормальной восприимчивости его не служило бы абсолютным препятствием для умственного труда. В самом деле, если мы вообразим, что, положим, с завтрашнего дня роли наши поменяются, мужчины примут на себя обязанности женщин, а женщины — труды мужчин, то мы можем быть уверены, что масса освободившихся мужских умственных сил не останется в бездействии. Образчики этого воображаемого положения можно видеть и в действительности, именно в тех случаях, когда развитой мужчина вследствие чего-либо удаляется от общества, от всех обязанностей гражданина, положим даже, что куда-нибудь заключается; несмотря на это, он и здесь находит какое-нибудь средство для применения своей умственной силы. Деятельность составляет непреодолимую потребность человека — это физиологический закон, но она может выражаться так или иначе, смотря по тому, к какой деятельности человек более склонен и наследственно подготовлен. Повторяем, что привычки к тому или иному образу жизни, к тому или другому роду занятий укрепляются наследственностью, если они повторялись непрерывно в течение многих и многих поколений.

Таким образом, с одной стороны, унаследованная и весьма укрепленная привычка к праздному роду жизни, с другой стороны, исторический недостаток упражнения мозга и, наконец, продолжающееся социальное угнетение женщины служат причиною тому, что женская умственная деятельность проявлялась и проявляется в таких ничтожных размерах. Говоря о меньшей подготовке женщин к умственному труду, мы вовсе не хотим этим выразить намека о неспособности их к этому труду. Напротив, мы, может быть, более чем кто-либо, желали бы видеть его, желали бы полного простора женскому развитию и уверены, что при изменившихся обстоятельствах женский мозг сделает быстрое движение вперед и сделается со временем настолько же восприимчивым и производительным, как мозг мужчины.

Шаг к такому развитию мы замечаем уже и теперь. Современное поколение женщин имеет в своих рядах представительниц этого отрадного движения; остается только желать, чтобы обстоятельства жизни не тормозили его, не мешали женщине стремиться к той благородной цели, которая делает человека царем всего существующего. Знание, — как говорит Бэкон, — и притом правильно организованное, - прибавим мы от себя, — становится могуществом.

Глава третья

Условия, содействующие изменению человеческой породы

При заботах об улучшении породы человек имеет в виду: 1) потребность усовершенствования здоровья; 2) потребность усовершенствования физических качеств и 3) потребность усовершенствования умственных и нравственных качеств.

Все эти потребности так естественны, что каждый из родителей, сознательно или бессознательно, заботится об их осуществлении на своем потомстве. Эта забота, однако же, далеко не всегда бывает успешна именно потому, что, с одной стороны, понятие об этих требованиях не всегда бывает правильно и часто превратно; с другой стороны, средства к выполнению их остаются мало или вовсе неизвестными. Всякий человек естественно желает здоровья и себе и своему потомству, но далеко не всякий хочет и умеет пользоваться теми правилами науки, при которых сохранение здоровья наиболее возможно. Сплошь и рядом, подобно тому, как личным здоровьем жертвуют для житейских удовольствий, точно так же при женитьбе чаще имеют в виду другие побочные выгоды и удобства брака, а не здоровое сложение будущей матери.

Относительно красоты можно сказать, что о ней заботятся больше, чем о здоровье, но и здесь цель не всегда достигается. Понятие о красоте до такой степени индивидуально, что нередко красота, признаваемая одним, считается другим за безобразие. Возьмите, например, калмычку или татарку: в своей среде они могут считаться красавицами, а в нашем обществе признаются чуть не уродами. Точно так же пикантная красота нашей светской барыни, с ее бледным личиком и сухощавым сложением, для купеческого вкуса будет ниже всякой посредственности.

О вкусах не спорят, говорит пословица. У каждого народа и даже у каждого сословия идеал красоты не только бывает различен, но и изменчив, смотря по времени и по степени развития нации или сословия. При всем том, как вообще в понятии об изящном должно существовать нечто общее, определенное, на чем должна сходиться большая часть индивидуальных вкусов, так точно должна существовать известная доля определенности и в понятиях о человеческой красоте. Здоровье есть тоже понятие относительное; несмотря на то, мы различаем человека больного от здорового, крепкого от слабого: точно так же, при всех вариациях и уклонениях личного вкуса, нельзя не отличить существо красивое или некрасивое.

Во всяком случае, истинная красота при симметрии и изяществе сложения должна быть неразрывна с здоровьем. Красота, идущая в

ущерб физиологическому отправлению членов или органов, не должна считаться истинной красотой, точно так же, как, напр., понятие о красоте костюма должно быть сообразно с понятием о его пригодности. Мы не будем несправедливы, если непомерную шнуровку или необъятные кринолины и шлейфы сочтем за безобразие. Точно так же не будем несправедливы, если современный вкус в женской красоте, основывающийся на неестественной бледности (малокровии) и тонкости членов в ущерб их развитию, назовем вкусом извращенным, как вкус китайцев относительно дамских ног. Слишком малая и узкая головка, несмотря на всю грацию, которую желали бы в ней отыскать, не будет хороша, потому что в ней помещается мало мозгу. Чахоточная женщина, несмотря на всю прелесть и выразительность ее блестящих глаз и нежность румянца, не может служить представительницей женской красоты, точно так же, как разлагающийся рябчик не может служить образцом вкуса этой птицы, хотя до тех и других есть много охотников.

Как образец более выработанного вкуса касательно человеческой красоты, мы можем взять красоту греческую и римскую. При взгляде на древние статуи, каждый увидит в них не только полную гармонию сложения, но и совершенное развитие каждого органа в отдельности. Греческая и римская головка нравится нам не только по своей пропорциональности, но и по развитию черепа, свидетельствующему о развитии мозга. Широкий череп с выпуклыми висками и открытым лбом всегда будет красивее плоского, узкого или длинного черепа, если бы даже последний относительно лица и туловища был сложен и пропорционально.

Точно так же, почему мы восхищаемся красивым торсом, например, Венеры Милосской, Медицейской, Юпитера или Аполлона Бельведерского и пр.? Потому, что этот торс служит выражением полной гармонии физиологической жизни. Взглянем ли мы на мускулы, на устройство грудной клетки, таза, на груди и пр., и мы видим, что здесь каждая часть и каждый орган как бы просятся исполнить свою функцию и обнаруживают скрывающуюся в них полную гармоническую жизнь. Отнимите у Венеры одно какое-нибудь качество, напр., представьте, что грудная клетка ее площе, или что таз уже, тогда впечатление совершенно изменится. Такая Венера, несмотря на ее прекрасную головку, будет внушать не восхищение, а грустное, тяжелое чувство, какое внушают нам вообще болезни и недостатки человеческие.

Если бы мы привыкли отдавать себе отчет в своих впечатлениях, то во многих случаях поняли бы, почему внешность одного человека производит на нас приятное впечатление, а другого — отталкивающее. Симпатии и антипатии наши не безотчетны и кажутся нам такими только потому, что процесс умозаключения, основывающийся на тех или

других признаках человека, происходит слишком быстро, неуловимо. Относительно физической красоты слово — «нравится» и «не нравится», произносимое нами часто безотчетно, всегда имеет свое основание. Полнота и правильность жизни, где бы и в чем бы они ни проявлялись, всегда производят приятное впечатление, и, наоборот, болезненность, угнетение, страдание вызывают впечатление грустное. Вследствие этого мы чувствуем симпатию преимущественно к тем лицам, в которых как физическая, так и нравственная жизнь выражается полнее и гармоничнее, точно так же, как мы больше склонны наслаждаться цветущей природой (весной), а не заглохшей и скованной зимними морозами. При половых вкусах это безотчетное влечение к цветущей жизни проявляется еще сильнее. Пластическая красота, с пробивающейся наружу кипучей жизнью, во всяком гораздо легче вызовет чувство любви, чем красота на увядшем или сраженном болезнью теле. В этом отношении половой вкус руководится более или менее замаскированным, даже не сознаваемым, но совершенно естественным чувством (чутьем), указывающим на большую соответственность избираемого лица для половых целей. В каждом человеке, как и в животном, существует половой инстинкт, замаскированный розовыми красками в виде сердечных отношений, инстинкт весьма деятельный и в высшей степени важный, потому что он служит рычагом для продолжения рода всего живущего. Помощью его природа указывает человеку на одну из главных физиологических целей и незаметно подводит его к этой цели, окружая ее ореолом любви и нравственных отношений.

Но одним инстинктом полового влечения природа достигла бы только целей размножения, без дальнейшей гарантии качества размножаемых продуктов. Нужно было вложить человеку такое чувство или такое стремление, которое бы отыскивало факторов для произведения более совершенных индивидуумов, стало быть, более удовлетворяющих цели размножения. Поэтому вместе с инстинктом полового влечения у человека существует стремление к обладанию существом более совершенным, т. е. более здоровым, правильно сложенным и развитым и, стало быть, красивым.

Таким образом, понятие о человеческой красоте, тесно связанное с инстинктом половой любви, при половых влечениях основывается на пригодности или непригодности человека к размножению рода. Следовательно, с этой точки зрения чувство человеческой красоты должно вытекать из понятия о степени здоровья рассматриваемого индивидуума, о полноте и совершенстве его физиологической и моральной жизни, и, следовательно, вкус, отыскивающий красоту вне здоровья, должен считаться вкусом неестественным.

Древние эстетики очень хорошо поняли условия идеальной красоты; поэтому каждое их изображение представляет не только пропорциональное развитие всех частей человеческого тела, но вместе с тем указывает на более совершенное и вместе с тем пропорциональное физиологическое отправление этих частей. Эта олицетворенная в мраморе нормальная физиологическая жизнь, дышащая силой и здоровьем, — жизнь, при которой ни один орган не развился и не действует в ущерб другому, — и служит душой художественного произведения.

Мы не хотим сказать, чтобы понятие о красоте было совершенно тождественно с понятием о здоровье. Много людей могут считаться совершенно здоровыми, но некрасивыми, потому что тонкая пропорциональность и гармония частей не составляют еще необходимого условия здоровья. Но, с другой стороны, истинная красота без здоровья, т. е. без нормального устройства и отправления всех органов тела, существовать не может. Выходя с этой точки зрения, можно установить общий идеал человеческой красоты, к которому следует подводить все личные вкусы.

Потребность усовершенствования умственных и нравственных качеств также свойственна человеку, как и потребность усовершенствования здоровья и красоты. Но и здесь точно так же, как и во вкусах, нравственное «чутье у различных наций и сословий, смотря по степени их развития, бывает различно. В общем итоге, однако же, массы неизбежно стремятся к тому, чтобы поднять уровень своего умственного и нравственного развития. Эта цель достигается как индивидуальным умственным трудом, так и наследственной передачей выработанной, таким образом, способности к этому труду при благоприятствующих половых сочетаниях. В силу этого требования, при устройстве брачных союзов, большею частью имеются в виду степень нравственных и умственных качеств выбираемого лица, благородство и развитость породы. Насколько эта потребность может выполняться путем наследственности, мы показали в предыдущей главе.

При частном разборе условий, содействующих изменению породы, мы прежде всего поставим:

1. Вкус и запрос на известные качества

Каждый человек сознательно или бессознательно стремится к тому, чтобы видеть в себе и своем потомстве лучшие качества, касается ли это внешних признаков, или моральных свойств. Руководимый этим побуждением, он заботится о своей внешности — физиономии, костюме, обстановке; по этому же самому инстинкт полового влечения указывает ему на личности, по его субъективным понятиям более совершенные, более удовлетворяющие его вкусу.

Любовь в физиологическом смысле, как мы сказали выше, есть проявление не просто полового стремления, а полового эстетического, т. е. не просто потребность воспроизведения, а смутно сознаваемая или вовсе бессознательная потребность воспроизведения потомства более совершенного.

Это мы видим не только на человеке, но и на животных. Крепкие и более красивые самцы и самки стараются, так сказать, щеголять своими качествами друг перед другом; птицы соперничают одна с другой в голосе, домашние животные и звери — в своей ловкости, силе, храбрости. Дарвин говорит, что «гвианский каменный петушок, райские птицы и т. д., в период половых стремлений, собираются кучами, и самцы, один за другим, распускают свои сверкающие перья и выделывают странные эволюции перед самками, которые, наконец, выбирают самого привлекательного из них. Тот, кто наблюдал за домашними птицами, очень хорошо знает, что они подвержены личным симпатиям и антипатиям».

Таким образом, и у животных есть периоды любви, периоды весны, соперничества, выбор невест и женихов, основанный на предпочтении лучшего худшему. Это — естественный подбор, в силу которого лучшие породы размножаются, а худшие и слабые редеют и исчезают. То же самое и у человека. Как только начинают проявляться в нем половые инстинкты, вместе с этим развивается чувство любви, т.е. предпочтение лучшего (по личным понятиям) индивидуума худшему и стремление вступить в брачные половые сношения именно с этим индивидуумом.

Период лучшей красоты и силы обыкновенно совпадает с периодом этого выбора. Как только эта половая задача кончена, воспроизведение потомства произошло, мужчина и женщина большей частью перестают заботиться о своей более выгодной внешности и сосредоточивают свою заботу на потомстве и опять-таки на том, чтобы это потомство было по возможности лучше. Поэтому и говорят, что любить можно один раз в жизни, так как цель или побуждение к любви только одно — воспроизведение рода в более удовлетворительной форме. Если мы видим факты повторяющейся любви, то должны объяснить их не иначе, как неудовлетворительностью прежних попыток, незаконченностью цели, вследствие чего являются новые стремления к ее достижению. Если любовь не увенчалась браком, или брак — плодородием, то вслед за разочарованием является новая инстинктивная потребность к выполнению закона природы, новые поиски за женщиной по своему вкусу, новые попытки любви, и продолжается это до тех пор, пока человек не удовлетворит своей цели. Оттого самая прочная и счастливая любовь — это любовь, имеющая последствием воспитание детей, и оттого бездетное супружество не так прочно и не так удовлетворительно.

Мы сказали, что любовь есть половой эстетический выбор с целью воспроизведения более совершенного потомства; но требования при этом выборе у разных личностей, разных сословий и наций бывают различны. Здесь играют роль запрос на те или другие качества и личный вкус. В силу преобладания этих требований и развиваются в последующих поколениях те или другие характеристические особенности; стало - быть, вкус и запрос при выборе супругов играют не маловажную роль в прочности или подвижности, совершенстве или ухудшении физических и даже моральных качеств последующих поколений. Доказательство этого можно видеть в сохранившихся до сих пор особенностях сложения у различных сословий. Так, например, русский крестьянин, для которого жена — работница, выработал потребность при выборе невесты искать преимущественно физической крепости, дородства, здоровья. Жена его должна быть и работница, и кормилица, потому у крестьянина и развился вкус к женщинам плотно сложенным, краснощеким, с большими грудями. Этот вкус когда-то был и общерусским вкусом, когда на женщину смотрели не как на сильфиду, а как на расторопную хозяйку и на здоровую мать.

Если мы вспомним идеал русской женщины по оставшимся литературным памятникам, то увидим, что прежде более всего ценились длинная русая коса, лебединая грудь, щеки с ямочкой, кровь с молоком. В 1793 году идеал женской красоты рисовали так: «женское пригожество составляют: младость, средний рост и дородство; стройность всех частей, длинные белокурые волосы, тело нежное и чистое; здоровая и румяная белизна, ровное чело и не мускулистые виски, глаза светло-серые, большие, не на выкате, но ровно с лицом, имеющие приятный взор; нос долговат, щеки немного выпуклы с небольшими ямками, губы румяные, малый рот, белые и ровные зубы, несколько продолговатую бородку с ямкою, небольшие уши, прилегшие к голове; грудь белая и крутоватая, кисти у рук белые, длинноватые и полные; островатые пальцы, ногти жемчужные и овальные; тихое дыхание, приятный голос и добрый прием, с перехватом стан, благородная и скромная походка».

Поэтому русская женщина, например, до-Петровского периода была не то, что теперь в высших слоях общества. Тщедушное сложение, бледно-матовый цвет лица, тонкие черты тогда были не в моде; потому естественно, что потомство с такими качествами медленно размножалось, и наружный тип русской женщины складывался по другим требованиям, чем он складывается теперь.

Прежний взгляд на женщину и прежние требования на нее остались теперь почти исключительно в крестьянстве. Оттого здесь преимущественно сохранился прежний тип русской женщины. При взгляде на

деревенских красавиц, мы до сих пор очень часто можем встретить и круглые красные щеки с ямочками, и длинную русую косу, и полные груди. Деревенская женщина до сих пор так же плотна и кореназста, как была и прежде.

Относительно мужчин запрос был преимущественно на физическую силу, высокий рост, коренастое сложение. Такой идеал мужского совершенства рельефнее всего выразился в народной поэзии о богатырях, поднимающих палицу в тридцать пуд, выпивающих одним духом чару зелена вина в полтора ведра, побивающих целую рать и проч. От мужчины изящных форм не требовали, разве за исключением русых кудрей, а требовали силы и отваги. Под влиянием такого идеала, русский крестьянин в последующих поколениях должен был развивать или, по крайней мере, поддерживать упомянутые качества, что и наблюдается в действительности.

У купцов средней руки или вообще у купцов, не изменивших дедовским вкусам и обычаям, понятия о красоте и запрос на эту красоту совсем другие, чем у дворян, или, даже, чем у крестьян. Купец отдает в этом отношении преимущество пухлости и округлости форм; ему нужна не сухая пикантность, а плоть и кровь с достаточным количеством жира, лебединая грудь, щеки со сплошным румянцем; поэтому, вследствие усиленного запроса на эти качества, личности, обладающие ими, скорее выходят замуж и, стало быть, в большем количестве плодят себе подобных. Таким образом размножается и складывается купеческий тип, по которому, в большинстве случаев, купчих легко отличить от женщин другого сословия.

В среднем и высшем классе нашего общества понятия о красоте, а, стало быть, и вкус, совершенно изменились. Не вдаваясь в причины изменения этого вкуса, скажем только, что здесь немаловажное значение имела литература. В былое время девочки и мальчики зачитывались Жуковским и другими подобными поэтами, рисовавшими женский идеал в полувоздушных формах. Такой болезненный, искаженный идеал естественно проникал в жизнь. Девушки и женщины морили себя голодом или, по крайней мере, стыдились при людях есть, как следует здоровому человеку, пили уксус, ели мел и глину, напускали на себя худобу и бледность, чтобы больше походить на неземное творение[2]. Мужчины в свою

[2] В настоящее время я знаю несколько женщин, которые откровенно признавались, что во время своей цветущей молодости они ненавидели свое здоровье, свой румянец и различным образом настаивали на том, чтобы ежегодно производить не несколько кровопусканий единственно с целью уменьшить совсем не модную красноту щек.

очередь, зараженные тем же извращенным вкусом, предпочитали подобных женщин. Крепко сложенная и здоровая красавица им казалась «Матреной». Кроме того, и сами мужчины любили поинтересничать своей физиономией в том же роде, добиваясь естественной или искусственной бледности и по возможности утончая свое тело. Одним словом, страдальческий вид был в моде, и чем болезненнее, бледнее человек, тем он казался лучше. Понятно после этого, какого приплода можно было ожидать от сочетания подобных личностей. И вот в нарождающихся поколениях достигли, наконец, необыкновенной тонкости и нежности кожи, истончили кости скелета, по возможности уничтожили жирную подстилку, одним словом — сделали из привилегированных сословий нечто бесплотное и бездушное, потому что здоровый дух может быть только в здоровом теле.

Английская нация выработала в себе вкус к здоровью и крепости. Там, даже в высших слоях общества, между другими качествами жены требуют качеств здоровой матери и кормилицы. Мужчины, со своей стороны, также не щеголяют нежным сложением, и чем крепче, рослее и мускулистее мужчина, тем он предпочтительнее. От таких браков, естественно, рождается такой же приплод. Мы любуемся детьми англичан, перенимаем от них манеру воспитания, но, несмотря на это, наши привилегированные детки, гуляющие с голыми ножками, все-таки остаются теми же тщедушными созданиями, и это понятно, потому что сложение ребенка есть результат наследственности; воспитанием оно может только поддерживаться и сохраняться. Из чахлого семени не разовьется крепкое потомство, сколько бы мы ни положили забот на его воспитание.

Мы не разбираем здесь, который из приведенных вкусов или идеалов красоты лучше и натуральнее, — это легко могут решить сами читатели, — а приводим только факты, что вкус и запрос отражаются на человеческом поколении точно также, как они отражаются путем искусственного подбора на усовершенствованных с известною целью животных (тонкорунные овцы, рысистые лошади и пр.). Но мы, конечно, далеки от той мысли, чтобы изменение или характеристику физических свойств известной нации или сословия выводить исключительно из этого источника. Напротив, на развитие тех или других физических качеств имеет влияние и много других условий, о которых мы скажем ниже.

Кроме запроса на физическую красоту, естественно в обществе должен существовать и запрос на нравственную и умственную силу. Относительно последнего следует однако же заметить, что он до сих пор преимущественно направлен был к одним мужчинам, а не к женщинам. От первых требовали по преимуществу ума и силы, от вторых — красоты и сердца. Правда, относительно выбора невест еще давным-давно ставили условие, чтобы она была «лицом красна и

умом свершна», но последнее условие большею частью пренебрегалось. Народ привык смотреть на женщину, как на создание в умственном отношении слабое, поэтому и не был к ней взыскателен, удовлетворяясь одними физическими ее качествами. «У бабы волос долог, да ум короток», — говорит пословица. «Ум женский не тверд, — говорили старые книжники, — аки храм не покровен; мудрость женская, аки оплот не окопан, до ветру стоит: ветер повеет, — и оплот порушится; так и мудрость женская, аки оплот, до прелестного глаголанья и до сладкого увещания не тверда есть. Немощнейшии суть разумы женские, в нечувственных ничто же могущи умное постигнути». «Московского государства женский пол, — говорит Котошихин, — грамоте неученые, и не обычай тому есть, а природным разумом простоваты, и на отговоры не смышлены и стыдливы: понеже от младенческих лет до замужества своего у отцов своих живут в тайных покоях, и оприч самых ближних родственных, чужие люди никто их, и они людей видети не могут, и потому мочно дознаться, отчего б быти гораздо разумными и смелыми; также как и замуж выдут, и их потому ж люди видят мало».

Таким образом, от женщин требовали не ума, а только красоты и доброты, рабской покорности и стыдливости. При общем убеждении об умственном и нравственном бессилии женщины, она сама, наконец, признала такое мнение века, нравственно и физически поработив себя мужу. Выражение, что муж есть «глава жены», принято было в самом обширном смысле. Муж, не повелевающий своей женой, считался унижающим свое мужское достоинство.

В таком положении был запрос на умственные качества женщины до-Петровского периода. С этого времени женщина стала принимать большее участие в общественной жизни, начала больше сталкиваться с людьми, и поэтому, естественно, запрос на ее умственные качества увеличился. Мужу стыдно было, если его жена в обществе, в разговорах оказывалась простовата и несмышлена. Но этот запрос на развитие, проистекающий из эгоистических видов мужчины, был слишком ограничен. Он не подкреплялся потребностью женского развития, вытекавшего из самой жизни, из социального положения женщины. Женское развитие имело применение только в гостиных, а не на общественных аренах; поэтому оно имело одностороннее, так сказать, поверхностное направление. Такой ограниченный запрос на умственное развитие женщин в массе остается и до сих пор. От женщины большею частью не требуют ни большого ума, ни основательного образования, — это считается излишней, неприменимой к делу роскошью, — а ограничиваются тем, если она усвоит внешние манеры, иностранную речь, сумеет прилично и со вкусом одеться и бросить в обществе несколько вычитанных из

новейших журналов фраз. При таком ограниченном запросе, при таком недостаточном применении умственного развития к жизни, естественно, это развитие подвигалось очень туго. Только в самое последнее время, когда на женщину стали смотреть, как на существо в умственном отношении равносильное мужчине, Когда стали ждать от нее и требовать более серьезного образования и более серьезной умственной деятельности, в рядах женщин стали появляться личности, удовлетворяющие этим требованиям. Если бы теперь для женщины открылось большее, или даже какое бы то ни было, применение умственных сил в гражданской жизни, положим, напр., если бы она могла быть медиком, учителем и пр., то, само собой разумеется, что, рядом с запросом, развились бы и эти силы.

Все сказанное показывает, что запрос играет большую роль в развитии тех или других качеств массы народонаселения и подтверждает общее положение, что производительность идет рука об руку с потреблением. От женщины до сих пор требовали любви, сердца, грации, кокетства, и она развила в себе это до тонкости. Будет время, когда эти качества выйдут из моды, и они удалятся на второй план пред выступающими новыми требованиями, точно так же, как стушевались в современном женском обществе некоторые, бывшие некогда в моде, физические качества, напр., пухлые щеки с ямочками и полные груди,

Мы не считаем нужным распространяться здесь о влиянии запроса на умственное развитие мужчин, — это очевидно само собой. На мужчине всегда лежала прямая обязанность всех забот и распоряжений, как относительно своего семейства, так и дел гражданских, государственных. Поэтому естественно, что умственные качества в нем ценились и требовались более всех других. В силу этого, ум мужчины, при постоянном упражнении и изощрении, развивался более быстрыми шагами, тогда как другие качества, напр., физическая красота, сердечность были отодвинуты на второй план.

Рассматривая в частности проявления умственного развития в различных профессиях, мы еще нагляднее убедимся в прямой зависимости его от степени запроса.

Было время, когда в России большую часть умственного труда, по крайней мере относительно некоторых специальностей, возлагали на иностранцев, считая русских неспособными к этому труду, точно так же, как теперь считают женщин, — и следствием этого выходило то, что мы по этим специальностям не имели никакого развития.

Так, например, еще не очень давно думали, что механиком, аптекарем, медиком, профессором и пр. может быть только немец, что будто у русского человека не хватит для этого ни ума, ни терпения. Такое мнение поддерживалось долго не только вследствие известных

4 - 1252

распоряжений по внушению иностранных влиятельных специалистов, но и по ложному убеждению публики.

С переменою взглядов на русские способности, с увеличивающимся запросом на русские умы, они быстро начинают развиваться в требуемом направлении. Теперь публика убедилась, что и русский человек может быть хорошим доктором или механиком, и это убеждение служит уже залогом, что у нас не перестанут развиваться эти специальности на домашней почве. Но публика не убедилась до сих пор, что женщина может исполнять различные гражданские профессии точно так же, как и мужчина, или что аптекарем может быть и не немец, — и у нас до сих пор нет ни специалистов женщин, ни русских аптекарей, потому что ни на тех, ни на других до сих пор нет запроса.

Было время, когда военные люди пользовались более благосклонным вниманием публики, чем труженики на гражданском или ученом поприще, — и военная служба, доставлявшая больше чести и почета, привлекала к себе громадные массы молодых сил, исчезавшие здесь без всякой производительности. Умственные силы менялись на мелочи, и из даровитых людей сплошь и рядом выходили только салонные герои, Печорины или Онегины, потому что массой публики эти качества ценились гораздо более. С переменой вкуса или запроса переменяются и личности. Когда на первый план выступит не физическая сила и салонная ловкость, а умственный труд, тогда, естественно, всякий способный к этому труду будет иметь и охоту и возможность проявлять свою жизненную деятельность в этом направлении.

2. Влияние внешних жизненных условий

Влияние климата на структуру и наружные признаки человека и животных не должно подлежать сомнению. В более резких формах это можно заметить при сравнении животных тропических и полярных стран. Достаточно бросить один беглый взгляд на животных, собранных в музее, чтобы сказать, что такое-то живет около полюса, а такое-то около экватора. Под экватором цвета животных разнообразны — яркие, металлические; под полюсами же — однообразны, бледны, обыкновенно серые, белые. Вместе с разнообразием цветов, по мере приближения к экватору увеличивается разнообразие и самых животных, т. е. их видов.

Сельским хозяевам известно, что лошади в холодных и сухих местностях становятся малорослыми, но сильными, в местностях холодных и сырых они малорослы и вялы.

О свиньях говорят, что белые свиньи холодных климатов, будучи водворены в климате более теплом, становятся черными. По сви-

детельству Тремо, то же самое наблюдается и над человеком, т. е. что белый тип под влиянием жаркого климата может переходить в черный, и наоборот, в умеренных и холодных климатах черный тип смягчается. Евреи в северных странах Европы большею частью русые; у английских евреев голубые глаза и светлые волосы, у немецких и польских — очень часто встречаются рыжие бороды. В Индии можно видеть совершенно черных евреев.

Влияние климата на пигмент кожи и волос будет ясно для всякого, кто только сравнит северных жителей, например, финнов, с жителями умеренного и жаркого поясов. Это можно резко наблюдать, проезжая даже по одной России от севера к югу, причем не может не броситься в глаза, как белокурое и мелкое народонаселение постепенно сменяется более крупным и более пигментированным населением. Овца, при водворении в другом климате и предоставленная самой себе, изменяет качество своего руна. Так, в суровом и холодном горном климате овцы получают густую, грубую шерсть, тогда как в странах теплых получается противоположное явление. То же самое можно видеть и на других животных: на севере шерсть становится гуще и пушистее, на юге, напротив, меньше и реже.

Влияние климата, отражаясь на росте, цвете кожи и волос, не распространяется однако же на кости скелета, не изменяет типических племенных особенностей, которые, кажется, подчиняются только помеси крови. Доказать это не трудно. Почти от каждого европейского народа отделились части, за несколько веков до нас поселившиеся в других странах света; несмотря на это, они не потерпели существенных изменений. Белый человек давно живет у экватора, в той крайней температуре, которая действует на него сильнее всякой другой, но все-таки и теперь можно отличить там сынов Англии, Франции и Испании. Кожа их загорела и стала смуглее, изменился характер, даже, может быть, рост, а порода не выродилась. Английский, французский и испанский переселенец сохраняют отличительные черты своих предков. Самым убедительным примером в этом отношении могут служить евреи. Этот народ, рассеянный по всему земному шару, подвергаясь влиянию всевозможных климатов, самых крайних удобств и неудобств жизни, все-таки в течение многих веков не утратил своих признаков. Еврей русский, немецкий, французский, итальянский, испанский, американский и пр. везде остается евреем, за исключением мелких оттенков. У него сохраняются те же характеристические формы и пропорции, из которых слагается национальный тип. Тип этот, несмотря на влияние всевозможных климатов, не изменился в течение целых тысячелетий. Доказательство этого можно видеть в египетских гробницах и памятниках, где фигуры евреев, сделанные во весь рост, представляют почти

совершенные портреты нынешних евреев. Можно ли найти лучшее доказательство в пользу точности национального типа, в пользу того, что ни климат, ни образ жизни, ни всевозможные гонения и лишения не изменяют национальных признаков? Помянутые влияния, как мы уже сказали, могут отразиться на мягких частях, на росте, на здоровье народа, но не на характере скелета.

Вместе с изменением кожи и волос, смотря по местности, изменяется и продолжительность жизни. Средняя продолжительность жизни на юге гораздо менее чем на севере. Конечно, и в жарких странах можно найти несколько столетних стариков, но сравнительно они там очень ‘редки; южное население умирает гораздо моложе и дряхлеет скорее, чем северное.

Замечательные примеры долголетия встречаются преимущественно в холодных климатах. Так, в Шотландии Джемс Лауренс умер 140 лет; в Ирландии графиня Десмонд умерла тоже 140 лет; графиня Эклектон умерла 143 лет; Томас Винслов — на 146 году. В Англии Джон Эффингем дожил до 144 лет; Френсис Консист — до 150 лет; Томас Парр - до 152; в Норвегии Иосиф Суррингтон умер 160 л. В России в 1804 году, из 1.358,287 умерших, было 1504 человека, имевших от 90 до 95 лет, 1501 — от 100 до 105 лет, 71 человек от — 105 до 110 лет, 22 человека — от 110 до 115, 22 человека — от 115 до 120 лет и 3 — от 120 до 125 лет (Марат). Во Франции в 1802 году, из 904.692 умерших, было 5134 человека, достигших от 90 до 100 лет, и только 39 человек — от 100 до 105 лет, 14 — от 105 до 110 лет и 2 — от 110 до 118 лет. Взамен уменьшенной продолжительности жизни, темп ее у человека на юге гораздо быстрее, чем на севере. Женщина южных стран созревает скорее (10-12 л.), но зато скорее и старится.

Влияние пищи. Кормление в стойле производит нежных животных с более тонкими и слабыми костями, с тонкой шерстью и нежной кожей. Кормление на пастбищах, напротив, подкрепляет развитие костей и сухожилий и вообще не изнеживает тело. Сочный и жидкий корм у животных усиливает деятельность лимфатической системы и развивает рыхлую клетчатку и жир, тогда как сухой корм производит явления противоположные. То же самое мы постоянно видим и на людях. Не говоря о скудной, недостаточной пище, влекущей за собой упадок питания и недостаток развития, род пищи отражается на наружном виде питомца. Взгляните на детей, вскормленных хлебом и картофелем, и на детей, развившихся в более благоприятных условиях: между теми и другими вы увидите значительную разницу. Первые представляются сырыми, золотушными, с сильным развитием живота и лимфатической системы, тогда как вторые имеют умеренную полноту, свежесть и цветущий вид.

Хорошая хозяйка при взгляде на телятину, поданную к столу, по цвету ее отличит, — кормили ли теленка одним молоком, или другой пищей. Следствия систематического кормления всего поразительнее на свиньях. Если мы сравним, например, беркширскую и лейстерскую свинью с большеухой германской или обыкновенной домашней, то увидим между ними резкую разницу. Первая имеет низкие и тонкие ноги, маленькую голову, но колоссальное туловище, в котором не видно ни позвонков, ни ребер, а как бы все состоит из рыхлой клетчатки, проросшей жиром, тогда как во второй больше развиты кости, чем мускулы и жир.

Между крестьянами, ведущими трудовую, деятельную и подвижную жизнь при умеренно питательной пище, поразительной толщины никогда не встречается; но тот же крестьянин, разбогатев, делается, напр., содержателем постоялого двора, старостой, купцом, словом, переходит в выгодные условия для питания своего тела, и он начинает жиреть иногда до безобразных размеров. Поразительная толщина встречается преимущественно между зажиточными, малоподвижными крестьянами, купцами, духовенством, одним словом — у здоровых людей, пользующихся весьма питательным и обильным столом и весьма незначительною деятельностью.

Стало быть, к ожирению располагают: здоровое сложение, обильная пища, сидячая жизнь и бездеятельность.

Литератор и мелкий небогатый чиновник, несмотря на сидячую жизнь, не ожиревают, потому что они большей частью работают сверх своих сил и редко пользуются блистательной материальной обстановкой. Но тот же литератор и тот же чиновник, делающийся тузом, быстро начинает прибывать в фигуре и весе.

Светские барыни, несмотря на бездеятельную жизнь, редко полнеют потому, что, с одной стороны, редко пользуются хорошим здоровьем вследствие воспитания и наследственности, с другой стороны, потому, что жизнь их все-таки не так беспечна и сонна, как жизнь купчихи. Заботы о нарядах и выездах, о положении в свете, интриги и соревнования в состоянии также изменить тело, как умственный и физический труд.

О влиянии недостаточного питания будет сказано в другом месте.

Удобство жизни, комфорт, забота о своей внешности также отражаются на физических свойствах человека и животных.

Деревенская рабочая лошадь, превращенная в городскую выездную, скоро изменяет свой внешний вид. Овес, теплая и сухая конюшня, заботливая чистка и вытирание производят то, что та же самая неуклюжая лошадь делается гораздо круглее, нежнее и красивее.

Деревенский мальчик, взятый на воспитание или усыновленный господами, в скором времени делается по наружному виду настоящим

барченком. Бедняк, вышедший в люди или разбогатевший, с течением времени получает в своей фигуре нечто, так называемое, благородное. Это нечто, смягчающее и округляющее черты человека, и есть результат комфорта и довольства. Такое изменение фигуры, цвета и выражения лица зависит как от рода пищи и удобства помещения, так и от культуры своего тела, душевного состояния и образа жизни.

Выражение лица, главным образом, складывается вследствие преимущественного упражнения тех или других лицевых мускулов. Деятельность этих мускулов находится в связи с нравственным состоянием человека. Страсти или известное настроение духа отражаются на лице вследствие необходимого сокращения при этом известной группы мышц, потому и говорят, что лицо есть зеркало души. Когда известное состояние повторяется у человека довольно часто, то и деятельность мускулов, выражающих это состояние, усиливается и, наконец, делается привычной. Таким образом складывается постоянное, свойственное известному человеку и характеризующее его выражение лица. Мы различаем умное и глупое, веселое, задумчивое или печальное, величественное (начальническое), напыщенное, злое или хитрое и тому подобные выражения, смотря по тому, какое из этих качеств у человека преобладает. Говорят, что некоторые дамы и начальники нарочно приучают перед зеркалом свои физиономии к известному выражению и путем упражнения достигают своей цели.

Если мы будем применять теперь влияние внешних жизненных условий к совершенствованию человеческих пород, то прежде всего должны заметить то общее положение, что, чем благоприятнее сказанные условия для каждого человека или нации, тем совершенствование идет быстрее. Как несомненно то, что климат и физические условия страны имеют неоспоримое влияние на успехи цивилизации, так же точно, с своей стороны, плоды цивилизации, выражающиеся в народном довольстве, возвышают моральный и физический уровень народа. Поэтому кавказское племя так опередило в развитии все остальные племена; поэтому же более цивилизованные ветви этого племени представляются, даже в анатомическом отношении, более совершенными, чем другие, менее цивилизованные. Греки и римляне выработали свой тип до такой высокой степени, что под их влиянием многие современные народы Европы, происходившие некогда от диких или полудиких племен, облагородили свой тип и примкнули к народам более совершенным; от того же, с другой стороны, многие нецивилизованные племена, находящиеся в невыгодных материальных условиях, до сих пор так мало развиты.

Чтобы оценить влияние материального довольства на физическое развитие человека, достаточно обратить внимание на факты, находящиеся у нас перед глазами. Сравните русские деревни, населенные свободными крестьянами и некогда бывшими крепостными, деревни зажиточные — с разоренными и долго угнетавшимися, — и вы увидите в типе жителей тех и других большую разницу. Пришибленное, униженное и разоренное народонаселение с первого раза бросится в глаза своей физической и нравственной неразвитостью. Поставьте этих же самых людей в более благоприятные условия материального быта, и они не замедлят догнать в развитии своих более счастливых соседей. Впрочем, о влиянии бедности и рабства мы будем еще говорить в своем месте.

Таким образом, нужно признать несомненным, что материальное довольство имеет громадное влияние на совершенствование физических и моральных качеств, как целой нации, так и отдельных личностей, что это совершенствование идет рука об руку с успехом истинной цивилизации. Стало быть, та страна или те учреждения, которые дают жителям более свободы и достатка, этим самым могут более рассчитывать на успех прогрессивного развития человека. Жители порабощенные, коснеющие в бедности и невежестве, могут в продолжение целых веков не только не сдвинуться вперед, но потерять и то, что имели. Нам должны казаться дикими претензии тех цивилизаторов, которые, под видом благодеяния, стараются распространить европейское просвещение огнем и мечом. Разорение и рабство служат первым шагом к вырождению нации. Поэтому цивилизация, внесенная в страну таким путем, естественно, не может служить стимулом для развития туземных сил, а скорее рассадником для распространения сил внешних, пришлых, разрастающихся здесь в прямой ущерб национальному туземному развитию.

3. Рациональное бракосочетание

Выбор супругов при бракосочетании представляет один из важных гигиенических вопросов, самое существенное условие для улучшения породы. От качества супругов непосредственно зависят и качества потомства. Это давно понято народным смыслом, выразившим свою мудрую наблюдательность в пословицах: «яблоко от яблони не далеко падает», «что посеешь, то пожнешь». Поэтому вопрос о рациональном бракосочетании по своей важности требует серьезного внимания. Но прежде чем мы будем говорить об этом важном предмете, необходимо сделать небольшое разъяснение.

Можно ли, могут сказать мне, так материально смотреть на брак — самое святое таинство жизни; можно ли так сурово и холодно

смотреть на любовь, подчиняя ее — это прихотливое и капризное дитя — правилам науки и соображения? Наконец, можно ли смотреть на брак, как на скрещивание домашних животных с целью улучшения породы! Это уже выходит из пределов материализма, — это цинизм!

Вы сейчас увидите, что в моих словах нет никакого цинизма, что я также уважаю брак и любовь и не отнимаю от последней ее очарования. Вы согласитесь со мной, что индивидуальная любовь есть род личного вкуса: иному нравится арбуз, иному свиной хрящик, один любит осень, другой может восхищаться только весной, один любит тухлые яйца и подгнивших рябчиков, другой этого терпеть не может. Точно так же и относительно половой любви. Есть люди, которым нравятся худенькие, жиденькие, болезненные создания, другие, напротив, находят вкус в сочности, здоровье и настоящей красоте. От любви к свиному хрящику и тухлым рябчикам вреда никому быть не может, а от неестественно развившейся половой любви могут произойти весьма плачевные последствия на потомстве. Любовь точно так же должна подчиняться ограничениям, контролю рассудка, как и всякая другая потребность; потому что и это чувство может проявляться так же ненормально и нерационально, как и многие другие потребности. Представьте, что у больной женщины развивается ложный вкус к потреблению таких предметов, которые не только не питательны, а даже положительно вредны (уголь, глина, уксус и пр.), или, например, у пьяницы развивается вкус или любовь к запоям: неужели вы вооружитесь против того, кто будет доказывать, что этот вкус существовать не должен, что это извращение вкуса?

Вот точно так же и относительно половой любви. Я ничуть не отвергаю ее необходимости при бракосочетании, а хочу только высказать, что не всякая любовь естественна, рациональна, и есть такие симпатии, где супружество было бы положительно вредно, не говоря уже о тех случаях браков, которые идут наперекор науке и рассудку. В браках по-видимому безупречных сплошь и рядом мы видим, что группировка полов делается не вполне удовлетворительно. Блондинка лимфатического телосложения, сырая и вялая сделала бы гораздо лучше, если бы вышла замуж за человека с противоположными качествами, чем за такого же лимфатика. Два хороших человека не всегда еще могут быть хорошими супругами. Говорят, что в семейной жизни муж и жена иногда не сходятся характерами и убеждениями, точно так же они могут не сходиться темпераментами и прочими физическими качествами. Как в первом случае выходит, что два в отдельности достойных человека, сведенные вместе, принесут друг другу несчастье, точно так же два в отдельности порядочных организма могут произвести неудовлетворительное потомство. Поэтому следует заботиться, чтобы в брачных

сочетаниях по возможности существовало не только моральное, но и физическое равновесие. В знании тех условий, при которых это может быть легче достигнуто, и заключается подбор супругов.

Мне скажут, что вопрос о браке не может быть рассматриваем чисто с гигиенической точки зрения, что здесь не менее важны нравственные и гражданские условия. В этом, конечно, сомневаться никто не будет, но, разбирая только физиологическую и гигиеническую сторону брака, я ничуть не отвергаю этим других сторон, все равно как физиолог, рассматривая функции человеческого организма и умалчивая о социальных и других отношениях человека, этим самым не отвергает существования этих отношений и не подрывает их важности.

Что касается до того, насколько научно-обоснованные гигиенические правила брака могут быть применимы к жизни, — это другой вопрос. В жизни случается не редко, что сколько ни уговаривайте не есть углей или сгнившего сыра, не пить водки и пр., но болезненный вкус берет свое, и нас не слушают: точно так же возродившаяся нерациональная любовь сплошь и рядом, очертя голову, кончается женитьбой, но из этого еще не следует, чтобы не стеснять свободного чувства правилами науки. Имеющие уши слышать, да слышат. Кто захочет понять, что брак между стариком и молодой девушкой, между чахоточным или эпилептиком не только безрассуден, но преступление, тот не женится таким образом. Кроме того, наши слова могут быть не бесплодными и потому, что самый вкус при выборе предмета любви, как и вообще всякий вкус, подчиняется развитию; следовательно, сознавая условия нормального бракосочетания, можно более или менее стремиться к вырабатыванию настоящего, рационального вкуса. При всем этом нужно помнить, что на брак следует смотреть не как на личное удовольствие, а как на важный акт гражданской жизни, как на таинство воспроизведения рода, в котором должны быть заинтересованы не два только лица, но и все общество, наука и законодательство. После этого, надеюсь, читатели не ужаснутся при мысли об улучшении человеческой породы, о рациональном подборе родичей и пр.

Слишком взыскательные читатели могут обидеться в нашей статье еще тем, что мы часто сопоставляем вопрос о человеческой половой производительности с подобными явлениями у животных. В самом деле, для человека, привыкшего считать себя царем всего существующего, для человека, всосавшего чуть не с молоком матери такое убеждение, что между ним и животным нет ничего общего, естественно, такие сопоставления с непривычки могут показаться щекотливыми. Но мыслящий читатель должен отбросить ложное самолюбие и смотреть на вещи не через розовый флер, а так, как они существуют в действительности.

Он должен сознать прежде всего, что органическая жизнь человека и животных так близка между собой, что наибольшая часть физиологических процессов у них почти тождественны. Поэтому при изучении этих процессов необходимо и в высшей степени важно пользоваться фактами, взятыми с животных, так как эти последние гораздо более доступны экспериментальному исследованию, так как у них физиологическую жизнь не только можно наблюдать, но и преднамеренно выставлять на вид, направлять по произволу сообразно той или другой цели. Зная, что результаты этих опытов с полной основательностью могут быть перенесены на человека, естественно, что ими следует дорожить, а никак не обижаться. После всего сказанного мы можем спокойно продолжать свою речь.

При вопросе о выборе супругов мы рассмотрим возраст вступающих в брак, нравственные и физические их качества и помесь крови.

Вопрос, в каком возрасте должны быть заключены браки, настолько же важен, насколько и труден для решения. Вообще можно сказать, что брак должен быть позволяем тогда, когда развитие окончилось, и телосложение совершенно установилось, или, как говорят, человек совершенно «сложился». Возраст, в котором средним числом происходит это, — принимают 25 лет для мужчины и 20 лет для женщины. Но из этого ничуть не следует, чтобы раньше такого срока ни мужчина, ни женщина не были способны к половой жизни. Месячные очищения у женщин, служащие наружным признаком половой зрелости, в Южной Европе появляются средним числом с четырнадцатилетнего возраста, в Средней Европе — с пятнадцати лет, в России самый обыкновенный срок — от 14 до 16 лет, в Лапландии, и вообще на самом севере, они показываются не раньше 18 лет, а часто и позже того. В исключительных случаях месячные очищения появляются гораздо раньше, например, на 9-10 году. Вильсон наблюдал девушку, которая на 12 году забеременела и потом легко родила зрелого ребенка. По Робертсону одна девушка 11 лет была уже беременна; а по Смиту другая 10½ лет получила регулы и 12 лет родила. В случае Ровле девочка 9 лет имела регулы, а 10 лет и 13 дней родила живого ребенка. В южных странах таких примеров можно встретить довольно много. В России еще так недавно женщины выходили замуж 13-14 лет, а 15-16 иногда делались уже матерями. Но следует ли однако же из этого, чтоб такие ранние браки могли считаться рациональными, что появление менструаций у женщин и продукция семени у мужчины действительно указывают на полную готовность их к размножению рода? Этот вопрос и должен занимать нас в настоящее время. При рассматривании его представляются факты двух родов: одни могут оправдывать ранние браки, другие говорят против них.

Если рассматривать женщину исключительно с физиологической точки зрения, то всякая возникающая физиологическая потребность должна считаться законною и своевременною, и, стало быть, удовлетворение этой потребности по мере ее возникновения не должно быть вредно. Человек хочет есть — накормите его, чувствует жажду — утолите ее; у человека в известном возрасте являются половые побуждения, — почему же не считать эти побуждения также естественными и своевременными? Если мы будем стеснять эти побуждения, то они найдут другой, менее естественный выход. Гони природу в дверь, она влетит в окно. Почему знать, не приносим ли мы более вреда, чем пользы, преследуя ранние браки, именно потому, что этим самым мы даем, может быть, повод к усиленному развитию в обществе тех пороков неестественного полового удовлетворения, которые растлевают молодое поколение и так гибельно действуют на здоровье народонаселения?

Стесняя ранние браки, мы ничуть не стесняем этим проявления половых инстинктов; они все равно пробивают себе путь, но путь косвенный, а потому более вредный. Брак, рассматриваемый исключительно с гигиенической точки зрения, предохраняет от многих болезней и увеличивает среднюю продолжительность человеческой жизни. Это очевидным образом доказали точные статистические выводы, например, Каспера и др.

Следовательно, чем позже будут заключаться браки, тем больше на общественном здоровье будут отражаться те невыгодные условия, которые влечет за собой безбрачная жизнь.

В пользу ранних браков приводят также тот факт, что такие браки во многих странах, в том числе и в России, позволялись законом и существовали в течение многих лет без заметного ослабления народонаселения. Из читателей этой статьи, вероятно, много найдется таких, матери которых были выданы замуж около 14 лет, но, несмотря на это, ни на матерях, ни на потомстве не отразилось заметного ослабления. Мне самому удавалось наблюдать беременность и роды у девушки 16-17 лет, и при этом я не замечал, чтобы такая беременность вредно действовала на организм молодой матери, или чтобы плод ее был не вполне развит и упитан.

Что касается теперь до родов и послеродовых болезней, то с первого раза казалось бы, что юная мать 15-16 лет с трудом должна выносить родовые муки, что силы ее едва ли будут достаточны для продолжительного и вообще трудного акта рождения младенца. Но факты об этом говорят противное. Всем акушерам известно, что чем моложе женщина, рождающая в первый раз, тем роды ее легче. Продолжительность первых родов у женщины 16-18 лет можно принять

в 14-16 часов, тогда как у женщины старше 20 лет на это требуется около или даже более 20 часов. Женщина, рождающая в первый раз после 25 лет, редко обходится без оперативного акушерского пособия. Легкие роды у наших крестьянок, кроме сложения, может быть, зависят и от того, что в крестьянском сословии девушка рано выходит замуж.

Таким образом, по-видимому, чрезмерная болезненность родов, на которую так часто сетуют наши дамы, упрекая несправедливую к ним природу, во многом зависит от них самих. В менее цивилизованных общественных группах, где жизнь идет более сообразно с природой, где половая сфера начинает свою деятельность в свой законный срок, где организм женщины не ослаблен и не извращен несообразным воспитанием и образом жизни, там процесс рождения младенца не представляется карой небесной.

Я не хочу сказать, что у крестьянок родовой акт совсем безболезнен: известная доля родовых болей необходима. Боли при родах дают знать о начале этого процесса; без них много бы детей было потеряно на улице. Поэтому роды и у животных и у человека сопровождаются болью, заставляющею вовремя принимать меры предосторожности для более безопасного появления на свет нового индивидуума.

Обратимся, однако же, к главному вопросу.

Из вышесказанного видно, что раннее замужество и рождение детей не представляют с первого раза особенных невыгод ни для матерей, ни для их потомства. Мало того, оно облегчает мучения первых родов и, содействуя с самого начала нормальному ходу половой жизни, предотвращает неблагоприятные последствия как от излишнего полового воздержания, так и от неестественного удовлетворения половых стремлений.

Но это только одна сторона вопроса. При всестороннем обсуждении дела необходимо взять во внимание не одну физическую натуру человека, не одни физиологические побуждения, но и моральную сторону брака, социальные условия семейной и общественной жизни. Если мы будем смотреть на брак только с физиологической точки зрения, т. е. как на освященное законом средство для размножения потомства, стало быть, если будем иметь в виду только способность или неспособность человека к размножению, то нам ничто не попрепятствует допустить женитьбу для мужчин 17-18 лет, а для женщин — 15-16 лет, так как это — период половой зрелости тех и других. Но брак в то же время составляет начало новой, самостоятельной гражданской жизни, стало быть, кроме воспроизведения детей, от супругов требуется известная подготовка к этой жизни. У народов нецивилизованных эта подготовка не представляет особенной сложности, так как самая жизнь их очень

проста и незатейлива; но чем сложнее социальные условия, в которых живет человек, тем больше требуется запаса сил для обеспечения семейного довольства и счастья. Поэтому, кроме половой способности, вступающие в брак должны иметь способности и силы для гражданской жизни, известную долю образования, известную зрелость рассудка. Хорош будет, например, 18-летний муж с 15-летней женой, когда ни у того, ни у другого еще не сформировался характер, не установился рассудок. Было бы безрассудно советовать таким юношам, в силу физиологических принципов, брать на себя важные обязанности мужа и главы семейства. Увлечения, свойственные этому возрасту, шаткость убеждений, недостаточность подготовки для того, чтобы обеспечить и руководить свое семейство, очень легко могут повести не только к разным несчастьям жизни, но и отразиться на здоровье потомства. Стало быть, не только в видах семейного счастья, но и в видах улучшения рода, такие браки не должны считаться рациональными. Поэтому для большинства в цивилизованном классе можно постановить гигиеническим правилом для мужчин вступление в брак не раньше 25-летнего возраста, а для женщин — не раньше 17-18 лет. В это время как у женщины, так и у мужчины рассудок более зрел, суждение более здраво, знания более положительны и характер более сложившийся, что вполне необходимо для отца и матери семейства, для хозяина и хозяйки дома. Срок для вступления в брак, положенный нашим законом, именно для женщин в 16, а для мужчин в 18 лет, не противоречит физиологическим основаниям, но не вполне соответствует социальным требованиям.

Для тех, кто хотел бы руководствоваться для определения первого срока половой жизни одним физиологическим побуждением, следует заметить, что это побуждение в цивилизованных классах большею частью развивается преждевременно, до наступления периода возмужалости, вследствие ненормального физического и нравственного возбуждения. С ранней юности общество, чтение, примеры, возбуждают желания молодых людей обоих полов, разжигают огонь страсти и ускоряют преждевременное наступление половой зрелости. Следовательно, как здесь, так и во многих других случаях, одним побуждением руководиться нельзя. Для этого и существуют правила гигиены, отличающие действительную потребность организма от ложной и извращенной. Преждевременно начавшаяся половая жизнь, без сомнения, послужит в ущерб развитию тела, будет действовать ослабляющим образом, как на самих производителей, так и на потомство. Поэтому все древние законодатели совершенно справедливо старались отдалить эпоху брака, потому что, в самом деле, преждевременное воспроизведение рода до наступления полной зрелости мужчины и женщины неизбежно отраз-

ится на потомстве гибельным образом. Наблюдателями замечено, что дети слишком молодых родителей (не окончательно сложившихся и окрепших) отличаются малым ростом, слабостью и сильным расположением к болезням. Яйца молодых куриц вдвое меньше, чем куриц взрослых; щенята, родившиеся после первого оплодотворения суки, никогда не достигают большого роста (Бурдах). Скотоводы замечают, что если животное при не вполне соответственно питательном корме допускается к случке в раннем возрасте, то оно становится малорослым и слабым. Если оно впоследствии и получает более обильную пищу, то и тогда в нем развивается более жир, чем мышцы, и относительно полезности оно не будет иметь большого значения.

Что касается до тех невыгод, которые влечет за собою безбрачная жизнь, до извращения и неправильного проявления половых инстинктов, то, не отвергая важности этого влияния на ослабление народонаселения, мы думаем, что это влияние следует парализовать не ранним вступлением в брак (это значило бы одно зло заменять другим), а другими путями, о которых говорить здесь не место. Если бы условия нашей социальной жизни были не те, что теперь, то и вопрос о сроках вступления в брак мог бы быть разрешаем более на физиологических основаниях, стало быть, и борьба с неестественным проявлением половых инстинктов могла быть устранена сама собой. Но нам поневоле нужно применять гигиенические правила к той жизни, которою мы живем, а не к жизни идеальной, ожидаемой в будущем. Поэтому помянутое зло, естественно вытекающее из сложившейся жизни, может быть пока устраняемо не радикально, т.е. не изменением самой жизни, а паллиативным образом, действуя не на корень зла, а только на его проявления[3].

[3] Древним римлянам и грекам, говорят, рукоблудие было неизвестно, потому что развитие их молодости более соответствовало законам природы, а свободе половых сношений не препятствовали ни религиозные, ни моральные взгляды, ни закон, ни государственные учреждения. Новейшим векам суждено было заменить многие открытые, часто менее вредные проступки, более гибельными тайными злоупотреблениями. Сдерживаемый и потом неправильно прорывающийся половой инстинкт в современном обществе служит одним из самых важных зол, подрывающих народное здоровье. Это зло проявляется тем в больших размерах, чем больше в известном классе или сословии существует стеснений относительно брачной или вообще половой жизни. В простом классе общества, где эта жизнь идет регулярнее, где браки заключаются раньше, помянутые пороки существуют в гораздо меньшей степени. Каким образом устранить эту неизбежную жертву современной цивилизации и склада гражданской жизни, — это вопрос настолько же социальный, насколько и гигиенический.

В каком возрасте родителей можно ожидать лучшего потомства? Зная общие законы наследственности, этот вопрос разрешить не трудно. Тот возраст, в котором человек, окончательно сложившийся и окрепший, пользуется лучшим здоровьем, тот возраст, в котором различные невзгоды и лишения жизни, пороки и излишества не положили еще своей печати на здоровье человека, естественно должен считаться лучшим возрастом для размножения. Стало быть, возраст 25-35 лет для мужчины и 17-30 лет для женщины, т. е. период лучшей красоты, силы и энергии, следует признать самым удобным для размножения рода.

Само собой разумеется, что и последующие сроки, например, с 35-40 лет для мужчины, с 30-40 лет для женщины, тоже будут плодородны, но это плодородие, воспроизведенное на ослабленной и истощенной почве, не будет уже так совершенно, как вышеупомянутое. От этого самые последние дети, рожденные в преклонных летах, несмотря на устроившийся быт и довольство родителей, почти всегда имеют врожденные недостатки сложения — результат слабости организма родителей. Английская болезнь, золотуха, бугорчатка, слабость физического и умственного развития резко отличают эти запоздалые произведения от их братьев и сестер, рожденных в цветущее время жизни[4].

Многим из читателей, вероятно, приходилось недоумевать, почему так часто у весьма развитых родителей являются очень ограниченные дети, но не многие обращали внимание на то, что эти родители, потратившие большую половину жизни и здоровья на свое развитие, благодаря неудобствам социальных условий, слишком поздно применили ослабевшую уже воспроизводительную способность.

Здесь мы должны обратить внимание еще на одно обстоятельство. Известно, что в нашем просвещенном обществе мужчины большею частью женятся по истечении 30 лет следовательно, самый благоприятный возраст для произведения рода и самые лучшие элементы для этого тратятся или совершенно даром, или идут на произведение так называемых незаконнорожденных детей. Из этого, по-видимому, следовало бы, что большинство незаконнорожденных детей должно обладать лучшими качествами, чем позднейшие, законные произведения тех же родителей. Это и должно бы происходить на самом деле,

[4] Дети старых родителей, — говорит Леви, — кажется, более обыкновенного предрасположены к английской болезни; они не отличаются живостью и веселостью, свойственною их возрасту, и часто умирают от чахотки, хотя бы даже родители их вовсе не страдали этой болезнью. Если же они остаются в живых, то не развиваются как следует и подвергаются преждевременно различным страданиям.

если бы на упомянутых детей не влияли со всех сторон гибельные условия. Известно, что смертность между незаконнорожденными детьми и подкидышами достигает самых ужасающих размеров. Из 12.786 детей, принятых в Дублинский воспитательный дом, с 1789-1805 год по прошествии 5 лет, в живых осталось только 135 (Friedlander). В парижском воспитательном доме в конце прошлого столетия из 100 детей умирало 80, даже 90%[5].

В настоящее время в воспитательных домах смертность хотя и значительно уменьшилась, но все-таки она сравнительно велика. До истечения первого года жизни там умирает детей 22-25%, тогда как в других местах, по деревням и городам, 17-20%; в продолжение первых 5 лет обыкновенно детей умирает около половины (немного менее); детей же из воспитательного дома — наверное более половины. Из детей, оставшихся в живых, большая часть носит отпечатки тех гигиенических неудобств, на которые обрекает их несчастное рождение. Таким образом, значительный процент своевременной и, может быть, действительно лучшей производительности народонаселения пропадает даром, приносится в жертву дурным условиям социального быта.

Разность лет между мужем и женой также имеет влияние на качество приплода. Основываясь на физиологическом законе более скорого созревания женщины сравнительно с мужчиной, почти во всех странах и во всех классах общества женская половина брачной четы бывает моложе мужской. Но эта разница не везде бывает одинакова. В народных массах она при нормальных браках большей частью равняется 2-3 годам, в привилегированных же сословиях 5-10 годам. Такая разность лет может считаться нормальною, потому что ее оправдывают физиологические условия жизни женщины и мужчины. Выше мы видели, что половая зрелость наступает у женщины несколькими годами раньше, чем у мужчины, и вместе с тем первая старится скорее, чем последний. Способность к деторождению у женщин продолжается до 40-45 лет и только в редких случаях до 50 года, тогда как у мужчины эти границы в точности еще не определены, но во всяком случае они больше, чем для женщины. Жизнь женщины вообще течет быстрее. Если мы возьмем 30-летнего мужчину и 30-летнюю женщину, то последняя будет всегда казаться гораздо старше, более отцветающей, чем первый. Поэтому естественно, что одинаковость лет для обоих супругов и тем более обратная несоразмерность их представила бы много невыгод и относительно воспроизводительной способности и от-

[5] По этому поводу один остроумный автор предложил на подобных заведениях делать надпись: «Здесь губят детей на общественном иждивении».

носительно семейного счастья. Поэтому помянутая разность лет всегда была покровительствуема законами и освящена народными обычаями.

Но как во многих других житейских отношениях, так и здесь часто бывают злоупотребления. На каждом шагу в нашем обществе повторяются печальные факты ненормальных супружеств между пожилыми людьми, даже стариками, и молоденькими девицами — супружеств, одинаково растлевающих институт брака и подрывающих народное здоровье. Мы уже говорили о невыгодных условиях и последствиях позднего плодородия; они должны отразиться и здесь, потому что воспроизводительные силы молодой матери будут более или менее парализоваться угнетающим влиянием старика-отца.

Кроме того, при таких неестественных браках едва ли можно рассчитывать на полную супружескую любовь и гармонию, от чего тоже страдает как произведение и воспитание детей, так и общественная нравственность. Поэтому было бы желательно, чтобы разность лет в супружестве не превышала 10-12 лет, чтобы печальные и уродливые факты брачных сочетаний 16-18-летних девушек с 40-50-летними стариками были преследуемы, если не законом, то, по крайней мере общественным мнением. «Молодая девушка, — говорит Леви, — по расчету выходящая за старика, оскорбляет природу, потому что в этом случае интересы целого поколения приносятся в жертву страстям одной личности. Это, если можно так выразиться, настоящий физиологический скандал; но он допускается законом, и общество может наказывать его только презрением и насмешкою».

Кроме соответствующего возраста, мы поставили условием рационального бракосочетания необходимость известных физических и нравственных качеств супругов, при которых можно было бы рассчитывать на более удовлетворительное потомство. Важность этого условия ясна для всякого, кто понимает значение наследственности. Само собой разумеется, что в этом отношении было бы лучше всего подбирать таких супругов, которые не имеют ни физических, ни нравственных недостатков; но совершенства, как говорят, не существует на земле, поэтому в большинстве случаев было бы и то хорошо, если бы относительные недостатки супругов были бы сопоставляемы так, чтоб они не усиливали, а ослабляли друг друга. С физиологической точки зрения нужно, чтобы браки противодействовали различным телосложениям и темпераментам и могли, так сказать, нейтрализовать болезненную наследственность обоих супругов. Так, два семейства, имеющие одинаковые недостатки или расположенные к одинаковым болезням, породнившись между собой, непременно усилят на потомстве эти недостатки. Поколение, рожденное, например, от двух слабогрудых

супругов, расположенных к чахотке, или от золотушных, будет носить на себе эти недостатки или в такой же степени, как у родителей, или даже в усиленной. Золотуха или чахотка, соединяясь между собой, становятся пагубными рассадниками множества болезней. Поэтому браки между двумя больными, худосочными лицами с медицинской точки зрения должны бы быть запрещаемы. В противном случае неизбежно будет поддерживаться ослабление и вырождение породы.

Но нам скажут: что же делать с такими молодыми людьми, которые, по-видимому, не годятся для рационального брака; неужели за свою слабость и болезненное сложение они должны быть обречены на безбрачную жизнь? Такой приговор был бы слишком жесток и неприменим к практической жизни; потому что при нашей почти общей болезненности, где бы было взять тогда достаточное количество женихов и невест? Поэтому общественная гигиена должна ограничить свои требования лишь тем, чтобы хотя один из супругов обладал здоровым сложением, или же оба супруга обладали такими разнородными качествами, которые бы уравновешивали друг друга, подавляя болезненную наследственность слабого элемента. Так, например, если женщина, происходящая от чахоточных родителей, выйдет замуж за здорового и крепкого мужчину, то можно надеяться, что она сделается матерью здорового поколения, которое в свою очередь, соединяясь с «хорошею кровью», произведет детей совершенно безукоризненных. В этом случае сила болезненной наследственности, ничем не поддерживаемая, а, напротив, ослабляемая влиянием здорового элемента, естественно будет уменьшаться и, наконец, совершенно истощится. Множество фактов, свидетельствующих о произвольном исчезании или заметном ослаблении некоторых наследственных болезней (напр., проказы), говорят в пользу помянутого смешения. И, наоборот, все более и более распространяющееся влияние сифилиса, чахотки и золотухи, заметно ослабляющих наше народонаселение, ясно говорят, как живой укор, в пользу того, что при бракосочетаниях на правила гигиены обращается все-таки слишком мало внимания.

В частности, при выборе супругов нужно иметь в виду:

1) Что при соединении двух лиц слабого телосложения, лимфатического темперамента, рождаемые дети будут еще более слабы, расположены к золотухе и английской болезни. Поэтому следует избегать таких соединений, а, напротив, должно подновлять телосложение и темперамент хорошо обсуженной помесью. Беккерель в этом отношении советует, чтобы «крепкий, сильный мужчина, с темною кожей и хорошо развитой мышечной системой, соединялся браком с блондинкой, у которой голубые глаза, белая и тонкая кожа и лимфатический темперамент».

2) Так как от соединения двух особ нервного темперамента дети должны обладать этим темпераментом еще в большей степени, то при выборе супругов нужно иметь в виду, чтобы темпераменты их были не сходны.

3) Если у одного из супругов существует наследственная или приобретенная слабость какого-нибудь органа, напр., зрения, слуха, недостаточное развитие мышц или костей и проч., то при брачных сочетаниях следует иметь в виду, чтобы у другого супруга эти органы были особенно развиты. Слишком полнокровные особы, расположенные к апоплексии, должны соединяться с лицами или неимеющими этого недостатка, или даже с малокровными.

4) Имея в виду улучшение красоты потомства или, лучше сказать, сглаживание существующих недостатков (например, наследственная чрезмерная полнота, раннее выпадение волос, некрасивая форма черепа и, вообще, сложения и пр.), нужно стараться заключать брак с таким лицом, у которого качества эти противоположны.

5) Слишком большая несоразмерность в росте супругов должна быть избегаема.

6) Как женщина, так и мужчина должны быть способны к произведению потомства; поэтому женщина, имеющая неправильное строение таза, при котором роды невозможны, не должна бы выходить замуж. При обсуждении таких недостатков таза, при которых рождение не слишком крупных детей возможно, следует иметь в виду рост, размеры головы и плеч мужчины, за которого эта женщина должна выйти. Лица, страдающие важными наследственными болезнями, как, например, наследственным умопомешательством, падучей болезнью и проч., должны бы были отказаться от удовольствий брачной жизни.

7) Учитывая наследственность умственных и нравственных качеств и желая видеть на потомстве эти качества, при брачном сочетании нужно иметь в виду даровитость и нравственный характер породы. При этом не следует забывать, что умственное развитие не редко идет в ущерб физическому, что люди, истощенные непомерным умственным трудом, часто бывают плохими производителями.

8) При всякой возможности следует искать и предпочитать здоровое и крепкое телосложение слабому и болезненному, стройное и красивое — уродливому, умного человека — ограниченному, не жертвуя этими существенными качествами другим мелким выгодам и расчетам женитьбы. В случае же невозможности устроить брак на таких основаниях, следует, по крайней мере, заботиться о том, чтобы физические недостатки супругов не совпадали между собой.

Выполнение этих правил гигиены могло бы принести важную услугу, как отдельным лицам и целым семействам, так и целому

обществу. Оно могло бы послужить средством устранять физические недостатки целого народонаселения, влекущие за собой ухудшение пород. К сожалению, врачей не призывают к участию в обсуждении вопроса о бракосочетании, ни к участию при составлении законов об этом предмете. Наши законодательства не предписывают никаких мер к улучшению физического быта человечества, за исключением разве запрещения брака в известных степенях родства. Поэтому общество само должно заботиться о таком важном вопросе. Оставляя на личный произвол условия второстепенной важности, напр., заботу о красоте потомства, общество должно преследовать, наравне с тяжкими преступлениями, те аномалии брака, которые влекут за собой гибельные последствия на поколении. В самом деле, не имеем ли мы права точно так же назвать извергами 50-летнего старика, женившегося на 16-летней девушке, и чахоточных или сифилитических родителей, как мы называем вообще людей, лишающих из-за личной страсти кого бы то ни было жизни или здоровья? Больные родители должны знать, что они произведут больных детей, поэтому они обязаны подумать не о своей только, уже сосчитанной жизни, а и о жизни несчастного поколения. Всякий болезненный ребенок, наследственно-чахоточный юноша, всякий изуродованный английскою болезнью или получивший в дар от родителей сифилис, падучую болезнь или помешательство вправе негодовать за такое наследство, особенно если они будут знать, что милые родители допустили это не по неопытности, а из своих корыстных или эгоистических расчетов.

О последствиях нерационального бракосочетания подробнее мы будем говорить в статье о вырождении человеческих пород.

Помесь крови. Между другими условиями, содействующими улучшению породы, помесь крови играет немаловажную роль. Вообще можно сказать, что породы животных и человека мельчают, когда все производители переродняются между собой. Коннозаводчикам и скотоводам это давно известно, потому они и стараются по возможности освежать кровь приобретением новых самцов, не родственных стаду. Дарвин говорит, что скрещивание в близких степенях родства уменьшает плодовитость и силу. На этом, между прочим, основывается вырождение животных, напр., зубра в Литве. Нынешние зубры Беловежской пущи, потомки 500 зубров, живших там в 1824 году, все более или менее переároднились между собой. Вследствие этого рост зубров значительно уменьшился. Таких больших животных, какие убивались королями польскими, и вес которых записывался, теперь уж нет. Полагают даже, что в настоящее время существует две разновидности зубра, из которых одна гораздо мельче другой, представляющая, по всей

вероятности, результат вырождения. Наконец, самцов этого животного в Беловежской пуще родится теперь больше, чем самок, несмотря на то, что зубр — животное многоженное. Подобные факты вырождения существуют и в человеческом роде. Известно, что при недостатке помеси крови вырождались и исчезали целые фамилии, ослабевали и клонились к упадку целые нации. Из этого очевидно, какую важную роль должна играть помесь крови в гигиеническом отношении.

Почему же именно помесь крови действует так благодетельно? Не говоря о том, не вполне еще разъясненном, но фактически несомненном наблюдении, что браки между близкими родственниками влекут за собой упадок производительной силы, — браки между лицами, живущими в одной ограниченной местности, должны содействовать увеличению на поколении тех физических недостатков, какие существуют в этой местности. Положим, например, что в известном уезде, вследствие физических условий местности или образа жизни, у многих жителей развивается кретинизм, английская болезнь, золотуха и проч.; эти жители, роднясь только между собой, неизбежно усиливают сказанные болезни, так как лучших и более крепких производителей взять неоткуда.

Мы указали на более резкий пример, но сколько других, весьма разнообразных, явных и скрытых недостатков может развиться в народонаселении всякой местности, — недостатков, свойственных именно взятому народонаселению, потому что они происходят от продолжительного существования в одинаковых неблагоприятных условиях. В другой местности и при других условиях здоровье народонаселения может быть или менее ослаблено, или существующие болезни и недостатки сложения могут проявиться в другой форме. При помеси крови между двумя народностями, сословиями и пр., существующие недостатки сглаживаются или вследствие подновления ослабевшей породы породой более сильной, или вследствие парализования существующих недостатков недостатками противоположного свойства, как мы видели это выше при подборе супругов. Этим или, может быть, многими другими путями действует помесь крови, но несомненно то, что в общей массе она действует благодетельно. Жизнь сословия иссякла бы в непродолжительном времени, если бы оно не подновлялось постоянным притоком чуждых элементов, отличающихся от него и физическим телосложением и нравственными свойствами. В этом беспрерывном обмене, в этом разнообразии, в этой, можно сказать, борьбе и заключается источник общественных сил и живучесть всякого сословия. Изолируйте какое угодно сословие, — в среде ею в скором времени накопится столько физических и нравственных недостатков, что оно измельчает, выродится, сгорит и потухнет точно так же, как сгорает всякое органическое тело.

Составляя одно из существенных условий физического и морального развития народов, помесь крови совершается в большей или меньшей степени почти повсюду, как между племенами и народами, так и между сословиями и семействами. Степень проявления ее бывает, конечно, различна, смотря по тому, где существует больше условий, соответствующих или противодействующих этому. Об этих условиях мы и считаем нужным поговорить здесь.

Географические условия страны и степень сношения жителей с соседними народами могут существенно содействовать или противодействовать инородной, внешней помеси. Местности изолированные или слишком отдаленные (некоторые острова, Китайская империя и пр.), где жители не находятся почти ни в каких сношениях с жителями других местностей, естественно препятствуют помеси. Поэтому в таких местностях развитие обыкновенно подвигается очень медленно, тип жителей не совершенствуется, или остается на одном уровне, или даже ухудшается. Между этими местностями более противодействуют вырождению те, которые занимают большие пространства и имеют смешанное народонаселение, нежели местности небольшие, с однообразным народонаселением. В первых может еще происходить внутренняя помесь (областная, сословная), вследствие чего тип жителей разнообразится и подновляется, между тем как во вторых, большею частью мало или вовсе нецивилизованных, где между жителями нет ни племенного, ни сословного различия, при существующем однообразии помеси делаются невозможными. В первом случае отсутствие внешней помеси мешает только прогрессивному развитию народа, обусловливает умственный и физический застой, но не мешает здоровью народонаселения. Во втором случае, при отсутствии даже внутреннего разнообразия и помеси, физические и нравственные недостатки народа, развившиеся в данной ограниченной местности, под влиянием постоянно существующих одних и тех же условий, будут прогрессивно увеличиваться.

В тех странах, которые по географическому положению, политическому развитию жителей не разобщены от других населенных и цивилизованных местностей, внешняя помесь в той или другой степени происходит неизбежно. Вследствие этого совершается беспрерывный обмен как физических, так и моральных сил, - обмен, при котором слагается тип и увеличивается рост каждой нации, подновляются ее силы, сглаживаются недостатки. Такую помесь мы видим у всех европейских народов. Ей содействуют просвещение страны, торговые и политические сношения, удобства путей сообщения.

Степень внутренней помеси и результат ее в каждой стране зависят также от географических условий, характера народонаселения, сословных предрассудков, сословных прав и религиозных взглядов.

Страна, раскинутая на большом пространстве, где существует большое разнообразие климата, местности и вообще всех физических условий, дает возможность к разнообразному развитию жителей. В этом отношении Россия дает самые выгодные условия. Здесь вы найдете жителей, развившихся под самыми разнообразными широтами, начиная с глубокого севера до Закавказья, — жителей самых разнообразных местностей, начиная с тундр и кончая такими горными возвышенностями, где едва может обитать человек.

Естественно, что такое разнообразие физических условий должно было отразиться на характере и типе жителей. Поэтому в России более чем во всякой стране, можно встретить самые разнообразные, самые противоположные типы сложений и темпераментов. Поэтому внутренняя помесь у нас должна бы была происходить самым деятельным образом. До сих пор, однако, этому значительно препятствовали недостатки путей сообщения и слишком большая привязанность наших жителей к своей местности. Поэтому многие из отдаленных провинций России могут быть рассматриваемы, как местности изолированные. Род занятий русского простонародья (хлебопашество), недостаток предприимчивости и свободы (вследствие бывшего крепостного состояния) были причиной тому, что помеси у нас происходили несравненно реже, чем они могли бы происходить. Эти помеси могли быть только в местах центральных, куда стекалось разнообразное народонаселение, — именно в столицах и больших городах, между тем как наибольшая масса народонаселения роднилась только с самыми близкими окрестными жителями (редко переходя в другую волость, еще реже — в другой уезд и почти никогда — в другую губернию), стало быть, жителями, развившимися под одними и теми же условиями, имеющими более или менее однообразные свойства и недостатки. Вследствие этого результат помеси крови у нас был не так блистателен, как он мог бы быть. Но можно надеяться, что при лучших путях сообщения, при большем богатстве, развитии и свободе, сближение жителей увеличится, и тогда помесь крови, подновление провинциальных типов будет заметнее. Во всяком случае, Россия в этом отношении может рассчитывать на свою живучесть, на свои внутренние силы, на рост из самой себя.

Обмельчание и вырождение типа в будущем у нас возможно разве только при самом несчастном политическом устройстве, именно, если бы в народе была убита всякая предприимчивость, прекратились бы сближения между отдельными провинциями, если бы существующее разобщение масс еще более увеличилось, и отдельные местности России еще более стали играть роль изолированных местностей.

С другой стороны, результат помеси увеличился бы, если бы наши провинции были более самостоятельны; если бы жизнь каждой из них не

поглощалась общей центральной жизнью; если бы каждая провинция под влиянием собственных физических условий вырабатывала не одни только особенности сложения и темперамента, но особенности умственные и нравственные, тогда, при сближении этих разнообразно выработанных данных, результат помеси был бы еще важнее. В этом случае он мог бы иметь почти то же значение, как помесь внешняя, иностранная.

Из других стран самую замечательную и плодотворную помесь представляет Америка. Цивилизованное народонаселение ее составляет пеструю смесь выходцев (или потомков их) почти из всех стран Европы, стало быть, лиц с самым разнообразным физическим сложением и с самыми разнообразными моральными задатками. При полной свободе сближения, жизни и развития, это народонаселение должно было воспроизвести в поколении новый тип или новые типы, в котором олицетворились и объединились лучшие человеческие качества, выработавшиеся в Европе под влиянием самых разнообразных физических условий и политических судеб. Оттого ни в одном европейском народе в отдельности мы не видим того совершенства ума, предприимчивости, энергии, какие представляет нам американский народ, вместивший в себе готовые частицы всех европейских цивилизаций и отбросивший в то же время большую часть тех недостатков, которые неизбежно накопляются, как продукты горения, в каждой стране, развивающей свою цивилизацию последовательно из самой себя. Благодаря этой помеси и задаткам для нее на будущее время, американская нация имеет в себе столько силы и живучести, что ни внутренние раздоры, ни опустошительные войны, ни другие толчки, расшатывающие политический и гражданский строй страны, не будут для нее так ощутительны, как для многих других европейских народов.

Происхождению помесей, как мы сказали выше, могут препятствовать сословные предрассудки и религиозные взгляды. Мы хотим указать здесь на те предрассудки, по которым известные слои общества или известные семейства, вследствие истинного или ложного понятия о своих достоинствах, считают предосудительным или неприличным мешать свою благородную кровь с кровью менее благородной или плебейской. Сплошь и рядом случается, что аристократ или вообще дворянин всеми мерами противодействует тому, чтобы его дети вступали в брачные сношения с детьми из другого, по их понятиям более низкого, сословия, несмотря даже на то, если последние по своему образованию и природным дарованиям значительно превосходят первых. Такой mesalliance будто бы пятнает их род, мутит голубую кровь, содействует вырождению их величавого духа.

Такое опасение не безосновательно. Новый элемент, входящий в семейство с другими привычками и другим складом убеждений,

естественно вносит их вместе с собой и отражает на потомстве. И мы, действительно, видим, что дети, происходящие от важных фамилий, но при помеси с народным элементом, утрачивают свое аристократическое чванство, свои фамильные предрассудки и слабости и становятся уже гораздо ближе к народу. Такая помесь оказывается тем более благодетельной, что лица (мужчины), выходящие из народа и выбираемые для такой помеси, обыкновенно представляют собой людей передовых, талантливых, потому что только помощью своих личных качеств они могут сделать такую помесь возможною. Следовательно, при подобных браках новые и лучшие качества, вносимые в обветшалую жизнь, по общему закону перевеса лучшего и сильного перед худшим и слабым, должны торжествовать, представлять больше устойчивости, и стало быть аристократическая или дворянская кровь действительно должна терять свои качества.

На этом и основывается подновление пород, очищение крови от накопившихся недостатков.

Даже в таком случае, когда аристократ женится по расчету, напр., на купчихе, что так часто случается, и тогда помесь крови может отразиться на потомстве благодетельно. Одно то, что женщина из купеческого сословия вносит в аристократию долю своего здоровья, чего там не достает, — имеет уже много значения. Но, кроме здоровья, по законам наследственности и путем воспитания, женщина может более или менее парализовать или ослаблять те сословные нравственные недостатки, которых везде так много. Дочки от матери купчихи и отца важного барина в большинстве случаев не будут так тщеславны, расточительны и пусты, как они были бы от такой же матери.

Во всяком сословии есть масса временем накопившихся физических и нравственных недостатков, большей частью своеобразных, вытекающих из исторического склада жизни данного сословия. Но, с другой стороны, везде есть и хорошие стороны, свои отличительные достоинства. Вследствие этого, чем больше в сословии будет помесей, тем больше будут очищаться сословные недостатки. При противоположных условиях естественно произойдут и противоположные последствия: масса физических и нравственных недостатков будет накопляться больше и больше и, наконец, доведет до того, что сословие будет мельчать и вырождаться.

Это мы и видим на самом деле. Замкнутые сословия и кружки, происходившие некогда от прекрасных родоначальников, вскоре утрачивают свои родовые свойства и ослабевают так, что, наконец, совершенно стираются с лица земли. Так исчезли многие аристократические роды и продолжают исчезать до сих пор. Поэтому, чем больше будет

доступ в привилегированные слои свежих народных сил, чем меньше будет предрассудков против плебейского происхождения, тем больше шансов на моральное и физическое улучшение рода. В этом смысле народные силы, как обильный сырой материал, как кислород воздуха для горения, будут служить неисчерпаемым источником для поддержания гражданской и государственной жизни.

Из вышесказанного следует, что на успехи помеси, кроме сословных предрассудков, будет иметь влияние и установление сословных прав. До тех пор, пока негры останутся неграми, они не могут рассчитывать на помесь с белыми американцами. Во время существования крепостной зависимости нельзя было ожидать сближения народа с дворянским сословием. Для этого нужно, чтобы народ не только был свободен, но и богат, без чего самым талантливым личностям трудно выбраться из своей колеи. Распространение грамотности, установление свободного права поступления в средние и высшие заведения, известная доля обеспеченности и равноправия послужат в экономии государственных производительных сил Архимедовым рычагом. Образчик этого могущественного деятеля мы имеем и теперь перед глазами. Наше сельское духовенство, вышедшее непосредственно из народа, до сих пор отличается от своих праотцев весьма немногим. Причетники и даже дьяконы по материальному своему быту почти те же мужики, но только грамотные и более свободные. Дети их имеют право доступа в университеты и другие учебные заведения, и благодаря этому праву народно-духовный элемент проник во все слои общества, охватил собой все роды деятельности и послужил весьма значительным подспорьем для дворянства. В рядах ученых, литераторов, художников, чиновников и пр. они занимали и занимают не последнее место, а при лучших материальных средствах приток этих сил, естественно, был бы еще обильнее. Но что значит численность духовного сословия с численностью крестьянства? Если бы для последних в прежнее время существовал такой же доступ к образованию и гражданской деятельности, то, само собой разумеется, в нашем образованном обществе был бы теперь во 100 раз больше процент свежих и энергических сил.

Наконец, мы должны еще сказать о влиянии на внутренние помеси религиозных взглядов. В этом отношении, по крайней мере у нас в России, можно указать на католиков, лютеран, магометан и евреев. В нашем простом народе существует почти повсеместный предрассудок, по которому магометане, евреи и др. иноверцы считаются людьми погаными. Поэтому русский крестьянин не только не женится на инородках, исповедующих другую религию, но даже не заимствует от них никаких правил житейской мудрости. То же самое можно сказать относительно

немецких колонистов и других инородцев. Вследствие такого предрассудка происходит то, что, несмотря на самые близкие поземельные отношения, несмотря на то, что русские крестьяне и инородцы сплошь и рядом живут в одной деревне, каждый из них остается совершенно изолированным. Татарских и немецких помесей, несмотря на видимую возможность их в настоящее время, в массе народонаселения происходит весьма мало. Благодаря этому немцы-колонисты, рассеянные в России небольшими отдельными группами, до сих пор остаются особняком, как status in statu.

Глава четвертая

Вырождение человеческих пород и условия, его вызывающие (рабство, эксплуатация, бедности, недостаток обновления породы, кровосмешение и проч.)

История человечества во все времена показывала и показывает нам беспрерывные примеры как прогрессивного, так и регрессивного движения. Будем ли мы наблюдать человеческую жизнь в массах — у целых наций, или в отдельных группах — у сословий и фамилий, везде мы встретим один и тот же факт постепенного возрастания, затем последовательного или быстрого понижения и, наконец, полного исчезания жизни. Жизнь нации, сословия и фамилии, точно так же, как жизнь отдельного индивидуума, имеет свои периоды и пределы. Везде есть периоды юности, зрелого возраста и старости. Продолжительность этих периодов для различных наций и сословий бывает различна, как и продолжительность каждой человеческой жизни в отдельности, — это зависит от степени запаса органических сил, от крепости физического и нравственного сложения нации и от случайных болезней государственной и социальной жизни. Но при всем том, даже в самых прочных нациях роковое движение возрастания и увядания непременно совершается в силу общего закона, с тою или другою скоростью. Таким образом, в короткий срок исторической жизни успели уже совершить и закончить свое существование много народов и государств, сменяя друг друга точно так же, как мы сменили наших дедов и в свою очередь будем сменены внуками. Так над землею прошло последовательно несколько цивилизаций, оставивших следом своего существования или только гранитные обломки и развалины архитектурных произведений, или бессмертные идеи, доставшиеся в наследство следующим поколениям. Куда делись представители вавилонской, ассирийской и египетской

цивилизаций? Где те греки и римляне, которые так высоко поднялись было над всеми земными племенами и народами и оставили в исторической памяти столько образцов ума и величия? Одни совершенно стерты с лица земли и исчезли бы даже из народной памяти, если бы дела рук этих народов не оказались прочнее, чем самые народы. Если и существуют теперь представители позднейшей цивилизации — потомки греков и римлян, то можно ли судить по этим обломкам великих наций о их прежнем цветущем состоянии? На этих остатках древней истории можно только изучать процесс вырождения народов, поглощение их новыми племенами, начинающими свою историю на их развалинах.

Факт вырождения народов, о котором свидетельствует нам история, точно так же, хотя и в меньших размерах, совершается и в нашу эпоху, перед нашими глазами. Вырождение этих последних происходит или путем слияния или перехода в другую нацию, или путем измельчания, ослабления и вымирания. Для примера мы можем взять, напр., американских негров, которые, как известно, быстро вытесняются белым племенем. В данном случае это зависело не от каких-либо предполагаемых законов судьбы, обрекшей негров на жертву белым, а от тирании этих последних, от рабства, вследствие которого племенные помеси не могли быть слишком частыми, а самостоятельное существование порабощенных в таком положении делалось все менее и менее возможным.

Но вырождение отдельных племен может происходить и совсем иным путем — именно путем растворения одного племени в другом посредством смешанных браков. В этом случае обычно имеет место уже не регрессивное, но, напротив, прогрессивное (догоняющее) движение.

Таким образом, мы указали на один порядок вырождения племен, порядок, который можно назвать перерождением или поглощением одного племени другим. Он, как можно видеть из вышесказанного, может существовать только при тех условиях, когда между племенами существует известная степень движения, не препятствующая взаимным бракам. Следовательно, переходу одного племени в другое будут содействовать: равноправность и единство религии. Перерождению или поглощению племени содействуют: потеря политической свободы и его подчиненность.

Теперь мы обратим внимание на другой порядок вырождения, порядок гибельный, к стыду человечества существующий до сих пор в больших размерах и зависящий большею частью от гнусной тирании, порабощения, бедности, нравственного падения, — мы говорим о вымирании племени.

Известно, что чем ниже стоит народ на уровне человеческого развития, чем больше в нем невежества и пороков, чем несчастнее

его материальный быт, тем больше смертности в этом народе. Это показывают статистические цифры не только относительно тех несчастных народов, которые вследствие своего извращенного социального положения, так сказать, обречены на вырождение, напр., негры, но и относительно народов всех других стран, стоящих на различных уровнях цивилизации. В Нью-Йорке, напр., между свободными жителями ежегодно умирал 1 из 36-40, тогда как между неграми, находившимися в рабстве, умирал 1 из 18. В английских, французских и других колониях между рабами больше умирают, чем рождаются на свет. Напротив, в Доминго, с тех пор, как неграм предоставили независимость, число их удвоилось. Вообще можно сказать, что народонаселение увеличивается смотря по средствам к существованию; у каждого народа дети рождаются и остаются в живых только соразмерно количеству пищи. Следовательно, чем богаче страна, чем независимее и обеспеченнее положение ее жителей, тем больше рождается и подрастает детей; напротив, при недостатке средств пропитания и вообще при несчастьях страны число рожденных уменьшается, а смертность увеличивается. Замечено даже, что в цивилизованных странах, вслед за неурожаями, войнами, повальными болезнями и проч., родов бывает меньше, чем в другое, более счастливое время.

Если мы применим теперь все сказанное к разбираемому вопросу о вымирании племен, то ясно увидим причины вымирания. Выражение, что слабая раса, существуя вместе с расой сильнейшей, вытесняется этой последней и вымирает, должно понимать в том смысле, что при таком существовании на долю сильной расы обыкновенно выпадают все выгоды, а на долю слабой — все неудобства жизни. При эксплуатации слабых сильными, естественно, вся тяжесть физического труда, все лишения жизни падают на первых, оттого не только не может быть равномерности в прибыли народонаселения тех и других, но в угнетенной расе цифра смертности будет превышать цифру рождения.

Таким образом, с течением времени и пропорционально со степенью угнетения и эксплуатации, раса мало-помалу уменьшается в числе и, наконец, может совершенно исчезнуть, точно так же, как вытесняются слабые растения и животные, существуя на одной почве с другими, более обеспеченными, одаренными большими средствами для поддержания себя и распространения рода. Если бы первые существовали на той же почве и при тех же естественных условиях, но без вмешательства последних, то размножение их не прекращалось бы, так как в этом случае они одни пользовались бы теми средствами, какие существуют на данной почве для их размножения. Поэтому, напр., те же, негры, существуя независимо от белых, не вымирают, а размножаются по общим законам

приращения человечества. Поэтому бедные, ослабленные классы без эксплуатирующего вмешательства богатых и сильных, размножались бы гораздо успешнее, точно так же, как по очищении сорных трав с полей и огородов, насажанные растения, получая вследствие этого больше питания, начинают расти быстрее и роскошнее. Следовательно, чем равномернее будет распределение народного богатства и сословных прав и преимуществ, чем меньше в обществе будет эксплуатирующих паразитов, тем с большей гармонией, с большим успехом будут развиваться народные силы, тем больше народные массы будут защищены от ослабления и вырождения.

Что касается до того вопроса: возможна ли такая гармония в сложных человеческих обществах, — то решение его сюда не относится. Для нас достаточно указать на ту общественную язву, которая подтачивает жизнь целых сословий, даже целых рас (цветных), достаточно указать на видимую и сознаваемую опасность, а каким образом предотвратить эту опасность, или уменьшить ее, — это уже вопрос не естественно-исторический, а социальный. Во всяком случае, разумное общество должно сознавать и сознает, что угнетаемые классы нуждаются не в соболезновании об их беспомощном положении, а в таких общественных учреждениях, которые бы поддержали их и предотвратили грозящее им вырождение. Если бы мы сказали, даже на основании исторических фактов, что низшая раса обречена на гибель самою природою и успокоились на этом, то мы бы погрешили и против истины и против человечества.

Если мы до сих пор видели, что белая раса везде порабощала и вытесняла цветные, крепостное сословие страдало от помещиков, то в этом виновата не природа и не судьба, а кровожадные наклонности самого человека. Обуздать эти наклонности, защитить слабых перед сильными, по возможности уравновесить права и средства на существование, — это не такие вещи, которые могли бы считаться совершенно неудобоисполнимыми, а, напротив, стремление к их выполнению есть святая обязанность всякого, кто только может помочь в этом словом или делом.

Мы уверены, что одно уничтожение невольничества в Америке резко отразится на прибыли черного населения, как это было уже замечено и прежде, напр., в С.-Доминго. Вместе с тем, при улучшении материального быта и нравственности — необходимых спутников свободы — не только число рождений, но и средняя продолжительность жизни негров значительно возвысится.

Если по уничтожении невольничества нельзя еще ожидать уничтожения экономической зависимости, то эта последняя во всяком случае

не будет равносильна рабству. Она существует всюду, но, представляя много переходных ступеней к самостоятельному и обеспеченному быту и нравственному развитию, гораздо более защищает расу от вымирания, чем рабское состояние. Во всяком случае, если отживающим или слабым народам суждено исчезнуть с лица земли, то гораздо лучше, когда такое исчезание совершается не путем рабства и вымирания, а путем перерождения, что мы действительно видим на отживающих народах образованной Европы и чего вправе желать и ожидать и для цветных рас, если они при восстановленных человеческих правах будут поставлены приблизительно в такие же условия.

До сих пор мы говорили только о вырождении племен и наций, но то же самое случается, хотя и при других условиях, в более ограниченных кругах, в сословиях и отдельных породах. Поочередное возвышение и угасание фамилий, процветание и падение привилегированных сословий во все времена представляло явление довольно обыкновенное и все известное.

Факт вырождения старых аристократических фамилий был замечен еще Аристотелем. Этот философ говорит о потомках Солона и Алкивиада, которые выродились до такой степени, что все члены, составляющие продолжение этих знаменитых фамилий, были или глупцы, или помешанные. То же самое говорят историки относительно египетских и сирийских царей, которые, не желая смешать свой род с обыкновенными смертными, имели дурной обычай жениться на близких родственницах. Из этого выходило то, что царственные династии, думавшие в самих себе найти бесконечное продолжение рода и поддержание величия, этим самым довели себя до количественного и качественного ничтожества. Вырождение испанских грандов есть факт общеизвестный. Еще в конце прошлого столетия французские писатели говорили, что при виде толпы людей, составлявших высшую испанскую аристократию, казалось, что находишься в обществе больных. Граф Мирабо в своем «Ami des homes» третирует этих господ, как пигмеев, сравнивая их с сухими и дурно питающимися растениями. Венецианские патриции, записанные когда-то в золотую книгу, с течением времени измельчали и выродились. Французские аристократы XVII столетия, по свидетельству историков, к началу следующего века почти все выродились, а остаток их не имел достаточно ни ума, ни силы, чтобы противодействовать своему видимому падению.

Примеры такого вырождения аристократических фамилий и вообще привилегированных общественных групп можно видеть всюду, где только они представляли замкнутые круги. Наблюдательный читатель, вероятно, подметил это и в современном обществе, именно в тех изо-

лированных кастах, которые тщательно защищают себя от помеси с другими слоями общества.

Как прежде в этом отношении помогала феодальная система, так и теперь содействуют вырождению аристократические признаки, по которым право происхождения считается выше всех прав личности. В силу такого исключительного поклонения аристократизму, лица, принадлежащие к этому кругу, при брачных сочетаниях имеют в виду не интеллектуальные и физические качества, а знатность происхождения. Все равно, если бы даже потомок знаменитого рода носил отпечаток идиотизма, его предпочтут личному таланту. Таким образом, распространяются и перепутываются родственные круги, зараженные одними и теми же нравственными недостатками. При отсутствии помеси и подновления рода, эти недостатки растут прогрессивно и дают целому сословию особенный отпечаток нравственного бессилия и пустоты. Если такой порядок замкнутого размножения будет продолжаться долго, если в привилегированный круг не будет доступа свежим силам из другой среды, то дело обыкновенно кончается полным вырождением: каста губит самое себя, как это случилось с испанскими грандами.

Такая атрофия, такое самоубийство расы совершается исподволь; поэтому лица, участвующие в этом, не замечают своего самоуничтожения. Помешанные на внешности и на правах своего рождения, они не видят ничего далее этих прав, воображая, что с именем знаменитого предка они получили и его доблести. Жизнь их обеспечена богатыми наследствами, самолюбие удовлетворено знатным происхождением, вследствие чего они не имеют достаточного побуждения для умственного труда. Поэтому мозг их со временем теряет восприимчивость и становится мало производительным, а взамен того приобретаются такие наследственные привычки, которые идут в ущерб умственному развитию и нравственным качествам. Восприимчивость к умственному развитию, как мы говорили выше в статье о наследственности, передается от родителей к потомству; следовательно, чем дольше в известном замкнутом круге будет пренебрегаться самостоятельная умственная деятельность, тем нисходящий род будет слабее в этом отношении.

Что касается до физических качеств, то с первого раза кажется, что они у аристократических родов не только не ухудшаются, а, напротив, совершенствуются. Здесь более чем где-нибудь, можно встретить чистокровные породы, фамильные тонкие черты лица, особенно nez de race, усовершенствованные руки и ноги. Женщины здесь большей частью представляют последнюю степень тонкости, нежности и деликатности сложения. Мужчины нередко отличаются стройным станом и рослостью. Все это было замечено даже на угасающих аристокра-

тических породах, напр., на французской гвардии и при французском дворе до первой революции. Но эта красота, эта аристократическая чистокровность и тонкие черты не указывают еще на улучшение породы, даже в физическом отношении, потому что усовершенствование здесь касается только внешности и большей частью не гармонирует с физиологическими отправлениями органов. Точно так же, как английская скаковая лошадь, моршанская порода овец, беркширская порода свиней, маленькие комнатные собачонки и проч. никак не могут считаться за зоологические образцы этих животных, и аристократический тип, усовершенствованный исключительно в смысле красоты и нежности, не может считаться образцом физического усовершенствования человека. Если помянутые животные вследствие развития в них специальных качеств, большей частью идущих в ущерб общему здоровью и крепости, ценятся хозяевами очень высоко, то это зависит от специального назначения этих животных. Вследствие этого свинья, до безобразия оплывшая жиром, или изнеженный рысак, пригодный не для пользы, а только для удовольствия и тщеславия человеческого, считаются лучше здоровой и крепкой хозяйственной лошади и обыкновенной свиньи. В человеческом же роде таких специальных целей для усовершенствования и, следовательно, исключительной заботы о своем породистом носе, руках, ногах и пр. существовать не должно.

Грациозные формы и тонкие черты могут считаться совершенством в таком только случае, когда они составляют не исключительную задачу улучшения породы, когда развитие их не идет в ущерб физиологическому отправлению и гармоническому развитию более существенных и важных органов. Развивать одни внешние формы чисто с эстетической целью, — значит содействовать вырождению породы, точно так же, как подобное вырождение мы должны признать в зоологическом смысле и за вышеупомянутыми животными, хотя они и считаются в хозяйственном отношении усовершенствованными.

Влияние кровных браков. Вопрос о влиянии кровных браков на потомство с самого давнего времени занимал и законодателей, и врачей, и все общество. Если в старые времена в кровосмешении и не видели физиологической причины вырождения человеческого рода, то все-таки смотрели на него, как на явление противоестественное, порицаемое гражданскими и религиозными законами и народными обычаями. Моисей в этом отношении дает своему народу правила: «Человек ко всякому ближнему плоти своея да не приступит открыти срамоты. Срамоты дщери сына твоего или дщери дщери твоея, да не открывши срамоты их, яко твоя срамота есть. Срамоты сестры отца твоего да не открывши, своя бо отцу твоему есть. Срамоты сестры матери твоея да

не открывши, своя бо матери твоей есть. Срамоты брата отца твоего да не открывши, и к жене его да не внидеши, сродник бо ти есть. Срамоты невестки твоея да не открывши, жена бо сына твоего есть, да не открывши срамоты ея. Срамоты жены брата твоего да не открывши, срамота брата твоего есть. Срамоты жены и дщери ее да не открывши, дщере сына ея, и дщере дщери ея да пой-меши открыти срамоты их, ближний бо ти суть, нечестие есть. Сестру жены твоея да не поймеши в наложницу, открыти срамоту ея перед нею, еще живе сущей ей», и пр. (Кн. Левит, гл. XVIII).

В первые века христианства на этот вопрос обратили еще больше внимания. При аскетическом взгляде на жизнь, духовные писатели этого времени старались по возможности расширить круг препятствий для бракосочетания. Поэтому в канонических постановлениях явилось запрещение браков не только между кровными, но даже между духовными родственниками. Первые христианские императоры (Феодосии Великий) ввели эти постановления в гражданскую жизнь в форме положительных законов, которые с некоторыми изменениями соблюдаются и по настоящее время во всех христианских странах. Те же самые ограничения, хотя и в меньшей степени, существовали у римлян-язычников, существуют и теперь у народов других вероисповеданий: у магометан, народов Индостана, у многих диких и полудиких племен. Вообще можно сказать, что в человеке существует род инстинкта, противодействующего кровосмешению в близких степенях родства. Будем ли мы смотреть на этот инстинкт, как на инстинкт природы, или как на следствие вековых обычаев, во всяком случае, он существует. В силу его половые сношения в первых степенях родства в большинстве стран казались омерзительными, подобно другим крайним извращениям половых отправлений.

В последнее время, особенно с 1859 года, вопрос о кровных браках обратил на себя серьезное внимание ученых, стал рассматриваться с естественноисторической точки зрения, вследствие чего в науке приобретено столько положительных фактов, что на этот вопрос можно смотреть уже не с религиозной или философской, а с чисто научной точки зрения. Однако, и до сих пор мы не можем еще сказать, чтобы вопрос о кровных браках был разрешен окончательно. Он только приближается к разрешению. Многочисленные факты, собранные об этом предмете в последнее время, могут подтвердить об опасности кровных браков, особенно в человеческом роде, но вместе с тем нельзя умолчать и о том, что при разборе этого вопроса явилось несколько жарких противников, вооружившихся против такого догматического решения, принимавшегося во все времена законодателями, гигиенистами и пато-

логами. Это новое мнение, родившееся преимущественно в Парижском Антропологическом Обществе, мнение, по которому родственные браки считаются не только безвредными, но даже полезными, если бы даже оно было неосновательно, по справедливости требует такого же внимательного разбора. Поэтому мы изложим сперва те научные основания и доводы, по которым родственные браки считаются вредными, а потом и доводы противников этого мнения.

Мы уже сказали, что во все времена и у большей части народов кровные браки в известных степенях запрещались нравственными и религиозными законами. Основание этого запрещения, по всей вероятности, лежало в том, что и в прежние времена были подмечаемы неблагоприятные последствия таких браков на потомстве. Во всяком случае, еще очень давно, в старых сочинениях по части гигиены и нравственности можно встретить указания, где вред от родственных браков рассматривается с гигиенической точки зрения, так как такие браки считались за причину многих болезней и неправильностей сложения. С течением времени, особенно в последние годы, фактов, относящихся к этому вопросу, накопилось столько, что на основании их можно произнести мнение о кровных браках не по предчувствию, не на основании догадок и религиозных убеждений, а на более или менее прочных научных началах. Эти факты так важны и убедительны, что мы считаем не только уместным, а даже необходимым передать их здесь, насколько это возможно в журнальной статье.

Может быть, многим читателям покажется, что мы слишком распространились о влиянии кровных браков, но этот вопрос так важен, так применим к жизни и, стало быть, так подлежит общественному ведению, что подробности изложения его, по нашему мнению, не должны казаться ни скучными, ни бесполезными. На основании этих подробностей, зная научную сторону дела, каждый, встречаясь на жизненном пути с вопросами этого рода, может обсудить их с большею основательностью. Кроме того, на основании всего вышеизложенного, мы можем бросить теперь взгляд на наши гражданские законы относительно брака, рассматривая их с гигиенической точки зрения.

Вопрос о возможности или невозможности брака между лицами, находящимися в родстве, у нас разрешается по правилам той религии, к которой принадлежит данное лицо. Относительно православных в законе прямо определено, что им запрещается вступление в брак с родственниками и свойственниками до четвертой степени включительно. Древний еврейский закон представляет в этом отношении несравненно больше терпимости, потому что он позволяет брак не только между дядей и племянницей, но и между племянником и теткой, стало быть,

запрещает кровосмешение только между братьями и сестрами. Законы христианской религии вообще запрещают родственные браки; но в католических и лютеранских странах канонические правила в этом отношении подвергнуты значительным ограничениям.

Гражданский закон там позволяет вступать в брак двоюродным братьям и сестрам, а иногда даже дяде с племянницей, или племяннику с теткой. Следовательно, наши гражданские законы относительно этого предмета не для всех подданных одинаковы; то, что позволяется лютеранину, католику или еврею, не позволяется православному. Различие это, конечно, основано на исторических или чисто-догматических взглядах того и другого вероисповедания. Но всякому известно, что физиологические законы безусловно одинаковы для всех вероисповеданий, следовательно, что безвредно в этом отношении для лютеранина, будет безвредно и для католика, и наоборот. С другой стороны, каждый согласится, что всякий гражданский закон, относительно какого бы то ни было вопроса, только тогда может быть прочен и непоколебим, когда он основан на действительной потребности и имеет целью положительную гарантию нравственного и материального благосостояния народа. Следовательно, и закон о браке по справедливости должен быть обоснован на физиологических и гигиенических данных, должен ограничивать только то, что может быть вредно в каком бы то ни было отношении. Что же касается до других ограничений, основанных не на научных, положительных началах, а на совести и убеждении, до таких ограничений, от исполнения или неисполнения которых нисколько не может страдать народное благосостояние, то их, кажется, можно было бы предоставить доброй воле граждан. Убеждение должно быть свободно и непринужденно...

Говоря о свободе религиозных и гражданских убеждений, мы вовсе не хотим этим защищать безусловной свободы действий. Всякий гражданский закон должен в известной степени ограничивать эту свободу, с целью уравновесить личные выгоды и удобства жизни всех граждан, но такое ограничение должно разумно сознаваться членами общества, как необходимые условия их личного блага, следовательно, оно должно вытекать из прочного и разумного основания. Поэтому и законы, стесняющие брак, должны существовать именно в такой мере, в какой это стеснение необходимо для поддержания народного здоровья.

Выходя из этой точки зрения и имея в виду все вышесказанное о вреде кровных браков, можно утвердительно сказать, что закон, запрещающий брачный союз между лицами кровнородственными, вполне основателен. Под словом кровные родственники нужно разуметь восходящее и нисходящее родство по прямой или боковым линиям, т.

е. родство между лицами одной и той же крови, принадлежащими к одному и тому же роду. Сюда, стало быть, относятся: братья и сестры, кровные дяди и кровные тетки с племянниками и племянницами, двоюродные братья и сестры.

Что же касается до такого побочного родства, которое принадлежит другому роду и другой крови, напр., жена моего брата и ее родственники, муж моей тетки и жена моего дяди с их восходящими родственниками и пр., то само собой разумеется, что при браке таких личностей опасности от кровосмешения никакой быть не может. В самом деле, какое отношение имеют, напр., два родных брата к совершенно чуждым им двум родным, а тем более двоюродным сестрам? Если я женюсь, напр., на Марии, а брат ее женится на моей сестре, или мой брат — на ее сестре, то мы составим совершенно отдельные поколения, в которых, естественно, не будет кровнородственной помеси. Следовательно, для такого брака не могло бы быть никаких ни гигиенических, ни нравственных препятствий.

Тем более это можно сказать про духовное родство. Какое препятствие разделяет меня, напр., от моей кумы? Неужели одно то обстоятельство, что мы, совершенно чуждые друг другу, воспринимали вместе настолько же чуждого нам ребенка, может послужить физиологической преградой для нашего бракосочетания? Конечно, нет. Равным образом, здесь нельзя видеть и нравственного препятствия; напротив того, между лицами чуждыми по крови, но близкими по родственным отношениям, гораздо более может быть гармонии и согласия, вследствие достаточного изучения друг друга и более искренних и естественных отношений друг к другу до брака. Оттого в жизни мы так часто видим сердечную привязанность к кумам и т. п. родственникам, привязанность, которая в большинстве случаев дала бы место счастливому браку, а между тем, вследствие строгости гражданского закона, она большей частью оканчивается или личным несчастьем от невозможности удовлетворить своему выбору, или скрытыми преступными отношениями.

Поэтому свободные действия каждого лица, основанные на свободном убеждении, были бы лучшей нормой для счастливых браков такого рода. Вместе с тем при такой уступке уравновесились бы права относительно брака для православных, лютеран и католиков, чего желать, кажется, совершенно естественно, потому что гражданские законы для всех граждан должны быть одинаковы. По этому самому нам кажется, что и закон о браке для лютеран и католиков мог бы быть в известной степени ограничен. По крайней мере, мы имеем полное основание желать, чтоб и у них брак между кровными родственниками был запрещаем, потому что это ведет к вредным последствиям, для

предотвращения которых общество имеет полное право установить известные нормы.

В этом случае нам могут возразить, что если вредные последствия кровного брака следует отстранять путем положительного закона, запрещающего такой брак, то с таким же основанием законодательство могло бы вмешаться и в другие гигиенические законы бракосочетания. Так, мы знаем, напр., что многие наследственные болезни (чахотка, падучая болезнь, наследственное помешательство и пр.) передаются от родителей к детям, следовательно, законодательство могло бы и здесь принять известные меры против ослабления и вырождения породы этим путем; но такое вмешательство закона в частные вопросы было бы весьма затруднительно и едва ли исполнимо. Действительно, относительно наследственных болезней трудно установить точные пределы и определенные уложения: в каком случае болезненная наследственность мешает бракосочетанию и в каком нет? Поэтому, несмотря на предложение многих авторов установить в этом отношении какие-либо законные правила, они остались неосуществимыми. Но из этого нельзя еще выводить такого заключения, чтобы законодательная власть не могла стеснять и родственного брака. Родственные отношения жениха и невесты можно определить до брака, так же точно, как и возраст брачущихся, поэтому относительно этих двух вопросов могут быть составлены и определенные правила, которые не должны казаться стеснением личной свободы (18). Что же касается до вопросов о здоровье и наследственном расположении, вопросов большей частью такого рода, на которые в данное время трудно бывает дать юридический положительный ответ, то законодательство пока не может вмешиваться в них без того, чтобы не высказать обременительных стеснений относительно свободного выбора для брака семейств и личностей. Поэтому в настоящее время достаточно было бы и того, если бы в таких сомнительных вопросах спрашивали мнения врача, которое, нисколько не стесняя личной свободы, может принести большую пользу, чем положительный закон.

Наконец, мы должны упомянуть еще о законе относительно брака лиц христианских вероисповеданий с евреями и магометанами (том X, кн. 1, стр. 85-89). Запрещение, высказанное насчет этого в законе для всех христианских исповеданий, за исключением лютеранско-евангелического, кажется нам слишком строгим. Выше мы уже показали, что ничто так не сближает народы, как брачные связи, ничто не действует на улучшение рода так ощутительно, как разнородные помеси. Поэтому нам кажется, что свобода вступления в браке магометанами, евреями и язычниками могла бы принести существенную пользу.

Н. К. Кольцов

УЛУЧШЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПОРОДЫ

Речь в годичном заседании Русского Евгенического общества 20 октября 1921 года

Сознание необходимости заботиться об облагораживании человеческой породы отразилось даже в законодательствах некоторых стран: парламенты различных штатов Америки вотируют законы, которые проникнуты евгеническими идеями. Раздаются голоса, требующие, чтобы евгеническая идея стала революционной религиозной идеей, которая заняла бы первое место среди идей, объединяющих вокруг себя широкие массы человечества.

Можно, пожалуй, спросить себя: что же в этой идее, в этой мечте облагородить род человеческий такого нового, чтобы ее связывать с успехами биологической науки XX века? Разве не той же самой идеей руководились все провозвестники реформаторских и революционных идеалов с самого начала культурной жизни человечества? И ветхозаветные пророки, бичевавшие пороки своих современников и проводившие заповеди новой морали; древние греки с их культом красоты; первые христиане, провозглашавшие высокие идеалы, до сих пор еще остающиеся недостигнутыми и трудно достижимыми, несмотря на две тысячи лет господства христианской религии; гении эпохи возрождения, восстановившие античный культ красоты; деятели великой французской революции, поставившие своею прямою задачею поднять человеческую культуру и облагородить человека на почве равенства, братства и свободы, а равно и борцы всех новейших революций, вплоть до той, которую мы переживаем в настоящее время?

Нет, современный биолог определенно заявляет, что между всеми этими попытками облагородить человечество и теми задачами, которые ставит себе развившаяся на почве последних открытий в области естествознания новая «евгеническая религия», различие самого основного, коренного характера.

Возьмем для примера эпоху великой французской революции. Ведь она также стремилась к тому, чтобы обновить, переродить человечество на почве высоких принципов. Но можем ли мы, как биологи, назвать замысленное обновление перерождением? Ведь тогда даже не зародилась еще эволюционная идея. Мир представлялся неподвижным целым, а

человек — царем природы, созданным Творцом «по образу и подобию божию». Современные люди, казалось, имеют ту же природу, как и первые люди на земле: у них те же физические силы, тот же внешний облик, та же душа, психология. Веками менялись условия, при которых жили люди, и под влиянием этих условий создавалось неравенство вместо первоначального, полного равенства между людьми. Изменить эти внешние условия, восстановить прежнее равенство, прежнее братство и прежнюю свободу — вот в чем была задача великой революции, а об изменении природы человека никто и не думал, так как никто и не знал, что она может быть изменена.

Если бы идеи великого французского биолога Ламарка, вылившиеся в определенную форму в конце первого десятилетия XIX века, имели сколько-нибудь широкое распространение во Франции, то еще до завершения эпохи великих преобразований французы могли бы вложить в свои мечты о преобразовании человечества и эволюционную мысль. Но этого не случилось, так как в то время идеи Ламарка не были поняты, и потребовалось целых полвека для того, чтобы наука, а затем и все человечество приняли эволюционную теорию, связав ее по заслугам с именем Дарвина.

Теперь человечество уже освоилось окончательно с тою мыслью, что человек произошел от животноподобных предков и продолжает постепенно изменяться, прогрессируя в одних отношениях, регрессируя в других. Никто уже не сомневается более в том, что все люди рождаются на свет неодинаковыми, не равными. Одни получают от своих предков значительную физическую силу, крепкое телосложение. Другие от природы физически слабы, но, может быть, одарены сильной волей или высоко развитым интеллектом. И психические и физические свойства, полученные от родителей, могут быть очень специализованы. Один от природы имеет сильную грудь и сильные руки, но короткие ноги, неуклюжие, неспособные быстро передвигаться; другой обладает особенно тонко развитыми руками и способен к обучению искусной ручной работе; третий одарен музыкальными способностями, или литературным талантом, или по природе научный исследователь.

Исследования последних лет, связанные с именем Менделя, показали нам, что разнообразные физические свойства и способности более или менее независимо друг от друга переходят от родителей к детям, смешиваясь между собою определенным образом, который может быть выражен точными математическими формулами. Точно так же многие болезни переходят от родителей к детям по определенным менделевским законам, и разработка этих законов представляет крупнейшее приобретение науки об эволюции XX века.

Порода всякого вида животных и растений, а в том числе и человека, может быть изменена сознательно, путем подбора таких производителей, которые дадут наиболее желательную комбинацию признаков у потомства. Для задачи действительно изменить, облагородить человеческий род, это — единственный путь, идя по которому можно добиться результатов.

Сто лет тому назад Ламарк, имя которого было упомянуто выше, думал, что можно изменить расу еще и другим путем, а именно изменяя среду в которой живут люди, заставляя их упражнять одни органы и оставлять без употребления другие. Он думал, что сильно упражняемые органы, например, пальцы рук или ног у человека, должны из поколения в поколение усиливаться, а неупражняемые, например, пальцы ног, — постепенно терять свою подвижность, атрофироваться. Уже Дарвин сильно ограничил значение такой передачи по наследству благоприобретенных признаков, а современной наукой о наследственности их передача отрицается вовсе. Но в общественные науки это отрицательное отношение к возможности закрепления за потомством тех признаков, которые родители приобрели в течение жизни, до сих пор еще мало проникло. И до сих пор еще многие социологи наивно — с точки зрения биолога — полагают, что всякое улучшение в благосостоянии тех или иных групп населения, всякое повышение культурного уровня их должно неизбежно отразиться соответствующим улучшением в их потомстве, и что именно это воздействие на среду и повышение культуры и является лучшими способами для облагораживания человеческого рода. Современная биология этот путь отвергает.

Чтобы представить себе более ясно способы возможного улучшения человеческой расы, рассмотрим подробнее, как улучшают современные биологи расы культурных растений и домашних животных. Еще недавно для улучшения пшеницы предлагалась лучшая обработка земли и отбор семян сортировочной машиной, пропускающей только самые крупные зерна. Теперь мы твердо знаем, что таким путем можно, правда, улучшить данный урожай, но изменить породу пшеницы нельзя: при первом плохом лете она вернется к прежнему составу. Теперь биолог-селекционист прежде всего ставит определенное задание. Положим, в данной местности желательно вывести яровую скороспелую пшеницу, стойкую по отношению к поражению бурой и желтой ржавчиной и мучнистой росою (так называются известные болезни пшеницы), с крупным мучнистым зерном, с неломким, не обсыпающимся ранее времени колосом, с выполненной неломкой соломой. Между тем в этом месте обычно растет пшеница, в которой все эти признаки перепутаны, так что два — три соседних десятка растений все по этим признакам

оказываются различными. На опытном поле тщательно наблюдают за ростом отдельных растений и выбирают из них несколько растений, у которых некоторые из желательных нам признаков выражены одинаковым образом. Цветы этих растений оплодотворяются собственной пыльцою, и созревшие семена только от них и отбираются для посева. Остальная масса собранных с поля зерен пускается на муку или другое производство. Большинство растений, отобранных таким образом, будут обладать теми признаками, по которым мы отобрали производителей: однако, в течение нескольких лет еще будут проскакивать отдельные растения с нежелательными признаками, которые тщательно отбрасываются и уничтожаются. Мы получаем стойкую расу, которая в значительно большей степени соответствует нашим требованиям, чем прежняя несортированная: но скажем, не все растения одинаково стойки по отношению к болезням и имеют пестрые, то крупные, то мелкие зерна. Мы продолжаем отбор прежним способом, то есть засеяв опытное поле уже улучшенным нами сортом пшеницы, отбираем на посев только те колосья, зерна которых все одинаково крупны, а остальные колосья уничтожаем. Таким образом мы закрепляем еще один из желательных признаков. Может случиться, что каких-либо из признаков, которых мы добиваемся, ни у одного из растений той пшеницы, которую мы взяли исходной, не оказывается. Например, все сильно страдают от бурой ржавчины или другой болезни. Чтобы исправить этот недостаток, мы опыляем плодники нашего улучшенного сорта пыльцою такого сорта, который отличается особенной стойкостью по отношению к бурой ржавчине, хотя бы по другим признакам он и не вполне соответствовал нашему идеалу. Мы как бы прививаем желательный нам признак нашему улучшенному сорту.

Правда, благодаря произведенному скрещиванию признаки перепутываются, и в течение нескольких лет на нашем поле опять приходится производить основательную чистку, выкидывая те растения, которые содержат не все желательные нам признаки. В конце концов мы добиваемся того, что получаем семена, дающие растения совершенно однородные: с крупными зернами, стойкие по отношению к бурой ржавчине. Пусть таких семян у нас немного — одна горсть или даже один колос. На опытном поле в течение нескольких лет мы получим их пудами, а потом обсеменим весь округ. Поскольку поставленная задача вообще осуществима, селекционная опытная станция всегда справится более или менее скоро с поставленной задачей и из разнородной малокультурной пшеницы создаст новую породу, обладающую всеми требуемыми стойкими признаками. Если отбор производился тщательно, то эта раса уже не выродится. Надо только при посевах тщательно

оберегать ее от скрещивания с другими сортами. В таком случае дурная обработка почвы или неблагоприятная погода, конечно, повлияют на урожай, но семя существенно не испортят, и при хороших условиях они снова дадут все те признаки, которые закрепила опытная станция.

Может случиться, что биолог, просматривая свое опытное поле, найдет среди тысяч растений одно уродливое, например, с белыми листьями — альбинос, или карликовое, или, наоборот, громадных размеров. Большинство таких уродов-мутантов, как мы их называем, мало пригодно для практических целей, как карликовая пшеница или альбиносы, и они тщательно уничтожаются, если только не идут для каких-либо специальных научных опытов. Но гигантского роста пшеницу можно применить к делу и вывести расу, которая годна для практических целей. Одного колоса для этого вполне достаточно, так как гигантский рост так же прочно закрепится в потомстве, как и те признаки, которые были подобраны ранее.

Недавно технологи-текстильщики жаловались мне на то, что хлопок, повсюду вырождается. Один из них произвел сложные статистические подсчеты относительно длины нитей в разных сортах хлопка. Чем длиннее волокно, тем лучше оно может быть использовано, но при одном условии, чтобы волокна в каждом сорте хлопка были одинаковой длины. Между тем исследования показывают, что нити самых длинных сортов хлопка очень различны по длине, а потому не выгодны для обработки, а наиболее равномерные хлопковые нити принадлежат тем сортам, которые слишком коротки. Если такая определенная задача будет поставлена биологам-селекционистам, то они, вероятно, в короткое время выведут новый сорт хлопка требуемого качества.

Для этой цели придется скрестить сорт с длинными волокнами и сорт с равномерными, но короткими волокнами. В течение нескольких ближайших лет путем отбора удастся закрепить новую технически полезную породу хлопка, которая удержит значительную длину волокна от одного из скрещенных растений и равномерность длины от другого. В настоящее время это для биолога — задача того же рода, как для химика из азотнокислого серебра и хлористого натра приготовить хлористое серебро.

Совершенно так же как с растениями, биологи оперируют в настоящее время и с домашними животными. Только здесь задача осложняется вследствие менее интенсивной размножаемости и более трудного ухода.

Находящийся в моем заведовании институт Экспериментальной Биологии при содействии комиссии естественных производительных сил России при Российской Академии Наук и Отдела Животноводства Наркомзема три года тому назад приступил к задаче улучшить русские

породы кур, очень мало известных у нас: орловских и павловских.

Куроводство представляет весьма важную отрасль русского сельского хозяйства, гораздо более важную, чем может показаться с первого взгляда. В 1913 году одних яиц было вывезено из России на 100 миллионов рублей, и эта статья занимала третье место среди всех статей вывоза. Производителями в России, как и во всех странах, являются самые мелкие хозяйства, и на их-то благосостоянии и должно отозваться всякое улучшение русского куроводства.

До сих пор в России разводятся почти исключительно беспородные куры, чрезвычайно разнообразные по своему племенному составу, очень мало ноские, дающие вдвое или даже втрое менее яиц, чем те куры, которые разводятся в Америке, с очень посредственным мясом, но крайне неприхотливые к пище и приспособленные к нашим климатическим условиям. Ясно, что ни одна из заграничных яйценоских или мясных пород кур не подходят к нашим условиям, так как большинство из них требуют хорошего ухода и теплого помещения зимою. Требуется соединить неприхотливость русской курицы с носкостью и мясностью лучших культурных пород, и эта задача представляется при настоящем состоянии наших знаний осуществимой путем скрещивания и последующего отбора.

Первое условие для такой работы, это — установление точного анализа наследственных свойств куриных пород. Мы уже видели, что в этом отношении современный биолог идет тем же путем, как и химик, разлагающий сложное вещество на элементы, из которых оно состоит, с тем, чтобы по произволу комбинировать их путем скрещивания. В настоящее время мы выделили уже около ста наследственных элементов (или наследственных факторов) курицы и более или менее полно изучили характер их наследования.

Для каждой отдельной особи нужно написать особую формулу, характеризующую ее наследственные свойства, и на основании такой формулы можно во многих случаях с уверенностью предсказать, какое потомство получится от скрещивания между данным петухом и данной курицей. Правда, бо2льшая часть наилучше изученных наследственных факторов относится к внешним признакам, имеющим малое практическое значение. Мы без больших затруднений уже и теперь можем изменить окраску или форму гребня какой-нибудь стойкой породы, насадить ей на голову хохол, или ноги из лохматых сделать голыми, можем совершенно оголить ее шею и т. д.

Всего этого мы добьемся путем скрещивания данной породы с другою, у которой есть признаки, которые нам желательны, и путем тщательного отбора среди полученных в следующих поколениях потомков. Проведя подбор в течение нескольких поколений, мы получим

стойкую новую породу, какой еще никогда не существовало и которая вполне соответствует поставленной нами задаче.

Несколько сложнее обстоит дело с признаками полезными, и о наследственности тех свойств курицы, которые мы объединяем термином «выносливость» мы еще ничего не знаем. Но мы знакомы уже с основными законами наследования «носкости» и изучаем наследование инстинкта насиживать яйца.

Способность нести много зимних яиц, по исследованиям американского биолога Пирля, зависит от двух наследственных факторов, один из которых передается через обоих родителей, а другой только через отца — петуха. Петух из хорошей ноской семьи будет снабжать всех своих дочерей, от какой бы матери ни получались от него яйца, усиленной зимней носкостью, если только у матери есть основной фактор зимней носкости, то есть если они хотя слабо, но несутся зимою. Такие петухи, как производители, очень ценны, но открыть их можно с уверенностью только на опытной станции, наблюдая за их потомством в течение двух лет. Во всяком случае при наших современных знаниях о наследственности и при нормальных условиях работы хорошо поставленная научная опытная станция, выводящая несколько тысяч цыплят в год и могущая собрать достаточное количество производителей, может справиться с поставленной задачей в течение нескольких лет и соединить в одном прочном типе ряд наследственных факторов, которые рассеяны в различных, уже существующих породах, как: выносливость, яйценоскость, хорошие мясные качества, способность некоторых кур быть хорошими наседками, известный рост, а также ряд внешних отличий, служащих как бы маркой для различения новой породы от других.

Когда работа опытной станции закончена, наступает время иной задачи: провести новую породу в сельское хозяйство данной местности. Если ее раздавать отдельным сельским хозяевам, не имеющим опыта в разведении племенной птицы, то очень скоро при случайных скрещиваниях с местными курами порода потеряет свою чистоту, и признаки, которые на научной станции с таким трудом были соединены вместе, снова разойдутся по разным особям и перепутаются, так что почти никакого улучшения местных кур и не произойдет. В Америке удается провести эту задачу более правильно: там есть целые округа, где разводят только одну какую-нибудь породу, признанную для данной местности наилучшей, и только любители, умеющие оберегать своих кур от скрещивания с другими петухами, не выпускают на волю своих петухов и разводят породы, которые им более нравятся.

Мы познакомились с теми способами, которые употребляют современные биологи для улучшения пород растений и животных. На-

ука об улучшении пород животных называется зоотехнией; наука об улучшении человеческой породы, обычно называемой евгеникой, может быть названа также антропотехнией, так как она является не более, как отделом зоотехнии. Только вследствие различных побочных затруднений и осложнений методы евгеники несколько отличаются от методов зоотехнии, но мы можем представить себе такие условия, при которых человеческая природа могла бы быть улучшена теми же способами, которыми современный зоотехник улучшает породы домашних животных. Для этого нам пришлось бы или перенестись воображением далеко назад, ко временам, когда могущественные властелины управляли своими подданными, как рабами, или же дать простор своей фантазии и на минуту вообразить, что осуществилась идея знаменитого английского писателя Уэльса, и на поверхность земли опустились жители планеты Марса, обладающие величайшими знаниями и недоступной для нас техникой марсиане. Если бы они действительно со всей своей культурой появились на земле, то, конечно, сместили бы человека с того пьедестала «царя природы», на который человек сам себя ставит, и отнеслись бы к человеку точно так же, как современный человек относится к своим домашним животным. Марсиане прежде всего подчинили бы себе человека, сделали бы его «домашним», пользуясь тем же методом, которым шел человек, когда из дикого волка сделал себе собаку. Отличие было бы только в одном — во времени: первобытный человек приручал собаку, идя ощупью, бессознательно оставляя у своего дома тех волков, которые по наследственным свойствам оказывались наименее дикими, и только от них сохраняя потомство. Марсианин, сооруженный знанием законов наследственности и желая быстро провести подчинение человечества, сразу истребил бы всех непокорных, не желающих подчиниться тяжелым условиям рабства, и не только их самих, но и всех их детей. Конечно, осталось бы достаточное количество людей, готовых подчиниться всякому режиму, лишь бы только сохранить свою драгоценную жизнь, так как в человечестве всегда были, и теперь имеются и еще надолго сохранятся прирожденные рабы.

Систематически истребляя всех особей с врожденным фактором независимости, марсиане взяли бы в свои руки размножение людей, отобрали бы пригодных с их точки зрения производителей-мужчин и распределили бы между ними всех пригодных женщин, конечно, широко используя многоженство, так как и человек своих домашних животных держит в многоженстве. Вероятно, марсиане захотели бы прежде всего развести сильных физических работников и быстро справились бы с этой задачей, подбирая особенно крупных, крепкого телосложения производителей, вместе с тем покорного характера. Понадобились бы искусные

ловкие техники: вместо того, чтобы тратить время на обучение всех и каждого, марсиане выделили бы группу производителей, отличающихся наследственной гибкостью и ловкостью членов и, не допуская их скрещивания с группой грубых физических работников, вывели бы особую группу наследственно приспособленных ремесленников. Если бы марсиане интересовались музыкальными и художественными способностями своих домашних людей, то, зная наследственные или, как мы говорим, генетические формулы музыкальной или художественной одаренности, они быстро создали бы путем подбора производителей породу людей, одаренных музыкальностью, и другие породы — художников, скульпторов и т. д. Породу ученых исследователей с большим мозгом марсиане, вероятно, создавать не стали бы, так как они полагались бы более на свой собственный мозг и не захотели бы создавать себе конкурентов. Нашлись бы, конечно, среди марсиан и любители декоративных пород, и путем того же метода подбора производителей, они создали бы особые расы, особенно красивых — по их вкусу — людей или особенно безобразных, гигантов и карликов и т. д. Ученые марсиане для изучения законов наследственности вывели бы породы всяких редкостей — чистых рыжеволосых, альбиносов, шестипалых или пораженных наследственными болезнями; гемофиликов, эпилептиков и т. д. Были бы получены такие уродливые комбинации, которые в настоящее время рисуются только людям с пылким воображением. В течение какого-нибудь века вместо единого человечества было бы создано бесконечное число отдельных рас одомашненного человека, столь же резко отличающихся друг от друга, как мопс или болонка отличаются от дога или сенбернарской собаки.

И марсиане также строго относились бы к чистоте своих пород, как современный птицевод-любитель.

Пусть нас не смущает слишком далекий взлет нашей фантазии. Повторяю, для нашей утопии вместо того, чтобы выдумывать несуществующих марсиан, было бы достаточно предположить, что законы Менделя были бы открыты всего веком ранее: русские помещики и американские рабовладельцы, имевшие власть над браками своих крепостных и рабов, могли бы достигнуть, применяя учение о наследственности, очень крупных результатов по выведению специальных желательных пород людей ко времени освобождения крестьян и негров.

Я развернул эту фантастическую картину для того, чтобы показать, что, по убеждению современного биолога, разведение новой породы или пород человека подчиняется тем же законам наследственности, как и у других животных, и что единственным методом этого разведения может служить лишь подбор производителей, а отнюдь не воспитание людей

в тех или иных условиях, или те или иные социальные реформы или перевороты. А с другой стороны, эта картина показывает нам и главные затруднения для проблемы улучшения человеческий расы. Современный человек не откажется от самой драгоценной свободы — права выбирать супруга по своему собственному выбору, и даже там, где существовала крепостная зависимость человека от человека, эта свобода была возвращена рабам ранее отмены всех других нарушений личной свободы. Из этого основного различия развития человеческой расы от разведения домашних животных и вытекают все остальные отличия евгеники от зоотехнии. На них-то мы и должны остановиться подробно.

Во-первых, своеобразной стороною евгеники является чрезвычайная трудность для исследования наследственных особенностей человека и научного выяснения способа наследования каждой отдельной особенности. Для того, чтобы выяснить, как передается по наследству яйценоскость курицы, и выделить два наследственных фактора, от которых она зависит у одной породы, Пирлю потребовалось на опытной станции развести по определенному плану несколько тысяч кур. Положим, мы захотели бы установить законы наследования музыкальных способностей у человека. Они зависят, конечно, не от одного, а от многих факторов. Но чтобы выделить их, мы должны были бы изучить, как передаются по наследству различные элементы музыкальной способности: слух, музыкальная память, способность передавать звуки, музыкальное воображение и творчество в сотнях и тысячах музыкальных и немузыкальных семей. Но мы не можем ставить опытов, мы не можем заставить Нежданову выйти замуж за Шаляпина только для того, чтобы посмотреть, каковы у них будут дети, мы не можем ставить по определенному плану опытов, а должны ограничиваться простым наблюдением над семьями музыкантов, слагающимися без всякого плана, и по большей части мало интересными с научной стороны, мало определенными и мало выясняющими.

Изучение семейств музыкантов ясно подчеркивает еще один недостаток метода наблюдения по сравнению с методом экспериментальным. У музыкальных родителей очень часто дети бывают музыкальны, и большое внимание обращает на себя известная родословная Себастиана Баха, где в ряде поколений имеются более или менее крупные музыканты. Но поскольку это наблюдение доказывает, что музыкальные способности передаются по наследству? Ведь в музыкальной семье дети с раннего возраста слышат музыку и обычно рано начинают обучаться пению или игре на том или ином инструменте просто по семейной традиции. Значит ли это, что они прирожденные музыканты? Каково

было бы их отношение к музыке, если бы они воспитывались в иных условиях и не слушали бы музыки? И каким образом можем мы судить о врожденных музыкальных способностях какого-нибудь пастуха, который никогда не слыхал настоящей музыки и лишь от нечего делать, смастерив себе дудочку, наигрывает самодельные несложные мелодии? Как мы можем сравнивать его с профессором консерватории, который получил высшее музыкальное образование? А ведь, может быть, у того или иного пастуха врожденные музыкальные способности выше, чем у иного композитора, окончившего консерваторию, только они не имели возможности проявляться. Мы проводим резкое различие между врожденной способностью кур класть много яиц и подсчетом числа яиц, которые кладет курица в тех или иных условиях. Морите курицу лучшей яйценосной породы голодом, и она отложит меньше яиц, чем беспородная курица, содержащаяся в хороших условиях. Биолог очень хорошо знает эту резкую разницу между действительной наследственной природой особи — ее генотипом — и внешними, зависящими от среды и условий проявлениями этой природы — фенотипом. Чтобы сгладить эту разницу, биолог ставит своих опытных животных в совершенно одинаковые внешние условия в течение всей их жизни. Он не может сделать того же по отношению к людям и провести всех пастухов через консерваторию, да при том еще с детства приучить их к музыке. Поэтому евгенетик всегда имеет дело с фенотипами, о генотипном составе которых ничего определенного обыкновенно не известно.

Вот почему при изучении наследственности человека биологи останавливались обыкновенно не на таких сложных особенностях, как музыкальные и другие способности, а на внешних, сравнительно мелких признаках, на проявление которых условия существования, среда, и воспитание не оказывают влияния. Сравнительно хорошо установлена передача по наследству окраски кожи, волос и глаз, курчавость, волосатость, да и то гораздо хуже, чем у опытных животных. Но все же мы, например, с уверенностью можем сказать, что у двух голубоглазых белокурых родителей не может быть ребенка черноглазого и брюнета, между тем как обратно: у двух черноглазых брюнетов может, хотя и в редких случаях, родиться голубоглазый брюнет. Это столь общее теоретически обоснованное, в особенности, по сравнению с другими млекопитающими, правило, что им можно руководиться даже в юридических вопросах, когда надо, например, на суде установить: является ли данное лицо действительно сыном определенных родителей? Всем известен исторический анекдот про женщину, которая объясняла рождение у нее чернокожего ребенка тем, что при беременности испугалась негра. Теперь биологи такие объяснения признают небылицами, так как

наследственность окраски кожи выяснена, хотя еще только в общих чертах. Несколько отдельных наследственных факторов — не менее десятка — определяют цвет волос, несколько нетождественных с ними, — цвет глаз, другие — цвет кожи; и по отношению к этим признакам мы уже теперь, хотя еще очень приблизительно, можем заранее предсказывать, какие признаки получатся у детей данных родителей. Исследования над человеком облегчаются здесь особенно потому, что наследование окраски волос, например, объясняется теми же факторами, как у других млекопитающих; и часто мы можем перенести на человека результаты своих экспериментов с разведением кроликов, мышей и морских свинок. Поэтому евгенические институты, предназначенные для изучения наследственности человека, всегда должны быть связаны с генетическими, в которых производится изучение наследственности животных.

Но, конечно, настало время изучить наследственность и более важных особенностей человека и притом не только расплывчатых, трудно анализируемых, как музыкальные или иные способности, а резких и легко определимых, желательно не одним лишь описанием, но и числом. Ибо современная наука всегда стремится к тому, чтобы работать не с качествами, а с количествами.

Я возлагаю большие надежды в этом отношении на изучение наследственных химических свойств крови. Кровь — жидкость, которую легко взять от живого человека и подвергнуть тонкому анализу; для некоторых анализов достаточно какой-нибудь капли крови, потеря которой совершенно незаметна. Химические свойства крови играют огромную роль во всей жизни организма. На основании теоретических соображений мы можем предполагать, что уже слабое изменение минерального состава, например, содержание в крови кальция или фосфора должно отразиться на ряде жизненных функций, прежде всего на обмене веществ в организме, на усвоении пищи и выделении мочи, на деятельности сердца и нервной системы, у растущего организма — на образовании костей, на росте всего человека и отдельных частей его тела. Все ли люди получают от своих предков одинаковое количество кальция в крови или, может быть, одни больше, а другие меньше? Те отрывочные данные, которые имеются по этому вопросу в настоящее время, позволяют думать, что и в этом отношении, как по внешним признакам — окраска волос и пр., — между разными людьми существует некоторое различие. Установить различие типа людей по содержанию минеральных составных частей в крови и на ряде семейств проследить, как передаются эти особенности от родителей к детям, кажется мне очередной задачей нашего времени.

Кроме минеральных составных частей, мы находили в крови различные органические соединения, прежде всего белки, затем вещества,

которые в ничтожных количествах производят очень существенные изменения всего химизма нашего тела, ферменты, инкреты желез внутренней секреции и т. д. В моем Институте Экспериментальной Биологии ведутся в настоящее время исследования по наследственности двух признаков, относящихся к этой группе: агглютинации и содержания каталазы. Уже давно установлено, что сыворотка крови некоторых людей действует ядовито на кровяные тельца других людей, вызывая их склеивание или агглютинацию, между тем как на кровяные тельца других людей испытуемая сыворотка не оказывает никакого влияния. Люди разделяются в этом отношении на четыре группы. Сыворотка крови, взятая от людей первой группы, совершенно не склеивает никаких человеческих кровяных телец. Сыворотка людей, принадлежащих к четвертой группе, ядовита для людей всех трех остальных групп и, не склеивает кровяных телец только у людей, принадлежащих к этой — четвертой группе; вообще, кровяные тельца четвертой группы самые стойкие и не сбиваются сывороткой какой бы то ни было группы, между тем как кровяные тельца первой группы склеиваются сывороткой и второй, и третьей, и четвертой групп. Вторая и третья группы занимают промежуточное место: сыворотка второй группы ядовита для первой и третьей, а третьей группы — для первой и второй; кровяные тельца второй группы склеиваются в сыворотке третьей и четвертой группы, а кровяные тельца третьей группы склеиваются в сыворотке второй и четвертой группы. В моем Институте врачами Авдеевой и Грицевич производятся посемейные обследования крови по отношению к этому признаку, которые приводят нас к заключению о зависимости его от двух самостоятельных наследственных факторов, которые передаются от родителей к детям по тем же менделевским законам, как и цвет глаз. Самою редкой группой оказывается первая: люди этой группы так же редки, как у нас в России люди с золотисто-рыжими волосами. Мы знаем, что если оба родителя золотисто-рыжие, то все дети их имеют волосы того же цвета, хотя такие браки и очень редки. Еще более трудно натолкнуться на брак между двумя представителями первой группы по агглютинации, но можно теперь же предвидеть, что все дети от такого брака будут принадлежать к той же первой группе. Интересно то, что среди какого-нибудь десятка открытых нами до сих пор представителей этой первой группы трое принадлежат к одной и той же семье. Что касается второй группы, к которой относится около 25 % обследованного московского населения, то ее наследственность может быть сравнена с наследственностью брюнетов: от черноволосых родителей могут быть и черноволосые дети и дети с более светлыми волосами, от родителей второй группы, по тем же менделевским за-

конам, можно предвидеть детей всех четырех групп, как отчасти и установлено нашими наблюдениями.

Что касается каталазы, то наследование ее у морских свинок, по наблюдениям нашего Института (С. С. Елизарова), привело к установлению таких же наследственных групп, как по отношению к агглютинации. Мы очень хотели распространить наши исследования и на людей, но в течение 1920—1921 гг. в нашем распоряжении находилось только сто куб. сант. чистой перекиси водорода, — препарата необходимого для определения этого фермента по методу Баха, и только теперь, получивши этот реактив из-за границы, мы распространяем наши исследования и на человека; впрочем, на основании наблюдений, произведенных здесь же в Москве в Институте проф. Баха, уже теперь мы можем со значительной долей вероятия предполагать, что и у человека имеются те же наследственные группы по каталазе, как у морских свинок. У последних мы установили три резко обособленных группы. В одной количество каталазы в крови определяется цифрой ок. 2, в другой — ок. 6, в третьей — ок. 8—11; может быть, вторая группа распадается на две. От скрещивания свинок с наименьшим количеством каталазы в крови получается исключительно такое же потомство, а свинки с высшей каталазой, если их скрестить между собой, могут дать в зависимости от происхождения родителей, потомство, относящееся ко всем трем группам совершенно так же, как от голубоглазых блондинов, родятся только такие же голубоглазые блондины, а от темноглазых брюнетов, могут родиться и брюнеты и блондины с глазами разных оттенков, если в роду брюнетов-родителей были светлые предки.

То или иное содержание каталазы в крови или принадлежность к определенной наследственной группе по агглютинации, конечно, не могут быть отнесены к числу таких малозначительных признаков, как окраска волос и глаз у человека. Способность крови агглютинировать инородные клетки является одним из самых действительных средств в борьбе с болезнетворными микробами и естественно возникает мысль, что люди, относящиеся к высшей по содержанию агглютининов группе должны отличаться особенной стойкостью по отношению к инфекционным заболеваниям; и действительно, исследования, производящиеся в Институте Экспериментальной Биологии, уже на первых порах констатировали среди туберкулезных больных очень малый % лиц, относящихся к четвертой группе. Дальнейшие работы, надо надеяться, выяснят этот факт более точно. Если он подтвердится, то евгеника обогатится очень важной новинкой, и стойких по отношению к туберкулезу людей можно будет выделять с раннего детства. С другой стороны, по данным Дитриха, у раковых больных особенно часто наблюдается малое содержание в крови каталазы, которой приписывают способность

разрушать (окислять) те или иные продукты обмена веществ. Возможно, что содержание каталазы понижается под влиянием карциноматозных клеток, но может быть наоборот: наследственно бедные каталазой люди обнаруживают наклонность к заболеванию раком.

Исследования по наследственным химическим свойствам крови относятся к последним годам, частью к последним месяцам. Это позволяет рассчитывать, что в ближайшие годы евгеника даже при всех затруднениях, которые представляет исследование наследственности у человека, значительно приблизится к осуществлению главной задачи: умению установить для каждого человека генетическую формулу, определяющую наиболее существенные наследственные его особенности.

Переходим теперь ко второму отличию евгеники от других отраслей зоотехнии. Птицевод или селекционист, улучшающий породу растений, ясно знают, чего они добиваются. Но какие цели поставить для евгеники и кто эти цели наметит? Может ли наука взять на себя задачу наметить цели евгенического отбора? Сколько-нибудь глубокое проникновение в сущность проблемы покажет нам, что это вовсе не дело науки, которая не может взять на себя решение вопроса: что есть добро и что есть зло? Наука может только выяснить биологические основы морали, показать, что человеческая мораль сводится, с одной стороны, к тем или иным врожденным, связанным с наследственной организацией мозга инстинктам, а с другой — к благоприобретенным, непередающимся по наследству привычкам, которые укрепляются в каждом человеке под влиянием воспитания в определенной среде, в том или ином общественно-экономическом строе. По отношению к наследственным влечениям биолог, может поставить себе задачу выделить основные генетические элементы их и определить, как они, будучи включены в наследственную генетическую формулу человеку, расщепляются при скрещивании по законам Менделя. В результате получается сложная путаница моральных влечений, которые нередко приходят между собою в коллизию, разрешающуюся у каждого человека различным путем. Наука может помогать человеку разбираться в этих коллизиях, но не может оценивать самих влечений, не может, например, доказать, что надо любить ближнего больше, чем самого себя, или как самого себя, или наоборот, надо любить себя больше, чем ближнего. Если биолог отстаивает тот или иной нравственный идеал, то он делает это не как ученый на почве разумной логики, а как человек с теми или иными врожденными или благоприобретенными влечениями.

Какие же идеалы могут быть поставлены людьми для евгенического движения? Каков тот тип нового человека, того Homo sapientior или

Homo sapientisiimus, которого человечество совместными сознательными усилиями должно создать? Рассмотрим некоторые из этих идеалов, чтобы убедиться в их величайшем разнообразии.

а) Для дальнейшей эволюции человеческого типа может быть поставлен идеал такого приспособления к социальному устройству, которое осуществлено у муравьев или термитов. При этом уже существующее разнообразие генетических типов должно упрочиться. Должны быть развиты до совершенства типы физических работников, ученых, деятелей искусства и т. д., и все они в равной степени должны обладать социальным инстинктом, заставляющим их свои способности применять для общей пользы всего социального организма. Вероятно, найдутся такие общественные группы и партии, которые именно этот идеал евгеники признают наиболее желательным. Но найдутся и другие, которые будут возражать против него и требовать, чтобы все особи в будущем человеческом типе рождались, по возможности, и равной степени одаренными. Таким образом мы встречаем здесь обычную коллизию между социалистическим и индивидуалистическим идеалом. Биологическая наука не при чем в разрешении этого спора. Для биологии осуществим как тот, так и другой идеал. В области зоотехнии обычно преследуются задачи первого рода. Совершенствуя породы рогатого скота, зоотехник обыкновенно вырабатывает специальную молочную, мясную или рабочую породу и благодаря такой специализация добивается наилучших результатов. Но, с другой стороны, вполне возможна, а часто даже и особенно целесообразна задача вывести породу, которая была бы удовлетворительна, во всех трех отношениях; не следует только, рассчитывать, что такая порода в каждом из этих отношений будет столь же совершенна, как та, которая выработана с более узким специальным заданием.

б) Очень часто идеалом для человечества выставляется «наибольшее счастье наибольшего числа людей». Если такой идеал поставить в основу евгенической политики, то биолог мог бы указать верные пути к его достижению. Ощущение «счастья» зависит в высокой степени от врожденного темперамента. Многие «нормальные» люди, а в особенности психические больные маниакального типа обнаруживают очень счастливый темперамент, то есть чувствуют себя счастливыми при самых тяжелых внешних условиях. Другие, «меланхолики» в «нормальной» или патологической степени, наоборот, никогда и ничем не бывают довольны, а потому органически несчастливы. Отсюда возможно изменение расы путем подбора людей со счастливыми темпераментами. Однако, весьма сомнительно, чтобы такое изменение мы в праве назвать действительно евгеническим улучшением. Такой темперамент имеется, по-видимому,

у некоторых человеческих рас, стоящих на низкой стадии культуры и именно благодаря темпераменту не могущих подняться до более высокой стадии потому, что они слишком довольны своею судьбою. Известный элемент недовольства настоящим и искание лучшего необходимы для прогресса расы; и недаром поэты говорят о «святом недовольстве». Поэтому, как ни просто было бы определить евгенический идеал, как «счастье всех людей», вряд ли очень многие согласятся положить этот идеал в основу евгеники.

в) Можно было бы признать, что сама жизнь есть высшее благо, развитие жизнеспособности, есть главная задача расовой евгеники. В природе для всех организмов царствует железный закон естественного подбора, который отметает все малоприспособленное к жизни в борьбе за существование. В геологическом прошлом земли не только бесчисленные особи, но целые виды и даже классы животных и растений погибли среди взаимной борьбы, или не будучи в состоянии приспособиться к изменяющимся внешним условиям. Совершенно ясно, что не должны рождаться люди с наследственными пороками сердца, почек и другие. органов, что в идеале все люди должны стать устойчивыми по отношению к туберкулезу и т. д. Так как дальнейшая судьба нашей земли нам неизвестна, то с этой точки зрения полная однородность генетического типа всех людей невыгодна. Правильнее сохранить разнообразие, благодаря которому при непредвиденных переменах, например, при появлении новых, особенно зловредных микробов, часть людей могла бы выжить. Вообще гибкость и приспособляемость организма во всех отношениях с этой точки зрения представляется наиболее целесообразной.

Как ни очевидна, кажется, правильность такого идеала, однако и здесь могут быть некоторые сомнения. Приспособляемость у различных животных часто ведет к упрощению в особенности на почве паразитизма. Человек во многих отношениях уже теперь может быть паразитом растительного и животного мира. Значительную часть обычной для животного работы человек складывает на других животных или на машины. Многие органы, например, сильные мышцы, теряют для него жизненное значение и с точки зрения идеала жизнеспособности могли бы исчезнуть. Если допустить упрощение человеческой организации в одном отношении, то где же остановиться? Состояние солитера, утратившего все свои органы, за исключением самых необходимых, и в то же время вполне жизнеспособного, вряд ли для кого может служить идеалом. Очевидно, что к идеалу жизнеспособности нужна некоторая поправка.

г) Поправка к идеалу жизнеспособности должна быть, очевидно, следующая: человеческий род должен не только сохранить свое существование при всех условиях, но и совершенствоваться. Конечно,

понятие «совершенство» определяется условно, и не все люди сойдутся на одном определении. Я позволю себе лишь в виде примера сообщить, как мне рисуется этот идеал совершенствования человеческого типа. До сих пор эволюция выдвинула вид Homo sapiens на первое месте среди других видов. Он уже теперь владычествует на земле и покоряет себе природу, благодаря, главным образом, развитию своего мозга, своего разума. Нет никаких данных, которые препятствовали бы нам думать, что развитие мозга дошло до крайних пределов: мозг человека может усложняться и впредь. Дальнейшая эволюция мозга открывает великие перспективы. Мозг Гельмгольца, Ньютона, Ломоносова должен стать достоянием не отдельных редчайших гениев. Великие светочи искусства и изобретатели должны оставлять человечеству в наследие не только свои произведения, но и свои наследственные таланты. Люди, неспособные к восприятию современных знаний и современной культуры, должны мало-помалу уступить место представителям более совершенного по устройству мозга типу. Самое ценное в психике человека свойство, это — способность открывать новое в какой бы то ни было области. Это свойство проявилось у того первобытного человека, который изобрел первое орудие — палку и камень: и мы находим эту способность не только у современного гения — художника или изобретателя, прокладывающего новые пути в науке или технике, но и у пастуха, наигрывающего собственную мелодию на самодельной дудке, и у кустаря, который придумывает какое-нибудь несложное приспособление для облегчения своей работы. Будущий человек должен быть непременно снабжен от природы этой способностью, которой не хватает еще у массы людей, лишенных собственной инициативы, инертных исполнителей. Конечно, будущий человек не должен быть развит слишком односторонне. Он должен также быть снабжен и здоровыми инстинктами, сильной волей, врожденным стремлением жить, любить и работать, должен быть физически здоров и гармонично наделен всем тем, что делает его организм жизнеспособным. Этот новый человек — сверхчеловек, «Homo creator» — должен стать действительно царем природы и подчинить ее себе силою своего разума и своей воли. И если при этом он не всегда будет чувствовать себя счастливым, будет порою страдать ненасытимой жажды все новых и новых достижений, все же, я полагаю, эти страдания святого недовольства — невысокая цена за ту мощь и за кипучую работу, которые выпадут на его долю. Вот тот идеал евгеники, который мне кажется наиболее привлекательным, хотя я его отнюдь никому не навязываю, полагая, что идеал современного человека может быть обрисован и иначе. Без оговорок он не может быть, конечно, принят, так как вряд ли возможно существование чело-

вечества, состоящего сплошь из Гельмгольцев и Ломоносовых. Условия социальной жизни потребуют, конечно, существования наряду с этим типом еще и других также евгенических типов, дифференцированных в ином направлении.

Не скоро еще настанет то время, когда человечество окажется в состоянии произвести окончательный выбор между разнообразными евгеническими идеалами. Ведь если мы даже допустим, что нации, так упорно враждовавшие и враждующие между собою, сольются в единую человеческую семью, то среди последней еще долго будут сохраняться разногласия из-за общественных, социальных и духовных идеалов, которые еще надолго после первого объединения будут грозить распадом и возвратом к прошлому. Между тем проведение в жизнь евгенического идеала в высокой степени зависит от того, осуществляется ли он всем человечеством или отдельными враждующими между собою нациями. Не всякий идеал может быть проведен в одиночку одной нацией, а только такой, который обеспечивает ей успех борьбы за существование с другими нациями. В интересах этой борьбы нация должна отказаться от многих достоинств общечеловеческого идеала и испортить его желательными в других отношениях чертами.

В виду всего этого ясно, что еще длинный исторический период отделяет нас от того момента, когда начнется организованное сколько-нибудь полное и совершенное проведение в жизнь евгенического идеала. А до тех пор отдельные люди и отдельные группы людей будут стремиться провести в жизнь в тех или иных скромных размерах свои собственные, часто не согласованные между собой, идеалы. Но и такие попытки имеют, конечно, огромную ценность, накопляя научный материал и подготовляя стойкую работу далекого будущего.

Третье отличие евгеники от других областей зоотехнии относится к методам осуществления подбора.

а) Личные планы осуществляются, само собою разумеется, каждым супругом, сознательно заключающим евгенический брак, и, конечно, этот метод останется навсегда самым совершенным, хотя и доступным для небольшого наиболее сознательного меньшинства людей. Всякое принуждение к браку со стороны всегда будет возбуждать и должно возбуждать более или менее резкое противодействие со стороны человека, не терпящего насилия в этом отношении над своей личной свободой. Возможно, однако, представить себе некоторые поощрительные меры со стороны государства к заключению браков, представляющихся евгеническими. Даже в настоящее время в русской деревне возможно способствовать заключению желательных браков в форме тех или иных

льгот — приданого и т. п. В целях увеличения потомства многие государства или организации поощрения браков уже вступили на этот путь, и можно ожидать успехов в этой системе, если она будет пополнена евгеническими соображениями.

б) Чаще, однако, вместо положительного подбора думают о подборе отрицательном, то есть о воспрещении браков, признающихся какогеническими, угрожающими в смысле наследственности. Во многих американских штатах еще десять лет тому назад были проведены законы, воспрещающие вступление в брак лицам, пораженным некоторыми болезнями: сифилитикам, эпилептикам, алкоголикам и т. д. В 1915 году на этот же путь вступила Швеция, и надо думать, что недалеко уже то время, когда подобные меры будут приняты во всех государствах. Надо только помнить, что некоторые из этих мер имеют лишь косвенное отношение к евгенике. Так, запрещение вступления в брак лицам, страдающим половыми болезнями, конечно, необходимо в целях борьбы с распространением этих болезней, которыми младенец так легко заражается от матери, но современная евгеника отказывается от распространенного в прежнее время взгляда, по которому сифилитическому яду приписывалось отравление зародышевой плазмы и порча наследственного генотипа. То же самое надо сказать и относительно туберкулеза и алкоголизма: и здесь вступление в брак и производство потомства для пораженных субъектов должно быть ограничено законодательством из общих гигиенических соображений, но было бы самообманом выдавать такие мероприятия за евгенические и возлагать на них сколько-нибудь большие надежды в деле улучшения человеческой породы. Во всех этих случаях мы имеем дело с прямым воздействием внешних условий на организм, а мы уже видели, что по современным взглядам, такие воздействия могут распространяться даже на несколько поколений, но генотипной наследственной природы организма не изменяют, за исключением очень редких исключительных случаев, интересных с точки зрения науки, но не имеющих практического значения.

Запрещение вступать в брак лицам, страдающим действительно наследственными болезнями: наследственным слабоумием, известными формами психических заболеваний, эпилепсией, гемофилией и пр., конечно, мера евгеническая, так как ведет к сокращению числа людей, несущих эти болезненные задатки. Не следует, однако, рассчитывать на то, что эта мера даст сколько-нибудь быстрые и полные результаты. Большинство наследственных пороков принадлежит к рецессивным формам, то есть они проявляются лишь в том случае, если человек получает болезненный задаток от обоих родителей; если же он получает этот задаток только с одной стороны, то болезнь у него не самого не

проявляется, но он может передать свой задаток детям. В настоящее время наука не в состоянии отличить таких людей, обремененных сокрытыми наследственными недостатками, от людей здоровых, а пока этого средства у нас нет, мы и не в состоянии искоренить данную болезнь у всего человечества.

Следует принять во внимание еще одно важное обстоятельство. Случается, нередко, что те или иные из перечисленных выше пороков сочетаются в одном и том же субъекте с очень ценными качествами: например, эпилепсия или помешательство с высоким талантом и даже с гениальностью. Еще Ломброзо указал на частое сочетание между гениальностью и помешательством, и на основании биологических соображений можно понять, почему такое сочетание наблюдается часто. Воспрещая браки эпилептиков, мы уменьшаем распространение этой болезни в человечестве, но, с другой стороны, возможно, что таким путем человечество лишит себя нескольких талантов. Поэтому такого рода запрещения в законах должны сопровождаться известными оговорками. Было бы странно воспретить вступление в брак Достоевскому, Успенскому, Гаршину: наоборот, можно рассчитывать на их ценное потомство. И за великое благо, которое русский народ получил от этих творцов, расходы на содержание и лечение их и даже, может быть, их родственников, пораженных тем же наследственным пороком, — ничтожная плата.

Всякий евгенист скажет: как жаль, что не осталось детей после психически не вполне нормального Гоголя, после чахоточных Чехова и Белинского. Пусть бы они получили наследственную неуравновешенность и туберкулезную конституцию, но, может быть, они получили бы от отцов и частицы их талантливости. Гении и таланты ценны евгенически, несмотря ни на какие болезни.

В особенности существенны такого рода соображения при американской системе стерилизации. Некоторые из Соединенных Штатов Америки в дополнение к законам, воспрещающим какогенические браки, провели законы, разрешающие путем известных операций лишать воспроизводительной способности лиц, пораженных известными врожденными недостатками. По этим законам молодой, еще не проявивший себя эпилептик может быть даже насильственно навсегда лишен способности иметь потомство, хотя в дальнейшей жизни он проявит себя, как великий мыслитель вроде Достоевского или Магомета.

При проведении подобных законов в жизнь всякая государственная власть должна быть в высшей степени осторожной и не забывать, что истребляемый при помощи стерилизации или запрещения браков недостаток есть только отдельный признак, какогенические свойства которого

в некоторых индивидуальных случаях могут с избытком покрываться наличностью других евгенических признаков. Такого рода борьба с дурной наследственностью в руках неосторожной власти может стать страшным орудием борьбы со всем уклоняющимся в сторону от посредственности, и вместо евгении может привести к определенной какогении.

Одною из главных целей американской системы стерилизации всегда являлось стремление устранить размножение «преступных элементов». Но что такое преступный тип? Наполеона или Вильгельма II одни считают преступниками, другие — гениями. По библейской легенде первым злодеем-убийцей на земле был Каин, убивший брата своего Авеля; от него и должны были пойти все наследственные убийцы-преступники. Бэтсон в своей речи на австралийском съезде британской ассоциации в 1914 году задает вопрос: нужно ли было не допустить Каина до размножения? Он дает определенный отрицательный ответ. С современной точки зрения Каин был «мутант», внесший в историю человечества новое деятельное начало. Не будем останавливаться на его байроновском идеализированном образе. Но и по библейскому рассказу Каин основал на земле первый город, и в его потомстве появились первые кузнецы и ремесленники. И весьма вероятно, что современные жители Австралии, Америки и Сибири своей врожденной энергией и предприимчивостью обязаны тому, что когда-то эти страны заселялись преступными элементами. Только в очень небольшом числе случаев полной дегенерации и наследственного идиотизма показание к стерилизации может быть достаточно прочно.

в) Не надо забывать, что задачей евгеники является не только предохранение человеческой расы от вырождения и поддерживания известной нормы посредственности, а, главным образом, повышение над этим уровнем посредственности, улучшение расы. Запретительные меры в этом отношении недействительны; необходимы меры положительные, которые ведут к увеличению потомства от таких представителей человеческого рода, которые в смысле наследственности стоят выше среднего уровня. В современном государстве каждый гражданин может требовать в распределении различных благ равной доли для себя лично; но государство, задающееся евгеническими задачами, должно поставить наиболее ценных с его точки зрения производителей в такие условия, которые обеспечивали бы для них особенно многочисленное, в сравнении с средними людьми, потомство. Благодаря подъему культуры и распространению идеи равенства борьба за существование в человеческом обществе потеряла свою остроту и благодетельный естественный подбор почти прекратился. Культурное государство должно взять на себя важную роль естественного подбора и поставить сильных и осо-

бенно ценных людей в наиболее благоприятные условия. Неразумная благотворительность приходит на помощь слабым. Разумное, ставящее определенные цели евгеники, государство должно прежде всего позаботиться о сильных и об обеспечении их семьи, их потомства. Лучший и единственно достигающий цели метод расовой евгеники, это — улавливание ценных по своим наследственным свойствам производителей: физически сильных, одаренных выдающимися умственными или нравственными способностями людей и постановка всех этих талантов в такие условия, при которых они не только сами могли бы проявить эти способности в полной мере, но и прокормить и воспитать многочисленную семью, и притом непременно преимущественно в сравнении с людьми, не выходящими за среднюю норму. Именно это преимущество и имеет евгеническую цену, так как равенство условий размножения и для выдающихся и для посредственных приведет только к увеличению всего народонаселения и не изменит в желательную сторону наследственных свойств человеческой расы. Та нация, которая больше других умеет ценить свои таланты и научится достаточно рано ставить их в лучшие условия существования, даст человеку наибольшее число представителей наивысшего типа Homo creator. С распространением наших евгенических знаний можно ожидать, что выдающиеся люди скорее других поймут громадную ценность евгенического брака, и тогда потомство их, получая наследственные свойства со стороны обоих родителей, будет особенно высоких качеств, чего, к сожалению, не всегда можно сказать о потомстве великих людей прошлого, высокие наследственные свойства которых часто усреднялись посредственной наследственностью с другой стороны.

Но из того факта, что дети великих людей лишь в редких случаях проявляют таланты своих отцов, еще нельзя заключать, что ценные свойства великих людей не наследственны, пропадают в потомстве. Они только рассеиваются, но в гетерозиготной скрытой форме удерживаются в потомстве и при удачных браках могут снова восстановиться в полном блеске через несколько поколений. Изучение родословных великих людей и талантов дало много любопытного в этом отношении, и Институт Экспериментальной Биологии при своем евгеническом отделе поставил одной из своих задач собирать исторические материалы по родословным русских выдающихся людей.

г) Распространение евгенических знаний в самых широких слоях общества является вообще необходимым условием для евгенической эволюции и одним из самых существенных ее методов. Евгеника должна занять прочное и важное место в воспитании на всех его ступенях. Все современные евгенические общества и конгрессы единодушно и

совершенно правильно ставят эту задачу на одно из первых мест. Государство должно пойти навстречу этому делу и озаботиться тем, чтобы в каждой стране было достаточное количество лиц, хорошо знакомых с современными задачами евгеники. Из всех евгенических методов это, конечно, наиболее доступный, хотя он и имеет в виду только подготовку дальнейшей работы; но ясно, что при вступлении государства на этот путь не должно быть никаких колебаний.

Мы ознакомились с главными затруднениями, встречающимися на пути применения зоотехнических методов к делу улучшения человеческой расы, и видели, что здесь прежде всего представляет большие трудности изучение наследственности у человека; затем неясны самые цели евгеники и, наконец, нельзя применить к размножению человека тех методов, которыми привык работать зоотехник. Но как ни велики все эти затруднения, тем не менее позволительно надеяться, что человечество мало-помалу научится с ними совладать. Будет уже ценным шагом вперед, если человечество, проникнувшись евгеническим духом, сумеет воздержаться от ряда ошибок, которые оно допускало до сих пор, часто вполне сознательно. Чтобы закончить наш очерк современного состояния евгеники, будет полезно остановиться на этих ошибках, которые особенно бросаются в глаза в период великих сотрясений человеческой истории — во время войн и революций.

Дело в том, что пока человечество не возьмет на себя с полным сознанием и пониманием ответственного дела искусственного подбора человеческой породы, то есть пока оно не приступит к осуществлению евгенических идеалов, подбор производителей все же будет происходить. Этот подбор будет во всяком случае производить сама природа, отметая целые расы и группы людей, в том или ином отношении неприспособленных к жизни. Но наряду с этим естественным отбором и часто наперекор ему все же работает и еще долго будет работать само человечество, не понимающее того, что оно делает, и часто в своем непонимании уничтожающее благотворную работу естественного отбора. Такому бессознательному искусственному отбору, работавшему неуклонно и медленно в течение тысячелетий, человечество обязано возникновением целого ряда ценных культурных растений и домашних животных которых человек вывел, сам не понимая ни своей задачи, ни своих методов. Но работа без понимания целей и методов лишь в отдельных случаях оказывается плодотворной: гораздо чаще она приводит к обратным результатам — не к созданию, а к разрушению. И человек, создавая без ясного понимания десятки полезных животных и растений, попутно уничтожил целые сотни других, которые, может быть, при

иных условиях стали бы для него не менее ценными. И в евгеническом отношении слепая, никогда не прекращающаяся работа человека над изменением расы, далеко не всегда вела к ее улучшению, а нередко ухудшала и даже губила целые расы. Если слепой искусственный отбор производителей в человеческом обществе человеком совершается медленно, веками, то железный естественный отбор природы успевает или парализовать гибельную работу человеческой культуры, или подхватить и закрепить удачную. Но иногда вмешательство человека в дело природы бывает слишком энергичным и быстрым, в результате такого вмешательства может последовать внезапная смена рас, гибель одних и замена их другими. Таким энергичным вмешательством являются прежде всего войны и революции. Рассмотрим, какие непредвиденные порою последствия могут иметь для евгеники оба эти фактора и возможно ли сознательной работой предотвратить губительные их последствия и направить в благоприятную сторону.

Было бы односторонним считать войну исключительно какогеническим фактором только потому, что она уничтожает людей и их культурные запасы. Ведь всякая борьба в органическом мире уничтожает массами живые существа, но в этой борьбе и в сопровождающем ее естественном подборе лежит, как показал Дарвин, основа эволюции. И никакие новейшие успехи биологии, никакие поправки к классическому учению Дарвина не смогли изменить основной точки зрения на благодетельность естественного подбора. Если бы было доказано, что во всякой войне побеждает всегда более сильная, более жизнеспособная, более ценная евгенически раса, то, с точки зрения евгеники, можно было бы и не протестовать против войны, тем более, что и самые решительные противники войны не отрицают того, что война имеет и свои положительные стороны. Очень многие из известных нам войн являлись сильным толчком, вызывавшим подъем культурного уровня в победившей, а часто в еще большей степени побежденной стране. Не даром многие историки считают многие войны как бы гранями между сменявшими одна другую эпохами исторического прогресса. В прежние времена, в особенности у первобытных народов, войны нередко приводили к почти полному уничтожению побежденной расы, и во многих случаях, скажут некоторые историки, по заслугам. Теперь обстановка войн изменилась и о полном расовом истреблении побежденной страны говорить уже не приходятся. Если даже побежденная страна совершенно теряет свою независимость, то населяющая ее раса — или расы — сливаются с расами победительницами.

Подведем евгенические итоги последней мировой войны. Она унесла миллионы людей, погибших на поле сражения и десятки миллионов

граждан, погибших от болезней, недоедания и в особенности «нерodившихся младенцев». На этих последних воюющие страны могли рассчитывать по ходу прироста населения до войны, а так как вследствие нарушения брачной жизни во время войны они не появились на свет, они списываются в пассив наряду с убитыми и умершими, хотя реально не существовали даже в форме оплодотворенного яйца. Особенно пострадали от человеческих потерь Франция и Германия, то есть страна-победительница и страна побежденная — в равной степени. Но и потери других стран высоки и пока еще, кажется, нельзя говорить о таком подъеме экономической жизни у стран-победительниц, при котором можно было бы утверждать, что им скоро удастся наверстать потери в человеческом материале. Страны, которые остались вне войны или участвовали в ней так слабо, как Америка и Япония, конечно, находятся в значительно лучшем положении, и в расовой борьбе именно они являются победительницами. Это, так сказать, «премия за благоразумие» со стороны естественного подбора. Но еще не настало время подсчитывать расовые прибыли и убытки, а тем более решать вопрос в общечеловеческом масштабе: опустился ли общий уровень человечества после войны или поднялся? Ведь для эволюции человечества совсем не важно сокращение численности населения на несколько десятков миллионов. С евгенической точки зрения важно знать, были ли эти миллионы лучшими или худшими, то есть стояли они выше или ниже среднего уровня.

Обыкновенно утверждают, что во время войны гибнут именно лучшие, наиболее здоровые, молодые мужчины, самые ценные производители. Однако в стране, где война сопровождается голодом и болезнями, гражданское население терпит не меньшие, а порою значительно большие потери, чем солдаты в сражении. От одного туберкулеза за время войны в Германии погибло свыше миллиона человек, то есть около 2 % всего населения; при нормальных условиях эти туберкулезные в значительной части выжили бы, может быть, сделались бы очень полезными гражданами, но во всяком случае свою туберкулезную наследственность они передали бы потомству.

Однако существенное евгеническое значение может иметь следующее обстоятельство. Немецкое население пострадало от голода неравномерно: сельское население гораздо менее, чем городское, а из городского — всего более живущая своим трудом интеллигенция. Смертность среди последней была наибольшей. При переходе рабочих из села в город совершается определенный отбор более предприимчивых, отбор же выдвигает среди последних интеллигенцию. Повышенная гибель городских жителей для представителей определенных воззрений

может рассматриваться, как какогеническое явление — понижение наследственного уровня населения страны. Но наши современные знания и наша статистика еще слишком недостаточны для того, чтобы решить вопрос, перевешивает ли выигрыш от устранения слабых или проигрыш — от гибели сильных.

Нередко указывают на то, что гибельные последствия войны и военной голодовки отзываются на здоровье следующего, а, может быть, и ряда следующих поколений. Точные, статистические данные, собранные в немецких школах за последние годы, показывают, что вес и рост детей в Германии в настоящее время много ниже, чем до войны, и немецкие врачи и биологи не сомневаются, что в ближайшее время население Германии окажется низкорослым по сравнению с недавним прошлым: это прямой результат недоедания, но немецкие биологи, приходящие к такому заключению, относятся к нему спокойно. Евгенически оно не страшно: как благоприобретенный признак, это понижение роста от недоедания хотя и отразится, может быть, даже на следующем поколении, но наследственного значения не имеет и уступит место новому повышению роста после ряда благоприятных лет.

Не менее сложно обстоит вопрос и об евгеническом значении революции. В еще большей степени, чем война, революция является толчком к развитию, гранью между культурными эпохами. Самое ценное в евгеническом смысле то, что во время революции и после нее производится переоценка ценности отдельных граждан, и люди, которые при обычных условиях не могут выкарабкаться на поверхность и проявить себя во всей силе своих наследственных талантов, в период бурного переворота имеют больше шансов выплыть на поверхность и, как выражаются генетики, «проявить фенотипно свой генотип», чтобы затем сделаться родоначальниками более многочисленных одаренных потомков. Пример Наполеона и массы выдвинувшихся с ним деятелей — правда, преимущественно, по характеру этой эпохи, военных — ясно иллюстрирует это явление. У нас в России, где общественно-экономические условия в течение долгого периода сильно затрудняли выход ценных элементов из народных масс на широкую арену и вступление их в более соответственные евгенические браки, такое благодетельное последствие должно сказаться особенно широко. Но наряду с этим величайшим благодетельным последствием революции, выдвигаются и отрицательные влияния революции. Подобно войне, революция несет с собой гибель молодых здоровых мужчин на поле сражения и гибель еще большего числа людей от голода и других тяжелых условий существования. Мы уже оценили двойственное значение этих явлений с точки зрения евгеники. Однако, людские потери в период революции имеют

6 - 1252

иное значение, чем в период войны. В условиях современной обстановки войны снаряды попадают без разбора во всех сражающихся обеих сторон, так что после кровопролитного сражения общий генетический уровень всех оставшихся в живых остаётся приблизительно прежним. Но при междоусобной борьбе пули, несущиеся с обеих сторон, обладают силою выбора: каждая сторона с особенным ожесточением истребляет наиболее выдающихся из своих противников, между тем как широкие массы, обычно явно не примыкающие ни к той, ни другой стороне, остаются вдали от действия убийственной борьбы и захватываются лишь сопровождающими борьбу, равно гибельными для всех условиями голода, холода и т. д. Особенно ясную картину в этом отношении дала великая французская революция. Один за другим поднялись на гильотину целыми группами самые выдающиеся деятели, цвет французской нации. Сменявшие одна другую партии, часто отличавшиеся друг от друга лишь оттенками политической мысли, посылали на эшафот своих предшественников, как контрреволюционеров, для того, чтобы вскоре занять их место под топором гильотины. В пылу ожесточённой борьбы эти оттенки мысли, за которые боролись в то время, казались чрезвычайно важными. Но мы, оторванные от того периода одним с половиною веком, понимаем, что это были только оттенки чисто фенотипные, не имевшие никакого наследственного значения. С евгенической точки зрения все эти революционеры, попадавшие через короткое время в контрреволюционеры, были более или менее однородны. В революционный период выступают на первый план люди с наследственным стремлением творить жизнь и проявлять свою индивидуальность, резко выделяясь среди массы инертных людей, остающихся в тени, вне арены борьбы. Здесь ясно обнаруживаются два основных типа людей: человек-творец, активно прокладывающий новые пути и отстаивающий свои взгляды, это — Homo explorans или Homo creator, и инертный пассивный человек — Homo inertus, избегающий вступать в борьбу.

Конечно, наследственный характер у типа Homo creator имеет только стремление к творчеству, активности, а не самое содержание творчества, не образ мыслей или оттенки политических убеждений, которые слагаются под влиянием случайной жизненной обстановки и воспитания, а по наследству не передаются. Можно было бы указать много примеров столкновений между отцами и детьми, столкновений, в которых одни поколения, будучи в равной степени одарены активностью, под влиянием случайных условий оказывались в разных лагерях. Вот эти-то носители одного и того же гена активности и гибнут массами в междоусобной борьбе. После революции, в особенности длительной, раса беднеет активными элементами, и это обеднение в особенности

гибельно для расы потому, что большинство революционных деятелей погибают в молодом возрасте, не оставляя потомства, вследствие чего и следующее поколение также оказывается состоящим в громадном проценте из «инертных» людей. Этим объясняется в значительной степени упадок нации, иногда временный, иногда окончательный, после длительной междоусобицы. Утратившая свои активные элементы раса вырождается, теряет свою самостоятельность, и сходит с арены прогрессивной эволюции человечества. Чем более бескровной является революция и обычно следующая за нею реакция, тем более выступают на первый план ее отмеченные выше благодетельные, в смысле евгеники, последствия. Когда человечество дорастет до широких евгенических идеалов, дорастет до сознания, что сохранение представителей активного типа имеет абсолютную генетическую ценность вне зависимости от их временного, фенотипного образа мыслей, тогда революции — переустройства социального порядка — приобретут в полной мере свой благодетельный, в евгеническом смысле, характер.

Но ни война, ни революция не имеют такого пагубного значения для евгеники, как явление, в скрытом бескровном виде подтачивающее здоровье нации и человечества: это — сознательное ограничение потомства, обычно распространяющееся в народе постепенно и на первых порах едва заметное. Явление это, конечно, не новое. Возможно, что оно именно более всего другого способствовало падению античной греческой и римской культуры. В нашем веке оно широко охватило Францию, но и в других странах, включая Россию, делает поразительные успехи. Имеются даже со времен Мальтуса попытки научно обставить и оправдать это явление. Во всем органическом мире рождаемость в пределах вида значительно превышает возможность сохранения жизни для всех рождающихся, и этот перевес имеет глубокое биологическое значение: им обеспечивается борьба за существование и естественный подбор наиболее приспособленных к жизни. Без этого подбора виды, предоставленные самим себе в естественных условиях, вымирают. Человек гордо отказывается от естественного подбора, он хочет устранить совсем борьбу за существование. Он хочет устранить эту массу неизбежно гибнущих, вследствие недостатка средств к существованию, жизней. Но для выполнения этой гражданской задачи человек выступил недостаточно вооруженным. Когда Мальтус начал свою проповедь, он стоял еще на точке зрения равноценности человеческих жизней: важная роль борьбы за существование и подбора наиболее приспособленных ему еще не была известна, и он мог спокойно говорить о сокращении числа рождающихся, не вводя никакого корректива для обеспечения высокого уровня этих рождающихся. Но теперь

последователи Мальтуса уже не имеют права закрывать глаза на это важное обстоятельство. Россия и другие славянские земли давно были известны своею плодовитостью по сравнению с другими странами. Но несмотря на высокую рождаемость, прирост населения России никогда не был особенно велик, так как масса родившихся детей гибли от жизненных условий, не доживши до половой зрелости. С точки зрения Мальтуса, эта гибель массы жизней — страшное зло, против которого нужно бороться прежде всего сокращением деторождения. Но совсем недавно, в начале войны в немецком научном журнале «Archiv fЯr Rassen und Gesellschafts Biologie», в выпуске, посвященном вопросу о рождаемости и приросте населения, ряд авторов с завистью говорили о высокой смертности русских детей, полагая, что усиленная борьба за существование поддерживает среди русского народа и высокую наследственную выносливость.

Но воздержание от деторождения евгенически гибельно не только потому, что устраняет борьбу за существование. Ее главный вред в том, что проповедь Мальтуса имеет успех прежде всего среди наиболее культурных слоев всякого общества, и прежде всего сокращают деторождение наиболее интеллигентные слои, затем городские рабочие, а в деревню проповедь эта заходит слабо и наименьше дифференцированные массы продолжают размножаться прежним темпом. Все, наследственно наиболее одаренные из этой массы, все наиболее активные, все представители типа Homo creator уходят из деревни в город на фабрику или, получив образование, пробиваются в высшие интеллигентные слои и здесь научаются осуществлять практически мальтузианство и почти не оставляют потомства. Гены активности, выделяющиеся из наименее культурной среды, мало-помалу совсем исчезают в человечестве. Там где культурная среда еще мало дифференцирована, как в России, это еще не представляет непосредственной опасности. Но во Франции, где выбраться из деревни для наследственно одаренных со времени первой революции стало гораздо более легким, этот отрицательный отбор принимает уже реальное грозное значение. Не то опасно для французов, что сокращается прирост населения и меньше рождается солдат, могущих защищать отечество: с общечеловеческой точки зрения, это могло бы и не представлять важности. Опасно то, что понижается наследственный уровень рождающихся, исчезают гены активности, способной к высшей культуре интеллигенции.

Подведём итоги. Евгеника по нашему определению распадается на две отрасли: чистую науку (антропогенетику) и прикладную (антропотехнию). Изучение генетики человека очень затруднительно и медленно подвигается вперед, так как вместо эксперимента для нас доступно здесь лишь

наблюдение. Антропотехния сталкивается с затруднениями еще более значительными. Наука, не имеющая возможности решить вопроса о добре и зле, не в праве определить идеал той высшей человеческой расы, к установлению которой надо стремиться. Цель евгеники может установить лишь соглашение между всеми народами, по крайней мере в пределах одной нации. Но и тогда, когда это соглашение будет достигнуто, методика практического осуществления поставленной задачи окажется гораздо затруднительной, чем при экспериментах с животными и растениями.

Но все же и теперь каждая отдельная нация может осуществлять евгеническую работу. Для этого требуется ставить в наилучшие условия существования тех граждан, которыми нация особенно дорожит, всех, выделяющихся ценными наследственными задатками. Чем более в раннем возрасте нация умеет открывать эти задатки таланта среди своих членов, чем ранее сумеет она обеспечить существование для них и для их семьи, тем более можно рассчитывать на обогащение нации благородными генами.

Эта национальная задача выполнима, однако, лишь при одном условии: если сознательные элементы в современном человечестве проникнутся основной идеей евгеники. Тот, кто получил от природы талант, не должен зарывать его в землю или тратить его исключительно на себя и своих современников: он должен помнить о высокой задаче передать этот талант через свое потомство будущим поколениям.

Обрисованная таким образом евгеника есть религия. Культурное человечество всегда жило религией — идеалом, может быть, далеким, неясным, и сообразно с этим идеалом строило свою жизнь, решало вопросы о добре и зле. Идеалом античных греков была красота во всех ее формах, счастье и полнота личной жизни здесь, на земле. Идеалом сурового Рима было процветание и мощь государства, и эту национальную религию Рим передал многим современным нациям. Мы недавно видели, как люди, охваченные этой религией, шли на смерть.

Христианство поставило своим идеалом личное усовершенствование, обещая награды в туманной будущей жизни. Мусульманин распространяет коран с мечом в руках и также твердо уверен в награде, которая ждет его в раю Магомета. Идеалы социализма тесно связаны с нашей земной жизнью: мечта об устройстве совершенного порядка в отношениях между людьми есть такая же религиозная идея, из-за которой люди идут на смерть. Евгеника поставила себе высокий идеал, который также достоин того, чтобы дать смысл жизни и подвинуть человека на жертвы и самоограничения: создать путем сознательной работы многих поколений высший тип человека, могучего царя природы и творца жизни. Евгеника — религия будущего и она ждет своих пророков.

Н. К. Кольцов

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРЫ НА ОТБОР В ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ

Сто двадцать пять лет тому назад английский пастор Мальтус провозгласил учение о том, что все социальные бедствия, поражающие человечество: болезни, войны, голод и бедность, проистекают от чрезмерной размножаемости. Население разрастается в геометрической прогрессии, в то время как средства для существования человечества растут только в арифметической прогрессии. Отсюда постоянное перенаселение и ожесточенная борьба за жизнь, со всеми сопровождающими эту борьбу несчастиями и преступлениями. Универсальным средством против всех социальных страданий Мальтус считает сознательное ограничение деторождения. Он проповедует нравственное воздержание в самых широких размерах, полное безбрачие для известной части населения («могущий вместить, да вместит!») или, во всяком случае, возможно поздние браки и сознательное ограничение потомства при состоявшемся браке.

В течение большой части XIX века проповедь Мальтуса практически имела мало успеха, и, вероятно, лишь очень немногие религиозно-настроенные последователи его оказались способными подняться на надлежащую высоту нравственного соз0нательного воздержания. Но за последние полвека возникло и повело гораздо более успешно свою пропаганду новое движение, которое приняло название неомальтузианства: оно отбросило в сторону проповедь Мальтуса о «нравственном воздержании», заменивши ее рекомендаций искусственных мер предупреждения зачатия и абортов. Оно выставило своим идеалом «систему двухдетных браков», видя в ней панацею против гибельных последствий перенаселения и всех социальных зол. Капиталистическая промышленность пришла на помощь неомальтузианству: возникли грандиозные предприятия по изготовлению противозачаточных средств, естественно развившие самую широкую пропаганду неомальтузианства. И в настоящее время во всех культурных странах мы видим величайшие успехи этого движения, опережающие даже поставленные идеалы, видим возведенное в систему распространение не только «двухдетных браков», но и «однодетных» и «бездетных».

Для современного биолога научная основа рассуждений Мальтуса представляется наивной. Подмеченный им факт несоответствия между усиленной размножаемостью и остающимися более или менее

постоянными средствами пропитания был использован Дарвином для построения теории естественного отбора. Но как велико различие между поверхностными выводами богослова-социолога и глубоким проникновением великого биолога! Там, где Мальтус увидал только великое зло взаимной борьбы, ввергающей в нищету и преступление, Ч. Дарвин открыл причину эволюции, приспособления, «усовершенствования».

Что бы ни говорили современные антидарвинисты (Гертвиг, Г. Дриш, Л. Берг), не подлежит сомнению, что человек стал таким, каким он является в настоящее время, только благодаря естественному отбору и борьбе за существование, вытекающий как неизбежное последствие из перенаселения.

Сам Ч. Дарвин выводил эволюцию человека (равно как и других видов животных и растений) из медленного накопления мельчайших, незаметно и непрерывно переходящих друг в друга изменений, из которых все неблагоприятные, невыгодные для существования вида изменения ведут к гибели их носителей в борьбе за существование с более приспособленными к жизненным условиям особями. Естественный подбор, и по Дарвину, сам по себе не создает никаких новых изменений, наличность которых обеспечивается естественной изменчивостью вида; но естественный отбор регулирует изменчивость, которая в отсутствии подбора шла бы беспорядочно по самым разнообразным прихотливым путям. Сама по себе изменчивость отнюдь не приспособительна: изменения, возникающие при эволюции, могут быть в равной мере вредны, как и полезны для вида, и только естественный подбор, отмечая вредные изменения, обеспечивает приспособленность и целесообразность в строении и отправлении организмов.

Величайшее заблуждение современных антидарвинистов заключается в том, что в экспериментальных достижениях современной генетики они видят противоречие с Дарвиновой теорией естественного подбора: на самом же деле, это — лучшая опора теории Дарвина. В настоящее время мы знаем, что изменчивость идет не непрерывно, как думал Дарвин, а скачками: у мухи Drosophila может сразу исчезнуть крыло или глаз, и экспериментатор, получивший в своей культуре одну такую безглазую или бескрылую особь, может путем скрещиванья ее с нормальной мухой через несколько месяцев — в каких-нибудь полгода — вывести чистую слепую или неспособную летать породу. Тот результат, который экспериментатор, вооруженный знанием генетических законов, достигает так быстро путем искусственного подбора, в природе, путем естественного подбора совершается гораздо медленнее. Когда бескрылая мутация дрозофилы возникает в природе где-нибудь на континенте, то если бы она и спарилась с одной из нормальных крылатых особей и

тем обеспечила бы появление известного числа бескрылых потомков, все же рано или поздно эти бескрылые потомки погибли бы, не будучи в состоянии конкурировать с нормальными крылатыми особями. Но можно заранее предвидеть, что если выпустить на маленьком океаническом островке равное количество крылатых и бескрылых мух Drosophila, то бескрылые мухи будут иметь больше шансов на выживание, так как они не в состоянии летать и ветер не будет относить их в море. С другой стороны, если поместить в глубокую темную пещеру с узким отверстием нормальных, т. е. снабженных глазами и безглазых мух, то зрячие мухи постепенно будут улетать из пещеры и здесь подберется мало-помалу чистая слепая раса. Еще совсем недавно Плате считал весьма затруднительным объяснить одним естественным отбором происхождение слепых пещерных животных и бескрылых насекомых океанических островов, но успехи последних лет по генетическому исследованию дрозофилы устраняют эти затруднения.

У первобытного народа номадов-охотников эволюция находится под могущественным влиянием естественного подбора. Полная опасностей жизнь, требующая от каждого предельного напряжения сил, не допускает никакого ослабления организации. Это относится к целому ряду отдельных, даже мелких признаков, которые у современного культурного человека известны в нескольких генотипных вариантах. Так, в культурных расах рецессивный ген (или гены) близорукости распространен шире, чем доминантный ген нормального зрения; близорукие номады-охотники нежизнеспособны, и, конечно, большинство их погибает, не будучи в состоянии добывать добычу, скрываться от врагов и бороться с соперниками. При малочисленности общин и родственных (эндогамных) браках гетерозиготы часто скрещиваются между собою, а потому и скрытая близорукость также истребляется естественным подбором гены глухоты или ослабления слуха (также главным образом рецессивные) устраняются естественным подбором даже в культурных расах. Невозможно допустить, чтобы обремененный этими генами глухонемой номад-охотник дожил до зрелого возраста и создал самостоятельную семью. В первобытном обществе новорожденные дети с ясными уродствами просто уничтожаются; этот евгенический, хотя и жестокий, обычай, переходит даже в греческую и римскую культуру.

Зубы первобытного номада-охотника должны быть целы и крепки, иначе он не в состоянии пережевывать сырое мясо и разгрызать орехи и твердую скорлупу плодовых косточек. Гены кариозных зубов, столь широко распространенные в современном культурном человечестве, неизбежно отметаются естественным отбором в эпоху, предшествующую изобретению огня. В этом периоде громадную смертельную опасность

представляет всякий наследственный недостаток пищеварительного аппарата, и носители соответствующих генов, конечно, отметаются естественным подбором.

Каждый номад-охотник должен хорошо бегать, чтобы догонять добычу и убегать от преследования. Подбор хороших бегунов при беспощадной браковке плохих гарантирует не только гены сильной мускулатуры, но и гены здорового сердца и сильных легких. Всякие следы инфантильной конституции как у мужчин, так и у женщин тщательно выметаются естественным подбором. Женщина с узким тазом, которая в первобытном обществе рожает без посторонней помощи и порою на ходу, неизбежно погибнет при первых же родах.

Всякая мутация, ослабляющая познавательные способности ниже того уровня, который необходим для оживленной и сложной деятельности номада-охотника, выслеживающего зверя и борющегося с хищниками и со стихиями, быстро истребляется; и наоборот, всякая мутация, поднимающая познавательные способности, закрепляется в данном роде, маленькой первобытной общине. При эндогенных браках возможны особенно благоприятные комбинации наследственных признаков, генов. Род, в котором накоплены несколько благоприятных генов психических особенностей, находится в особенно счастливом положении среди других враждебных родов и, конечно, окажется победителем в борьбе с ними за лучшие места охоты, аз простор. Войны между маленькими первобытными общинами являются настоящей звериной борьбой за существование. Победившая община истребляет побежденную настолько полно, насколько сумеет, и на известной примитивной стадии культуры убивает не только взрослых мужчин, но и женщин, и детей.

Размеры естественного отбора у первобытного человека никакому статистическому учету подвергнуты, конечно, не были. Исходя из теоретических соображений, можно сделать следующее приблизительное вычисление. Европейская женщина способна к зачатию и деторождению в периоде между 15 и 45 годами в среднем. За эти 30 лет она может родить 20 детей, считая на каждого ребенка 9 месяцев беременности и 9 месяцев кормления. Отсюда вместе с Ленцем можно вывести, что физиологически женщина способна родить до 20 детей в течение своей жизни, и мы определенно знаем случаи из нашего времени, когда на одну мать приходилось более 20 рождений. Весьма вероятно, что женщина из племени номадов-охотников, способная родить первенца порою уже в 10-12 лет, рожает в среднем также около 20 детей. В условиях стационарности населения из этих 20 детей 18 обречено на смерть, и только двое выживают на смену родителей. Таким образом, размеры отбора характеризуются отношением 1:9. Есть все основания

рассчитывать, что единственный избранник окажется по целому ряду признаков более приспособленным к окружающей обстановке, чем 9 его братьев и сестер, уходящих побежденными с поля жизненной борьбы.

Мальтус, конечно, ничего не знал о благодетельном влиянии естественного отбора, и приведенный выше коэффициент отбора 1:9 поразил бы ужасом его мягкое, сострадательное сердце. Ведь он представлял себе, что все люди рождаются совершенно одинаковыми, так как все созданы «по образу и подобию божию», а стало быть, ни о каком отборе не приходится и говорить. Но совершенно непростительно, когда о благодетельной роли отбора забывают современные неомальтузианцы, которые обязаны знать, что люди рождаются на свет с различными задатками, то сильные, то слабые, одаренные теми или иными способностями, обремененные разными наследственными болезнями и недостатками. При этих реально существующих и неизбежных условиях устранение борьбы за существование может повлечь за собою роковые последствия для человечества или для той группы, то расы или страны, которая проведет в жизнь систему мальтузианства, не принявшие предварительно определенных мер для евгенического отбора.

Впрочем, совершенное устранение борьбы и естественного подбора в человечестве — утопия. Оно было бы осуществимо лишь при маловероятном наличии следующих 4 условий:

1) если бы мужчин было бы ровно столько же, сколько женщин;

2) если бы как те, так и другие выживали непременно до брачного периода;

3) если б каждый непременно в одном и том же возрасте вступал в брак;

4) если бы каждый рождал непременно двух детей — ни больше, ни меньше.

Нарушение хотя бы одного из этих 4-х условий, по существу в равной мере выполнимых, неизбежно повлекло бы за собой более или менее обостренную борьбу за существование. Форма этой борьбы нам могла бы показаться мягкой по сравнению с нынешними условиями; но, ведь, и современные условия борьбы за существование могли бы показаться очень мягкими первобытному человеку, самое существование которого оплачивается гибелью девяти его братьев. Оценки жестокости борьбы очень субъективны, и очень вероятно, что мягкосердечные мальтузианцы стали бы не менее решительно протестовать и против тех форм борьбы за существование, которые возникли бы в человеческом обществе при нарушении хотя бы одного из поставленных выше условий.

Допустим, однако, на минуту, что чистый мальтузианский идеал осуществился. Борьба за существование устранена, детская смертность

сведена к нулю; старшее поколение умирает только по естественной старости, и безболезненно заменяется молодым поколением. Благодаря успехам медицины и улучшению санитарно-гигиенических условий, инфекционные болезни и другие случайные заболевания устраняются. Какова же будет биологическая природа человека в эти идиллически счастливые времена, и в каком направлении будет идти его эволюция? Двух ответов на этот вопрос быть не может: с того момента, как прекратится подбор в человеческом обществе, начнется быстрый и неуклонный процесс вырождения, так как с каждым поколением, с каждым годом будет увеличиваться число всяких уродов, глухонемых, слепых, идиотов, слабоумных, сумасшедших, не говоря уже о менее ярких формах жизненной неприспособленности; редкие случайные мутации в сторону большей приспособленности к жизни будут затериваться среди массы вырождающихся. Раса, из эволюции которой будет устранен всякий подбор, погибнет в течение немногих поколений.

Конечно, в разных странах и в особенности в разных группах населения размеры отбора значительно колеблются; но в среднем можно признать, что при современных культурных условиях из каждых двух рождающихся на свет только один становится полным производителем, а другой откидывается, как бесплодный. Посмотрим, какими же факторами определяется этот отбор.

Все болезни представляют собою экзамен для конституции каждого отдельного больного. Конечно, всякая система экзаменов несовершенна, и случается, что от сыпного тифа погибает особенно сильный, особенно энергичный и даровитый человек — может быть потому, что его сосуды не вполне в порядке или потому, что он как раз обладает усиленной восприимчивостью к сыпному тифу. Повышение среди данной расы специфической невосприимчивости к сыпному тифу или к оспе, при современном положении наших знаний не может, конечно, считаться особенно ценным результатом отбора, так как с сыпным тифом гораздо проще бороться гигиеническими мерами против распространения вшей, а с оспой — путем прививок. Но, поскольку смерть от этих болезней стоит в связи с состоянием кровеносной системы — а эта связь несомненно существует, - раса, взятая в целом, после периода тяжких эпидемий оказывается более здоровой.

После того, как острые эпидемии в культурных странах стали более редкими, их место в качестве фактора отбора занял, без сомнения, туберкулез. На пороге 20-го столетия туберкулез является причиною 15% всех смертных случаев в Европе. В настоящее время полагают, что туберкулезные бактерии поражают почти сплошь все европейское население, но только у сравнительно немногих туберкулез сказывается

в виде клинического заболевания, и еще меньший процент от него погибает. Конечно, внешние условия — питание и вообще экономическое положение — играют существенную роль при заболевании туберкулезом и смерти от него, и большинство туберкулезных, какова бы ни была их врожденная конституция, теми или иными мероприятиями можно спасти. Но все же эти гигиенические мероприятия только ослабляют отбор стойких к туберкулезу конституций.

После войны и голода у нас, в России, и в Германии естественный отбор туберкулезных конституций оказался чрезвычайно обостренным. И опять-таки, как ни печально это явление для современников, есть все основания думать, что народы, перенесшие благополучно эпоху резкого развития туберкулеза, выйдут после нее окрепшими в конституционном смысле. Обратное значение имеют эпохи полного народного благополучия и довольства, когда государство имеет возможность тратить большие средства на широкие гигиенические мероприятия и на содержание большого количества санаториев, в которых туберкулезные не только подлечиваются, но и доводятся до такого состояния, когда они могут завести семью. В такую эпоху туберкулезная конституция распространяется в населении, но это остается незаметным, пока народное благосостояние поддерживается на прежнем уровне: однако резкое потрясение народного благосостояния вызовет в такой стране гораздо большее опустошение на почве туберкулеза, чем в стране с более суровым естественным отбором. Иллюстрацией этого является, может быть, та трагедия, которую переживает теперь на почве широкого распространения туберкулеза Германия.

Известный немецкий евгенист, социал-демократ Гротян, приходит даже к следующему суровому выводу:

«Только в том случае, если мы лишим легочных больных возможности передавать свою физическую недостаточность следующим поколениям наследственным путем, мы вправе лечить их и помогать им мерами социально-гигиенического и экономического характера, не опасаясь принести этим всему населению, взятому в целом, больше вреда, чем пользы».

Совершенно иное значение по отношению к отбору в сравнении с перечисленными выше инфекциями играют венерические болезни: сифилис и триппер. Ужасающее распространение их, в особенности за последние годы, и огромное влияние на размножаемость населения не подлежит сомнению. Ленц утверждает, что в больших городах Германии не менее 15% всех взрослых мужчин умирает от сифилиса. В Гамбурге для 1913 года было установлено, что среди мужчин, достигших здесь 50-летнего возраста, не менее 40% было заражено сифилисом,

в Берлине по Ленцу — даже 60%. После войны и революции распространение сифилиса еще более усилилось; по Зейтману в Ганновере осенью 1919 года свежее заражение сифилисом наблюдалось у мужчин на 50%, а у женщин — даже на 230% чаще по сравнению с осенью 1913 года. Что касается гонореи, ее распространение, по-видимому, еще значительнее. Ленц считает, что в Германии в среднем около 40-50% всех мужчин и 20-25% женщин перенесло хоть один раз гонорейную инфекцию; в больших же городах, по его мнению, большинство мужчин, за исключением немногих, никогда не имевших внебрачных половых сношений, перенесли гонорею в более или менее сильной форме. И хотя эта болезнь не влечет за собой смертельной опасности, как в случае мозговых осложнений сифилис, но она очень часто, подобно последнему, стерилизует больного. По мнению Ленца, большинство бездетных или однодетных браков объясняется именно венерическими заболеваниями.

Опустошения, производимые в культурном человечестве детскими болезнями, эпидемиями чумы, холеры, оспы и тифов, а также туберкулезом, могут быть рассматриваемы как отбор слабых конституций, являющийся в расовом смысле благодетельным для физического здоровья расы. Но отбор, производимый венерическими болезнями, вряд ли отражается существенно на физическом здоровье расы; специальный иммунитет к сифилису и гонорее, вероятно. Еще менее необходим для расы, чем врожденный иммунитет к оспе и сыпному тифу. Жестокий отбор в смысле сокращения размножаемости ведется лишь по отношению к некоторым психическим свойствам: половой страстности и некоторого легкомыслия, с одной стороны (в случае заражения при половых сношениях), и малой интеллигентности (при внеполовом заражении, столь частом в русских деревнях, которое является скорее результатом некультурности, чем врожденного недостатка интеллигентности) — с другой. При таких условиях вряд ли можно признать, что отбор на почве распространения венерических болезней ведет к «выживанию наиболее приспособленных». Его можно было бы сравнить скорее с опустошениями в результате какой-нибудь катастрофы вроде последнего японского землетрясения, если бы оно не имело известного отборного значения для различных групп внутри расы: в Германии, напр., путем венерических заболеваний совершается интенсивный отбор в ущерб городскому населению в пользу сельского; притом же всего сильнее от этого отбора страдают те группы населения, у которых заключение брака откладывается на самый поздний период.

4. Своеобразно также отношение к отбору алкоголизма. По Власаку, в Швейцарии пьянство явилось существенной причиной смерти в 9,7% всех смертных случаев у мужчин за 1912 год. В Англии по отчету

1917 года смертность пивоваров оказалась равной 139% смертности всего населения, а трактирщиков — даже 180%; что причиной высокой смертности этих двух групп населения является именно злоупотребление спиртными напитками, показывает, что смертность непосредственно от алкоголизма здесь особенно высока (279% и 670%, если соответствующие цифры для всего английского населения принять за 100%).

Ранний детский алкоголизм, встречающийся преимущественно у психопатических субъектов, ведет к вымиранию и устранению таких «неприспособленных», Если же злоупотреблению спиртными напитками поддаются люди, вообще говоря, физически нормальные, то им можно приписать из врожденных недостатков лишь некоторую слабохарактерность. Впрочем, в противоположность «конституциональным» алкоголикам, погибающим обычно в раннем возрасте, субъекты, приобретающие алкоголизм под влиянием слабохарактерности и внешних условий, обычно успевают обзавестись семьей; существуют даже данные, показывающие, что размножаемость привычных алкоголиков выше, чем трезвых людей: по Пирсону среднее число детей в семьях алкоголиков — 4,6; умеренно-пьющих — 3,4 и трезвенников — 2,7.

Подобно алкоголизму многие тяжелые болезни, уносящие большой процент населения, имеют лишь ограниченное отборное значение, так как проявляются в позднем возрасте. Сюда относится прежде всего карцинома, поражающая главным образом субъектов с законченным периодом размножения. Не подлежит сомнению, что рак развивается, по крайней мере, преимущественно на определенной конституциональной почве, но эта конституция лишь в слабой степени устраняется естественным отбором.

Очень многие заболевания такого же наследственного происхождения, а равно и наследственные недостатки и уродства, в первобытном обществе беспощадно устранявшиеся естественным подбором, с развитием культуры перестали иметь значение для отбора. В результате этого так широко распространилась, напр., наследственная близорукость, кариозность зубов и т. п. Но и более крупные, явно гибельные уродства по мере рост государственной благотворительности уже не устраняются отбором, и пораженные ими субъекты тщательно опекаются и доводятся до зрелого возраста и способности основывать семьи. Таким образом современные государства считают культурным долгом затрачивать большие средства на поддержание в населении возможно большего количества генов наследственных глухонемоты и слепоты, слабоумия, различных психических заболеваний. За последнее время у нас, в России, стали даже особенно модными заботы о дефективных детях, которые с помощь усовершенствованных и дорогих приемов вос-

питываются и обучаются, чтобы стать более или менее полноправными гражданами, самостоятельно зарабатывающими хлеб и способными передать свои наследственные дефекты следующему поколению.

Весьма сложно отношение к отбору войны. Мы знаем, что последняя мировая война унесла свыше 35.000.000 человеческих жизней (включая недород нового поколения). Само по себе уменьшение количества населения в густо заселенных странах не имеет существенного значения, если им задеты все группы и все конституционные типы населения. Так, по-видимому, лишено отборного значения последнее японское землетрясение, если только не окажется, что пострадавшие местности были заселены особыми расовыми группами, и постольку, поскольку на дальнейшей размножаемости не скажется перенесенное экономическое потрясение. Но война не является таким стихийным поголовным уничтожением населения, а несомненно содержит элементы отбора. Однако прошли те времена, когда первобытные племена, побеждавшие врага, уничтожали его биологически. Теперь народы-победители биологически теряют при своей победе, пожалуй, даже более чем, побежденные; пример — Франция, которая на войне потеряла больше, чем все остальные народы и вследствие слабой размножаемости населения не может рассчитывать на то, что ее потери будут возмещены. Притом же вряд ли кто станет утверждать, что биологически французская нация совершеннее немецкой или наоборот. И не биологическое превосходство решает судьбу современной войны. В те еще недавние времена, когда войны велись постоянными войсками, а мирное население оставалось мало причастным к войне. Массовая гибель воинов с обеих сторон вела к ослаблению врожденных воинственных наклонностей в ближайших поколениях обоих воевавших народов. Но теперь и это положение изменилось, и при всеобщей воинской повинности на фронт посылаются наиболее здоровые, наиболее сильные физически элементы из всех слоев мужского населения и гибнут здесь в большем или меньшем количестве на поле сражения или от инфекционных болезней. Если и в тылу, где остались забракованные мужские производители, в результате войны развиваются болезни и голод, то нарушенное равновесие между более сильными и более слабыми мужскими производителями может несколько восстановиться, и биологический итог войны сведется лишь к уменьшению количественного состава мужской половины населения и к большей брачной браковке оставшейся неизменной женской половины. Но в западноевропейских странах-победительницах за последнюю войну эпидемий и голода не было, так что изменение качественного состава мужского населения там сказалось особенно резко, что должно неизбежно отразиться на следующем поколении. Кроме того, командный

состав на войне страдает значительно больше, и, как бы мы ни оценивали наследственные особенности командного состава в сравнении с общей массой посылаемых на фронт, мы должны сделать вывод, что наследственные особенности командного состава в ближайшем после войны поколении будут распространены значительно слабее. Конечно, и экономические последствия войны могут весьма резко сказаться на размножаемости нации-победительницы и нации-побежденной, так что биологические итоги войны выводятся из уравнения с очень многими неизвестными, а потому заранее учтены быть не могут. Одно несомненно, что нации, не участвовавшие или почти не участвовавшие в войне, извлекли из нее наибольшие биологические преимущества.

Мы рассмотрели ряд главных факторов естественного отбора в современном культурном человечестве. Этот общий очерк можно было бы, конечно, значительно углубить и расширить, но это вряд ли изменило бы общий вывод. Естественный отбор и теперь еще выполняет в человечестве ту же роль устранения неприспособленных, какую он играл в эволюции всего человеческого мира. Культурное человечество во многих случаях пытается вмешаться в работу естественного отбора и если не прекратить его, то во всяком случае ослабить. Пока из этих попыток выходят лишь случайные результаты, так как борьба с естественным отбором ведется совершенно неразумно, исключительно из сентиментальных побуждений, и интересы будущих поколений, законы расовой биологии вовсе не принимаются в расчет.

Такую нелогичность, сентиментальность и пренебрежение научными достижениями расовой биологии неомальтузианцы возводят в систему. Их проповедь упала на благоприятную психологическую почву, и результаты этой проповеди в форме «неестественного», или как, может быть, правильнее выразиться, «противоестественного», отбора уже налицо. Этот «противоестественный» отбор во многих культурных странах принял грандиозные размеры, перед которыми совершенно бледнеют размеры естественного отбора в современном обществе. Правда, за размеры противоестественного отбора мальтузианцы не ответственны, потому что он в значительной степени является результатом культуры, происходил и в прежние периоды расцвета культуры, задолго до Мальтуса, и привел к гибели уже много культурных рас. Вина мальтузианцев лишь в том, что они пытаются дать этому противоестественному подбору quasi-научное обоснование.

Выше я указал те четыре условия, при которых мальтузианские идеи могут теоретически привести к полному устранению отбора, и назвал эти условия невыполнимыми и утопичными. И так как эти условия, конечно, не выполняются, то в результате и происходит острый, хотя и бескровный противоестественный отбор.

Прежде всего совершенно ясно, что неомальтузианская проповедь воспринимается не сразу всем населением, а только определенным слоем населения. Из приведенных выше цифр ясно, что на алкоголиков эта проповедь не действует. Допустим, что все население какой-либо страны распадается на две равных группы: А — алкоголиков и В — трезвенников. Мальтузианская проповедь доходит только к последним, а потому в их семьях рождается только 2,5 детей, в то время как невоздержанные алкоголики дают семьи в 5 детей (я лишь слегка изменяю для упрощения точные цифры Пирсона: 2,7 и 4,6). Допустим далее, что смена поколений происходит три раза в течение столетия, т. е. каждый субъект вступает в брак 33 лет. В результате через 100 лет в данной стране потомство алкоголиков окажется в 8 раз многочисленнее, чем потомство трезвенников, а через 300 лет потомки трезвенников будут составлять лишь 1/513 часть всего населения.

Допустим даже, что уклонение от нормального деторождения примет самую умеренную форму позднего брака, ту форму, которую оно принимает обыкновенно без всякой мальтузианской проповеди под влиянием лишь «экономических» соображений. Пусть из двух первоначально равных групп в данной стране (напр., крестьянство и горожане) в первой группе брак заключается в 25 лет и дает 4 детей, а во второй — брак откладывается до 33 лет и дает 3 детей. В этом случае спустя сто лет потомство горожан составит около 17,5% всего населения, а спустя 300 лет — лишь 0,9%. Если же мы сделаем дальнейшее, весьма вероятное предположение, что благодаря позднему браку значительная часть нашей городской группы заражается венерическими заболеваниями и остается уже против воли бездетной, то тот же результат — почти полное уничтожение городской группы — получится не через 300 лет, а гораздо ранее. Грубер очень картинно иллюстрирует результаты такого различия между размножаемостью городского и сельского населения: если бы немецкие деревни, говорит он, были заселены в настоящий момент чернокожим населением, а города — исключительно белыми, то через сотню лет и города были бы заселены одними чернокожими.

В большинстве стран со здоровым и еще не утратившим сколько-нибудь нормальную размножаемость земледельческим населением происходит непрерывное выкачивание наследственно одаренных элементов населения. Наиболее энергичные элементы крестьянства уходят в город, переходя в группы фабричных рабочих, размножаемость которых уже понижена. Среди них выделяются более способные квалифицированные рабочие, и этот переход уже резко уменьшается размножаемость. При дальнейшем подъеме по социальной лестнице размножаемость все более и более падает.

Конечно, можно отрицать расовую ценность тех или иных групп интеллигенции, и, вероятно, у нас, в России, многие, оценивающие низко достоинства русской интеллигенции, не пожалеют о том, что она вырождается в прямом смысле этого слова, и выразят уверенность, что на смену ее придет новая интеллигенция, более высокого достоинства, чем прежняя. Но ведь и эта новая интеллигенция, если не произойдет перелома в брачной психологии или если в этот процесс не вмешается государство, также не будет размножаться интенсивно и не предаст своих способностей следующим поколениям. Те явления, которые замечаются среди современных комсомольцев и которые отмечены в половой анкете Свердловского университета, не позволяют рассчитывать на то, чтобы здесь размножаемость дала сколько-нибудь значительную цифру. И если бы подсчитать среднее число детей, приходящихся на каждого члена Росс. Коммунистической Партии, то, вероятно, цифра эта далеко не достигала бы той, которую Грубер выводит для групп населения, сохраняющих свою численность среди массы населения.

Что сказали бы мы о коннозаводчике или скотоводе, который из года в год кастрирует своих наиболее ценных производителей, не допуская их до размножения? А в человеческом культурном обществе происходит на наших глазах приблизительно то же самое!

Ленц делает попытку определить более детально причины наблюдаемого недорода в Германском населении и учесть количественно значение каждого из этих причинных факторов. Он исходит из того, принятого нами выше предположения, что каждая женщина, физически здоровая, может родить в течение 30 лет зрелого возраста (между 15 и 45 годами) 20 детей, и строить свои расчеты на 16 миллионов немецких женщин, находящихся в зрелом возрасте.

	Число рождений на каждую женщину	Миллионов рождения в год на всю Германию
Наибольшее физически возможное число рождений	ок. 20	ок. 11
Действительное число рождений	ок. 3	ок. 1,6
Недород, взятый в целом	ок. 17	ок. 9
Недород благодаря безбрачию	4	2
позднему возрасту вступления в брак	5	3
венерическим болезням	1,5-2,5	1
другим непреднамеренным причинам	1,5-2,5	1
противозачаточным средствам и абортам	3,5-4,5	2-2,5

Мальтузианцы могут быть удовлетворены: 2-2,5 миллиона неродившихся младенцев в год являются бесспорными результатами их пропаганды, их бескровными жертвами. Две первые графы — недород вследствие полного безбрачия или поздних браков, в общей сложности 5 миллионов в год, - если и не являются всецело прямыми результатами пропаганды, то горячо приветствуются неомальтузианцами. Один миллион недорода благодаря венерическим заболеваниям, конечно, неприятное осложнение столь удачно разрешенной задачи; но и с ним мальтузианцы должны примириться, так как венерические заболевания неизбежный спутник безбрачия и позднего брака. И только один миллион неродившихся благодаря иным причинам — вследствие тех или иных заболеваний и конституциональных недостатков родителей — может быть отнесен на счет естественного подбора, тогда как остальные 8 миллионов, или 88% объясняются «противоестественным» отбором, вызываемым сознательным или бессознательным мальтузианством. В число неродившихся детей включаются в первую очередь носители генов «культурности»; в них исчезает потомство всех тех, кто выделяется из общей массы населения развитием интеллекта, предусмотрительности, осторожности, уменьем управлять своими физическими влечениями.

Таким образом культура сама истребляет те именно биологические особенности расы, которые она считает наиболее ценными для своего собственного развития. Именно это самоуничтожение, а вовсе не какие-то таинственные признаки естественной старости и смерти рас и народов, являлось неизменной причиной гибели всех старых культур. Даже примитивные расы, гибнущие, обычно, при столкновении с расами более культурными, гибнут не только от алкоголизма, инфекционных болезней и пр., сколько от разрушения привычной семьи и вовлечение женщин к случайным бракам с пришельцами, сопровождающимся гибелью внеплеменных детей, переходу к многомужеству и проституции. Относительно античной культуры может считаться окончательно установленным, что и Греция, и Рим явились жертвами, главным образом, сознательного сокращения размножаемости среди тех рас и тех групп населения, которые вели руководящую роль в создании культуры. Греция обезлюдела в период между 600 и 200 гг. до Р. Х. В 200 г. вся Греция не могла уже выставить каких-нибудь трех тысяч воинов-гоплитов, между тем, как в битве при Платее одна Мегара была в состоянии выставить их в таком количестве. Во время войн с персами Спарта выставляла 8.000 воинов, после сражения при Левктре — 2.000, тогда как в 371 г. спартиатов-воинов осталось лишь 1.500, и хотя в ряды спартанских граждан были допущены илоты, все же во времена Аристотеля их осталось лишь 1.000 человек, а в 244 — только 700. В начале второй

пунической войны Италия насчитывала 270.000 способных носить оружие граждан, а во времена Августа трудно было собрать и 45.000. В последующие совершенно мирные годы население Италии все более и более сокращалось, и это сокращение нельзя, конечно, приписать войнам. Сеэк утверждает, что наряду с политическими неурядицами, преследованиями и казнями свободолюбивых граждан, главной причиной такого сокращения населения явилось нежелание иметь детей среди греческих и римских женщин, наиболее культурных, и распространение абортов, противозачаточных средств и гетеризма. Противоестественный подбор привел прежде всего к исчезновению наиболее ценных, наиболее способных элементов — творцов и носителей античной культуры. Нежелание греческих и римских женщин иметь детей находит себе параллель в таком же отношении к браку и деторождению большинства девушек, заканчивающих высшую школу в различных странах. Так, в одном из американских университетов незадолго перед войной были подсчитаны данные о судьбе 2.827 студенток: из окончивших до 1899-го года 58% остались незамужними, а из вышедших замуж 39% остались бездетными. На каждую бывшую студентку пришлось в среднем 0,5 ребенка; для другой высшей школы эта средняя оказалась еще ниже — 0,37 ребенка на бывшую студентку.

Для характеристики интенсивности противоестественного отбора интересно вымирание в некоторых странах такой культурной расы, как евреи. В Германии евреи принадлежат исключительно к городскому населению и притом к более зажиточным слоям его. Это доказывается тем, что в Берлине, где в 1910 году евреи составляли не более 5% всего населения, на их долю пришлось свыше 30% всех уплаченных населением подходных налогов. В Бадене в 1908 году евреи составляли 1,3% всего населения и платили 8,4% всего поимущественного и 9,0% всего подоходного налога. Также особенно значительно участие евреев в составе высшей интеллигенции. В 1907 г., когда евреи составляли 1% всего немецкого населения, среди врачей было 6% евреев, среди адвокатов 15%, среди университетских профессоров около 14%, а на медицинском факультете даже 16,8%. При таких условиях понятно, что неомальтузианское движение охватило немецких евреев особенно сильно, и сокращение деторождения сказалось у них всего ранее. Ленц сообщает следующие данные о количестве детей на каждый барк по двум главным областям Германии:

Ленц считает, что цифры для 1920 года преувеличено высоки, так как на этот год пришлась послевоенная «эпидемия браков»; притом же число эмигрантов-евреев, преимущественно малокультурных и многосемейных, было после войны особенно высоко, и, значит, на коренную

семью немецких евреев в 1920 году приходилось менее одного ребенка. И все же размножаемость евреев в Богемии и Моравии по Галассо еще ниже; здесь она еще до войны (1913 г.) спустилась до 12,9 в год на тысячу способных к деторождению женщин! Грубер считает эту цифру самой низкой цифрой рождаемости в какой бы то ни было расе.

Если мы вспомним, что по Груберу для сохранения равновесия в данной группе населения требуется не менее 3,75 рождений на каждый брак, то станет ясным, что евреи в Германии, представляющие особенно культурную и особенно зажиточную группу, обречены на вымирание в течение немногих поколений.

И такая же судьба стоит перед всякой другой обособленной группой населения, которая по своему культурному уровню легко доступна для мальтузианской пропаганды. Ни один народ, ни одно государство, ни одно правительство не должны забывать об этой опасности. Нельзя безнаказанно вычерпывать наиболее культурные наследственные задатки из населения. Природа не признает ничего противоестественного и на противоестественный отбор реагирует вырождением культивирующего его народа. Так погибли многие культуры, так может погибнуть и наша. Но эта гибель будет отнюдь не «естественной смертью» расы или «Западной Фаустовской культуры», как предпочитает выражаться Шпенглер, а прямым самоубийством.

В некоторых странах этот самоубийственный процесс продвинулся особенно далеко. Так для Франции особенно опасно не то, что здесь совсем или почти совсем приостановился прирост населения, и даже не то, что наиболее культурные слои населения перестали размножаться. Опасно то, что сократился прирост крестьянского населения, которое в других странах служит резервуаром, пополняющим вымирающее население городов; притом же наиболее предприимчивые генотипы из этой крестьянской массы в течение последнего столетия после великой революции мало-помалу уже перебрались в город. В этом отношении положение нашей страны гораздо лучше. Наш земледельческий класс еще продолжает интенсивно размножаться, и сравнительно слабая селекция среди него со времени «освобождения крестьян» еще далеко не успела выкачать из него ценные генотипы в города. Но переживаемый нами революционный период, вероятно, значительно ускорит оба эти процесса.

Процесс вырождения культурных народов может быть приостановлен, если размеры угрожающе опасности будут своевременно осознаны широкими слоями населения и если на эту опасность будет обращено должное внимание в общей социально-экономической государственной политике. Политические деятели и политические партии должны проникнуться тем убеждением, что если они желают строить прочно, а не

только для одного или двух ближайших поколений, то они должны заботиться о том, чтобы и в последующих поколениях те генотипные элементы, которые им представляются наиболее ценными, были представлены достаточно полно. Соответствующая расценка групп населения может быть произведена только политическими партиями и государственной властью. Наука может лишь в одном отношении оказать здесь содействие; а именно она может в той мере, как это вообще возможно при современном соотношении наших знаний — разъяснять, поскольку те или иные высоко оцениваемые государством свойства и способности тех или иных групп населения являются врожденными, наследственными, и поскольку они являются результатом только воспитания и внешних условий, а потому и не имеют действительной генетической ценности.

Если государственная власть расценит таким образом наследственные качества тех или иных групп населения, то она, конечно, может определенными мероприятиями поставить ценные группы населения в условия, благоприятные для повышенной размножаемости. Надо только помнить, что одним улучшением материального благосостояния данной группы, нельзя добиться вполне благоприятных результатов. Необходимо, чтобы улучшение благосостояния связывалось с наличностью определенного числа детей. Характер таких мероприятий уже намечен руководителями евгенического движения в различных странах. Но успех их зависит в значительной степени от того, насколько избранные группы населения сами проникнутся сознанием своего долга перед будущими поколениями и не поддадутся искушениям мальтузианства. При наличности сознательного отношения к своему долгу со стороны наиболее ценных групп населения распространение облегчающего жизнь мальтузианства среди менее ценных групп населения не должно встречать препятствий. Известное значение может иметь также и сегрегация или стерилизация резко дефективных элементов населения; но к этой мере еще долгое время придется относиться с большой осторожностью.

Более подробное изложение евгенической политики не входит в задачи настоящей статьи. Я хотел здесь только показать, что для сохранения Homo sapiens необходим определенный отбор. Естественный отбор, игравший руководящую роль в эволюции всего органического мира и у первобытного человека, под влиянием культуры ослабляется и даже извращается противоестественным отбором. Настало время, пока еще не поздно, заменить его разработанной сознательно по определенному плану системой искусственного евгенического отбора. Впервые в истории человечества культура достигнет своего расцвета при наличии определенных знаний относительно громадного значения отбора. Неужели оно не сумеет воспользоваться этими знаниями?!

Н. К. КОЛЬЦОВ

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПСИХИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

Речь на годичном заседании «Русского Евгенического Общества» в январе 1923 года

Глава I

Введение

Одной из самых важных очередных проблем евгеники является изучение психических особенностей человека. Когда-нибудь мы, вероятно, будем в состоянии разложить психические особенности на отдельные наследственные элементы — гены — и для каждого человека определять более или менее точную и более и менее полную генетическую формулу его психики. Для евгеники такие генетические формулы будут иметь, конечно, гораздо большее значение, чем те формулы, к составлению которых наука стоит теперь всего ближе. Хотя теперь мы еще не в состоянии написать генетической формулы даже для пигментации волос, глаз и кожи человека, но для млекопитающих животных мы далеко продвинулись вперед в генетическом анализе этого признака, и уже в настоящее время мы можем многое распространить и на человека.

Но даже в том случае если бы окраска волос человека нам была настолько же ясна, как окраска шерсти морской свинки, все же при определении евгенической конституции человека она почти не играла бы никакой роли, так как на основании всего, что мы знаем до сих пор о сцеплении между пигментацией и евгенически ценными или вредными признаками, вряд ли можно придавать очень большое значение наследственным особенностям пигментации. Совершенно иначе обстоит дело с наследственными особенностями психики: здесь каждый элемент может подлежать евгенической оценке с той или иной точки зрения.

Что касается изучения наследственных особенностей психики у человека, то до сих пор мы знаем еще очень мало. Только по отноше-

нию к резким формам психических заболеваний и аномалий имеются попытки написать генетические формулы: шизофрении маниако-депрессивной паратимии, эпилепсии и т. д. Но для евгеники особый интерес представляли бы не столько эти резкие и довольно редкие аномалии, сколько легкие уклонения от нормы (психопатии) и такие психические особенности, которые вполне укладываются в норму здорового человека, являясь лишь расовыми особенностями и отличиями людей, стоящих на разном уровне психических способностей. Именно выработке плана генетического анализа этих не выходящих за пределы «физиологического здоровья» психических особенностей и посвящено дальнейшее изложение.

Когда биологу приходится говорить о психике, он должен предварительно ясно определить свое отношение к вопросу о взаимной связи между явлениями физическими и психическими. Как натуралист он не может, конечно, отрицать реальность явлений психических, которые являются первым и наиболее близким для нас содержанием нашего сознания. Если биолог желает воздержаться от каких бы то ни было метафизических построений, то он обязан строго придерживаться «эмпирического параллелизма» и допускать наличность непрерывной цепи объективных физических явлений, известному участку которой соответствуют явления, субъективно воспринимаемые нами как психические. Задача современного натуралиста ограничивается тем, чтобы установить причинную связь между всеми явлениями физической параллели.

Конечно, каждый биолог стремится к тому, чтобы совершенно обособить область своего объективного исследования от субъективной психологии и воздерживаться при этом даже от всяких психологических терминов. К сожалению, при настоящем состоянии наших знаний, это нам еще не удается. Я утверждаю это совершенно определенно, хотя и приветствую все попытки в этом направлении, в особенности учение И. П. Павлова, заменяющегося объективную психологию — физиологией головного мозга. Прежде всего, мне кажется еще совершенно не установленным, чтобы те процессы, которые мы с субъективной точки зрения называем психическими явлениями, объективно протекали исключительно в нервной системе. Нет ли в этом широко распространенном в настоящее время учении некоторой доли того же увлечения, с которым древние философы объявляли седалищем души печень, сердце и т. п.?

С объективной точки зрения те процессы, которые у нас сопровождаются психическими явлениями, относятся к области регуляции «поведения» организмов, как американские исследователи и определяют предмет биологической психологии. При широком толковании этого термина сюда должен быть отнесен весь тот аппарат, при помощи которого

деятельность всего организма и всех частей его вплоть до отдельных клеток регулируется в связи с изменениями как во внешней среде так и внутри отдельных частей и клеток самого организма. У человека и высших животных имеются две различных регуляторных системы. Во-первых, нервная система, наиболее существенной частью которой являются твердые фибрилли, которые связывают между собою воспринимающие раздражение и отвечающие на него элементы непрерывною связью. Сложная сеть этих фибриллей и является основой рефлексов — безусловных, когда непрерывная рефлекторная дуга является видовым генотипным признаком, и условных, когда части рефлекторной дуги образуются в течение жизни — в виде вставок, соединяющих ранее существовавшие фибрилли. Высокая специфичность рефлексов достигается структурой фибриллярной нервной сети, в то время как самые физико-химические процессы возникновения нервного раздражения и передачи его вдоль по фибрилли, по всей вероятности, довольно однородны и сводятся к возникновению и диффузии простых ионов (П. Лазарев).

Другая регуляторная система, действующая независимо от нервов, - гормональная. От клеток организма — в особенности от эндокринных желез — выделяются в кровь специфические вещества, которые переносятся кровью и вызывают соответствующие физико-химические изменения в различных частях организма. Здесь специфичность регуляторных процессов гораздо более ограничена, чем в нервной системе, и менее определенно связана с детальными изменениями во внешней и внутренней среде: притом специфичность эта не структурная, а химическая. В регуляторной деятельности организма гормональный аппарат играет не менее важную роль, чем нервный, он отличается и большею древностью, так как у низших животных, не обладающих еще нервной системой, является единственным регулятором раздражимости.

Субъективная психология различает три группы психических явлений: познавательные процессы (разум), эмоции (аффекты) и влечения (воля). Вряд ли можно сомневаться в том, что физической подкладкой познавательных процессов является рефлекторная деятельность, и, конечно, И. П. Павлов прав, когда как биолог стремится заменить психологию познания «настоящей» физиологией нервной системы. Эта связь доказывается высокой специфичностью и локализованностью познавательных процессов. Само собою разумеется, что не все нервные процессы проявляются в сознании, но в настоящее время и субъективная психология принимает, что наряду с сознательными психическими явлениями существует огромная область подсознательного, в которую (с объективной стороны) укладываются все нервные рефлекторные процессы.

Но физиология нервной системы до сих пор не могла сколько-нибудь

точно указать физическую основу двух других областей психических явлений: эмоций и влечений. Я полагаю, что объективную основу этих субъективных явлений мы и должны искать не в нервно-фибриллярной системе, а в химическом гормональном аппарате. За такую связь говорит, в особенности, сравнительно незначительная специфичность эмоций и влечений, по-видимому, существенно однородных у высших животных, а также отсутствие для них ясной субъективной локализации.

Поскольку эти соображения справедливы, было бы весьма желательно поставить на очередь вопрос о создании «настоящей» гормональной физиологии влечений и эмоций, но, конечно, для этого у нас пока еще не хватает фактического материала, как не хватает его, по-моему, в настоящее время и для того, чтобы высшие познавательные способности человека со всеми их тонкими отличиями выразить на языке нервной физиологии. И. П. Павлов сообщает, что с целью укрепления среди работающих в его лаборатории физиологов убеждения в том, что психические явления можно и должно исследовать с физиологическими методами, в его лаборатории было введено гонение на употребление психологических терминов: психология, мысль, память, желание, эмоция... Это, конечно, прекрасный педагогический прием, но не более; и то, что допустимо в лаборатории во время работы, конечно, не может быть проведено в жизни вообще. И, когда И. П. Павлов в художественно красивом и сильном предисловии к последнему сборнику своих речей пишет о «напряжении и радости при открытии» и о «гениальном взмахе Сеченовской мысли», то он не колеблясь нарушает временные правила своей лаборатории. Возможно, что, когда-нибудь, мы установим точно, какие именно химические вещества выделяются в кровь во время эмоции «радости при открытии» и по каким фибриллярным структурам мозга протекала «Сеченовская мысль»; но, вероятно, и тогда мы не заменим в обиходе краткой психологической терминологии химическими формулами и нейрографическими картами проводящих путей. По самому существу науки, вечно недовольной, вечно ищущей и открывающей, она никогда не будет в состоянии вытеснить простой и богатой эмпирической терминологии нашего языка; наука должна удовольствоваться задачей уметь анализировать эти термины и приблизительно переводить их на язык химических формул и нейрографических карт.

Поэтому, в дальнейшем изложении мне придется употреблять смешанную терминологию и часто пользоваться обозначениями, взятыми из субъективной психологии. Для того, кто прочно усвоил резкое разграничение двух параллельных областей явлений — психических и физических, такое вынужденное смешение терминов не может явиться источником каких бы то ни было недоразумений.

ГЛАВА II

ХИМИКО-ПСИХИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

1. Темперамент

Физиологические явления химической регуляции деятельности организмов объединяются психологическим термином: «темперамент». Непосредственные наблюдения показывают, что различные люди обладают разными темпераментами, но вариации темпераментов не беспредельны, а ограничены некоторым числом определенных типов. Мы можем утверждать, что существуют наследственные темпераменты, свойственные всем или многим членам одной и той же семьи; существуют попытки доказать, что в смешанных родах существует расщепление темпераментов по менделевским законам; наконец, говорят о «расовом» темпераменте, который характеризует целую расу, подобно цвету кожи, глаз и волос и др. физическим признакам. Наряду с «нормальными» темпераментами, которые при всем их различии между собою сходны в том отношении, что не нарушают резко жизнеспособности человека, существуют и явно «патологические» темпераменты, аналогичные физическим уродствам. Нас здесь интересуют не уродства, а именно те вариации темпераментов, которые лежат в пределах нормы.

Сколько-нибудь разработанной классификации темпераментов, которой мы могли бы воспользоваться для генетического анализа, до сих пор не существуют. Старинное разделение на 4 темперамента: холерический, сангвинический, флегматический и меланхолический, вряд ли выдерживает критику — оно слишком упрощено и слишком оторвано от физиологии. В лучшем случае это — обозначения крупных групп вариаций, целый конституций, а потому вряд ли может считаться удачной попытка Дэвенпорта, который свел эти четыре темперамента к комбинациям двух различных генов и стремился показать как эти гены расщепляются при скрещивании по законам Менделя. Вряд ли также можно ожидать разъяснения генетического анализа темперамента, если идти по пути, намеченному Кречмером, который исходит из резко патологических темпераментов; ведь в области морфологических особенностей нам всего более дает изучение мелких, но ясно обособленных вариаций, входящих в состав «нормального», т. е. жизнеспособного типа.

Два основных типа можем мы различить среди различных темпераментов: тип быстрых и тип замедленных психических реакций. Среди четырех классических темпераментов два (холерики и санг-

виники) принадлежат к первому из этих типов и два (флегматики и меланхолики) – ко второму. Возможно, что по скорости психических реакций придется установить не два, а четыре типа, составляющих ряд с убывающей скоростью реакций – начиная с холериков и кончая меланхоликами; возможно, что градаций здесь и большее количество. Одной из главных задач генетического анализа темперамента является установление этих типов. Но для разрешения этой задачи необходимо найти количественные признаки для установления скорости психических реакций, конечно, с их физической стороны. Здесь можно было бы остановиться прежде всего на определении скорости тех или иных рефлекторных реакций и выбрать из них те, которые легче поддаются быстрому и точному определению у большого числа индивидуумов. Весьма вероятно, однако, что скорость психических реакций находится в самой тесной зависимости от скорости основных физиологических реакций организма и есть лишь частное отражение общего тонуса обмена веществ. Физиологи определяют тонус обмена веществ достаточно точно дыхательным коэффициентом, и было бы в высшей степени заманчивой научно-исследовательской задачей попытаться установить корреляцию между дыхательным коэффициентом, скоростью тех или иных рефлекторных реакций и темпераментом. Действительно ли люди, определенно флегматического типа, отличаются малыми скоростями рефлекторных реакций и низким дыхательным коэффициентом, а холерики и сангвиники дают более высокие цифры для скоростей тех ли иных функций обмена веществ? Если бы таким образом удалось связать скорость психических реакций со скоростью дыхательного коэффициента, то мы могли бы для большого количества индивидуумов определить дыхательный коэффициент и, построив вариационную кривую, по числу вершин ее выделить основные генетические типы и для каждого из них определить пределы фенотипных колебаний. Только после такой предварительной работы можно было бы приступить к семейному обследованию, чтобы выяснить, как в результате скрещиваний между различными типами распределяются те или иные дыхательные коэффициенты в потомстве, и установить генетическую формулу для этих основных особенностей темперамента.

Мы знаем, что тонус обмена веществ в значительной степени определяется работой тех или иных желез внутренней секреции.

Одно из первых мест здесь занимает щитовидная железа. Установлено, что при повышении ее функции или при введении в организм тироидиновых препаратов скорость обмена веществ повышается, и особенно высокой цифры достигает при гипертироидизме; а при пониженной функции щитовидной железы и после удаления ее у животных

обмен веществ замедляется, в патологических случаях гипотироидизма (при миксодеме) обмен веществ особенно низок. Люди, страдающие базедовой болезнью в ее вполне или частично развитой форме при высоком тонусе обмена веществ, отличаются особенно ускоренными реакциями — гиперхолерическими, или, точнее, благодаря одновременно повышенной возбудимости и утомляемости, гиперсангвиническим темпераментом; миксодематики, кретины характеризуются, наоборот, крайне замедленными реакциями, и их темперамент может быть назван гиперфлегматическим. Но кроме этих резких типов патологической тироидной конституции, которые, без сомнения, являются наследственными, наблюдаются и промежуточные формы гипер и гипотироидизм, которые оказываются вполне жизнеспособными, а стало быть «нормальными». Весьма вероятно, что эти промежуточные «нормальные» типы также отражаются более или менее ясно на темпераменте и должны войти в характеристику тех или иных нормальных наследственных конституций человека. Когда мы найдем точные методы для определения содержания в крови тироидина, может быть предпринято массовое обследование людей по этому признаку, построение вариационной кривой, выделение обособленных типов тироидиновой конституции, установление путем семейных обследований генотипной формулы тироидизма. Тогда нам удастся выяснить путем изучения корреляции, в какой мере основное свойство темперамента — скорость реакций — может быть охарактеризовано признаками тироидиновой конституции. Не следует забывать, что на тонус обмена веществ, кроме щитовидной железы, влияют посредственно или непосредственно и другие железы внутренней секреции, а потому зависимость между тироидизмом и темпераментом может оказаться и более сложной.

Но скорость реакций, конечно, является хотя и основным, но не единственным признаком, определяющим темперамент. Другим признаком темперамента является более или менее резкая возбудимостью, т. е. большая или меньшая высота нижнего уровня возбуждения. Отличие холерического темперамента от сангвинического заключается прежде всего в том, что сангвиники гораздо легче возбуждаются; по-видимому, той же особенностью — чрезмерной чувствительностью — отличаются меланхолические темпераменты по сравнению с флегматиками. В некоторых случаях повышенной возбудимостью отличается вся нервная система одновременно, или же преимущественно симпатическая система (симпатикотония), или система блуждающего нерва (ваготония), или иные отделы систем головного и спинного мозга.

Вряд ли можно сомневаться, что во всех этих случаях причиной повышенной (соотв. ослабленной) возбудимости является тот или иной

химический состав крови. В некоторых случаях мы можем указать определенно на связь между уровнем возбудимости и состоянием тех или иных желез внутренней секреции. Так, напр., может считаться установленным повышение возбудимости при гипофункции околощитовидных желез (эпителиальных телец): при оперативном удалении их у животных получается резкое повышение возбудимости, выражающееся в судорогах и влекущее за собой смерть иногда через несколько часов. В последнем случае мы можем определенно говорить об отравлении организма; согласно гипотезе Патона, причиной повышения возбудимости является в этом случае накопление в крови метил-гуанидина, который под влиянием гормонов околощитовидной железы превращается в безвредный креатин. Люди, отличающиеся конституционной гипофункцией эпителиальных телец, должны обнаруживать повышенную возбудимость. Если бы были разработаны методы микрохимического анализа метил-гуанидина в крови, то мы могли бы точно определять этого рода возбудимость у разных людей, установить групповые типы и изучить наследственность метил-гуанидиновой возбудимости. Но, по-видимому, это только одна из причин повышения возбудимости, которая можем иметь место также в результате гиперфункции и других желез внутренней секреции: щитовидной (у базедовиков), половой, надпочечников, при чем некоторые из инкретов этих желез действуют, по-видимому, избирательно на те или иные отделы нервной системы. При таком многообразии причин повышения возбудимости анализ непосредственных определений возбудимости у отдельных особей и семейств дал бы нам, вероятно, такую картину, из которой нам трудно было бы сделать определенные выводы относительно генетики темперамента.

Третье основное свойство темперамента — большая или меньшая утомляемость. Совершенно ясно, что эта величина, которая может быть непосредственно определена психологическими измерениями, у разных людей различна. Сангвиники отличаются от холериков не только повышенной возбудимостью, но и более быстрой утомляемостью: они переходят от одного возбуждения к другому. Причина утомляемости также, конечно, химическая: накопление продуктов распада при деятельности нервов, которые не успевают вымываться кровью. В зависимости от того, насколько быстро вещества, вызывающие утомление, разрушаются и обезвреживаются, в крови наступает рано или поздно восстановление возбудимости. Восстановляемость является четвертым основным свойством темперамента и, конечно, она различна у разных людей. Весьма вероятно, что здесь играют роль те или иные энцимы крови. По отношению к одному из этих энцимов — каталазе — работами, производимыми в моем институте, можно считать установленным для

морских свинок и кур и весьма вероятным также и по отношению к человеку, что здесь имеется в пределах одного вида небольшое число определенных наследственных типов по количественному содержанию каталазы; для морских свинок установлены генетические формулы и определены законы менделистического расщепления. Конечно, у нас нет никаких данных для того, чтобы утверждать, что именно каталаза играет роль при расщеплении вызывающих утомление продуктов активной деятельности нервов, но весьма вероятно, что такие же группировки будут найдены и по отношению к некоторым другим энцимам крови. Обработав статистические данные по психической утомляемости отдельных особей и, с другой стороны, данные по количественному содержанию у них тех или иных энцимов, может быть, удастся установить некоторую корреляцию между теми или иными величинами и таким образом открыть истинную химическую причину индивидуальной утомляемости (соотв. восстановляемости) и дальнейшие генетические изыскания производить уже по отношению к этим последним цифрам.

Степень утомляемости и восстановляемости регулируется, по-видимому, деятельностью эндокринных желез. Утомляемость повышается в старческом возрасте параллельно ослаблению функции половой железы. После инъекции вытяжек семенников по Броун-Секару, в результате штейнаховской операции или пересадки молодых семенных желез утомляемость, как утверждают исследователи, понижается. Если мы примем, что постарение сопровождается также гиперфункцией тех или иных отделов надпочечников, то может быть, и этой железе придется приписать роль регулятора утомляемости и восстановляемости.

Четыре рассмотренных свойства: скорость реакций, возбудимость, утомляемость и восстановляемость, составляют, так сказать, статическую основу темперамента. Мы видели, что ей может быть приписана химическая природа. Свойственная каждому человеку химическая статика темперамента не остается, однако, неизменной в течение всей его жизни, а изменяется более или менее значительно с возрастом, по-видимому, в связи с периодическими изменениями желез внутренней секреции. По мере приближения к зрелому возрасту возбудимость, вообще говоря, понижается; с приближением старости увеличивается утомляемость и уменьшается восстановляемость. В эндокринном аппарате совершаются параллельно с возрастом существенные изменения: железы детского возраста — сначала эпифиза, а затем зобная, редуцируются и уступают в зрелом возрасте первенствующее место щитовидной и половой железам, к старости же весь эндокринный аппарат ослабляется, причем надпочечники менее быстро, чем другие железы. В регулирующей рост части гипофизы удается уловить и

более детальную периодичность. Нет оснований полагать, чтобы эта периодичность в жизни разных эндокринных желез оставалась для всех людей неизменной. Возрастные изменения темперамента наблюдаются у разных людей в разном возрасте, и можно считать более или менее прочно установленным, что ранняя зрелость и ранняя старость являются наследственными признаками, характеризующими определенные семьи наряду с другими генотипными особенностями. Всякое нарушение обычного порядка в согласованной смене возрастных изменений тех или иных эндокринных желез более или менее резко отражается в темпераменте. Именно такую причину имеют, по-видимому, психические заболевания, наблюдающиеся у членов одной и той же семьи в определенном возрасте, а также и те психические заболевания, для которых характерна волнообразная периодичность. Причину периодически меняющегося темперамента схизотомического и маниако-депрессивного следует искать в нарушении нормальной периодичности эндокринной системы, и такие нарушения могут быть также наследственными.

2. Влечения

Переходя от статики химико-психических явлений к их динамике, мы должны рассмотреть химическую природу влечений и эмоций, которые являются двумя ветвями своего рода рефлекторных процессов, аналогичных нервным рефлексам. Нам представляется, что влечения в своей физиологической основе являются химическими реакциями, которые возникают в отдельных тканях и органах тела (в частности в эндокринных железах) и действуют одновременно на всю нервную систему или на определенные ее участки, влияя этим на весь ход нервных процессов. С другой стороны, эмоциям соответствуют химические процессы, возникающие в результате деятельности нервной системы и оказывающие влияние на органы и клетки тела.

Простейшим примером влечений является влечение к воздуху, которое, однако, ввиду обычного обилия воздуха, лишь редко воспринимается нашим сознанием с психической стороны. Химическая основа этого влечения нам более или менее известна. Кровь человека имеет определенную нейтральную реакцию, причем число свободных водородных ионов уравновешивается таким же числом свободных гидроксильных ионов. Как только при накоплении углекислоты это равновесие нарушается в сторону кислой реакции, возникает раздражение дыхательного центра, усиливаются дыхательные движения, и избыток углекислоты удаляется через легкие. В случае недостатка

чистого воздуха увеличение водородных ионов в крови сопровождается доходящим до сознания влечением к воздуху.

Голод, влечение к пище, - точно также нелокализированное беспредметное ощущение. Мы не знаем его химическую природу, но весьма вероятно, что здесь имеет место исчезновение из крови последних следов аминокислот, сахара и других питательных веществ. Это химическое изменение крови оказывает резкое влияние на нервную систему животного, подавляя по мере нарастания одно за другим обычные рефлекторные процессы, за исключением тех, которые направлены к добыванию пищи. У разных животных деятельность, связанная с добыванием пищи, может быть очень сложна и специфична, но эта дифференцировка покоится уже на сложности нервной системы, самое же влечение остается простым и, вероятно, однородным по своей химической природе среди крупных групп животного царства. Вместе с влечением к воздуху и жаждой (в основе которой лежит, вероятно, увеличение осмотического давления или вязкости крови), вместе с рядом специфических влечений к солям и другим необходимым составным частям тела, голод является основным двигателем для разнообразных, более или менее сложных, врожденных инстинктов и безусловных рефлексов питания.

Половое влечение вызывается, без сомнения, также химическим изменением крови — гормонами половой железы. У животных этот химический характер полового влечения особенно ясен, так как здесь проявление его не задерживается нервно-психическими процессами и совершается периодически по мере созревания половых продуктов.

Птицы и звери (за исключением общественных) вне полового периода живут в одиночку, не обращая внимания на особей другого пола; химическое изменение крови, вызванное созреванием половых продуктов, отражается на всей нервной системе, и под влиянием полового влечения пускаются в ход разнообразные и ранее имевшиеся налицо, но бездействовавшие рефлекторные механизмы — инстинкты постройки гнеда, ухода за молодью и пр. Останавливается активный период половой железы — пропадает влечение, замирают до следующего полового периода инстинкты ухаживанья, постройки гнезда, материнства и пр. Хотя все нервно-рефлекторные дуги остаются, без сомнения, в полной целости, но двигательный агент — химическое изменение крови — исчезает. У человека периодичность полового влечения менее ясна, и участие нервной системы и сложных подавляющих условных рефлексов особенно заметна. Но и здесь даже в самом романтическом случае влюбленности ясно выступает наличность «отравления крови», которое подавляет другие влечения, оттесняет обычные нервно-психические процессы и оставляет только те из них, которые имеют к

нему отношение. Особенно ясно сказывается связь полового влечения с химическими воздействиями половой железы при кастрации или при пересадке половых желез с целью «омоложения».

Третьей группой инстинктов, широко распространенных во всем животном царстве, является инстинкт самообороны, со всеми его многочисленными подразделениями. Я затрудняюсь наметить химическую основу этого влечения к жизни, хотя она, без сомнения, существует. За это говорит уже то, что у человека в некоторых случаях это влечение пропадает: прежде всего в старости, когда оно заменяется равнодушием к жизни, но может снова окрепнуть при оперативном омоложении, а также нередко в юности в период созревания половой железы, когда возникает часто глубокий пессимизм и даже taedium vitae, кроме того, при некоторых психопатиях и психических болезнях, сопровождающихся болезненным стремлением к самоубийству. Как будто и эти данные говорят за то, что здесь имеет место выделение особых гормонов из половой железы, однако независимых от гормонов полового влечения, так как у животных инстинкт самосохранения проявляется в нормальной силе и вне периодов полового возбуждения, а, с другой стороны, у некоторых организмов (насекомые) инстинкт самосохранения совершенно пропадает вслед за окончанием половой деятельности.

Кроме этих трех основных обычно признаваемых влечений, мне кажется, следовало бы признать еще четвертое: влечение к деятельности, которое у разнообразных животных выражается в подвижности и играх, а у человека высшей своей формой имеет творчество. Наблюдая вечно подвижную, ни на минуту не останавливающуюся обезьяну, переходящую от одного занятия к другому, убеждаешься в существовании у нее особого влечения к деятельности, которого нет, напр., у ленивца, могущего часами оставаться в неизменном положении. Как будто у обезьяны при остановке мышечных движений выделяются в кровь продукты, снова повышающие мышечный тонус, разрешающийся новыми движениями. Два одинаково способных человека, с одинаковой скоростью реакций и возбудимостью могут резко отличаться тем, что один проявляет высокую активность, творит, а другой не имеет влечения к активности. Периоды творческой деятельности нередко сменяются упадком активности, возможно, что и здесь центральным органом влечения является та или иная эндокринная железа, так как в результате оперативного «омоложения» нередко отмечается повышение активной охоты к труду.

Специальным видоизменением влечения к деятельности является влечение к странствованиям, номадизм. Это очень древний инстинкт, широко распространенный во всех классах позвоночных животных, на-

чиная с рыб, некоторые виды которых в определенные периоды своей жизни совершают странствования, которые по своей длине превышают во много раз те, которые доступны человеческим силам. Еще более распространены и еще ярче выражены такие странствования среди птиц, совершающих весенние и осенние перелеты. Есть основание думать, что природа номадного влечения и здесь лежит в каких-то особых гормонах, может быть, зачатковой железы, так как отлет птиц совпадает с началом или концом полового влечения. В некоторых случаях самцы и самки отлетают раздельно, что еще яснее указывает на связь с периодами развития половой железы. Странствования нередко и у млекопитающих животных, в особенности также в период течки. Каждый степенный домашний кот весною становится номадом, и не удивительно, что немцы именно весенние годы жизни, период созревания юноши, называют годами странствований, Wanderjahren. Но у некоторых особей этот инстинкт номадизма, проявляясь в детстве, затягивается на всю жизнь. Есть целые племена, которые, находясь в самых разнообразных условиях и живя в разных странах, неудержимо влекутся к перемене места, к передвижению. «В каждом из нас живет душа номада», - начинает свою книгу о Хара-Хото наш известный путешественник Козлов. Сам всю жизнь охваченный этим влечением, он просто не понимает, что для многих это влечение совсем неизвестно.

Существуют ли у человека особые «социальные» врожденные инстинкты, вопрос еще не вполне разрешенный. Но не подлежит сомнению, что особое материнское влечение существует и, по всей вероятности, имеет также определенную химическую подкладку. У млекопитающих животных материнское влечение развивается лишь периодически на определенный срок, по окончании которого отношение к детям становится безразличным или даже враждебным. Возникновение материнского влечения иногда и у женщины совпадает самым точным образом с наступлением лактационного периода, без сомнения, вызываемого инкреторной деятельностью, непосредственно вслед за родами. Погасание материнского влечения у многих млекопитающих также совпадает приблизительно с прекращением лактации. Отсюда неизбежный вывод о связи между материнским влечением и эндокринными железами, всего вероятнее заложенными в яичнике. Иногда у млекопитающих животных материнское влечение, сохраняется значительно долее периода лактации, другими словами, гормональное действие, достаточное для того, чтобы оказывать влияние на нервную систему, оказывается уже не в состоянии поддерживать деятельность молочных желез. У многих животных, в особенности у рыб, амфибий и птиц, родительское влечение имеется и у самцов, значит может быть вызвано и мужскими

эндокринными железами. Возможно, что такие же гормоны, как и те, которые определяют половое и родительское влечение у стадных млекопитающих и птиц, или сходные с ними гормоны вызывают влечение к себе подобным, являющееся основой общественной жизни. За это, по-видимому, говорят индивидуальные колебания общественного инстинкта не только у различных людей (общительные и одинокие характеры), но и у различных особей стадных животных, живущих в одних и тех же условиях с другими особями; а также резкие видовые отличия этом отношении у близких видов. Само собою разумеется, что все разнообразные проявления общественного влечения, как это наблюдается и по отношению ко всем остальным инстинктам, определяются разнообразными врожденными и благоприобретаемыми (безусловными и, главным образом, условными) рефлексами, т. е. относятся уже к области нервной психологии.

Влечение к общественности у грудного ребенка в первые месяцы еще совершенно отсутствует, но быстро нарастает у двух-трехлетнего ребенка, равно как и у шимпанзе того же возраста. В старости это влечение ослабевает, и глубокие старики иногда в той же степени лишены его, как и старые обезьяны, отличаясь угрюмым, нелюдимым характером. Интересно было бы проследить влияние на эту особенность характера оперативного омоложения у угрюмых стариков. Создается впечатление, что постепенное развитие и позднейшее угасание общественного влечения стоят в связи с развитием какой-то эндокринной железы, может быть, именно половой.

Есть еще одна психическая особенность, имеющая близкое отношение к общественной жизни: это воля к власти. Мы замечаем эту особенность главным образом у многих крупных животных, преимущественно у самцов. Несомненно, она играет важнейшую роль в борьбе за существование как между разными видами, так и в пределах одного и того же вида. У птиц она сказывается ясно в явлениях тетеревиного тока, значение которого, конечно, отнюдь не ограничивается борьбой за самку. У стадных млекопитающих (волков, собак, жвачных) — борьбой за роль вожака. В человеческом обществе воля к власти ярко характеризует всех вождей на разных поприщах деятельности. У людей с ограниченными способностями она проявляется в мелком тщеславии, у сильных людей, организаторов, - является необходимым условием их организаторской деятельности. В сочетании с влечением к творчеству воля к власти является самым могущественным двигателем культуры. У психопатических характеров воля к власти выражается обостренным самолюбием и эготизмом, при психозах развивается в манию величия. Болезненные усиления этого влечения наблюдаются нередко в юноше-

ском возрасте, когда достигает зрелости половая железа. При saenium praecox самоуверенность и воля к власти всего ранее исчезают, и некоторые результаты оперативного омоложения говорят за то, что при восстановлении эндокринной работы половой железы самоуверенность может восстановиться.

Мы анализировали влечения человека с целью установить их химико-психическую природу, отделив их от нервно-психической деятельности, куда их обыкновенно стараются как-нибудь присоединить. К сожалению, лишь для очень немногих влечений мы можем установить сколько-нибудь ясную связь с определенными химическими свойствами крови и с определенными эндокринными железами. Но даже и в тех случаях, когда связь влечения с тою или иной железой может считаться доказанной, как, напр., для полового влечения связь с половой железой, все же измерить количественно содержание в крови соответствующих гормонов мы не в состоянии. Нет у нас также никаких методов определения силы влечения и с психической стороны. Для определения индивидуальных конституционных свойств каждого отдельного человека в этом отношении мы пользуемся самыми приблизительными примерными оценками силы различных влечений, простыми описаниями. Описывая темперамент того или иного субъекта, мы, самое большое, можем отметить наиболее характерное из его влечений. Сравнительно легко выделяются люди, у которых в жизни на первом плане стоит еда — обжоры или гурманы. Было бы легко выделить группу людей с особенно ярко выраженным половым влечением, если бы социальные условия не препятствовали открытому проявлению этого влечения; впрочем и среди наших современников можно обыкновенно без труда найти людей типа маркиза Казановы. Полное отсутствие или очень слабое развитие полового чувства устанавливается медицинским опросом у лиц инфантильной конституции, хотя во многих других отношениях почти нормальных. Мы знаем также, что значительный процент замужних и рожавших женщин в течение всей жизни ни разу не испытывает полового влечения, хотя собрать точные сведения и здесь нелегко. Было бы очень интересно, если бы интеллигентные женщины, умеющие оценить научное значение этой проблемы, по собственной инициативе попытались собрать сведения о половой страстности или, наоборот, холодности своих матерей и замужних сестер, охарактеризовав половой темперамент сестер-девушек их влюбчивостью и присоединив сюда бытовую характеристику своего отца и братьев; собранные в научном учреждении, хотя бы в Русском Евгеническом Обществе, такие анкеты могли бы послужить материалом для предварительной разработки генетического анализа полового

влечения. Если бы проявление интерсексуальности не считалось преступлением, то, вероятно, эти формы полового влечения оказались бы гораздо более распространенными, чем кажется с первого взгляда. По опытам Р. Гольдшмидта, у бабочек интерсексуальные формы появляются в результате скрещиванья близких между собою, но все же обособленных рас. Не наблюдается ли чего-либо подобного и в человеческом роде? По-видимому, интерсексуальные влечения довольно широко распространены среди восточного мусульманского населения, где при многоженстве в богатых классах особенно часты межрасовые браки. И в этом отношении собирание сведений при настоящих условиях может быть только анонимным, но сообщение подобных сведений было бы весьма желательно. Можно было бы подойти к этой генетической проблеме еще и иным путем, а именно путем массовых исследований темперамента и конституции у скопцов и кастратов, которым операция была произведена в раннем возрасте до возникновения полового влечения: этим методом можно было бы установить связь между половым влечением и другими особенностями темперамента и подметить признаки, по которым можно было бы отличать инфантилизм, не выраженный ясно в физических признаках. Некоторые попытки в этом направлении уже имеются в научной литературе.

Влечение к жизни должно быть выражено у всех нормальных людей, как и у всех животных, достаточно сильно. Тем характернее исключения, правда, самоубийцы не всегда оказываются лишенными влечения к жизни. В особенности самоубийства в юношеском возрасте, в период созревания половой железы, могут быть нередко объяснены фенотипными уклонениями, возникающими благодаря ненормальным условиям культурного воспитания. Вероятно, каждому психиатру известны из собственной практики генеалогии больных, где в одной семье несколько членов ее покончили жизнь самоубийством; так, напр., в семье Гаршиных, кроме писателя, покончили собою и два брата его. «Разочарованность», если только она не является следствием фенотипной пресыщенности жизненными удовольствиями и праздностью, а также и модой, как в значительной степени у Евгения Онегина, есть, по-видимому, также ослабление «нормального» влечения к жизни. Собирание и обработка генеалогий с большим количеством самоубийц было бы очень интересной задачей.

Влечение к деятельности выражается у разных людей в различных формах: мы видим, с одной стороны, беспокойно суетливых людей, которые не могут посидеть на месте и перескакивают от одного занятия к другому, видим земледельца, принимающегося с восходом солнца за тяжелый труд, чтобы покончить его к закату, знаем писателей, печата-

ющих в год по тысяче страниц собственных произведений, политических деятелей, отрывающихся от своей организационной деятельности лишь для немногих часов сна, знаем величайших творцов-мыслителей, которые ведут за собой целые поколения; а с другой стороны, мы знаем мужичка, который спит, хотя на дворе весна, знаем Обломовых, знаем людей, которые отбывают ненавистную работу в канцелярии или на заводе только для того, чтобы не умереть с голоду, и, сбросив ее с плеч, отдыхают, знаем инертных людей, никак не проявляющих своего отношения к окружающим явлениям, не вступающих, напр., в борьбу ни за революцию, ни против нее. Различия между этими психическими типами объясняются, конечно, в значительной степени другими психическими способностями, прежде всего нервно-психической организацией. Но вряд ли можно думать, что по отношению к активности имеются только два типа людей: деятельные и недеятельные: если бы у нас были методы количественного учета активности, то мы, вероятно. Выделили бы большее число типов. Таким образом для генетического анализа и здесь приходится ожидать того времени, когда химическая основа влечения к деятельности будет определена точнее. Можно вообще сказать, что активность свойственна преимущественно холерическому и сангвиническому темпераментам; отличия в проявлении ее у этих конституционных типов сводятся к тому, что в первом случае она сочетается с большей стойкостью нервных раздражений, а во втором с легкой утомляемостью. В буржуазных семьях нередко встречаются и описываются в литературе семьи, в которых отец высокоактивный организатор, холерик, а мать с вялым флегматичным темпераментом типа серой купчихи островского; если бы можно было собрать данные по темпераменту детей в таких семьях, то, может быть, мы в состоянии были бы подойти к вопросу, является ли активность доминантным или рецессивным признаком, или же она определяется не одним, а несколькими генами.

Из влечений, имеющих до некоторой степени социальный характер, можно было бы собрать анкетным путем сведения по генетике материнского инстинкта. Среди современных интеллигентных женщин мы можем встретить немало таких, у которых это влечение почти не проявляется. Может быть, при этом следовало бы снять с учета женщин, которые в силу различных соображений или остаются девушками или, вступивши в брак, не доводят себя до состояния беременности и лактации. По нашему определению, яркое органическое материнское влечение развивается лишь в периоде лактации. Интересно было бы определить, не является ли материнское влечение вообще ослабленным, если мать никогда не кормила своих детей вследствие полного

отсутствия молока. Но и при наличии лактации мать может оставаться холодной к своему ребенку. Было бы очень интересно получить ряд подробных характеристик в семьях с большим количеством замужних и детных дочерей: как у членов этой семьи проявлялось материнское влечение? Было ли оно спокойным, нормальным, или повышенным, острым, или, наоборот, пониженным и, может быть, совсем отсутствовало? К сожалению, такие генеалогии, вероятно, останутся однобокими, так как любовь к детям со стороны отца имеет, по-видимому, иное происхождение, чем материнское чувство: по-видимому, здесь большую роль играют нервно-психические воздействия. Тем не менее включение данных по развитии любви к детям у отцов в общую анкету о материнском влечении было бы желательным. Не существует ли связи между сильно развитым, имеющим характер органического, влечением к детям со стороны отца и женственным типом его психических, а может быть и физических особенностей?

Влечение к власти, самое сложное из органических влечений, подлежит исследованию путем изучения исторических характеристик выдающихся деятелей и их генеалогий. Такое изучение в значительной степени совпадает с изучением генетики организаторов, талантов и гениев, хотя в понятие таланта, кроме неизменно сопровождающего его влечения к власти, входит также влечение к творчеству и наличие тех или иных нервно-психологических способностей. Особенно интересны в этом отношении генеалогии людей, выдвигающих внезапно из серой среды. Несомненна наличность влечение к власти у М. В. Ломоносова, и без известного честолюбия, которое побуждало его выдвинуться из окружающей его среды, он, конечно, не мог бы продвинуться вперед, несмотря на все его выдающиеся способности. Но то, что мы знаем об его отце, показывает, что влечение к власти было и у него, хотя и проявлялось менее ярко: в своем селе отец М. В. Ломоносова был первым, церковным старостой, ходоком по мирским делам. Примитивное влечение к власти часто выражается в узких пределах семьи и домашнего хозяйства. В мелко буржуазных семьях. У первых малокультурных созидателей капитала оно иногда именно в этой форме выражается очень выпукло, сопровождая их несомненные организаторские, хотя и в примитивном смысле, особенности. Нередко в таких семьях мы находим властные и организаторские характеры также и у женщин. Среди детей в таких семьях часто наблюдается расщепление: одни, не обладая органическим влечением к власти, под влиянием тяжелой домашней обстановки выливаются в фенотипы слабых, забитых людей и остаются такими на всю жизнь; у других, несмотря на ту же самую обстановку, врожденное влечение к власти проявляется в яркой, порою

уродливой, форме, и позднее они по характеру становятся копиями своих отцов (типы Островского). Было бы очень интересно собрать генеалогии первых созидателей русской буржуазной промышленности.

В иную форму то же самое стремление к власти и организаторству выливается у революционеров. Нервно-психическая расцветка здесь совершенно иная, но органическое влечение то же, и человек, не имеющий врожденного влечения к власти и к организаторской деятельности, т. е. к управлению другими людьми и историческим ходом событий, может быть, и станет рядовым социалистом, но во главе революционного движения не окажется. В русской коммунистической прессе в дни юбилея партии высказывалось меткое определение: в истории развития партии разница между большевиками и меньшевиками сказывалась не столько в теоретических разногласиях, сколько в темпераменте лиц, распределявшихся по обеим фракциям (статья Н. А. Семашко в «Известиях ВЦИК»). Кроме тех или иных статических особенностей химико-психической конституции в эмоциональности, здесь имеется в виду прежде всего влечение к власти.

Каждый выдающийся ученый должен обладать влечением к власти, которая выражается в пропаганде своего учения. Работы ученого без этого влечения остаются незамеченными, и труды его пропадают даром. Это влечение, благородной формой которого является стремление убедить других, убедить весь мир в открытой истине, которое иногда вело великих ученых в тюрьму и на костер, нередко сопровождается и мелким тщеславием и честолюбием, в наших современных условиях смешным генеральством. Генетическое изучение влечения к власти у ученых не менее существенно, чем у политиков, полководцев и деспотов.

В сильнейшей степени обладают влечением к власти фанатики определенного учения, стремящиеся покорить ему весь мир, пророки, основатели религий, самозванцы; отсюда постепенный переход к чудакам и параноикам, одержимым манией величия.

Если бы мы хотели проследить в целом генетику темперамента какого-либо отдельного полководца, купца-самодура, революционера, ученого или маниака, то вероятно, запутались бы в бесчисленных подробностях. Но выделивши общее для всех организаторов и активных людей влечение, мы, может быть. И сумеем разобраться в том, зависит ли эта фенотипная особенность от одного или нескольких генов, по всей вероятности, доминантных. Гены эти стоят близко к генам влечения к творчеству, но не совпадают с ними, так как есть существенное различие между влечением творить и пропагандировать.

3. Эмоции

Мы определяем химическую природу эмоций в том, что это — химические процессы, возникающие в результате нервно-психических процессов и распространяющиеся на все тело; другими словами, эмоции — приводящая (по отношению к крови и телу) ветвь химической рефлекторной дуги, если только термин «дуга», связанный с телесной формой (в нервной системе с нервными волокнами), может быть отнесен к химическим процессам.

Простейшие эмоции, сопровождающие почти каждый нервно-психический акт, - это эмоция удовольствия и неудовольствия. Каждый рефлекторный нервный процесс начинается определенными химическими или физико-химическими изменениями в чувствительных окончаниях нервно-рефлекторной дуги. По теории Лазарева, это — изменения в равновесии простых неорганических ионов, - может быть, кальция и натрия, а может быть, гидроксильных и водородных ионов, самых энергичных по своему воздействию на химические, в особенности коллоидальные, и на физиологические процессы. Следует думать, что и ответная реакция при рефлекторных актах сопровождается соответствующими химическими процессами; возможно, что здесь также имеет место изменение соотношения между водородными и гидроксильными ионами, и это нарушение равновесия между ионами передается в кровь, сопровождаясь в одном случае (напр., при приближении к нейтральному пункту) ощущением удовольствия, а в противоположном случае — ощущением неудовольствия. Конечно, это конкретное указание на определенные действующие здесь ионы не может быть доказано в настоящий момент. За это, однако, говорит, пожалуй, то обстоятельство, что при сильных эмоциях, напр., при нарастающем гневе, значительно учащается дыхание, как раз являющееся регулятором концентрации водородных ионов в крови; наоборот, при эмоции радости дыхание задерживается или даже совсем останавливается. Было бы очень интересно попытаться определить реакцию крови у животных, находящихся в длительном состоянии повышенной эмоции. Может быть, здесь и удалось бы обнаружить отступление от обычно совершенно неизменной истинной реакции крови, близкой к нейтральной.

Красивую картину химического процесса эмоции можно нарисовать для эмоции страха на основании исследований американского физиолога Гаммета. Этот исследователь установил прежде всего, что у крысы кровь, действительно, химически изменяется после длительного действия эмоции страха, которую он вызывал, непрерывно раздражая и пугая дикое животное. Кусочек кишечника нормальной крысы, бу-

дучи положен в физиологический раствор, сокращается под влиянием действия соды; при тех же условиях кусочек кишечника испуганной крысы растягивается. Развивая далее теорию этого химического изменения крови, сопровождающего эмоцию страха, Гаммет приходит к заключению, что при страхе имеет место повышение мышечного тонуса, при котором, по-видимому, выделяется в кровь так называемый метил-гуанидин, вещество очень ядовитое, благодаря раздражающему действию на нервную систему. Чем длительнее действие страха, тем больше метил-гуанидина выделяется в кровь, тем более отравляется нервная система. При искусственном введении метил-гунидина в кровь Патон и его сотрудники вызывали экспериментально тетанию и смерть животного; они предполагали, что метил-гунидин скопляется в месте соединения нерва с мускулом, чем и объясняется повышенная возбудимость и появление судорог. Также тетания возникает у животных и при экспериментальном удалении околощитовидных желез, причем и в крови, и в моче можно констатировать после операции скопление метил-гуанидина. Из этого Патон выводил заключение о значении околощитовидных желез как органа, инкрет которого ускоряет процесс превращения метил-гуанидина путем ацетилирования в креатин, соединение, совершенно безвредное для организма.

С точки зрения Гаммета, выделение метил-гуанидина сопровождает эмоцию страха. У нормального животного отравление, сопровождающее эту эмоцию, обезвреживается благодаря гормонам околощитовидной железы. Что же произойдет, если у животного удалить околощитовидную железу и вызывать у него эмоцию страха? Гаммет со своими сотрудниками поставил несколько серий таких опытов. Он взял три группы белых крыс: 1) обычных лабораторных животных, которые в течение ряда поколений содержались в клетках, не подвергаясь, однако, специальному приручению и достаточно пугливых; 2) хорошо прирученных, в течение нескольких поколений содержавшихся поблизости от человека и совершенно утративших пугливость; 3) диких серых крыс, с особенно развитою пугливостью. У всех этих трех групп были вырезаны околощитовидные железы, причем крысы первой и третьей групп предварительно выдерживались некоторое время в состоянии тревоги. В результате из свинок первой группы (обычных лабораторных крыс) в течение первых двух суток погибло от тетании 79%, в то время как во второй группе (прирученных) — только 32%, а в третьей (особенно диких, пугливых) — 90%. Это означает, что, чем сильнее эмоция страха, тем более отравляется организм метил-гуанидином, тем более высока потребность в обезвреживающей деятельности околощитовидной железы.

Таким образом описываемые факты рисуют нам следующую схему химических процессов, соответствующих эмоции, в данном случае страха. Под влиянием тех или иных рефлексов, протекающих у крысы в сфере нервно-психической (напр., от раздражения щипками или даже просто присутствием человека), через посредство симпатической нервной системы раздражаются те или иные группы клеток (в данном случае происходит повышение мышечного тонуса), в результате чего в кровь выделяется отравляющее весь организм вещество (метил-гуанидин), которое повышает раздражимость и может вызвать тетанию, если не будет своевременно обезврежено благодаря регулирующей деятельности околощитовидной железы. Очевидно, что не все особи одного и того же вида (крысы, люди) в равной степени подвержены эмоции страха. Разница может зависеть от причин фенотипного характера (образование привычек, приручение) и в таком случае такие особенности не входят в понятие наследственной конституции. Или же индивидуальные различия — наследственного генотипного происхождения, и в таком случае могут быть обусловлены или конституционной высотой мышечного тонуса, а стало быть и энергией образования метил-гуанидина, или наследственной активностью околощитовидной железы. Весьма вероятно, что по отношению к эмоции страха существуют резкие видовые различия между белыми и серыми мышами, между близкими видами хищных (волк и собака) и пр. Было бы очень интересно проследить путем скрещивания близких форм генотипую формулу для интенсивности этой эмоции, и заранее можно предвидеть, что в состав этой формулы должны войти, по крайней мере, два гена (интенсивности мышечного тонуса и активности околощитовидной железы). Конечно, такое изучение осложняется возможностью фенотипных вариаций под влиянием внешней обстановки. Но, если бы удалось выработать методику для количественного микрохимического анализа метил-гуанидина в крови и получить массовые анализы крови у большого числа людей, мы могли бы построить соответствующие кривые вариаций, и по числу вершин этих кривых разделить людей на группы по интенсивности эмоции страха.

Интересной задачей для будущих исследователей является анализ всех других эмоций: удовольствие, веселье, радость, восторг, вдохновение; неудовольствие, уныние, печаль, глубокая скорбь; застенчивость и стыд; надежда и отчаяние; тревога, забота, страх и ужас; раздражение, гнев и бешенство; зависть и ревность — все это разные формы более или менее близких между собою или далеких эмоций, и есть основания думать, что в основе каждой из них лежит отравление крови теми или иными специфическими ядами. Сходство между каждым сильным аффектом и отравлением весьма яркое. Сердце или неудержимо бьется

и при сильнейшем аффекте (ужас, бешенство, надежда) может или буквально разорваться от переполнения кровью, или в других случаях внезапно останавливается (обморок при внезапной радости). В основе ряда эмоций лежит, без сомнения, усиленное выделение адреналина в кровь из надпочечников и соответствующее повышение возбудимости сосудосуживающих нервов — человек бледнеет, конечности его холодеют; в других случаях происходит, наоборот, расширение периферических сосудов, кровь приливает к лицу, что так характерно для разнообразных эмоций: происходит, по-видимому, отравление теми или иными веществами, действующими на сосудорасширяющие центры. Конечно, эти процессы могут быть объединены и непосредственным распространением нервного раздражения от рефлекторного процесса на сосудодвигательные нервы, но, по-видимому, значительную роль играет и химическая регуляция через посредство желез внутренней секреции, которым при тех или иных мозговых рефлексах передается возбуждение через вегетативные нервы. При конституционной ваготонии или симпатикотонии, т. е. при большей индивидуальной возбудимости пилокарпинового или адреналинового отдела вегетативной нервной системы, эмоции проявляются у разных людей совершенно различно и производят разной силы эффекты на общую деятельность организма. С другой стороны, люди с конституциональной гиперфункцией адреналиновой железы должны более ярко обнаруживать эмоции, связанные с повышением адреналина в крови, а эмоции, сопровождаемые выделением в кровь сосудорасширяющих гормонов, у них скоро потухают. Вероятно, уменье владеть собою и сдерживать свои эмоции с проявлениями расширения сосудов сводится к воздействию со стороны нервно-психической сферы на работу адреналиновой железы и это воздействие определяется в значительной степени врожденными конституционными особенностями.

Выше мы привели данные, которые позволяют с некоторой вероятностью предполагать, что при эффективном завершении каждого рефлекторного процесса возникают перемещениям простейших ионов в области окончаний двигательного нерва; весьма вероятно, что здесь изменяется реакция, т. е. отношение между Н- и ОН-ионами, и в результате этого раздражается дыхательный центр и вызывается состояние диспноэ или апноэ, столь характерные для разных эмоций. Но изменение реакции крови быстро выравнивается благодáря дыханию; если же оно происходит в лимфатической жидкости, то может долгое время держаться неизменным по ту или другую сторону от нейтрального типа. В особенности широки границы изменений реакции цереброспинальной жидкости, как показывают непосредственные изменения у человека. Между тем вряд ли можно сомневаться в том, что хими-

ческие особенности цереброспинальной жидкости должны отзываться на нервной деятельности. Химические изменения происходят здесь непосредственно вследствие выделений различных нервных клеток, и, по-видимому, имеется специальная железа внутренней секреции: plexus chorioideus, которой приписывается существенная роль в выделении цереброспинальной жидкости и изменении ее давления, и которая стоит, по-видимому, в связи с пилокарпиновой парасимпатической нервной системой. При эмоциях отрицательного типа (неудовольствие, горе, страх и т. д.) происходит, по Ю. Бауеру, усиленное выделение из plexus chorioideus и повышение давления цереброспинальной жидкости; у субъектов с конституционной астенией этой эндокринной системы на этой почве в результате сильных эмоций возникают более или менее тяжелые головные боли, для облегчения которых приходится иногда выпускать избыток цереброспинальной жидкости путем пункции. Еще античные философы связывали раздраженное или мрачное настроение с работой пищеварительных желез. Эти воззрения сохранились как в обычном словоупотреблении, так даже и в научной терминологии: мы до сих пор говорим о желчном настроении и меланхолии (черной желчи). Хотя прямых научных доказательств в пользу участия пищеварительных органов в определении тех или иных эмоций у нас немного (при сильных эмоциях наблюдаются иногда колики, в особенности резкие при наличии печеночных камней), но все же, может быть, за старым предрассудком скрывается более глубокий смысл.

Щитовидную железу Ю. Бауер называет «мультипликатором, который вставлен в круговорот вегетативной нервной системы, причем она, с одной стороны, выполняет свою функцию под влиянием нервной системы, а с другой стороны, своею деятельностью повышает раздражимость не только вегетативной, но и анимальной нервной системы». Благодаря такому положению щитовидной железы становится весьма вероятным, что она принимает участие в возникновении эмоций. Под влиянием нервно-рефлекторных процессов она выкидывает в кровь свои гормоны, которые действуют возбуждающе на другие рефлекторные акты: этому вмешательству химических процессов в процессы чисто нервного характера и должно, как нам кажется, соответствовать эмоциональное возбуждение. Какие именно эмоции связаны с щитовидной железной, мы в точности не знаем, но не подлежит сомнению, что при гипертироидизме общая аффективность сильно повышена, а при гипотироидизме эмоции почти отсутствуют.

Весьма вероятно, что химическая природа некоторых эмоций в значительной степени определяется компонентами инкретов половой железы. Подобно щитовидной, и эта железа тесно связана с нервной

системой, и на деятельности ее отражаются самые различные нервно-психические процессы, в результате которых и происходит, очевидно, то или иное количественное и качественное изменение ее инкреции. Кастрация животных и человека самым резким образом отражается на эмоциональной сфере. Сравнивая эмоции быка, в периоде его полового развития, и вола или, с другой стороны, евнуха и страстного мужчину, мы можем проанализировать, в состав каких именно эмоций входят элементы половой железы. Гнев, ярость, энтузиазм, ревность вступают здесь на первый план; с другой стороны, страх, уныние, зависть и многие другие эмоции выражены более или менее одинаково как при наличии, так и при отсутствии половой железы.

Связь надпочечной железы с нервной системой также может считаться доказанной экспериментально. Кошек приводили в нервное возбуждение лаем собаки, и наблюдали у них повышение содержания в крови адреналина, которое влечет за собою целый ряд воздействий на нервную систему, сосуды и пр. (Кэнно и де ла Рац). И для человека по многим данным можно судить об увеличении адреналина в крови при разных эмоциях, но более точных данных о связи адреналина с определенными эмоциями у нас не имеется. Весьма вероятно также эмоциональное значение гормонов гипофизы. Франкль и Гохварт, изучая психические изменения у субъектов с опухолями гипофизы, пришли к заключению о наличии связи между инкреторной деятельностью гипофизы и веселым настроением; правда, позднейшие исследования как будто поколебали эту теорию гипофизарных настроений.

Как своеобразную эмоцию следует, по-видимому, рассматривать и сон, так как целый ряд данных заставляют нас считать сон результатом некоторого отравления организма. И. П. Павлов в своих последних работах сводит сон к «внутреннему торможению условных рефлексов». В его опытах сон экспериментально вызывается у собаки, если применять к ней сильный условный раздражитель, напр., на еду, не сопровождая его принятием пищи. По-видимому, когда сильное раздражение проводится с периферии к определенному мозговому центру и не в состоянии здесь переброситься на отводящие пути, то вокруг центра скопляются какие-то химические вещества, приостанавливающие нервную деятельность. При небольших количествах этих веществ тормозится лишь небольшой участок вокруг того нервного центра, который, получая раздражения, не освобождается от них, направляя нервный ток к мускулам (или железам). При максимальном выделении соответствующих химических веществ тормозится вся деятельность мозга, и наступает сон. При некотором промежуточном количестве этих тормозящих веществ или, может быть, при выделении специфически действующих веществ

тормозятся все приводящие и все отводящие нервные пути, и нервный ток идет только между мозговыми центрами, чему, как будет изложено в следующем отделе, соответствует с психологической стороны процесс мышления, не сопровождающегося восприятиями и движениями. Здесь для нас существенно отметить, что, с развиваемой нами точки зрения, процессы частичного торможения, внимания, мышления и сна, как имеющие, по всей вероятности, чисто химическую основу, могут быть отнесены к химико-психическим эмоциям. Индивидуальные особенности во всех этих отношениях должны быть в таком случае включены в понятие темперамента. Опыты И. П. Павлова определенно показали, что способность торможения, как частичного, так и общего (сна), весьма различна у разных собак. Непосредственное наблюдение показывает, что наряду с людьми и даже целыми расами, почти неспособными сосредоточить на чем-либо своего внимания на сколько-нибудь продолжительный срок, есть люди (и расы), обладающие высокоразвитой способностью внимания. Менее очевидно, что у разных людей и разных рас совершенно различны способности к сосредоточенному мышлению, так как со стороны нельзя узнать идет ил процесс мышления у неподвижного, не реагирующего на раздражения субъекта: но все же вряд ли можно сомневаться в том, что и способность к мышлению индивидуального колеблется в резких пределах. Индивидуальные особенности засыпания, длительности и характера сна также резко различны, и здесь, может быть, было бы легче, чем по отношению к остальным тормозящим процессам собрать сведения о наследственном характере этих особенностей. В литературе описаны случаи, когда люди довольствуются в течение всей жизни коротким сном — в 4-5 часов в сутки, - легко засыпают и спят глубоко. Семейные обследования в этих случаях должны разъяснить, имеем ли мы здесь дело с наследственной особенностью темперамента.

Было бы очень желательно собрать данные по генетике эмоциональности. По отношению к собственной семье это могут сделать многие, хорошо знающие характер всех членов своей семьи за два или три поколения (т. е. по крайней мере, хорошо знающие характер своих обоих родителей, а также собственных взрослых братьев и сестер). Существенно отмечать в таких анкетах возрастные изменения для всех членов семьи; в особенности изменения в переходном возрасте от юности к половой зрелости и в климактерическом периоде у женщин. Для каждого из членов семьи должна быть отмечена прежде всего общая эмоциональность: ярко или бледно выражаются эмоции? Следует, впрочем, помнить, что люди, не проявляющие ярко своих эмоций, далеко не всегда характеризуются вялостью эмоций, а нередко лишь

отличаются уменьем подавлять их проявление, пуская в ход задерживающие нервные центры; эту сдержанность следует отличать от вялости.

Второй вопрос, на который должна ответить генетическая анкета, это: какие эмоции особенно характерны для членов данной семьи? Кто именно проявляет особенно жизнерадостное настроение, и как это настроение изменялось в различные периоды жизни? Для кого, наоборот, особенно характерно мрачное, подавленное настроение? Нельзя ли некоторых членов семьи назвать определенно оптимистами, а других — пессимистами? Кто проявляет особенно ярко эмоции гнева, страха, печали, радости и т. д.? У кого определенное эмоциональное состояние длится долгое время, у кого эмоции, вспыхнувши, быстро затухают? Кто обнаруживал яркую смену эмоциональных настроений, переходя от жизнерадостности в одном возрасте, к мрачной подавленности — в другом?

Если при таком генетическом анализе семьи по эмоциональности будут также собраны данные по характеристике статического темперамента и наиболее характерных влечений всех членов семьи, то собранные таким образом материалы могли бы быть использованы наукой. Евгенический Отел Института Экспериментальной Биологии был бы весьма признателен лицам, которые согласились бы прислать эти материалы для сравнительной разработки.

4. Конституционные типы темпераментов

Генетический анализ статического темперамента, влечений и эмоций в конечной цели ставит своей задачей расчленить отдельные особенности характера на самостоятельные единицы, наследуемые независимо друг от друга (гены). Конечно, здесь, может быть, более чем в какой-либо другой области генетики, мы встречаемся с тем очень большим затруднением, что фенотипное проявление генотипных свойств темперамента в высокой степени зависит от случайностей внешней обстановки, которая, конечно, для каждого отдельного человека складывается совершенно своеобразно. И все же мы с полной уверенностью можем утверждать, что и по генотипному, не зависящему от внешних условий составу вряд ли можно встретить в настоящее время людей с одинаковым во всех отношениях темпераментом: разве только среди однояйцовых близнецов.

Наука не удовлетворяется, однако, таким окончательным анализом. И прежде всего практические цели требуют разработки классификации темпераментов, установления ограниченного числа более или менее ясно обрисованных конституционных типов. Конечно, мы заранее должны примириться с тем, что деление темпераментов по типам всегда будет

только условным, и всегда останется большое количество индивидуальных темпераментов, которые не уложатся ни в один из конституционных типов, а равно и в пределах каждого типа окажется значительное разнообразие. Это — неизбежная особенность всякой классификации, и было бы грубой теоретической ошибкой предъявлять в какой-либо системе конституций иные требования.

Можно было бы, пожалуй, в основу классификации темпераментов положить эволюционный принцип. С этой точки зрения, следовало бы разработать учение о расовых темпераментах. Темперамент есть чисто зоологическое свойство, и при желании можно у разных видов в особенности млекопитающих животных найти типичные видовые особенности темперамента, очень близкие к особенностям тех или других людей. Мы знаем виды животных с чрезвычайно медленными реакциями (черепахи, ленивцы) и, наоборот, очень живых (многие птицы, мыши), легко возбудимые и флегматичные виды, знаем видовые различия во влечениях у разных животных; виды, особенно прожорливые, виды нападающие и убегающие от врагов, виды с особенно сильным половым влечением, с теми или иными материнскими и семейными влечениями, с влечениями к обществу (стаду) и одиночеству, с влечением к активности и играем. Народная наблюдательность различает у разных животных типичные для человека эмоции, оттуда известные сравнения: труслив, как заяц, храбр как лев, бешен, как бык и т. д. Весьма вероятно, как это уже отмечалось нами, что и химическая основа всех этих видовых особенностей темперамента у животных в существенных чертах та же, что и у человека. Это обстоятельство создает возможность поставить проблему генетики темперамента на экспериментальную почву, избравши, для скрещивания более или менее богатые разнообразием темпераментов виды, как, напр., собак разных пород.

Не подлежит сомнению, что у разных человеческих рас мы также можем подметить различия в темпераментах. Мелкие расы, стоящие на низкой степени культуры, дали бы для такого анализа очень интересный материал. Сравнивая особенности темперамента у жителей небольших тропических островов, находящихся в очень сходных внешних условиях и на одной и той же стадии культуры, мы, конечно, и здесь найдем типичные расовые особенности. Но чем крупнее раса, тем более среди ее представителей встречается различий в темпераменте, в особенности, если раса смешанная, как все культурные расы. И, конечно, среди евреев мы найдем ту же гамму разнообразнейших оттенков темперамента, как среди норвежцев, китайцев или североамериканских индейцев или папуасов. Но все же мы можем даже великоросса из Владимирской губернии противопоставить по темпераменту жителю

Полтавской губернии, охарактеризовать средний тип современного грека, армянина, неаполитанца, парижанина, провансальца, бретонца и т. д. И в такой характеристике далеко не все отличия темперамента будут зависеть от стадии культуры и политико-экономических условий существований данного народа. Но эволюционная история всех этих в высокой степени смешанных рас настолько сложна, что мы не в состоянии в ней разобраться сколько-нибудь точно, а потому и ставить расовые принцип в основу классификации конституционных типов было бы крайне непрактичным.

Медицина в настоящее время усиленно разрабатывает проблему типов физической конституции, преследуя при этом чисто практические задания: установить небольшое число ярко очерченных конституционных типов, которые, будучи широко распространены, отличаются друг от друга определенными комплексами важных с точки зрения медицины признаков. При этом ряд внешних и внутренних признаков, несомненно, генетического происхождения, вроде, напр., окраски и строения волос, обыкновенно совершенно отбрасывается, так как, очевидно, что их распределение в строгой корреляции с практически важными комплексами генов не стоит. С другой стороны, приходится мириться с тем, что вне немногих крупных конституционных типов остаются многочисленные более мелкие типы вплоть до индивидуальных конституций, а также и с тем, что наиболее распространенные комплексы генов часто представлены не полностью и распадаются. С теоретической стороны относительную прочность известных комплексов генов, на которой основано все учение о конституциях, можно объяснить всего проще одною из двух гипотез. Или соответствующие комплексы генов занимают определенные небольшие участки в одних и тех же из 24 парных хромосом человека, а потому при созревании гамет происходит обычно лишь обмен между целыми комплексами без расщепления и кроссинг-овера; может быть, к таким конституционным комплексам генов, целиком замещающим друг друга, следовало бы применить современное учение о «множественных аллеломорфах». Или в конституционных типах мы имеем дело только с кажущимся фенотипным расчленением признаков, а на самом деле в генотипе всему этому комплексу признаков определенной конституции соответствует один или немного генов, определяющих, напр., развитие той или иной эндокринной железы, функция которой сказывается на определении целого ряда внешних признаков, развитие которых зависит или непосредственно от этой железы, или от других эндокринных желез, стоящих с данной железой в определенной корреляции. Роль эндокринных желез в определении медицинских типов конституции человека настолько очевидна, что эта последняя точка зрения при

углублении наших знаний о функции эндокринных желез могла бы быть положена в основу учения о конституциях, как физических, так и химико-психических.

Конечно, мы еще не скоро соберем достаточно данных по изучению темперамента у десятков тысяч индивидуумов, чтобы поставить выделение наиболее стойких конституционных типов на строго научную почву. А пока, может быть, и уместно использовать многовековой эмпирический опыт, приводящий к установлению четырех обычных типов темперамента: холерического, сангвинического, флегматического и меланхолического. Мы уже видели, что в основе такой классификации лежит правильное расчленение по основным особенностям химико-психической статики темперамента. Холерики и сангвиники характеризуются повышенной скоростью реакций; флегматики и меланхолики — пониженной. Возбудимость холериков и сангвиников, по-видимому, в равной мере повышена, но реакции холериков более устойчивы, а сангвиники легко утомляются; по-видимому, и те, и другие отличаются гипертироидизмом и гипергонадизмом, обнаруживают сильные влечения и сильные, у холериков, может быть, сдерживаемые, эмоции. Флегматики могут быть охарактеризованы, как люди евнухоидного темперамента с низкой возбудимостью и с вялыми эмоциями и влечениями; эта конституция характеризуется недостаточным развитием половой и щитовидной железы. Меланхоликам можно приписать в отличие от флегматиков повышенную возбудимость и утомляемость, и этими особенностями они приближаются к сангвиникам, главным отличием от которых, кроме пониженной скорости реакции, у них является подавленное настроение вместо сангвинического веселого; стало быть, здесь можно подозревать, кроме частичного гипертироидизма, еще какую-то особенность гипофизы. Близость между сангвиническим и меланхолическим темпераментами подтверждается также частным соединением обоих у одного и того же субъекта в разные периоды жизни (маниако-депрессивный психоз). Возможно, что наряду с этими четырьмя конституциональными типами следует выделить еще пятый — средний или нормальный.

Именно на последнюю точку зрения становится Ч. Б. Дэвенпорт в своем труде о наследовании темперамента (The feebly inhibited, 1915). На основании изучения нескольких десятков генеалогий он приходит к заключению, что все эти пять конституционных типов определяются различными комбинациями двух генов, из которых один E обозначает усилителя возбудимости, а другой C повышает угнетенное настроение до нормально-веселого. Таким образом для нормального темперамента Дэвенпорт дает формулу — eeCC; для холерического — EECC, для сангвинического — EeCc, для флегматического — EeCc, для мелан-

холического — eecc. Вряд ли можно сомневаться в том, что все эти формулы слишком примитивны, не удовлетворяют даже простейшим требованиям психогенетического анализа.

С другой точки зрения подходит к изучению конституциональных темпераментов немецкий психиатр Э. Кречмер. Исходным пунктом для своего анализа он берет две типичных картины психических заболеваний — маниако-депрессивный и схизофренический психозы. Для первого в его яркой форме является характерной периодическая (циклоидная) смена возбужденно-веселого и подавленного состояния при обычно более или менее благополучном исходе заболевания; при втором — скачкообразные перемены темперамента в одном определенном направлении, заканчивающиеся обычно прогрессивным слабоумием. Подвергая подробному анализу своих пациентов обоих типов, Кречмер рисует очень сложную картину психических и физических свойств для каждого из них, а также для различных оттенков обоих типов. Далее, изучая родственников своих больных, а также состояния, предшествующие заболеванию, Кречмер находит возможным распространить те же два психологических типа и на совершенно «нормальных» людей и, в конце концов, приходит к тому заключению, что все люди, за исключением немногих отступающих групп, делятся по темпераменту на два типа: циклоидных и схиозидных, с различными вторичными подразделениями этих типов. Эти два основных типа темперамента Кречмер связывает с определенными типами физической конституции и приписывает схизоидный темперамент всем людям с астенической или атлетической конституцией, и циклоидный темперамент — людям с пикнической конституцией. К группе циклоидной и пикнической конституцией относятся, между прочим, общественные жизнерадостные люди, часто с выдающимися организаторскими способностями, трезвые реалисты, бытописатели, прозаики, натуралисты-наблюдатели, руководствующиеся главным образом зрением; из выдающихся людей автор относит сюда: М. Лютера, Г. Кёллера, Ф. Рейтера, мать В. Гёте, А. Гумбольта, Ч. Дарвина, Р. Мейера, Бунзена, Л. Пастёра, Р. Коха, В. Сименса (основателя электротехнич. промышленности), Мирабо, Блюхера и т. д. К группе с схиозидной и астенической или атлетической конституцией принадлежат одинокие, самоуглубленные люди, нередко странного, желчного или экзальтированного характера, лирические поэты, метафизики-теоретики, математики и музыканты; из общеизвестных имен Кречмер называет здесь Гейне, Вольтера, Ничше, Ибсена, Гауптмана, Стринберга, Толстого. Достоевского. Шиллера, Микель-Анжело, Коперника, Лейбница, Ньютона, Фарадея, Канта, Спинозу, Руссо, Саванароллу, Кальвина, Робеспьера и т. д.

Анализируя генеалогии больных с ясно выраженным шизоидным психозом, Гофмен пришел к выводу, что этот психоз определяется сочетанием трех особых генов; Т. И. Юдин предполагает для циклоидного психоза также три гена. Как будто отсюда можно вывести, что принадлежащие к соответствующим семьям схиозтимики и циклотимики характеризуются одним или двумя из тех трех генов, которые встречаясь совместно, определяют соответствующий схизоидный или маниако-депрессивный психоз.

Идея, положенная Кречмером в основу его классификации темпераментов, - стремление на основании анализа резких аномалий подойти к пониманию «нормальных» состояний — представляет, конечно, значительный интерес. И вероятно, некоторое время будут увлекаться обрисованной им возможностью, на основании немногих легко уловимых внешних признаков пикнической (артрической) или астенической конституции судить о наследственных особенностях темперамента. Но пока это — лишь живо набросанные картины, далекие от научной обоснованности и ясности понятий. По-видимому, нам придется еще долго работать над углублением наших знаний по функции желез внутренней секреции, по их влиянию на химико-психические процессы и по их генетике, раньше. Чем будет разработана обоснованная и имеющая действительно практическое значение классификации конституционных темпераментов.

ГЛАВА III

НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Нервно-психическая деятельность, подобно химико-психической, регулирует поведение человека в связи с изменениями окружающей среды, но в противоположность последней она чрезвычайно специализирована и распадается на бесконечное число элементарных актов, притом же со своей физической стороны строго локализированных в определенных участках тела. Эти элементарные нервно-психические акты — рефлексы, материальным субстратом которых является непрерывная рефлекторная дуга, твердая нервная фибрилля, начинающаяся воспринимающим рецепторным органом чувства и заканчивающаяся отвечающим эффекторным концом в определенном двигательном или железистом органе. Благодаря своему твердому агрегатному состоянию рефлекторная фибриллярная дуга является одним из самых прочных образований в теле человека — не менее прочным, чем кости или соединительно-тканные волокна сухожилий и связок — и, раз возникнув

в организме, может сохраняться неизменной в течение всей жизни до самой смерти, не подвергаясь разрушению при самых разнообразных химических изменениях. Происходящих при обмене веществ. Нервное раздражение, протекающее вдоль фибрилли с определенною скоростью, является, по-видимому, диффузионным током ионов в тончайшем поверхностном жидком слое протоплазмы, соприкасающемся с фибриллей. Этот нервный ток с физико-химической стороны, по-видимому, более или менее однороден для всех рефлекторных дуг, и во всяком случае величайшее разнообразие нашей нервно-психической деятельности объясняется не разнообразием физико-химических особенностей нервного тока, а чрезвычайной морфологической сложностью сети рефлекторных дуг в нашей нервной системе, перед которою вся совокупность телеграфных и телефонных проводов на земной поверхности кажется простою.

Часть своих рефлекторных дуг человек получает в готовом сложившемся виде по наследству от предков; им соответствуют врожденные безусловные рефлексы И. П. Павлова. Они более или менее сходны у всех людей, различающихся друг от друга в этом отношении не более чем по другим структурам своего тела. Другая часть рефлекторных дуг формируется в течение жизни человека в зависимости от случайностей его существования, причем из жидких протоплазматических связей между частями врожденных фибриллярных дуг выпадают скелетные фибрилли, сначала непрочные и легко вновь растворяющиеся, а при повторных опытах — «запоминании» - приобретающие предельную прочность врожденных рефлекторных фибриллярных дуг; это — процесс образования условных рефлексов, так ясно анализированный с физиологической стороны И. П. Павловым. Физико-химические процессы диффузии ионов вдоль фибриллей здесь, по-видимому, те же самые, что и при безусловных рефлексах. Сравнительное однообразие физико-химической стороны нервной деятельности является, по нашему мнению, резким контрастом с разнообразием химических процессов при химико-психической деятельности, которая, с другой стороны, не имеет столь сложной структурной основы.

Таким образом особенности безусловных рефлексов, если мы их обнаруживаем у разных индивидуумов, являются по большей части наследственными, если только они не возникают вследствие более или менее случайных повреждений во время развития и жизни человека. Это относится как к элементарным простым рефлексам вроде коленного или зрачкового, так и к связанным в длинные цепи комплексам безусловных рефлексов, которые мы называем «инстинктами» и которые так изумляют нас у насекомых. У человека и высших позвоночных безусловные рефлексы и инстинкты отступают на второй

план. И нервно-психическая деятельность здесь заполнена главным образом условными рефлексами, которые, как все благоприобретенные признаки, по наследству не передаются. Человек рождается на свет без всяких условных рефлексов, но он получает от своих родителей лишь определенные способности к образованию условных рефлексов в форме большего или меньшего количества более или менее способных к образованию новых рефлекторных дуг нейронов, расположенных в различных нервных центрах. Поэтому и по отношению к условным рефлексам, главной основе нашей нервно-психической деятельности, мы можем говорить о врожденных способностях.

1. Безусловные рефлексы и «инстинкты»

Ввиду того, что в жизни человека исключительно важную роль играют условные рефлексы, оказывается нелегким обнаружить в его нервно-психической деятельности такие рефлексы, с которыми он рождается и которые совершенно не изменяются в течение жизни, не поддаваясь влиянию опыта и научения. Безусловные рефлексы мы находим по большей части среди таких нервно-психических явлений, которые мы совсем не воспринимаем с их психической стороны, так как они не доходят до нашего сознания. Но было бы неправильным на этом основании исключать их из нервно-психической деятельности: мы должны лишь рассматривать их как самые элементарные, наиболее легко поддающиеся анализу нервно-психические акты. Когда мы наблюдаем у животных какие-либо рефлексы, мы никогда не можем сказать: сопровождаются они сознанием или нет. Основную функцию нервно-психической системы — служить регуляторами поведения животных в зависимости от изменения внешней среды — они выполняют в полной мере.

При исследовании нервных больных врачи всегда обращают внимание на определенные сухожильные рефлексы ноги: пателлярный, Ахиллесов и трицепсовый. В некоторых случаях эти рефлексы оказываются значительно ослабленными, а иногда и совсем отсутствуют. Это может служить указанием на общее физиологическое состояние нервной системы, особенно в тех случаях, когда все три рефлекса одновременно ослабли. Но случается, что у того или иного субъекта отсутствует лишь один из этих рефлексов, и ни о каком физиологическом заболевании не может быть речи. Тогда приходится заключить о конституциональном недостатке или выпадении определенной рефлекторной дуги. Нередко отсутствие этих рефлексов наблюдалось у субъектов с другими конституциональными недостатками, и Ю. Бауер склонен рассматривать

такое отсутствие рефлекса как определенную стигму дегенеративной конституции. Было бы в высшей степени интересно подвергнуть эти признаки полному генетическому анализу, определить на большом количестве субъектов процент лиц, обнаруживающих отсутствие одного, двух или всех трех из этих рефлексов и подвергнуть такому же обследованию полные семьи аномальных субъектов с целью выяснить законы менделирования этих признаков. Точное изучение корреляции между отсутствием признака и теми или иными симптомами дегенеративной конституции повысит интерес такого исследования для врача, который взялся бы за научную разработку этой темы. Столь же интересной темой является генетическое изучение корнеального и рвотного (на прикосновение к глотке или мягкому нёбу) рефлексов. Ю. Бауэр находит, что оба они могут отсутствовать и у здоровых людей, но чаще это отсутствие их оказывается стигмой общего дегенеративного состояния.

Ю. Бауэр обращает далее внимание на широкое распространение среди тирольцев (как вполне здоровых, так и с признаками дегенеративной конституции) одного явления, которое он называет «псевдо-бабинским феноменом». При почесывании подошвы у большинства людей возникает сгибание пальцев ноги книзу, но у некоторых субъектов большой палец поднимается при этом кверху. Этот чисто спинномозговой рефлекс отличается от настоящего феномена Бабинского взрослых, при котором, по-видимому, играет роль некоторое поражение высшего церебального механизма. По Ю. Бауэру, у новорожденных и грудных детей наблюдается нормально феномен Бабинского — реакция на щекотку подошвы поднятием кверху большого пальца с веерообразным растопыриванием остальных. С возрастом этот рефлекс подавляется вмешательством церебального механизма через посредство пирамидных путей. При патологическом изменении последних феномен Бабинского восстановляется и у взрослых. Но псевдо-бабинский феномен, отличающийся отсутствием растопыривания пальцев, наблюдается в течение всей жизни у нормальных субъектов, у которых надстройка рефлекторной дуги до пирамидальных путей конституционально задержана. Семейное обследование подобных аномалий весьма желательно.

У Трёмнера собраны указания на ряд подобных случайных аномалий рефлексов у совершенно здоровых людей, вроде сокращения брюшных кожных мышцы при поглаживании ляжек и спины, что показывает на развитие здесь особой рефлекторной дуги, отсутствующей у большинства людей. Интересно также, что во многих случаях рефлекторные дуги на одной стороне тела развиты нормально. А на другой — соответствующие рефлексы отсутствуют. Этот факт напоминает другое более общее явление, также обнаруживающее наследственные вариации у разных

субъектов: преимущественное развитие то правой, то левой руки.

Невролог, который взял бы на себя задачу подвергнуть детальному обследованию безусловные рефлексы у большого количества субъектов — напр., школьников — и в случае обнаружения у них тех или иных аномалий распространил бы такое же обследование на их родителей, братьев и сестер, выполнил бы очень интересную и важную работу. Небольшая и недостаточно глубокая литература по этому вопросу собрана в книге Б. Бауэра «Die konstitutionelle Disposition zu inneren Krankheiten». Berlin 1921. При такой работе удастся, конечно, натолкнуться на многие методы невропатологического исследования больных и обнаружить те или иные стигмы дегенеративной конституции.

Другого рода исследование по генетическому анализу безусловных рефлексов могло бы быть проведено в родильных и воспитательных домах, где новорожденные и грудные дети содержатся при однообразных внешних условиях. Здесь можно было бы поставить наблюдения и эксперименты над первым проявлением безусловных рефлексов в области питания как молоком матери, так и иного рода пищей с целью выяснить индивидуальные вариации безусловных рефлексов и подвергнуть их статистической разработке. При таком исследовании надо, однако, помнить о легкости образования условных рефлексов, благодаря чему можно легко впасть в ошибку.

Такое исследование было бы особенно желательно, потому что дало бы нам материалы по генетике вкуса и по физиологии одного из наиболее темных органов чувств. Параллельные эксперименты следовало бы поставить зоологам над безусловными рефлексами в области вкуса, напр., у гусениц бабочек, хотя бы у обыкновенного шелковичного червя. Переводя их от обычного кормления листьями тутового дерева на другую пищу (скорцонеру и пр.) мы, вероятно, могли бы выделить такие генотипы, которые обладают безусловными рефлексами исключительно к листьям тутового дерева, и такие, вкусы которых менее специализированы; таким образом можно было бы закрепить новые расы.

К экспериментам над животными придется прибегнуть для того, чтобы разъяснить генетику инстинктов. Дело в том, что у человека инстинкты играют совершенно второстепенную роль в сравнении, напр., с насекомыми. Поэтому нервные физиологи, изучающие нервно-психические явления у человека, так чуждаются понятия об инстинктах, приписывая ему какой-то нереальны метафизический характер; для биолога же это — определенный научный термин, который применяется к реакциям поведения животных, слагающимся из длинной цепи связанных между собою безусловных рефлексов, направляемых химико-психологическим (напр., половым) влечением. Для пояснения можно указать

на генетический анализ строительного инстинкта жуков-листовергов, проведенный М. П. Садовниковой в ее докладе на съезде русских зоологов в декабре 1922 года. У нас встречается несколько видов таких жуков: березовый, тополевый и осиновый долгоносики (Rhynchites betulae, Rh. populi, Rh. betuleti), а также Apoderus coryli и Attelabus curculionoides. До созревания половых продуктов они кормятся на листьях, не обнаруживая строительных инстинктов. Половое влечение, т. е., очевидно, изменение химизма крови, вызванное созреванием яиц, вызывает у самок ряд сложных безусловных рефлексов, различных для каждого из пяти указанных видов. Березовый листоверг-самка, в сопровождении самца, не участвующего в постройке, выбирает молодой листочек березы и прежде всего прокалывает его черешок, так что листок спадает (1-й безусловный рефлекс); затем обходит вокруг всего листка по его краю (2-й б. р.); прогрызает верхнюю часть листка поперек до средней жилки, начиная от края, причем разрез имеет вид стоячего латинского S (3-й б. р.); переходит на другой край и прогрызает вторую половину разреза, начиная от края также до средней жилки в виде лежачего латинского S (4-й б. р.); спустившись на нижнюю часть листка, держащуюся только на средней жилке, свертывает ее в продольную висячую трубочку (5-й б. р.); откладывает внутри трубочки несколько яичек (6-й б. р.); запечатывает нижний открытый конец трубочки (7-й б. р.) и улетает. При более подробном изложении можно было бы некоторые из перечисленных рефлексов разложить дополнительно на отдельные акты. Для всех особей Rh. betulae отдельные рефлекторные акты идентичны, но у других видов некоторые из них (напр., 3-й, 4-й, 7-й) выпадают или заменены другими. М. П. Садовникова наблюдала у трех видов долгоносиков возникновение 8-го безусловного рефлекса в цепи строительного инстинкта; а именно, некоторые особи по окончании постройки поднимаются на черешок листка и перегрызают его, так что трубочка вместе с отложенными яйцами падает на землю. Если бы оказалось возможным скрестить самок, перегрызающих черешок, с самками, выведшимися из тех трубочек, которые остались висеть на дереве, то мы выяснили бы, является ли рефлекс отгрызания черешка доминантным или рецессивным признаком. Таким путем, мне кажется, следует изучать генетику инстинктов, совершенно лишающихся при таком подходе мистического, нереального характера. Ясно, что во всем описанном ряде все рефлексы — действительно безусловные, врожденные, не требующие опыта и обучения, и все основаны на связанных так или иначе между собою рефлекторных фибрильных дугах, которые подобно другим морфологическим признакам входят в характеристику вида. Условным рефлексам здесь места нет.

У человека нечто, подобное инстинктам, можно найти лишь в половом акте и, пожалуй, в физиологии поддержания равновесия; в большинстве же случаев сложные реакции поведения у человека сводятся к ряду условных рефлексов. И даже в области автоматического поддержания равновесия, которое не совсем совпадает с понятием инстинкта, условные рефлексы, основанные на привычках и обучении, играют весьма важную роль. Все же мы с полным правом можем говорить о врожденной ловкости, способности к эквилибристике, которая также может быть в известной степени отнесена к психическим способностям. Не подлежит сомнению, что та или иная степень ловкости характеризует не только отдельного субъекта, но и целые расы.

2. Условные рефлексы

Условные рефлексы приобретаются каждым животным в течение его индивидуальной жизни и по наследству не передаются. Если бы требовались еще новые доказательства тому, что благоприобретенные признаки не передаются по наследству, то мы нашли бы их в самой ясной и недвусмысленной форме при изучении условных рефлексов. Все попытки доказать наследуемость условных рефлексов вытекают из незнакомства с точными методами генетики.

Но эта непередача потомству условных рефлексов отнюдь не исключает возможности говорить о врожденной способности образовывать те или иные группы рефлексов. Способности к образованию определенных условных рефлексов определяются следующими тремя факторами: а) закрепленным наследственно типом строения рецепторных нервных аппаратов; б) конституционным типом строения эффекторных нервных аппаратов, заканчивающихся в мышцах и железах и в) большим или меньшим развитием разнообразных ассоциативных центров низшего и высшего порядков, которые могут вступать в связь как между собою, так и с предуготованными рецепторными и эффекторными органами. Скорость, с которою образуются новые условные рефлексы, т. е., с моей точки зрения, выпадают связующие твердые (из гидрожела) фибрилли внутри жидких (из гидросола) протоплазматических отростков, определяется, конечно, общими химическими свойствами данного организма, т. е. относится уже к химико-психическим свойствам его темперамента.

а) Рецепторные способности

В области каждого чувства несомненны различные индивидуальные и групповые вариации среди людей, хотя эти вариации далеко еще не-

достаточно исследованы. Исследование этих вариаций затрудняется тем, что острота чувств значительно изменяется вследствие упражнения, а потому сравнивать можно только людей, у которых нельзя ожидать резких отклонений в ту или иную сторону вследствие особенностей их жизни. Это относится прежде всего к осязанию. Нельзя сравнивать тактильных особенностей кончиков пальцев у чернорабочего с огрубевшими руками и скрипача. Может быть, наиболее правильно было бы обследовать в этом отношении школьников одного и того же возраста, разделяя обычно при этом и горожан, и деревенских ребят. При помощи простых методов исследования, применяя тактильный циркуль, можно было бы в короткое время получить значительное количество данных о тактильной способности каждого пальца и других областей руки, построить вариационные кривые и наметить группы, а затем перейти к посемейному обследованию. Подбор особей, с высоко развитым чувством осязания производится в практической жизни нередко, напр., в прядильной или швейной промышленности; скульпторы и музыканты также должны обладать обостренным осязанием. Вероятно, резкое расслоение типов должно наблюдаться среди слепых, так как при отсутствии зрения чувство осязания должно, благодаря упражнению, развиваться до возможных максимальных пределов, и слепые от рождения, у которых пальцы тем не менее не обнаруживают высокого развития осязания, очевидно, принадлежат к наименее одаренному в этом отношении генотипу. Интересно также исследовать в этом отношении осязание подошвы ног и других частей кожи, а также волос. Температурное и болевое чувства также должны быть различно развиты у разных людей, и во всех этих отношениях можно ожидать расовых отличий. Ю. Бауэр отмечает, что у китайцев и арабов болевая чувствительность резко понижена; такое же понижение болевой чувствительности наблюдается, по его данным, у некоторых психопатов и преступников.

Без сомнения, различно также и мускульное, или кинэстетическое, чувство, которое было бы весьма полезно подвергнуть обследованию с теми же предосторожностями, пользуясь, напр., методом сравнительной оценки тяжестей. И здесь у слепых можно ожидать особенно высоких и в то же время резко различных цифр. Совместно с чувством равновесия мускульное чувство играет существенную роль в определении направления при устранении зрения. И эти измерения можно было бы поставить в широких размерах и опять можно было бы ожидать встретить здесь особенности, типичные для рас.

Различия в остроте вкуса особенно резко сказываются при наблюдении густаторов, специалистов по оценке чая, вина и пр. Лица, стоящие во главе соответствующих отраслей торговли и промышлен-

ности, хорошо знают, что густатором нельзя «сделаться», им надо «родиться». Для разъяснения генетики вкуса было бы очень важно обследовать семьи хороших густаторов, которые, по-видимому, являются вообще редкими типами. Может ли специалист по оценке вкуса чая специализироваться также и на оценке аромата вин, или же здесь играют роль отдельные гены? На этот вопрос мы не можем дать ответа без специальных исследований.

Обоняние у современного культурного человека не играет особенно большой роли, и мы здесь также можем ожидать большого генотипного разнообразия. Наиболее высокое развитие этого чувства следует искать у специалистов-парфюмеров, у слепых, а также у кочевых и охотничьих племен. Франкль Хохварт показал, что у человека в некоторых семьях отсутствие обонятельного чувства (аносмия) может быть наследственным: ф. дер Гевен-Леонард наблюдал у себя качественные особенности обоняния наряду с дальтонизмом. Тщательное посемейное обследование людей, выдающихся в том или ином отношении по своему обонянию, обещает много новых любопытных данных. Параллельные опыты со скрещиванием собак разных пород могут выяснить основания генетического анализа обоняния, применимые и к человеку.

Роль, которую играет в психике человека чувство слуха, очень велика. Достаточно указать на то, что при врожденном отсутствии слуха при обычных условиях не появляется и речи, и если глухонемые в специальных учреждениях и научаются говорить, то все же речь остается бедной и несовершенной, а вместе с речью несовершенно и логическое мышление. Полная глухонемота может возникнуть вследствие различных заболеваний в детском возрасте или в утробе матери; в таком случае, конечно, не передается по наследству. Но, по вычислению Ленца, из 50.000 глухонемых, живущих в Германии, не менее ¼ получили ее как конституциональный признак от родителей. Так как нередко случается, что от двух нормальных родителей родятся конституционально глухонемые дети, обыкновенно заключают, что глухонемота обязана своим происхождением рецессивному гену; другие исследователи полагают, что здесь может быть замешано и несколько генов, среди которых имеется и доминантный ген. Установление точных генеалогий глухонемых, с очным занесением в генеалогию и всех нормально слышащих членов семейства, с указанием родственных браков, которые здесь, как и при всяком рецессивном наследовании, играют важную роль, представляется очень важным. Известно, что среди некоторых рас глухонемота распространена более чем среди других: так, в Берлине на 10.000 евреев приходится 27 глухонемых, а на то же число не евреев — только 6; вероятно здесь особенно большую роль играют родственные браки среди

евреев. Однако не только полная глухонемота, но и ослабление слуха накладывает резкий отпечаток на психику. Обыкновенная причина этого поражения слуха — наследственный отосклероз, который обозначается в период полового созревания и неуклонно прогрессирует; значительная часть случаев отосклероза приписывается доминантному гену. Причиной ослабления и полного исчезновения слуха может являться и постепенная атрофия слухового нерва, также иногда являющаяся наследственной, но в других случаях возникающая в результате сифилиса и в таком случае по наследству не передающаяся.

При нормальном слухе могут быть наследственно различны его особенности. Есть люди, которые прекрасно слышат шумы, человеческую речь, но совсем не разбираются в музыкальных тонах: для них не существует музыки. Это наблюдается у многих вполне культурных и даже высоко одаренных людей, которые воспитывались в музыкальной среде. Обыкновенно принимают, что музыкальный слух есть рецессивный признак, и от брака между двумя супругами, из которых один обладает музыкальным слухом, а другой лишен его, в одних случаях все без исключения дети, а в других, по крайней мере, половина детей лишены музыкального слуха; а если оба родителя одарены, то и все дети также обнаруживают музыкальный слух.

Но музыкальный слух может иметь много градаций — вплоть до наивысшей степени одаренности: абсолютного слуха. Было бы очень интересно получить точные данные по семейному обследованию людей с абсолютным слухом. Каждая точная генеалогия субъекта с абсолютным слухом могла бы найти место на страницах «Русского Евгенического Журнала».

Вряд ли можно сомневаться в том, что существуют и существовали ранее значительные расовые особенности музыкального слуха. В истории культуры разных народов музыка играет различную роль. Было бы неправильно думать, что расцвет музыки, который характеризует европейскую культуру за последние столетия, представляет собою лишь эволюционное развитие элементарной музыки древних культур.

Для многих исчезнувших рас современная музыка была бы, вероятно, совершенно недоступной, вследствие отсутствия музыкального слуха, как она остается недоступной и для очень многих — вероятно, значительного большинства — современных людей и рас, благодаря конституциональным особенностям их слуха.

Но среди всех чувств наибольшее влияние на психику человека оказывает, конечно, зрение.

Конституциональные особенности зрения нам известны значительно полнее, чем особенности других чувств, и в нашем распоряжении имеется гораздо более данных по генетическому анализу глаза и зрения,

чем по отношению к большинству физиологических и морфологических признаков человека. К сожалению, эти данные относятся на столько к биологическим, сколько к патологическим признакам. Однако к последним вряд ли могут быть причислены самые обычные особенности зрения — близорукость и дальнозоркость.

Близорукость (миопия), как точно установлено в настоящее время, отнюдь не является результатом чтения на близком расстоянии в школьном возрасте, как думали еще недавно, но представляет собою типичную конституциональную особенность. Конечно, она не всегда зависит исключительно от чрезмерной кривизны хрусталика, но также и от кривизны роговицы и от расстояния хрусталика от ретины. В связи с этим генотип близорукости может в разных случаях определяться разными генами. Ля некоторых случаев конституциональной миопии может считаться установленным, что она зависит от одного доминантного гена (Флейшер), в других случаях — от рецессивного гена (Штейгер, Клаузен. 1921), в третьих — от рецессивного гена, связанного с полом (Ворт и Освальд).

Конституциональная природа чрезмерной дальнозоркости, сопряженной с неспособностью разглядывать ясно близкие предметы, также несомненна, но генетически разобрана менее подробно. Во всяком случае собирание сведений по распределению близорукости и дальнозоркости в семьях с указанием возраста весьма желательно. Особенно интересно было бы изучить в этом отношении демографически целые расы, вычисляя процентное отношение уклонений того и другого рода от нормы. Представляется вероятным, что существовали и, возможно, существуют и в настоящее время целые расы с преобладанием близорукости или дальнозоркости.

Может быть, в настоящее время благодаря употреблению очков и оптических инструментов влияние миопии и гиперопии на психику и не сказывается уже резко, но не подлежит сомнению, что ранее дело обстояло иначе. Мы можем с уверенностью сказать, что раса, состоящая из близоруких, должна выработать совсем иную культуру, чем раса дальнозорких. Для первой из этих рас будет совершенно недоступна астрономия без инструментов, а стало быть, и техническое приложение астрономии, и астрология, и конкретное представление о дали, перспективе, может быть, и бесконечности. Наоборот, все близкое телесное, все, что можно ощупать и видеть в одно и то же время, займет преобладающее место, и из всех искусств для такого народа самым близким явится скульптура.

Наоборот, раса дальнозорких, особенно хорошо приспособленных к жизни на бесконечных равнинах, раса, по преимуществу кочевая,

может при высокой культуре создать астрономию, приложить к искусству перспективу, построить грандиозные памятники, необозримые для близорукого глаза, создать учение о бесконечности и т. д. Когда мы читаем у Шпенглера, на любопытных характеристиках которого я остановлюсь позднее, противоположение греческой, арабской и египетской культуры, то невольно приходит в голову самое простое объяснение: культура Греции создана близорукой расой, египетская и арабская — расами дальнозоркими. Однако правильнее будет разобрать этот вопрос в связи с анализом работы высших нервных центров, так как возможно, что здесь замешаны конституционные расовые особенности, относящиеся к высшей нервной деятельности.

Ряд других особенностей глазного яблока — астигматизм, чрезмерно выпуклая роговица, косоглазие, помутнение роговицы, неправильное положение хрусталика, чрезмерно малая величина, атрофия ретины (Retinitis pigmentosa), атрофия зрительного нерва, атрофия сосудистой оболочки, глаукома, катаракт, прирожденная слепота, куриная (ночная) слепота и дневная слепота — принадлежат несомненно к генотипным конституциональным особенностям. Хотя их наследование, согласно менделеевским законам, изучено более или менее полно, но все же для устранения нередких противоречий необходимо собирание семейных данных о наследовании всех этих признаков, которые, конечно, не могут не отзываться более или менее резко на психологических особенностях субъекта. Но все это — резко патологические особенности, в большинстве случаев, возникающие сравнительно в поздний период жизни человека, когда большая часть условных рефлексов уже сложилась. Для нас поэтому значительно интереснее такая особенность, как дальтонизм — неспособность различать зеленый цвет от красного. Это — типичная биологическая, а не патологическая особенность. Люди, обладающие ею, могут всю свою жизнь считать себя вполне здоровыми и нормально зрячими, и только тщательное испытание обнаруживает у них отличие от нормального видения. Притом же эта особенность распространена очень широко, гораздо шире, чем обыкновенно думают: по Грэноц, ею обладают до 3% мужчин и около 0,3% женщин; по Ф. Гессу, цифра эта несколько преувеличена, включая в себя не только полных дальтонистов, но и людей, у которых различение между зеленым и красным цветом выражено лишь в очень слабой степени. Было бы очень любопытно установить, как меняется этот процент в различных расах. Вполне возможно допустить существование таких рас, у которых дальтонизм является вполне нормальным явлением, так как сам по себе он не влечет за собою существенно вредных для жизни последствий; но, вероятно, культура, которую создала бы

такая слепая на красный и зеленый цвет раса, была бы несколько своеобразной: ввиду бедности различимых таким народом красок, он не мог бы, например, развить красочную живопись, и изобразительное искусство его ограничивалось бы лишь скульптурой и архитектурой. Было б интересно также детально проследить, какое влияние дальтонизм оказывает на психику отдельного человека, в смысле обеднения зрительных образов. Наследственность дальтонизма – типичная для связанных с полом рецессивных признаков, как и для куриной слепот или гемофилии; только процент пораженных женщин выше, вероятно, вследствие большей распространенности дальтонизма среди населения.

Останавливаться на таких свойствах глаза, которые, подобно окраске радужины, являясь строго наследственными, не оказывают заметного влияния на психику, здесь неуместно; но альбинизм при бесцветных и окрашенных волосах (генотипные формулы аа и ее) значительно ослабляет зрение, а стало быть, и влияет на психику, заставляет избегать солнечного света и таким образом определяет поведение и образ жизни. В Южной Америке существовало, а, может быть, существует до сих пор, одно лесное индейское племя, для которого нормальным типом, по Реклю, был альбинизм. Следовало бы изучить, как эта особенность отразилась на образе жизни этого племени среди тропической природы и вечного солнца. Собирание генеалогий альбинизма весьма интересно в особенности по отношению к редкому сочетанию альбинизма глаз с окрашенными волосами, для которых Мансфельд допускает связанное с полом рецессивное наследование, в то время как у мышей и морских свинок соответствующий ген Е с полом не связан.

б) Эффекторные способности

Эффекторными органами нашего поведения являются, с одной стороны, мускулы, с другой – железы с наружной и внутренней секрецией. Для наших психических способностей особенно важное значение имеют волевые мышцы и эндокринные железы, а потому мы только на них и остановимся.

Наши мускулы имеют двоякую иннервацию, так как это не только органы движения, но и органы чувств, и не легко отличить в каждом отдельном случае, чему следует приписать ту или иную способность мускулатуры: развитию ее двигательной или чувствующей иннервации.

Анализ тончайшего нервного механизма человеческой руки заслуживает особенного внимания. Развитие руки, может быть, более чем развитие какого-либо другого органа, сделало человека человеком, и расчленение иннервации руки сыграло важную роль в развитии человеческого мозга. Поэтому каждая мельчайшая подробность двигательного механизма руки

заслуживает самого внимательного изучения. Предельные движения каждого пальца, пределы каждого поворота и сгиба должны быть тщательно изучены. Хиромантия не такая бессмыслица, как представляется с первого взгляда и, действительно, много индивидуальных способностей, много черт характера может быть прочитано на руке, когда мы познакомимся во всех деталях с физиологией каждого отдельного движения. Пока мы можем только утверждать с полной уверенностью, что каждый человек имеет столь же отлично построенную руку, как различны лица всех людей, и что, кроме тех особенностей, которые возникают в результате того или иного рода деятельности, в руке есть очень много особенностей наследственных. Для каждого рода человеческой деятельности требуются специальные свойства руки, и дети, воспитанные в совершенно одинаковых условиях, распределяются по ремеслам («рукомеслам») и профессиям в значительной степени по врожденным способностям своей руки. Далеко не всякий ребенок может сделаться искусным портным, слесарем, кузнецом, столяром, токарем, часовщиком или хирургом. Еще яснее значение наследственных особенностей руки для представителей искусства — чистого или прикладного. Для художника, скульптора, гравера, кроме способных художественно воспринимать глаз и мозга, нужна способная и легко управляемая в своих движениях рука. Величайшие композиторы мира порою оказывались очень посредственными скрипачами, так как не умели достаточно владеть своими пальцами, хотя вероятно, очень хотели бы этого и не пожалели бы времени для упражнений, если бы рассчитывали добиться полного успеха.

Конечно, имеются расовые особенности наследственных способностей руки, и среди племен, впервые сталкивающихся с цивилизацией, мы различаем племена, способные и неспособные к тем или иным родам ручной работы. Когда первобытные племена сталкивались между собою, решающую роль в длительной борьбе играли часто именно те или иные способности руки. В пределах каждого народа, когда создаются известные экономические условия, вызывающие дифференцировку классов, население распределяется по ремеслам, цехам, кастам и классам в значительной степени по врожденным способностям руки; и неудивительно, что цехи и касты так часто носят расовый и наследственный отпечаток: сын не только потому берется за ремесло отца, что получает от него орудия производства, навыки и клиентуру, но и потому, прежде всего, что получает от родителей соответствующий генотип руки, который при замкнутых внутри касты браках поддерживается в большой чистоте в длинном ряде поколений.

Последователь, который взялся бы за проблему генетического анализа способностей человеческой руки, мог бы посвятить свою жизнь

разработке этой проблемы и не раскаялся бы в выборе жизненной задачи. А пока основные элементы этого анализа еще не установлены, мы должны удовлетвориться посемейным обследованием самых общих способностей и изучить в этом отношении семьи лиц, особенно искусно владеющих рукою в какой-либо профессии.

Вторая группа движений, важных для определения психических способностей, это — мимические движения лица, головы, рук и всего тела. Часть этих мимических движений принадлежит к безусловным рефлексам и соответствует мимическим движениям животных, представляя, так сказать, врожденную форму бессловесной речи. Другая часть мимических движений вырабатывается в течение жизни. Как безусловные мимические рефлексы, так и способности к выработке условных рефлексов мимики различны у разных людей, и эти способности, конечно, наследственны. Средний английский ребенок, попавший с детства в Неаполь, конечно, не научится так совершенно говорить жестами, как это делают природные неаполитанцы. Расчлененность и выразительность мимических движений является способностью, особенно ценной для артистов, в особенности драматических и балетных, и многочисленные артистические семьи наших Садовских, Щепкиных, Музилей, Сальвини, Дункан и др. ясно свидетельствуют в пользу наследственности мимического таланта. В одних случаях мы видим при этом чрезвычайную выразительность лица, в других — преимущественно телесных движений. Любители театрального искусства должны были бы заботливо собрать полные генеалогии хотя бы наших русских артистов, отличавшихся выдающимися мимическими способностями, отмечая, однако, в этих семьях не одних лишь артистов, но и таких членов семьи, которые выделялись на других поприщах или ничем не выделялись; но и в последнем случае должно быть отмечено, были ли их мимические особенности выше или ниже среднего. В музеях театрального искусства должны собираться коллекции портретов всех членов рода знаменитых артистов, и когда-нибудь будет написана любопытная иллюстрированная книга по генетике мимического искусства в семьях великих артистов. Доклад на эту тему в Русском Евгеническом Обществе и статья в нашем журнале были бы весьма желательны.

Значительно более сложной и еще более важной темой является генетический анализ вокальных способностей человека. Способность издавать членораздельные звуки в высшей степени характерна для человека. Сочетания этих звуков в слова и мелодии слагаются, конечно, в течение жизни, но способность к их произведению — прирожденная и зависит прежде всего от расчленения иннервации гортанных и др. мышц. В любой вокальной школе можно без труда подметить, как различны

прирожденные способности к воспроизведению музыкальных тонов голосом, вне зависимости от упражнения и от тех или иных свойств музыкального слуха. Мы могли бы каждого певца в консерватории и каждого члена его семьи охарактеризовать пределами доступной для него гаммы и богатством расчленения этой гаммы могли бы выделить тех, которые отличаются самыми яркими особенностями, и выяснить, у каких членов его семьи эти особенности проявляются. Как наследуется низкий и высокий голос, сопрано, тенор, бас и все их оттенки? Для любителя вокального искусства, интересующегося историей русской оперы, это было бы очень привлекательной темой для исследования.

Но не только вокальные способности прирожденны, а также и способности к производству членораздельных шумов, столь важных для языка. Может считаться установленным, что явные недостатки речи, как нерасчленение известных согласных, равно как и заикание, наследственны. В учреждениях, которые имеют своею целью исправлять недостатки речи, могла бы быть сделана попытка анализировать детально эти недостатки и выяснить их генетику, исследую обоих родителей, братьев, сестер и детей тех лиц, которые обращаются к ним за советами. Всякая точно установленная и подробно описанная генеалогия такой семьи может найти место на страницах нашего журнала.

Не подлежит сомнению, что имеются не только индивидуальные, но и расовые особенности произношения. Различия в выговоре в каждой местности, где все население говорит, напр., по-французски, объясняются, конечно, прежде всего подражанием и являются результатом географического распространения и местной эволюции языка. Но. Кроме того, в местностях, где все смешанное по происхождению население говорит с детства на одном и том же идиоме языка, можно отметить расовые особенности произношения. Особенно резко, как говорят, выступают эти генетические особенности произношения у представителей резко отличных рас — негров, китайцев, малайцев и т. д., с детства говорящих по-английски. Очень многие евреи, говорящие с детства исключительно на языке местного населения, легко обнаруживают свое расовое происхождение особенностями выговора. Такие особенности выговора у разных ответвлений еврейской расы отмечались еще в библии. Во всех этих случаях мы имеем дело, конечно, прежде всего с тончайшими изменениями иннервации и расположения отдельных мышечных пучков гортани и прилежащих частей, принимающих участие в образовании звуков и шумов.

Огромное влияние на психику оказывает более или менее дифференцированная иннервация желез внутренней секреции. Что у собак встречаются индивидуальные и групповые особенности в иннервации

слюнных желез, в этом легко убедиться из опытов И. П. Павлова и его сотрудников над условными рефлексами. К сожалению, мы до сих пор знаем еще очень мало об иннервации эндокринных желез. Но то обстоятельство, что наряду с людьми, обнаруживающими однородные, упрощенные, хотя порою и очень сильные эмоции, мы встречаем других людей с чрезвычайно дифференцированными оттенками эмоций, позволяет заключить о наличии в этом отношении индивидуальных и расовых особенностей. Во всяком случае величайшие артисты резко отличаются в этом отношении от людей среднего типа. Конечно, еще не скоро выяснится действительно ли такая дифференцировка эмоций объясняется особенностями иннервации эндокринных желез, но за изучение наследственности артистического богатства эмоций можно было бы взяться уже и в настоящее время.

в) Анализаторские способности

Когда мы говорили о наследственных (рецепторных) способностях, мы неизбежно должны были порою от особенностей, зависящих непосредственно от строения органов чувств в прямом смысле этого слова, переходить к анализаторским способностям, связанным со строением анализаторских центров в коре большого мозга. И. П. Павлов, который так много сделал для выяснения анализаторской функции, неоднократно указывал, что здесь еще очень трудно избежать смешения между периферическим и центральным отделами всего воспринимающего аппарата. Чтобы раздражение от зеленого цвета было воспринято, нужно, чтобы оно, как таковое, подействовало на ретину; но при дальнейшем ходе по нервным путям оно может или смешаться со всеми остальными цветовыми раздражениями, или, пройдя через анализаторские центры коры большого мозга, найти свой особый специфический путь к определенным эффекторным органам, напр., к слюнной железе при соответствующем условном рефлексе. Одно дело, когда собака воспринимает звуковой тон в 800 колебаний в секунду и реагирует на него так же, как на всякий другой тон, и совершенно иное, когда она этот тон выделяет из всех других и только на него реагирует секрецией слюны. В первом случае различны только пути, ведущие от чувствительных окончаний к одному общему чувствительному центру, который связан условными или безусловными связями с различными эффекторными органами: во втором случае для каждого раздражения имеются в коре большого мозга особые центры, связанные независимо от близких чувствительных путей со всеми двигательными путями, причем эти связи могут, независимо от других, то замыкаться в новые условные рефлексы, то тормозиться. Работы Мунка и др., в особен-

ности утонченные опытами с условными рефлексами, произведенными в лаборатории И. П. Павлова, показали, что анализаторы, относящиеся к определенным органам чувств, занимают совершенно особые участки в коре большого мозга: анализаторы зрения и слуха помещаются в коре задней половины больших полушарий, занимая здесь не совсем строго разграниченные области, анализаторы чувства обоняния — в обонятельных лопастях, мускульного, или кинэстетического, чувства — в коре передней части больших полушарий. Исследования супругов Фохт выяснили более тонкую структуру ряда концентрических слоев, по-видимому, также анализаторских слоев нервных центров, имеющих разное функциональное значение. Вероятно, каждому вычленяемому раздражению, напр., тону в 800 колебаний, соответствует в концевом отделе анализаторского центра особый нейрон или, по крайней мере, особый дендрит с несколькими вполне закрепленными, безусловными, и несколькими факультативными условными нервными связями. Ясно, что при таких условиях емкость отдельных анализаторских центров, определяемая количеством нейронов и разветвлениями их дендритов и нейритов, является у разных организмов, в частности у разных человеческих рас и у разных представителей одной и той же расы, различной величиной и характеризует наследственную конституцию каждого отдельного человека. Человек, рождающийся с определенной емкостью данного анализаторского центра, может в течение жизни в зависимости от образования тех или иных условных рефлексов развить соответствующие анализаторские способности лишь до известного предела, между тем как предел анализаторских способностей для другого человека может оказаться значительно выше или значительно ниже. Опыты И. П. Павлова над собаками, опыты Иеркса и др. американских бехевиористов, а у нас М. П. Садовниковой над поведением различных лабораторных млекопитающих и птиц установили с полною ясностью индивидуальные пределы анализаторской способности для каждой отдельной особи. Было бы весьма интересно присоединить сюда и семейное обследование. Если подобрать двух собак, самца и самку, у которых после определенной тренировки в известный срок можно вызвать различение между двумя очень близкими тонами, которые другими собаками при тех же условиях не различаются, то вероятно путем скрещиванья мы могли бы закрепить эту способность в их потомстве, если не сразу в первом же скрещиваньи, то путем отбора гомозиготов в одном из следующих поколений.

То, что выше, в предшествующем отделе, было сказано о конституционных способностях густаторов, людей с особенно развитым музыкальным слухом и пр., следовало бы подробнее развить именно в

настоящем отделе. Все люди, обладающие цветным зрением, способны воспринимать различные цвета, но не все способны к одинаково тонкому различению их. В некоторых случаях причина этого лежит в недостатке опыта, но за известными пределами никакая тренировка не в состоянии повысить способности различать близкие цвета в той мере, в какой их различают наиболее одаренные художники-колористы. То же самое можно сказать об анализаторских способностях великого композитора и средне одаренного по музыкальному слуху человека: у первого наследственная емкость центра слуха значительно выше, вероятно, нейронов в нем больше, и они обладают более высокой способностью ветвиться.

Все виды и даже крупные группы животных мы можем разбить на различные конституционные группы в зависимости от преобладающего развития у них тех или иных анализаторских центров. Рыбы принадлежат к преимущественному осмотическому типу, у дневных птиц преобладает зрение, из млекопитающих собаки широко пользуются обонянием, ночные хищники — преимущественно слухом, летучие мыши — осязанием и т. д. Конечно, такие конституции могут быть найдены и у различных людей. Анализаторская деятельность лежит в основе процесса запоминания, и характер этого процесса у разных людей зависит главным образом от того, какие анализаторские центры развиты у данного лица более других. Педагоги могли бы на большом материале поставить интересное экспериментальное исследование. Следует давать школьникам для заучивания четыре строфы одного и того же стихотворения, причем одну строфу заучивать молча по слуху, другую молча по зрению, а две остальных также по слуху и по зрению, но повторяя вслух слова, т. е. помогая запоминанию кинэстетическим чувством. Относительная скорость запоминания этими способами даст приблизительную оценку сравнительного развития слуха, зрения и кинэстетического чувства и позволит определить конституциональный тип ребенка. Само собою разумеется, следует также выяснить, как эти коэффициенты у одного и того же ребенка меняются с возрастом, чтобы получить возможность сравнивать эти коэффициенты у разных членов одной и той же семьи и приступить к проблеме менделистического расщепления этого признака.

Интересно было бы также собрать точные генеалогические сведения о лицах с выдающимися анализаторскими способностями по какой-либо области органов чувств. Конечно, у художников и скульпторов должны быть высоко развиты анализаторские центры зрения, у художников-колористов — специально центры цветного зрения, у музыкантов — центры слуха и так далее. Родители или братья и сестры выдающегося художника могут сами и не быть художниками, могут быть и конституционально

лишены способности к живописи, если у них отсутствует, напр., соответствующая способность движений руки, или если они близоруки. Но возможно, что анализаторская зрительная способность у родственников художников выльется в другую форму, если они, напр., занимаются с успехом систематикой растений или орнитологией, или же часовым мастерством и т. д. Внимательное изучение занятий родственников музыкантов порою может открыть нам совершенно неожиданные формы, в которые выливается анализаторская способность слуха.

Подобно чувствительным анализаторам должны существовать такие же моторные анализаторы, предназначенные для вычленения работы каждого отдельного мускула (или части железы) и, подобно чувствительным анализаторам, соединяющиеся условными или безусловными связями с теми или иными чувствительными или центральными аппаратами. И здесь следует допустить различную наследственную емкость отдельных моторных центров, которые определяют расчлененную подвижность руки, типической мускулатуры, гортани и т. д. Но об этом мы уже говорили в предшествующей главе.

г) Синтезаторские способности

Наблюдая, как реагирует собака на своего «хозяина», мы убеждаемся, что одна и та же реакция происходит в ответ на самые различные частичные раздражения: вид хозяина, зов его, звук его голоса, запах платья и пр. Совершенно иная двигательная реакция происходит в ответ на раздражение от «чужого», — опять-таки безразлично будет это раздражение зрительным, слуховым или обонятельным. Опыты И. П. Павлова показали, как разнообразны могут быть те условные рефлексы, которые заканчиваются одной и той же двигательной и железистой реакцией на «пищу». Очевидно, что раздражения, вычленяемые в анализаторских центрах от «пищи», «чужого», «хозяина», синтезируются в одном общем центре, подходя к нему с разных сторон, и отсюда уже идет один общий путь к тому или иному двигательному центру, заведующему ответным движением. С морфологической стороны получается схема мультиполярного нейрона, который принимает с разных сторон значительное количество разветвленных дендритов и отпускает от себя один общий нейрит.

С психологической стороны этой картине мультиполярного нейрона соответствует у нас систематический образ: «пищи», «чужого», «хозяина». Самонаблюдение показывает нам, что в нашей психике в течение жизни в результате внешних раздражений, которые подвергаются расчленению в наших анализаторских центрах и вызывают все более и более накопляющиеся условные рефлексы, возникают

многочисленные объединяющие образы, каждый из которых вызывает одну и ту же двигательную реакцию в форме различных мускульных движений, железистых выделений, эмоций (т. е. химических изменений крови с нашей точки зрения) и прежде всего в форме определенного сокращения мышц гортани — слова. Каждому образу, определяемому особым словом, в нашем мозгу должна соответствовать особая, вероятно, мультиполярная ганглиозная клетка (или, может быть, часть клетки с собственным дендритом и частью пучка фибриллей, проходящих в нейрит), связанная при помощи приобретенных при жизни дендритных скелетных фибриллярных связей с фибриллями конечных веточек разнообразных анализаторов, также сложившимися в течение жизни. Нейрит такой мультиполярной клетки ведет, вероятно, не непосредственно к вычлененному при жизни эффекторному нервному волокну определенного мускула, а распределяется по нескольким двигательным эффекторным синтезаторским нейронам, один из которых вызывает соответствующие мимические движения, другой — железистые, третий — сокращения гортанных мышц, соответствующие определенному слову.

Таким образом в мозгу человека и, вероятно, всех высших животных, обладающих богатой жизнью условных рефлексов, мы должны предполагать наличие большого количества чувствующих и двигательных рецепторных и эффекторных синтезаторских центров, соответственно числу отдельных образов и отдельных комплексов ответных движений.

Человек рождается на свет с еще незаполненными синтезаторскими центрами, которые получают те или иные связи только при жизни в зависимости от внешних условий. Но не подлежит сомнению, что емкость синтезаторов каждого отдельного мозга, как и число входящих в его состав нервных клеток, строго ограничена наследственным типом строения мозга. Обучение, образование условных рефлексов, может увеличить число фибриллярных связей, но не может изменить числа самих центров, клеток. Наблюдается определенная генотипная емкость синтезаторских центров у каждого отдельного человека и определенная расовая емкость. И, конечно, в эволюции человека из обезьяноподобных предков развитие емкости этих центров сыграло особенно важную роль.

На первом месте среди этих объединяющих центров стоит, конечно, центр речи с его сенсорным и моторным отделами. Мы хорошо знаем, что образы могут возникать и без слов, а потому вправе допускать наличность «образов» и у животных. Но полную определенность у нас получают образы только в соединении со словами, и только при наличии членораздельного языка мы можем ожидать развития и точной дифференцировки образов. Богатство речи является наиболее ясным

мерилом богатства синтезаторских центров. Не подлежит сомнению, что емкость центра речи является врожденным, конституционным признаком. Конечно, богатство речи и богатство образов, которые выражаются словами, в значительной степени зависят от воспитания и обучения, так что человек с высоко развитым центром речи может до конца жизни не заполнить его емкости. Но, сравнивая язык учащихся в старших классах школы, живущих в однообразных условиях и получающих одно и то же образование, мы убеждаемся в чрезвычайном разнообразии речи в зависимости от индивидуальности. Речь малокультурных народов бедна не только потому, что их язык не разработан литературно; выучиваясь с детства чужому языку, туземные дети, даже с самого рождения попадающие в семью культурных европейцев, вероятно, все же не научатся выражать на богатом языке все доступное этому языку богатство образов. Конечно, для того чтобы утверждать это с полной достоверностью, надо поставить соответствующие исследования и эксперименты. Но относительно слабо одаренных европейцев такие эксперименты ставятся у нас нередко и известны каждому педагогу.

Я знал одну девушку, которая 15-ти лет попала прислугой в культурную патриархальную семью и прожила с нею 25 лет. Как только она появилась, старшие дети и их воспитательница начали обучать ее грамоте. Она имела много свободного времени, считаясь членом семьи, и по нескольку часов в день читала и писала в течение всех этих 25-ти лет, имея отдельную комнату, где никто не мешал ее занятиям. В течение ряда лет ей давались уроки; все учебники подраставших детей и вся библиотека русских писателей предоставлялась в ее распоряжение. Читать она очень любила, прочла все романы Льва Толстого, всего Тургенева, Гончарова и др. Она часто — ежемесячно — бывала в театре, предпочитая драму и комедию. Но и через 25 лет она, принявшись в третий раз за «Войну и мир», читала вслух по складам и писала по разлинованным косыми линиями тетрадкам каракулями и с грубейшими ошибками, хотя почти каждый день все-таки что-нибудь списывала. Ее язык оставался чрезвычайно бедным, элементарным. Когда в конце этого периода она решила написать «роман» (выросшие за это время в семье дети уже писали и печатали), у нее вышло несколько страничек с бестолковыми, мало связанными, бедными фразами. Я думаю, все ее чтение было чисто механическим; у нее имелись налицо достаточно удовлетворительные анализаторы, как рецепторные, так и эффекторные, но большинство произносимых ею вслух слов не связывались с определенными образами в ее синтезаторском центре речи, а потому и чтение ее не могло быть беглым: не хватало готовых эффекторных синтезаторов для произнесения каждого слова. В других

отношениях при исполнении своей несложной и не отнимавшей много времени работы (уборка комнат в небольшой квартире при семье из 4-5 лиц), она производила впечатление нормальной средней женщины; но я не сомневаюсь, что другая, более одаренная, девушка при тех же самых условиях смогла бы в высокой степени развить свою речь и стать вполне развитой и культурной. Емкость ее центра речи была очень низка и заполнилась в самом начале обучения.

Педагоги, заинтересовавшиеся генетическим анализом, могли бы поставить любопытные исследования по вопросу о емкости центра речи. В школе, в особенности в старших выпускных классах, где ученики пишут самостоятельные сочинения, следовало бы произвести подсчет слов, употребляемых каждым учеником. Весьма вероятно, что обнаружилось бы резкое различие, выражаемое в точных цифрах. Так как через смешанные школы по большей части проходят все дети данной семьи, можно было бы получить посемейные данные, по крайней мере, для одного поколения. И хотя здесь должно встретиться явление менделеевского расщепления, все же, думаю я, средние для разных семей могут быть резко различными.

На примере центра речи можно легко убедиться в независимости рецепторных и эффекторных синтезаторских центров. Богатство образов, выражаемых словами, не зависит от количества словесных знаков, которыми каждый образ может быть выражен. Способность к обучению иностранным языкам предполагает большую емкость двигательного, эффекторного отдела центра речи. Емкость этого отдела также весьма различна у разных людей и не всегда совпадает в своем развитии с емкостью рецепторного отдела центра речи — с богатством словесных образов. Немало найдется писателей, которые в высоком совершенстве владеют родным языком, но совсем не знают чужих языков и мало способны к их усвоению. С другой стороны, нередко встречаются люди, свободно болтающие на нескольких языках, но обнаруживающих крайнюю бедность словесных образов. Эта способность к изучению иностранных языков также подлежит самостоятельному генетическому анализу.

Отдельно от центра речи стоит центр счета, точно так же с различною емкостью у разных рас. Известно немало примитивных племен, в языке которых имеются обозначения лишь для 1, 2, 3, не далее. И это, конечно, потому, что практическая жизнь не поставила перед ними задачи более сложного счета, и не потому, что эти племена не знакомы с письмом и не имеют учебников арифметики и школьного обучения.

В каждой начальной школе, даже у культурных народов, найдутся дети, совершенно не способные к счету и едва справляющиеся с та-

блицей умножения, и другие, которым счет дается поразительно легко. Было бы очень интересно собрать генеалогические данные о семьях выдающихся счетчиков, с огромной емкостью счетного центра. Один из известных счетчиков, выступавших на арене, сообщил мне, что его отец был бухгалтером, счетоводом, стало быть также обнаруживал склонность и способность к счету.

Кроме слов и чисел обобщенные образы находят себе конкретное выражение также в виде пространственных (геометрических) знаков, которые могут быть осуществлены движениям тела и рук. Простейшую форму таких пространственных образов американским исследователям удалось уловить и у животных, в особенности Иерксу путем выработанного им метода множественного выбора. Животным предлагается делать выбор из десяти ящиков, причем только один из открытых в этом ряду ящиков ведет к пище, служащей наградой за правильный выбор. Этот единственный правильный проход, место которого в ряду изменяется от опыта к опыту в зависимости от числа открытых дверей, намечается для всех опытов по определенному пространственному плану. Животные научаются выбирать то самый левый из открытых ящиков, то самый правый, то средний, второй справа и т. д. Можно, пожалуй, представить себе, что мы здесь имеем дело со способностью анализатора зрительно-пространственных отношений вычленять отдельные признаки и отвечать на них условными пищевыми рефлексами. Новейшие исследования М. П. Садовниковой над поведением птиц в аппарате множественного выбора показали, однако, что здесь дело обстоит сложнее, так как отдельные решенные проблемы (выбор правого, левого, среднего ящика) удается сочетать с определенными знаками (белая бумага, черная лента), и уже на эти зрительные знаки получаются условные рефлексы в форме правильного выбора то левого, то правого, то среднего ящика. Таким образом, приходится заключить, что уже не в анализаторских, а в синтезаторских пространственно-геометрических мозговых центрах птицы образуются знаки, соответствующие в психической жизни человека образам: «левый», «правый», «средний», подобно тому, как у собаки мы должны здесь допустить знаки, соответствующие образам: «пища», «хозяин», «чужой». И здесь эти знаки образуются, по-видимому, в особых нейронах, которые связываются, с одной стороны, условными фибриллярными связями с пространственно-геометрическими анализаторами и с любыми зрительными раздражениями (черная лента, белая бумага и пр.), а с другой — с соответствующими синтезаторскими моторными нейронами ориентировочных движений налево, направо, в середину. Правильная ориентировка в пространстве по отношению к гнезду и пр. играет в жизни птицы столь важную роль, что нас не

должно удивлять здесь сложное устройство соответствующих механизмов условных рефлексов.

У человека пространственные обобщенные образы могут находить себе выражение в форме начертания геометрических фигур, которые нелегко поддаются словесному обозначению. Способности к накоплению геометрических образов у людей весьма различны, что можно без труда заметить на любом уроке геометрии. Если геометрия на плоскости доступна еще довольно широким слоям населения, то на уроках стереометрии заметна уже резка дифференцировка. Лишь немногие из окончивших среднюю школу могут по своим способностям попасть на физико-математический факультет. И среди них только отдельные лица становятся настоящими геометрами, - конечно, только те, у которых синтезаторские центры пространственно-геометрических отношений отличаются особенной емкостью.

Другого рода центр мы должны допустить для накопления отвлеченных алгебраических величин и функциональных образов, высокое развитие которого характеризует выдающихся специалистов по математическому анализу и по теоретической физике, а основные элементы которого должны быть налицо у всякого школьника, успешно справляющегося с началами алгебры. Эти образы находят в условных знаках более простое конкретное выражение, чем в произносимых или написанных словах.

Счетные, геометрические и алгебраические способности обыкновенно объединяются под общим названием математических; но весьма вероятно, что каждому из них соответствует самостоятельный синтезаторский центр. Решить этот вопрос на основании чисто физиологических или психологических данных удается не скоро. Но генетический анализ дает нам более простой и быстрый метод. Необходимо собрать данные о выдающихся представителях математической науки. Все ли они одинаково богаты счетными, геометрическими, алгебраическими и функциональными образами, или, будучи исключительно одарены в одном отношении, они бедны или не выше среднего уровня в другом? Какие из этих четырех способностей развиты выше среднего у братьев, сестер, родителей и других родственников выдающихся математиков? За такую тему может взяться только математик, обладающий сам ясным представлением о различных направлениях математической мысли. С другой стороны может подойти к той же проблеме учитель математики в средней школе, сравнивая способности учеников к арифметике, геометрии, алгебре и тригонометрии, и подмечая семейные сходства между ними в этом отношении: всегда ли хорошие по арифметике в низших классах ученики обнаруживают такие же способности и по остальным

отделам математики в высших классах.

Есть еще одна группа синтезаторов, которая в двигательной области находит конкретное выражение не в виде слов: это — музыкальные образы, объединенные сочетания звуков. Есть люди с хорошо развитым слухом, способные различать отдельные тоны, которые с удовольствием слушают музыку, но оказываются совершенно не в состоянии удерживать в памяти музыкальные образы, мелодии, несмотря на постоянную тренировку, и которые даже не понимают, как такое запоминание возможно. Для других — эти образы хорошо знакомы. У великих композиторов емкость музыкальных синтезаторских центров огромна, и мелодии являются для них вторым языком, на котором они могут разговаривать, пользуясь теми или иными готовыми моторными синтезаторами. Только специалисты-музыканты могли бы обследовать в этом отношении семьи крупных композиторов.

Можно было бы говорить и о других синтезаторских центрах, напр., о центре абстрактных образов, емкость которого у разных людей, как показывают и патологические данные, весьма различна и изменяется независимо от собственного центра речи, являясь как бы дополнительной надстройкой над ним; но я не буду на этом останавливаться.

д) Межцентровая деятельность

Физиологическое направление в психологии и в особенности работа русских физиологов приучили нас к разложению всей нервно-психической деятельности на отдельные рефлексы. При таком анализе вся наша нервно-психическая деятельность разлается на отдельные процессы, начинающиеся на воспринимающей периферии, проходящие через анализаторские, а затем через синтезаторские сенсорные центры к моторным синтезаторам, анализаторам и заканчивающиеся сокращением мускула или выделением железы. Морфологическую основу этих процессов мы могли бы представить себе на схематической модели в виде параллельных вертикальных нитей, по которым от органов чувств к мускулам и железам идет нервный ток, перескакивая иногда по связям с одной нити на другую. Но на этих вертикальных линиях лежат синтезаторские центры, которые все связаны между собою сложною горизонтальною сеткой. По этим межцентровым связям может протекать нервный ток, по-видимому, того же характера, как и тот нервный ток, который течет по рефлекторным дугам. Он переходит от одного синтезаторского центра к другому, и в нашем сознании оживают последовательно те самые образы, которые могут возникнуть при раздражении тех или иных рефлекторных дуг. Если пути к соответствующим моторным синтезаторам свободны, то вслед за оживлением образа произносится

слово или происходит иной эффекторный акт; если эти пути заторможены, то никакого двигательного ответа не получается. Нервный ток по горизонтальным волокнам течет далее от центра к центру, оживляя все новые и новые образы в нашем сознании — психической стороне межцентрового нервного тока. Человек может лежать в полной тишине с закрытыми глазами без всякого движения, но в его мозгу между синтезаторскими центрами непрерывно течет нервный ток; это — процесс чистого мышления.

«Люди — смертны»; эта трехчленная Сеченовская мысль с физической стороны соответствует нервному току между нейроном, соответствующим образу «люди», и нейроном — «смерть»; третий член — вязь — соответствует условной связующей фибрилли, которая соединяет оба нейрона. Отсюда нервный ток направляется в верхний ярус синтезатора «люди», ближе к анализатору, к нейрону (или части нейрона): «Кай». Силлогизм — это нервный ток между тремя нейронами: «Кай» - «люди» - «смерть», и правильность его зависит от полноты предшествующего опыта, который закрепил соответствующие условные связи. При прохождении межцентрального нервного тока от одного синтезаторского нейрона к другому, могут возникать и новые связи между дентритами, вероятно, в форме таких же твердых фибриллей, как и при условных рефлексах. Такая новая условная связь образуется, напр., при выводе: «Кай — смертен».

Процесс мышления каждый из нас наблюдает очень ясно на самом себе, но у нас нет возможности проникнуть в этот процесс у другого человека, если он не говорит. А лежит неподвижно с закрытыми глазами, как в нашем примере. Мы даже не в состоянии определить, течет ли мысль у других людей во время молчания, как она течет безостановочно у нас во время бодрствования. По аналогии мы распространяем убеждение в том, что во время бодрствования мысль не останавливается у других, близких нам людей. Но можно ли это утверждение распространить на молчащего австралийца или на первобытного ведда?

Мы не знаем, течет ли мысль у неподвижной собаки или обезьяны, или здесь имеются только рефлекторные процессы, начинающиеся сокращением мышцы или выделением железы, а межцентровые процессы при заторможенных рецепторах и эффекторах вовсе отсутствуют.

О межцентровых процессах другого человека мы можем заключать только по его речи. Речь дает нам важные указания на развитие способности мыслить. Одни люди — ораторы, писатели, мыслители — способны долго говорить или писать, или мыслить, развивая свою мысль при заторможенных внешних рецепторах и не прерывая течения

мысли рефлексами на внешние раздражения; у других межцентральные процессы коротки, и речь (или письмо) непрестанно прерывается непосредственными ответами на внешние раздражения. Это два крайних типа мыслительных способностей, и тонкий внимательный наблюдатель мог бы различить их у разных членов хорошо знакомой семьи. Несомненно, что и различные расы обладают разной степенью способности длительно мыслить без подкрепления межцентрового тока внешними раздражениями.

Не следует думать, что сильное развитие способности к межцентральному нервному процессу при заторможенных рецепторах представляет во всех отношениях евгенический тип. В практической жизни эта способность часто сочетается с рассеянностью, обычным недостатком углубленных мыслителей, с неспособностью быстро принимать практические действия и с нерешительностью. Рассеянность, прямое следствие заторможения рецепторов, несомненно и наследственное свойство, связанное, по-видимому, с химико-психическим темпераментом. Было бы любопытно собрать точные данные о ближайших родственниках лиц, обнаруживающих исключительно резкую рассеянность. Для некоторых категорий конституционных мыслителей — ученых. Философов — рассеянность и жизненная непрактичность вошли в пословицу. Чрезмерная рассудочность, наклонность на получаемые раздражения отвечать не действиями, а бесконечным потоком межцентральных процессов, делает гамлетов также люди, мало приспособленными к жизни. Точно также врожденная наклонность освобождать моторные синтезаторские центры словами, а не делами, создает нередко бесплодных болтунов. Было бы интересно проследить, не встречаются ли рассеянные люди, «гамлеты», и «люди слова», говоруны, в одних и тех же семьях.

У практического деятеля, «человека дела», мыслительный процесс часто очень сокращен. В момент пожара в театре мужчина с сокращенным межцентровым процессом: «Женщины, дети, запасный выход» сделает гораздо более чем тот, у кого впечатление огня и опасности поведет к образованию десятка анализирующих логически правильных силлогизмов. Этот сокращенный ход мысли встречается особенно часто у людей, выросших в природной обстановке, среди постоянной борьбы и деятельности, и часто может казаться продуктом обстановки и воспитания, но ан самом деле он, конечно, является прирожденной способностью. Мы находим его у всех решительных людей, у Дон-Кихотов в противоположность Гамлетам, у полководцев, политических вождей, организаторов. Для евгенического проявления он должен сочетаться с известным темпераментом, сильною волей; этому типу несвойственна рассеянность, а лишь некоторая невнимательность к неважным, вто-

ростепенным раздражениям. Это следовало бы проверить на семейных обследованиях выдающихся по своей активности людей.

Межцентральный нервный ток у одних людей — точных мыслителей — проходит по центрам речи и потому вполне покрывается словами, или же — по геометрическим и т. п. центрам, и тогда покрывается геометрическими фигурами, формулами и т. д.; в таком случае он имеет логическое развитие. У других людей этот процесс протекает в областях мозга, далее отстоящих от центра речи, а потому и не может быть выражен полностью в словесных образах, связанных между собою логической связью; это особенно ясно у вдохновенных поэтов. Для них выраженная в конкретной форме слова «мысль изреченная есть ложь!». И если мы присмотримся к психологии широких масс населения, то мы убедимся, что большинство людей по своим конституционным качествам в этом отношении гораздо ближе к поэтам, чем к мыслителям; особенное внимание, которое ученые отводят именно мышлению в словесных образах, объясняется тем, что у самих ученых оно проявляется именно в такой форме, а потому им и трудно самим понять иной род мыслей большинства у людей. Поэтому с его иррациональным мышлением, точно так же, как и точным мыслителем, нельзя сделаться; надо таким родиться. Рационалист не в состоянии убедить иррационалиста: они просто не могут понять друг друга, ибо тончайшее строение их мозга резко различно. Бывают, конечно, и двойственные натуры: Гете в одной и то же время и естествоиспытатель и поэт. Но иррационализм все же накладывает печать и на научное мышление Гете.

Было бы интересно проследить потомство от брака между типичным точным мыслителем и супругой из семьи с ярко выраженным иррационализмом; при обычной гетерозиготности большинства доминантных признаков у человека мы уже в первом поколении могли бы рассчитывать на менделевское расщепление.

Есть еще одна общая особенность мышления, которая отличает две категории людей. Вид грозовой тучи на небосклоне у разных людей вызовет, конечно, различные токи межцентральных нервных процессов, которые отчасти определяются наличностью тех или иных образовавшихся в прошлом условных связей, а отчасти конституционным устройством всего мыслительного аппарата. У земледельца нервный ток направится по центрам: «туча — дождь — сено — убрать»; у домовладельца: «гроза — молния — пожар» и даже или «страховка», или «громоотвод», или «постройка каменного дома». Полководец при виде тучи рисует картину того, как ливень отразится на расположении войск его собственной армии и армии противника, и меняет план предстоящего сражения. В этой категории людей выступает на первый

план «целевой характер мышления», и способность предвидеть более или менее отдаленное будущее и готовиться к нему. Конечно, именно этот целевой характер мышления и делает высокое развитие межцентрального процесса особенно ценным приобретением Homo sapiens, и по мнению некоторых исследователей (Вассман) именно это «сознание цели своих поступков» отличает человеческую психику от психики других животных, хотя относительно последних и позволительно сомневаться, чтобы все они были действительно совершенно лишены межцентрального мышления и образов цели.

В противоположность этому «финалистическому» направлению межцентрального тока течение мысли у других людей бывает «каузалистическим». Ученый метеоролог при взгляде на тучу будет думать о мельчайших каплях воды, из которых она оставлена, об условиях равновесия в коллоидальной системе: вода — воздух, и, может быть, построит новую аналитическую теорию образования тучи, а ученый физик будет развивать теорию атмосферного электричества, и т. д. Каузалисты и финалисты — два различных конституциональных типа людей, между которыми часто отсутствует взаимное понимание. И не только тогда, когда земледелец, убравший свое сено, смеется над промокшим от дождя философом, а еще в большей степени, когда оба эти типа встречаются друг с другом на почве науки как отвлеченные мыслители. Современное естествознание сложилось главным образом трудами каузалистов, и, конечно, на этом пути ему предстоят еще великие победы. Выпады против этого учения «финалистов» («виталистов») по большей части просто непонятные «каузалистам». Те и другие говорят на разных языках.

В практической жизни упрощенный финализм мозгового межцентрового процесса имеет громадное значение, так как при достаточном богатстве и правильности связей, сложившихся в мозгу во время предшествовавшего опыта, позволяет предвидеть будущее. Это предвидение будущего является ярким выражением мощности человеческого мозга.

В ясной и конкретной форме, почти в виде психологического эксперимента, оно сказывается, напр., в игре в шахматы. Было бы весьма желательно собрать генеалогические данные относительно искусных шахматистов. Эти данные, интересные уже сами по себе, могли бы оказать существенные услуги для изучения физиологии мыслительного процесса. Какие способности вправе мы ожидать связанными со способностями к этой игре, требующей своеобразного напряжения мысли? найдем ли мы среди ближайших родственников великих шахматистов преимущественно математиков, геометров, счетчиков, бухгалтеров или изобретателей, механиков или представителей искусства с особенно

развитым художественным воображением? Или, наконец, организаторов, полководцев, биржевиков и т. д.? Психолог, который захотел бы подойти к проблеме с этой стороны и собрал бы ряд полных точных данных о семьях выдающихся игроков в шахматы, вероятно, смог бы значительно углубить анализ комбинаторских способностей. Это, без сомнения, более простая задача, чем анализ способностей организаторов-практиков, которые применяют сходные таланты к более сложным и труднее поддающимся анализу родам практической деятельности.

Весьма своеобразно течение межцентрового процесса у писателя-художника, романиста и в особенности драматурга. Образы, сложившиеся в его мозгу во время предшествующего опыта, оживают в момент творчества с особенной силой. Они вырисовываются во всех подробностях без непосредственных наблюдений. Психологические типы развертываются в мозговых клетках писателя со всеми особенностями их химико-психической и нервно-психической деятельности. Великий талант, произведения которого трогают читателя своей глубокой реальностью, конечно, живет, мыслит и чувствует вместе с теми воображаемыми типами, которых он нам рисует. Эта способность очень близка к способности артиста, которых перевоплощается в своей роли. Драматургу, может быть, не хватает мимических и других эффекторных способностей драматического артиста, но творческий межцентровый процесс его мышления отличается особенной полнотой и самостоятельностью. Эта близость способностей драматурга и артиста проявляется в генеалогиях выдающихся семей. Величайший творец трагедии Шекспир был сам актером, точно так же как и король французской комедии — Мольер и многие другие. Нам представляется совершенно естественным, что племянник Антона Чехова оказался таким превосходным артистом, и, конечно, дядя передал своему племяннику не только любовь к театру, традиции, театральные связи, но также и неподражаемую способность отдаваться во власть образам, возникшим в синтетических центрах мозга, и подчиняться им, как будто бы они были полной реальностью. Анализ семей крупных артистов и драматургов даст много фактов для установления связи между психическими способностями драматурга и артиста тем более что нередки браки между драматическими писателями и артистками.

В настоящее время в экспериментальной психологии разрабатываются методы определения воображения. А. М. Нечаев на заседании Русского Евгенического Общества демонстрировал свой прибор, при помощи которого можно получить сравнимые данные об анализаторских способностях, скорости воспринимающих и мыслительных процессов и о направлении межцентрового тока у различных субъектов. Если сосредоточить работу в последнем направлении, то таким путем мож-

но собрать разнообразные данные по качественной оценке процессов мышления у различных членов одной и той же семьи, в особенности у родственников особенно одаренных людей. Субъект воспринимает мимолетное впечатление от неизвестных ему предметов — одного или нескольких — и выражает словами ход развертывающегося в его мозгу межцентрового процесса. По записи можно судить о преобладающей роли в его мышлении образов внутреннего, эмоционально-химического или внешнего, чувственного происхождения. Среди последних обозначаются по преимуществу или конкретные образы, связанные с определенными органами чувств — зрительные, слуховые, - а также в большей или меньшей степени сложные абстрактные синтетические образы. Мысль выражается или в форме безупречных силлогизмов, или в сокращенной форме потока скачущих образов. Ясно обозначается разница между целевым практическим и причинным исследовательским типом мышления. Можно количественно оценить относительную силу центрального образа и непосредственного периферического восприятия. Конечно, объем предшествующего опыта накладывает свой отпечаток на содержание мыслительного процесса; но дальнейшее развитие этого метода позволит, вероятно, выделить конституционные особенности связей между синтетическими центрами различных субъектов и проникнуть в самые глубины генетического анализа межцентрового процесса. Большое значение для разработки этого метода исследования будет иметь проверка его на субъектах, тип которых уже предварительно выяснен на основании других данных.

е) Конституционные типы высших познавательных способностей

Говоря о типах химико-психических способностей, я уже указывал на то, что это, как и все конституционные типы, лишь классификационные группы высшего порядка в системе реальных систематических единиц — генотипов, - подобные семействам и классам общей зоологической классификации. В настоящее время у нас еще слишком мало данных для того, чтобы приблизить эту искусственную классификацию к естественной. Поэтому при построении классификации темпераментов мы воспользовались прежде всего результатами вековой наблюдательности, выделившей четыре основных темперамента. Что касается нервно-психических типов, то я хотел бы использовать здесь весьма талантливую, по моему мнению, художественную оценку исторических, культурных типов, проведенную Освальдом Шпенглером в его возбудившей недавно столько шума блестящей книге: «Закат Европы».

Я совершенно не разделяю основных теоретических подходов О. Шпенглера к его задаче и его взглядов на культуру, как на живое

органическое целое, которое рождается, доходит до полного развития и умирает, как все живые организмы. Я придерживаюсь тех эволюционных дарвинистических воззрений, к которым О. Шпенглер относится так враждебно. Но мне кажется, что именно эволюционист находит очень много интересного в том материале, который так художественно был анализирован этим автором. Физиологи еще слишком мало углубились в биологическую оценку высших психических способностей человека, чтобы отказываться от художественного анализа, тем более что мы имеем здесь (с некоторыми оговорками, о которых будет сказано ниже) опыт исследования расовой психологии.

О. Шпенглер разбирает историю нескольких народов, создавших свою собственную культуру; а именно античную, арабскую, западноевропейскую, египетскую, индийскую и многие другие. Особенно подробно анализирует он историю трех первых культур, и только на их анализе мы и остановимся. Конечно, ни один из народов, создавших эти культуры, мы не можем назвать чистой антропологической расой, но единство каждой из этих трех культур признавалось более или менее полно историками и до Шпенглера. И, конечно, этот автор прав, утверждая, что нельзя всю историю культурного человечества представлять себе в виде одной прямой линии прогресса, считая, что культура средних веков является непосредственным продолжением античной истории и, в свою очередь. Постепенно переходит в культуру нового и новейшего периодов. Не надо разделять своеобразной точки зрения О. Шпенглера, обособлявшего каждую отдельную культуру в самостоятельный живой организм, чтобы признать, что каждая из трех указанных выше культур создавалась самостоятельно, благодаря выступлению на арену истории новых, молодых, биологических рас, хотя, может быть, и далеких от расовой чистоты. Новая культура слагалась со всеми ее особенностями, зависящими, в первую очередь, как скажем мы, от генетических особенностей психики входивших в состав молодого народа наиболее одаренных для данной эпохи рас. И когда выдающиеся генотипы, руководившие историей своей культуры, вымирали в борьбе с другими, иначе одаренными народами, а еще более от внутренней борьбы и вследствие добровольного отказа от размножения, - вместе с ними гибли и созданная ими культура. Биологические и экономические условия существования выдвигали в каждую эпоху на руководящую роль определенные наиболее к ней подходящие евгенические генотипы. При новой биологической и экономической обстановке руководящее место в культурном творчестве мог занять. Конечно, совершенно иной конституционный тип, и хотя многие из остатков прежней культуры передавались по традиции, но естественно, что новая культура не

могла не отличаться резко от предшествовавших. Конечно, в истории человечества руководящие конституционные типы отличались друг от друга, не столько внешними расовыми признаками — телосложением, формой черепа, окраской кожи и волос, - сколько психическими и, в первую очередь, нервно-психическими особенностями, так как именно эти особенности играют главную роль в созидании культуры. Поэтому характеристика каждой отдельной культуры является характеристикой того конституционного типа нервно-психических способностей, который сыграл главную роль в создании соответствующей культуры.

Из данной О. Шпенглером проникновенной характеристики трех главных культур мы можем вывести следующее описание трех интересующих нас конституционных типов.

I. У созидателей античной культуры в анализаторских способностях на первом плане стояли осязательные и зрительные нервные центры, причем зрение их было по преимуществу близорукое. Образы, возникавшие в их синтезаторских центрах, были главным образом осязательно-зрительные образы форм, воспринимаемых на близком расстоянии. При данном устройстве мозговых центров анализ дали и перспективы, игравший существенную роль еще в психике древних египтян, был совершенно чужд типичному греку или римлянину; в связи с этим движение и время также не входило в основу его познания. Естественно, что при таких условиях математика античного человека была преимущественно математикой конкретных близких форм и нашла свое высшее выражение в Евклидовой геометрии. Упрощенная арифметика древнего эллина или римлянина ограничивалась коротким рядом простых чисел без нуля и бесконечности, понятия о которых были чужды античному уму. В искусстве античного мира главную роль играла скульптура, воспроизведение близкой осязаемой и видимой для близорукого глаза формы человеческого тела; слабое развитие анализаторских центров цветного зрения не допускало процветания живописи; недостаток анализаторских способностей слуха сказался в бедности античной музыки. Благодаря отсутствию способности к восприятию перспективы и бесконечности, античная архитектура ограничена созданием небольших почти скульптурных зданий, составлявших резкую противоположность с египетскими пирамидами, творениями дальнозоркого конституционного типа. В античной поэзии на первом месте — трагедия, но не шекспировская, а трагедия застывших в неподвижной позе форм без психологического анализа переживаний. Боги античного мира — такие же близкие конкретные формы, как и их статуи; в религии нет никакой мистики, это — та же реальность форм: вечность ей неизвестна, загробная жизнь почти не играет в ней

роли. Истории как науки нет, так как нет представления о времени и движении, и даже летосчисление почти отсутствует.

Таков тип познания формативиста, как мы можем назвать античного человека О. Шпенглера с его эвклидовским, аполлоновским умом.

II. Создание арабской культуры О. Шпенглер приписывает главным образом семитической расе — евреям и арабам. Их объединяет прежде всего мистический характер религии. В противоположность античному человеку, синтезаторские центры которого занимались почти исключительно конкретными реальными образами форм, для «магического» человека типично обладание высшими синтезаторскими центрами, в которых образуются и сохраняются отвлеченные образы. Поэтому отвлеченный бог евангелия, талмуда и ислама не имеет ничего общего с идолами греков и римлян. В рабской математике место конкретных числовых единиц и евклидовой геометрии занимает алгебра с ее отвлеченными величинами, неопределенными числами и нулем. Для дальнозоркого жителя пустынь — араба, - как и ранее для египтянина, даль, глубина, перспектива, бесконечность — хорошо понятные образы; отсюда и развитие астрономии в арабской (и египетской) культуре. В познании природы место непосредственного восприятия форм занимает изучение отвлеченной субстанции, вещества; создается химия. В искусстве на первый план выступает опять-таки, как у египтян архитектура, создание огромных купольных храмов (Пантеон, Софийский собор), построенных по отвлеченному плану и доступных в целом лишь для дальнозоркого зрения. Наряду с архитектурой развивается красочная мозаика, основанная на подборе отвлеченных формы цветов; ясно, что созидатели этого искусства в высокой степени обладали анализаторскими центрами цветного зрения.

Таков конституциональный тип магического человека, или субстанционалиста.

III. Западноевропейская культура, по О. Шпенглеру, создана германскою расой и отражает на себе особенности третьего расового типа, который он называет фаустовским типом, так как в Гётевском Фаусте видит высшее и наиболее яркое его выражение. Характерным для его конституции признаком является прежде всего высоко развитый анализаторский центр для движений глаз при аккомодации к расстояниям (конечно, сам автор не употребляет этих физиологических терминов). Отсюда вытекает в психике преобладающая роль образов глубины, движений и времени. Присущие уже магическому человеку отвлеченные понятия здесь еще более углублены. Поэтому в области математики фаустовский человек не удовлетворяется уже более счислением, арифметикой, геометрией, алгеброй, а создает теорию функций,

связывающую величину с движением и временем и совершенно недоступную для познавательных способностей античного грека или араба. Образы движений во времени и высоко дифференцированный целевой межцентровый процесс позволяют фаустовскому человеку впервые создать, с одной стороны, физику, а с другой — настоящую историю «становлений». Для Фауста, - вероятно, опять-таки в связи с особенностями его зрительных анализаторских центров и целевого мышления, а, может быть, также особенностями химико-психического аппарата влечений, - характерно вечное, неустанное стремление к далекому. Отсюда в архитектуре — постройки уносящихся в небо готических храмов. Те же свойства ведут к особенно тонкому пониманию перспективы и вместе с хорошо развитым анализаторским центром цветности создают условия для создания ландшафтной масляной живописи. Но наибольшего развития среди фаустовской культуры достигает среди искусств музыка, в частности музыка «контрапункта», недоступная для анализаторских и синтезаторских центров и для понимания грека или араба. Трагедия западного человека не есть застывшая трагедия позы формативиста грека, а развивающаяся трагедия психологических движений и страстей.

Мы назовем фаустовского человека «функционалистом», в противоположность «формативисту»-греку и «субстанционалисту»-арабу.

О. Шпенглер, вероятно, не узнал бы свои три типа в той краткой физиологической характеристике, для которой я использовал собранные им самим факты. Но он был бы не в праве претендовать на резкое отличие моего понимания этих фактов, так как его основной мыслью является убеждение, что одни и те же явления воспринимаются и понимаются разными людьми совершенно различно, - я скажу, благодаря различному конституционному типу строения мозга. Наибольшее различие между нами заключается, однако, не в том, что мы говорим, так сказать, на разных языках об одном и том же, а в том, что мы придаем разные значения познавательным типам человека. Для О. Шпенглера античный, магический и фаустовский типы принадлежат к живым организованным единицам высшего порядка — культурам, которые для моего познания совершенно неприемлемы. Для меня — это конституционные типы реальных людей, которые в пределах той или иной расы и той или иной эпохи преимущественно создавали культуру. Я не сомневаюсь, что эти три типа отнюдь не ограничены одной какой-нибудь расой, одной культурой. И в период расцвета античной культуры были, может быть, отдельные люди, приближавшиеся, по крайней мере, по тем или иным комплексам отдельных генотипных признаков к магическому или фаустовскому человеку, только ни не играли существенной роли в создании

культуры той эпохи, вероятно, потому, что форма их познания была слишком далека от формы познания большинства их современников. И во всяком случае в современную эпоху наряду друг с другом одновременно существуют все три типа: формативисты, субстанционалисты и функционалисты. Массы населения и теперь. Как и во времена Перикла, принадлежат к формативистам. Достаточно представить себе реблигиозные верования провансальского или неаполитанского крестьянина-католика с его многочисленными мадоннами и святыми Януариями, или русского крестьянина с Николой-вешним и Николой-зимним, чтобы убедиться, что они в этом отношении такие же формативисты, как и греки, почитавшие Зевса и Аполлона. При более высоком уровне образования, т. е. при большей полноте условных рефлексов, это почитание статуй и икон может исчезнуть, но конституционный тип формативиста остается. В школе такой формативист может прекрасно пройти арифметику и геометрию, по крайней мере, на плоскости, но тригонометрию разве только заучит, на математический факультет высшей школы не пойдет, но может достичь величайших успехов в области научной морфологии и систематики. Всякий современный природный скульптор, конечно, преимущественно «формативист». И если моему пониманию нервно-психических процессов всего ближе стоит геометрическая модель мозговых центров, связанных твердыми проводящими нервный ток фибриллями, то это — ясное доказательство преобладания в моем познавательном типе формативистической конституции.

Субстанционалисты также являются в настоящее время широко распространенным типом. Мы находим их и среди мистически настроенных религиозных сект и в искусстве среди великих мастеров красок и среди ученых, в особенности минералогов и химиков. Когда В. И. Вернадский рассматривает организмы как «живое вещество», определяющее те или иные химические процессы в земной коре, его понимание чрезвычайно далеко от понимания биолога-формативиста. Любопытно, что нередко и в настоящее время субстанционализм сочетается с «магизмом» - мистикой: доказательством этому служат такие химики-спириты, как Бутлеров. Конечно, бывают и смешанные конституционные типы, соединяющие в себе признаки формативистов и субстанционалистов, они, может быть, существуют даже чаще, чем чисты, крайние типы, точно так же, как схизофренический темперамент может смешиваться с маниако-депрессивным. И, настаивая на том, что наряду с нервно-психическими явлениями мы должны огромную роль приписывать и химико-психическим. Я, будучи преимущественно формативистом, обнаруживаю этим значительную примесь и субстанционального конституционного типа.

Было бы положительно ошибочным полагать, что среди наших европейских и американских современников преобладает тип функционалистов, по крайней мере. Во всей его полноте, хотя некоторые черты Гётевского Фауста довольно широко распространены среди интеллигенции разных народов в том числе и русской. Но настоящий полный функционалист, одаренный творческими способностями, идет на математический факультет и становится математиком или физиком. Обе эти науки являются действительно, может быть, особенно характерными для нашего времени, но они доступны лишь для немногих, и было бы величайшим и притом бесполезным насилием заставлять каждого студента высшей школы, даже, напр., каждого поступающего на естественное отделение, изучать здесь современную физику или дифференциалы в полном объеме. При хороших способностях, прежде всего при хорошей памяти, студент с формативистической конституцией, может быть, недурно сдаст экзамены, но глубокого следа в его мышлении эти чуждые ему образы не оставят.

Художественная наблюдательность О. Шпенглера позволила ему подметить широко распространенную связь между функционалистической конституцией и высоким развитием музыкальных анализаторских и синтезаторских центров; было бы интересно определить такое сцепление между выдающимся дарованием к математике и физике и музыкальными способностями и проверить, действительно ли формативисты реже бывают одарены в музыкальном отношении. Одно можно сказать с полной уверенностью: как бы ни характерно было для западной культуры развитие музыкального искусства, но было бы, по меньшей мере, наивным утверждение, что каждый типичный представитель нашей культуры, даже каждый богатоодаренный человек, может быть, каждый гений эпохи должен для доказательства своей связи с фаустовской культурой обладать тонким пониманием музыки и «контрапункта». Во всяком случае ничего подобного мы не в праве приписать, напр., Чарльзу Дарвину; может быть, именно за это его так и не любит Шпенглер, чувствуя в нем представителя совершенно иного, чем сам, конституционного типа.

Таким образом мы можем действительно использовать вдохновенный анализ О. Шпенглера для установления конституционных типов высших познавательных способностей человека. Однако наше толкование весьма существенно изменяет всю постановку проблемы О. Шпенглера. Мы допускаем, что германская раса действительно внесла ценный вклад в культуру человечества — ряд генов и комбинаций генов, наиболее ярко выраженный в цельной функционалистической конституции. Люди этого типа наложили свой характерный отпечаток на современ-

ную европейскую культуру. Но было бы заблуждением думать, что вся эта культура создана исключительно функционалистами. Весьма существенная доля участия в творении этой культуры принадлежит формативистам и субстанционалистам. Возможно, что О. Шпенглер, сам будучи функционалистом (он по профессии математик), совершенно естественно преувеличивает значение этого типа для нашей культурной эпохи. Какую бы из великих научных проблем познания мы ни взяли, мы увидели бы, что чисто функционалистическое ее разрешение нас не удовлетворит. Возьмем для примера проблему физической основы психики. Мы уже имеем весьма ценные попытки разрешить эту проблему чисто математическим путем, и весьма вероятно, что П. П. Лазарев стоит на совершенно правильном пути, сводя нервный процесс к определенным ионным реакциям, подчиненным строгим математическим законностям. В идеале своем высшее проявление функционализма — математика, полагающая, что каждая наука ровно постольку наука, поскольку в ней играет роль число, стремится к тому, чтобы обнять весь мир одною общей формулой, из которой вытекало бы все разнообразие явлений природы. Познание функционалиста было бы глубоко удовлетворено этой формулой. Но разве она дала бы удовлетворение уму формативиста, который желает знать сущность явлений не с математической, абстрактной стороны, а в виде конкретных зримых и осязаемых образов?

Мы не можем объединиться в общем решении, какой из конституционных типов высших познавательных способностей наиболее евгенический. Будем надеяться, что все они будут и впредь мирно работать рядом друг с другом, развиваться самостоятельно, комбинируясь и превращаясь в новые, еще не предугадываемые нами формы в грядущей жизни человечества. Все они одинаково по-своему ценны, как одинаково ценны и четыре классических конституционных темперамента — холерики, сангвиники, флегматики и меланхолики. Величайшей и наиболее ценной особенностью человеческой расы является именно огромное разнообразие ее генотипов, обеспечивающих прогрессивную эволюцию человека при самых разнородных случайностях ее неведомого нам будущего.

Ю. А. Филипченко

ПУТИ УЛУЧШЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА

Практическая евгеника

Необходимость евгеники в настоящее время. — Ограничительная евгеника. — Возможные мероприятия в области социальной евгеники. — Евгеника в частной жизни. — Евгенические организации, институты, журналы. — Евгеника в СССР.

Необходимость евгеники в настоящее время

Уже те факты, которые были приведены нами в конце последней главы об изменении под влиянием культуры общего характера подбора у человека и о замечающихся в силу этого симптомах начинающегося вырождения, говорят, как нам кажется, в пользу насущной необходимости евгеники именно в настоящее время. Однако, к этому можно подойти и с другой стороны и показать не менее ясно, почему никакой евгеники не было раньше, но тем не менее она необходима теперь. Для этого достаточно только бросить беглый взгляд на размножение человека в прежнее и в настоящее время.

Действительно, мы не впадем в ошибку или в преувеличение, если скажем, что наши деды и прадеды размножались еще массовым образом, теперь же наступил второй период, для которого характерны совсем иные отношения. В самом деле почти каждый из наших дедов, а у некоторых и отцов имел по 8-10 или даже более детей; из них слабейшие обычно погибали, а другая половина выживала и оказывалась вполне приспособленной к жизни. При этом происходил тоже отбор наиболее сильных и приспособленных, но отбор того же рода, который происходит в стадах домашних животных или вообще в природе и который является типичным естественным отбором. Конечно, в это время не было особой надобности и в евгенике, которая вообще не совместима с массовым размножением, и, действительно, даже еще в прошлом веке не было совсем евгенического движения.

Что же мы видим, однако, теперь? Все, что угодно, только не массовое размножение человечества, и, по-видимому, в большинстве культурных стран время для него прошло безвозвратно. Семьи прежнего типа с добрым десятком детей составляют в настоящее время и в городах, а

во многих местах и в деревнях большую редкость, и их место занимает теперь и везде заграницей и у нас в России семья совсем иного типа, в которой всего два-три, много-много если четыре ребенка. Факт падения рождаемости во всех культурных странах настолько несомненен, что его едва ли нужно даже подкреплять какими-либо статистическими данными, да и некоторые из них были приведены уже в предыдущей главе.

Быть может, однако, это только временная заминка в деле размножения человечества, а в будущем оно вернется к прежнему массовому размножению? В последнем позволительно очень усомниться, и, напротив, все говорит за то, что данное явление будет продолжаться и дальше и с ростом культуры перебросится и в другие страны — туда, где его пока еще нет. Слишком уже велики и сложны те причины, от которых зависит это общее падение рождаемости: и усложнение потребностей населения, и привычка к большим удобствам жизни, и большая трудность добывания себе и семье хлеба насущного, и иное отношение к женщине и к тем же детям и т. д., и т. д.

Само по себе, однако, это падение рождаемости и отказ от массового размножения не были бы особенно страшны, если бы и в человеческом обществе место естественного подбора занял бы искусственный, который с таким успехом применяется человеком к его домашним животным и растениям, которые, конечно, гораздо менее ценны, чем сам человек. Тем не менее, ничего подобного на деле нет: человечество перешло от массового размножения к индивидуальному, но условия подбора сохранились прежние, и только культура направила этот фактор в еще менее выгодную для нас сторону. Отсюда понятен и тот результат, к которому мы пришли в предыдущей главе — ухудшение качеств нарождающихся новых поколений с угрозой настоящего вырождения человечества. И невольно чувствуется, как глубоко прав был Дарвин, писавший с грустью еще полвека тому назад: «Человек изучает с величайшею заботливостью свойства и родословную своих лошадей, рогатого скота и собак, прежде чем соединить их в пары, но, когда дело касается его собственного брака, он редко или никогда не выказывает подобной осмотрительности; он руководится приблизительно теми же побуждениями, как и низшие животные, оставленные на собственный произвол...» Надо ли особенно удивляться тому, что в результате всего этого мы стоим на пороге, быть может, близкого вырождения?

Заметим, что угроза последнего в настоящее время безусловно страшнее, чем прежде. В прошлом процесс вырождения, обычно сопровождавшегося и сильным падением рождаемости, охватывал не раз некоторые народы, достигшие по сравнению со своими соседями более культурного состояния, и эти народы вымирали, причем их место за-

нимали другие более свежие элементы. Но в то время такие культуры представляли собою как бы отдельные пятна на земле, пятна, не связанные друг с другом и окруженные целым океаном нетронутого человеческого материала. В настоящее время дело обстоит совершенно иначе: самые многочисленные связи соединяют все народы земного шара, благодаря чему, как видно по опыту пережитой нами великой войны, всякий достаточно сильный процесс делается из местного мировым, охватывая собою почти все человечество. Ждать в настоящее время притока свежих сил неоткуда, и, наверное, если процесс вырождения охватит Европу и Америку, он перебросится оттуда и в Азию, проникнет даже и в Китай, на который еще недавно с такой любовью взирал Шалльмайер, противопоставляя его «гнилому Западу».

Мы ни в коем случае не должны, прямо не можем допустить, чтобы это надвигающееся на нас бедствие, перед которым бледнеют все остальные, захватило бы нас врасплох, и, раз некоторые грозные симптомы уже имеются налицо, должны постараться своевременно принять какие-нибудь меры. И такие меры в основе своей сводятся к одной — нужно, чтобы и в человеческом обществе место естественного подбора занял искусственный, который неизбежно приведет к улучшению качеств будущих поколений. А так как это и является основной задачей евгеники, то насущная необходимость ее в настоящее время может считаться совершенно доказанной.

Но возможно ли это вообще, не является ли самая мысль об этом не более как утопией? Почему же невозможно, ответим мы на это, раз законы размножения везде одни и те же, а человек уже прекрасно справился с исчезновением массового размножения своих домашних животных и, применив подбор производителей, даже повысил, несмотря на это, их общие качества? Неужели человек не заслуживает, и притом в гораздо большей степени, того, что достигнуто им для его животных, и, раз это удалось для них, почему же это не может удаться и для самого их обладателя? Нужно только знать, что следует делать в этом направлении, и на этот-то наиболее важный вопрос и должна нам ответить евгеника.

Ограничительная евгеника

Ответ на этот вопрос едва ли может вызвать какие-либо особые затруднения, ибо он ясно вытекает из всего то, что было изложено выше, и из самого определения сущности евгеники. Раз дело идет об улучшении врожденных качеств будущих поколений, то ясно, что этого можно достигнуть двумя путями:

1) увеличением размножения лучших элементов общества и

2) уменьшением размножения худших его элементов, понимая, конечно, под лучшими и худшими — лиц, обладающих желательными или нежелательными с точки зрения общества наследственными качествами.

Благодаря этому практическая евгеника и распадается на две части, которые можно охарактеризовать, как поощрительную евгенику, с одной стороны, и ограничительную — с другой. Какая же из этих частей важнее и в каких взаимных отношениях они стоят друг к другу? Постараемся прежде всего разобраться в этом вопросе.

Не может быть никакого сомнения в том, что положительный искусственный подбор, действующий в сторону создания породы с каким-нибудь желательным качеством, гораздо важнее чисто отрицательного искусственного подбора, отметающего особей с нежелательным для нас признаком. Можно очистить всю популяцию от нежелательных для нас генотипов, но это еще не приведет к тому, чтобы остался именно тот, который является наиболее желательным. Все успехи животноводов и растениеводов основываются прежде всего на применении положительного подбора, а отнюдь не одного отрицательного.

Однако, отрицательный подбор во много раз легче положительного, и вначале человек применял по отношению к своим домашним формам только такой отрицательный подбор, уничтожая все нежелательные почему-либо элементы. Лишь очень нескоро он дошел, наконец, и до применения положительного искусственного подбора.

С другой стороны, положительный подбор в человеческом обществе особенно труден. В самом деле, как заставить лучшие элементы его сочетаться именно друг с другом? Как побудить их плодиться скорее худших элементов? Между тем, отрицательный подбор применить и к человеку в конце концов не так уже трудно, если прибегнуть для этой цели к тому достаточно мощному принудительному аппарату, которым располагает всегда государственная власть, и удержать от размножения нежелательные элементы общества при помощи известных законов или иным более действительным путем.

Строго говоря, элементы ограничительной евгеники имеются в законодательстве почти всех стран. Почти везде запрещаются браки меду близкими родственниками (кончая третьей, и иногда и четвертой степенью родства, т. е. между двоюродными братом и сестрой), точно так же как запрещается обычно и заключение брака с сумасшедшим лицом или между двумя такими лицами.

Еще большее число подобных ограничений — отчасти под влиянием успехов евгеники — появилось в законодательстве целого ряда штатов Северной Америки уже в течение настоящего столетия. Кроме браков

между кровными родственниками, здесь запрещается вступление в брак эпилептикам, слабоумным и душевнобольным, лицам, страдающим алкоголизмом и зараженным половыми болезнями и т. д. В некоторых штатах делались даже попытки проведения в законодательном порядке обязательности представления свидетельства о здоровье при вступлении в брак, хотя мера эта особенного успеха не имела и местами ее даже пришлось отменить. За последнее время и в некоторых европейских странах число причин, препятствующих вступлению в брак, было признано необходимым увеличить: так, например, в Швеции в 1915 году был проведен закон, запрещающий брак душевнобольным, слабоумным, эпилептикам и страдающим половыми болезнями.

Однако, наиболее яркое свое выражение ограничительная евгеника нашла не в этих законах, не представляющих по существу чего-либо нового, а в особой мере, называемой «стерилизацией» и получившей уже некоторое распространение в Америке. Под именем стерилизации понимают принудительное лишение человека воспроизводительной способности, но не путем грубой кастрации, т. е. лишения организма его половых желез, а при помощи перерезки проводящих путей полового аппарата (семенных канатиков у мужчин, фаллопиевых труб у женщин), что лишает такого стерилизованного субъекта возможности оставить потомство, но не лишает его способности к половому акту. К тому же благодаря сохранению при этом половых желез не исчезает их внутренняя секреция, и человек не принимает вида скопца, который является неизбежным следствием кастрации, со всеми связанными с этим изменениями в строении и психике такого организма.

Идея — бороться с размножением преступных и больных элементов общества при помощи подобной стерилизации была высказана еще в конце девяностых годов несколькими американскими врачами. Среди них особенно выделился д-р Шарп, который в течение 8 лет (1899-1907) произвел еще до проведения закона о стерилизации эту операцию над 176 лицами — преимущественно преступниками и душевнобольными, нередко даже по просьбе этих лиц. В 1907 году штат Индиана под влиянием его пропаганды принял закон, по которому идиоты, слабоумные, а также лица, покушавшиеся на изнасилование женщины, могут быть стерилизованы по постановлению особой комиссии из врачей. Два года спустя такие же законы были приняты в штатах Калифорния и Коннектикут, а за ними последовал и целый ряд других штатов, число которых в настоящее время уже довольно велико. Поводы для производства подобной операции в разных штатах признаются различные: чаще всего дело идет при этом о душевнобольных, эпилептиках, идиотах, но в штате Иова, например, закон угрожает этой операцией также сифилитикам, алкоголикам, проституткам и т. д.

К сожалению, нельзя не отметить, что законы эти не остались только на бумаге, как одно время многим казалось (так смотрел, например, на это в своей книге еще Гоффман), но нашли себе и практическое приложение. Например, в штате Индиана за 6 лет было стерилизовано около 300 человека, в Калифорнии до 1916 года — 635 и т. д.

Особый комитет по вопросам стерилизации, организованный Американской Ассоциацией Разведения из ряда специалистов, выпустил обширный труд о стерилизации с различных точек зрения, в котором он предлагает не только примерный закон для всех штатов по этому вопросу, но и намечает целую программу стерилизации отрицательных элементов американского населения вплоть до конца нашего века. При этом предполагается, что стерилизации будет подвергаться примерно одна десятая всех американских граждан: в 1920 году должно быть стерилизовано около 100.000 человека, а в 1980 году даже несколько больше 400.000! Едва ли нужно говорить, то ничто не предвещает скорого воплощения в жизни этих предположений несколько увлекшихся данной идеей специалистов.

Тем не менее, идея стерилизации всех тех, чье размножение нежелательно и даже опасно для общества, имеет ряд убежденных защитников, особенно в американской литературе. Не говоря уже о труде вышеупомянутого комитета по стерилизации, вышедшем под редакцией Лафлина, даже в недавно появившейся прекрасной во всех других отношениях книге Попеное и Джонсона «Прикладная евгеника» мы находим ряд глав, посвященных доказательству желательности стерилизации.

Раздаются такие же голоса и в более близкой нам европейской литературе, хотя обычно они не идут дальше таких самых общих утверждений, что «человечество имеет право заботиться о защите себя от зверей в человеческом образе» (Плате), или об указании со стороны многих врачей-психиатров на ж6елательность стерилизации некоторых душевнобольных в специальных для них убежищах, притом, из чисто медицинских оснований — против чего. Конечно, трудно и спорить и т. п. Однако, в общем в европейской евгенической литературе к вопросу о стерилизации замечается гораздо более осторожное отношение. Многие указывают вместо этого на желательность заключения всех психически ненормальных, слабоумных, алкоголиков и т. п. а особые убежища, где бы они вообще не могли размножаться и без всякой стерилизации, и чего-либо подобного широкой американской программе отнюдь не предлагается. Некоторые идут еще дальше, и Баур, например, усиленно подчеркивает, что главное зло современности состоит не столько в размножении нежелательных элементов, сколько в недостаточно сильном размножении желательных, почему и нужно, главным образом, заботиться о последнем.

Лично мы стоим всецело на последней точке зрения и определенно считаем, что при современном состоянии наших знаний по этому вопросу мысль о внесении в него какого-либо принудительного начала, о каком-либо насильственном подборе желательных элементов и устранении (насильственным же путем) нежелательных должна быть безусловно признана преждевременной, а весьма вероятно, и совсем оставлена. Ничто не говорит нам за то, что подобные меры могут дать действительно существенный результат, между тем они безусловно вредны в интересах распространения евгенических идей.

В самом деле, не является ли мысль о принудительной стерилизации сотен тысяч граждан какого-нибудь большого государства чистейшей и притом вредной утопией? Не является ли эта мера, если проводить ее широко, а, главное, принудительно, грубейшим насилием над человеческой личностью? Да и что даст эта мера в смысле возникновения тех благоприятных сочетаний наследственных задатков, которое и является, конечно, самой важной задачей и человеческого размножения и всей евгеники? Главное ведь заключается именно в последнем, и, направляя свое внимание на другую менее важную и существенную задачу, не рискуем ли мы удалиться от разрешения первой — самой основной?

Можно было бы привести много других подобных аргументов против принудительной стерилизации (о стерилизации добровольной или о стерилизации в убежищах для душевнобольных и идиотов мы, конечно, ничего не говорим), но вопрос нам кажется настолько ясным, что едва ли стоит на нем дальше останавливаться.

Столь же мало, как нам кажется, можно возлагать надежды на законодательное запрещение браков между известными лицами, на обязательное требование о представлении при женитьбе брачующимися свидетельства о здоровье и т. д. В кодексе законов большинства стран запрещается брак в самых близких степенях родства, но разве эти запреты останавливают людей от кровосмешения? С другой стороны, хотя еще недавно по нашему русскому законодательству запрещались и даже карались браки между двоюродными братьями и сестрами или женитьба на сестре жены-брата (свояченице), но разве такие браки не происходили постоянно?

К тому же истинные отношения настолько бывают иногда сложны и индивидуально различны, что их трудно вложить в рамки каких-нибудь определенных законов. Возьмем, например, браки между двоюродными братом и сестрой. Вообще говоря, они опасны, если в семье имеется какой-нибудь нежелательный рецессивный зачаток, который легко может при этом проявиться наружу, но в здоровых, богато одаренных семьях, напротив, такие браки могут быть иногда в высшей степени желательными и способствовать новому скоплению однозначных генов

какого-нибудь редкого специального свойства. Укажем, например, что Чарльз Дарвин был женат на своей двоюродной сестре и среди их детей появилось несколько выдающихся личностей, между тем, по меткому замечанию Дэвенпорта, «брак Чарльза Дарвина и Эммы Веджвуд оказался бы незаконным и их дети были бы признаны тоже незаконными свыше чем в 14 американских штатах».

Мы не хотим, конечно, сказать этим, что известные ограничения при вступлении в брак не нужны и их следует отменить. Напротив, их число, быть может, не мешало бы даже увеличить. Так как законы отражают в себе в конце концов лишь господствующие в данный момент воззрения, но в этом нельзя видеть никакого радикального средства против угрожающих нам зол. Ведь самый хороший закон, если он плохо применяется, ничего не стоит, и в этом отношении гораздо важнее писаных законов те неписаные, которые человек носит в своем сердце, впитывая, как говорится, с молоком матери или получая во время воспитания. К тому же данная область носит слишком сложный и интимный характер, чтобы ее можно было бы исчерпать простым запрещением того-то и того-то. Допустим, например, что вступление в брак при быстро развивающейся чахотке запрещено, что по существу, конечно, разумно. Но ведь каждая человеческая личность имеет право на свою долю личного счастья, а евгеника имеет дело лишь с интересами будущих поколений. Будут ли нарушены последние, если двое заведомо чахоточных вступят в брак, но не оставят детей, и не лучше ли во много раз это, чем если бы один из них имел внебрачного ребенка?

Что же мы можем, со своей стороны, противопоставить всем этим мерам, которые, как нам кажется, не могут достигнуть своей цели? Только знание: прежде всего знание всех относящихся сюда вопросов, а затем распространение этого знания в широких народных массах. Лишь эти две вещи могут помочь нам в борьбе с надвигающимся на нас злом, и они гораздо надежнее всяких запретительных и карательных законов.

В самом деле, половая жизнь каждого человека, его размножение — это та область, вмешательство в которую другого лица невозможно и где хозяином каждый является сам. С другой стороны, кто добровольно пойдет на то, чтобы его ребенок был жалким калекой, уродом, душевнобольным и т. п., если он только твердо знает, что именно так будет и что при известном стечении обстоятельств этого нельзя избежать.

Соображение, будто в этого рода вопросах страсть сильнее рассудка, едва ли правильно, ибо при этом дело может идти не об обречении себя на безбрачие, а только об отказе от рождения детей, что в некоторых случаях может считаться непременной обязанностью той или иной супружеской пары.

Каждое человеческое существо имеет право на свою долю личного счастья, но не каждый имеет право быть отцом или матерью. Эта точка зрения иногда вызывает сильный протест, но это объясняется только нашим недостаточным знакомством с законами наследственности, почему так неотложно необходимо просвещение широких народных масс о всей глубине и силе последних. Впрочем, отказ от деторождения может иметь место только в немногих исключительных случаях, в большинстве же их будет совершенно достаточно лишь избегать брака с лицом, имеющим ту или иную нежелательную наследственность, на что и теперь нередко указывают врачи, хотя далеко не всегда подобные указания достигают своей цели. Большинство склонно теперь чрезвычайно легкомысленно относиться к этим вопросам, но виною в этом исключительно наше глубокое невежество. Если же евгенические идеи получат достаточно широкое распространение, если они получат широкий доступ и в школу, где складывается мировоззрение каждого человека, то отношение к этим вопросам станет иным, и можно надеяться, что человечество выработает совершенно сознательно ряд обязательных для себя законов в этой области без применения каких-либо суровых мер. Повторяем: важно знать, а всякое знание неизбежно дает плоды, так что в области евгеники все дело сводится к знанию и к распространению этого знания.

Сказанным в достаточной мере определяется наше личное отношение к тому, что мы назвали ограничительной евгеникой. Мы не отрицаем ее совершенно и думаем, что в виде известных запретительных законов и некоторых других мероприятий она вполне уместна, но в то же время отказываемся видеть в ней радикальное разрешение интересующего нас вопроса об улучшении прирожденных свойств будущих поколений. Ограничительная евгеника — это только отрицательный подбор, а он всегда и везде является фактором второго порядка. Все, что приписывается подбору, достигнуто положительным искусственным подбором, а в области евгеники ему отвечает то, что мы называли выше поощрительной евгеникой. Посмотрим теперь, какого рода мероприятия могут быть намечены и теперь в данном направлении как в области чисто государственных установлений, так и в области частой жизни.

Возможные мероприятия в области социальной евгеники

Мы видели выше, каким великим злом является падение рождаемости, которое особенно сильно выражено в настоящее время среди тех групп населения, в которых можно предполагать наиболее желательное

для общества скопление специальных наследственных задатков. Совершенно ясно, что если дело пойдет так и дальше, если будут наиболее слабо размножаться лучшие элементы и гораздо сильнее худшие, то это быстро приведет к понижению общего уровня данного народа. Вот что говорит по этому поводу Пирсон: «Интеллигентный средний класс есть позвоночный столб нации; из него выходят мыслители, вожди, организаторы последней. Члены этого класса не растут, как грибы, но представляют собой продукт длинного процесса подбора наиболее высоко одаренных и приспособленных в интеллектуальном отношении членов общества... Здоровое общество должно бы было иметь свой максимум плодовитости в этом классе,.. между тем, что же мы находим в действительности? Прогрессивное понижение рождаемости в среднем классе; сильное движение в сторону бессемейной жизни или ограничение размеров семьи, захватывающее только интеллигентные классы и аристократию ручного труда! Воздержание и ограничение могли бы быть в высшей степени положительным социальным фактором, если бы они в первую голову уменьшали плодовитость неприспособленных; но если они начинаются с противоположного конца, они более чем бесполезны, они национально разрушительны по своим последствиям. Недостаток талантливых людей в момент кризиса есть худшее из зол, могущих постигнуть нацию. Сидя спокойно на месте, без всякой внешней борьбы, нация может вырождаться и обессиливаться просто потому, что она дает полный простор половому подбору и не культивирует своих лучших членов».

Не может быть никаких сомнений, что надежда на возврат человечества или хотя бы одних его лучших, наиболее сознательных элементов к прежнему массовому размножению является чистейшей утопией вроде той, которую нарисовал французский писатель Золя в своем романе «Плодородие». Однако, повысить несколько упавшую в настоящее время плодовитость известных групп населения при известной поддержке государства, нам думается, вполне возможно, и в этой идее нет ничего особенно утопичного.

Учение о населении говорит нам, что средне число детей, необходимое для поддержания каждой из его групп на прежней высоте, лежит между 3 и 4; при 4 детях в среднем наблюдается незначительный прирост этой группы, тогда как при 2 она уменьшается в своей численности. Два ребенка или система двух детей (Zweikindersystem), как называют ее немцы, есть именно то, что встречается наиболее часто теперь в нашем наиболее одаренном и культурном слое и с чем особенно решительно государства должно бороться, поскольку дело идет о нашей старой интеллигенции и особенно о нарождающейся в настоящее время

у нас новой, которая формируется из наиболее талантливых и ярких представителей рабочих классов. Было бы особенно нежелательно, чтобы эта новая интеллигенция переняла от старой, кроме многого другого, и эту систему двух детей, к которой наша прежняя интеллигенция — увы! — уже пришла. Очевидно, обязанностью государства является попечение не только о всех детях своих сограждан, но особенное внимательное отношение к третьему и четвертому ребенку каждой семьи. Вообще нельзя не признать чрезвычайно важным, чтобы государство приходило на помощь каждому из полезных для него работников и сотрудников в момент увеличения его семьи путем выплаты особой премии за каждого нового ребенка. И особенно важно, чтобы эти премии за третьего и четвертого ребенка были бы значительно выше, чем за двух первых, дабы не было лишнего стимула останавливаться перед рождением именно этих особенно важных для государства детей из-за чисто экономических соображений.

Нельзя не отметить, что на путь этой поощрительной евгеники становится теперь Франция. По закону от 14 июля 1913 года каждый француз, имеющий более 3 детей, имеет право на особую поддержку со стороны государства, а в департаменте Сены за каждого третьего ребенка (даже если он является внебрачным) выплачивается премия в 300 франков, за каждого четвертого — премия в 350, за пятого — в 400 франков и т. д.

Таким образом, правильная политика населения, особенно введение премий за третьего и четвертого ребенка в семье, повышающихся соразмерно евгенической ценности каждой группы населения, является одной из тех мер поощрительной евгеники, которые при последовательном и планомерном проведении их в жизнь не замедляет принести известные плоды.

В заграничной литературе в связи с этим делаются предложения изменить соответствующим образом наследственное право, хотя бы таким образом, чтобы никто из детей не мог наследовать больше четвертой части имущества родителей. При этом имеют в виду бороться со свойственным многим собственникам стремлением иметь возможно меньше детей, чтобы не подвергать своего состояния слишком большому раздроблению. Довольно вероятно, что подобные законы будут скоро приняты во Франции и некоторых других европейских государствах.

Что касается до этой меры, то, конечно, крупные капиталисты вряд ли представляют из себя евгенически особенно ценный элемент, о размножении которого стоило бы очень сильно заботиться. Однако, памятуя, что, с одной стороны, подобные законы вполне гармонируют с общей тенденцией государства не давать особенно усиливаться капи-

тализму, а с другой — что и у капиталистов имеется ряд несомненно ценных способностей организационного и другого характера, и эту меру нельзя в общем не приветствовать. К тому же она может способствовать и более сильному размножению более мелких землевладельцев, у которых без этого развивается сильное стремление не раздроблять своей земли и поэтому ограничивать свое деторождение.

Упомянем, наконец, что целый ряд других государственных установлений, особенно охрана материнства и младенчества, могут принести также немалую пользу в деле размножения лучших элементов населения особенно из недостаточных слоев общества, которых иначе их бедность может легко побудить отказываться от размножения из чисто экономических соображений в то время, когда они могли бы дать в этом отношении еще многое.

Заговорив об этом, мы переходим, таким образом, в область тех мероприятий государственного характера, которые носят специально медицинский и в частности гигиенический характер.

В этом отношении все меры, направленные к поднятию здоровья населения, т. е. носящие здравоохранительный характер, нельзя горячо не приветствовать и с чисто евгенической точки зрения. Особенно важна в этом отношении борьба с различными половыми болезнями, в частности с сифилисом и с гонореей, затем с алкоголизмом, с туберкулезом и рядом других им подобных бичей человечества. Строго говоря, результаты заражения этими болезнями не носят настоящего наследственного характера, при этом не появляется новых нежелательных наследственных генов, но все эти болезни тяжело отражаются и на потомстве больного, иногда даже в течение не одного поколения, делая его более слабым, более восприимчивым к некоторым новым заболеваниям, ослабляя нервную систему и пр. Запрещение браков для подобных лиц в его общей форме едва ли имеет особенный смысл, так как в некоторых случаях при полном излечении болезни можно ждать и при этом рождения вполне нормальных и почти здоровых детей, а самое важное здесь введение обязательного врачебного надзора за подобными лицами, что является, конечно, делом далеко не легким, но к чему обязано стремиться государство.

Конечно, в настоящее время об этом можно только мечтать, как и мечтают многие сторонники евгеники, но в будущем, с развитием государственного народного здравоохранения, с одной стороны, и сознательного отношения к нему населения — с другой, можно надеяться на возможность введения в обиход медицинской практики особых личных листов для каждого больного, на которые бы заносились все перенесенные им страдания, все данные, известные об его наследственности, и сведения об его детях, и не трудно видеть, что при помощи таких

листов можно было бы не затрудниться давать евгенические советы о возможности или нежелательности вступления в брак известных лиц и т. п. Особенно легко можно было бы положить начало этому делу не в больших городах с их обширным и текучим населением, а в деревнях и небольших местечках, где врач обычно подолгу имеет дело с целым рядом местных уроженцев и в конце концов знает очень многое об евгенической природе каждой большой семьи, хотя сведения эти теперь не имеют никакого применения и быстро утрачиваются.

Если мы позволим себе на минуту увлечься фантазией и представить, что каждый врач, в руках которого находится небольшой участок, является в то же время и безусловным сторонником евгенического движения, что у него имеется собственное небольшое евгеническое бюро, в которое заносятся все интересные данные, что множество подобных бюро стоят во взаимном общении друг с другом и с крупными чисто научными и исследовательскими организациями этого рода, что, наконец, все население относится к этому делу с полным доверием и обращается за различными советами — не ясно ли, что при таком положении вещей отрицательная, т. е. чисто ограничительная, евгеника отойдет куда-то совсем далеко на задний план, а каждый будет действовать в интересах положительной, т. е. поощрительной, евгеники не только за страх, но и за совесть?

Лично мы и считаем, что главной задачей евгеники должно быть стремление к подобному идеалу, который осуществим лишь при полной осведомленности и заинтересованности им как врачей и вообще всего медицинского персонала, так и широких народных масс, а отнюдь не к тому, чтобы, стерилизовав несколько сот душевнобольных и идиотов и воспретив брак такому же количеству туберкулезных и сифилитиков, считать улучшение врожденных качеств будущих поколений стоящим на верном пути.

Однако, для того, чтобы этот идеал был когда-либо хотя бы приблизительно достигнут, необходимо еще одно мероприятие чисто государственного характера — именно введение евгеники, как обязательного предмета образования, в школу — как общую, так и специальную.

Говорить много о специальной школе, т. е. о медицинских факультетах и институтах, не приходится. Едва ли в настоящее время мыслим серьезный врач, который при слове «наследственность» может вспомнить лишь взгляды на последнюю «отца медицины» Гиппократа или вышедший 75 лет тому назад трактат на эту тему Проспера Люка, но ничего не знает толком о Гальтоне и Менделе. А ведь подобные врачи имеются и в настоящее время! Или, с другой стороны, в настоящее время в СССР нет, вероятно, ни одного высшего агрономического института, в котором бы не читались

курсы общей зоотехнии и селекции растений, где подробно излагаются все данные современного учения об изменчивости и наследственности, а много ли у нас высших медицинских учебных заведений, имеющих соответствующий курс человеческой генетики и евгеники? Неужели же врач может знать об этом меньше, чем животновод и растениевод?

Мы ни минуты не сомневаемся, что очень недалеко то время, когда подобное положение вещей в медицинской школе, являющееся и теперь каким-то анахронизмом, отойдет в область отдаленных преданий. Но, кроме медицинской школы, не следует упускать из виду и общей, особенно даже не высшей, а средней, в которой и формируется, главным образом, общее мировоззрение человека. Вспомним пример американцев, которые вводят теперь во многих штатах евгенику, как обязательный предмет преподавания, в своих высших начальных училищах. У нас вводится теперь повсюду в школы 2 ступени в качестве обязательного предмета общая биология, и чрезвычайно удобно поместить все сведения о явлениях размножения, наследственности, изменчивости и, наконец, чисто евгенические данные именно в программу этого предмета.

И всякий педагог, который возьмет на себя труд быть новатором в этом отношении, почувствует сейчас же, как мы убеждались не раз и на собственном опыте, глубокую продуктивность этого дела, ибо нет ничего отраднее сознания, что ты заронил в детскую, формирующуюся, еще податливую, как воск, душу семена чего-то действительно полезного и нужного, что не замедлит принести в будущем обильные плоды.

Евгеника в частной жизни

Однако, школа не может сделать особенно много без поддержки семьи. Отсюда вытекает насущная необходимость введения евгенических идей и в область частной жизни.

Главное, что можно при этом сделать, это — воспитание молодежи в духе евгенических идей и выработку правильных представлений о явлениях размножения, наследственности и вообще продолжения своего рода. В частности, в семье может быть привит девушке правильный взгляд на материнство, как на наиболее важную функцию женщины, по сравнению с которой отходят на задний план все другие возможные для нее функции. В семье можно наглядно доказать и показать, что без женщины-матери не может быть никакой евгеники, что женщина в значительно большей степени, чем мужчина, является носительницей и хранительницей всех тех широких возможностей, которые заключены в будущих поколениях человечества.

В семье родители могут вполне свободно и легко говорить о своими подрастающими детьми о том, о чем до сих пор было принято так мало говорить или совсем этого не касаться, - т. е. об обязанности каждого человека быть матерью или отцом, о чрезвычайной важности ответственности этой задачи, о необходимости твердо быть уверенным для каждого, что он, действительно, имеет право приступить к выполнению этой задачи и т. д.

Конечно, далеко не все родители в настоящее время достаточно подготовлены к подобным беседам, но нет ничего трудного для того, кто проникся мыслью о важности данного дела, да к тому же получить необходимые сведения обо всем этом при некотором развитии евгенического движения не так и трудно.

Евгенические организации, институты, журналы

Вообще в этом деле просвещения в области евгенических идей родителей и вообще всех тех, кто интересуется подобными вопросами, первое место должно принадлежать евгеническим обществам. Недаром старейшее из них, организованное еще в 1908 году Гальтоном в Лондоне, носит название Общества Евгенического Воспитания. («The Eugenics Education Society) и преследует цели, главным образом евгенической пропаганды, равно как и подобные ему общества в других странах (Евгеническая Секция Американской Генетической Ассоциации, Немецкое Общество Расовой Гигиены и очень много других).

Цели подобных обществ совершенно ясны, и об них мы достаточно говорили уже в первой главе, но нужно добавить к сказанному там еще два слова об их организации. Наиболее удачной она является, пожалуй, в Немецком Обществе Расовой Гигиены. Последнее не является объединением отдельных лиц, и никто не может вступить непосредственно в его члены, а это именно центр, объединяющий ряд местных евгенических обществ. Такими местными обществами являются в настоящее время Берлинское Общество Расовой Гигиены, Мюнхенское Общество Расовой Гигиены, Фрейбургская местная группа. Штутгартская местная группа и Дрезденская местная группа. Каждый, желающий стать членом евгенического общества, должен записаться членом в одно из местных обществ, и тем самым он входит и в большое Немецкое Общество. Если в каком-нибудь городе окажется достаточно много лиц, интересующихся евгеникой и желающих работать в данном направлении, они могут создать новую местную группу, которая войдет составной ячейкой в Немецкое Общество Расовой Гигиены наравне с

образовавшимися раньше нее. Путь этот представляется нам самым верным и надежным для постепенного развития подобных организаций, и, вероятно, в сравнительно недалеком будущем Немецкое Общество объединит гораздо большую сеть местных обществ, чем теперь.

Каждое из больших евгенических обществ организует ряд лекций, чтений, а когда это удобно и возможно, и митингов, печатает ряд самых различных изданий, начиная от небольших листовок и кончая толстыми книгами, но кроме того всегда стремится иметь свой собственный специальный журнал. Значение подобных евгенических журналов, рассчитанных на широкую публику, чрезвычайно велико, и в деле пропаганды евгенических идей не уступает существованию специальных евгенических обществ. Особенно удачным в этом отношении является американский «Журнал Наследственности» («Journal of Heredity»), издаваемый Американской Генетической Ассоциацией, программа которого не ограничивается, впрочем, одной евгеникой, а носит, как видно по его заглавию, и более широкий характер. Хороши также и «Евгеническое Обозрение» («Eugenics Review») — орган лондонского Евгенического Общества — и нью-йоркские «Евгенические Новости («Eugenical News»). Немецкий «Архив Расовой и Общественной Гигиены» («Archiv fur Rassen - und Gesellschafts — biologie») носит более солидный, но менее доступный для широкой публики характер.

Однако, евгеника, как дисциплина чисто прикладная, не может развиваться самостоятельно дальше без дальнейшего углубления тех научных основ, на которые она опирается, т. е. без учения о наследственности и изменчивости или генетики специально в приложении к человеку. Вот почему делом громадной важности является широкая организация чисто научных исследовательских евгенических институтов и лабораторий типа Гальтоновской Лаборатории в Лондоне, Евгенического Бюро в Нью-Йорке, Шведского Государственного Института Расовой Гигиены в Упсале, которых мы уже говорили.

Именно в таких институтах только и может сосредоточиваться вся чисто научная работа по евгенике, результаты которой становятся доступными для всех интересующихся последней при помощи специальных научных изданий; вокруг этих институтов должны невольно группироваться все местные силы, без которых так трудна, а подчас и невозможна работа по изучению наследственности у человека, с этими научными организациями должны находиться в самом тесном контакте все местные евгенические общества и те местные евгенические бюро, о которых пока еще только приходится мечтать.

Многое из этого осуществлено уже в довольно широком масштабе заграницей, которая всегда обгоняет нас в области чистой науки и ее

практических приложений. Пять лет тому назад в своей первой статье об евгенике, напечатанной в журнале «Русская Мысль» за 1918 год, я мог высказать лишь только уверенность, что скоро поднимется интерес к евгенике и у нас. В настоящее время уже можно сообщить по поводу этого нечто более конкретное.

Евгеника в СССР

До 1920 года никаких практических начинаний евгенического характера у нас не было, да и знакомство с этим важным направлением было очень невелико, так как вся литература по этому важному вопросу на русском языке сводилась к 2-3 журнальным статьям.

Летом 1920 года в Москве в Институте Экспериментальной Биологии (Сивцев Вражек, 41) был организован специальный Отдел Евгеники, а вскоре в самой тесной связи с ним возникло там же Русское Евгеническое Общество, при чем оба этих молодых учреждения успели развить довольно энергичную деятельность.

С последней лучше всего можно познакомиться по появившемуся в конце 1922 года № 1 органа Русского Евгенического Общества — «Русское Евгенического Журнала», выходящего под редакцией председателя Общества и его главного организатора профессора Н. К. Кольцова. Кроме ряда интересных статей на общие евгенические темы, доступные и не особенно подготовленному читателю, этот первый номер журнала содержит специальную статью о деятельности Русского Евгенического Общества (а отчасти и Евгенического Отдела Института Экспериментальной Биологии) за 1921 год.

Мы говорили уже выше о важном значении подобных журналов, особенно такого типа, который доступен всем интересующимся евгеникой, как лондонское «Евгеническое Обозрение». Вот почему нельзя горячо не приветствовать появления подобного же органа и у нас и поставить его организацию в число важных заслуг нашего молодого Евгенического Общества, для деятельности которого наша родина представляет обширную и чрезвычайно интересную арену деятельности.

Такой же, хотя и более скромной по размерам, первой научной ячейкой евгенического характера у нас в Ленинграде является Бюро по Евгенике Постоянной Комиссии по изучению естественных производительных сил СССР при Российской Академии Наук.

Для деятельности Бюро по Евгенике поставлены следующие задачи:

1) изучение вопросов наследственности специально в приложении к человеку путем устройства анкет, обследований, экспедиций и т. д.;

2) распространение в широких народных массах сведений о законах наследственности у человека и о целях и задачах евгеники путем издания популярных книг, брошюр, устройства публичных лекций и т. п.;

3) подача советов евгенического характера желающим вступить в брак и вообще всем интересующимся собственной наследственностью.

Бюро по Евгенике открыло свою деятельность в марте 1921 года, и в нем ведется ряд исследований по специальным научным вопросам. Оно помещается на Ленинградской стороне по Большому проспекту, дом № 7 (или Зверинская, 4), кв. 49, и открыто во всякое время для каждого желающего получить те или иные справки по интересующему его вопросу, указания на литературу и т. д. Обращаться в Бюро можно и письменно на имя заведующего им профессора Ю. А. Филипченко.

Научным органом Бюро по Евгенике являются издаваемые им «Известия Бюро по Евгенике», первый номер которых вышел в декабре 1922 года. По своему общему характеру этот орган отличается от «Русского Евгенического Журнала» тем, что в нем помещаются лишь оригинальные научные исследования по вопросам наследственности у человека и евгеники, произведенные в Бюро его научным персоналом. В этом отношении это издание стоит ближе к таким журналам, как Бюллетени Нью-Йоркского Евгеничекого Бюро, которые также носят более специальный и чисто академический характер.

Одна из наших пословиц говорит, что «лиха беда — начало». Однако, часто появляются новые организации и возникают начинания, которые отцветают, не успевши расцвесть и не принеся никаких плодов.

Будем надеяться, что нашим новорожденным евгеническим организациям не грозит эта печальная участь. Слишком важно и велико это дело и для всего человечества в его целом и для каждого народа в отдельности, чтобы мы могли уклониться от участия в нем. Нам нужно внести свое в это огромное дело, используя опыт мировой науки. Но, конечно, в некоторых отношениях, мы не только можем, но и должны идти своим собственным путем: нам должен быть чужд тот односторонний национализм, который побуждает многих заграничных представителей евгеники называть ее «расовой гигиеной», как будто бы дело идет в ней о какой-то одной расе вроде пресловутой северной расы, - у нас, как нам кажется, едва ли будут иметь особый успех идеи ограничительной евгеники с ее стерилизацией и т. п., и надо надеяться, что мы сумеем внести в евгенику много хорошего своего и будем достойно продолжать то великое дело, которое было начато его благородным основателем Фрэнсисом Гальтоном. И эта надежда во многом может поддержать и окрылить наши пока такие слабые силы.

Ю. А. Филипченко

ЧТО ТАКОЕ ЕВГЕНИКА

Одной из главных и прямых обязанностей каждого человека является продолжение своего рода или оставление потомства, которое в будущем должно заменить нас на жизненной арене. Это стремление к размножению человек разделяет со всеми живыми существами и, если представить себе на минуту невозможное, т. е. что размножение почему-либо прекратится, то род человеческий или каждое другое живое существо быстро вымрет и исчезнет бесследно с поверхности земли.

Важное значение этого обстоятельства сознавалось людьми уже с самых отдаленных времен. Не даром у древних евреев бездетность считалась за проявление особой немилости божией, и даже существовал закон, согласно которому брат умершего бездетным брата должен был жениться на его вдове, чтобы произвести для него потомство — «восстановить семя брату своему».

В древних Греции и Риме требовалось, чтобы каждый был женат и против безбрачия и бездетности существовали особые законы, а, с другой стороны, женатые люди, произведшие много детей, получали в некоторых местах специальные награды.

В настоящее время эти ограничительные и поощрительные меры давно отменены и не применяются, но положение дела от этого нисколько не изменилось. Каждое государство, да и все человечество в его целом в равной мере заинтересованы, чтобы постоянная убыль, производимая в его рядах смертью, пополнялась бы нарождением потомства в достаточном количестве, и то общество, в котором прирост населения почему-либо прекращается, находится под сильнейшей угрозой быстрого исчезновения. Да помимо всего этого не является ли бездетность великим несчастьем для каждого отдельного человека? Не примиряет ли любого из нас с кратковременностью нашего собственного существования только сознание, что наша жизнь не исчезнет окончательно вместе с нами, а продолжится и, может быть, в лучшей форме в наших детях, так что и человеку, точно так же как и всякому живому существу, все же свойственно этим путем известное бессмертие.

Однако как ни тяжело не иметь детей и не оставить совсем потомства, возможно еще нечто худшее, а именно произвести на свет такие элементы, которые лягут тяжелым бременем и на своих близких, и на все человечество, увеличив его худшую и наименее нужную часть.

Можно ли радоваться тому, что мы, правда, оставили детей, но эти дети поражены каким-либо тяжким недугом в роде хотя бы одной из душевных болезней, которые не только могут, но и наверное будут переданы и их детям? Может ли кто-нибудь считать свою обязанность продолжения рода хорошо выполненной, если он произвел на свет несколько слабоумных, эпилептиков или глухонемых, или если потомство его развило в себе ряд таких особенностей, которые заставят его фигурировать в судебной или полицейской хронике? Подобные случаи, к сожалению, не составляют особенной редкости, но только точное и строго научное исследование их позволяет установить всю глубину вырождения, охватывающего некоторые семьи.

В одном научном исследовании рассматривается судьба потомства двух родных сестер, среди которого не раз происходили браки в близких степенях родства. Обе эти сестры, а также их родители были вполне здоровы, но уже в первом поколении их потомков наблюдался один случай сумасшествия, среди третьего поколения было уже 5 сумасшедших и 2 глухонемых, в четвертом поколении наблюдалось 9 сумасшедших, 3 идиота и 2 глухонемых и, наконец, в пятом, состоявшем всего из 22 членов, было 5 сумасшедших, 5 идиотов, 3 слабоумных и 3 глухонемых, т. е. две трети этого поколения были поражены различными тяжелыми страданиями. Или возьмем другой пример: судьбу потомства одной содержательницы притона, бывшей к тому же и горькой пьяницей, которая умерла в Англии в 1827 году. За 75 лет число ее потомков, т. е. детей, внуков, правнуков и т. д., достигло до 800 человек, но вот какие удалось собрать об них сведения: 700 человек из них по меньшей мере однажды подвергались различным наказаниям по суду, 37 были присуждены к смертной казни, 342 были пьяницами, 127 проститутками. Конечно, во всех отношениях было бы лучше, если бы эта женщина вообще не оставила бы потомства.

Таким образом, дело заключается не только в том, что в интересах человечества, государства и нас самих мы должны оставить после себя детей и внуков: это потомство должно быть благородным в истинном значении этого слова, т. е. иметь здоровых дух в здоровом теле.

От чего же однако зависит последнее: каким путем можно скорее всего достигнуть того, чтобы наши дети были бы вполне здоровы, развили бы в себе ряд хороших способностей и не получили бы, напротив, дурных? Немалую роль играет здесь, конечно, воспитание и вообще вся та обстановка, в которой приходится расти ребенку. С этой стороны едва ли особенно приходится удивляться тому, что в приведенном выше примере потомки содержательницы притона и горькой пьяницы пошли в значительной мере по стопам своей матери и бабушки. Каждый знает, какой неизгладимый след оставляют в душе ребенка впечатления первых

лет его жизни, школа, в которой он начал учиться, товарищи и подруги, с которыми он рос, так как именно в это время детская душа еще податлива, как воск, и на ней можно запечатлеть все, что угодно. С другой стороны, как часто бывает, что тяжелая болезнь, перенесенная в детстве или в ранней юности, оставляет в человеке след на всю жизнь и нередко приводит его к преждевременному концу. Все это настолько ясно, что вряд ли требует длинных рассуждений, и, разумеется, как родители, так и государство должны обращать особенно внимание на воспитание детей и на создание для них наиболее благоприятных условий для развития.

Многие склонны думать, что этим все и исчерпывается, что достаточно создать необходимые условия для развития подрастающего поколения и оно будет в достаточной степени хорошо. «Дай за поросенка грош, посади в рожь, он и будет хорош» говорит в «Плодах Просвещения» один из мужиков при виде Тани. Однако это совершенно неправильно и неверно даже для свиней, а тем более для людей.

Если бы одним питанием можно было бы так быстро улучшать животных, то никто из хозяев не стремился бы к выведению новых пород, не приобретал бы породистых производителей, за которых иногда приходится платить большие деньги, а между тем в хорошо поставленных хозяйствах именно на это и обращают особенное внимание. Происходит же это потому, что кроме кормления и ухода за животными их качества зависят еще от одного и при том наиболее важного обстоятельства, именно от особой силы, называемой наследственностью.

С этой силой мы встречаемся на каждом шагу и настолько привыкли к ней, что она отнюдь не кажется нам странной и почти не привлекает нашего внимания. Вот перед нами два куриных яйца: оба они совершенно одинаковы по своему внешнему виду, а положите их под курицу, и вы получите из одного обыкновенную беспородную курицу, а из другого пестрого породистого плимутрока. Что же тут странного, скажет всякий: одно яйцо было от обыкновенной курицы, а другое от курицы-плимутрока. Но разве не странно, что такие сравнительно небольшие различия пород всегда передаются через яйца, совершенно одинаковые по своему внешнему виду? Разве еще более не странно, что каждый из нас наследует от своих родителей ряд совсем незначительных особенностей личного свойства вроде цвета глаз, формы носа, многих черт характера и т. п.? И опять-таки здесь все эти особенности передаются не только матерью, которая вынашивает и вскармливает ребенка, но в равной степени и отцом, который дает для образования нового существа мельчайшую частицу своего тела — так называемый сперматозоид или живчик, соединяющийся при оплодотворении с яйцом, производимым матерью. Эти сперматозоиды настолько мелки, что их можно хорошо видеть только при довольно сильных увеличениях

микроскопа (длина сперматозоида у человека, например, равна 1/20 миллиметра), между тем зачастую бывает, что сын и по своей наружности и по внутреннему складу характера является как бы точной копией отца. Не говорит ли это в пользу необычайной силы наследственности, силы, на которую мы только привыкли не обращать особенного внимания?

Вообще все особенности и человека, и любого другого живого существа можно разделить по их происхождению на две группы: на приобретенные и прирожденные свойства. Приобретенными свойствами называют все то, что вырабатывается у человека в течение всей его жизни под влиянием и воспитания, и обстановки, в которой ему приходится жить, и перенесенных им болезней и т. д. Прирожденные же свойства это те, которые мы получаем от наших родителей в силу законов наследственности и благодаря тому же самому передаем нашим детям. Спрашивается, какая же из этих двух групп важнее, конечно, с точки зрения продолжения рода?

Не может быть сомнения в том, что приобретенные свойства имеют громадное значение для их обладателя. Кто откажется от тех навыков, способностей, привычек, которые он выработал в себе в течение всех жизни часто с затратой большого времени и труда? Кто, с другой стороны, не хотел бы избавиться от тех тяжелых влияний, которые наложила на наше здоровье вся прожитая жизнь и которые порою дают себя так больно чувствовать? Но как ни важны эти благоприобретенные свойства для каждого из нас, они имеют мало значения для будущих поколений, ибо в громадном большинстве случаев эти свойства не передаются нашим потомкам, т. е. они не наследственны.

Из того, что один из нас в течение всех жизни занимался умственной работой, ад ругой физическим трудом, ни в коем случае не следует, что дети первого будут более склонны идти по стопам своего отца, а дети второго — по стопам своего: напротив, нередко наблюдается совсем обратное. Человек, занимавшийся атлетикой или каким-нибудь видом спорта, не передает потомству результатов упражнения своей мускулатуры, и в этом отношении оно получит от него не более того, что он сам получил от своих родителей. Если кто-нибудь изучил в течение своей жизни ту или иную науку, то или иное ремесло, музыку или несколько языков, отнюдь не значит, что его детям будет легче проделать в свое время то же самое за исключением случаев, когда в данной семье есть определенная наследственная способность к известным наукам, ремеслам, музыке или языкам. Вообще воспитанием, обучением и т. п. можно лишь развить в себе уже имеющийся задаток, а отнюдь не создать его вновь.

Совершенно то же имеет место и по отношению к благоприобретенным болезням, которые носят в большинстве случаев заразный

характер. То, что кто-нибудь из нас хворал тифом, оспой, холерой и т. д., совершенно безразлично для его потомства: оно может и получить в свое время и не получить этих болезней, так же как и все вообще люди.

Правда, имеются и другие боли тяжелые страдания, которыми человек тоже заражается, т. е. носящие также благоприобретенный характер, причем они отражаются зачастую не только на самом больном, но и на его детях. Таков, например, один из тягчайших бичей человечества — сифилис, который нередко отражается и на детях перенесшего эту болезнь лица в виде золотушности, склонности к чахотке и т. п. Однако подобное влияние этих болезней длится обычно 2-3 поколения и, если условия остаются благоприятными, оно в конце концов сглаживается и исчезает, почему страдания этого рода нельзя все же ставить на одну доску с настоящими наследственными заболеваниями, о которых мы сейчас будем говорить. Словом, с точки зрения продолжения рода все приобретенные свойства, в том числе и болезни, не играют особенно большого значения благодаря тому, что они в большинстве случаев не передаются потомству или отражаются лишь на 2-3 ближайших поколениях.

Совершенно иначе обстоит дело по отношению к прирожденным свойствам, потому что мы и называем этим именем все наследственные особенности, и вопрос заключается только в том, что именно относится к их числу.

Более точные исследования последнего времени показали, что количество прирожденных особенностей человека, передающихся по наследству, чрезвычайно велико. Сюда относится прежде всего ряд наружных признаков или внешних особенностей, как цвет глаз, волос, кожи, форма волос, носа и другие характерные черты лица, рост и т. д. Столь же наследственны, по-видимому, и различные внутренние или психические особенности: то, что называют общим складом характера или темпераментом, музыкальный талант и другие специальные способности вроде способности к ремеслам, к математике, литературного и артистического таланта и пр.

Наиболее интересно однако то, что по наследству несомненно передаются не только все эти нормальные способности человека, но наравне с ними и целый ряд болезней и уродств. Давно уже было известно, что кроме болезней благоприобретаемых имеется довольно много и наследственных, т. е. таких, которые развиваются без всякой видимой внешней причины и составляют как бы часть особенностей, свойственных данной семье. В последнее время наследование этих болезней изучается особенно тщательно, и мы имеем теперь уже длинный список подобных страданий, наследственный характер которых не возбуждает, к сожалению, уже никаких сомнений.

К их числу относятся некоторые кожный болезни и болезни нервной системы, целый ряд глазных болезней вроде общеизвестного катаракта, глаукомы, ночной и цветной слепоты, болезни обмена веществ, как например, сахарная болезнь или диабет, некоторые болезни крови, глухонемота, эпилепсия, слабоумие и другие душевные болезни и еще целый ряд подобных же страданий. Число их, по-видимому, очень велико, так как при ближайшем изучении данного явления список этот увеличивается с каждым годом. Наследственный характер носят, наконец, и многие уродства — короткопалость, шестипалость, волчья пасть, заячья губа, карликовый рост и т. д.

Не следует думать, впрочем, что раз та или иная особенность является наследственной, то она проявляется непременно в каждом поколении и у всех его членов. Напротив, этого обычно не бывает и передачей всех признаков управляют особые законы наследственности, согласно которым одни особенности проявляются чаще и у большего числа особей, другие реже и у меньшего их числа, одни свойственны обоим полам, другие встречаются лишь у одного пола и т. д. Говорить об этом здесь подробно заняло бы слишком много места, почему лучше остановиться на этом вопросе в особой книжке. (См. нашу брошюру: «Как наследуются различные особенности человека».)

Для нас важно только одно, именно что число прирожденных, наследственных особенностей человека чрезвычайно велико, и именно они-то и делают прежде всего каждого из нас тем, что он есть. Глубоко правильно выразился по этому поводу известный немецкий ученый — Плате. «Красивы мы или безобразны, - говорит он, - долго ли сохраняем на своей головы волосы или на ней рано появляется лысина, велика или мала общая продолжительность нашей жизни, свойствен ли нам радужный взгляд на вещи или глубоко мрачное настроение, обладаем ли мы большими духовными дарами или же только преклоняемся перед талантами других, - все это зависит не от нас и не от нашей доброй воли, а от строения и состава тех ничтожных наследственных масс, которые когда-то были скрыты в половых клетках, из слияния которых мы произошли».

Теперь мы можем дать и ответ на поставленный выше вопрос: какие свойства особенно важны для того, чтобы наше потомство было бы благородным в истинном значении этого слова, т. е. здоровым и физически, и духовно? Совершенно ясно, что с точки зрения продолжения рода главная роль принадлежит наследственным свойствам, почему и чрезвычайно важно, чтобы будущие поколения получали от нас благоприятные и полезные для них врожденные особенности.

Отсюда становится понятным и существование целой науки, носящей название евгеники. Слово это греческое и в дословном переводе

обозначает «учение о хорошем рождении», лучше же всего можно определить ее, как науку, изучающую все влияния, которые способны улучшить врожденные качества будущих поколений.

Таким образом, эта наука не касается вопросов о влиянии окружающих условий на человека, особенно в его детские годы, о влиянии воспитания, болезней и вообще всего того, что мы назвали выше приобретенными свойствами. С точки зрения продолжения рода они гораздо менее важны — вот почему евгеника и сосредотачивает свое внимание на самом главном в данном направлении, т. е. на врожденных качествах будущих поколений, на их наследственных свойствах. Если бы, действительно, удалось улучшить последние, добиться того, чтобы наши потомки получали бы благоприятные сочетания наследственных задатков и не получали бы неблагоприятных, то было бы сделано дело чрезвычайно большого значения. Но возможно ли это и, если возможно, то каким путем?

Нельзя не отметить прежде всего, что евгеника — наука чрезвычайно молодая и не справила еще и своего первого двадцатилетнего юбилея. Ее основателем является знаменитый английский ученый Гальтон, который в течение целых 40 лет неутомимо разрабатывал различные вопросы наследственности у человека. В последние годы своей жизни, совпадающие с первым десятилетием настоящего века, Гальтон выступил с рядом статей, посвященных евгенике, им же предложено в это время для данной науки и ее название.

По мнению Гальтона мысль улучшить прирожденные качества будущих поколений не представляет из себя ничего невозможного. У всех народов, стоящих как на высокой, так и на низкой ступени культуры, существуют известные законы и ограничения, касающиеся вступления в брак. При этом такие правила отнюдь не вытекают из каких-либо незыблемых свойств человеческой природы, так как у различных народов они зачастую носят противоположный характер и резко расходятся друг с другом. У одних народов существует единобрачие, а у других многоженство, иногда даже многомужество. Некоторые племена придерживаются обычая вступать в брак обязательно в пределах своего рода, другие вне пределов его. С нашей современной точки зрения, женитьба на родной сестре является кровосмешением, но существовали народы, у которых подобный брак считался вполне допустимым и т. д. Все это говорит за то, что подобного рода установления были выработаны различными народами в интересах их собственного благополучия под влиянием тех условий, при которых им приходилось жить, и были выработаны совершенно бессознательно, а затем вошли в плоть и кровь народного миросозерцания в качестве его неотъемлемой части. А раз это так, заключает Гальтон, то, что может помешать человечеству проделать и теперь то же самое,

но уже более сознательным и планомерным путем, т. е., опираясь на данные науки, выработать и сделать для себя обязательными новые правила, поощряющие одни браки и запрещающие другие, раз будет доказана необходимость подобных мер для общего блага?

Быть может, однако, возможно уже и теперь вступить на путь подобных практических мероприятий? По мнению Гальтона, разделяемому и многими другими сторонниками евгеники, это было бы еще преждевременно. Гальтон полагал, что вообще евгенике и евгеническому движению предстоит пройти через три последовательных стадии. На первой относящиеся сюда вопросы будут подвергаться чисто научной разработке и исследованию, причем дело не пойдет дальше пропаганды евгенических идей, на второй можно будет уже принять ряд мероприятий практического характера и будет издано известное число соответствующих законов, наконец, на третьей стадии последние станут уже совершенно не нужны, когда люди всецело проникнутся сознанием полной необходимости всех этих правил и евгеника станет для них своего рода «новой религией» или «евангелием будущего человечества».

В полном согласии с этой точкой зрения Гальтон не ограничился одной пропагандой подобных идей, а организовал в Лондоне первую лабораторию по евгенике, завещав ей значительную часть своего состояния. Эта Гальтоновская лаборатория является в настоящее время одним из крупнейших учреждений подобного рода, в ней работает ряд специалистов-ученых, которыми и произведено уже много научных работ по вопросам наследственности у человека. Идеи Гальтона нашли кроме того вообще сильное распространение в Англии, где теперь существует много евгенических обществ, клубов и других организаций.

Еще больший отклик нашла себе идея евгеники в соединенных Штатах Северной Америки. Подобно Гальтоновской лаборатории в Лондоне там организовано теперь много подобных же научных институтов по евгенике в различных городах и самый крупный из них помещается близ Нью-Йорка, нося название «Евгенического Бюро». Оно объединяет многих специалистов по вопросам наследственности и имеет целый штат сотрудников, которые собирают сведения о родословных отдельных семейств, о наследовании тех или иных интересных особенностей и т. д. Этим путем накоплен уже интереснейший и обширный материал по вопросам евгеники, кроме того Бюро в Нью-Йорке не чуждо и практической деятельности, подавая советы всем желающим вступить в брак и вообще интересующимся собственной наследственностью.

Помимо того в Америке имеется чрезвычайно много евгенических обществ, ставящих своей задачей пропаганду этих идей; они организуют публичные лекции, издают популярную литературу и т. д. особенно

важно, что идея евгеники нашла себе во многих штатах доступ и в школу и касаться с детьми этих вопросов в высших начальных училищах Нью-Йорка и других городов требуется даже программой.

Нельзя не отметить, что некоторые штаты Америки под влиянием все растущего интереса к евгенике попытались из первой стадии развития последней, как эти стадии были намечены Гальтоном, перейти уже во вторую. Последнее выразилось в издании ряда законов, носящих по преимуществу запретительный и карательный характер, т. е. запрещающих целому ряду лиц с теми или иными страданиями вступать в брак и даже грозящих им довольно суровой мерой — именно принудительным лишением воспроизводительной способности.

Мы не будем однако останавливаться здесь на этих законах по двум причинам. Во-первых, их нельзя не признать безусловно преждевременными и потому ненужными, даже более того — вредными с точки зрения широкого распространения евгенической идеи. Именно так и отнесся к данным законам целый ряд специалистов-ученых, как работающих в области науки о наследственности, так и юристов. Во-вторых же, и это самое главное, законы эти остаются пока на бумаге и не нашли себе до сих пор практического применения, и это лучше всего говорит за их полную преждевременность и ненужность.

Из других стран, не говорящих на английском языке, евгеника сильнее всего (да и то не так сильно как в Англии и в Америке) распространилась в Германии. Особенный интерес к ней поднялся уже во время войны в связи с теми громадными человеческими жертвами, которые понесла эта страна. Впрочем, благодаря перерыву сношений о евгеническом движении в Германии у нас имеется мало данных. Что касается до положения евгеники у нас в России, то мы остановимся на этом дальше.

Хотя факт быстрого распространения евгеники говорит сильно в ее пользу, но самая молодость этой науки и всего евгенического движения может зародить у некоторых известные сомнения. Почему люди жили до сих пор, не имея понятия ни о чем подобном, плодились и размножались обычным путем, а теперь явилась на свет какая-то евгеника... Да нужна ли она? Не увлечение ли это минуты? Скоропреходящий крик моды, который будет скоро забыт? Для рассеяния этих сомнений мы непременно должны остановиться на вопросе, почему никакой евгеники не было раньше, но тем не менее она необходима теперь?

Дело в том, что в размножении не только человека, но и его домашних животных наблюдаются два различных периода. Если остановить свое внимание сперва на домашних животных, у которых все эти отношения проще и яснее, то первый период можно назвать периодом стадного разведения и массового размножения. Когда земли было еще много и она

никому не принадлежала, главным занятием человека было не земледелие, а скотоводство и он имел целые табуны лошадей, стада крупного рогатого скота и овец, причем ему меньше всего приходилось думать и заботиться о размножении этих животных. В стадах и табунах нарождалось каждый год достаточное количество приплода, и хотя среди него попадалось всегда известное количество слабых и больных особей, но они погибали естественным путем и общие качества стада оставались на прежней высоте. Но вот с увеличением населения земли становится меньше, каждому приходится вести хозяйство на ограниченном клочке земли, земледелие занимает первое место и вытесняет понемногу скотоводство. При этом о стадном разведении животных не может быть больше и речи и приходится переходить к их стойловому содержанию. Возможно ли в это время прежнее массовое размножение животных без всякого контроля и наблюдения со стороны человека? Конечно, нет, и каждый сельский хозяин, имеющий теперь ограниченное количество домашних животных, сильно поплатится, если вздумает следовать примеру какого-нибудь полудикого кочевника-скотовода и не станет самым внимательным образом следить за размножением своих лошадей, коров, овец, коз и т. д. Второй — современный нам период разведения животных и характеризуется тем, что никаких стад уже нет, нет поэтому и массового размножения животных, а место последнего занимает их размножение под контролем человека, который все время производит подбор производителей с нужными и желательными для него признаками. Это есть период подбора по преимуществу, и благодаря этому подбору, несмотря на гораздо меньшее количество животных, качества их не только не ухудшаются, но становятся, как известно, гораздо выше, чем при прежнем стадном разведении их.

Так как законы размножения общи для всех живых существ, то нет ничего удивительного в том, что те же два периода размножения свойственны не только различным домашним животным, но и человеку.

Действительно, мы не впадем в ошибку или в преувеличение, если скажем, что наши деды и прадеды размножались еще массовым образом, теперь еж наступил второй период, для которого характерны совсем иные отношения. В самом деле почти каждый из наших дедов, а у некоторых и отцов имел по 8-10 или даже более детей; из них слабейшие обычно погибали, а другая половина выживала и оказывалась вполне приспособленной к жизни. При этом происходил тоже отбор наиболее сильных и приспособленных, но отбор того же рода, который происходит в стадах домашних животных или вообще в природе и который называют естественным отбором. Конечно, в это время не было особой надобности и в евгенике, которая вообще несовместима с массовым размножением, и, действительно, даже еще в прошлом веке не было совсем евгенического движения.

Что же мы видим однако теперь? Все, что угодно, только не массовое размножение человечества, и, по-видимому, в большинстве культурных стран время для него прошло безвозвратно. Семьи прежнего типа с добрым десятком детей составляют в настоящее время и в городах, а во многих местах и в деревнях большую редкость, и их место занимает теперь и везде заграницей и у нас в России семья совсем иного типа, в которой всего два-три, много-много если четыре ребенка. Факт падения рождаемости во всех культурных странах настолько несомненен, что его едва ли нужно даже подкреплять какими-либо статистическими данными.

Быть может, однако, это только временная заминка в деле размножения человечества, а в будущем оно вернется к прежнему массовому размножению? В последнем позволительно очень усомниться, и, напротив, все говорит за то, что данное явление будет продолжаться и дальше и с ростом культуры перебросится и в другие страны — туда, где его пока еще нет. Слишком уже велики и сложны те причины, от которых зависит это общее падение рождаемости: и усложнение потребностей населения, и привычка к большим удобствам жизни, и большая трудность добывания себе и семье хлеба насущного, и иное отношение к женщине и к тем же детям и т. д., и т. д.

Само по себе, однако, падение рождаемости и отказ от массового размножения не были бы особенно страшны, если бы рука об руку с ними не шло другое явление, именно вырождение и заметное ухудшение качества новых нарождающихся поколений. Конечно, было бы некоторым преувеличением сказать, что современное человечество уже вырождается, но что некоторые грозные признаки начинающегося вырождения уже имеются, в этом, к сожалению, теперь трудно сомневаться. Укажем на такие явления, как повсеместное понижение требований при рекрутских наборах, гораздо более широкое распространение многих тяжких болезней вроде чахотки и других, на ухудшение особенно среди городского населения зрения и широкое применение очков и т. п. В частности все эти грозные симптомы заметны в настоящее время не только во многих иностранных государствах с их более плотным населением, но и у нас в России, которая еще сравнительно недавно была более счастливой в этом отношении.

Другой вопрос, отчего зависит это вырождение, тем более что и причин у данного явления, вероятно, не одна, а много. Укажем, что с ростом культуры и умением излечивать многие болезни оставляют потомство зачастую и более слабые элементы, т. е. процесс естественного подбора заметно ослабляется. Влияет при этом неблагоприятно и обычный спутник более культурного состояния — разделение труда между людьми — и те менее нормальные условия, при которых многим

приходится жить и работать, а также многое другое. Для нас здесь важнее всего не причины, а факты, и таких фактов необходимо отметить два: общее падение рождаемости, во-первых, и грозные признаки начинающегося вырождения, во-вторых, и над совместным действием этих двух явлений не мешает серьезно задуматься.

Ведь в истории человечества уже известны случаи, когда процесс вырождения охватывал некоторые народы, достигшие по сравнению со своими соседями более культурного состояния. Рождаемость при этом тоже обычно падала, и все это приводило к самому плачевному результату — именно к гибели и вымиранию таких народов, место которых занимали более свежие элементы. Но в настоящее время данное явление безусловно еще страшнее, так как благодаря тем многочисленным связям, которые соединяют все народы земного шара, всякий достаточно сильный процесс быстро делается из местного мировым, охватывая собою почти все человечество. Вот почему уменьшение рождаемости и вырождение так теперь и опасны, раз они могут повести к уничтожению и гибели всего человечества или по крайней мере его большей наиболее культурной части. Мы ни в коем случае не должны, прямо не можем, допустить быть захваченными в этом отношении врасплох и, раз некоторые грозные симптомы уже имеются на лицо, должны своевременно подумать о предотвращении угрожающего нам бедствия, т. е. позаботиться об улучшении врожденных качеств будущих поколений. Так как последнее и составляет задачу евгеники, то возникновение ее в настоящее время становится вполне понятным и очень важным.

Но возможно ли это вообще, не является ли самая мысль об этом не более как утопией? Почему же невозможно, ответим мы на это, раз законы размножения везде одни и те же, а человек уже прекрасно справился с исчезновением массового размножения своих домашних животных и, применив подбор производителей, даже повысил, несмотря на это, их общие качества. Неужели человек не заслуживает и при том в гораздо большей степени того, что достигнуто им для его животных и, раз это удалось для них, почему же это не может удастся и для самого их обладателя? Нужно только знать, что следует делать в этом направлении, и на этот-то наиболее важный вопрос и должна нам ответить евгеника.

Заметим прежде всего, что подчеркивая не раз общность законов размножения для человека и животных, мы отнюдь не хотим сказать, что к человеку, да еще при том в такой глубоко интимной области, возможно применение тех же приемов, какие практикуются при разведении животных. Вот почему самая мысль о внесении в это дело какого-либо принудительного начала, о каком-либо насильственном подборе желательных элементов и устранении (насильственным же

путем) нежелательных должна быть раз навсегда совершенно оставлена — прежде всего в интересах распространения евгенических идей.

Мы упоминали уже, например, что некоторые штаты Северной Америки вступили на путь запретительной и карательной евгеники вплоть до угрозы лишения некоторых лиц оперативным путем их воспроизводительной способности. Но разве можно возлагать какие-нибудь серьезные надежды на эту меру? Разве она может остановить размножение тех, чье размножение особенно нежелательно? И не показал ли опыт всех времен и народов, что подобные устрашающие меры обыкновенно ни к чему не приводили и явления, против которых они были направлены, от этого нисколько не уменьшались. Между тем подобного рода мероприятия, носящие характер насилия над человеческой личностью, легко могут оттолкнуть многих от евгеники и создать о ней совершенно неправильное представление.

Столь же мало можно возлагать надежды на законодательное запрещение браков между известными лицами, требование о представлении при женитьбе свидетельства о здоровье и т. д. В кодексе законов большинства стран запрещается брак в самых близких степенях родства, но разве такие запреты останавливают людей от кровосмешения? С другой стороны, хотя еще недавно по нашему русскому законодательству запрещались и даже карались браки между двоюродными братьями и сестрами или женитьба на сестре жены брата (свояченице), но разве такие браки не происходили постоянно?

Мы не хотим, конечно, сказать этим, что известные ограничения при вступлении в брак не нужны и их следует отменить. Напротив, их число, быть может, не мешало бы даже увеличить, так как законы отражают в конце концов в себе лишь господствующие в данный момент воззрения, но в этом нельзя видеть никакого радикального средства против угрожающих нам зол. Ведь самый хороший закон, если он плохо применяется, ничего не стоит, и в этом отношении гораздо важнее писанных законов те неписанные, которые человек носит в своем сердце, впитывая, как говорится, с молоком матери или получая во время воспитания. К тому же данная область носит слишком сложный и интимный характер, чтобы ее можно было бы исчерпать простым запрещением того-то и того-то. Допустим, например, что вступление в брак при быстро развивающейся чахотке запрещено, что по существу, конечно, разумно. Но ведь каждая человеческая личность имеет право на свою долю личного счастья, а евгеника имеет дело лишь с интересами будущих поколений. Будут ли нарушены последние, если двое заведомом чахоточных вступят в брак, но не оставят детей и не лучше ли во много раз это, чем если бы один из них имел внебрачного ребенка?

Что же мы можем, со своей стороны, противопоставить всем эти мерам, которые, как нам кажется, не могут достигнуть своей цели? Только знание: прежде всего знание всех относящихся сюда вопросов, а затем распространение этого знания в широких народных массах. Лишь эти две вещи могут помочь нам в борьбе с надвигающимся на нас злом и они гораздо надежнее всяких запретительных и карательных законов.

В самом деле, половая жизнь каждого человека, его размножение — это та область, вмешательство в которую другого лица невозможно и где хозяином каждый является сам. С другой стороны, кто добровольно пойдет на то, чтобы его ребенок был жалким калекой, уродом, душевнобольным и т. п., если он только твердо знает, что именно так будет и при известном стечении обстоятельств этого нельзя избежать.

Соображение, будто в этого рода вопросах страсть сильнее рассудка, едва ли правильно, ибо при этом дело может идти не об обречении себя на безбрачие, а только об отказе от рождения детей, что в некоторых случаях может считаться непременной обязанностью той или иной супружеской пары.

Каждое человеческое существо имеет право на свою долю личного счастья, но не каждый имеет право быть отцом или матерью. Эта точка зрения иногда вызывает сильный протест, но это объясняется только нашим недостаточным знакомством с законами наследственности, почему так неотложно необходимо просвещение широких народных масс о всей глубине и силе последних. Впрочем, отказ от деторождения может иметь место только в немногих исключительных случаях, в большинстве же их будет совершенно достаточно лишь избегать брака с лицом, имеющим ту или иную нежелательную наследственность, на что и теперь нередко указывают врачи, хотя далеко не всегда подобные указания достигают своей цели. Большинство склонно теперь чрезвычайно легкомысленно относиться к этим вопросам, но виною в этом исключительно наше глубокое невежество. Если же евгенические идеи получат достаточно широкое распространение, если они получат широкий доступ и в школу, где складывается мировоззрение каждого человека, то отношение к этим вопросам станет иным и можно надеяться, что человечество выработает совершенно сознательно ряд обязательных для себя законов в этой области без применения каких-либо суровых мер. Повторяем: важно знать, а всякое знание неизбежно дает плоды, так что в области евгеники все дело сводится к знанию и к распространению этого знания.

Велико ли однако наше знакомство с областью явлений наследственности у человека, на которой основывается евгеника? За последние 20 лет оно сильно подвинулось вперед и теперь благодаря дружной работе ученых различных стран растет с каждым годом. Что уже из-

вестно теперь в этом направлении, читатель найдет в другой нашей книжке (см. нашу брошюру «Как наследуются различные особенности человека»), прочтя которую он наверное согласится, что сделано уже очень много, хотя еще больше предстоит сделать впереди.

Вот почему в настоящее время так важна организация специальных евгенических институтов, лабораторий, бюро, в которых и должна сосредотачиваться вся научная работа в данном направлении. Число их за границей увеличивается с каждым годом, и мы русские не должны, конечно, отставать в этом направлении от других, так как дело это одинаково важно для всех народов. Не менее важной задачей является создание и специальных евгенических обществ, которые могли бы заняться пропагандой данной идеи различными путями, что, как мы видели выше, широко практикуется такими обществами в Америке. Посмотрим в заключение, что делается теперь в этом направлении у нас в России.

До 1920 года никаких практических начинаний евгенического характера в России не было, да и знакомство с этим важным направлением было очень невелико, так как вся литература по этому важному вопросу сводилась к 2-3 журнальным статьям.

Летом 1920 года в Москве в Институте Экспериментальной Биологии (Сивцев Вражек, 41) было организовано специальное Отделение Евгеники, а вскоре в самой тесной связи с ним возникло там же Русское Евгеническое Общество, причем оба этих молодых учреждения успели развить довольно энергичную деятельность. Евгеническое Общество уже отпечатало специальную анкету по наследственности, а Отделение Евгеники приступило к ряду научных исследований на те же темы, подготовляет специальные летние экспедиции того же характера и т. д.

Такой же, хотя и более скромной по размерам, первой научной ячейкой евгенического характера у нас в Петрограде является Бюро по Евгенике Постоянной Комиссии по изучению естественных производительных сил России при Российской Академии Наук, из которого и исходит настоящая брошюра.

Для деятельности Бюро по Евгенике поставлены следующие задачи:

1) изучение вопросов наследственности специально в приложении к человеку путем устройства анкет, обследований, экспедиций и т. д.;

2) распространение в широких народных массах сведений о законах наследственности у человека и о целях и задачах евгеники путем издания популярных книг, брошюр, устройства публичных лекций и т. п.;

3) подача советов евгенического характера желающим вступить в брак и вообще всем интересующимся собственной наследственностью.

Бюро по Евгенике открыло свою деятельность в марте 1921 года и в нем ведутся уже некоторые исследования по специальным научным

вопросам. Оно помещается на Петроградской стороне по Большому проспекту, дом № 7 (или Зверинская, 4), кв. 49 и открыто во всякое время для каждого желающего получить те или иные справки по интересующему его вопросу, указания на литературу и т. д. Обращаться в Бюро можно и письменно на имя заведующего им профессора Юрия Александровича Филипченко.

Отметим в заключение еще одно важное обстоятельство. Для успешного выполнения своей главной задачи — изучения наследственности у человека — Бюро по Евгенике заинтересовано в получении возможно большего числа сведений о наследовании ряда особенностей в различных семействах, т. е. о том, какие особенности свойственны не только тому или иному отдельному лицу, но и его отцу, матери, дедам, бабкам, жене, детям и другим родственникам. При этом чрезвычайно важно получить сведения о возможно большем числе признаков всех этих лиц, как и чисто внешнего характера (цвет глаз, волос, рост, сложение и т. д.), так и внутреннего свойства (склад характера, общие способности, специальные таланты, если они имелись, и пр.), наконец, о более тяжелых болезнях, перенесенных этими лицами, об каких-либо ненормальностях, если они наблюдались и т. д., и т. д. Для занесения всех этих данных в Бюро имеются особые опросные (анкетные) листы, которые высылаются и вообще раздаются им всем желающим.

Не следует думать, что сообщение таких сведений интересно только в том случае, когда в семье наблюдались различные редкие уклонения от нормы, особенно выдающиеся способности или тяжкие наследственные болезни. Напротив, сообщение даже сравнительно небольшого числа сведений о своей семье — сведений, которые легко может сообщить почти каждый (в крайнем случае о муже, жене и их детях, если данных о родственниках по восходящей линии почему-либо не имеется), представляет всегда известный научный интерес и может дать зачастую важный материал для того или иного специального исследования. Вот почему мы обращаемся здесь от имени нашего Бюро с горячим призывом ко всем, кому ясны значение и задачи евгеники, не отказать в сообщении таких данных, затребовав для этого из Бюро анкетные листы. Излишне говорить, что всем сообщаемым сведениям гарантируется полная конфиденциальность, что ни одно имя не будет опубликовано и что вообще весь этот материал не выйдет из рук научного персонала Бюро по Евгенике. Доставлением же подобных сведений каждый может хоть немного способствовать интересам того дела, которое безусловно относится к числу наиболее важных и неотложных задач, стоящих вообще перед человечеством.

М. В. Волоцкой

ПОДНЯТИЕ ЖИЗНЕННЫХ СИЛ РАСЫ ОДИН ИЗ ПРАКТИЧЕСКИХ ПУТЕЙ

2-е издание, переработанное и дополненное

Предисловие ко второму изданию

Научно-материалистический подход к человеку поставил на очередь целый ряд таких вопросов, о серьезной разработке которых не могло быть и речи во времена религиозно-мистических представлений о человеке, как существе сотворенном «по образу и подобию божию».

Важнейшим, нужно полагать, из этих вопросов, является вопрос об изменении и улучшении человеческой породы. Наука, которая должна разрабатывать методы изменения и улучшения человеческого рода получила по почину Ф. Гальтона название евгеники[1]. В отличие от евгеники, изучение всего того, что так или иначе может способствовать вырождению человеческой породы выделяется иногда в особую отрасль дисгеники (или, как некоторые предпочитают ее называть, какогеники).

Само собой разумеется, что улучшение человеческой породы дело не простое. Более того, по своей сложности евгеническая проблема принадлежит к самым сложным проблемам современной науки.

В этой работе я отнюдь не беру на себя смелости взяться за освещение всей евгеники в ее целом. Я полагаю, что вообще время для выполнения подобной работы еще не наступило. Об этом достаточно красноречиво говорят те попытки, которые были сделаны в данном направлении некоторыми евгенистами.

В последующих главах мы рассмотрим лишь один метод, который несомненно может способствовать поднятию жизненных сил расы и, как таковой, претендует на определенное место в общей системе евгеники. Возможно, что метод этот займет далеко не главное место в деле улучшения человеческой породы, но в виду необычайной важности и жизненности евгенической проблемы даже и второстепенные методы евгеники вполне заслуживают самого серьезного и тщательного рас-

---

[1] Термин «евгеника» происходит от греческих слов «eu» - благо и «genus» - род. Подробнее о происхождении этого слова см. в моей брошюре: «классовые интересы и современная евгеника». Изд. «Жизнь и Знание». Москва, 1925 г.

смотрения. В данном случае речь будет идти о тех способах, какими общество может и должно устранять от созидания нового поколения тех, кто должен быть от этого отстранен по своей наследственной неполноценности. Этот путь оздоровления расы уже вполне созрел для разумного, научного проведения его в жизнь. Однако до сих пор культурное человечество производит тщательный подбор наиболее жизненных представителей расы лишь для дела уничтожения себе подобных, так как все слабые и неполноценные представители расы бракуются в специальных комиссиях и устраняются от несения военной службы. С другой стороны, биологические качества участвующих в созидании нового человеческого поколения по-видимому совершенно никого не интересуют, и всякий наследственно отягощенный субъект, как бы ни был тяжел его дефект, имеет полное право производить в неограниченном количестве наследственно больное потомство.

Как это ни странно, но создание нового поколения, этот важнейший процесс в жизни расы, является почти единственной областью, в которой царит полнейшая, не сдерживаемая ни одним законом, анархия. Очередная задача евгеники — бороться с этим уродливым положением вещей.

М. В. Волоцкой
Москва. Март 1925 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Современное культурное человечество и проблема предохранительной евгеники

Человек способен на великие дела; вот почему следует желать, чтобы он изменил свою природу и превратил ее дисгармонию в гармонию. Одна только воля человека может достигнуть этого.
И. Мечников.

1. Вырождается ли современное культурное человечество. Положительные и отрицательные симптомы

Вопрос о том, в каком направлении идет эволюция цивилизованного человечества, и понижаются или повышаются его биологические качества, до сих пор не может считаться окончательно решенным.

С одной стороны можно констатировать целый ряд, по-видимому, благоприятных симптомов. К таковым следует, например, отнести

наблюдающееся почти повсеместно в Западной Европе, увеличение высокорослости населения. Так, в Дании в течение второй половины XIX стол. рост населения повысился на 3 2/3 см. (по Макепрангу), в Бадене за 40 лет рост населения (по Аммону) повысился на 1,2 сант., а в Савойе, начиная с первой империи, даже на 11 сант.! (по Каррэ). Подобные же наблюдения сделаны и во многих других европейских странах. П. И. Куркин иллюстрирует это явление следующей таблицей, составленной им по данным Швейнинга.

На каждую сотню военнообязанных имели малый рост, 165 сант. и менее.

Приведенные цифры идут вразрез с повсеместно распространенным ходячим мнением о богатырском сложении наших предков и о том, что народ в настоящее время «мельчает». Правда, можно указать и несколько фактов, имеющих, несомненно, обратное значение. В качестве наиболее крупного примера подобного рода, можно указать на исследование проф. Д. Н. Анучина, касающееся населения России. Исследование это относится ко времени с 1873 по 1882 гг. и основывается на обширном измерительном материале, собранном над призывными, в воинских присутствиях. При этом оказалось, что за указанный промежуток времени, высокорослость русского населения не только не возросла, а даже несколько уменьшилась.

Отмечая этот факт, проф. Д. Н. Анучин писал в свое время: «Будущие исследования должны выяснить, составляет ли такое понижение случайное временное явление, или свидетельствует о некотором действительном понижении роста». Позднейшие исследования, произведенные в данной области, говорят, по-видимому, в пользу первого предположения проф. Д. Н. Анучина, так как в отдельных районах России удалось констатировать заметное повышение высокорослости. В частности это явление было обнаружено Б. Н. Вишневским и М. Гагаевой по отношению к призывным Буинского уезда Симбирской губ., рост которых, по данным этих авторов увеличился к 1915 году на 14 миллиметров, по сравнению с данными проф. Д. Н. Анучина. Явление это Б. Вишневский и М. Гагаева ставят в связь с некоторым улучшением санитарно-гигиенических и культурно-экономических условий жизни местного населения.

Несомненно, что в подобного рода изменениях внешних признаков типа населения большую роль играют не только процессы отбора, но и непосредственные воздействия условий жизни. Что условия жизни оказывают значительное влияние на высокорослость населения, особенно ясно можно видеть на примере евреев, как народе, живущем в разных странах в самых разнообразных условиях. Так, например, английские евреи оказываются, в среднем, на 8 сантиметров выше

своих соплеменников из Галиции и Варшавы, где этот народ живет в сравнительно менее благоприятных условиях; именно: средняя цифра роста для английских евреев оказывается равной 170 сант., в то время как рост галицийских евреев — 162 сант., а варшавских даже 161 сант. С другой стороны, и среди английских, в частности лондонских, евреев обитатели аристократических кварталов, например Вестэнда, оказываются значительно высокорослее евреев, живущих в Уайтчепле, квартале бедняков. Для первых средняя величина роста равна 171 сант., для вторых же лишь 164 сант.

Едва ли будет правильно сделать, на основании вышеприведенных примеров, тот вывод, что цивилизация в общем приводит к поднятию жизненных сил и увеличению биологической ценности расы. Вообще вопрос о биологической роли цивилизации в эволюции человеческого рода нужно считать очень сложным, и приводимые нами примеры преследуют цель не более, как до некоторой степени осветить разные его стороны.

Если обратиться к отрицательным проявлениям влияния цивилизации, то их, к сожалению. Можно указать далеко не меньшее количество. Стоит только вспомнить, какой с каждым поколением возрастающий процент оказывается в нашей среде лысых, близоруких, страдающих кариозом зубов и пр. Что касается последней болезни, то известно, что она у естественных народов встречается гораздо реже, чем у цивилизованных. Так, процентное ее содержание среди эскимосов = 2,5%, среди индейцев от 3 до 10%, малайцев от 3 до 20%, китайцев — 40%, европейцев от 80 до 96%.

Но особенно серьезного внимания заслуживают все чаще и чаще появляющиеся указания различных исследователей (Морель, Оттинген, А. Форель, Шалльмайер, Фелингер и др.) на констатируемое во всех цивилизованных странах прогрессивное увеличение числа слабоумных, идиотов и душевнобольных, количество которых, как указывают эти авторы, растет значительно быстрее, чем возрастает общая численность населения. В частности для России на это грозное явление указывал акад. В. М. Бехтерев в своей речи на открытии, в 1908 г., Психо-Неврологического Института в Петербурге. В учебнике психиатрии Эмиля Крепелина, в главе, посвященной росту числа душевнобольных (т. I, стр. 115 и след.), мы находим следующие цифры: в Нидерландах число призреваемых душевнобольных возросло от 1850 до 1899 гг. с 5,16 до 14,12 чел. на 10.000 жителей, в Пруссии от 1875 до 1900 гг. с 5,7 до 16,9, в Англии от 1869-1903 гг. цифра возросла с 24,0 до 34,1, в Баварии с 4,0 до 17,1. Подобные же результаты наблюдаются и в других странах, где существует правильное призрение душевнобольных.

Как указывает и сам Э. Крепелин, эти цифры не позволяют, однако, сказать что-нибудь определенное о действительном приросте численно-

сти душевнобольных, так как число содержащихся в больницах может зависеть и от других причин, например, от более внимательного отношения к этим несчастным со стороны государства и общества, вследствие чего будут учреждаться новые больницы для многих больных, живущих пока в семьях, по большей части вне должного призора; может оно зависеть и от возрастания доверия среди народных масс к этим учреждениям, вследствие чего родственники больного вместо того, чтобы скрывать его, будут сами стараться поместить его в больницу и т. д.

Для нас в данном случае могут, следовательно, представлять интерес лишь те статистические данные, которые охватывают всю численность душевнобольных в населении, как содержащихся в больницах, так и живущих на свободе. Такого рода материал мы находим в работах Вебера (Фелингера, Рентула, в «Современной Психиатрии» и др. источниках. Как видно из приводимых ниже примеров, эти данные рисуют для всех цивилизованных стран неизменно одну и ту же картину непрерывно возрастающего числа душевнобольных по отношению к общей численности населения данной страны.

По численности душевнобольных по отношению к здоровой части населения различные страны Европы оказываются далеко не в одинаковом положении. В том же руководстве Крепелина мы находим следующие цифры душевнобольных на 10000 населения (к сожалению, без точного указания времени, к которому эти данные относятся): в Саксонии 25 чел., в Пруссии 26, в Англии 40,8, в Бернском кантоне 56,1, в Цюрихе 97.

Таким образом с 1880 по 1905 гг., за 25 лет, число больных возросло более чем в два раза, в то время как общая численность населения Пруссии с 1875 по 1905 гг., т. е. за еще больший промежуток времени, возросла лишь с 26 по 39 миллионов челов., т. е. всего в 1½ раза. Ясно, что прирост душевнобольных в Пруссии обгоняет прирост общей численности населения.

В Англии, где регистрация душевнобольных издавна велась чрезвычайно тщательно, статистические данные, особенно для некоторых ее частей, носят еще более угрожающий характер, хотя в самое последнее время ряд целесообразных мероприятий — прежде всего почти поголовная изоляция душевнобольных от здорового населения (что должно препятствовать и произведению ими потомства), начинает, по-видимому, оказывать свое благотворное действие. Это показывает, что человек не бессилен бороться со злом психической дегенерации. Изо всего Соединенного Королевства в наихудшем положении оказывается Ирландия.

Как видим, вызванное колоссальной эмиграцией разрежение населения этой страны, вопреки всем положениям неомальтузианцев,

несколько не повело к поднятию жизненных сил расы. По мнению самого Фелингера, эта волна эмиграции, унося все наиболее здоровое и энергичное, и послужила главной причиной такого необычайного прироста в численности душевнобольных. В таком случае в тех странах, т. е. прежде всего в Северо-Америк. Соединенных Штатах, куда главным образом направляются эти более ценные элементы расы, мы должны ожидать скорее сокращения, чем роста душевных болезней. Однако, цифры, приводимые д-ром Рентулом, показывают, что и эти страны не представляют какого-либо счастливого исключения и общего печального правила. Этот автор пишет, что с 1859 по 1910 гг. население США возросло на 81%, в то время как численность душевнобольных за этот промежуток времени успела возрасти на 250%!

Что бы ни говорили о возможности различных ошибок при проведении подобных статистических обследований, но то неизменное единогласие в цифровом материале, которое мы видели выше, должно показывать, что в данном случае мы имеем дело с общим явлением нарастания душевнобольных элементов, которым сопровождается, столь блестящий по внешности, прогресс нашей культуры.

То же самое можно сказать и о другом социальном недуге, именно о росте преступности. Необходимо, впрочем, подчеркнуть, что рост преступности не может быть сколько-нибудь достоверным показателем психической дегенерации, как биологического явления. Во многих случаях влияние внешних факторов — среды, воспитания на склад антисоциальной личности бывает совершенно очевидно. Вряд ли однако правы и те, кто проблему «притоны ли создают преступников, или преступники — притоны?» - решают исключительно в первом смысле, то есть, что преступники создаются исключительно лишь в результате неблагоприятных условий жизни. В некоторых случаях в преступной личности мы имеем такое же наследственное отклонение от нормы, как и в уроде. Подобно тому как человек может родиться глухим или незрячим, он может родиться с такими же тяжелыми дефектами в соотносительной (интеллектуальной сфере. Ясно, что и в данном случае основа уродства будет чисто материальная в виде того или иного дефекта в развитии или кровоснабжении мозга или желез внутренней секреции и т. п. Для нас в данном случае важно то, что поскольку может наследственно передаваться данный органический дефект, постольку может наследоваться и обусловленная им неполноценность личности.

Таким образом мы видим, что подход к преступности, как к проявлению психической неполноценности, не должен быть односторонним. Несомненно, что задача создания такого общества, в котором отсутствовали бы преступники и душевнобольные, в основной своей части должна быть

выполнена путем классовой борьбы и социального переустройства всего уклада жизни. Но даже и тогда для оздоровления расы от наследственных дефектов, человечество не обойдется без чисто биологических методов, В виде устранения от деторождения тех лиц, дальнейшее размножение которых будет признано вредным для будущности расы.

2. Примеры семейного вырождения

Голые статистические данные почти ничего не говорят нам о тех причинах, которые вызывают столь ярко ими иллюстрируемое, повсеместное увеличение дефективных элементов культурного человечества. В некоторых случаях гораздо более дает В этом отношении генеалогический метод, к которому с этой целью и прибегли многие работавшие В данной области исследователи. К сожалению, наиобширнейшие исследования такого рода были применены не к изучению наследственности душевных болезней, что, вероятно, представило бы еще больший интерес, а к проявлению «преступной дегенерации». Рядом подобных изысканий был установлен по отношении к США тот факт, что дефективные этой страны весьма часто оказываются В кровном родстве между собою, причина чего, по мнению производивших эти исследования авторов, лежит В том, что большинство дегенеративных элементов происходит из нескольких, сравнительно немногих, но нередко чрезвычайно плодовитых родов, которые, будучи носителями наследственной заразы, оказываются как бы национальными поставщиками наследственно отягощенных личностей.

Классическим исследованием такого рода считается появившаяся еще В 70-х годах прошлого столетия работа Дегдэля над родом «Джюк» (псевдоним). Автору удалось показать, как многочисленные ветви этого плодовитого рода все сходятся к одному корню — к брачной паре из алкоголика и проститутки, поженившихся В XVIII веке и подравших человечеству к 1915-му году 2820 потомков, из которых 1200 человек оказались наследственно дефективными: слабоумными, неработоспособными, преступниками (из которых многие обвинялись за убийство) и т. п. К 1915-му году, по подсчету Естебрука, Джюки обошлись Соединенным Штатам В 2.500.000 долларов, главным образом вследствие того, что множество представителей этого обширного семейства содержалось на общественном иждивении.

Вслед за «Джюками» исследуется ряд других наследственно дефективных родов, как например род «Калликаков» (псевдоним), изученный Годдардом, роды «Ишмельс», «Ней» и «Хилл», изученные Давенпортовским институтом расовой биологии В Соединенных Штатах и др.

Особенное внимание обращают на себя работы В этой области швейцарского исследователя Иоргера над родами Зеро и Маркус. Оба рода

являются истинным несчастьем для того горного округа (Бернау), в котором они обитают, так как вся жизнь большинства их представителей проходит между тюрьмой или домами для бродяг и нищих. Однако это не мешает им размножаться с такой энергией, которая удовлетворила бы самого Золя, как автора «Плодородия». Первым, кто был из этого рода принят в число членов общины Бернау, был некий Авраам Маркус (отец которого эмигрировал в 18 столетии из Австрии в Швейцарию). Он родился в 1807 г., умер в 1888 г. Ко времени его смерти народилось 107 его прямых потомков (65 мужч. и 42 женщ.), из которых в живых к этому времени было 83 человека (48 мужч. и 35 женщ.). К 1904 г. потомство Авраама Маркуса исчислялось в 207 человек, из которых в живых были 151 человек (85 мужч. и 66 женщ.). К 1910 г. — оно достигло уже цифры 254 человека, а к концу 1915 г. — 371 человек. На самом же деле эти цифры должны быть еще большими, так как в них вошло далеко не все потомство по женским линиям. Тем же темпом размножаются и Зеро. Подобного рода факты показывают, что падение качества далеко не всегда идет рука об руку с падением количества; другими словами, что вырождение и вымирание суть процессы не всегда между собою связанные. Скорее наоборот, часто более ценные представители человеческого рода оказываются далеко не в той мере плодовитыми, чем, ложащиеся на шею человечества, подобно мельничному жернову, наследственно антисоциальные элементы общества. В своих «Очерках по евгенике» Караффа-Корбут приводит ряд цифровых данных, показывающих, что в Англии и Дании плодовитость семейств, отягощенных туберкулезом, глухонемотой или душевными болезнями значительно выше плодовитости в нормальных семьях. То же показали и изыскания в этой области Герона, пришедшего к тому же выводу, что % прироста дефективной, вырождающейся части населении, несмотря на свирепствующую внутри ее детскую смертность, все же значительно больше, чем % прироста здоровой массы населения.

С этими данными согласуется известное указание К. Пирсона, что алкоголики имеют более сильную тенденцию к размножению по сравнению с остальной массой населения. По его подсчетам среднее число детей в семьях алкоголиков — 4,6, умеренно пьющих — 3,4, трезвенников — 2,7. Ясно, что подобного рода положение вещей не может не отражаться на жизненных силах расы.

3. Обзор мероприятий, предложенных для оздоровления расы от наследственных дефектов

С одной стороны обнаружение прогрессирующего роста некоторых проявлений дегенерации, с другой — новые открытия в биологии вызывают к началу XX столетия в Европе и, еще более, в Америке, могучее дви-

жение, направленное в сторону дальнейшего изучения и, по возможности, уничтожения расшатывающих организм расы наследственных болезней. Человечество начинает искать спасения в непосредственном вмешательстве в ход своей собственной эволюции, путем активной борьбы с очагами наследственной заразы. Один за другим возникают проекты, идеи, законы, все преследующие одну и ту же цель — наследственное оздоровление расы.

Почва для их возникновения, по целому ряду причин, наиболее благоприятной оказывается в Сев. Амер. Соединенных Штатах. Дело в том, что междурасовая борьба достигает здесь такого напряжения, как, пожалуй, еще нигде в мире. Если схематично (по Блуменбаху) делить все человечество по форме черепа и цвету кожи, глаз и волос на 5 разновидностей — монгольскую, американскую, кавказскую, эфиопскую и малайскую, то, за исключением разве самой последней, все эти разновидности Homo sapiens оказываются на территории США живущими в непосредственном соприкосновении и напряженно конкурирующими друг с другом. В еще большей степени это относится к двум столь различным, занимающим противоположные области Европы, расам, как высокорослые северные блондины и низкорослые, сильно пигментированные представители средиземной расы.

Кроме того, и в отношении распространения нервно-психической дефективности у американцев дело обстоит весьма неблагополучно. По переписи 1923 г., к 1 января этого года, число психически дефективных, содержавшихся в различных больничных учреждениях Соединенных Штатов, достигло цифры 348.186 человек. Ежегодное поступление в больничные учреждения новых душевнобольных превысило в последнее время 50.000 человек. В результате, число коек, занимаемых в американских больницах душевнобольными значительно превысило общее количество коек, занимаемых больными, страдающими всеми другими болезнями в общей совокупности. Кроме того, известный процент психически больных содержится по домам на попечении своих опекунов и родственников, а так же попадает в тюрьмы, в учреждения для дефективных детей и т. п. Число граждан Соединенных Штатов, страдающих одной только формой наследственной душевной болезни — ранним слабоумием (dementia praecox) в два раза превышает общую численность туберкулезных, находящихся на излечении во всех лечебных заведениях этой страны. В некоторых штатах расходы на призрение и лечение душевно больных достигают 1/8 всего расходного бюджета и в порядке величины ассигнований стоят на первом или втором месте, уступая только расходам на народное образование. Одна только дегенеративная семья «Джюков» обошлась Соединенным Штатам в общей сложности около 2½ миллионов долларов. Общий экономический ущерб, ежегодно наносимый Соединенным Штатам душевными болезнями исчисляется в 400.000 рублей.

Естественно, что в этой напряженной атмосфере мы встречаем у американцев повышенный интерес к антропологии вообще, в особенности же к проблемам вырождения и наследственности у человека, а вместе с этим и наиболее отзывчивое отношение ко всякого рода расовогигиеническим проектам, в частности к тому («индианская система»), о котором главным образом будет говориться ниже. Нужно, однако, сказать, что даже наиболее популярные из этих проектов проводились здесь до сих пор не в широком общенациональном масштабе, а лишь в виде эксперимента, в тех или иных отдельных штатах. На этот своеобразный «экспериментальный» метод американских реформ указывают Ван Вагенет, Эдгар Шустер, А. Тверской, но особенно ярко его характеризуют слова председателя международного пенитенциарного конгресса в Вашингтоне проф. Гендерсона, когда он говорит: «мы (американцы) действуем совершенно так же, как поступают биологи и врачи, когда они испытывают какое-нибудь новое средство сначала на собаках и др. животных. У нас имеются свои животные для экспериментов — отдельные штаты».

В наши задачи сейчас не входит обзор всех этих появившихся за последние десятилетия проектов, так, как мы в данный момент ставим себе задачей более или менее всестороннее освещение лишь одного из них, о котором и будет главным образом идти речь ниже. Но все же необходимо, хотя бы вкратце, остановиться на некоторых из этих идей, так как они, давая представление обо всем этом движении в целом, могут быть небезынтересны хотя бы в чисто историческом отношении.

На состоявшемся в 1912 г. в Лондоне первом международном евгеническом конгрессе, представитель Америки, председатель крупного научного общества (Amerikan Breeders Association, ныне с 1914 г. Amer. Genetic Association), Бликер Ван-Вагенен пропагандировал как средство борьбы с вырождением так называемую «агрегацию». Заключается эта мера в том, что всех лиц, представляющих опасность наследственной заразы, как то слабоумных, идиотов, душевнобольных, закоренелых преступников, а также отказывающихся от всякой работы бродяг и нищих, предлагается изолировать в особых колониях, где бы они жили, не испытывая каких-либо особых стеснений, за исключением одного — у них были бы отняты все возможности для общения обоих полов между собою и вместе с этим возможности к дальнейшему размножению. По мнению некоторых (д-р Хаукс), восьмидесяти лет применения подобной меры было бы достаточно для полного оздоровления расы.

В более суровой форме эту же миру рекомендовал еще ранее Ф. Гальтон, который в своей «Программе национальной евгеники» указывает на преимущества более продолжительного содержания

в тюрьмах закоренелых преступников, так как этим путем мы отнимаем у них возможность производить потомство.

Что касается большинства прочих расовогигиенических проектов этого рода, то по своему духу они немногим уступают той суровости, с какой происходит в природе естественный отбор в мире животных и растений. К таким проектам нужно прежде всего отнести предложение кастрировать наследственно отягощенных. Известны случаи даже практического осуществления этой суровой меры. Так, например, в самом конце прошлого столетия в одном из убежищ для слабоумных детей штата Канзас были кастрированы 44 мальчика и 14 девочек (о других подобных этому случаях см. в книгах Гофана и Лафлина). Эта мера, уже из одних физиологических соображений, совершенно не выдерживает критики, так как известно, что удаление из организма половых желез, влечет за собою тяжкие физические и психические расстройства. В силу этих обстоятельств, метод кастрирования совершенно не может рассчитывать на успех и систематическое осуществление в какой-либо из культурных стран.

Подобным же духом проникнут и проект легализации самоубийств. Итальянский психиатр Морзелли и другие сторонники этого проекта (подробнее об этих взглядах и критику их см. в работах д-ра Рентула), полагают, что самоубийства, играя роль селективного (отбирающего) фактора, имеют большую биологическую ценность, так как этим путем многие глубоко дефективные элементы по собственной инициативе сходят со сцены. Чем раньше такой нежелательный в биологическом отношении индивид покончит с собой, тем лучше, так как этим уменьшаются шансы на то, что он, оставив потомство, оставит после себя и носителей его вредных для здоровья расы особенностей. Поэтому государство, будто бы, не только не должно бороться с явлением самоубийств, а скорее, наоборот, рекомендовать лицам, имеющим к этому склонность, не откладывать своих намерений в долгий ящик.

К этому же типу проектов относится и «эвтаназия» (от греческих слов eu — благо и tanatos — смерть), согласно которой рекомендуется безболезненно прекращать дальнейшее существование всех безнадежных идиотов, душевнобольных и слабоумных, пользуясь для этой цели такими ядами, как окись углерода, наркотики и т. п.

Нельзя обойти молчаньем еще одну преследующую евгенические цели меру, получившую уже в США довольно широкое законодательное осуществление, это — ограничение брачного права. Все ограничивающие брачное право американские законы можно подразделить на две основных группы — во-первых, те, которые запрещают вступление в брак с различными категориями больных и наследственно отягощенных, и, во-вторых, запрещающие белым вступление в брак с цветными. Появление второй группы законов вызвано стремлением предотвратить,

с одной стороны, растворение белой расы в окружающих ее цветных расах, с другой — появление от родителей, столь резко разнящихся друг от друга, биологически нестойкого потомства.

Некоторые штаты (Коннектикут, Канзас) пытаются регулировать законодательным путем не только браки, но и половые сношения вообще. Так, во введенном еще в 1895 г. законе штата Коннектикут есть такой пункт: «...Лицо мужского пола, которое будет иметь половое сношение с какой-либо женщиной, не достигшей сорока пяти лет, являющейся эпилептичкой, слабоумной, идиотичной или нищей, или женщина, которая допустит такое сношение со стороны мужчины, являющегося эпилептиком, слабоумным или идиотом, подвергаются тюремному заключению на срок не менее 3 лет».

В Европе, начиная с 1915 г., на путь оздоровления расы посредством законодательного регулирования браков вступила Швеция, в которой введен закон, запрещающий вступление в брак лицам, страдающим слабоумием, душевными болезнями и некоторыми видами эпилепсии. Подготовительные работы к введению подобных законов ведутся также в Норвегии и Дании.

Совершенно особенное положение по отношению к подобным законам занимает Россия, где закон, запрещающий вступление в брак слабоумным, построенный при том же на определенно евгенических принципах, был введен еще при Петре Великом, именно 6 апреля 1722 г. Закон этот называется «О свидетельствовании дураков в Сенате» и гласит следующее: «понеже, как после вышних, так и нижних чинов людей, движимое и недвижимое имение дают в наследие детям их таковым дуракам, что ни в какую науку и службу не годятся, а другие несмотря на их дурачество, но для богатства отдают за оных дочерей своих и свойственниц замуж, от которых доброго наследия к Государственной пользе надеяться не можно того ради повелеваем, как вышних, так и нижних чинов людям, и ежели у кого в фамилии ныне есть, или впредь будут таковые, о таких подавать известие в Сенат, а в Сенате свидетельствовать; и буде по свидетельству явятся таковые, которые ни в науку, ни в службу не годились и впредь не годятся, отнюдь жениться и замуж идтить не допускать и венечных памятей не давать» (Полное Собрание Законов Росс. Империи, том VI, стр. № 3949, стран. 643).

Наконец, в самое последнее время, уже после Октябрьской революции, именно в 1923 году Народным Комиссариатом Здравоохранения был внесен на утверждение Совета Народных Комиссаров проект декрета «Об охране здоровья лиц, вступающих в брак», гласящий следующее:

В целях охраны здоровья лиц, вступающих в брак, а равно и в целях охраны их потомства, Совет народных Комиссаров постановил:

1. Все лица, вступающие в брак, обязаны предварительно взаимно осведомить друг друга о состоянии их здоровья, в частности, в отношении душевных и венерических болезней и туберкулеза.

2. Учреждения, регистрирующие браки, обязаны при заключении браков брать с брачующихся подписку в том, что указанное в пункте первом требование о взаимной осведомленности о состоянии здоровья обеих сторон выполнено.

3. В случае отказа той или другой стороны дать соответствующую подписку, брак не регистрируется.

4. Учреждения, регистрирующие браки, обязаны перед взятием подписки, указанной в пункте первом, указать брачующимся на ответственность их за дачу ложных показаний по ст. Уголовного Кодекса.

6. Народный Комиссариат Здравоохранения совместно с Народным Комиссариатом внутренних Дел должен выработать форму подписки и издать инструкцию для проведения настоящего декрета в жизнь.

Наркомздравский проект декрета должен быть отнесен к числу наиболее мягких евгенических мероприятий, так как не включает в себя требования обязательного обмена медицинскими свидетельствами. В объяснительной записке, приложенной Наркомздравом к данному проекту декрета говорится об этом следующее:

«...Законы эти (ограничивающие право вступать в брак – М. В.) очень разнообразны и в общих чертах могут быть разбиты на следующие три основные группы:

1. Законы, запрещающие браки для больных некоторыми строго установленными болезнями. При заключении брака от брачующихся требуются соответствующие медицинские свидетельства, которые могут послужить в известных случаях материалом для воспрещения брака.

2. Законы, требующие взаимного обмена брачующихся медицинскими свидетельствами о состоянии их здоровья, причем содержание этих свидетельств не оглашается и является взаимной тайной брачующихся, от которых самих зависит решение вопроса о браке.

3. Законы, требующие взаимного осведомления без обязательного обмена медицинскими свидетельствами.

По целому ряду причин, социальных и медицинских, Народный Комиссариат Здравоохранения остановился в своем проекте декрета на последнем пути, являющемуся у нас первым шагом в деле такого законодательства».

Как видим, согласно объяснительной записке, анализ здоровья брачующихся и ответственность за правильность показаний предоставлены в проекте декрета исключительно на компетенцию самих брачующихся. Такое положение вещей, по мнению составителей проекта, вызывается

тем обстоятельством, что «обмен медицинскими свидетельствами в России трудно был бы выполним, за отсутствием и недостатком врачей, особенно в деревне». К сожалению, вызывает большие сомнения, что в такой форме, декрет «об охране здоровья лиц, вступающих в брак» смог бы дать, в условиях русской действительности, особенно в деревне, сколько-нибудь положительные результаты. Сплошь и рядом приходится видеть, что крестьянин, болеющий сифилисом или туберкулезом, сам не знает, что у него за болезнь. Так, например, мне пришлось наблюдать, как крестьяне села Куракина. Городищенского уезда, Пензенской губ., среди которых более одной трети оказались больны сифилисом, называли свою болезнь «тифом» (быть может по отдаленному созвучию слов «тиф» и «сифилис»), и всецело приписывали ее распространение рогожному промыслу, которым они занимаются. Трудно себе представить, что бы брачная анкета, как бы просто она ни была оставлена. Помогла современным куракинцам, а таких как они у нас десятки миллионов, произвести самостоятельно анализ своих наследственных качеств и дать о них правильный отчет перед заключением брачного союза.

Как говорится в «объяснительной записке», проект декрета «об охране здоровья лиц, вступающих в брак» представляет из себя первый шаг в деле нашего евгенического законодательства. От успеха первого шага зависит, как известно, очень многое, и было бы очень жаль, если в данном случае первый шаг не оправдал бы тех надежд, которые на него возлагаются. Нужно хотя бы надеяться, что в известных слоях городского населения, в частности, среди рабочих, обязательность взаимного осведомления брачующихся заставит многих более сознательно отнестись к заключению брачного союза, а некоторых, может быть, натолкнет на мысль посоветоваться с врачом, или, еще лучше, обратиться в специальную консультационную комиссию, если таковые будут где-либо иметься в нашей стране.

4. Современное состояние вопроса о практическом проведении в жизнь евгенических мероприятий

Все только что изложенные проекты и мероприятия показывают, что потребность в практическом проведении в жизнь евгенических принципов, хотя и всегда ощущалась культурным человечеством, но с особенной силой стала проявляться в последние десятилетия. Однако и до настоящего времени в этом направлении сделано еще очень и очень немного. Одним из главных тормозов практической евгеники являлись религиозно-мистические представления о человеке как существе, занимающем в природе совершенно исключительное положение. В последнее время, когда это препятствие, по крайней мере в нашей стране, осталось позади, все более начинает сказываться другое пре-

пятствие в виде страха перед практической евгеникой, который склонны обнаруживать и некоторые евгеники, как только им представляется перспектива перехода от слова к делу.

В евгенике естественно обособляются две ее стороны — теоретическая и практическая, и, разумеется, при разработке всякой евгенической проблемы стадия теоретического изучения должна предшествовать практическому ее осуществлению. Но все же тот страх перед практической евгеникой, который так часто сквозит в словах ее критиков, нужно считать очень преувеличенным. Причиной, его вызывавшей, послужили, быть может, некоторые слишком решительные проекты вроде «эвтаназии» или ограничения браков, которые, действительно, являются грубым насилием над личностью и не могут быть допущены в культурной человеческой среде. Как бы то ни было, но этот страх успел уже твердо укорениться в сознании общества к тому времени, когда впервые получил известность новый путь к поднятию жизненных сил расы — стерилизация наследственно дефективных, вследствие чего этот проект, как увидим ниже, по существу очень мягкий и не более противоречащий нашему чувству сострадания, как требование обязательной прививки оспы, на первых же шагах встретил к себе со стороны многих авторов чрезвычайно враждебный прием.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Один из новых путей оздоровления расы — «индианская система»

1. Сущность «индианской системы»

При первом, поверхностном, знакомстве с той системой практической евгеники, которой посвящен этот очерк, она, по-видимому, производит весьма невыгодное впечатление, как то показывают нападки на нее различных критиков.

Система практической евгеники, к рассмотрению которой мы сейчас переходим, возникла в Соединенных Штатах Северной Америки и получила там название «индианской» по имени того штата (Индиана), в котором она впервые получила практическое осуществление. В основе этой системы лежит уже весьма древняя мысль о необходимости лишать детородной функции тех больных наследственными болезнями, дальнейшее размножение которых будет признано нежелательным и вредным для расы. При этом наиболее характерной чертой «индианской системы» является тот способ, при помощи которого ее приверженцы (д-р Окснер, д-р Шарп, д-р Бельфильд, д-р Херти и др.) рекомендуют

производить подобного рода «половые стерилизации». Именно, они рекомендуют для этой цели производить какую-либо из операций, прекращающих проходимость выводящих из половых желез протоков. Последние при этом или перевязываются, или перерезаются, или же из них вырезается некоторый участок. Подвергшийся такой операции субъект теряет способность производить потомство и тем заражать своим наследственным недугом последующие поколения.

Смотря по тому, у какого пола, какая часть путей и каким образом перерезается или перевязывается, операции эти носят много различных названий — вазолигатура (перевязка vas deferens), вазотомия (его рассечение) и вазектомия (вырезка участка) у мужчин, и туболигатура, тубoтомия и тубоектомия у женщин. Их называют также и более общими терминами — элиминация, стерилизация, асексуализация, и, наконец, некоторые (д-р Неке, Вл. Набоков, «Врачебная Газета» и др.), допуская уже грубую ошибку, называют эти операции кастрацией.

Все эти операции сами по себе не представляют чего-либо нового. Они уже давно были известны хирургам и производились ими в известных обстоятельствах, как, например, при некоторых патологических состояниях предстательной железы (старческая гипертрофия); к рассечению же фаллопиевых труб, как указывает д-р Шарп, уже давно прибегают европейские женщины, не желающие иметь детей. Индианская система резко отличается от всех этих мероприятий своими, прежде всего евгеническими, целями. (В этом же заключается и ее основное отличие от получивших в последнее время широкую известность, работ Штейнаха и др. по омолаживанию.)

Одним из первых пришел к мысли бороться таким путем с распространением наследственных болезней д-р Окснер в Чикаго, который еще в 1899 г. писал о нескольких произведенных им с этой целью операциях. Во всех случаях он пользовался теми благоприятными обстоятельствами, когда наследственно отягощенным пациентам, в силу тех или иных причин, все равно было необходимо произвести операцию, в областях смежных с простатой. О технике производившихся им операций (вазектомия) будет сказано ниже.

Одновременно с Окснером, и даже несколько раньше его (1898 г.), к этой же мысли пришли некоторые итальянские авторы, именно Цукарелли и Спинелли.

Горячую поддержку нашла себе новая идея в лице д-ра Рентула из Ливерпуля (Англия), посвятившего ее пропаганде ряд статей в различных научных журналах. Он также разработал и значительно упростил технику вазектомии, предложив для ее производства операцию, которая теперь известна под названием «рентуловской».

Наконец, еще три имени теснейшим образом связаны с возникновением индианской системы — прежде всего д-ра Шарпа, а затем врачебного инспектора штата Индиана д-ра Херти и д-ра Бельфильда. Благодаря соединенным усилиям этих лиц, стерилизация наследственно дефективных получает В одном из штатов Северной Америки — Индиане широкое практическое осуществление. Они же знакомят с сущностью проводимой ими меры общественные и научные, прежде всего медицинские круги и, наконец (в 1907 г.), добиваются ее законодательной легализации.

Индианский закон о стерилизации гласит следующее: «Так как наследственность играет В высшей степени важную роль В передаче преступности, идиотизма и врожденного слабоумия, то общее собрание штата Индиана постановляет, чтобы после опубликования настоящего акта каждое государственное учреждение, которому вверено попечение о закоренелых преступниках, идиотах, насилователях и слабоумных, назначило, В дополнение к местному врачу учреждения, еще двух опытных врачей. На обязанности этой комиссии будет лежать обследование, совместно с главным врачом учреждения, психического и физического состояния тех из заключенных. Которые им для этой цели будут передаваться врачом или административным советом (Board of managers) данного учреждения. Если, по мнению означенной комиссии экспертов и административного совета, будет признано недопустимым, чтобы такой заключенный имел потомство, а его физическое и психическое состояние будет признано, как не подающее надежды на улучшение В будущем, то врачам вменяется В обязанность совершить для предотвращения деторождения такую операцию, какая будет признана наиболее безопасной и действительной. Но такая операция может быть произведена лишь В тех случаях, когда состояние данного лица не подает надежды на улучшение».

О результатах применения этого закона д-р Шарп пишет следующее: «Что касается осуществления индианского закона, то я могу сказать, что оно дало В высшей степени благоприятные результаты. Наша комиссия была чрезвычайно осторожна и внимательна В выборе тех лиц, которые, вне всякого сомнения, подходят под этот закон. Несмотря на то, что нередко мы производили операции против их желания, и даже несмотря на энергичные протесты, во всех случаях по истечении нескольких месяцев оперированные неизменно выражали мне устно или письменно, по поводу последствий, произведенной над ними операции, самую сердечную благодарность. Они утверждают, что эта операция избавляет от всякого рода нервных страданий, укрепляет сон и увеличивает физическую энергию. Мое знакомство с физиологией половой системы позволяет мне ясно понять, что все эти явления суть не что иное, как естественные последствия производимых нами операций».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Стерилизационное движение и его история

1. История и современное состояние стерилизационного движения В Соединенных Штатах Северной Америки

Доклады и статьи д-ров Шарпа, Бельфильда и Херти, В которых они горячо пропагандируют идею стерилизации наследственно отягощенных и указывают на все преимущества, какие представляет для этой цели операция вазектомии, произвели сильное впечатление на умы их соотечественников. В научных, медицинских, общественных, филантропических, юридических и др. кругах загорается борьба одинаково горячих приверженцев и врагов новой идеи, В которой деятельное участие принимается также и церковь, преимущественно католическая.

В медицинском мире индианская система сразу приобретает себе многочисленных сторонников. Для ее поддержки выступают такие авторитетные организации, как South Side Medical Society, Chicago Medical Society и др. По этому поводу Карл Руссель утверждает, что «...если бы руководящие классы В стране и парламенте были составлены из лиц, имеющих медицинское образование, то применение такого средства, как вазектомия, безусловно вскоре было бы узаконено».

Особенно важно отметить В рядах самых первых пионеров идеи стерилизации имя д-ра Франка Лидстона, выступившего с пропагандой ее еще В 1890 г., т. е. задолго до возникновения «индианской идеи». Имя Лидстона представляет особый интерес В том отношении, что он В то же самое время является одним из самых первых исследователей, осуществивших метод пересадки половых желез В целях поднятия жизнедеятельности организма. О результатах своих работ В этом направлении он писал В 1917 г. Ниже мы увидим еще несколько примеров того, как тесно соприкасаются друг с другом пути исследования лучших способов стерилизации и омолаживания.

С другой стороны, можно указать и на враждебно настроенные по отношению к стерилизационному движению лагери. Это, во-первых, мир американских юристов, считающих производство стерилизаций, В особенности если они будут применяться не считаясь с желанием оперируемого, несовместимым с основами конституции США, как нарушение прав личности. Эта оппозиция юристов явилась одной из главных причин того, что В нескольких штатах законопроекты о стерилизации были отвергнуты после обсуждения их В законодательных учреждениях. Даже В самой Индиане, родине всего стерилизационного движения, как мне пишет д-р

Херти (от 18 авг. 1922 г.), дело дошло до того, что В декабре 1921 г., вследствие признания Верховным Судом (Supreme Court) стерилизации «жестокой, несовместимой с основами конституции, карательной мерой», действовавший В этом штате с 1907 г. закон о стерилизации потерял свою силу. Доводы д-ра Херти, что стерилизация производится отнюдь не с карательными целями, и не только не жестока, а наоборот приносит личное благо оперируемому, укрепляя ее физически и психически, не были приняты юристами во внимание. Однако д-р Херти и намерен В одну из ближайших сессий Общего Собрания Индианы выступить с протестом против этого неправильного по его мнению постановления, рассматривающего стерилизацию как «жестокую карательную меру», В то время как В Индиане она применялась отнюдь не с карательными, а исключительно лишь с евгеническими целями.

Другим враждебным стерилизационному движению лагерем, как, впрочем, и всегда бывало В подобных случаях, когда дело касалось признания новой идеи, оказалась церковь. Доводы клерикалов базируются главным образом на том положении, что возможность плодиться дарована богом каждому человеку, и государство, из каких бы целей оно при этом ни исходило, не имеет права лишать кого-либо этого священного дара («...плодитесь и размножайтесь...» кн. Бытия, глава 9, стр. 1). Очень жаль, что В тех случаях, когда подобная точка зрения действительно должна была бы иметь место, как, например, В вопросах о допустимости смертной казни или массовых убийств на войне, господа клерикалы почему-то во все времена придерживались совершенно других взглядов. Между тем В данных случаях государство распоряжалось не только одной способностью плодиться, а всей жизнью человека, которая с точки зрения клерикалов так же должна бы рассматриваться как неприкосновенный «дар божий».

Насколько сильно влияние церковного лагеря, может показать пример штата Пенсильвании, В котором законопроект о стерилизации был отвергнут исключительно вследствие дружной оппозиции со стороны депутатов-католиков.

В результате, по мере роста стерилизационного движения, все более усиливалось и противоположное ему, антистерилизационное, что видно из того факта, чем к 1-му января 1922 г. из пятнадцати штатов, решившихся узаконить «индианскую систему», В шести штатах соответствующие законы о стерилизации впоследствии перестали действовать, как признанные противоречащими основам конституции.

В общем к 1-му января 1922 г. стерилизационное движение В соединенных Штатах достигло следующих результатов:

1. Общее число штатов, В которых были проведены законы, легализующие производство стерилизации с евгеническими целями...15

2. Штаты, В которых законы о стерилизации продолжали оставаться В силе: Вашингтон, Калифорния, Коннектикут, Айова, Северная Дакота, Канзас, Висконсин, Небраска, Южная Дакота.

Всего...9.

3. Штаты, В которых законы о стерилизации, будучи проведены, были затем признаны противоречащими конституции, вследствие чего дальнейшее практическое применение этих законов было приостановлено: Нью-Джерси, Мичиган, Невада, Нью-Йорк, Индиана, Орегон.

Всего...6.

4. Штаты, В которых законопроекты о стерилизации были отклонены: Пенсильвания, Вермонт, Айдахо.

Всего... 3.

5. Общая численность государственных учреждений, которые когда-либо были уполномочены производить стерилизации с евгеническими целями...129.

6. Общая численность государственных учреждений, имеющих право В данное время осуществлять подобного рода операции...70.

7. Число государственных учреждений, которые В большей или меньшей степени использовали свое право производить половые стерилизации...31.

8. Наибольшее число операций, произведенных В одном и том же учреждении (Sontheru California State Hospital, Patton)...1009.

9. Число штатов, В которых все учреждения, уполномоченные производить стерилизации, использовали свое право: Орегон...1.

10. Число государственных учреждений, которые хотя и были уполномочены производить половые стерилизации, но практически не осуществляли своих полномочий...93.

11. Штаты, В которых законы о стерилизации хотя и не подвергались отмене или пересмотру со стороны высших законодательных инстанций, но В которых все же эти законы пока на практике не осуществлялись: Южная Дакота...1.

Цифровые данные относительно числа стерилизованных

1. Общее число евгенических операций стерилизации, произведенных во всех пятнадцати штатах со времени первого узаконения этой меры, именно с 6-го марта 1907 г....3988.

2. Распределение оперированных по полу:

Мужчин...2606.

Женщин...1382.

Всего...3988

Сводная таблица законов, легализующих производство стерилизаций, введенных В Соединенных Штатах до 1922 г. (Преимущественно по Лафлину)

Название штата	Время введения закона	На какие категории дефективных распространяется действие закона	Основания для производства операции	Цели операции	Дальнейшая судьба и современное состояние закона
1. Индиана	1907 г. март 9	Неподающие надежды на исправление преступники – рецидивисты, идиоты и слабоумные В случае признания их непригодности для произведения потомства	Постановление специальной комиссии экспертов	Чисто евгенические	Постановлениями от 4 дек. 1919 г., 11 мая 1921 г. и декаб. 1921 г. признан Верховным Советом (Supreme Court)
2. Вашингтон	1-й закон: 1909 г. март 22 2-й закон: 1921 г. март 8	Обнаруживающие наследственное вырождение слабоумные, душевнобольные, преступники – рецидивисты, морально дефективные и сексуально извращенные, из числа содержащихся В соответ. учреждениях штата	Постановление комиссии экспертов о непригодности данного лица для произведения потомства и невозможности его исцеления	Прежде всего евгенические, а также для блага самого оперируемого	8 марта 1921 г. прежний закон был заменен новым. Приводимые справки взяты из нового закона. Закон продолжает оставаться В силе
3. Калифорния	1-й закон: 1909 г. апрель 26 2-й закон: 1913 г. июнь 13	Душевнобольные, слабоумные и рецидивисты преступники	Постановление комиссии экспертов перед освобождением из данного учреждения лиц «предрасположенных к наследственным душевным болезням или слабоумию», а также рецидивист. преступн.	Преимущественно евгенические, а также В некоторых случаях терапевтические и карательные	13 июня 1913 г. прежний закон был заменен новым. Приводимые справки взяты из нового закона. 17 мая 1917 г. этот новый закон подвергся ряду изменений. Закон продолжает оставаться В силе

Калифорнийский закон после изменений, сделанных В нем 17-го мая 1917 г.		Лица, страдающие наследственными душевными болезнями, доставляемые, согласно закону, В психиатрическ. лечебницы штата; лица страдающие различными формами слабоумия и извращениями, а также заболеваниями на сифилитической почве	Постановление комиссии экспертов перед выпиской из данного государственного учреждения лиц перечисленных выше категорий	Исключительно евгенические	
4. Коннектикут	1909 г. август 12	Душевнобольные, слабоумные и преступники из числа содержащихся В соответствующих учреждениях штата	Решение большинства комиссии экспертов после обследования физического и психического состояния, биографии и генеалогии данного субъекта	Преимущественно евгенические, но также и терапевтические	Закон продолжает оставаться В силе
5. Невада	1911 г. март 17	Привычные преступники и осужденные за изнасилование и растление	Антисоциальность поступков данного лица	Исключительно карательные	25 мая 1918 г. закон признан противоречащим конституции
6. Айова	1911 г. апрель 10	Душевнобольные, идиоты, слабоумные, имбециллики и сифилитики из числа содержащихся В соответствующих учреждениях штата	Решение комиссии экспертов, что В данном случае операция принесет благо самому пациенту и обществу. Для производства операции нужно письменное согласие на это со стороны ближних родственников или опекунов больного	Преимущественно евгенические, а также карательные (в случаях преступлений на сексуальной почве) и лечебные	19 апреля 1913 г. прежний закон был заменен новым, который В свою очередь был заменен 16 апреля 1915 г. третьим законом. Приводимые справки взяты из последнего закона, который продолжает оставаться В силе

7. Нью-Джерси	1911 г. апрель 21	Содержащиеся в государственных домах для нищих, богадельнях и тюрьмах	Единогласное постановление комиссии экспертов о непригодности данного лица для произведения потомства и невозможности его исцеления	Исключительно евгенические	18 ноября 1913 г. закон признан Верховным Советом противоречащим конституции
8. Нью-Йорк	1912 г. апрель 16	Содержащиеся в психиатрических больницах, богадельнях, домах для нищих, исправительных и карательных учреждениях штата	Решение большинства комиссии экспертов, после обследования физического и психического состояния, биографии и генеалогии данного лица	Исключительно евгенические	5 марта Верховный Совет признал закон противоречащим конституции. 10 мая 1920 г. закон изъят из законодательства штата
9. Северная Дакота	1913 г. март 13	Содержащиеся в государственных исправительных школах, школах для слабоумных, в богадельнях для нетрудоспособных и в психиатрических больницах	Решение комиссии или председателя врачебного совета учреждения, что состояние данного лица не подает надежды на исцеление и что появление от него потомства не может быть допущено, или, что от операции можно ждать благотворного воздействия на организм пациента	Преимущественно евгенические, а также лечебные	Закон продолжает оставаться в силе
10. Мичиган	1913 г. апрель 1	Заключенные в различных учреждениях штата, содержащиеся полностью или частично на иждивении общества	Решение большинства комиссии после всестороннего обследования данного лица, что состояние последнего не подает надежды на исцеление и что появление от него потомства не может быть допущено, или, что от операции можно ждать благотворного воздействия на его организм	Преимущественно евгенические, а также лечебные	28 марта 1918 г. Высший Совет признал закон противоречащим конституции
11. Канзас	1913 г. март 14	Душевнобольные, эпилептики и слабоумные из числа содержащихся в соответствующих учреждениях штата	Решение комиссии экспертов, что психическое или физическое состояние данного лица будет улучшено посредством операции, или, что произведение потомства данным лицом может повести к увеличению числа наследственно дефективных в последующих поколениях	Лечебные и евгенические	13 марта 1917 г. прежний закон был заменен новым. Приводимые сведения взяты из нового закона, который продолжает оставаться в силе

12. Висконсин	1913 г. июль 30	Лица, содержащиеся во всех государственных учреждениях для преступников, душевнобольных, слабоумных и эпилептиков	Единогласное постановление экспертизы, что «произведение потомства данным лицом не представляется желательным». Операции считаются законными лишь тогда, когда в каждом отдельном случае производятся с ведома и разрешения центральной контрольной комиссии штата. (State Board of Control).	Исключительно евгенические	Закон продолжает оставаться в силе
13. Небраска	1915 г. июль 8	Лица, содержащиеся в психиатрических больницах, институтах для слабоумных, тюрьмах и т. п. учреждениях штата	Постановление комиссии экспертов, что произведение потомства данным лицом представляло бы общественное зло. Необходимо письменное согласие на операцию со стороны ближних родственников или опекунов больного	Исключительно евгенические	Закон продолжает оставаться в силе
14. Орегон	1917 г. февраль 19	Слабоумные, психопаты, эпилептики, закоренелые преступники, морально дефективные и сексуально извращенные, из числа содержащихся на общественном иждивении в соответствующих учреждениях штата	Постановление большинства комиссии экспертов, что произведение потомства данным лицом не представляется желательным и что оздоровление его психики не может быть достигнуто иными средствами	Для улучшения физического, умственного, нервного и психического состояния оперируемого, для охраны общества, но ни в коем случае не как карательная мера	13 декабря 1921 г. Верховный Совет признал закон противоречащим конституции
15. Южная Дакота	1917 г. март 8	Лица, содержащиеся в государственном учреждении для слабоумных	Постановление экспертной комиссии, что произведение потомства данным лицом не представляется желательным и что его психическая дефективность не подает надежды на улучшение	Лечебные и евгенические	Закон продолжает оставаться в силе

Необходимо однако отметить, что все вышеприведенные цифры далеко не соответствуют числу фактически произведенных В США стерилизаций. Дело В том, что по обоюдному соглашению и даже по просьбе пациентов эти операции, главным образом вазотомия, широко практикуются почти во всех штатах. Д-р Нахимов, по своему возвращении из кругосветного плавания, так описывает это движение: «Особенно интересно то, что, по заявлениям чикагских врачей, операция вазотомии приобретает большую популярность В широких массах населения и ей подвергает себя все большее число лиц, по тем ли другим причинам (наследственность, сифилис) не признающих за собой права иметь потомство».

Этот процесс завоевания индианской идеей симпатий среди «широких масс населения», на который указывает д-р Нахимов, до сих пор еще далеко не закончен и не выходит за пределы нескольких более или менее ограниченных кругов общества. Так, что, если бы мы стали думать, что глубокие слои населения США В своей массе уже относятся к индианской идее сочувственно, то, разумеется, такой взгляд был бы далек от истины. Вероятно, В связи с новейшими работами по омолаживанию животных и человека, столь подтверждающими прежние сообщения американских врачей, отношение к таким способам стерилизации, как вазектомия или рентгенизация сильно измениться, но до этого времени дело обстояло совсем не так благополучно. Это можно видеть хотя бы из прилагаемой сводной таблицы, из которой видно, что В большинстве случаев законы о стерилизации, будучи проведены, впоследствии почти не получают практического осуществления. Ван-Вагенен, Эдгар Шустер, Гофман, Шальмайер и др. объясняют этот факт следующим образом. В Америке, обычно, законы проводятся согласно мнения больших групп населения. С законами же о стерилизации дело обстоит несколько иначе. Они проводятся усилиями отдельных новаторов врачей, евгеников, гигиенистов или криминологов, которым при этом приходится выдерживать суровую борьбу с так называемым «общественным мнением», вместе с американскими юристами и клерикалами, составляющим третий враждебный стерилизационному движению лагерь. Вследствие этого, даже и будучи утвержден, такой закон, при первых же попытках его практического осуществления, неизбежно сталкивается все с тем же препятствием — с общественным мнением. Стоит только войти В комиссию экспертов по освидетельствованию больных большинству принципиальных противников стерилизации, о чем своевременно заботятся очень многие, нередко начиная с самого губернатора штата, и закон останется не более, как мертвой буквой.

Насколько сильное сопротивление могут встречать первые попытки практического осуществления законов о стерилизации, можно видеть

из примера штата Нью-Джерси, где некая эпилептичка Алиса Шмидт, к которой впервые было решено применить закон о стерилизации, сделалась почти исторической личностью, так продолжительны и горячи были принципиальные споры по поводу этого частного случая. В результате, хотя соответствующий закон этого штата и не был отменен, но был признан юристами штата, как противуконституционный, фактически же его осуществление, по-видимому, встречает пока непреодолимые препятствия.

В некоторых штатах не обходится дело и без «антистерилизационных лиг», члены которых собирают подписи В различных учреждениях, на собраниях и митингах, добиваются всенародных голосований и т. п. На этих голосованиях, как и следовало ожидать, сторонники индианской идеи остаются В меньшинстве. Так, В штате Орегон было собрано 41767 голосов за и 53319 против введения закона о стерилизации. Нужно полагать, что если бы подобное голосование происходило где-нибудь В Европе, то его результаты дали бы еще гораздо больший перевес противникам этой новой и, на первый взгляд, такой непомерно суровой и решительной меры.

2. Особенности подхода американцев к проблеме предохранительной евгеники

Нужно полагать, что В оппозиции, встречаемой американскими евгениками, отчасти повинны и они сами, так как нередко научно-евгенические принципы стерилизационной системы претерпевают В отдельных штатах ряд недопустимых искажений. Наиболее вредными из этих искажений являются, с моей точки зрения, следующие:

1. Вплоть до настоящего времени некоторые из американских врачей все еще не отказались от недопустимого способа стерилизации посредством кастрирования. Как было показано выше, всего до настоящего времени было произведено, согласно действующим законам, 172 операции кастрации (72 над мужчинами и 100 над женщинами). Между тем современной физиологией твердо установлено, что кастрация влечет за собой целый ряд расстройств В жизнедеятельности организма. Поэтому кастрация, как способ стерилизации, должна быть категорически отвергнута тем более что наука располагает неизмеримо более гуманными способами для достижения этой цели. Как бы редко ни производились евгенические кастрации, одного уже факта их принципиальной допустимости достаточно для того, чтобы скомпрометировать В глазах общественного мнения все стерилизационное движение. Это важно отметить еще потому, что и до сих пор большинство критиков «индианской системы» не могут отрешиться от взгляда на нее, как на

массовое калечение людей, производимое жестокосердыми американскими врачами. До тех пор пока американские евгеники принципиально не откажутся от метода кастрации, поверхностные возражения их противников будут все же содержать в себе некоторую долю правды.

2. Абсолютно недопустимо узаконивать стерилизацию, как «отчасти евгеническую, отчасти карательную меру» (законы Айовы и Калифорнии). Такое соседство евгенических целей с карательными по существу совершенно нелогично и лишь вредит как тем, так и другим, в особенности первым. Дело в том, что юристы, за непривычностью для них евгенического подхода и отсутствием соответствующих кодексов, обычно рассматривают стерилизацию как членовредительство, производимое с карательными целями. Этим объясняется почему в Индиане, и некоторых других штатах, стерилизация была признана юристами «жестоким и бесполезным наказанием» («cruel and unusual punishment»). Когда же и сами евгеники начинают вносить в свои методы элемент наказания, то это еще более укрепляет юридическую точку зрения на стерилизацию, как на «бессмысленное калечение». Поэтому вместо того, чтобы путать евгенические цели с карательными, нужно разъяснять и доказывать, что метод стерилизации ничего не имеет и не может иметь общего с наказанием. Да было бы и дико карать человека лишь за то, что он имел несчастие родиться наследственно отягощенным.

3. Некоторые из приверженцев стерилизационного движения обращают главное внимание не на такие категории дефективных, как наследственные психо- и невропаты, глухонемые, слепые, идиоты и т. п., а на те группы населения, которые всего более затрагивают их классовые интересы, именно на преступников, бродяг, нищих и т. п. Так, например, д-р Бельфильд пишет о «стерилизации преступников и прочих дефективных посредством вазектомии». Точно так же д-р Шари все свои многочисленные операции вазектомии произвел исключительно среди преступников, заключенных в индианской реформатории (исправительное заведение). Между тем именно преступность требует к себе наиболее осторожного подхода со стороны евгеника, так как очень часто в ее основе лежат причины чисто социального порядка, не имеющие отношения к дурной наследственности. Поэтому образ действия д-ра Шарпа и др. вызывает многочисленные возражения и лишь подрывает доверие к идее стерилизации. Идея эта несомненно содержит в себе очень много ценного, но с другой стороны все мечты американцев, что после стерилизации всех преступников и нищих мир будет состоять из одних зажиточных и честных людей, с научно-материалистической точки зрения представляются по меньшей мере наивными.

3. История и современное состояние стерилизационного движения В Западной Европе

В западной Европе о половой стерилизации высказывается целый ряд авторов, большинство которых, так же как и В США, оказывается ее защитниками и пропагандистами. Это В особенности относится к представителям медицинского мира. Из видных сторонников идеи стерилизации можно указать на редактора журнала «Archiv fur Kriminal-Anthropologie» Г. Гросса. А. Гротьяна, Неке, Платэ, Рентула, Рюдина, высказывавшегося В этом направлении на международном конгрессе по алкоголизму В Бремене В 1903 г., Оберхольцера, А. Фореля, Юлиусбергера (международный конгресс по алкоголизму В Стокгольме В 1907 г.), Цукарелли и мн. других. В этом же направлении высказываются и целые съезды, как, например, 36 съезд швейцарских психиатров (1905 г.).

Однако, все эти одиночные мнения, несмотря на всю их авторитетность, оказывались пока не более, как гласом вопиющего В пустыне, и новая идея до сих пор нигде не завоевала себе настолько расположения широких слоев населения, чтоб войти В какое-либо из европейских законодательств. Даже наиболее передовые В области практической евгеники государства, как Норвегия, Швеция и Дания, предпочитают вводить у себя, вместо законов о стерилизации, законы, запрещающие наследственно отягощенным вступление В брак, хотя последняя мера, по сравнению со стерилизацией, является неизмеримо менее совершенной и почти недостигающей цели.

Впрочем, отдельные попытки узаконить евгеническую стерилизацию имели место В Англии. В частности, не так давно В этом направлении высказывался В палате общин Дэвис.

Насколько могущественно В данном случае скрытое влияние общественных настроений, можно видеть хотя бы из того, что д-ру Рентулу, по его признанию, пришлось 10 лет искать издательство, которое бы согласилось выпустить его книгу «Race Culture or Race Suicide?».

Необходимо отметить, что среди западноевропейских ученых, помимо сторонников половой стерилизации, имеются и такие, которые являются, если не противниками ее, то во всяком случае относятся к ней весьма скептически. Так, например, существует целое течение, рассматривающее половую стерилизацию, как меру, хотя принципиально и приемлемую, но практическое осуществление которой нужно пока считать преждевременным. В таком духе высказалось, например, Medico-Legal Society В Лондоне, по поводу доклада о стерилизации д-ра Рентула, к этой же точке зрения близок и Э. Крепелин.

Среднюю позицию заняло «Немецкое Общество Расовой Гигиены». В своих «руководящих положениях». Принятых на заседаниях Общества

14 и 15 октября 1922 г. В Мюнхене, оно высказалось по интересующему нас вопросу В следующих пунктах:

27. Для принудительной стерилизации душевнобольных и других вырождающихся элементов, по-видимому, время у нас еще не наступило.

28. Стерилизация лиц с патологическими задатками, по их собственному желанию или с их согласия, должна быть возможно скорее урегулирована законодательным порядком.

29. Чтобы помешать размножению вредных В общественном отношении элементов и всех других лиц с признаками глубокого вырождения следует уже теперь приступить В законодательном порядке к обособлению всех их В особых рабочих колониях, которые В хозяйственном отношении могли бы содержаться на труд самих заключенных и на материальную поддержку со стороны тех, кто об этих заключенных заботиться.

32. Разрешение вопросов о допустимости стерилизации, принудительного обособления и т. п. должно быть поручено особым экспертным комиссиям, составленным из представителей различных специальностей.[2]

Несколько особняком стоит известный социальный гигиенист Хайес (проф. Высшего технического училища В Шарлоттенбурге). В своем курсе социальной гигиены (переведенном на русский язык), он считает половую стерилизацию чрезмерно суровой мерой и рекомендует взамен ее систематическое пожизненное употребление наследственно дефективными надежных презервативов.

Первой европейской страной, где, хотя и помимо законодательной легализации, идея стерилизации наследственно дефективных уже получила практическое осуществление, является Швейцария. Операции здесь приводились В исполнение исключительно с согласия самих больных, их родственников или опекунов, а также государственной власти. Местами их производства были — цюрихская окружная психиатрическая больница, университетская клиника В этом же городе и психиатрическая больница Wil (кантон Сен-Галлен). Ассистент психиатрической клиники В Цюрихе, д-р Эмиль Оберхольцер сообщает интересный материал о результатах 19 произведенных В этих учреждениях операциях, которые В большинстве случаев были благоприятными. Объектами этих операций были преимущественно женщины (4 мужч. и 15 женщ.), страдающие врожденным слабоумием, В особенности В тех случаях, когда последнее

[2] Полностью «Руководящие положения Немецкого Общества Расовой Гигиены» переведены на русский язык и напечатаны В Русском Евгеническом Журнале 1924 г., том I, вып. 2-3, стр. 361-366.

сопровождалось ненормально повышенным половым влечением и, как результат этого, постоянными беременностями. Четверо из оперированных немедленно убивали своих детей после их рождения (так, напр., одна из них утопила своего новорожденного в ведре с водой).

За последнее время, начиная с января 1924 г., наибольшее оживление в обсуждении вопросов предохранительной евгеники наблюдается во врачебном мире Германии. Однако, прежде чем перейти к этому движению, считаю нужным вкратце остановиться на положении вопроса о половой стерилизации в германском законодательстве.

Почти накануне возникновения мировой войны, именно 4-го июля 1914 г., имперским канцлером Германии был внесен в рейхстаг законопроект, направленный против допустимости половой стерилизации. Согласно параграфу первому этого законопроекта, стерилизация разрешается лишь «для предотвращения тяжелой, непредотвратимой иными средствами, опасности для здоровья или жизни данного лица». Другие же основания, как то: социальные, расово-гигиенические, экономические и т. п. не могут рассматриваться, как достаточные для допущения половой стерилизации. Параграф третий этого же законопроекта грозит тюремным заключением сроком до 3-х лет тому, кто «преднамеренно лишит кого-либо способности производить потомство, хотя бы и с согласия оперированного, но без наличия поводов, указанных в § 1. Тюремному же заключению подлежит и тот, кто «умышленно позволит лишить себя производительной способности, без наличия поводов, указанных в § 1».

В силу того, вспыхнувшая вскоре мировая война прекратила дальнейшее обсуждение изложенного законопроекта, ему так и не суждено было до сих пор претвориться в действующий закон.

Таким образом современное германское законодательство не запрещает производство половых стерилизаций. Д-р Баткис, по своему возвращении из командировки в Германию, сообщал в Русск. Евгенич. О-ве, что в Германии практикуются в некоторых случаях даже кастрации. Именно кастрируются лица с неудержимым стремлением к растлению малолетних. В качестве примера докладчик приводил один случай, когда такая операция была произведена над женатым человеком, имеющим детей, но в то же время страдающим указанным извращением полового инстинкта.

4. Выступление д-ра Бётерса и его характерные особенности

Как уже было указано, в последнее время интерес немецких врачей к вопросам половой стерилизации значительно оживился. Толчком к этому отчасти послужило «Воззвание к врачам Германии», опубликованное 9-го января 1925 г. в центральном органе Союза германских

врачей. «Arztlichen Vereinsblatt fur Deutshland» (№ 1297), автором которого является окружной врач В Цвикау, д-р Бётерс.

Вот, В несколько сокращенном виде, содержание этого нашумевшего, вызвавшего оживленную дискуссию и перепечатанного некоторыми другими журналами воззвания:

«Необычайной важности культурная задача встает перед врачебным миром Германии! Помимо все возрастающих, уже ставших невыносимыми, экономических лишений, нам грозит гибель интеллектуального цвета немецкого народа, который тонет В волне духовно и морально неполноценных элементов, следствием чего должно явиться огрубление нашей расы и затем выход ее из рядов культурных наций мира. Кто может отклонить, В последний час, эту нависшую над нами опасность? Никто, кроме немецких врачей! Наше правительство по-видимому еще не сознает всей серьезности положения. Его ответственные медицинские консультанты или недостаточно знакомы с законами наследственности и требованиями современной расовой гигиены, или же их взгляды затемнены предубеждениями личного, нередко религиозного характера. А что делают В этом направлении областные, окружные и больничные врачи? Они пассивно стоят В стороне, так как считают себя не В праве что-либо предпринимать до тех пор, пока начальствующие юридические круги ясно не разрешат им их сотрудничество В области практической расовой гигиены.

При таком положении вещей Германия может ожидать помощи и спасения только от своих практикующих врачей (praktischen Arzten). Оперативная стерилизация слабоумных, душевнобольных, эпилептиков и т. п. законом разрешена, требуется лишь согласие оперируемого лица или его законных заместителей. Этот факт стоит сейчас вполне прочно. В силу этого по моей инициативе подобные операции производятся уже В течение более чем года, В большом государственном лечебном институте В Цвикау (руководителем которого является всемирно известный проф. д-р Г. Браун, основатель новейшей техники анестезирования, председатель Немецкого Хирургического О-ва), а так же во всех местных хирургическо-гинекологических частных клиниках и некоторыми практикующими врачами. Последние могли оперировать, разумеется, только лиц мужского пола, В виду сравнительной сложности оперативно стерилизации женского организма.

Я обращаюсь ко всем сельским и городским врачам Германии с горячим призывом производить оперативные стерилизации В таком количестве, В каком это будет возможно, пользуясь для этой цели содействием всех тех местных учреждений и лиц, которые могли бы способствовать этому делу. Стерилизацию женщин, как более сложную по технике, можно поручать кому-либо из специалистов. Лишь при

таком образе действий можно ожидать, что те руководящие положения, которые я В мае прошлого года представил саксонскому правительству, смогут лечь В основу соответствующих законов. Примемся же бодро за дело; приучим общественное мнение к подобного рода мерам; докажем на деле, что оперативные стерилизации протекают совершенно гладко, никогда не осложняясь какими-либо нежелательными последствиями, даже наоборот, вызывая бросающееся В глаза благотворное действие на физическое и психическое состояние оперированных, и поднимем затем громкий протест против того, что столь неотложная, важная и безобидная мера до сих пор продолжает оставаться В пренебрежении».

Руководящие положения д-ра Бётерса

1. Дети, которые при достижении ими школьного возраста будут признаны слепыми (наследственно), глухонемыми (наследственно) или слабоумными, должны подвергаться операции, лишающей их способности производить потомство.

2. При оперативной стерилизации должны сохраняться железы внутренней секреции.

3. Операции должны производиться бесплатно.

4. Разрешение на производство операции дается родителями или опекунским советом.

5. Лица, доставляемые В институты для слепорожденных, глухонемых (от рождения), слабоумных, эпилептиков и душевнобольных, должны подвергаться стерилизации, В случае их выхода из данного учреждения.

6. Стерилизации подвергаются преступники против нравственности, а так же лица, имеющие двух или более внебрачных детей В том случае, если отец этих детей сомнителен.

7. Вступление В брак может быть разрешено слепорожденным, врожденно-глухонемым, слабоумным, эпилептикам и душевнобольным лишь В случае их предварительной стерилизации.

8. Преступники, которые разрешат подвергнуть себя стерилизации, должны получать частичное сокращение срока их наказания.

9. Стерилизованные слабоумные женщины могут представлять особую опасность для нравственности и здоровья мужской молодежи (венерические болезни). В виду этого, помимо операции они должны подлежать бдительному надзору, преимущественно со стороны своих родных.

Как видим, д-р Бётерс является горячим сторонником половой стерилизации. Однако, едва ли с ним во многом согласится тот, кто захотел

бы проводить на научных основах эту меру в жизнь. Так, например, типично филистерским является то его положение, что стерилизации должны подлежать женщины, имеющие внебрачных детей в случае, если отец этих детей не может быть с точностью указан. Требование это распространяется только на одних женщин, так как ничего не говорится о стерилизации отцов внебрачных детей в тех случаях, если скрываемое ими отцовство будет обнаружено. Создается впечатление, что д-р Бётерс придерживается принципа так называемой «двойной морали» для мужчин и женщин, не говоря уже о спорности всего этого требования в целом.

Нельзя согласиться с мыслью д-ра Бётерса о сокращении срока наказания тем преступникам, которые согласятся подвергнуться стерилизации. В самом деле — в тех случаях, когда в совершенном преступлении мы имеем явление социального характера, коренящееся в недостатках общественного строя, стерилизация явится совершенно излишней мерой. Если же будет установлено, что в данном преступнике мы имеем перед собой наследственно неполноценного субъекта, то, при научной постановке дела, государственная власть должна быть управомочена производить даже обязательную стерилизацию, не считаясь с желанием оперируемого. Ставя общественные интересы выше личных, мы не должны допускать, чтобы такое вредное общественное явление, как произведение потомства наследственно дефективным, зависело исключительно от прихоти последнего.

Весьма существенным недостатком бётерсовского подхода является его призыв немедленно приступить к практическому производству оперативных стерилизаций, поручив это дело практикующим врачам Германии. Такой призыв в конечном итоге может принести больше вреда, чем пользы. Несомненно половая стерилизация требует к себе гораздо более серьезного подхода. Во всяком случае, прежде чем приступить к производству стерилизаций на практике, необходимо договориться по целому ряду вопросов: кого стерилизовать, кому поручить это дело и т. п. Вернее всего, что решение каждого отдельного случая придется поручить не отдельным лицам, а целой компетентной комиссии. Предоставив же столь серьезную и ответственную задачу всецело на усмотрение отдельных врачей, можно дать слишком большую возможность для субъективных и несогласованных действий. Пожалуй найдутся и такие последователи д-ра Бётерса, которые начнут стерилизовать тех женщин, которые, не боясь общественного осуждения, пожелали бы иметь внебрачного ребенка. Нужно полагать, что, при научном проведении стерилизационной системы, вольнопрактикующим врачам, к которым обращается д-р Бётерс, будет даже запрещено производство половых стерилизаций.

Совершенно нельзя так же согласиться и с теми радужными надеждами д-ра Бётерса, что В оперативной стерилизации Германия найдет выход из того тупика, В который она зашла В последнее время. Стерилизация действительно является новым путем к поднятию жизненных сил расы, но нельзя забывать, что путь этот далеко не единственный и даже не принадлежит к числу самых главных. Во всяком случае, В конкретных социально-экономических условиях современной Германии, он далеко не В состоянии оправдать тех надежд, которые на него возлагает д-р Бётерс. Если действительно Германия находится сейчас В тупике, и ее культуре грозит упадок, то выход из этого тупика немецкий народ должен искать В неполовой стерилизации, а В плоскости социальных мероприятий — В коренных социальных реформах и переворотах. Метод стерилизации содержит В себе много ценного, но В том преувеличенном значении, которое ему приписывает д-р Бётерс, он легко может превратиться лишь В орудие реакции, отвлекая внимание от того, что исторически назрело и что так страшит представителей определенного класса.

Можно было бы указать еще несколько слабых мест В подходе д-ра Бётерса. Я так долго остановился на его воззвании главным образом для того, чтобы показать как осторожно приходится относиться к различным течениям В современной буржуазной евгенике. Более подробно и конкретно тенденции современной евгеники проанализированы мною В специально посвященной этому предмету брошюре «Классовые интересы и современная евгеника».

5. развитие вопроса о половой стерилизации В России. Состояние этого вопроса В дореволюционное время и теперь

До 1923-го года у нас никакой борьбы вокруг индианской идеи не было, так как не раздалось ни одного голоса В ее поддержку; поэтому многочисленные суровые критики, В которых, как известно, никогда не оказывается недостатка, могли про нее писать. Как про мертвого — все, что только им вздумается. Вследствие этого нередко искажения фактов достигают таких размеров, что почти невозможно догадаться, о чем собственно пишет автор — об индианской идее или о чем-нибудь другом. Так, например, член Государственной Думы Люц следующим образом знакомит депутатов со стерилизационным движением В Америке: «Какой-то американский теоретик предложил кастрировать преступников по так называемым чувственным преступлениям. Это предложение единственное, и было встречено В Америке всеобщим хохотом не только В обществе, но и В теории. О практическом же применении этой меры не может быть и речи».

В мире медицинском не лучше этого знакомит своих читателей с сущностью индианской идеи д-р Н. Н. Лебедев, отождествляющий операции американских врачей с чем-то вроде фабрикации евнухов. «Восток, - пишет он, - со своими требованиями евнухов, несмотря на многие столетия, не мог приучить культурные народы, не натолкнул их на значение этой операции, как выгодной для улучшения рода человеческого и уменьшения преступности». В другом месте тот же автор с большой уверенностью приводит сведения о влиянии вазектомии на организм, неизвестно где им почерпнутые. «Несомненно, что и половая сила и чувство после такой операции будут ниже; несомненно и то, что не может быть нормальной функции яичек, раз нарушены их протоки; несомненно, что наступают и должны наступать атрофические явления, как в самих яичках, так и отчасти во всей половой сфере, что д-ром Шарпом отрицается; между тем давно известно влияние, и большое, этой операции (vasectomiae) на уменьшение простаты (гипертрофической) у людей преклонного возраста. Операция «vasectomia» в этом смысле практикуется с успехом повсюду». Упоминая о сообщениях д-ра Шарпа об укрепляющем действии вазектомии на его пациентов, д-р Лебедев лишь в недоумении ставит в скобках знаки вопроса и говорит в заключение, что «поверить единственному лицу, д-ру Шарпу, далеко не беспристрастному судьбе и экспериментатору, едва ли будет правильно». Почему следует считать д-ра Шарпа «далеко не беспристрастным судьей и экспериментатором» цитируемый автор не говорит ни слова.

Насколько д-р Лебедев отождествляет две операции, столь диаметрально противоположные по своему действию на организм, как вазектомия и кастрация, видно хотя бы из того, что во «Врачебной газете» его доклад о стерилизационном движении в США помещен под следующим заглавием: «Кастрация, как способ борьбы с преступностью в США». По поводу этой, судя по заглавию, действительно варварской меры, редакция «Врачебной Газеты» сочла нужным высказать в том же номере газеты свою собственную точку зрения, где говорится: «Борьба с преступностью должна вестись путем мер нравственного характера, но не руками палачей, в число которых включены и... хирурги США».

В подобном же духе написана и статья д-ра С. А. Преображенского, видящего в стерилизации лишь недопустимый «акт жестокого возмездия». О самой вазектомии он сообщает, что, «вопреки уверениям д-ра Шарпа и других, операция вазектомии влечет за собою тяжелые последствия». Это сообщение, подобно таким же уверениям д-ра Лебедева, могло бы сразу положить конец дальнейшему применению вазектомии, как способа стерилизации, если бы не его полная голословность. Оба автора почему-то тщательно избегают каких-либо

указаний на те источники, на основании которых ими делаются выводы, столь противоречащие наблюдениям д-ра Шарпа, д-ра Кларка и других американских врачей. Но так как, с другой стороны, д-р Шарп и его коллеги выступают во всеоружии своих многолетних наблюдений над несколькими тысячами оперированных, то голословные заявления обоих врачей не столько подрывают доверие к американским врачам, сколько к ним самим.

Менее резко пишет об идее стерилизации проф. И. Г. Оршанский. Все меры, рекомендованные на первом евгеническом конгрессе, в том числе и стерилизация, кажутся ему, помимо их недействительности, прежде всего непомерно суровыми. Избегая, однако, столь страстных выражений, как «дикое, бессмысленное калечение», «палачи», «звери» и т. п., к которым так охотно прибегают в печати многие его единомышленники, он говорит только: «Невольно спрашиваешь себя, не заблудились ли евгенисты, не сбились ли они с прямого пути?» Странно, что все свои последующие упреки в «извращении гуманной идеи евгеники» автор обращает исключительно по адресу... Германии.

Из других представителей медицинского мира, в публичных выступлениях или в печати высказывавшихся по вопросу о допустимости производства с евгеническими целями стерилизации, можно указать на писавшего об этом еще в 1902 г., Д. Жбанкова, на Д. И. Азбукина, И. С. Бомштейна, В. В. Розанова, И. Д. Сарычева, проф. Л. С. Минора, Т. И. Юдина и др., причем все эти авторы в той или иной форме высказываются против практического применения вазектомии. Что же касается академика В. М. Бехтерева, на которого нередко указывают, как на противника этой меры, то он относится одинаково отрицательно ко всем биологическим путям оздоровления человечества вообще, видя единственное спасение в социальных реформах. В своей, впоследствии напечатанной, речи, на открытии Психоневрологического института в Ленинграде, он высказывается по этому вопросу так: «Все наши усилия в смысле правильной борьбы с вырождением населения, все наши стремления достигнуть улучшения человеческой природы должны быть направлены на устранение капиталистического строя и на установление, путем постепенного развития, более правильных норм общественной жизни. И в этом и только в этом лежит залог лучшего будущего». По поводу этих слов можно лишь высказать сожаление о том, что еще до сих пор биологические и социальные пути облагорожения человечества рассматриваются обычно как несовместимые. Я лично уверен, что наибольшие результаты на этом пути будут достигнуты лишь тогда, когда оба течения совместно будут стремиться к общей цели, взаимно дополняя и поддерживая друг друга.

Не встретила сочувствия индианская идея и В мире биологов. Проф. Ю. А. Филипченко считает вопрос о допустимости производства с евгеническими целями вазектомии настолько разрешенным В отрицательном смысле, что даже не заслуживающим дальнейшего обсуждения. По крайней мере В своей, впоследствии помещенной В печати («русская Мысль», 1918 г., март), речи на годичном заседании (2 февр. 1917 г.) Психоневрологического института В Ленинграде он говорит по этому вопросу так: «Американские законы о стерилизации настолько единодушно осуждались всей русской печатью, которой приходилось этого касаться, что нам представляется излишним останавливаться на этом вопросе». По поводу этих слов остается лишь пожалеть, что почтенный биолог придал такое значение «всей русской печати».

В юридическом мире Вл. Набоков страстно обрушивается на «кастрацию» (так он называет вазектомию), говоря, что В применении этой меры «более глубокий взгляд (под которым автор, очевидно, подразумевает свой собственный) видит лишь перспективу одичания общества, отучаемого от пользования этическим критерием», а не разумную меру как то считают «по своему наивному и грубому пониманию» ее сторонники. Автор заявляет, что «в Европе нет страны, которая согласилась бы принять у себя это «последнее слово» борьбы с преступностью, провозглашенное В Америке, и мы уверены, что В рядах европейских врачей не много найдется опытных и умелых хирургов, которые добровольно бы согласились увечить преступников, как бы они ни были убеждены В нежелательности появления на свет потомства от этих преступников».

Приблизительно В таком же духе подходят к рассматриваемому вопросу и другие, писавшие о нем юристы и криминологи, как, наприм., проф. Жижиленко, проф. М. Н. Гернет и пр. Обособляется от это общей точки зрения лишь проф. П. И. Люблинский, что, вероятно, является следствием его более глубокого знакомства с сущностью «индианской идеи» (он впервые В русской литературе употребляет это выражение), с которой он имел возможность ознакомиться по первоисточникам — докладам д-ра Шарпа и др., и даже, во время своего пребывания В штате Индиана, непосредственно через самого д-ра Шарпа. Его богатая фактическим материалом статья В то же время настроена несравненно более мирно, чем все предыдущие. Автор весьма обстоятельно знакомит читателя с сущностью индианской идеи, но отказывается дать последней определенную критическую оценку, В виду чрезвычайной, по его мнению, сложности этого вопроса.

Заканчивая обзор этой начальной стадии критических нападок на половую стерилизацию, стадию, которая В целом носит далеко не научный

характер, укажу еще на статью Дионео «звериная философия». Этим лестным именем автор называет точку зрения всех евгеников вообще, говоря, что «каждый евгенист исходит из положения, что он «приспособленный», а потому имеет право производить над своими ближними самые дикие, самые жестокие и совершенно бессмысленные эксперименты», В число которых у этого автора прежде всего попадает стерилизация.

Как ни схематичен наш обзор приемов, оказанных индианской идее различными странами цивилизованного мира, он все же В достаточной степени может иллюстрировать картину того тернистого пути, которым неизбежно приходится проходить всякой новой идее, прежде чем ей удастся, так сказать, оплодотворить сознание эпохи и стать общепризнанной. Главнейшее препятствие на этом пути есть необходимость пробить твердую скорлупу предвзятых мнений и рутины. В данном случае мы имеем дело со своего рода борьбой за существование и естественным отбором идей, В огромном количестве возникающих вокруг нас и тотчас же претендующих не общественное признание и на право дальнейшего существования; достигают же В конце концов этого лишь те, которые докажутся В своей борьбе за существование В достаточной мере стойкими и жизнеспособными, то есть, другими словами, отвечающими социально-экономической обстановке данной страны. Процесс этот бесчисленное количество раз повторялся В истории человечества, и чем крупнее идея, тем болезненнее он протекал. Прекрасно его иллюстрирует, не знаю чье изречение, высеченное на здании Ленинской библиотеки В Москве: «Каждый раз, когда великая идея проникает В сознание эпохи, она распространяет вокруг себя такой же ужас, как спущенный лев на улицах и рынках».

Будущее должно нам показать, выдержит ли этот экзамен на «право жизни» юная индианская идея.

В последние годы, уже после октябрьского переворота, во взглядах на метод стерилизации обозначился несомненный перелом. Испуганные и негодующие выкрики уступили место более трезвому и вдумчивому отношению. Для иллюстрации этой более серьезной и научной стадии развития данного вопроса я приведу содержание дискуссии, имевшей место на заседании Русского Евгенического Общества В декабре 1921 г. по поводу моего сообщения о половой стерилизации.

1. Д-р П. П. Викторов. Кого нужно стерилизовать? Известно, что беспрепятственно вступают В брак и размножаются лица с наследственным невро- и психопатическим отягощением, с физической нервной и психической дефективностью, до подлинного слабоумных, эпилептиков и запойных алкоголиков включительно. Как бы ни была многочисленна здоровая часть населения, перечисленные категории на-

следственно-дефективных вносят в ее ряды значительную и все более возрастающую струю вырождения. С этих категорий и следует начать.

Конечно, должны быть образованы специальные комиссии, в которых всесторонне обсуждался бы выбор каждого данного случая и взвешивались все показания и противопоказания к операции. В состав таких комиссий обязательно должны входить психиатры и хирурги (всего лучше уринологи), а при стерилизации женщин (перевязках или иссечение фаллопиевых труб) хирурги гинекологи. Присутствие психиатров, как непременных членов подобных комиссий, тем более необходимо, что при закрытии тем или другим способом семявыносящих протоков могут, при известном наследственном расположении, развиваться тяжелые психозы с печальным исходом, причиной чего служит острое накопление семени (уже отмечено 4 подобных случая в литературе). На возможность же ненормального влияния на психику гиперсекреции половых желез указывал в свое время еще Броун-Секар.

Наряду с этим возникает ряд противопоказаний весьма важного общественного значения. Не дадим ли мы нового оружия в руки неомальтузианства, пропагандируя идею стерилизации в обществе? Известно, в какой мере искусственное ограничение потомства в корне противоречит самым основам антропоевгеники. Вопрос о стерилизации наследственно опасных, и с целью омолаживания, при извращении этой идеи может осложниться с социальной стороны.

Что касается этнической стороны вопроса, то стерилизация наследственно опасных при отсутствии злоупотреблений нисколько не противоречии ни индивидуальной, ни общественной нравственности, так как и в том и другом случаях мы содействуем благу человечества, не нанося при этом вреда индивидууму; охраняя наше личное благо и благо нашего ближнего в общественном союзе, мы должны в равной мере охранять и блага нашего ближнего потомства, которое генетически носим в самих себе.

II. Проф. В. П. Осипов (Ленинград). Со стороны этики необходимо принять во внимание интересы личности и общества; первые должны уступить вторым; но отношение к интересам личности должно быть крайне осторожным. Нужно помнить, что стерилизация представляет меру очень решительную, и, если еще можно говорить об исправлении ошибок при оперировании мужчин (вазектомия), то этого нельзя сказать в тех случаях, когда операция производится над женщинами.

Что касается генетики душевных болезней, то она далеко еще не установлена. По-видимому, здесь дело идет о целых группах доминантных или рецессивных наследственных задатков, от которых часть потомства при известных условиях может совершенно освободиться.

Необходимо установить случаи, в которых применение операции не вызывает сомнений. Следует помнить об отношении масс к этим мероприятиям. В этом отношении возможны всякие осложнения. Проведение в жизни этих мероприятий должно быть крайне осторожно.

III. Докт. Т. И. Юдин. В своих работах я считаю стерилизацию не безнравственной, а преждевременной мерой. Мы еще слишком мало изучили законы наследственности и потому совершенно не знаем, кого следует стерилизовать. Во-первых, фенотип зависит не только от генотипа, но и от окружающих условий. Преступник не всегда таков, что можно сказать, что его потомство будет преступно: те наследственные черты психики (напр., живость, предприимчивость), которые в одном случае повели к преступлению, в другом могут повести к весьма полезным действиям. Реализация характера зависит от среды, и точно установить, что в фенотипе есть результат воздействия среды, что обусловливается наследственными факторами, - дело не легкое, а до этого из-за одного факта преступности нельзя же переходить к стерилизации. Надо пока изучать наследственные взаимоотношения в семьях преступников.

С другой стороны, всякое фенотипическое свойство может зависеть не от одной, а от нескольких пар ген, и если соединение этих пар ген создает вредный социально тип, то в отдельности каждая пара может давать совсем другие свойства, иногда более или менее полезные. Например, представим себе, что преступность обусловливается геном предприимчивости + геном, обусловливающим известные антисоциальные черты характера; тогда при расщеплении в потомстве такого преступника будет много людей предприимчивых и в то же время избежавших второго, направляющего эту предприимчивость в дурную сторону, гена. Вообще, надо прежде какого-либо решения об изъятии потомства человека из человечества изучить его гибридологическую формулу. Только тогда, когда мы хоть сколько-нибудь приблизимся к решению этой формулы, можно будет перейти к практической евгенике, а до этого времени всякие меры, а в том числе и стерилизация, оказываются не обоснованными научно-генетически, и потому вместо пользы могут принести вред обществу и человечеству.

IV. Проф. Г. И. Россолимо. Способ борьбы с вырождением, сводящийся к истреблению потомства дегенератов, не выдерживает, по нашему мнению, критики по следующим соображениям:

1. Нет возможности, по состоянию наших знаний, заранее предположить что-либо о потомстве дегенеративных индивидуумов, во-первых, поскольку речь идет о бесчисленном ряде видов дегенеративных признаков известных или еще не изученных, и, во-вторых, поскольку

неизвестно, во что выльется передача дегенеративных признаков по наследству. Между тем, число всякого рода дегенератов столь велико, и дегенеративные конституции переплетаются с такой пестротой и в таких сложных комбинациях, что остается, при желании обезвредить потомство, либо истребить половину человеческого рода, либо ждать того времени, когда изучение дегенерации приведет к более прочным положениям. Я бы предпочел последнее.

2. Среди представителей вырождающихся семей встречается немало и не отмечаемых вырождением людей, не только полезных в средней степени, но и выдающихся по своей продуктивности для блага человечества; во имя этого я и считаю не лишним рекомендовать в высокой степени бережное отношение к вопросу.

3. Для невропатологов и психиатров имеет значение также и неприкосновенность здоровья родителей в связи со всевозможными заболеваниями, возникающими у людей, предупреждающих или прерывающих теми или иными способами беременность; природа жестоко наказывает покушающихся на ее законы, и в результате вместо избегнутого, быть может и здорового члена общества, получается обременение общества двумя, выбитыми из душевного равновесия членами его.

Резюме: Вопрос еще не разработан, будучи по отношению к человечеству крайне сложным и запутанным.

V. Проф. Л. И. Лубны-Герцык. Рационализация социальных отношений является не только лозунгом времени, но и результатом прогресса культуры. Она неизбежна. Природу начали насиловать уже давно, с тех пор, пожалуй, как появилась медицина; нужно быть последовательными. Допуская принципиально стерилизацию, я присоединяюсь к мнению тех, которые указывают на необходимость крайней осторожности в ее применении. При современном состоянии наших знаний трудно определить, кто должен подлежать стерилизации. Воздержание от деторождения самовольное и вынужденное вызывает страдание. Но страдание вызывается также сознание, что воспроизведенное потомство — дегенеративно. Первый вид страдания, однако, выше второго и, пожалуй, легче, т. к. связан с сознанием жертвы в пользу общества, акта социально-положительного.

Опасение, что неомальтузианство может использовать практику стерилизации основательно; но неомальтузианство усиливают тяжелые экономические условия. Ослабить его может общий рост благосостояния, но последнее в свою очередь связано с рационализацией во всех социальных отношениях.

VI. Проф. Д. П. Родин. Преступность есть явление социальное, зависящее от различных общественных условий. Каких преступников

надо стерилизовать — определить до сего времени невозможно. Если и есть преступность, возникающая на наследственной почве, то вероятно она проявляется в значительной степени в преступлениях против личности (часто половых). Если стерилизовать этих преступников против нравственности, то у них все равно не исчезнут побудительные импульсы. Что касается дегенерации, выраженной самоубийством, то часто самоубийцы являются, по выражению Дюркгейма, двигателями прогресса, поэтому уничтожение потомства самоубийц вряд ли является желательным в интересах общества.

VII. Проф. Н. К. Кольцов. Заключая прения, делает вывод, что метод стерилизации может служить подсобной практической мерой евгеники лишь в редких случаях полной и очевидной конституционной дефективности. Было бы в высшей степени опасным применение этой меры к менее очевидным случаям дефективности — как то: к туберкулезным, эпилептикам, алкоголикам, а тем более к таким типам, которые при современном социальном строе кажутся социально-дефективными, преступными, но при иных условиях могут оказаться — по крайней мере по отношению к некоторым своим наследственным свойствам — высокоценными производителями. Если еще можно было бы обсуждать вопрос о стерилизации Елизаветы Смердящей, то стерилизация Каина, от которого, по библейской легенде, пошли первые ремесленники и горожане, была бы проявлениям величайшей близорукости и узости. В зоотехнии метод устранения слабых от произведения потомства играет ничтожную роль в сравнении с подбором лучших, наиболее ценных производителей, и таково же должно быть соотношение между обоими этими методами в практической евгенике.

Пропаганда индианской идеи может найти успех в смысле аутостерилизации в наиболее интеллигентной части общества и в таком случае повлечет за собой лишь дальнейшее ослабление деторождаемости, в этой несомненно высокоценной части населения. Если это случится, то результаты такой пропаганды придется признать безусловно какогеническими.

Как видим у большинства участников приведенной дискуссии отношение к затронутому вопросу гораздо более осторожное и серьезное по сравнению с критическими нападками Вл. Набокова, Н. Лебедева, Люца и др.

Еще более терпимое, а в некоторых случаях даже явно сочувственное, отношение замечается у ряда авторов, высказавшихся в связи с данным вопросом в самое последнее время (Б. Н. Вишневский, С. И. Каплун, К. Х. Кекчеев, А. Приградов-Кудрин. Л. Сангурский, С. В. Сапожников, Б. И. Словцов, А. Н. Сысин. Т. Я. Ткачев и др.)

Наиболее определенно из всех перечисленных авторов высказывается д-р Т. Я. Ткачев, заканчивающий свою статью «Половая стерилизация, как проблема социальной гигиены». Следующими тремя положениями:

I. Половая стерилизация является с точки зрения социальной гигиены необходимым фактором оздоровления населения.

II. Практические показания к этой операции могут быть очень широкими и выходить за пределы гигиенических и евгенических требований, как способ омоложения старческого организма, и как метод улучшения здоровья при ряде конституционных заболеваний.

III. Половая стерилизация должна быть декретированным мероприятием и применяться после всесторонней оценки врачами специалистами и точной регламентации каждого случая.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Влияние половой стерилизации на общее состояние организма

1. Стерилизация мужского организма. Указания на пагубные последствия вазектомии

Прежде чем перейти к оценке индианской системы, остановимся вкратце на том действии, которое оказывают операции стерилизации, и прежде всего вазектомия, на организм, что должно нам показать, правы ли те, которые называют операции, производимые американскими врачами, кастрацией, а их самих — «палачами» и т. п.

С одной стороны, действительно. В медицинской литературе есть несколько указаний (Пайр, Фрич) на чрезвычайно пагубные последствия вазектомии, выражающиеся иногда В остром упадке сил, связанном даже с психическим расстройством. Неке делает еще указание (ни словом не упоминая об его источниках) на то, что вазектомия приводит к полной атрофии тестикулов (яичек), вследствие чего он и рассматривает эту операцию, как особый вид кастрирования. В той же своей статье он рассматривает, как средств лишения возможности производить потомство, такую операцию, как перерезка идущей к тестикулу артерии, чего, как мы видели выше, избегает д-р Шарп. Естественно, что при таком подходе к операции вазектомии, когда отсутствует забота о сохранении В целости питающей яичко артерии, можно ожидать от нее всяких последствий, В том числе и тех, о которых пишет Неке.

2. Сообщения американских врачей о поднятии жизненных сил мужского организма после половой стерилизации

Совершенно иную картину рисуют многочисленные сообщения американских врачей, основывающиеся на огромном опытном материале; к сожалению. В силу какого-то рефлексологического закона, эти сообщения американцев о влиянии на организм вазектомии, будучи, действительно. Весьма необычайными, у многих вызывали к себе лишь чувство враждебного недоверия, В других же случаях их почему-то просто пропускали мимо ушей, не придавая им никакого значения.

Для иллюстрации этих выдающихся наблюдений я приведу, В дополнение к цитированной выше выдержке из письма д-ра Шарпа, еще несколько выдержек, взятых главным образом из статей того же автора. Так, например, он сообщает: «Операция вазектомии во всех тех случаях, которые дали мне возможность последующего наблюдения, ни разу не была причиной каких-либо неблагоприятных последствий. Не наблюдалась после нее ни атрофии тестикулов, ни психического или нервного расстройства; наоборот, пациент становится потом более веселым, приветливым и рассудительным. Мастурбанты находят силы оставить свою привычку. Оперированные советуют своим приятелям подвергнуться этой операции В их собственном благе...» «Мало того, операция действует благотворно на весь организм. Из наблюдения над 500 мужчинами, у которых я перерезал семявыносящие протоки, я могу удостоверить, что результатом этого является повышение работоспособности, увеличение энергии и улучшение всего благосостояния организма. Я наблюдал блестящие результаты В случаях неврастении. Перерезка семявыносящих протоков или яйцеводов (oviductus) не останавливает полового развития, как это доказано опытами над молодыми животными, не достигшими возраста половой зрелости. Не наблюдается также ни атрофии тестикулов, ни перерождения мошонки, как это доказывает мой десятилетний опыт...» «После этой операции стремление к другому полу нисколько не уменьшается. Духовные силы и нервная система укрепляются обильным поглощением спермы. Операция оказывает решительное влияние на центры воли. Благодаря укрепившейся воле насилователь сумеет удержаться от опасных порывов. Таким образом, мы обладаем таким средством предупреждать появление потомства у наследственно дефективных, которое В то же самое время улучшает общее состояние несчастного индивида».

Шальмайер, критикуя метод стерилизации, указывает, что вазектомия совершенно не достигает цели В тех случаях, когда применяется к сексуальным преступникам — изнасилователям и т. п., так как половое влечение В полной мере сохраняется и после операции. Как видим, д-р Шарп предвидит эти случаи, указывая В виду констатируемого им укрепления

волевых центров после вазектомии, на полною применимость этой операции и к этой группе дефективных. Этим же эффектом общего укрепления воли объясняет д-р Шарп и тот факт, что привычные мастурбанты, будучи подвергнуты операции вазектомии, В скором времени находили В себе силы для того, чтобы оставить овладевшую ими привычку, причем во всех этих случаях причиной избавления от мастурбации являлось никоим образом не ослабление libido, а перемены В самой психике субъекта.

Д-р Шарп приводит также примеры того, когда, лица ранее совершенно неспособные к учению, после операции начинали оказывать хорошие успехи В тюремной школе.

Сами оперированные, В числе которых В практике д-ра Шарпа были между прочим 3 врача, ясно замечают происходящие с ними благотворные перемены, В виде повышения работоспособности и жизнерадостности, укрепления сна и т. п.

Объективным критерием для суждения о вызываемых вазектомией изменениях В психике и образе жизни оперированного могут служить данные о результатах, применяемого В некоторых американских тюрьмах, В том числе и В индианской реформатории, досрочного условного освобождения заключенных. Освобожденные таким образом лица В среднем В количестве 65% более не возвращаются В исправительное заведение вплоть до окончания срока своего наказания, остальные же 35% успевают за это время попасть В него обратно. В среде же тех условно освобожденных, которым ранее была произведена вазектомия, эти процентные отношения оказываются совершенно иными: В течение десяти лет из 203 таких условно освобожденных были возвращены обратно лишь 5 человек, т. е. менее чем 2½%.

Как сообщает д-р Шарп, операция вазектомии не мешает его пациентам впоследствии вступать В брак, причем половые сношения протекают у них нормально, вполне удовлетворяя обоих супругов.

Такие же благоприятные отзывы о последствиях вазектомии дают и некоторые другие, американские врачи. Так врачебный инспектор и директор департамента народного здравия штата Индиана, д-р Херти пишет, что «несколько месяцев спустя после вазектомии можно констатировать заметные перемены В общем состоянии и внешности оперированного. Он спит крепче, прибывает В весе, находится В хорошем расположении духа, его мысли делаются яснее, запас слов увеличивается, общий вид и благосостояние улучшаются, одним словом, он во всех отношениях становится более здоровым и деятельным человеком».

Д-р Кэррингтон пишет В 1909 г. о не менее благоприятных последствиях двух произведенных им операций вазектомии, а В следующем 1910 г. сообщает подобные же наблюдения уже над 12 своими пациентами.

Вследствие того, что в Калифорнии было произведено больше стерилизаций чем во всех остальных штатах взятых вместе, все сообщения калифорнийских врачей приобретают очень большое значение. В одном из отчетов о результатах производства стерилизаций в этом штате д-р Хетч сообщает, что над стерилизованными или ведутся непосредственные наблюдения или же, время от времени, наводятся справки об их общем состоянии после операции. При этом оказывается, что никто из подвергшихся вазектомии не испытывал каких-либо неблагоприятных последствий операции; наоборот «у многих больных операция послужила причиной телесного и психического оздоровления. Оперированные не жаловались ни на какое вредное влияние и высказывали свое удовлетворение от последствий операции».

Еще более определенно констатирует благотворное действие вазектомии д-р Клар (D-r Fred P. Clarker), врач Стоктонской больницы, в которой к 1922 г. было произведено 828 операций стерилизации — 572 над мужчинами (вазектомия) и 222 над женщинами (тубектомия): «После производства операций вазектомии мы убедились, что они сопровождаются улучшениями в общем и психическом состоянии здоровья оперируемых, что несомненно есть благоприятное следствие всасывания тестикулярных секретов».

«Первый, кто сознательно начал утилизировать внутреннюю секрецию семенников, был, как известно, Броун-Секар, который экспериментировал с тестикулярными вытяжками в 1889 г. Он сообщал о замечательных результатах подкожных инъекций тестикулярных экстрактов, указывая на возрастание физических и психических сил и т. п. В свое время эти результаты были по большей части истолкованы как следствие внушения. С тех пор, однако, как было приступлено к операциям стерилизации, мы пришли к убеждению, что наблюдающееся после них улучшение в психическом и общем состоянии здоровья есть несомненно благоприятный эффект самой вазектомии, который нужно приписать действию вводимого в организм органотерапевтического агента».

«Особенно благоприятные результаты отмечаются в случаях страданий депрессиями, повышенной нервностью и неспособностью сосредотачиваться. Мужчина, не поддававшийся никаким способам лечения, уже через 2-3 недели после операции, явно обнаруживает признаки улучшения как в интеллектуальной, так и в физической сферах. Точно так же и позже, уже по выписке из лечебницы, он продолжает отличаться превосходным состоянием своего организма».

Цитированное сообщение д-ра Кларка относится к марту 1916 г. Оно представляет извлечение из его доклада на государственной конференции психиатров, опубликованного в обширной монографии

Лафлина «Eugenical Sterilization». В своем труде Лафлин приводит еще одно сообщение д-ра Кларка, датированное январем 1918 г., В котором д-р Кларк подтверждает свои прежние наблюдения над последствиями вазектомии, а так же выставляет требование, чтобы действие калифорнийского закона о стерилизации было расширено на тяжелые формы алкоголизма.

Можно было бы привести еще целый ряд подобных же сообщений американских врачей-евгеников. Однако, все сообщения этого рода, вполне согласуясь между собой, В то же время имеют и один общий недостаток: именно, ни В одном из них, насколько мне известно, не содержится данных о строго проведенном научном контроле над физиологическим действием операции вазектомии, вроде, например, того научного контроля, который проводится над влиянием различных видов спорта и физических упражнений В советской физкультуре. Отсутствие сообщений о подобного рода систематических наблюдениях В значительной степени умаляет научную ценность огромного практического опыта американских врачей. Впрочем, общеизвестные работы Штейнаха и его последователей В значительной степени пополняют этот пробел. Необходимо кроме того принять во внимание, что перед американскими стерилизаторами задача омоложения стояла далеко не на первом плане, почему, естественно, ими могли и не вестись более детальные и углубленные наблюдения над благотворными последствиями производимой ими операции. О безвредности же вазектомии их сообщения говорят достаточно убедительно.

Поскольку об этом позволяют судить сообщения американских врачей, вызываемое вазектомией благотворное действие не является скоро преходящим. Отчасти это подтверждает и одно сообщение д-ра Богарта, что произведенное им вскрытие трупа мужчины, которому десять лет тому назад была произведена вазектомия, показало, что тестикулы стерилизованного В полной мере сохранили свою секреторную деятельность.

В сущности, сообщения американских врачей не должны бы явиться для нас полной неожиданностью, так как отдельные указания на то, что вазектомия не сопровождается подавлением деятельности тестикулов, делались еще В середине прошлого столетия. Так, д-р Оболенский, через 5 недель после резекции у собак vasis def. В полость общей влагалищной оболочки, где оно подвергается жировому метаморфозу. Госселен (Archives Generales de Medecine, 1847) утверждал, что яички, семя которых почему-либо не может достигать семенных пузырьков, не атрофируются и функционально не изменяются, а вырабатываемое семя всасывается через лимфатические пути. Еще дальше пошел В этой области исследования Бриссо, который, на основании своих опытов

над кроликами, поставленных с целью проверки указаний Госселена, констатировал, что перерезка семявыносящих протоков не только не подавляет сперматогенеза, но даже заставляет его идти усиленным темпом. Такие же указания, на основании опытов над кроликами и собаками, были сделаны Я. Б. Левинсоном в его докторской диссертации. Все эти исследования, не обратившие пока на себя должного внимания, приобретают в настоящее время новый интерес.

3. Вопрос о причинах благотворного действия на организм вазектомии. Учение Броун-Секара

При объяснении необычайных последствий вазектомии, д-р Шарп, д-р Кларк и другие американские врачи исходят из учения Броун-Секара о внутрисекреторной деятельности половых желез. По их мнению, организм после этой операции начинает обильнее снабжаться той неизвестной, оказывающей на него столь могучее действие субстанцией, которую вырабатывают половые железы.

Что семенники играют роль не только своим наружным секретом — вырабатывая семя, но оказывают также могущественное влияние на весь организм и его развитие, было известно уже давно. Об этом судили и по отличиям мужского пола от женского, и по результатам кастрации, а также, отчасти, и по влиянию на организм введения в него в том или другом виде яичка, как укрепляющего и лечебного средства. Китайцы издавна употребляют яички для возбуждения силы, храбрости, для лечения бледной немочи и т. п.

Современная научная разработка вопроса о значении тестикулярных гормонов началась с Броун-Секара, который на самом себе впервые экспериментально показал, что введение в организм физиологической вытяжки из шестикул (бравшихся им для этой цели из животных) оказывает столь сильное укрепляющее действие, что даже способно до некоторой степени омолаживать стареющие организмы. В 1889 году этот ученый, будучи 72-летним стариком, не могущим работать в стоячем положении хотя бы в течение получаса, утомлявшийся до изнеможения после 3-х часов какой бы то ни было работы, впадающий в сонливость и в то же время страдавший бессонницей, полным ослаблением кишечника и мочевого пузыря и вообще всей мышечной системы, начал делать себе подкожные впрыскивания тестикулярных вытяжек (по одному кубическому сантиметру). Уже после первого впрыскивания стали заметны признаки восстановления сил. После же 7-го впрыскивания Броун-Секар, к удивлению своих ассистентов (Д'Арсонваля и др.), получил возможность работать в своей лаборатории по несколько часов не присаживаясь, а возвращаясь домой, он почти бегом поднимался по лестнице и принимался за редактирование своих

мемуаров; к нему опять вернулись аппетит и сон; мышечная сила возросла на 25%; испражнения, много лет бывшие неправильными и обыкновенно совершавшиеся после клизмы, стали регулярными; без всяких усилий стала отделяться сильной струей моча; умственные занятия совершенно перестали его утомлять, что, по его мнению, происходило исключительно благодаря динамогенному действию тестикулярной вытяжки на нервные центры. Впоследствии он с таким же успехом испытал действие вытяжек на многих лицах.

Вслед за Броун-Секаром подверг себя действию тестикулярной вытяжки проф. К. Фохт, причем испытанное им восстановление умственных и физических сил было до того сильно, что его вполне можно было назвать «омоложением». Его мысли стали яснее, движения легче; появилось горячее стремление к умственному труду.

Из русских ученых с таким же благоприятным результатом подвергал себя действию этих инъекций профессор Д. И. Менделеев. Из ученых-врачей д-р П. П. Викторов также отмечает неизменно благоприятные последствия практиковавшихся им впрыскиваний тестикулярной вытяжки своим пациентам, В числе которых был, напр., Е. Ф. Корш (из знаменитой плеяды кружка Грановского).

Все эти наблюдения с достаточной ясностью показывают, что В яичке находится какой-то химический агент, или несколько агентов, оказывающих могущественное тоническое действие на весь организм, причем часть этого секрета, быть может лишь некоторые его составные элементы, обладающие все же возбуждающим и укрепляющим действием, переходила В те вытяжки, которые приготовлялись самим Броун-Секаром и его учениками.

Как и всегда бывало, бывает и вероятно будет бывать В подобных случаях, великое открытие Броун-Секара родило В академических кругах прежде всего чувство недоверия, скептицизма и враждебности. Великого ученого нередко называли чуть не шарлатаном и всячески старались умалить и даже свести на нет значение его исследований. Иллюстрируя эту недоброжелательную атмосферу, Каммерер цитирует следующий отзыв тайного медицинского советника Эбштейна о работах Броун-Секара: «Со стыдом мы должны сознаться, что макробиотика очень долго не могла освободиться от грубых заблуждений и суеверий. Опыты с омолаживанием, произведенные Броун-Секаром, учат тому, что возврат к ним возможен и В наши дни».

ГЛАВА ПЯТАЯ

Допустимо ли включение половой стерилизации наследственно отягощенных в общую систему мероприятий по гигиене и оздоровлению расы

Государственный муж, желающий добиться улучшения породы своего народа, должен брать пример с пастуха, желающего поднять породу своего стада. Пастух начинает с чистки стада — с удаления всех плохих и слабых экземпляров.

Платон

1. Полное отсутствие в принципе половой стерилизации карательного элемента

При оценке метода половой стерилизации будем прежде всего иметь в виду, что производство операций никоим образом не должно и не может преследовать какие-либо карательные цели. В самом деле, кому может придти в голову за что-то карать таким странным образом тех несчастных, при том же по большей части уголовно-невменяемых субъектов, как душевнобольные, слабоумные, идиоты, имбециллики и т. п., против которых главным образом направлена эта мера. Наоборот, естественно, что мы должны делать все от нас зависящее, чтобы чем-нибудь улучшить их положение, но в то же время из евгенических и этических соображений не имеем права допускать дальнейшего произведения ими потомства. Не достигаем ли мы и того и другого посредством своевременно произведенной совершенно безопасной и даже безболезненной операции?

Однако все эти соображения совершенно игнорируются критиками индианской идеи, которые упорно продолжают видеть в производстве операций лишь грубый «акт жестокого возмездия», (д-р С. А. Преображенский и др.) и сравнивают их чуть не с пытками инквизиции, клеймением преступников каленым железом, отсечением руки вору и т. п. Насколько человек склонен к искажениям и превратным истолкованиям новых течений, видно из того, что даже в лагере сторонников идеи стерилизации немало находится лиц, подходящих к вопросу совсем с другого конца. Так, например, как мы видели, в штатах Вашингтон (текст первого закона) и Невада, половая стерилизация была введена лишь как средство наказания за преступления сексуального характера. Само собой разумеется, что подобного рода недоразумения ничуть не умаляют истинного значения половой стерилизации.

В ней мы должны прежде всего видеть могущественное противоядие против тех токсинов, которые вырабатываются в цивилизованной человеческой среде и которые, будучи предоставлены сами себе, должны вести эту среду к упадку. Мы должны быть последовательными. Стерилизация, конечно, есть мера искусственная; но не искусственна ли и вся та обстановка, все те условия, среди которых живет современное цивилизованное человечество, и если мы не хотим или не можем стряхнуть с себя созданную нами же искусственность и вернуться к природе, то, чтобы избежать вырождения, мы должны прибегнуть к лекарствам вроде стерилизации.

2. Взгляд на евгеническую половую стерилизацию с точки зрения современной биологии

После Дарвина, все мы знаем, что в естественной, первобытной обстановке эволюция животных видов управляется принципом борьбы за существование, в силу которого все наследственно неполноценное должно погибнуть в жизненной борьбе, и притом в такую пору жизни, когда особь еще не достигла половой зрелости и, следовательно, не успела создать больного потомства. Совсем иное и совершенно неестественное положение вещей создается в цивилизованной человеческой среде. Здесь, даже самый неприспособленный и малоценный в биологическом отношении индивид доживает под опекой общества, главным образом различных благотворительных учреждений, до периода половой зрелости, и затем передает все свои наследственные дефекты потомкам. Так происходило до сих пор. Но в настоящее время, когда мы хотим строить жизнь на научных основах, пора позаботиться о том, чтобы заботы общества и больных и слабых не велись в ущерб будущим поколениям.

Что же нам делать? «Должны ли мы порвать с господствующей альтруистической этикой и установить новую, индивидуалистическую?» - спрашивает по этому поводу д-р Блюм и дает ответ: «Такой разрыв означал бы не что иное, как возврат вспять к мрачному варварству белых времен, означал бы шаг назад, а не вперед. Единственно, что можно и должно — это расширить старую этику. В наше время понятие о ближнем нуждается в дальнейшем расширении: мы должны заботиться не только о ближних наших современниках, но и о потомках».

Чрезвычайно растяжимое и условное понятие о ближнем должно естественно эволюционировать, по мере расширения нашего социального кругозора. Для грубого эгоиста с этим понятием связывается лишь его собственная особа, для обывателя — это его домочадцы, для патриота — соотечественники, для евгеника сюда включаются и все те, кто будет жить после него.

Таким образом, мы встаем перед вопросом — имеем ли мы В настоящее время какие-нибудь фактические основания для включения В число своих ближних и наших еще не родившихся потомков, или, быть может, более прав был Н. Г. Чернышевский, писавший некогда: «Будем думать только о том, как нам устроить нашу жизнь, а заботу о судьбе праправнуков оставим праправнукам».

При решении этого вопроса нужно принять В соображение прежде всего то, что на нас ложится большая ответственность за свои поступки, чем на прежние поколения. Ведь мы обладаем несравненно большими познаниями В области явлений наследственности, чем они, и то, что простительно было им, непростительно нам.

Для иллюстрации последнего положения я приведу один пример из антропогенетики. Нам теперь известно, что большинство душевных болезней мы должны считать рецессивными признаками по отношению к здоровью, зависящими, как например, ранее слабоумие (по исследованиям Рюдина), по крайне мере, от двух пар генов (наследственных задатков). Основной менделевский анализ показывает нам, что от больных этими болезнями, как от рецессивных форм, никоим образом не могут рождаться здоровые дети. Какие бы хромосомы ни редуцировались В период созревания половой клетки (яйца или сперматозоида), все равно она неизбежно принесет с собой В организм нового существа наследственные задатки душевной болезни, и больной родитель произведет на свет или подобного себе больного, или же, В лучшем случае, если другой родитель даст со своей стороны только здоровые доминантные гены, получится та скрытая (гетерозиготная) форма, тайная носительница болезненных задатков, которая делает столь трудной, а по мнению некоторых даже безнадежной, борьбу человека со злом душевных болезней. Спрашивается, имеем ли мы право, зная все это. Допускать дальнейшее беспрепятственное размножение душевнобольных? Вряд ли можно В этом вопросе удовлетвориться точкой зрения Крепелина, когда он говорит: «Если психоз оказывается и В той, и В другой семье, да еще В сходной форме, то В вопросе о браке следует серьезно поразмыслить». Нужно думать, что не ограничиваться В подобных случаях одними размышлениями наш прямой долг, и обязательная стерилизация должна являться здесь, как вытекающая из этого долга, необходимая В интересах всего человечества жертва. Обязательность применения В известных случаях стерилизации мотивируется тем доводом, что от невменяемых слабоумных или душевнобольных все равно нельзя ожидать сколько-нибудь обстоятельного и мотивированного решения, и благо общества и последующих поколений не может всецело зависеть от их, того или иного, случайного ответа.

Строя жизнь на научных основах, мы должны стремиться к тому, чтобы борьба с наследственными болезнями велась не менее энергично, чем та борьба, которая обычно ведется с эпидемиями заразных болезней, что же мы видим в действительности? В России насчитывается более 300.000 душевно больных. Во многих культурных странах дело обстоит еще того хуже. Но почему-то нас эти факты тревожат гораздо меньше, чем, например, известие о новой эпидемии холеры или оспы. Неужели причина этого в том, что приближающаяся эпидемия угрожает лично нам, нашим близким и вообще нашему поколению, а наследственные болезни, не заражая нас, отравляют организм каких-то там потомков? В таком случае, те массовые прививки (в известных случаях обязательные), те плакаты и воззвания на стенах, и вообще вся та суматоха, которую мы поднимаем при каждой эпидемии, не делают нам чести.

Будем же помнить, что все наследственные болезни суть болезни заразные, которые только заражают не нас, а будущее человечество, и этот взгляд, вместе с вытекающими из него действиями, предохранит нас от горьких упреков сейчас еще не родившихся людей.

3. Анализ причин враждебного отношения к евгенической половой стерилизации со стороны буржуазных правительств

Идея стерилизации всегда встречала оппозицию со стороны государственной власти. Частично с этой оппозицией мы уже имели возможность ознакомиться хотя бы по отношению к половой стерилизации со стороны законодательных кругов и губернаторов Соединенных Штатов, а так же по тому законопроекту, который накануне мировой войны был внесен в германский рейхстаг, государственным канцлером.

Причины такого отношения буржуазных правительств к половой стерилизации должны быть приблизительно те же, что и причины запрещения ими производства абортов. Дело в том, что как аборт, так и половая стерилизация, сопровождаются частичным уменьшением численности населения. Это обстоятельство представляется крайне невыгодным с точки зрения империалистической, захватнической политики каждой буржуазной страны. Возможно большая численность подданных, независимо от их качества, требуется в данном случае для того, чтобы в борьбе за рынки быть в состоянии выставить возможно более многочисленную армию.

Вряд ли нужно доказывать, что полигенические тенденции буржуазных правительств, на которые сейчас было указано, по своему духу совершенно чужды рабоче-крестьянским государствам. В равной мере это относится и к той оппозиции, которую всегда встречала идея половой стерилизации со стороны церковников. Нужно думать, что

эта оппозиция церковного лагеря, столь всегда мешавшая проведению в жизнь метода половой стерилизации, вскоре отойдет в область прошлого не только у нас, но и за границей.

В самое последнее время, в некоторых буржуазных странах, как будто бы начинает проявляться гораздо более терпимое отношение к идее стерилизации. В ней даже начинают видеть чуть ли не якорь спасения из того катастрофического состояния, которое переживает европейская культура. О вероятных причинах этой временной перемены настроений мы уже говорили в связи с «Воззванием к врачам Германии» д-ра Ботерса. Тогда же было отмечено насколько не целесообразно возлагать слишком большие надежды на половую стерилизацию по отношению к таким странам как Германия до того времени, как в них не разрешатся исторически назревшие моменты классовой борьбы. С другой стороны, подобного рода соображения не могут относиться к нашей стране, в которой этот важнейший исторический момент уже остался позади, и началась грандиозная работа по строительству новых форм общественной жизни.

Все сказанное приводит нас к убеждению, что в нашей стране более чем где-либо назрел момент для научного проведения в жизнь метода половой стерилизации. Такая точка зрения отчасти находит себе поддержку во взглядах некоторых авторитетов современной социальной гигиены. Так, например, по мнению С. И. Каплуна «современный капиталистический строй по самому существу своему осуждает евгенику на прозябание, ибо вся капиталистическая культура, вся буржуазная идеология, нравственность и этика, все ее общественные идеалы основаны на господстве идей индивидуализма. Практическая же евгеника «антропотехника», в известной степени аналогична зоотехники и, применительно к человеку, означает подчинение интересов отдельного индивидуума интересам и требованиям более высоких коллективов. Поэтому евгеника сумеет правильно и широко развиться только тогда, когда исчезнет культ личности с ее неотъемлемыми правами, как самоцели». Цитируемый автор убежден, что «только в коммунистическом обществе евгеника сумеет практически устранять возможность деторождения со стороны индивидуумов с отягощенной наследственностью».

К точке зрения С. И. Каплуна приближается и д-р Т. Я. Ткачев, заканчивающий свой курс социальной гигиены следующей цитатой из К. Каутского: «Естественный отбор в человеческой среде должен быть заменен искусственным. В социалистическом государстве каждый человек перед вступлением в брак должен будет советоваться со специалистом — целесообразно ли продолжение его рода, или нет. Тогда будут смотреть на слабых детей так же, как теперь смотрят на незаконнорожденных». О взглядах д-ра Т. Я. Ткачева на метод половой стерилизации можно судить по тем приведенным уже мною выше

тезисам, которые он выставляет В своей статье «Половая стерилизация, как проблема социальной гигиены».

4. Анализ нескольких наиболее частых возражений, выставляемых против метода евгенической половой стерилизации

В заключение, прежде чем перейти к изложению своего плана подготовительных работ по проведению В жизнь стерилизационной программы, я позволю себе остановиться на нескольких возражениях, которые до сих пор выдвигались против принципа половой стерилизации.

а) Не только преступность, но даже душевные и нервные болезни представляют из себя лишь продукт несовершенства существующего социального строя. Поэтому «все наши усилия В смысле правильной борьбы с вырождением населения, все наши стремленья достигнуть улучшения человеческой природы должны быть направлены на устранение капиталистического строя и на установление, путем постепенного развития, более правильных норм общественной жизни. И В этом и только В этом лежит залог лучшего будущего» (акад. В. М. Бехтерев).

С точкой зрения В. М. Бехтерева трудно согласиться лишь В одном единственном пункте, именно, когда он, выдвигая столь могучий фактор как уничтожение капиталистического строя, исключает хотя бы добавочное значение за биологическими способами улучшения расы. Правда, В то время, когда В. М. Бехтерев В 1908 году писал цитированные мною строки, подобная точка зрения была вполне естественна, так как В то время, действительно, все силы должны были быть направлены на организацию социального переворота, но В настоящее время, когда по крайней мере внутри нашей страны этот трудный этап остался позади, вполне естественно позаботиться и обо всех дополнительных средствах к оздоровлению и улучшению расы.

Нужно полагать, что даже и после завершенной социальной революции не наступит само собой полное оздоровление расы. По этому поводу известный социалист — антрополог Энрико Ферри пишет следующее: «...При социалистическом строе, где коллективная собственность будет обеспечивать каждому человеческие условия существования, все болезни, обусловливающиеся воздействием среды, то есть плохим питанием, недостаточной защитой от холода и пр., значительно сократятся или вовсе исчезнут, чему много помогут также научные открытия и развитие гигиены. Но болезни, происходящие от поранений, сумасшествие, легочные заболевания и т. п. Никогда не прекратятся».

«То же нужно сказать и о преступлении. Если уничтожить нищету и бьющее В глаза неравенство экономических условий, то острый или хронический голод не будет уже служить стимулом к преступлению; лучшее

питание будет способствовать физическому и моральному улучшению организма; злоупотребления властью и богатством исчезнут, и наступит значительное сокращение числа случайных преступлений, определяющихся, главным образом, социальной средой. Но никогда не прекратятся покушения на насилие, В силу патологического полового извращения, убийства, совершаемые В припадке эпилепсии, кражи, обусловленные психопатологической дегенерацией. По тем же причинам, несмотря на широко распространенное народное образование и на свободное развитие всех человеческих способностей и талантов, никогда не исчезнут ни идиотизм, ни слабоумие, как проявления патологической наследственности».

Как видим, Энрико Ферри считает, что человечество никогда не избавится от тех недугов, которые обусловливаются наследственным предрасположением. Нужно думать, что система половой стерилизации позволяет смотреть на дело не столь безнадежно.

В заключение, возвращаясь опять к тем положениям В. М. Бехтерева, из которых мы исходили, мы можем сказать, что уважаемый академик, если бы и был вполне прав, то лишь с точки зрения того исторического момента, когда он писал цитированные выше строки.

b) Своего рода антитезой учения акад. В. М. Бехтерева является проповедь вождя русского евгенического движения проф. Н. К. Кольцова, объявляющего «наивными» представления социологов, что социальные реформы и перевороты могут повести к улучшению расы. «Современная биология этот путь отвергает», - пишет он, опираясь якобы на авторитет современной науки. Вслед за Гальтоном, Сименсом и другими авторитетами современной евгеники он проповедует, что для создания новой породы человека могут служить «отнюдь не воспитание людей В тех или иных условиях, или те или иные социальные перевороты». Со своей стороны, он опять-таки вслед за вышеуказанными авторитетами, утверждает, что «единственным» методом улучшения расы, может служить лишь изолирование «талантов» от массы посредственности, и их интенсивное кастовое размножение. «Единственно достигающий цели метод расовой евгеники, - пишет проф. Кольцов, - это, улавливание ценных по своим наследственным свойствам производителей и постановка всех этих талантов В такие условия, при которых они не только сами могли бы проявить эти способности В полной мере, но и прокормить и воспитать многочисленную семью, и притом непременно преимущественно В сравнении с людьми, не выходящими за среднюю норму».

Если нельзя было вполне согласиться с точкой зрения В. М. Бехтерева, то тем более это невозможно по отношению к взглядам проф. Н. К. Кольцова. Несостоятельность и тенденциозность взглядов по-

следнего я уже отмечал в своей брошюре, посвященной анализу современной буржуазной евгеники, почему и разрешу себе здесь на этом не останавливаться, за исключением одного пункта, непосредственно относящегося к проблеме половой стерилизации.

Перенося на человека животноводческие методы проф. Н. К. Кольцов центр тяжести практической евгеники видит в создании особой замкнутой касты «талантов», лучших производителей, отбираемых по тому же принципу, как в животноводстве отбираются «на племя» лучшие производители. «В зоотехнии, - пишет он, - метод устранения слабых от произведения потомства играет ничтожную роль в сравнении с подбором лучших, наиболее ценных производителей, и таково же должно быть соотношение между обоими этими методами в практической евгенике». Однако, в принципе, рекомендуемый проф. Н. К. Кольцовым метод, есть система частичной половой стерилизации наследственно неполноценных, но только в необычайно расширенных размерах. В самом деле, ведь каждый отбор «на племя» должен сопровождаться браковкой остальных производителей, с точки зрения их наследственных качеств. Различие лишь в том, что в данном случае бракуется вся масса «посредственности», вместо сравнительно малочисленной группы носителей патологических форм наследственного отягощения. Животновод, отбирая наилучшие экземпляры «на племя», остальную массу животных использует для всевозможных других нужд (в работу, на мясо) или же просто их уничтожает, но функцию размножения выполняют у животновода лишь те экземпляры, которые отобраны «на племя». Поэтому, если бы мы, вслед за проф. Н. К. Кольцовым, захотели бы проводить чисто животноводческий образ действий в евгенике, то и в человеческой среде функцию производства потомства следовало бы по возможности передать представителям той замкнутой касты талантливых мужчин и женщин, которые будут отбираться «на племя». Нежизненность подобного рода евгенической системы доходит до курьеза. Достаточно только представить положение тех женщин, которые будут иметь несчастие быть зачисленными в подобную евгеническую касту. Подобно тому, как отобранные животноводами племенные самки безропотно производят максимальное количество потомства, то же будет, естественно, требоваться и от тех талантливых женщин, которые будут евгеническими комиссиями отбираться на племя.

Нужно думать, что предложение проф. Н. К. Кольцова о приложении к человечеству всех зоотехнических методов в том же соотношении, как они применяются животноводами, должно быть категорически отвергнуто, и вместо того, чтобы поощрять размножение одних «талантов», пренебрегая остальной массой «посредственности», по отношению к человеку разумнее ограничиться лишь половой стерилизацией немногочисленной, сравнительно, категории наследственно дефективных.

с) Чрезвычайно распространенным возражением против принципа половой стерилизации является то соображение, что наследственная отягощенность может связываться с талантливостью и даже гениальностью. Подобного рода факты действительно имеют место В жизни. Особенно интересна В этом отношении эпилепсия. Можно указать целый ряд исторических лиц, которые были подвержены этому страданию. Так, например, эпилептиками были: Юлий Цезарь, апостол Павел, Магомет, Франциск Ассизский, Альфред Великий, Наполеон I, Ф. М. Достоевский, Петр I. Связь эпилепсии с творческими способностями, нередко религиозно-философского характера, была известна еще В средние века и дала повод к прозванию ее «священной болезнью». В частности, единственный известный нам евгенист средневековья, Томас Кампанелла, уделяет этой болезни совершенно особое место, В своей утопии «Солнечный город». Жители города («солярии»), благодаря рациональному образу жизни и подбору брачующихся, будут свободны от всех наследственных болезней, за исключением эпилепсии, этой болезни философов и мудрецов.

В результате отдельных фактов, вроде указанных выше, еще В античном мире некоторые мыслители пришли к тому обобщению, что «нет гения без признаков душевной болезни» (Сенека), В последнее время трудами Гирша, Ломброзо и др. это положение нашло себе ряд отдельных подтверждений. Исходя из подобного же рода фактов, Д. Н. Родин выдвигает, как довод против метода половой стерилизации, то положение, что «часто самоубийцы, по выражению Дюркгейма, являются двигателями прогресса».

Нужно, однако, отметить, что указанная точна зрения разделяется далеко не всеми авторами, писавшими по вопросу о связи гениальности с помешательством. Так, например, Макс Нордау В данном пункте резко расходится с Ломброзо. «Я не согласен с Ломброзо, - пишет он, - будто гениальные вырождающиеся являются могущественным фактором человеческого прогресса. Они подкупают и ослепляют нас; они оказывают, к несчастью, часто глубокое влияние, но всегда ко вреду человечества. Они направляют его по избранному ими пути, но конечная цель их — пропасть или пустыня, и, как блуждающие болотные огни, они заводят своих последователей В трясину».

Точка зрения М. Нордау несомненно содержит В себе долю правды. История, В особенности история религий, дает немало примеров, когда В пророки возводились явные психопаты. Известны случаи, когда под влиянием проповедей подобного рода пророков целые религиозные общины замуравливали себя заживо В подземелье, подвергали себя разным увечьям и т. п. В качестве примера приведу хотя бы следующий случай: В 1206 г., В Перуджии, один душевнобольной мальчике

начал проповедовать и предсказывать грядущие бедствия и конец света. В результате его проповеди возникла эпидемия «флагеллатизма», то есть самобичевания. Эпидемия охватила всю Европу и сопровождалась массовым пилигримством. Это, разумеется, наиболее грубый пример того, как властителем умов может сделаться В сущности психически больной человек. Не В такой грубо выраженной форме, но, по существу, явления того же порядка, имели место В истории человечества весьма нередко. Учитывая этот факт, нужно думать, что та общественная группа, которая хочет прогрессировать должна стремиться к возможно более здоровым, жизненным, отвечающим данной социально-экономической обстановке идеалам, В результате чего должно уменьшиться число неврастеников, психопатов и самоубийц среди наиболее популярных писателей, философов и вообще властителей умов данной общественной группы.

Кроме указанных соображений, нужно еще иметь В виду, что если некоторые формы нервных расстройств и сопровождаются иногда болезненно обостренной умственной деятельностью, то В огромном большинстве случаев серьезные наследственные поражения нервной системы влекут за собой страдания, различные степени потери работоспособности и умственное оскудение до идиотизма включительно. Но если даже и признать связь некоторых психических расстройств с талантливостью, то наличие такой связи отнюдь не может являться принципиальным возражением против половой стерилизации вообще. Единственный вывод, который можно сделать из подобного явления может быть лишь тот, что к проблеме половой стерилизации, В особенности к выделению категорий наследственной неполноценности нужно подходить с очень большой научной осторожностью. Тем более не может быть допущен тот кустарный подход к проведению метода половой стерилизации В жизнь, к которому призывает немецких врачей д-р Ботерс. Предоставив столь ответственную задачу, как очищение расы от наследственно неполноценных, личному усмотрению отдельных врачей, без предварительной проработки вопроса, можно В конечном итоге принести гораздо больше вреда чем пользы. Во всяком случае, начать нужно с выработки такого плана, который унифицировал бы наши будущие действия В одну систему. Должны быть, по возможности, определены все формы наследственной неполноценности, носители которых должны подлежать обязательной или только желательной стерилизации. В настоящей работе я не затрагиваю вопроса, будут ли В эти категории включены такие болезни как наследственный туберкулез или предрасположение к нему, алкоголизм, сифилис, эпилепсия или же признано будет достаточным, при современном состоянии антропогенетики, ограничиться лишь такими бесспорными проявлениями дефективности, как наследственная глухонемота, слепота, retinitis pigmentosa, идиотизм и

др. Прежде чем углубляться в столь сложные вопросы, я думаю нужно сначала договориться — допустима ли принципиально система половой стерилизации, или же она действительно представляет из себя «дикое бессмысленное калечение», как утверждают некоторые ее критики.

d) Некоторые евгеники, как например, Ю. А. Филипченко считают, что с наследственными болезнями следует бороться гораздо более гуманными мерами, чем «карательная», «устрашающая» система половой стерилизации. Можно, например, исподволь воспитывать массы, устраивать публичные лекции, в которых разъяснять опасности, проистекающие от произведения потомства наследственно дефективными, можно издавать на эту тему брошюры и воззвания, устраивать выставки, музеи и пр.

Глубоко уважая и приветствуя все эти весьма желательные мероприятия, все же нельзя согласиться, что можно ограничиться одними только ими. Такой способ действия был бы лишь средством обмана и успокоения нашей совести. Поступив так, мы умыли бы руки в крови наших потомков. Как указывает проф. В. М. Бехтерев (ibid), в России насчитывается более 300.000 душевнобольных, подавляющее большинство которых живет на свободе, имея полную возможность производить потомство. Сомнительно, чтобы государство смогло когда-нибудь навербовать такую армию педагогов, которая смогла бы перевоспитать всех этих несчастных и уговорить их всю жизнь сохранять целомудрие. Не без основания можно опасаться, что от всех этих мягких мероприятий, если ими только и ограничиться, в конечном итоге прок получится не больший, чем некогда, от опубликованного еще при Екатерине II беззубого закона, гласившего: «Отныне по всея Руси воспрещается пианство».

е) Нередко указывалось также на запрещение вступления в брак признанным дегенератам, как на лучший и единственный путь к пресечению дальнейшего их размножения, и нужно сказать, что это предложение, вероятно вследствие его неновизны и привычности к нему нашего сознания, так как в тех или иных формах запрещения браков искони существовали как у культурных, так и у естественных народов, далеко не вызвало той оппозиции, как идея стерилизации. Сторонником этой меры является и сам Ф. Гальтон, по мнению которого сознание недопустимости половых сношений с наследственно-отягощенными должно быть воспринято всеми гражданами страны, как религиозная догма. Нужно думать, что если бы такое положение вещей установилось в какой-нибудь стране, оно в конечном итоге принесло бы очень много тягостного для большинства дегенератов, низведя их на положение каких-то париев. К сожалению, на путь регулирования браков уже начинают в настоящее время вступать

некоторые, прежде всего, скандинавские государства. В медицинской среде, как западноевропейской, так и русской, эта идея находит себе достаточно видных последователей; так, проф. Л. С. Минор начинает свою «Терапию нервных болезней» главой: «Болезни, при которых брак следует безусловно воспретить», причем во многих случаях (эпилепсия, диабет) им приводятся чисто евгенические мотивы таких запрещений, именно опасность наследственной передачи данной болезни потомкам. Уважаемый профессор рекомендует врачу проявлять при таких запрещениях должную степень настойчивости; так, например, В том случае, если страдающий прогрессивным параличом во что бы то ни стало желает вступить В брак, и все увещевания, как его самого, так и его невесты, оказываются бесплодными, то, по мнению профессора, «таким попыткам вступления В брак следует препятствовать насильственно всеми законными способами: наложением опеки или помещением В психиатрическое заведение, если душевное расстройство ясно выражено». Но ведь помимо наложения опеки, помещения В психиатрическую больницу и др. насильственных мер, есть еще один путь — предложить больному стерилизоваться, после чего не может представляться каких-либо препятствий его браку, и он В праве, будь это хотя бы самый злокачественный эпилептик, устраивать свою судьбу по собственному усмотрению. Как же смотрит на этот путь тот же проф. Минор? Нам с его точкой зрения по этому вопросу не приходилось встречаться где-либо В печати, но д-р С. А. Преображенский, ссылаясь на него, как на противника стерилизации, иллюстрирует ее В достаточной степени яркой цитатой, говоря: ...такое же горячее негодование мы встречаем и у отдельных авторов, касавшихся этого вопроса. Л. С. Минор считает это направление «выражением нравственной дегенерации, проникшей В область научных знаний».

Не будем больше останавливаться на этом вопросе и предоставим читателю самому решить, справедлива ли подобная оценка идеи стерилизации, мы же полагаем, что В огромном большинстве случаев запрещение вступления В брак, а тем более насильственное помещение В психиатрическую больницу, являются, по сравнению со стерилизацией, несравненно более неудобным и стеснительным, при том же неограниченно длительным насилием, могущим исковеркать всю жизнь данного индивида. Примем еще во внимание, что запрещение брака не только лишает человека возможности производить потомство, но лишает его вместе с тем и возможности полового общения с любимым человеком, обрекает его на скучную жизнь одинокого холостяка. Последние два лишения совершенно устраняются системой половой стерилизации.

Необходимо еще отметить современную нежизненность запрещения браков. По мере того, как жизнь стирает границы между «законными» и

«незаконными», т. е. брачными и внебрачными половыми отношениями, все более затруднительной и даже невозможной становится задача постоянного контроля и евгенической регулировки этой интимной области человеческих взаимоотношений. С другой стороны половая стерилизация дает действительную гарантию устранения от производства потомства, независимо от того, вступит тот или иной стерилизованный в брачное сожительство или нет.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Примерный план подготовительных работ к проведению в жизнь стерилизационной программы

Если законодатель имеет в вид, чтобы лица, подлежащие воспитанию, пользовались как можно лучшим телосложением, то первое его попечение должно быть направлено на брачный союз: он должен определить те условия, при которых люди должны вступать в брак.
Аристотель

Народ и правительство заботятся об уничтожении миазм, о доброкачественности съестных припасов, о здоровости жилищ и пр., но, к удивлению, так мало обращают внимания на корень народного здоровья. На гигиену бракосочетания.
Флоринский

Итак, рассмотрение индианской идеи показывает нам, что в ней нет ничего такого, что бы шло в разрез с общими принципами культурного строительства, и в то же время она открывает нам новые пути для оздоровления расы. В виду этого, вопрос о желательности разумного проведения ее в жизнь принципиально должен быть решен в положительном смысле. Но это еще не значит, что мы должны немедленно приступить к выполнению какой-либо широкой стерилизационной программы. История индианской идеи показала нам достаточно много примеров решений сплеча и слишком легкого подхода к чрезвычайно сложным вопросам, затрагиваемым этим течением. Мы видели, что многие из доводов, выставлявшихся противниками стерилизации, как например, обвинение в жестокости, столь неосновательны, что даже не заслуживают критического анализа. С другой стороны, мы знаем, что

людские настроения склонны удариться из одной крайности в другую, и нужно думать, что слишком поспешное проведение в жизнь какой-либо стерилизационной программы, было бы как раз такой другой крайностью. Половая стерилизация очень сильное средство, и с ним нужно обращаться с должной осторожностью.

Естественно поэтому, что о самой технике проведения стерилизационной программы в жизнь, много, сколько-нибудь конкретного, сказать пока нельзя. Кое-чем можно было бы при этом воспользоваться из опыта американцев, но только не очень многим, по причинам, о которых достаточно уже говорилось раньше. Всего вернее, что при первых же наших шагах, то, каким образом и какую именно стерилизационную программу следует проводить, нам подсказывать будет сама жизнь. Поэтому, касаясь вопроса о пути, которому должно следовать проведение в жизнь стерилизационной системы, естественно приходится пока ограничиться лишь несколькими общими соображениями, которые и представляются ниже на суд читателей.

1. Проведение как стерилизационной, так и всякой другой евгенической программы, должно идти прежде всего через посредство врачей, в сферу деятельности которых должно входить не только лечение болезней, но и заботы о сохранении и поднятии жизненных сил народа на местах. В виду этого, как подготовительную стадию, общую для проведения какой-либо евгенической идеи в жизнь, нужно считать весьма нужным дать новым врачам соответственную евгеническую подготовку. Евгеника вместе с антропогенетикой должна быть обязательным предметом преподавания во всех медицинских высших учебных заведениях. (А также весьма желательна и в педагогических институтах.)

2. Специальная ученая комиссия, составленная из представителей различных соприкасающихся с этими вопросами научных дисциплин, должна вести систематические работы по установлению тех несомненных и переходных степеней проявления дегенерации, носители которых должны подлежать безусловной или лишь желательной половой стерилизации. Нужно, однако, полагать, что какой бы компетентной комиссии мы ни поручили этого дела, полученное разграничение будет иметь лишь относительную ценность, и фактически решение вопроса в каждом отдельном случае будет основываться в значительной степени на чувстве евгенической ответственности тех комиссий, которые практически будут осуществлять обследование наследственно дефективных.

3. Материалом для будущих обследований подобными евгеническими комиссиями, как то рекомендует Американская Генетическая Ассоциация, должны прежде всего служить все выпускаемые на свободу из психиатрических больниц по «выздоровлении», из домов

для дефективных детей по достижении последними зрелого возраста, и, наконец, в известных случаях, из исправительных заведений, по отбытии срока заключения, если будут показания на наследственные основы данного проявления антисоциальности.

4. Так как существенную роль в решении каждого случая должны играть генеалогические данные (изучение родословной), то необходимо начинать собирание таковых сведений о каждом больном или дефективном немедленно по их водворении в заведение.

5. Для выполнения последнего условия стране необходим штат опытных специалистов. В этих целях, опять-таки по примеру США, желательно учреждение особых курсов для подготовки специалистов по «посемейным исследованиям» вообще, и собиранию генеалогического материала в частности. Такие работники (field workers) пригодились бы и в других случаях, так как, в целях успеха дела, и возможно более глубокого изучения вопроса, собирание различных посемейных исследований должно носить массовый характер.

6. Помимо этих работ, было бы весьма желательно образовать консультационную евгеническую комиссию, в которую могли бы бесплатно обращаться все желающие. По сопроводительной бумаге от этой комиссии все, не считающие себя вправе иметь потомство и признанные таковыми комиссией, имели бы возможность подвергнуться стерилизации в специальном хирургическом учреждении. С другой стороны подобная комиссия, могла бы быть полезна и в случаях подчас совершенно неосновательных тревог и мучений, вызываемых, нередко, чтением псевдомедицинской шарлатанской литературы, случайными разговорами и пр., когда, например, наследственно здоровый человек всю жизнь мучается раскаянием и опасениями и не считает себя вправе иметь потомство только потому, что, в известный период жизни он мастурбировал. В подобных случаях, компетентное суждение комиссии должно навсегда освободить его от неосновательных мучений. Обращаясь в такую комиссию, родственники и опекуны душевнобольных, слабоумных и т. п., могли бы, таким образом, оградить себя, окружающих и все человечество от опасности произведения этими несчастными заведомо дефективного потомства.

Многое говорит за то, что учреждение такой консультационной комиссии, в том случае, если бы она сумела сыскать доверие и популярность в населении, могло бы сыграть большое практическое и чисто научное значение. Евгеник, работающий над вопросами наследственности у человека, получил бы в ней точку соприкосновения с окружающей действительностью — объект для изучения сам бы шел в его лабораторию. В результате получалась бы двоякая польза: население получало бы научные консультации, а евгеники постепенно переходили бы от слов к делу.

М. В. Волоцкой

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ЕВГЕНИКИ

(Доклад М. В. Волоцкого)

Прочитан в Кружке биологов-марксистов 7 декабря 1926 г.

1. Евгеника и марксизм. — 2. О пропаганде усиленной борьбы за существование. — 3. Оценка детской смертности. — 4. Вопрос о возможности наследования приобретенных свойств. — 5. Роль длительных модификаций. 6. Влияние трудовых и паразитических условий жизни. — 7. Вопрос о высших и низших расах. — 8. Значение генетики. — 9. Метод половой стерилизации. — 10. Проблема культуры талантов.

Бюро кружка биологов-марксистов предложило мне сделать сегодня доклад на тему «спорные вопросы евгеники». Нужно, однако, сказать, что тема эта настолько обширна, что вряд ли может быть исчерпана в одном эпизодическом сообщении. Поэтому я заранее извиняюсь перед бюро кружка и всеми присутствующими, что далеко не в полной мере выполню порученную мне задачу и остановлюсь лишь на некоторых спорных вопросах, поскольку это позволит сделать мне время.

1. Касаясь взаимоотношения евгеники и марксизма, д-р Вайсенберг пришел недавно к тому решительному выводу, что «евгеника стоит в противоречии с известными марксистскими идеалами». В результате такого положения вещей, по мнению этого автора, «большая часть марксистского учения должна быть выкинута за борт». Подобного рода выступления представляют для нас интерес в том отношении, что по ним можно судить о тех противоречиях, которые действительно имеются между марксизмом, с одной стороны, и некоторыми течениями в современной евгенике, с другой. Нужно сказать, что Вайсенберг говорит об евгенике вообще. Однако с такой отвлеченной постановкой вопроса едва ли можно согласиться, так как основная задача евгеники — улучшение человеческой породы — конечно нисколько не противоречит марксизму. В данном случае речь может идти только о некоторых течениях в евгенике, прежде всего о современной

буржуазной евгенике, которая, действительно, стоит в непримиримом противоречии с научным социализмом. В последние годы появился целый ряд работ, рассматривающих буржуазную евгенику с указанной точки зрения. Отметим хотя бы выступления Шмидта, Завадовского, Левита, Розенблюма, Слепкова, Бермана и др. Лично я также посвятил этому вопросу свою брошюру «Классовые интересы и современная евгеника». Точно так же и сегодняшний доклад будет, в значительной мере, касаться этого же вопроса.

2. Одним из идеологических построений, в достаточной мере обрисовывающим сущность буржуазной евгеники сегодняшнего дня, является проповедь борьбы со взаимопомощью в человеческой среде. Взаимопомощь, по мнению приверженцев этого евгенического течения (поддерживаемого преимущественно биологами), способствует лишь переживанию слабых и неприспособленных и тем самым ведет человечество к вырождению. Наоборот, всякое обострение борьбы за существование прежде всего способствует подбору и переживанию наиболее сильных и выносливых представителей расы. В конечном счете, ухудшение условий жизни, связанное с обострением борьбы за существование, только улучшает расу, так как способствует гибели слабых; причиной же вырождения оно быть не может, так как наследования приобретенных признаков никогда и ни в какой степени происходить не может. Вот, например, что пишет по этому вопросу один из представителей этого течения, Сименс — «нередко приходится слышать, что будто бы цивилизация с ее неестественной жизнью в городах, с недостатком физической деятельности, с умственным перенапряжением, с ростом нищеты, приводит народы к вырождению. Однако, это мнение основано исключительно на слепой вере в наследование приобретенных признаков, которая, с биологической точки зрения, представляет собою лишь остаток старого суеверия... Эта вера, играющая столь большую роль в политических и социально-гигиенических воззрениях небиологов, есть не что иное, как выявление жалкого непонимания основных биологических истин».

Точно так же и другой выдающийся немецкий евгеник, Шалльмайер, считает «наивным» ожидать благоприятного воздействия на будущие поколения от улучшения материального положения, от укорочения рабочего дня и вообще от охраны труда, от физкультуры и т. п. мероприятий. Идя еще дальше, английский евгеник Гевлок Еллис приходит к тому выводу, что такой фактор как туберкулез представляет собой не отрицательное, а положительное явление. По мнению этого автора, «если бы удалось совсем истребить чахоточную бациллу, это было бы настоящим национальным бедствием». Чахоточная бацилла по его мне-

нию играет благотворную роль в жизни человечества: она способствует вымиранию слабых, являясь таким образом очистительным, селективным фактором. Уничтожая слабых, она как бы ассенизирует человечество.

К. Пирсон точно так же высказывает мысль, что улучшение условий жизни является дисгеническим фактором, способствующим вырождению человечества, так как благодаря этому, слабые, вместо того, чтобы погибать в борьбе за существование, получают возможность жить и размножаться.

Одним из следствий такого подхода к биологии человеческого общества являются так называемые полигенические тенденции, играющие далеко не последнюю роль в современном евгеническом движении. Типичным выразителем таких тенденций является, напр., проф. Ф. Ю. Филипченко, заявляющий, что он является «убежденным сторонником того, что называют количественной политикой народонаселения» («Известия Бюро по Евгенике» 1925 г. № 3, стр. 92). Эта «количественная политика народонаселения» представляет из себя своего рода антитезу мальтузианства. Если Мальтус слишком боялся перенаселения, видя в нем чуть ли не причину всех мировых зол, то евгеники-полигеники, наоборот, проповедуют всяческое форсирование перенаселения, так как оно должно обострять борьбу за существование и тем самым способствовать усиленной гибели слабых.

Прежде всего, необходимо, по нашему мнению, возражать против проповеди обострения борьбы за существование, как евгенического метода. Достаточно сказать, что если бы рассуждения евгеников-полигеников были правильны, то самыми совершенными организмами на земле были бы, конечно, те, у которых защищаемый ими полигенический принцип доходит до максимума. Укажем хотя бы на хрящевых рыб (осетр, стерлядь, севрюга и др.), производящих в течение своей жизни несметное количество молоди, более чем 99% которой гибнет в борьбе за существование, не достигши взрослого возраста. Кажется, где еще больше осуществляются идеалы евгеников-полигеников, где более интенсивно происходит гибель слабых и выживание немногих наиболее приспособленных? Однако, мы знаем, что как раз эти самые организмы принадлежат к числу наиболее консервативных во всем органическом мире. С другой стороны, млекопитающие, эволюция которых в значительной степени основывалась на принципе охраны младенчества, оказываются в конечном счете гораздо более прогрессивными формами. В частности, те же приматы, включая сюда и человека, достигают очень высокого уровня развития, хотя гибель молоди у них уже давно происходит далеко не в той степени, как у рыб и других консервативных органических форм.

3. До какого абсурда могут доходить узко селективные полигенические тенденции некоторых современных евгеников можно судить по тому, что целый ряд западноевропейских авторов, по сочувственному свидетельству проф. Н. К. Кольцова, со своего рода «завистью» взирали на высокую детскую смертность, свирепствовавшую в царской России, так как эта смертность указывала на чрезвычайно обостренную борьбу за существование в среде русского населения.

Казалось бы, что если в России свирепствовала такая обостренная борьба за существование, которая даже явилась объектом зависти евгеников-полигеников, то эти последние должны были бы расценивать русских, как особо ценную породу людей, создавшуюся в результате столь жестокой селекции. В данном случае это был бы вполне последовательный вывод. Однако, западноевропейские евгеники впадают тут в любопытное противоречие. Так, например, уже цитированный выше Сименс в своих «Основах расовой гигиены» с тревогой говорит о том, что такой малоценный (minderwertiger) человеческий материал, как русские, размножаются с большей интенсивностью, чем благородная северная раса. Таким образом, он, по-видимому, сам считает, что исключительно высокая детская смертность не сделала русских лучше в биологическом отношении по сравнению с теми европейскими народами, среди которых детей умирало меньше, и, следовательно, гибель слабых была не так интенсивна. Все это по нашему мнению показывает, насколько шатки, противоречивы, а часто и просто ошибочны позиции, занимаемые представителями современной буржуазной евгеники.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство, весьма характерное для современной евгеники, а именно: в ее отношении к распространению туберкулеза, детской смертности и т. под. процессам несомненно содержатся определенные классовые тенденции, так как все эти разрушительные факторы направлены, главным образом, против угнетенных, эксплуатируемых слоев населения. (Подобнее этот вопрос рассмотрен мною в брошюре «Евгеника и профессиональные вредности».)

Многие тенденции современной евгеники уже имеют свою довольно длинную историю. Прежде всего, указанный выше классовый подход к разрешению различных евгенических проблем можно отчетливо проследить уже у основоположника современного евгенического движения, Ф. Гальтона. Вспомним только, что по вычислениям Бутса, Фарра и Гальтопа дети рабочих были оценены в среднем по 5 фунтов стерлингов (около 50 рублей) за ребенка, в то время как дети богачей, по подсчетам тех же авторов, оказались не много не мало как в двести раз более ценными по своим наследственным

задаткам, т. е. стоящими по тысяче фунтов стерлингов за одного ребенка[1].

7. Перейдем теперь к вопросу о высших и низших расах, занимающему очень большое место в современном евгеническом учении.

По убеждению большинства современных евгеников, наиболее ценной и благоприятной по своим наследственным генетическим свойствам

[1] Своеобразное отношение современных евгеников к высокой детской смертности, а также перевод средней стоимости детей разных классов на фунты стерлингов, как это делают Фарр и Гальтон, все это чрезвычайно напоминает содержание одного сатирического произведения Свифта (автора «Путешествий Гулливера»), носящего название: «Скромное предложение, направленное к тому. Чтобы дети бедного народа в Ирландии перестали быть бременем для своих родителей и отечества, сделавшись полезным для общего блага». В этом своем произведении, написанном еще в 1729 году, Свифт, подобно Фарру и Гальтону, выражает в фунтах стерлингов среднюю денежную стоимость ирландского ребенка из бедной семьи. Разница заключается лишь в том, что Свифт, по сравнению с Фарром и Гальтоном, оказывается еще более скупым в своих оценках детей бедняков. А именно, в то время как по Фарру новорожденный ребенок английского (эссекского) рабочего стоит 5 фунтов стерлингов, Свифт оценивает двухгодовалого ребенка ирландского крестьянина или рабочего лишь в 10 шиллингов (1/2 ф. стерлингов).

Что касается отношения к детской смертности, то и в этом отношении Свифт предвосхитил многие идеи современных евгеников, оказавшись притом же еще более прямолинейным, чем эти последние. Вместо пассивной зависти к высокой детской смертности в таких странах как Россия он откровенно предлагает состоятельным людям употреблять детей бедных классов в пищу, причем перечисляет множество выгод и преимуществ от применения такой системы.

Углубляясь еще далее в историю данного вопроса, можно видеть, что идеи Свифта, в свою очередь, были им заимствованы у некоего Псалманзара, уроженца острова Формозы, переселившегося в Англию около 1709 г. и уверявшего Свифта, что подобного рода система уже давно и с большим успехом применяется на их острове.

Самым любопытным в данном случае является то обстоятельство, что идеи, которые так иронически развивались Свифтом в очень злом сатирическом произведении, оказываются во многом очень близкими по духу с теми рассуждениями, которые теперь проводятся некоторыми «пророками» современной евгеники совершенно серьезно, в специальных ученых сочинениях. Это обстоятельство интересно в частности в том отношении, что показывает, до какого абсурда можно дойти в результате слишком «последовательного» применения биологических методов к разрешению социальных проблем.

является так называемая «северная раса», представителями которой являются главным образом шведы, норвежцы, датчане, северные немцы и англичане (особенно шотландцы). По описанию Ленца, раса эта, будучи совершенно исключительной, «превосходит все другие расы силой воли и предусмотрительностью, вследствие чего чувственные импульсы подчиняются у нее высшим целям». Точно так же, по мнению этого автора (ваяющегося лишь одним из представителей целого обширного течения, основателями которого являются Гобино, Лапуж, Аммон, Гальтон, Вольтман и др.), представители северной расы отличаются также исключительным богатством всевозможных творческих и организаторских способностей. Они создали не только современную культуру «индогерманских» народов, но также и такие культуры, как греческую, римскую, славянскую (призвание варягов), испанскую, португальскую и др. Эта исключительная одаренность северной расы обуславливается, по мнению современных евгеников, теми особыми генами, или, употребляя термин А. С. Серебровского, тем «генофондом», носителем которого она является.

Однако, история культуры показывает, что если даже признать, что в настоящее время северная раса является наиболее высококультурной, то это обстоятельство вовсе не является ее неотъемлемым расовым признаком, и не обуславливается исключительной ценностью тех генов, которые составляют генофонд этой расы. Многие современные евгеники склонны награждать представителей северной расы трудолюбием, честностью, «заботливой предусмотрительностью» и т. п. добродетелями. Однако, нельзя забывать, что еще несколько столетий тому назад жители Скандинавского полуострова занимались главным образом морским разбоем и не только не насаждали культуру, но терроризировали и грабили культурные побережья Европы, до Средиземья включительно. Нужно поэтому думать, что современное состояние северной расы, расцвет ее, обуславливается благоприятным для ее развития сочетанием ряда внешних факторов, главным образом благоприятным сочетанием ее географического положения на земном шаре с современным состоянием техники, прежде всего техники транспорта.

Остановимся на этом вопросе несколько более подробно.

История человечества, как известно, полна примерами расцвета и упадка отдельных культур. Каковы же причины этих процессов? По мнению Сименса причиной упадка всех древних культур была их «пролетаризация», выражавшаяся в том, что пролетариат размножался гораздо более интенсивно, чем избранные аристократические роды. Не останавливаясь на критике подобного рода учений (что нами уже сделано в брошюре «Классовые интересы и современная евгеника»), сейчас мы

перейдем к рассмотрению тех факторов, которые действительно могли играть роль в процессах расцвета и упадка отдельных народов. Как было показано С. Бэттигером, Л. Мечниковым, Ратцелем и др., далеко не последнее место среди этих факторов принадлежит географическим условиям обитания отдельных народов, причем роль того или иного географического фактора может весьма значительно изменяться, в зависимости от эволюции человеческой техники, в частности от изменения и усовершенствования техники водного транспорта. В самом деле, присматриваясь к эволюции человеческих культур мы замечаем, что на известной ступени развития техники водного транспорта наиболее культурными и передовыми показываются народы к «северной расе» или нет. Таковы были в свое время культуры: египетская (по Нилу), ассиро-вавилонская (по Титру и Евфрату), индийская (по Инду и Гангу), ассиро-вавилонская (по и Гоанго). Для древних славян такую же историческую роль играл великий водный путь «из варяг в греки», образованный двумя речными системами — волховской и днепровской (на первой из этих систем возникла новгородская культура, на второй — киевская).

Во времена расцвета речных культур, народности, расположенные по морским побережьям и внутри материков, вдали от удобных для сообщения рек, оказывались в менее благоприятном географическом положении и стояли в то время гораздо ниже по своему культурному развитию, сравнительно с народами речных побережий. Однако, отсталость этих народов обуславливалась вовсе не тем, что они были составлены из каких-либо неполноценных расовых элементов, а только лишь в силу неблагоприятного для проявления их потенциальных возможностей сочетания географических и социальных условий. Таким образом их отсталость была, так сказать, не генотипического, а фенотипического характера, так как море в то время не способствовало, а наоборот, препятствовало общению между народами, причиной чего, в свою очередь, являлось несовершенство водного транспорта.

Однако, по мере усовершенствования судостроительной техники, положение приморских народов меняется самым коренным образом. Из разъединяющего препятствия море превращается в очень удобную дорогу для сообщения с другими странами и народами. Особенно это относится к замкнутым морям, соединяющим собой большие материковые массы. Наиболее благоприятным в данном отношении явилось Средиземное море, связующее собой берега Европы, Азии и Африки. В результате, по берегам этого моря возникает в свое время целый ряд великих культур древности, как-то Финикия, Карфаген, Греция, Рим, Маврская культура, а позднее, отчасти, Испания и Португалия (переход к океаническим культурам).

Море, связуя отдельные народы между собой, способствует взаимному обмену и обогащению их культурными достижениями и открытиями. Кроме того, общение приморских народов между собой могло также способствовать и тому «обновлению человеческих пород» путем расовых смешений, которому такое большое значение придавал проф. В. М. Флоринский. В самом деле, не исключена возможность, что, в результате широкого общения приморских народов между собой, могли происходить и благоприятные помеси между представителями различных рас.

Итак, мы видим, что известной стадии развития человеческой судостроительной техники соответствует культурный расцвет тех народов, которые осели по морским побережьям. Что касается океана, то для этой стадии культурного развития он является почти таким же препятствием для международных сообщений, каким было море во время господства речных культур. Подобно тому, как египтяне смотрели на море, как на «разнородное выделение разрушительных и болезненных начал» (Плутарх), античные греки с неменьшим суеверным страхом относились к океану, боясь удаляться в его безграничные дали.

Но с течением времени и океан (сначала Атлантический) меняет свое барьерное значение, превращаясь в дорогу для сообщения между самыми отдаленными уголками земного шара. Наступает эра великих океанических культур, сначала переходной испано-португальской, позднее нидерландской, германской, английской (расцвет «северной расы»!) и др.

В продолжение всех рассмотренных нами исторических периодов, как было показано Ратцелем и др., в особо неблагоприятном географическом положении оказались те племена человечества, которые заняли наиболее окраинные районы на человеческой эйкумене. Такими окраинными районами являются те упирающиеся в безбрежные океанические просторы тупики, которыми заканчиваются все главные материковые массы земного шара по направлению к южному полюсу, а именно, острова Огненной земли, южная оконечность Африки, остров Цейлон, уединенный материк Австралии, оканчивающийся на юге островом Тасманией. Народы, зашедшие некогда в эти тупики (огнеземельцы, бушмены, ведды, австралийцы, тасманийцы и др.), неизменно оказываются стоящими на чрезвычайно низком уровне культурного развития, что главным образом обуславливается их длительной оторванностью от других стран и народов.

Переходя к современному моменту, мы можем сказать, что последнее слово в развитии способов связи между отдельными странами далеко еще не сказано. Рост океанского судоходства, возникновение

и быстрый прогресс воздухоплавания, телеграф, радио, все эти достижения должны способствовать строительству общечеловеческой интернациональной культуры. В частности не совсем благоприятное географическое положение нашей страны (оторванность от морей, недоступность Северного Ледовитого океана), безусловно сказавшееся на нашем культурном уровне, будем надеяться изменит свой знак при дальнейшем прогрессе воздушного транспорта, который обещает сделаться еще более удобным и дешевым, чем даже водный. Во всяком случае нужно полагать, что прогресс нашей обширной страны в силу особенностей ее географического положения (тоже «окраинного») в значительной степени связан с прогрессом воздушного транспорта.

Итак, мы видим, что если до сих пор эволюция способов сообщения способствовала прогрессу лишь отдельных народов, то в той форме, какую она принимает в настоящее время, когда самые изолированные уголки земного шара начинают быть прочно связанными с величайшими центрами культуры и со всеми другими частями планеты, эта эволюция дает трудящемуся человечеству материальную базу для создания наивысшей, общечеловеческой, всепланетной культуры, построенной на принципах интернационала и руководимой Коминтерном.

8. Прежде чем закончить свое сообщение, я хотел бы остановиться еще на нескольких пунктах.

До сих пор я почти не касался вопросов генетики. Это произошло по той простой причине, что громадное значение генетики для разрешения целого ряда евгенических проблем вряд ли в настоящее время может представляться спорным. Несомненно, что открытия Менделя, Иогансена, Моргана и др. представляют первоклассные завоевания биологии, которые должны быть нами использованы для достижения различных практических целей. Если тов. Б. М. Завадовский писал про меня, что я «чураясь генетики, как таковой», то это могло быть написано лишь по недоразумению и никоим образом не соответствует действительности, при чем антропогенетическими проблемами я не только интересуюсь теоретически, но и работаю в этой области практически.

Спорной является вовсе не генетика, как таковая, а стремление наиболее крайних ее приверженцев монополизировать всю область явлений наследственности, результатом чего является рассмотренное выше их отношение ко всем тем фактам, которые не укладываются в их схемы.

Не менее спорными являются также и взгляды на самые гены, главным образом, на способность генов изменяться под влиянием внешних воздействий. Автогенетические тенденции некоторых генетиков побуждают их к соответствующим выступлениям против тех новых работ, которые говорят в пользу возможности изменения генов путем

тех или иных внешних воздействий. Характерным образцом подобного рода выступлений могут служить замечания И. Филиппьева по поводу опытов Гаррисона и Гаррета.

9. В заключение мы остановимся еще на двух спорных вопросах, упомянутых в тезисах сегодняшнего доклада, а именно: 1) на методе половой стерилизации и 2) на методе культуры талантов путем их субсидирования и кастовой изоляции. Можно было бы указать еще целый ряд спорных проблем современной евгеники, сколько-нибудь внимательное рассмотрение которых вряд ли можно было бы уместить в рамки одного доклада. Поэтому, считаясь с физическими возможностями, мы ограничиваем себя в настоящем сообщении лишь несколькими спорными вопросами, не претендуя на всестороннее рассмотрение всей евгеники в целом.

О методе половой стерилизации я скажу лишь несколько слов, так как свою точку зрения по этому вопросу я уже неоднократно излагал в печати. Посредством половой стерилизации мы можем до известной степени заменить стихийно действующие процессы отбора, выражающиеся в гибели неприспособленных, научно организованной системой практических мероприятий. В самом деле, если мы отказываемся от принципа обостренной борьбы за существование, как метода устранения из человеческого общества неполноценных вариантов, то естественно возникает вопрос, как же нам быть с теми патологическими геновариациями, которые возникали и будут возникать в человечестве, как возникают они и во всем органическом мире. Пора уже начать борьбу с полной анархией, господствующей в процессе производства новых поколений, когда всякий носитель наследственных страданий, как бы ни были тяжелы эти последние, может беспрепятственно производить неограниченное количество потомства. Я думаю, что такое положение вещей не может быть допущено, в особенности в коммунистическом обществе будущего. В отличие от капиталистического общества с его неорганизованностью, стихийностью всех процессов, в нем протекающих, в коммунистическом обществе будущего «все отношения между людьми будут ясно видны для каждого, и общественная воля будет организованной волей» (Бухарин). Нужно надеяться, что этот организационный процесс затронет, в конце концов, и столь жизненно важную область, как производство новых поколений человечества. Однако, трудно себе представить организацию данной области без того, чтобы в некоторых, более или менее редких случаях, личные интересы индивида не приносились бы в жертву интересам коллектива.

Поэтому, в установленных случаях тяжелой наследственной отягощенности, половая стерилизация должна производиться даже и

независимо от согласия на то данного индивида; по желанию последнего она только может быть заменена сегрегацией (изолированием в специальных колониях).

10. Перейдем теперь к весьма спорному вопросу о культуре талантов.

Факт пониженного размножения академиков, профессоров, артистов, художников и других представителей высококвалифицированных профессий подтвержден таким числом статистических данных, что в настоящее время не может уже вызывать сомнений. С чувством глубокого уныния и тревоги взирают евгеники всех стран на этот повсеместно происходящий процесс. Однако, для того, чтобы бороться с этим процессом, нужно сначала узнать его причину. Нужно думать, что никакие денежные субсидии, никакое премирование многодетных семей в данном случае делу помочь не могут, так как причина явления лежит гораздо глубже, она лежит, по нашему мнению, в самих условиях существования и развития классового капиталистического общества. Из таких условий можно указать на необычайную напряженность жизни, на все возрастающую борьбу за существование и конкуренцию, с которыми связано всякое повышение по социальной лестнице в капиталистическом обществе (вымирания исключительно паразитических элементов капиталистического общества мы сейчас не касаемся). При таком положении вещей, дети обычно являются весьма чувствительным бременем, препятствующим достижению намеченных жизненных целей. Чтобы выдержать жизненную скачку с препятствиями, представителю капиталистического общества нередко приходится подавлять и ограничивать свою воспроизводительную функцию посредством более позднего вступления в брак, применения противозачаточных средств и т. п. Таким образом, в основе пониженной размножаемости представителей наиболее квалифицированных профессий лежат, прежде всего, социальные причины. Следовательно и борьба с этим злом должна вестись главным образом в плоскости социальных переворотов и реформ, направленных к ослаблению в человеческом обществе конкуренции и борьбы за существование и замене их взаимопомощью.

Что касается культуры талантов посредством их кастовой изоляции, то такой метод, в случае его проведения в жизнь, мог бы оказаться губительным прежде всего для тех, кто вошел бы в такую замкнутую касту. Кастовая изоляция наследственно одаренных представляет опасность уже по одному тому, что талантливость очень часто бывает связана с различными формами наследственной отягощенности, как-то: психическими расстройствами, эпилепсией и т. п. В конечном итоге, если мы будем всеми мерами содействовать кастовой изоляции талантов,

как того хотят некоторые евгеники, то тем самым появится опасность большого скопления внутри такой касты в разных наследственных дефектов. Подобно тому, как портится вода в стоячем бассейне, должна будет со временем выродиться и искусственно созданная евгеническая каста талантливых. В истории человечества можно найти множество примеров того, как пагубно может отразиться на судьбах отдельных родов, племен и народов их замкнутое изолированное положение и развитие. Однако, еще гораздо больше предпосылок к этому мы имеем по отношению к касте талантов, которая обязательно явится и скопищем всевозможных наследственных болезней и дефектов. Таким образом метод кастовой изоляции наследственно одаренных является по нашему мнению весьма и весьма рискованным.

В отличие от кастовой изоляции, неизмеримо более жизненным методом культуры талантов должна явиться правильная профессиональная ориентация трудоспособного населения страны, основанная на учете всех органических способностей и возможностей каждой отдельной личности. Такая мера, несомненно, должна способствовать быстрому обогащению общества активными талантами во всех областях человеческой деятельности. В данном случае мы должны руководствоваться теми словами Ленина, которые Ассоциация натуралистов-самоучек избрала в качестве своего основного девиза: «Капитализм душил, подавлял, разбивал массу талантов из рабочих и трудящихся крестьян. Таланты эти гибли под гнетом нужды, нищеты и надругательства над человеческой личностью. Наш долг теперь уметь найти эти таланты и приставить их к работе».

Б. И. СЛОВЦОВ

УЛУЧШЕНИЕ РАСЫ (ЕВГЕНИКА)

«Отцы и дети» - как много мыслей будят в каждом из нас два эти слова: смена одного поколения другим, выросшим при новых условиях жизни; новые интересы, новые взгляды, новый подход к самой жизни и пониманию ее целей; отсюда — спор двух поколений, спор вечный, обычно не приводящий ни к чему, так как нельзя примирить эти поколения друг с другом уже по одному тому, что в то время как одному двадцать-тридцать лет, другому пятьдесят-шестьдесят лет, т. е. за ним на 20 лет больше житейского опыта. А последний в нашей рефлекторной деятельности и нашем миросозерцании играет большую роль.

С другой стороны, среди этого нового строительства жизни, в молодых поколениях, на которые мы возлагаем всегда так много надежд, начинают пробиваться опять старые струйки. Среди кажущегося нового сочетания привычек, настроений красной нитью проходят Узы, неразрывно связывающие их с прошлым, Особенно резко бросится это в глаза прежде всего на физическом облике нового поколения. Интонация голоса, структура тела, цвет волос, привычки передаются нами нашим детям. Даже мелкие особенности строения лица и его движения, как, напр., улыбка неожиданно воскресают, как живые, у отдаленных потомков. И часто старик, обыватель маленького городка или селения, на памяти и глазах которого выросло не одно поколение, с удивлением узнает в буйном мальчугане былого сверстника юных лет, которого он давно похоронил, а в подростке-девушке — ту, которая озарила его собственное детство первой любовью и лаской.

Что же за сила, которая связывает нас с минувшим поколением, которая упорно повторяет некоторые комбинации физических и психических свойств и, несмотря на движение жизни вперед и развитие культуры и техники, оставляет в нас прежние наши недостатки и достоинства? Мы давно назвали эту силу наследственностью, а наука пытается изучить указанную нами связь поколений между собой, установить ее законы.

Многое в этой области биологии и до настоящего времени остается неясного, непонятного и запутанного, но, по мере роста фактического материала и новых методов, мы все-таки проникаем все больше и

больше и в эти законы бытия. Перед современным естествоиспытателем наследственность — не игра природы, а закономерное явление.

Так, где наука устанавливает причинную связь, она становится хозяйкой положения; она может создавать то или иное явление по своему произволу и ставить все новые и новые вопросы природе. И последняя отвечает на правильно поставленный вопрос ответом, состоящим из новой группы фактов.

Область наследственности еще недавно была тем уголком биологии, где властно царила «жизненная сила», творящая новые виды. Теперь это — область, где математические законы находят себе прямое подтверждение на опыте, и где начинают брезжить новые горизонты для будущего развития человечества.

Если опытный животновод, подбирая своих производителей, постепенно улучшает ценное для него качество и даже создает новые породы скота; если агроном, отбирая нужные ему экземпляры растений, создает новые типы полезных для человека разновидностей, то невольно напрашивается вопрос, нельзя ли перенести эти законы и на человеческую породу. Ведь мы тоже животные высшего порядка. Правда, мы, как принято говорить, цари природы постольку, поскольку мы ее познаем, но ведь мы часть этой самой природы. Законы последней действуют в нас так же, как в изучаемой нами раковине или инфузории, и, быть может, только усложняются до чрезвычайности.

«Мы, культурные люди, прекрасно знаем все недостатки нашего поколения. Ясно, что каждое поколение имеет громадное влияние на природные дарования последующих поколений, и можно утверждать, что мы обязаны перед человеческом исследовать пределы этого влияния и пользоваться им так, чтобы, соблюдая благоразумие в отношении к самим себе, направлять его к наибольшей пользе будущих обитателей земли» (Гальтон).

Как, скажет читатель, наука хочет присвоить себе право вмешиваться в наследственность среди людского общества? Чего доброго, она ворвется в наш дом и начнет подрывать основы семейного очага! Государство наложит свою руку на область взаимных влечений и на самую любовь! Это невозможно, недопустимо, непозволительно!

«Постараемся разобраться в этом вопросе хладнокровно. Мы посвятим себя этой задаче, не заботясь о предрассудках, которые поднимутся против нас. Нам будет все равно, найдет ли демократ Южных Штатов Америки подтверждение или отрицание невольничества в наших исследованиях, или янки, гордящийся своей расой и не позволяющий себе сесть рядом со своим поваром негром, станет опираться на полученные результаты. Мы пойдем беспристрастно, рука об руку с научным

исследованием, а относительно суматохи, которая произведена нами, скажем словами поэта: «громкий лай вам показывает только, что мы двигаемся вперед» (Фогт).

Чтобы ясно представить себе те перспективы, которые открываются теперь перед людьми, верящими в улучшение и оздоровление человечества, нам придется, однако, восстановить в нашем уме главнейшие положения физиологии, касающиеся половой системы и процесса размножения.

Все живое, как мы знаем, построено из элементарных единиц, называемых клетками. Всякое существо состоит из этих, если можно так выразиться, атомов жизни. Разница только в том, что одни живые существа состоят только из одной клетки, другие из массы клеток (многоклеточные организмы).

Создание потомства или так назыв. размножение идет у этих двух типов существ различным образом. Одноклеточное существо, достигнув известной величины, делится на двух себе подобных; клетка-мать превращается в две дочерних клетки. Индивидуальной смерти материнской клетки при этом не наблюдается, а ее тело как бы превращается, переливается в новое поколение.

У многоклеточных существ процесс создания потомства гораздо сложнее. Новое существо может иногда развиться из любой клетки тела, если мы разделим данное животное на отдельные части. Напр., разрезав гидру на отдельные мелкие кусочки, можно видеть, как из каждого из них постепенно вырастут новые гидры.

На более высоких степенях развития живой природы потомство может произойти только от известной группы клеток, выделяющихся в известном месте тела; мы называем их половыми клетками, а органы, в которых они до поры, до времени сохраняются, половыми. Обыкновенно в очень раннем периоде развития тела животного, когда все оно состоит из кучки совершенно одинаковых по внешнему виду клеток, часть клеток дальше не размножается и остается в виде запаса для половой сферы, тогда как все остальные клетки постепенно превращаются в различные органы и ткани.

Многие исследователи склонны даже думать, что все наше тело только служит опорой и охраной для этих половых клеток, так как сохранение потомства есть главная функция природы.

Наследственность может быть нашим другом, она может и помогать нам. Она не должна быть пугалом робких людей, угрожая им ужасными перспективами. Наследственность сохраняет нам не только отрицательные, но и положительные стороны нашего я. Она — серебряная нить, которая связывает ряд поколений в одну общую цепь и при

известном умении может вести людей от животного, грубого состояния к все новому и новому усовершенствованию.

Если внимательно и объективно просмотреть труды защитников менделирования признаков на человеческом организме, то следует признать, что не всегда это соответствует теории.

Для того чтобы получаемые нами выводы были достаточно обоснованны, мы должны удовлетворить, в наших исследованиях по наследственности, следующим условиям. Мы должны скрещивать индивидуумов, происхождение которых точно установлено или вообще известно, т. е. пользоваться возможно чистыми расами. Мы должны вести наблюдения на потомстве, которое должно быть возможно многочисленно.

В человеческой жизни и первое, и второе условие редко выполняются. Действительное отцовство не всегда может быть точно установлено, особенно если дело касается большого числа исследуемых лиц. То же касается и точного знания чистоты данного рода, напр., лицо с голубыми глазами могло иметь родителей, дедушек и бабушек, цвет глаз которых был известен по личному опыту, воспоминаниям и портретам, но сведения о том же цвете глаз в более отдаленном потомстве уже никак нельзя собрать.

Небольшая плодовитость человека тоже мешает решению вопросов наследственности. Положим, мы имеем четырех детей, у которых выступают исследуемые нами признаки; выражаясь привычной терминологией, получается доминирование этого признака, но достаточно появиться пятому младенцу, не обладающему этим признаком, как все наши рассуждения теряют свою убедительность.

В конечном результате все-таки следует признать, что законы наследственности приложимы к человеческим массам.

Если действительно это так, то мысль невольно переходит к вопросу о том, нельзя ли использовать законы наследственности и для улучшения человеческой расы.

Первые попытки подобного рода относятся к далекому прошлому, когда коронованные лица распоряжались жизнью и достоянием своих рабов и по своему капризу могли делать все, что угодно. Часто монархи собирали около себя карликов обоего пола, и некоторым из них приходило в голову скрещивать этих уродцев. Результаты, по большей части, были печальны: или, в лучшем случае, потомства не было, или получались выкидыши, или при родах умирали матери. Такие признаки, по большей части, носили характер приобретенных при жизни, а потому и не передавались потомству.

Известны случаи и обратного рода. Около знатного вельможи собирались рослые гвардейцы, его личная стража, и они скрещивались

с местными женщинами. Иногда устраивали ради потехи свадьбы великанов и великанш, но и от этих браков рожалось очень часто нормальное потомство.

Несколько реальнее были результаты, которые получались после скрещивания более сильной расы с более слабой. Так, напр., известны из истории страны, где победители и побежденные постепенно сливались в новую народность, сохранившую свойства обоих рас.

Мысль о возможности улучшить расу возникла, главным образом, у англичан. Основатель статистического изучения наследственности, Гальтон, много занимаясь генеалогиями различных деятелей, ясно увидел связь между свойствами родителей и потомства. Психические качества людей также передаются по наследству, как и те внешние физические свойства, о которых шла речь выше. Следовательно, известная талантливость, известная музыкальность и т. д., наклонность к математике, юриспруденции передаются к детям, и Гальтон в своей книге «Наследственность таланта» приводит массу любопытных примеров этого рода. Если это так, то это же относится в равной мере и к другой категории лиц, где мы имеем отрицательные признаки. Вариационная кривая людских качеств, по Гальтону, совпадает с обычной вариационной кривой Кетлэ. Он полагает, что знаменитые современники составляют около 425 человек на миллион населения. Если быть еще более требовательным, то число это можно свести к 250 на миллион. По данным врача Сегена, число слабоумных и идиотов в Англии определяется в 1.400, т. е. тоже приблизительно в 250 на миллион. И первая, и вторая группы людей составляют крайние типы вариационной кривой.

Гальтон полагает поэтому, что так как законы наследственности одинаково касаются и высшей, и низшей группы, то следует обратить самое серьезное внимание на создание в процессе размножения лучших разновидностей человеческой породы. Следует создать, по его мнению, науку, которая должна изучить все законы и явления, пользуясь которыми можно улучшить человеческую расу. Эту науку или, точнее, известное практическое направление в области изучения наследственности он назвал евгеникой (от греческих слов хорошо и рождаю), т. е. наукой об улучшении человеческой породы.

Мысль, брошенная Гальтоном, оказалась плодотворной. Уже его последователи, как Пирсон и многие другие, устроили специальные евгенические лаборатории, где изучаются генеалогии интересных почему-либо семейств.

Особенно благодарную почву нашло себе евгеническое учение в Северо-Американских Штатах. В этой стране, создавшейся сравнительно недавно, сконцентрировалось потомство целого ряда лиц, эмигриро-

вавших из Европы. Французские и английские авантюристы, любители сильных ощущений, неугомонные натуры, политические деятели, стесненные в своей деятельности на континенте, уезжали в Америку. Из этой группы лиц создалась живая, энергичная раса, которая выковала свое новое мировоззрение, свои новые подходы к жизни и очень высоко ставит именно свою американскую культуру.

Вот почему, когда европейская эмиграция стала больше, и Европа стала выкидывать в Новый Свет массы менее культурных лиц и обнищавших рабочих, часто страдающих различными болезнями, научные и политические круги стали беспокоиться, видя в этом приливе малоценного людского материала опасность для силы и развития американского народа.

Евгеническое движение приняло в Америке мощные размеры. В центре движения стоит основанное в Сан-Луи в 1903 г. «Общество по вопросам разведения» (American Breedres Association). Цель его, как видно из устава, состоит в следующем: организовывать исследования в области наследственности среди людей; выработать приемы работы, которые позволили бы установить и изобразить наследственные черты отдельных лиц, семейств, народов и рас; обращать внимание общества на значение наследственной передачи трудоспособности; на опасность наследственности лиц неполноценных; предлагать мероприятия для улучшения наследственных черт в отдельных семьях, народах и расах.

С 1908 г., собственно, реально начинает намечаться работа этого учреждения по собиранию данных о слабоумных и душевнобольных.

В 1910 г. открыто около Нью-Йорка бюро по собиранию и обработке данных по расовой гигиене, во главе которого стали Давенпорт, Лафлин, развившее лихорадочную работу в контакте с исследовательским институтом по эволюции при институте Карнеги. Они собирают подробные генеалогические данные, которые хранятся в известном порядке и предоставляются для обработки специалистам. Там же дают желающим советы по евгенике.

Для этих генеалогических данных нужен кадр соответствующих работников, и указанное бюро выработало тип полевых работников. На них возлагается реальная работа по собиранию и записи данных, характеризующих известную семью. Так, напр., одной даме было поручено обследовать генеалогию одной вырождающейся семьи в штате Индиана. Ее работа увенчалась успехом. Она представила большой отчет, где были собраны сведения о массе родственников. Материалы эти послужили основой для известной книги Мак Куллоха «Племя Ишмаель».

Другую работницу послали в одну горную местность, чтобы исследовать замкнутую группу населения, которая давно уже скрещивается

только внутри семой себя и, тем не менее, по-видимому, не представляет признаков вырождения.

Некоторые штаты ассигновывают известное количество денег, чтобы устроить планомерное обследование граждан, особенно более слабых (Нью-Джерсей). Исследователи обычно работают и в целом ряде приютов для слабоумных и душевнобольных.

К крупным организациям официального и полуофициального характера присоединяются и частные лица, жертвующие известные суммы на изучение евгенических вопросов. Сюда можно, напр., отнести основанный в 1911 г. в Нью-Йорке Рокфеллером институт социальной гигиены, имеющий главной целью борьбу с проституцией.

Другое учреждение в Вашингтоне, основанное Беллем, интересуется, по преимуществу, глухонемыми с евгенической точки зрения.

Если прибавить к этому, что вопросы евгеники вызвали появление большой литературы, то станет ясно, что мысль работает именно в этом направлении и создает новые подходы и решения.

Для Америки характерна законодательная работа, направленная прежде всего к сокращению браков между порочными производителями. Кроме того, ряд законов предусматривает насильственное лишение способности к воспроизведению потомства путем кастрирования и искусственной стерилизации мужчин. Затем идет борьба против скрещивания с менее культурными расами: черной и желтой, и, наконец, регулировка иммиграции.

Около каждого из этих вопросов поднимается полемика, и потому мы постараемся нарисовать картину этих новых, смелых попыток провести законы наследственности в толщу самой жизни.

Приведенные выше факты с несомненностью показывают, что законы наследственности проявляются и на человеке. Всякий народ, который хочет сохранить положительные качества своей расы, должен внимательно отнестись к евгеническим течениям. Многие задают вопрос, нужно ли это вмешательство человека? Ведь природа сама заботится об улучшении породы и рано или поздно уничтожит более слабые и более негодные элементы. Мы забываем, однако, о том, что наша цивилизация и культура сохраняют слабых, больных и порочных людей. Между тем статистика показывает, что, именно, эти отрицательные элементы плодятся сильнее и быстрее, чем более здоровые члены общества.

Это постепенное ограничение рождения среди более культурных классов вызывало постепенное преобладание более плохих элементов и в результате приводило к вырождению расы. Зачем же повторять ошибки прошлого? Надо найти способы улучшения расы. Это новое течение мысли, очень близкое к евгенической литературе, носит название расовой гигиены.

Улучшение данного вида homo sapiens можно производить различными путями. Можно вернуться к беспощадному закону природы — уничтожению слабых детей, как это делали спартанцы. По словам поэта Тиртея, тогдашняя культура основывала этот обычай на положении, что слабый «не будет твердым при военной грозе»; но, конечно, этот радикальный способ улучшения породы не всегда действителен; возможны ошибки, и древняя история приводит нам пример, как такой обреченный на смерть спартанский ребенок был случайно спасен и оказался через много лет победителем на олимпийских играх.

Современная культура знает, кроме того, и другие ценности этические, моральные и умственные. И часто в хилом теле таятся могучие духовные силы, способные перевернуть весь свет. Не следует поэтому возвращаться к грубому прошлому. Мы должны сохранить все живые существа, появившиеся на свет. Пусть каждый индивидуум использует жизнь, развивается и наслаждается.

Но общество имеет право и должно следить за процессом размножения. Оно может лишить обладателя порочных свойств, способных передаваться по наследству, права отцовства или материнства.

Сам народ, само государство должно взять это дело в свои руки: у положительной части населения надо всеми мерами увеличивать плодовитость, у менее годных членов общества слегка ограничивать ее, а у подонков общества делать размножение невозможным.

Как? Скажут нам, брак становится под полицейский надзор? Детоводство низводится до грубого животноводства, и по желанию власти назначается брак лучших экземпляров для произведения лучших, породистых производителей? Это просто недоразумение.

И евгеника, и расовая гигиена не могут основываться на принуждении. Надо найти способы, чтобы люди сами добровольно пошли навстречу новому течению, и тогда достоинства самого брака и культурность общества только выиграют.

По предварительному отчету Вагенера, следует считать отрицательными в социальном отношении группами: 1) слабоумных, 2) преступников, 3) эпилептиков, 4) душевнобольных, 5) людей с наклонностью к известным болезням, 6) людей с тяжелыми расстройствами органов чувств, как слепые и глухонемые, 7) уродов разного рода и 8) лиц, требующих за собой ухода.

По отношению ко всем перечисленным группам следует вести ограничительную политику, по отношению к группам высокой квалификации поощрительную.

Противники расовой гигиены говорят, что борьба с размножением малоценного людского материала еще мало обоснована, так как мы

не всегда можем предсказать, что выйдет из данного брака. Но они, конечно, будут согласны с тем, что брак лица, хворающего сифилисом (невылеченным), или эпилептика, или слабоумного есть преступление. Запрещение браков не приведет ни к чему, так как если мы помешаем так называемому законному браку, то на смену ему придет незаконный брак, что еще гораздо хуже. Но практика жизни, особенно по американским данным, показывает, что незаконные связи чаще бывают недолговечными и число потомков при них меньше. Поэтому эта мера все-таки имеет все права на проведение в жизнь. Боязнь. Что закон, запрещающий браки, не будет исполняться как раз этими интересующими нас порочными элементами, оказывается необоснованной.

По статистике, обследовавшей внебрачных детей при генеалогиях порочных родов, она составляет до 2,4%, а среди обычного населения не превышает 2-3%.

Противники государственного вмешательства в брачные союзы говорят, что порочные роды все равно вырождаются; но ведь следует вспомнить, какой ценой. Это вырождение рода, часто окончательное, тянется иногда одно-два столетия, создавая сотни убийств, преступлений и т. п.

Запрещение браков уменьшает прирост населения. Этого бояться нечего, потому что закон касается небольшого процента населения.

Наконец, многие полагают, что установленное законодательством запрещение трудно ввести в жизнь, так как всегда найдется возможность обхода такого закона. Трудно говорить об этом сейчас, когда подобное законодательство только еще вводится в жизнь, и то частично, в некоторых американских штатах.

Очевидно, что только тогда, когда само общество дойдет до сознания необходимости вмешательства государства в эту сторону жизни, будет возможна реальная борьба. Понятно, что исключительно принудительные меры не могут дать никаких серьезных результатов.

Центр тяжести должен быть перенесен в плоскость возможно широкого просвещения массы населения относительно этих вопросов и борьбы с целым рядом предрассудков или, точнее, пережитков некоторых старинных представлений.

Чувство некоторых людей возмущается до глубины души этой новой выдумкой Америки. В этом отношении обычно приводятся два основных мотива. Жалко связывать свободный выбор жены или мужа. Но ведь не менее жалко судьбы тех детей, которые явятся плодом брака, недопустимого с точки зрения расовой гигиены. Нам жалко эпилептика, который в промежутках между припадками нормален, но разве не жалко тех ни в чем неповинных детей, к которым (в 75%) перейдет

эта болезнь. Нам жалко молодого юношу, который незадолго до брака получил венерическую болезнь и не вылечил ее; но ведь знать, что результатом этого брака будут дети, наверное страдающие болезнью, и разрешить совершить такое преступление с этической точки зрения недопустимо именно тому, в ком сохранилось еще здоровое чувство.

Евгеника и расовая гигиена будто бы нарушают естественные права человека. Но такой подход к этому вопросу нам представляется устаревшим. Право начинается там, где дело идет о приобретении или созидании ценностей, и право отдельного человека не должно угрожать обществу.

Поэтому-то правовая наука давно уже узаконила ограничение свободы душевнобольных и запрещает вступление в брак близким, кровным родственникам. Путь, по которому должно идти законодательство, это — ограждение здоровья будущего поколения. И мы можем теперь сознательно говорить о праве каждого гражданина быть рожденным от здоровых родителей. Это право должно войти в кодекс прав ребенка, который будущее общество выработает на почве тех материалов, которые будут собраны учеными, изучающими евгенику.

Выше мы попытались дать в возможно сжатых чертах ту идеологическую борьбу, которую приходится нам вести со сторонниками прежнего уклада.

Каждая страна вводит в расовую гигиену свои методы. Америка пошла по пути законодательства, признав с правовой точки зрения, что государство в праве прекращать размножение порочных и преступных элементов и ограничивать увеличение населения за счет малоценной части общества.

Европейское законодательство, как было сказано выше, давно уже запрещает браки душевнобольным и слабоумным. 24 штата Америки установили 5 причин запрещения: тупоумие, душевную болезнь, слабоумие, имбецильность и идиотизм. 12 штатов пошли еще дальше и, напр., запрещают браки лицам, которые являются бременем для социальной помощи.

Прямым практическим выводом из этого является требование от лиц, вступающих в законный брак, в числе других документов свидетельства о здоровье (Северная Дакота, Орегон). Заключение брака без такого документа наказуется законом, причем наказание распространяется не только на мужа и жену, но и на лиц, заключивших самый брак. Например, в штате Индиана среди вопросов анкетного листка перед браком и жениху, и невесте предлагается ответить на следующие вопросы: 1) Не было ли данное лицо в течение пяти последних лет в доме призрения или богадельне? 2) Не страдает ли оно эпилепсией,

туберкулезом, болезнью половых органов или заразной болезнью? Не страдает ли оно слабоумием, идиотизмом, душевной болезнью или имбецильностью, и не находится ли оно под опекой в виду состояния его душевной болезни?

В Нью-Джерси на подобные же вопросы должны отвечать и свидетели: «Знаете ли вы, что оба вступающие в брак не эпилептики, не хворают душевными болезнями и имбецильностью, и не были ли они на попечении в богадельне или в больнице для душевнобольных»?

В штате Огио прибавляется еще вопрос об употреблении опьяняющих напитков и наркотиков.

За нарушение законов по этому поводу грозит штраф в 1000 долларов или тюремное заключение на 3 года.

Трудно дать оценку практическому значению подобного законодательства потому, что, прежде всего, оно введено сравнительно недавно и далеко не повсеместно. Следовательно, есть опасность, что лица, которые почему-либо не могут заключить браков в данной местности, переедут в другой штат и там сочетаются браком. Наконец, они просто могут ограничиться незаконным сожительством, оставаясь в пределах того же штата. Чиновники, ведающие регистрацией брачных союзов, утверждают довольно единогласно, что моральное, несколько запугивающее действие законов несомненно, и почти не бывает случаев, чтобы заведомо больные лица регистрировались. Но зато общественные деятели единогласно отмечают, что пока реальное значение указанных евгенических законов очень ничтожно. Мы должны приветствовать их только как попытку урегулировать здоровье не только настоящего поколения, но и грядущего потомства.

Гораздо реальнее стоит в Америке вопрос о смешении рас; несмотря на то, что невольничество давно уже уничтожено, и негры формально считаются полноправными гражданами, отношение к ним осталось презрительное, и кровосмешение с цветной кровью считается предосудительным. И это-то условное приличие предохраняет особенно север Америки, населенный англосаксонской расой, от постепенного завоевания Америки метисами, происходящими от слияния этих двух человеческих пород.

В 32 штатах введены даже законы, наказывающие браки законные и незаконное сожительство с цветными расами (неграми, китайцами), и, несмотря на постепенное развитие культуры, эти законы не отменяются. Но не законы в данном случае регулируют жизнь, а чувство отвращения, поддерживаемое самомнением о достоинстве белой расы. В этом отношении англосаксы гораздо выше романских народов, среди которых браки с цветными бывают чаще.

Еще определеннее стоит дело с кастрацией преступного элемента. Кастрация, как высшая мера наказания за целый ряд преступлений, применялась еще в глубокой древности, в Египте, у некоторых австралийских племен, у индейцев; она была известна афинянам, а при Августе была введена в Риме. Галлы применяли ее на рабах за воровство, а Византия за политические преступления; гунны и испанцы наказывали кастрацией лиц, осужденных на каторгу.

Современная наука подходит к этому вопросу с другой точки зрения. Удаление яичка или яичника вызывает не только нарушение в образовании половых клеток, но и лишает организм массы особых химических веществ, которые, всасываясь в кровь, вызывают подъем сил и общее состояние возбуждения организма, тонус его; ни влияют и на образование так называемых вторичных половых признаков. Между тем с точки зрения расовой гигиены мы должны стремиться прекратить способность производить потомство, а потому можно ограничиться только перевязкой того выводного протока, по которому протекает семя; эта операция, вазэктомия, очень проста и дает нужный результат. Начало этой операции с евгеническими целями положено д-ром Шарпом, который по просьбе больного, 19-летнего юноши, сделал эту операцию, чтобы ослабить онанизм, с которым юноша совершенно не мог справиться. Результат оказался настолько хорошим, что в том же году была сделана уже 71 операция такого же рода. В данном случае, конечно, вазэктомию можно рассматривать как медицинское, лечебное средство, лишающее человека способности воспроизводить потомство, но сохраняющее все благотворное действие половых желез внутренней секреции.

Как законодательный акт, кастрация применялась с 1855 г. в штате Канзас, как наказание неграм или мулатам за прелюбодеяние с белой женщиной. Около восьмидесятых годов техасский врач Гидон Линцекум предложил заменить кастрацией смертную казнь, но общественное мнение было возмущено этими предложением. С 1894 года, когда Мирс предложил вместо кастрации вазэктомию, врачебный мир постепенно стал переходить на сторону евгенистов. Однако, в это время в печати сплошь и рядом говорили о том, что учение о кастрации или стерилизации может явиться только в головах теоретиков, далеких от практической жизни. Когда опыты Шарпа дали прекрасные результаты, общественное мнение стало на новую точку зрения. В 1907 г. штат Индиана вводит его в закон по предложению, выработанному в качестве проекта английским законодательством. В 1909 г. к этому присоединяются штаты Вашингтон, Коннектикут, Калифорния, в 1911 г. Невада, Иова и Нью-Джерсей, в 1912 г. Нью-Йорк, в 1913 г. Канзас, Мичиган, Северная Дакота и Орегон.

Эта мера вызывает справедливое негодование ряда лиц, которые стоят на правовой точке зрения и находят, что при этом государство нарушает право личности, и обращают внимания на то, что в случае судебной ошибки или исправления больного мы не в состоянии вернуть ему утерянного здоровья, если можно так назвать возвращение производительной способности. Мы приведем поэтому выдержку из статьи д-ра Хатча, директора правительственной больницы для душевнобольных, по поводу проведения в жизнь подобных операций: «При применении закона мы были осторожными и в большинстве случаев избегали насильно подвергать больных операции. Этот прием считается радикальным новшеством, по поводу которого существуют различные, противоположные мнения, и которое вызывает часто неудовольствие. Поэтому, по соглашению с секретарем местного здравотдела, я по возможности оперировал, где только возможно, с разрешения родственников, от которых берется письменное согласие; им объясняется характер операции. В тех случаях, где родных нет, и где состояние больного достаточно улучшилось, мы пытаемся договориться с ним самим и получить его согласие». По больничному отчету Хатча, главная масса оперированных приходится на преждевременное слабоумие, алкоголизм, маниакальное угнетение, эпилепсию и идиотизм.

Относительно полученных результатов тот же д-р Хатч сообщает следующее: «у многих больных операция послужила к моральному, умственному и телесному благу. Оперированные больные не жаловались ни на какое вредное влияние и высказывали свое удовлетворение операцией. Неожиданным образом родные больных пошли к нам навстречу, и часто матери приводили молодых девушек с несчастным прошлым, прося сделать им операцию».

В штате Коннектикут врачи тюремной больницы и больниц для душевнобольных не разделяли этого взгляда, поэтому и практически закон там не применялся. Вообще правительственных отчетов по этому вопросу мало, и трудно судить о широте применения.

Четвертой мерой расовой гигиены в Америке следует считать законы об эмигрантах. Со всего света тянутся туда различные группы населения, и страна, гордящаяся своей культурой, боится деградации благодаря притоку малоценного людского материала.

Осмотр эмигрантов есть прямая необходимость; это уже давно признано; что касается сознательного отбора эмигрантов, то эта мысль только начинает крепнуть вследствие усиления евгенических течений.

Мы остановились так долго на Америке потому, что там евгенические идеи сильно распространены и претворяются в жизнь. Мы можем спорить о том, правильна ли с правовой точки кастрация или

вазэктомия преступников или дегенератов, следует ли бороться с порочной наследственностью, но все-таки должны признать, что знакомство широких масс с понятиями о наследственности и ее приложении к людской породе сыграет важную роль в будущем.

Англия в этом отношении по подходу своему к евгеническим вопросам держится особого мнения. Она обращает главное внимание на пропаганду новых идей, обоснованных на примерах генеалогии, на работах Гальтона и его последователей. Надо ценить свою расу, свою породу, и тогда всякий постарается бороться с кровосмешением с низшими расами. Высокомерие англичан не только по отношению к цветным расам, к обитателям их колоний, но даже и к европейскому континенту очень помогает чистоте англосаксонской расы. Правовой подход есть тоже отличительная черта английского народа, а потому именно там возникают мысли о правах ребенка. Ребенок имеет право быть хорошо рожденным, хорошо воспитанным. Поэтому в основу евгенической пропаганды здесь положено развитие здравых гигиенических понятий, не только касающихся брака и потомства, но и чисто-медицинских, как-то: понятие о душевных болезнях, о венерических болезнях и т. п., ответственность вступающих в брак друг перед другом.

На ряду с этим Англия характерна своими исследованиями статистического характера и изучением биографий, т. е. серьезной работой, подготовляющей нас к решению основных законов в этой области.

Не отстает от евгенического движения и Германия. Воспитанная в течение многих лет на лозунге «Deutschland über Alles», она, подобно Америке, особенно сильно прониклась мыслям о расовой гигиене. Типичным выразителем этой работы является «Архив расовой гигиены», где можно найти много ценного фактического материала.

Развитие здравых евгенических понятий тоже весьма характерно для Германии. Общественная борьба с туберкулезом и особенно с сифилисом, принимая формы крестового похода, тоже помогает оздоровлению народа.

Интересно планомерное развитие евгенических идей при колонизации. Войсковые части, посылавшиеся в германские колонии, очень страдали от отсутствия европейских женщин, и обычно начиналось сближение или с туземками, или с женщинами легкого поведения. И вот была дана мысль посылать в колонии молодых девушек отменного здоровья, и в тех случаях, когда они выходили замуж на окраинах, снабжать их субсидией для обзаведения хозяйством. В результате образовались на местах целые поселения здоровых потомков германской расы.

После европейской войны вопросы евгеники стали основными, злободневными, так как воевавшие страны потеряли очень много людского

материала. И Германия, и Франция наперерыв стараются развить детские сады, «капли молока», устраивают конкурсы детей, поддерживают интерес к спорту. Приняты меры к тому, чтобы поставить беременную женщину в особо благоприятные условия, выдавать ей субсидии на вскармливание новорожденного, давать ей продолжительные отпуски с сохранением содержания.

После войны Германия сделала попытку освободить города от массы инвалидов войны, которые по роду своего увечья могли оказаться еще годными для сельскохозяйственных работ. Для того чтобы удержать их в деревнях, были приняты меры для облегчения браков между оставшимися вдовами и инвалидами.

Эта кампания усиления браков при помощи государственных аппаратов прошла с известным успехом и является типичным практическим приложением законов наследственности, утверждающих непередаваемость по наследству травматических повреждений.

Мы оставляем в стороне другие страны Европы, которые все по мере сил и возможности стремятся к оздоровлению населения и улучшению условий жизни. Гигиенически санитарные мероприятия, конечно, подарят государству не одну тысячу здоровых граждан. Местами, напр., в Англии идет и правовая, и юридическая разработка вопросов евгеники, которая намечает будущий кодекс прав ребенка, как бы дальнейшее развитие прав человека. Мы уже упоминали выше фразу: «ребенок имеет право быть хорошо рожденным». Если к ней добавить: «ребенок имеет право быть хорошо образованным» и может впоследствии предъявить иск своим родителям, которые зачали его, будучи больными, или не дали ему нужного образования и воспитания, имея на это возможность, то мы получим картину тех перспектив, которые открываются при следующих этапах культуры.

Для вопросов евгеники дала очень много ценного материала минувшая европейская война. Уже вскоре после возникновения последней, в ряде мелких нейтральных стран появилась мысль собрать все, что относится к влиянию войны на здоровье и на жизнь воюющих стран.

Попытка изобразить евгеническое влияние войны была сделана на русском языке проф. К. В. Караффа-Корбутом на основании тех материалов, которые дошли до нас за последнее время. Отмечаются: понижение рождаемости, увеличение смертности не только от безжалостного уничтожения себе подобных, от «травматической эпидемии», как говорят врачи, но и от блокады, недостатка питания и инфекционных болезней, свивающих себе прочное гнездо в тылу и на фронтах. В результате — сильное уменьшение более здоровых производителей с лучшими физическими свойствами, так как в виде пушечного мяса

отбирается не только здоровая часть населения, но и с лучшими психологическими чертами, ибо понятия о родине, самопожертвовании и т. д. несомненно отмечаются как высоко-этические черты. Увеличилось количество женщин по отношению к количеству мужчин.

Наполеоновские войны в свое время сказались на понижении роста французов. Вероятно и теперь временно произойдет ослабление нарождающегося заново поколения. Гражданские войны прибавили ко всему сказанному еще одну черту: были уничтожаемы в моменты взаимного недоверия и ожесточения квалифицированные политические работники, а это, с евгенической точки зрения, тоже особая порода людей, требующая к себе известного бережного отношения.

Война искусственно изменила нормальную вариационную кривую, где обе стороны — положительная и отрицательная — как бы взаимно компенсировали друг друга, и в результате осталось в живых больше малоценных единиц.

Очевидно, евгеника теперь особенно нужна Европе для улучшения ее породы, если она считает свою культуру заслуживающей сохранения. Пора, быть может, и у нас задуматься над теми законодательными попытками, которыми так богат Новый Свет. Пока, однако, Европа остается инертной в этой области и ведет, в лучшем случае, только линию изучения вопроса.

В нашем очерке мы не коснулись еще одного подхода к евгенике — системы поощрения плодовитости теми или иными способами. Особенно живо интересует этот вопрос те страны, где естественная прибыль населения постепенно падает. Классическим примером этого может служить Франция. Этому способствует развивающееся по преимуществу в рабочих кругах и среди более зажиточного класса стремление ограничивать число детей в силу экономических соображений.

Конечно, при развитии евгенических идей основная мысль должна быть воспринята широкими кругами. Брак, как духовное и экономическое объединение мужчины и женщины в семью, должен отграничиваться от рождения детей. При таком подходе, может быть, иногда жестоком и суровом, евгенические мечты могут быть осуществимы без нарушения этнических интересов отдельных лиц. Бороться же с уменьшением плодовитости можно различными путями.

Борьба с неомальтузианством, которое проповедует уменьшение числа детей, сильно развивается в ряде стран, но не приводит к цели. Больше пользы приносят законы, оберегающие беременных женщин от чрезмерного труда и эксплуатации.

Новая Зеландия выдает поощрительные премии за детей. Сравнительно недавно в Америке было внесено предложение разделить граждан

по числу детей на три категории. Бездетные платят налог в пользу государственных учреждений, призревающих детей; семьи, где мало детей, освобождаются от налога, но зато лишаются части наследства в пользу государства; многосемейные пользуются поощрительными премиями или по числу детей, или за детей свыше общего среднего числа детей, определяемого для семьи в 2-3 человека.

Мы подходим к концу нашего очерка и, конечно, должны коснуться вопроса о размерах евгенического движения у нас в России и об его задачах в будущем. Как во многом другом, мы и в этом вопросе очень сильно отстали. Только в крупных центрах — в Петрограде и Москве — трудами профессоров Ю. А. Филипченко и Н. К. Кольцова развивается и крепнет евгеническая мысль и намечается реальная теоретическая и практическая работа. Уже существует и евгенический журнал. Почин сделан, и нам хочется приветствовать пионеров этого дела. На их пути лежит много терний, ибо не только малокультурные массы населения, но и квалифицированные работники слишком далеки от этого круга идей. По крайней мере, тот недостаточный интерес, который пробудили анкеты этого рода среди ученых, ясно подчеркивает, что мы еще не дожили до этого. Тем больше славы тем, кто пробивает дорогу «евангелию будущего», как назвал евгенику Гальтон.

Остается пожелать, чтобы и наша республика со своими неограниченными возможностями пошла по стопам более юных стран и создала себе план для реального проведения евгеники в жизнь.

К. В. КАРАФФА-КОРБУТТ

ЕВГЕНИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВОЙНЫ

На мою долю выпала высокая честь занять ваше внимание на годовом акте Института традиционной речью. При выборе темы я позволил себе остановиться на попытке осветить пережитую войну, величайшую в истории человечества, с одной своеобразной стороны, именно с точки зрения евгеники. Мы ясно сознаем, что влияния и результаты войны чрезвычайно велики, глубоки и разнообразны, что они захватывают всевозможные стороны и уголки жизни человечества, что к изучению войны можно подходить с самых различных отправных пунктов. Политик, социолог, экономист, техник, психолог, гигиенист, - каждый представитель дифференцированного и углубленного знания изучает и долго еще будет изучать войну в плоскости своей науки, тщательно анализируя явления и собирая очищенный научной критикой материал, пока наконец не явится гений с мощным творческим синтезом и не создаст из этого материала цельной и яркой картины, не выведет обобщающей формулы или широкого закона, объемлющего все разнообразие последствий войны!

Уже с самого начала возникновения войны мысли некоторых исследователей были направлены в сторону возможных евгенических влияний, связанных с последствиями ее. Так майор Leonard Darvin, внук Чарльза и праправнук Франсиса Дарвина, в речи своей: «On the statistical Enquiries needed after the war in Connection with Eugenics», произнесенной 15 февраля 1916 г. в Лондоне, поставил 4 основных вопроса евгенического характера:

1. Какова будет степень расового повреждения после войны?
2. В какой мере это расовое повреждение будет проявляться в последующих генерациях?
3. Какими путями это расовое повреждение вызовет вредное влияние на нацию, как целое?
4. Каким образом лучше всего бороться с этими вредностями?

Не меньшее внимание вопросам евгеники и расовой гигиены, связанным с войной, посвящают ученые Франции, Северной Америки и, в особенности, Германии: в этой стране непрерывно появляются работы, посвященные интересующей нас теме.

Но, прежде чем перейти к анализу генетических влияний войны, позвольте сделать небольшое введение, которое представляется необ-

ходимым в виду малого распространения общих сведений из области евгеники, являющейся еще весьма молодой и мало разработанной частью гигиены.

В самом деле, что такое евгеника? На этот вопрос трудно дать общепризнанный ответ, так как различные исследователи неодинаково определяют объем и содержание понятия «евгеника». Создатель этого термина и один из основателей евгенического знания, Ф. Гальтон утверждал, что евгеника есть наука, имеющая целью облагородить человеческую породу путем сочетания здоровых и беспорочных производителей и устранения от производительности всех тех, кто мог бы передать по наследству какие-либо нежелательные свойства.

Немецкие авторы, охотнее пользующиеся термином «Rassenhygiene» - расовая гигиена, чем «евгеника», значительно расширяют область ведения евгеники, захватывая в нее динамику и статику населения, селекционное учение, охрану материнства и младенчества, вопросы школьной гигиены. Такова, например, детально разработанная схема Плётца. Полагаю, однако, что было бы правильнее сузить такое широкое понимание евгеники немецкими авторами, но в то же время расширить Гальтоновское представление, давши термину такую дефиницию:

Евгеникой называется та часто гигиены, которая имеет своим предметом изучение всех прямых и косвенных генетических влияний, изменяющих наследственные свойства человека, как в положительную, так и в отрицательную сторону; цель же евгеники составляет как предупреждение и устранение отрицательных, так укрепление и отбор положительных генетических влияний, в результате чего должно происходить улучшение физических и психических свойств человеческих коллективов.

В этом определении под названием генетических влияний мы подразумеваем как наследственные признаки, называемые иначе факторами или генами, так и все влияния, изменяющие свойства зародышевой плазмы и таким образом сказывающиеся на совокупности наследственных свойств.

Как видно из определения, евгеника находится в тесной связи с учением о наследственности. И действительно, генетика, являющаяся физиологией изменчивости и наследственности, дает нам основной базис, на котором покоится все здание евгеники. Из обширного материала, даваемого нам вариационной статистикой и биометрикой Пирсона, законами наследования, генеалогией, патологией и общественной медициной, мы должны выбрать несколько основных вопросов, важных для евгеники, а краткий анализ которых сделает нам понятным дальнейшее изложение.

Для установки основных положений для нас весьма важен вопрос, взятый из общего селекционного учения, а именно: вырождается ли современное население Европы?

На этот вопрос специалисты по расовой гигиене дают различные ответы. Брон в своем труде «Les origins socials de la maladie» дает положительный и категорический ответ: да, человеческие расы находятся на пути к дегенерации, и главная причина ее лежит в социальных условиях существования современных культурных народов. Такое крайнее мнение разделяется и некоторыми другими исследователями, например, Аммоном по отношению ко всему обществу в целом или к отдельным его классам.

Другие авторы, наоборот, не усматривают явлений дегенерации в населении Европы, а видимое возрастание стигматов вырождения, как например: увеличение числа душевнобольных, возрастание с года на год процента забракованных для военной службы, повышение самоубийств, сильное понижение рождаемости и т. д., объясняют причинами социального и физиологического характера. На такой точке зрения стоят Грубер, Шалльмайер, Рюдин и др. Иные исследователи, как Гольдштейн, придерживаются среднего между этими крайними воззрениями.

Следовательно, к моменту возникновения войны вопрос о дегенерации европейского населения оставался открытым. Вполне естественно возникает мысль, не является ли война тем моментом, который вывел население Европы из состояния евгенического равновесия, во всяком случае неустойчивого и с трудом сохраняемого, и толкнул его в сторону бесспорного вырождения? Ответ на этот вопрос попытаемся дать позднее.

Другим важным вопросом, выдвинутым еще Г. Спенсером, наметим следующий: в какой мере естественный отбор, являющийся евгеническим фактором, повышающим ценность расы, устраняется или искажается социальными условиями существования человеческих коллективов и одновременно замещается явлениями контраселекции?

Не останавливаясь на рассмотрении этого обширного вопроса, укажу только, что ответ на него дается, в общем среднем, в положительном духе, т. е. условия человеческих общежитий искажают естественный отбор и дают обширную возможность размножению так называемых «минус-вариантов» или «нисходящих вариаций», иначе говоря — людей, обладающих отрицательными физическими и психическими свойствами. С другой стороны, в человеческих обществах нередко обнаруживается контраселекция в форме контраселекторной элиминации, т. е. устранение ценных элементов вследствие именно их особенной ценности, и контраселекторной селекции, т. е. отбор и переживание малоценных

элементов вследствие именно их особенной малоценности. Интересно указать, что Плётц и Гольдштейн в контраселекторной элиминации особенно большое значение придают именно воинской повинности и войне.

Третий основной вопрос, определяющий размер области теоретического изучения и практического применения евгеники, представляется в следующей форме: передаются ли по наследству приобретенные свойства индивидуума?

И на этот вопрос даются диаметрально противоположные ответы. В то время как Ламарк и Дарвин признавали наследование признаков, приобретенных организмом в течение жизни под влиянием внешних воздействий или употребления и неупотребления. Вейсман и его школа совершенно отрицают возможность передачи по наследству приобретенных свойств. Если встать на точку зрения Вейсмана, то вся евгеника сводится к культивированию зародышевой плазмы.

Обращаясь к вопросу о наследственности у людей, мы должны прежде всего подчеркнуть, что она подчиняется общим законам менделистического наследования, т. е. правилу доминирования и промежуточного гибридизма, закону расщепления, правилу независимости генов и т. д.

При наследовании патологических уклонений, признаки могут быть так же, как и других организмов, доминантными или рецессивными; к первой группе относятся брахидактилия и полидактилия, гипоспадия, диабет и т. д. К болезням рецессивного характера относятся эпилепсия и слабоумие. Весьма интересную особенность в учении о наследственности и важную в евгеническом отношении составляют такие болезни, как гемофилия и дальтонизм, наследование которых связано своеобразными отношениями с полом.

Наконец, следует указать, что для евгеники большое значение имеют, кроме параллельной индукции, также явления, выражающиеся в воздействии внешних условий существования или различных специфических факторов на зародышевую плазму в смысле изменения ее свойств, хотя бы на протяжении одной или двух генерацией; для таких явлений я предложил бы название генетической индукции, относя к ней различные инфекции, как например, сифилис или туберкулез, далее интоксикации (алкоголизм, промышленные отравления свинцом, ртутью, фосфором), физиологические условия (характер питания, голод, низкая или чрезмерно высокая температура), психические воздействия, как то: длительный страх, беспокойство, заботы и т. д. Изучение многообразных условий генетической индукции должно войти в область нашей науки, а условия эти квалифицироваться, как евгенические.

Сделавши предварительные замечания, обратимся к евгеническому анализу явлений войны, причем под войной мы будем подразумевать

совокупность вооруженных столкновений в борьбе национальной, гражданской и классовой.

Прежде всего посмотрим, как характеризуется война с точки зрения евгенической селекции. Нет сомнения, что такое социальное явление, как война, должно отразиться на отборе и прежде всего в направлении неселекторной элиминации, т. е. в уменьшении населения страны вследствие безвыборного уничтожения как ценных, так и малоценных элементов; так, нужно считать, что население Германии, Австро-Венгрии, Франции и Англии потеряло за время войны, в круглых цифрах, 17 миллионов человек, включая сюда убитых, умерших вследствие повышения смертности сверх средней нормы и неродившихся вследствие понижения рождаемости. Для России только за четыре года — 1917-1920 — аналогичное число превышает по приблизительному расчету 30 миллионов человек.

Селекторная элиминация, т. е. устранение из жизни нации малоценных элементов, во время войны выражена в сравнительно слабой степени, так как эти элементы подвергаются меньшей опасности, чем плюс-варианты. Наоборот, контраселекционная элиминация выявляется во время войны в особенно резкой степени, так как воинская повинность извлекает из населения наиболее здоровую часть мужчин в рабочем возрасте, а из призванных — наиболее мужественные, благородные и самоотверженные индивидуумы с развитым альтруистическим чувством подвергаются большей опасности и погибают в большем числе. А число элиминированных мужчин достигает огромных цифр; именно, за последнюю войну, убито и умерло от ран воинов:

в Германии	2.100.000
в Австро-Венгрии	1.500.000
во Франции	1.400.000
в Англии с колониями	1.060.000
Всего	6.060.000

Наконец, контраселекторная селекция, т. е. отбор малоценных элементов, тоже должна иметь место в стране во время военных действий, так как подобные элементы сознательно и всеми доступными им средствами избегают опасностей, связанных с исполнением гражданского долга.

Понижая рождаемость, война затрудняет явление естественного отбора. Согласно данным Дюринга, абсолютные числа рождений в воевавших странах за 5 лет выражаются следующими цифрами (в тысячах):

	1913 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Австро-Венгрия	1.680	1.160	795	745	715
Франция	605	387	315	343	361
Великобритания	1.106	1.024	987	852	848
Германия (Пруссия, Саксония, Бавария)	1.504	1.151	851	767	776

Мы видим, следовательно, что в общем число рождений в западноевропейских странах уменьшилось почти на половину, причем есть основания предполагать, что генерации, явившиеся на свет во время войны, дадут вариационные кривые более низкие, а может быть даже асимметричные в сторону минуса, т. е. с большим относительным числом нисходящих вариаций по сравнению с генерациями мирного времени.

Убыль мужчин и высокая смертность детей и стариков, которая обычно сопровождает войны, изменили половой и возрастной состав населения.

Действительно, половой состав населения, для некоторых стран, в возрасте от 18 до 45 лет, выражается для двух лет — 1913 и 1919 — следующими цифрами:

На 100 мужчин приходилось женщин:

	1913 г.	1919 г.
Германия	101	118
Англия	108	117
Франция	102	123
Австро-Венгрия	105	123

В некоторых местностях центральной России, по вычислениям З. Г. Френкеля, приходилось на 100 мужчин даже 152 женщины.

Таким образом оказывается, что в населении Европы вследствие войны замечается резкое преобладание женщин; этот факт, помимо извращения естественного полового отбора, обуславливает отрицательное евгеническое значение тем, что привлекает женщин к целому ряду работ и производств, в которых они раньше не принимали участия вследствие необходимости большого физического напряжения или потому, что подобные производства соединяются с профессиональными вредностями, особенно гибельно действующими именно на женский организм. С другой стороны, замена мужской рабочей силы женской содействует дальнейшему уменьшению числа вновь основываемых се-

мей, а в развитии семейной жизни Шалльмайер видит одно из наиболее сильных положительных евгенических средств в современном обществе.

Обратимся теперь к рассмотрению генетических влияний, связанных с войной. К факторам параллельной индукции, действующим отрицательно на зародышевую плазму, нужно отнести прежде всего голодание и охлаждение; последнее — в связи с недостатком топлива и разрушения большого числа жилищ в местах, захваченных военными действиями.

Факт голодания большей части населения Европы вполне установлен, причем больше всего страдает население России, затем следует население Австрии и Германии. Голодание вызывало не только уменьшение величины и веса, но обусловливало даже появление мутаций, передающихся по наследству. Первый из этих результатов и теперь уже обнаруживается вполне ясно: так, например, вес новорожденных в Германии во время войны в среднем на 500 грамм меньше веса новорожденных до войны; вес детей, поступающих в школу, в среднем меньше на 2500 грамм, чем был вес таких же детей в довоенное время; средний рост школьников понизился на 2 сантиметра. В Петрограде вес новорожденных в городских родовспомогательных учреждениях также значительно понизился.

Интересные данные о влиянии войны на средний рост нации мы находим в работах Брока, именно, понижение роста, констатированное у поколения французов, родившихся после Великой революции и Наполеоновских войн, не выровнялось до настоящего времени; так, призывные 1836 года, родившиеся в 1816 г., имели средний рост 1642 миллиметра, а призывные 1846 г. — 1647 миллиметров; за 10 лет замечено увеличение роста на 5 миллиметров, однако, и до возникновения войны 1914 года средний рост французов не достиг дореволюционных норм — 1667 миллиметров. То же самое нужно сказать относительно веса и объема груди призывных. Числовые индексы у послевоенных генераций обнаруживают тенденцию к увеличению, что указывает на ослабление физического сложения организма.

В каком направлении проявятся другие минус-варианты биометрического характера, как то: жизненная емкость легких, рефракция глаз, сила мышц и т. д., покажут нам данные вариационной статистики ближайшего будущего. И здесь мы можем ожидать, что нормальная биноминальная кривая распределения перейдет в асимметрическую форму с понижением модуса и удлинением левой части кривой.

Уже цитированные опыты Тауэра доказали, что организмы особенно сильно реагируют в смысле индукции на низкие температуры в период созревания половых элементов. Если позволительно перенести эти данные на людей, то холод, которому подвергаются дети и под-

ростки, является важным генетическим фактором, способным ухудшить наследственные детерминанты у наступающих генераций.

Огромное значение имеет повышение общественной восприимчивости, вследствие ухудшения жизненных условий под влиянием войны, к различного рода инфекционным заболеваниям и прежде всего к туберкулезу. Действительно, мы уже располагаем данными, указывающими на чрезвычайно широкое распространение туберкулеза среди населения стран, участвовавших в войне. Так, в Германии смертность от туберкулеза повысилась на 100-180%. В Берлине из каждых двух детей один оказывается страдающим этой болезнью; при этом интересно указать, что, вследствие кахектичности детей, обычная диагностическая реакция не получается часто у туберкулезных детей, почему приходится прибегать к более чувствительным туберкулезным реакциям. В Вене умерло от туберкулеза в 1912 году всего 2.725 женщин, а в 1918 году — 5.018 женщин. Во Франции после войны в год погибает от туберкулеза более 100.000 человек, что составляет убыток для страны свыше 50 миллиардов франков. Но, помимо этого непосредственного убытка, еще более опасно для нации то обстоятельство, что хотя туберкулез по наследству и не передается, да и не может передаваться, как всякая другая инфекция, но тем не менее оказывает отрицательное евгеническое влияние, так как потомство туберкулезных родителей резко уклоняется в сторону нисходящих вариаций по сравнению с потомством здоровых родителей.

Война содействовала широкому распространению венерических болезней; особенно сильно венеризировалось население тех мест, где происходили военные действия. Сильно распространился сифилис и среди войск; есть, например, указание, что каждый 5-й немецкий солдат, бывший на фронте, заболевал сифилисом. А мы хорошо знаем, как сифилис влияет на потомство больных родителей; не говоря уже о возможности врожденного (но не наследственного!) сифилиса, и помимо этого дети сифилитиков являются элементом, малоустойчивым против многих заболеваний, и дают большой процент среди душевнобольных и преступников.

Малярия также весьма сильно распространилась в России, вследствие передвижения масс населения в связи с войной. Так, в 1915 году мне удалось установить случай заражения комаров вида anopheles плазмодиями малярии, которые были принесены больными солдатами из состава Кавказской дивизии, переведенной в Польшу и расположенной на р. Бзуре; в результате этого, малярия стала распространяться среди гражданского населения в таких местностях, где до войны случаев заболеваний малярией не было. В настоящее время болотная лихорадка сильно распространяется в Северной России, в частности и в Петро-

граде. При исследовании состояния здоровья транспортных рабочих на Северной Двине 72% их обнаружили явление малярии.

Малярию же мы имеем полное основание причислить к факторам «генетической индукции», так как болезнь оказывает влияние не только на самого зараженного ею, но и на его потомство, которое обнаруживает значительно меньшую устойчивость по отношению к целому ряду заболеваний.

Эти факты из области антропологии приобретают для нас особенное значение, если мы представим себе, в какой мере изменена обычная жизненная обстановка детей в переживаемый нами исторический момент.

Мы знаем, что Гольдштейн склонен объяснить многие отрицательные, с точки зрения евгеники, явления нервозностью, вызванной чрезмерными требованиями современной городской жизни к нервной системе человека. Война в этом отношении, конечно, несравненно превышает хотя бы самую кипучую жизнь промышленных городов в мирное время, и требования, предъявляемые войной к нервной системе, настолько интенсивны и обширны, что резкое исчерпание ее представляется для нас вполне понятным, а отсюда и развитие нервозности общества в воевавших и воюющих странах.

Военная обстановка, в которой элемент насилия, хищничества и бесправия выявляется в особенно резкой степени, быстро вытравляет сознание права, привитое нам воспитанием, и внедряет в участников хищные навыки первобытного человека, которые затем переносятся и в мирную обстановку, а измененные под влиянием обстановки инстинкты могут передаваться по наследству. Поэтому, мы в праве ожидать, что многие участники войны не только сами сохранят приобретенные навыки, но передадут измененные инстинкты своему ближайшему потомству и таким образом увеличат в нации число элементов с нисходящей психической вариацией (асоциальные элементы).

Особенно резко уменьшается рождаемость у представителей интеллигентных классов; с другой стороны, именно среди них война вырвала наибольшее процентуальное число жертв. Грубер, отмечая еще до войны низкую рождаемость у работников интеллектуальных профессий и у лиц, особенно богато одаренных духовно, говорил, что это обстоятельство ведет к «опрощению нации». Ясно, что война в резкой степени ускорила процесс «опрощения» европейских народов.

Суммируя все сказанное, мы можем утверждать, что война является фактором, стимулирующим процессы расового вырождения. Мы знаем, что Великая революция и Наполеоновские войны нанесли французскому народу такую тяжелую рану, после которой он не мог вполне оправиться; Франция была — «nation blessee», и, что особенно

важно, потеряла свою генеративную потенцию, стала быстро отставать, в смысле увеличения народонаселения от своих соседей; франко-прусская война нанесла стране еще одну тяжелую рану, после которой совершенно прекратился рост нации в целом. Можно думать, что законченная война, хотя и победоносная, обречет страну на медленное, но неизбежное вымирание, если только Франции не удастся провести в жизнь чрезвычайных мероприятий евгенического характера.

В качестве ближайших результатов войны, мы можем ожидать следующих изменений: с соматической стороны: понижение среднего роста и веса индивидуумов нации, понижение мышечной силы, повышение заболеваемости и смертности, уменьшение рождаемости и прироста населения, увеличение гибридных форм — словом, увеличение минус-вариантов физического характера.

С нервно-психической стороны: увеличение числа душевных заболеваний и самоубийств, повышение нервных заболеваний и нервозности, стоящей на границе патологии, повышение преступности, понижение успешности школьных занятий, уменьшение числа духовно-одаренных лиц и, наоборот, повышение числа умственно-недоразвитых, - одним словом, увеличение минус — вариантов психического характера.

Таково евгеническое значение пережитой нами войны. Возможно, что у многих уважаемых слушателей возникнет вопрос: как мы можем бороться с отрицательными евгеническими последствиями войны? Но ответ на этот вопрос не входит в задачу моей сегодняшней речи. Скажу только, что в необычайно сложном комплексе мер политического, экономического, социального и санитарного характера и для евгеники, этой молодой отрасли научной гигиены, необходимо отвести подобающую ей роль.

Темно и мрачно ближайшее будущее наций, переживших мировую войну; но мы, стоящие на вершинах научного знания, уже видим первые слабые лучи, исходящие от светила, которое находится еще под горизонтом, но неминуемо должно взойти над темным и бедным человечеством, принести ему свет, тепло и счастье в свободном и радостном труде. Светило это — наука. И тот, кто посвящает свою жизнь развитию научного знания, находит удовлетворение в сознании того, что он строит благоденствие грядущих поколений, а научное учреждение, дающее ему возможность посвящать свой труд развитию знания, вызывает у научного работника чувство особой любви и признательности; этим чувством мы оживлены и к клиническому институту — одной из ступеней великой лестницы, ведущей нас к далекому идеалу совершенной науки.

А. И. Крюков

О ДЕГЕНЕРАЦИИ ЧЕРЕПА

(Доклад на съезде анатомов, гистологов и антропологов в Москве 1925 года)

Занявшись исследованием черепов у самоубийц, мне пришлось наблюдать часто встречающиеся изменения, как признаки дегенерации, преимущественно в строении черепа и менее в других органах, как то: в мозговых оболочках, мозге, извилинах его, в весе, в асимметрии полушарий, в соотношении объема мозга с вместимостью черепной коробки, в количестве цереброспинальной жидкости в желудочках и подпаутинном пространстве, в аномалии лимфатических и эндокринных желез, в калибре аорты, в строении внутренних парехиматозных органов и др. Черепные изменения, как превалирующие, чрезвычайно часто комбинировались с другими признаками дегенерации и привлекали особое внимание при исследовании.

Цель моих исследований была попытка хоть отчасти уяснить причины ужасного явления самоубийств, не объяснимых до сих пор ни с какой односторонней точки зрения.

Не являются ли признаки дегенерации как более или менее достоверные стигматы того или другого ненормального проявления психической деятельности и не зависят ли они от того или иного уклонения от нормальных условий нашей жизни, в результате которых может быть гениальность, талант или выдающиеся способности, или же обратно — сумасшествие, массовые психозы, самоубийство, преступность и другие проявления дикой разнузданности.

Служат ли стигматы дегенерации, как достоверные признаки ненормального проявления психики, на это можно многое возразить; но, что эти признаки указывают вообще на дегенерацию, это едва ли подлежит сомнению. Огромное число психиатров этот вопрос решают положительно. Изучение строения черепов психических больных, морально дефективных людей, явных дегенератов, преступников, самоубийц, погибших при несчастных случайностях, внезапно умерших при инфекциях и т. п. с несомненностью установило значительные анатомо-физиологические изменения в черепах подобных субъектов.

Долгое изучение, около 30 лет, черепов как самоубийц, так и умерших от других причин на громадном числе судебно-медицинских вскрытий

привело меня к глубокому убеждению, разделяемому многими судебными медиками Московской школы (Минаков), что дегенерация, особенно черепа, коснулась не только лиц, так или иначе покончивших жизнь, но захватила поражающее число людей на вид почти нормальных. Отсюда невольно напрашивается мысль, да не следует ли считать так называемые признаки дегенерации за нормальное строение черепа, а отсутствие их за ненормальность. Решение этого вопроса существенно важно не только как научный факт, но огромно для человечества, как фактор социологический. Не является ли переоценка исторического роста культуры народов в тесной связи с его анатомо-физиологическими факторами развития.

Не касаясь детально обширной литературы по вопросу о дегенерации, укажу, что уже в 1857 году Morel считал дегенерацию, передающуюся по наследству, как причину душевных болезней. Многочисленные ученые (Arndt, Moebius, Metzger, Lomboso, Гризенгер и др.) также подтверждают связь душевных заболеваний с наследственною дегенерациею. Собирание данных о наследственной дегенерации сопряжено с большими трудностями и процент наличности ее колеблется у различных авторов от 4 до 90% (Морозов). Причина этого лежит в различном толковании признаков дегенерации, сущность которой, несмотря на многочисленные теории, по заявлению Дарвина, до сих пор не выяснена. Как бы ни велика была разница взглядов на признаки дегенерации, связь их с изменениями психической деятельности признается большинством психиатров.

«Хотя анатомические изменения черепа, - говорит Корсаков, - нельзя считать непосредственною причиною душевных заболеваний, но они в большинстве случаев указывают на неправильность физиологических процессов в черепе, обуславливающую молекулярные изменения в нервных клетках коры».

Из физических признаков дегенерации почти всеми на первое место ставятся деформации черепа, принимаемые отчасти за отличительные расовые признаки (долихоцефалия, мезоцефалия, брахицефалия и др. подразделения); со стороны лица: изменения челюстей (прогнатизм), носа (уродливость, потеря обоняния), глаз (астигматизм, дальтонизм, косоглазие и др.), рта (заячья губа, волчья пасть, увеличение или уменьшение языка, аномалии зубов), со стороны уха (Морелевское, Вильдермута, Дарвина), туловища (гигантизм, нанизм), конечностей (полидактилия, синдактилия, плоская стопа и др.), половых органов (крипторхизм, монорхизм, инфантилизм), со стороны кожи (родимые пятна, дермографизм, часто следы татуировки и рубцы), со стороны волос (облысение, гипертрихоз); сюда относятся, изменения со стороны голоса и речи (заикание, картавость, детский голос) и, наконец, изменения общего вида и строений внутренних органов (Корсаков С.).

Особенно должны нас интересовать изменения в черепе, как более частое и наглядное выражение дегенерации, и значение его для психики.

Насколько тесна связь изменений черепа с психическою деятельностью, вопрос не только далеко неразрешенный, но он едва намечен; да и к тому же граница нормального человека от душевно больного с точностью не проведена. Наиболее часто, по характеру нашего материала, приходилось наблюдать дегенеративные изменения при вскрытии черепов у самоубийц, особенно в детском, юношеском и молодом возрасте: первое, что бросается в глаза, это ассиметрия черепа, нередко увеличенный объем правой половины черепа с превышением полушария мозга над левым, вопреки норме.

Уже при распиле черепа чувствуется сильное истончение черепной крышки (от 1 до 3 милл. толщиной) с значительным, нередко полным исчезновением губчатого вещества (dyploe) в молодом и даже детском возрасте. При рассматривании черепной крышки на свет видно местами поразительное истончение кости (до толщины листа пищей бумаги) даже в местах вне пахионовых грануляций и на основании черепа. Отсюда само собой выступает громадное судебно-медицинское значение такого истончения черепа при повреждениях его.

При осмотре внутренней поверхности черепа отмечается ее неровность, шероховатость, бугристость, как бы отпечатки концов пальцев при скульптурной работе.

Отпечатки сосудов твердой мозговой оболочки глубоки, резки, как у стариков, несмотря на полное отсутствие склероза сосудов. Отпечатки мозговых пазух резче выражены, углублены в виде долин с поднятыми над поверхностью и подрытыми иногда краями.

Но особенно резки изменения основания черепа — это гребешки и вдавления (impressiones degitatae et juga cerebralia), они поражают иногда своей величиной, рельефностью, частотой расположения, остротой верхушек (легко поранить о них палец при извлечении мозга); одновременно вдавления между гребешками сильно выражены, углублены, как бы оттиснуты чаще более интенсивно в передней части основания и реже в задней.

Все эти изменения, по-видимому, связаны с преждевременными сращениями черепных швов, о чем подробно говорит в своей работе Дзержинский. От более раннего сращения швов зависит большая интенсивность развития гребешков и вдавлений на основании черепа: чем раньше совершается зарощение швов в периоде наибольшего роста мозга, тем, конечно, резче изменения в кости черепа от давления растущего и сдавленного мозга.

Если зарощение швов происходит незадолго до окончания роста мозга, то указанные изменения основания и крышки черепа могут

быть слабо выражены, что и наблюдается у самоубийц в преклонном возрасте (50-60 лет).

Из своего многочисленного материала по вскрытию детей, умерших от разных причин внезапно, ранее сращение швов наблюдалось в возрасте 5-10 лет, а у самоубийц 12-15 лет эти сращения особенно резки.

Сращение черепных швов бывало самою частою находкою при вскрытии самоубийц, хотя при других видах смерти не является исключением, особенно при внезапной смерти от несчастного случая (попадание под автомобиль, трамвай и т. п.), при чрезвычайно быстро протекающей инфекции и других.

Как причину быстрой внезапной смерти, особенно в грудном и детском возрасте, указывают на состояние лимфатической конституции (Status thymicolymphaticus), что почти всегда было находимо при повышенном внутричерепном давлении от преждевременного синостоза швов при развивающемся мозге.

Частое применение наличия Status thymicolymphaticus для объяснения внезапной смерти повело даже к скептическому отношению на важность этой причины, так как некоторые наблюдатели отмечают увеличение зобной и других желез у здоровых людей в армии.

По нашим наблюдениям на первый план из причин внезапной смерти надо постави уменьшенное запасное пространство в черепе для цереброспинальной жидкости, находящейся в мозговых желудочных и в подпаутинном пространстве.

Это уменьшение зависит от сдавления мозга неподатливой черепной коробкой при преждевременном сращении швов в раннем и молодом возрасте. Доказательством чего может служить измерение веса мозга до вскрытия желудочков и после вскрытия с опорожнением из них жидкости, которая при разрезах мозга почти целиком удаляется. Нередко вес мозга до и после вскрытия остается один и тот же, или немного (1,0-3,0) теряет.

По Косоротову признаки давления на мозг обнаруживаются ясно при кровоизлиянии в черепе около 50,0, а свыше 100,0 угрожают смертью.

Гофман придает важное судебно-медицинское значение «свободному промежутку» при образовании гематом черепа.

При определении запасного пространства у недегенеративных черепов, по нашим наблюдениям, посредством взвешивания мозга до и после его разрезов достигало в среднем 20,0-50,0, а иногда 100,0 и более.

Придавая громадное значение правильному оттоку и притоку крови и лимфы к мозгу, правильному удалению продуктов деятельности мозговой ткани, мы видим, что психическая деятельность индивидуума весьма различна (одни люди не в состоянии выносить умственное на-

пряжение часами, тогда как другие могут без перерыва почти сутками проявлять высокое умственное напряжение), и способны при нормальных условиях применяться к бесчисленным внешним влияниям. Раз нет нормальных анатомо-физиологических построений черепа и мозга, весьма легко наступает расстройство психической деятельности независимо всецело от каких-либо внешних условий, непосредственно, как таковых. Примером этого могут служить частые обмороки у слабых субъектов.

Примеры внезапной смерти при дегенеративном черепе нам приходилось видеть неоднократно как при судебно-медицинских вскрытиях, так и при патологоанатомических. Зарастание швов черепа обычно идет изнутри, сначала через фиброзную ткань, в которой постепенно происходит оссификация. Эта оссификация, по-видимому, распространяется и на губчатое вещество черепных костей, которое по большей части и в молодом возрасте исчезает, уплотняется, склерозируется.

Заращение черепных швов может быть общим, но чаще изолированным, иногда только в периоде срастания в виде отдельных участков.

По нашим наблюдениям чаще всего сростается стреловидный шов или изолированно, или в связи с венечным и реже затылочным.

При мацерации дегенеративного черепа (где при вскрытии швы снутри или незаметны, или имеют довольно прямую линию) швы делаются легче различимы, но почти всегда зубчатость швов внутри отсутствует, снаружи она может быть ясно обозначена. В иных случаях, а таких немало, черепные швы как до мацерации, так и после, остаются слабо различимы в виде следов и делаются такими прочными, что при замораживании черепа у самоповесившихся трещины черепа проходят то по сращенному шву, то параллельно ему. Генезис преждевременного сращения швов и происхождение от того деформации черепа довольно темен и зависит, по всей вероятности, от многих и разнообразных причин. Bonnet объясняет преждевременное сращение швов рахитом; Virchow, Welcker, Бавли и др. полагают, что стреловидный шов срастается от воспалительного процесса теменных костей; в последнее время значительную роль в этом процессе приписывают кальцию.

По-видимому, преждевременное срастание швов зависит от нарушения обмена веществ в виде рахита, сифилиса, кахексии, общего недоразвития, влияния эндо и экзогенных ядов и т. п., словом, все причины, нарушающие правильность окостенения в эмбриональном и младенческом возрасте.

Подтверждением этого воззрения, по-моему, могут служить более частые случаи самоубийств у северных народов, чем у южных, у которых рахит и кахексия встречаются реже, благодаря климатическим условиям.

Экспериментальные данные также могут указывать на причину раннего зарастания швов, так: Gudden получал искусственное срастание швов путем перевязки яремных вен, что гармонирует с влиянием венозной гиперемии на изменения в костях.

Virchow также полагает, что синостозы зависят от застойных процессов. Krauss ставит синостозы в связи с рахитом; Anton думает, что эндо и экзогенные яды играют значительную роль в образовании синостозов аналогично с расстройством желез внутренней секреции.

Таким образом, из приведенного можно видеть, что влияние преждевременного сращения черепных швов и вызванные тем изменения черепа могут проявляться самими разнообразными симптомами как соматическими, так и психическими.

Из болезненных проявлений дегенерации черепа в зависимости от преждевременного срастания швов надо указать на резке изменения со стороны глаз.

Так отмечается экзофтальм вследствие укорочения глазницы, переднего наклона верхней ее стенки. Описаны случаи вывиха глаз при сильном экзофтальме и развитие кератита от недостаточного закрывания глаз веками (Очаковский и Hochgeschurz). Второе по частоте явление от синостоза швов это слепота от застойного воспалительного процесса зрительного нерва, чаще в младенческом и детском возрасте; при этом острота зрения может падать до амауроза, хотя оба глаза могут поражаться неодинаково.

Все эти явления объясняются повышенным внутричерепным давлением, увеличенным, по заявлению Behr'а в 2-3 раза против нормы.

Частым признаком повышенного внутричерепного давления при преждевременном срастании швов удавалось установить из расспросов родственников самоубийц: крайняя неустойчивость психики, легкая раздражительность и возбудимость, изменчивость настроений, неравномерность в работе, неуравновешенность в обыденной жизни, припадки душевной тоски и бурного мало мотивированного веселья, отсутствие упорного достижения цели, иногда полное безволие наряду с жестокостью, доходящей до зверства; при этом нередко выдающиеся способности, проявление гениальности или талантливости (Цезарь, Магомет, Наполеон страдали эпилепсией; Парацельс, Вальтер Скотт, Гумбольдт имели деформированную голову; Лев Толстой страдал припадками и боролся долгое время с попытками самоубийства, и многие выдающиеся люди или имели признаки душевной болезни, или отягченную психическую наследственность — Гоголь, Лермонтов, Достоевский, Писарев, Успенский, Гаршин, Есенин и многие другие).

Из более слабых признаков дегенерации черепа отмечались: головные боли, рвота центрального характера, судороги, головокружение,

коткрактуры шейных мышц, слабость в ногах, спастическое явление, повышенные рефлексы и др.

Иногда во время этих припадков может внезапно наступить смерть не только у детей во время прорезывания зубов, ларингоспазме, острых лихорадочных заболеваниях. Это особенно важно знать при судебно-медицинском исследовании причин внезапной смерти. Что наряду с явлениями отсталости в психике, анормальности ее, дебильности, дементности, имбецильности и даже идиотизма в силу повышенного внутричерепного давления при раннем срощении швов, наблюдается и относительно полное неповреждение психики, несмотря на слепоту. Такое явление отмечали многие авторы.

Таким образом, идиотизм и сумасшествие, с одной стороны, а даровитость и гениальность, с другой, можно допустить, имеют одну и ту же причину в изменении черепа, и что от гениальности к сумасшествию, как уже давно сказано психиатрами, один шаг.

Объем черепной коробки и resp. мозга, по наблюдениям многих исследователей, больше у душевнобольных, чем у душевноздоровых той же расы и соответствующего возраста (Корсаков С.). Это обыкновенно приходилось и нам отмечать у самоубийц, судя по весу мозга, так средний вес мозга самоубийц был около 1500,0, нередко достигал 1720,0-1860,0.

К дегенеративным черепам следует отнести значительно реже встречающиеся у самоубийц чрезмерно утолщенные стенки черепа (от 1 до 1½ сант. толщиной); кости их тяжелы, плотны, с прочно зарощенными швами, со слабо выраженными гребешками и вдавлениями на основании и сравнительно гладкою внутреннею поверхностью. Полагаю, что дегенерация черепа коснулась огромного числа лиц (я имею в виду население Москвы), и что она сравнительно не часто проявляется резкими болезненными симптомами и определяется часто случайно на вскрытии подобно туберкулезу, который, по мнению патологоанатомов, встречается чуть ли не в 100% умерших (Гамбурцев), а смертность от него 0,07%.

Очень важно иметь большее число наблюдений при вскрытии черепов более или менее выдающихся в умственной деятельности, чтобы осветить, уяснить сложную область человеческой психики. В подтверждение выше изложенного я могу иллюстрировать примерами из своих наблюдений: при вскрытии известных профессоров Л. Щ. Даркшевича и проф. М. А. Перроте найдены сравнительно небольшие мозги (у пер. 1360,0, у второго 1350,0) особенно в сравнении с мозгами одновременно вскрытых милиционера, самоубийцы (1640,0) и опившегося возчика (1540,0). Упомянутые профессора известны не только как даровитые ученые, но и как деликатные уравновешенные люди: в их черепах не было никаких признаков дегенерации.

А. С. СЕРЕБРОВСКИЙ

АНТРОПОГЕНЕТИКА И ЕВГЕНИКА В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Медико-биологический журнал. Вып. 5. М., 1929 г.

Начиная работу Кабинета наследственности и конституции человека при Медико-биологическом институте, главнейшей задачей которого должно явиться широкое изучение антропогенетики, необходимо определить в общих чертах то место, которое должна занять антропогенетика в жизни социалистического общества.

Каково прежде всего содержание антропогенетики? Занимаясь изучением генетики человека, то есть одного из животных организмов, антропогенетика является таким образом частной генетикой и по общей схеме распадается на следующие главнейшие отделы: теоретические — аналитический, топографический и географический, или геногеографию, и прикладной — евгенику. В задачи аналитической генетики человека входит изучение и генетический анализ всех его наследственных признаков, тех различий, которыми разные люди наследственно различаются между собой. В конечном счете, в результате такого генетического анализа должны быть выделены те многочисленные отдельные гены, которые своими уже необозримо-многочисленными комбинациями создают многообразие человеческих организмов. Согласно теории генетики, число возможных комбинаций генов выражается краткой, но вдохновенной формулой

$$N = 2\ п,$$

где N есть то число возможных комбинаций генов или иначе число возможных наследственных типов человека[2], которое может быть получено из п — числа генов. Так, из 2 генов А и В может быть получено 4 комбинации (АВ, Аb, аВ и аb, где большие буквы означают наличие, а малые — отсутствие данных генов). Мы назвали эту формулу вдохновенной потому, что число 2 п по мере увеличения числа генов п стремительно растет и уже при п=100 достигает непредставимых размеров. Так как в различиях между людьми участвует несомненно не один, а несколько сот генов, то мы обнаруживаем, что число возможных комбинаций человеческих генов в неисчислимое число раз превосходит все число людей когда-либо существовавших на земле, и

если мы когда-либо найдем методы сознательного получения тех или иных комбинаций человеческих генов, то перед нами откроются необозримые и несомненно вдохновенные горизонты.

Изучение каждого человеческого гена в отдельности представляет огромную работу. Чтобы представить себе объем подобной работы, приведем один пример. В настоящее время во всех странах, где процветает генетика, ведется многими исследователями изучение так называемых групп крови по изогемоаглютинации. Работы, выходящие на эту тему, насчитываются десятками, если не сотнями в год. Имеется даже специальный журнал, посвященный вопросу о группах крови, к чести нашего Союза издаваемый в С.С.С.Р. (Харьков). В отличной книге проф. Рубашкина «Кровяные группы»1 приведен список 114 статей только советских авторов. И можно не сомневаться в том, что и впредь изучение этих групп будет идти таким же темпом.

Что же, однако, представляют собой эти кровяные группы с точки зрения генетики? Они являются лучшим примером «отдельных признаков» и в образовании наследственных различий по этим признакам участвует всего два гена, а при более строгой оценке даже всего один ген, давший так называемую «серию аллеломорфов» из трех членов.

Таким образом вся эта громадная научно-исследовательская работа со специальным журналом в центре посвящена изучению одного единственного гена человека. Если даже не всем генам человека так посчастливится, то все же будущее издание под названием «Курс антропогенетики» будет обширнейшей библиотекой.

В то же время отнюдь нельзя будет сказать, что подобного рода работа явится чересчур «академической», далекой от жизни. Совершенно напротив, в числе тех генов, которые предстоит изучать антропогенетике, громадное число будет (и уже есть) таких, значение которых для человека огромно: гены, обусловливающие различные наследственные болезни, тяжким бременем лежащие на современном человечестве, гены различных человеческих способностей, являющиеся драгоценнейшими нашими достояниями, и т. д. и т. д.

Изучить свойства каждого из этих генов, указать те комбинации с другими генами, в которых данный ген может дать максимальный эффект, или наоборот, которые могут погасить его вредное действие, указать значение его в жизни человечества и дать ему тем самым оценку, — вот та обширная программа, выполнение которой составит содержание аналитической антропогенетики.

Задачи топографической антропогенетики на первый взгляд носят более академический характер и труднее поддаются изложению. Для генетики, однако, мало описать данный ген, необходимо связать его с

определенным материальным субстратом и прежде всего указать его месторасположение. Под этим генетика разумеет определение того, в которой из 24 хромосом, образующих так называемый «гаплоидный набор» хромосом человека, находится данный ген, и не только в какой хромосоме, но и в каком пункте данной хромосомы он локализован. Эта работа в конечном итоге (конечного итога в этой работе, впрочем, практически не существует) приводит к составлению плана хромосом, на котором нарисована схема строения всего наследственного аппарата человека, подобно тому как это сделано для некоторых мелких организмов, животных и растений. Эта работа является венцом генетического изучения и имеет громадное теоретическое значение, о котором мы сейчас, впрочем, не будем говорить, чтобы не повторить сказанного уже однажды1.

Значение топографической генетики, однако, далеко не исчерпывается рамками самого этого слова. Развитие генетики выяснило, что без одновременной разработки топографической генетики не может быть вполне изучена и генетика аналитическая. Объясняется это тем, что у большинства достаточно исследованных организмов обнаружены многочисленные сходные по своему проявлению гены, различить которые друг от друга невозможно до тех пор, пока не будет указано, в какой хромосоме каждый из этих генов находится. Так, у кукурузы найдено не менее 12 генов, вызывающих полный альбинизм, примерно такое же количество генов, вызывающих неполный альбинизм (разной степени желтую окраску листьев), ряд генов, вызывающих полосатую зеленобелую окраску листьев и т. д. Разобраться в свойствах каждого из этих многочисленных генов удается только после того, как для каждого из них будет указано место в хромосоме и тем самым устранена возможность смешения друг с другом.

Чем сложнее генетика данного организма, тем больше таких сходных генов у него и тем значительнее роль топографической генетики в анализе. В этом отношении человек несомненно стоит на первом месте. Изучение, например, любой наследственной болезни обнаруживает как правило, что в различных семьях она наследуется по разному. То она оказывается доминантной, то рецессивной, то сцеплена с полом, то независима от пола, то дает довольно ясные моногибридные картины, показывающие, что мы имеем дело с одним патогенетическим фактором, то, наоборот, картина наследственности оказывается сложной, дигибридной и т. д. Подобные явления, повторяю, являются для человека правилом, из чего, однако, вовсе не следует делать вывод, что наследственность у человека не подчиняется менделевским законам, а только то, что у человека, как и надо было ожидать, имеется много сходных генов, различить которые только по их проявлению не всегда

удается. Какой же метод позволит нам провести разложение того сборного комплекса, который мы называем именем данной болезни, на отдельные только внешне сходные страдания, вызываемые совершенно различными генами? Только топографическая генетика в состоянии дать этот окончательный анализ. Так, лишь после того как мы установим, что ген гемофилии локализован в половой хромосоме, а гены других типов кровоточивости находятся в аутосомах (то есть неполовых хромосомах), генетик не только получает возможность не путать эти болезни (гемофилия, Верльгофова болезнь, псевдогемофилия), но оказывается в состоянии существенно помочь врачу в установлении диагноза. Мы знаем уже ряд случаев в работе нашего кабинета, когда генетик без специального медицинского образования вносит существенный корректив в диагноз, сделанный опытным врачом, не знающим генетики (например, вместо диагноза костного туберкулеза была обнаружена гемофилия). Но если отличить сцепленную с полом болезнь от аутосомной сравнительно просто, то различить друг от друга сходные аутосомные болезни невозможно без тщательного изучения явлений сцепления и отталкивания, обнаруживаемых данным заболеванием с другими, часто совершенно индифферентными признаками человека. В этом отношении предстоит громадная исследовательская работа, но когда она будет выполнена, она внесет, несомненно, переворот в учение о большинстве болезней, показав, что там, где говорилось об единой болезни, мы имеем на самом деле собрание множества сходных по внешности наследственных явлений, каждое из которых, однако, имеет специфические особенности, одинаково важные как для теоретической, так и для практической медицины. О том, как это изучение топографической генетики должно производиться, мы сейчас говорить не будем, так как нам сейчас нужно обсудить только значение этого отдела антропогенетики.

Географическая генетика или геногеография ставит свои проблемы совершенно в иной плоскости, чем предыдущие отделы. С тех пор как в генетике окончательно восторжествовал взгляд на гены как на чрезвычайно устойчивые биологические элементы, способные сохраняться совершенно неизменными сотни и тысячи поколений, подвергаясь изменениям только в виде чрезвычайно редких (по отношению к каждому гену в отдельности) мутаций, существенно изменился и наш взгляд на ценность этих генов. В самом деле, пока вслед за Ламарком и даже Дарвином на наследованные элементы смотрели в значительной мере как на функцию среды, окружающей организм, на этой окружающей среде и сосредоточивалась львиная доля внимания и интереса всех тех, кто почему-либо интересуется наследственностью: биологов, врачей, зоотехников, педагогов и пр. Казалось, что если нам надо изменить или

исправить наследственные свойства организма, то достаточно большее или меньшее время упорно поработать над улучшением этой среды, и тогда под ее физиологическим воздействием1 получится нужное нам изменение и наследственных свойств.

Отбросив такое упрощенно-механическое толкование связи «среды» и «организма», генетика тем самым показала громадное значение генов, как реально и упорно существующих фактов, с которыми мы должны считаться в полной мере. Тот запас генов, который имеется сейчас во всех гражданах С.С.С.Р., имеет тенденцию, как показывает теория, длительно сохраняться без заметных изменений (об этих изменениях скажем ниже), и поэтому еще многие поколения людей впредь будут иметь дело с тем же в общих чертах составом этого запаса, который мы предложили называть генофондом.

Пятилетний план народно-хозяйственного строительства имеет целый отдел о народонаселении, в котором предусмотрено изменение состава населения за 5 лет. Это изменение да и все вообще народонаселение рассматривается, однако, с чисто количественной точки зрения и сама проблема учета биологических качеств населения С.С.С.Р. совершенно отсутствует в этом плане. Между тем там же предусматривается тщательное разведывание различных других естественных богатств страны, — нефти, угля, металлов, производится учет их, созданы специальные главки, ведающие каждым из этих видов естественных богатств в отдельности. Но не большим ли еще естественным богатством являются эти разнообразные человеческие гены? Неменьшее ли значение будет иметь учет того, какое количество тех или иных полезных или вредных генов находится в этой массе народов С.С.С.Р., и, главное, происходят ли или не происходят в генофонде какие-либо процессы, которые имели бы обнадеживающее или угрожающее значение для нашего хозяйства и культуры?

Геногеография человека как раз и ставит себе задачей заменить слепое «число мужчин и женщин» учетом наследственных их свойств, что сводится к учету того, какой процент людей обладает тем или иным наследственным геном и какой процент не обладает им и как этот процент распределен географически по лицу Страны Советов. Мы хотим дать ясную картину того, что представляют собой с точки зрения генетики граждане С.С.С.Р.: сколько среди них черных, рыжих, черноглазых или белокурых, сколько пятипалых и шестипалых, сколько эпилептиков и шизофреников, гемофиликов и диабетиков и какова география каждого из этих генов. В настоящее время мы, как это ни странно, почти ничего не знаем о географическом распределении человеческих генов. Огромное количество материала, собранного антропологами, в очень

малой степени может быть использовано в этом отношении, так как метод собирания антропологических данных не учитывает генетического подхода к признакам, не выделяет из неопределенного объема признака то, что приходится на долю каждого отдельного наследственного задатка. Трудно используемыми с этой точки зрения оказываются и данные медицинской статистики, во-первых потому, что врачи не в состоянии точно отделить наследственные явления от внешних влияний, в сильной степени отражающихся на проявлениях большинства генов, а во-вторых потому, что та единица, которую учитывает врач, совершенно не совпадает с единицей, учитываемой генетиком. Поэтому, если врачебная статистика дает нам для какой-либо местности процент диабетиков, то генетик может извлечь из нее очень мало: проявление диабета зависит от условий питания, под именем диабета описывается по-видимому сложный конгломерат генетически-разнородных страданий, да к тому же и сам метод собирания данных очень далек от требований объективной статистики. Короче говоря, генетику, приступающему к изучению человеческой геногеографии, приходится начинать с начала.

К каким результатам может привести изучение географии генов человека, показывает пример изучения групп крови, о которых говорилось выше. Этому вопросу тоже посчастливилось, и различными исследователями произведено изучение распределения 4 групп крови у множества племен, почти по всей поверхности земного шара, кроме разве Южной Америки. Оказалось, что в распределении генов кровяных групп можно уловить ряд закономерностей, укладывающихся в довольно простую схему, хотя у каждого племени и имеется своя собственная характерная пропорция четырех групп. Прежде всего мы находим здесь прекрасные примеры, подтверждающие теоретические выводы генетика о том, что генофонд каждой достаточно значительного объема популяции имеет стремление длительно пребывать в более или менее постоянном составе. Так например, цыгане, уже тысячелетия назад как вышедшие из Индии, продолжают сохранять характерную индийскую пропорцию с необыкновенно высоким содержанием группы «В» (38,9 % у цыган и 41,2 % у индусов, в то время как у русских имеем только 23,5 %). Точно так же большое сходство сохраняется между венграми и финнами, а с другой стороны русские, по мере того как мы берем все более и более восточные области и переходим в Азию, приобретают все более монгольскую пропорцию кровяных групп. Очень любопытные результаты дают исследования евреев, живущих посреди различных других народностей: сравнительная замкнутость евреев выражается в сохранении ими всюду некоторых характерных черт в пропорции кровяных групп, тогда как просачивающаяся метизация находит свое

отражение в том, что специфически еврейская пропорция кровяных групп принимает некоторое сходство с пропорцией окружающего населения — немцев, поляков, русских и пр.1

В результате многочисленных исследований удалось нарисовать картину географии кровяных групп «во всепланетном масштабе», на которой видно, что гены кровяных групп образуют каждый свою собственную картину распределения. Так один из них, образуя максимум в Азии и становясь реже в Европе, почти исчезает в Америке и совершенно исчезает в Австралии. Второй особенно част на севере Европы, несколько реже в Западной Европе, Дальнем Востоке и Австралии, реже всего встречается в Америке (у индейцев; у белых американцев он сходен с европейской родиной). По мере дальнейшего продвижения исследования по-видимому удастся восстановить всю картину появления и постепенного распространения по земному шару этих генов, расселяющихся невзирая на расстояние, постепенно нарушая границы рас, национальностей, религий, стремясь к своеобразной энтропии, к равномерному захвату всей людской популяции.

Вопрос о том, какое значение в физиологии человека играет процесс изогемоаглютинации и какая из групп «лучше» и лучше ли других вообще, еще не решен окончательно. Однако работы харьковской группы исследователей намечают некоторые любопытные хотя и требующие дальнейшего изучения особенности в пропорциях групп крови у разных типов спортсменов (бегуны на дальнее расстояние, рекордсмены на короткое расстояние). Допустим, что действительно один из этих генов сообщает (в среднем) человеку значительно меньшую утомляемость, способность бежать на громадные расстояния. Тогда процесс медленного распространения этого гена по лицу Советского союза, этот процесс генетической диффузии предстанет перед нами вовсе не как академическое открытие генетика, но как процесс, имеющий громадное значение для всей жизни страны, процесс, который надо учесть и, если можно, то ускорить, усилить, направить в особые районы, где он может дать максимум эффекта и т. д. Приведем еще один пример, менее точный с точки зрения генетики, но не менее яркий в качестве иллюстрации важности тех проблем, которые ставит перед собой геногеография человека. Д-ром Якобием было произведено исследование географии распространения в Орловской губернии кликушества и других нервных расстройств и душевных болезней. При этом он обнаружил, во-первых, чрезвычайно неравномерное распределение их по территории губернии и сосредоточение в тех округах, в которых преобладают финские корни в названиях рек, урочищ и пр. Таким образом, это исследование делает очень вероятным то, что бывшее здесь ранее и ныне обрусевшее финское

население вятичей отличалось повышенной концентрацией тех генов, которые обусловливают неуравновешенность нервной системы.

Далее, путем дробного изучения географии этих страданий по отдельным волостям, Якобий показал ясную динамику в генофонде губернии — показал, как из городов, от заводов и прочих поселений, иначе — из центров славянской иммиграции в эти финские области распространяется оздоровляющее влияние. Если даже в этой картине сейчас и не совсем ясна доля геногеографии и доля внешних условий — для этого надо дополнить исследования Якобия исследованием ряда родословных больных, — то есть много оснований отнестись с громадным вниманием к такого рода процессам, изменяющим качественный облик народонаселения. Закрывать глаза на то, что здесь мы можем иметь дело именно с качественными явлениями — не в целях нашего строительства.

Выше мы говорили, что согласно теории генетики, подтвержденной и экспериментально, генофонд достаточно обширной популяции обладает тенденцией длительно сохранять свой состав без изменений, если какая-либо внешняя сила, в виде ли естественного отбора или сознательного вмешательства человека, не будет выводить его из этого состояния равновесия.

Однако этот общий закон дополняется одной существенной поправкой в виде мутационного процесса, который непрерывно, хотя и очень медленно изменяет состав генофонда. Нам приходится оговориться, что по этому вопросу мы располагаем еще совершенно неудовлетворительными конкретными данными и вынуждены в значительной степени прибегать (в отношении человека) к дедукции. Тем не менее, как сейчас увидим, проблема мутационного процесса имеет для нас чрезвычайно большое значение, прежде всего в виду его прямого отношения к так называемому вырождению человечества, а затем и к его прогрессу.

Под мутациями генетика разумеет сравнительно редкие явления, при которых наследственные единицы, гены, скачкообразно переходят из одного длительно-устойчивого состояния в другое, обычно столь же длительно-устойчивое. Иными словами, в момент мутации возникает новый наследственный задаток взамен исчезнувшего старого (некоторые типы мутации, при которых новых генов не возникает, а происходит лишь их перемещение в аппарате хромозом, мы сейчас оставляем в стороне). Если по отношению к каждому данному случаю мы говорим о мутации как о более или менее редком и случайном явлении, то по отношению к той громадной совокупности генов, которые составляют генофонд, мы будем иметь дело уже с подлинным мутационным процессом, непрерывно приносящим на смену одним генам новые гены. Этот процесс, вообще говоря, является направленным, хотя, как показали

генетические исследования, если из гена А может возникнуть ген а, то нередко и из гена а может возникнуть ген А. Но частота этих явлений совершенно несоизмерима, и для большинства генов переход из А в а во множество раз превышает частоту обратного мутирования из а в А. Таким образом в генофонде, в котором имелся ген А, медленно, но постоянно идет физиологический процесс превращения генов А, А, А, ... в гены а, а, а, ... Обычно по-видимому этот физиологический процесс не приводит однако к изменениям генофонда, так как ему противодействует исторический процесс естественного отбора или селективный процесс, который уничтожает вновь возникшие мутации, так как обычно они сопровождаются некоторым понижением жизнеспособности организма — их носителя. Селективный процесс уничтожает действие мутационного процесса. Однако по отношению к домашним животным и к самому человеку картина получается иной. Селективный процесс в человеческом обществе вообще, а особенно в классовом обществе, совершенно затемнен, и поэтому мутационный процесс получает возможность накопить в генофонде известное количество новых мутационных генов. Наблюдать за ходом такого накопления в человечестве мы еще не научились, но результаты его перед нами налицо. Действительно, современное человечество представляет собой богатейшую коллекцию мутационных изменений. Всевозможные наследственные аномалии, анатомические, функциональные, нервные и психические наследующиеся расстройства и масса мелких более или менее индифферентных наследственных признаков, различающих собой отдельных индивидов, — все это есть результат накопления в человеческом генофонде мутаций, элиминировать которые естественный отбор не имел и не имеет возможности.

В совокупности вся эта коллекция мутаций играет видную роль в пресловутом явлении вырождения человечества. Правда, этот термин представляет собой свалочное место для самых разнообразных реальных и нереальных обвинений против человечества и современной культуры. Но если вообще и можно говорить о вырождении человечества и бить по этому поводу тревогу, то как раз именно по поводу накопления вредных мутаций, так как, к счастью, всякое другое вырождение (на почве непосильного труда, алкоголя, сифилиса, паразитического существования) находит себе более или менее быстрое излечение под хирургическим вмешательством социальной революции, разрушающей систему эксплуатации, поднимающей культурный уровень и вовлекающей всех людей в здоровый труд и здоровый отдых.

Мутационный процесс и связанное с ним накопление вредных мутаций (мутации полезные бывают естественно значительно более редкими) представляет собой серьезное явление, заслуживающее вни-

мательного изучения и обсуждения, так как по мере того как мы все глубже и глубже познаем генетику больного человека, нам становится все очевиднее, каким тяжелым бременем лежат на человеке и на его хозяйстве эти скопления в его генофонде вредных генов. Если подсчитать, какое количество сил, времени, средств освободилось бы, если бы нам удалось очистить население нашего Союза от различного рода наследственных страданий, то наверное пятилетку можно было бы выполнить в 2 1/2 года. К сожалению, сделать такой подсчет мы сейчас не в силах. Но во всяком случае начать работу по учету мутационного процесса в нашей стране мы должны как можно скорее.

Мы приходим таким образом естественно к последнему отделу антропогенетики, к евгенике, занятой изысканием способов практического применения генетики к улучшению человеческой породы. Евгенике в нашем Союзе не повезло. Дочь буржуазных родителей — она плохо была принята нашей революционной общественностью, и до сих пор ее плохое социальное прошлое мешает ей стать желанной гостьей пролетарской страны. А между тем совершенно несомненно, что только социалистическое общество может приютить и дать отличное воспитание этой дисциплине и не дать ей превратиться в ту мечтательную и бесплодную мещаночку, в которую она силой социальных условий обречена превратиться (и уже превращается) на Западе (если не в бравого тевтонского фашиста).

В самом деле, чем является в настоящее время евгеника? С одной стороны, это наука об улучшении наследственных свойств человека, иными словами, одна из наук, занятая развитием производительных сил, изыскивающая пути победы над природой на одном из самых трудных фронтов — на фронте борьбы за самого человека. Опершись на мощный фундамент современной генетики, указывая на блестящие примеры зоотехников и селекционеров-ботаников, творящих жизнь по своей воле, часто по заранее намеченным планам, — евгеника обещает такие же достижения и на пути улучшения самого человека, которого действительно можно и следует во многих отношениях улучшить. Но, с другой стороны, ни о каких успехах евгеники, кроме разговорных, на Западе не может быть и речи.

Анализируя судьбы евгеники, известный наш евгеник все время колеблется, считать ли ее наукой или... религией. И решает (точнее, решал в 1922 г.), что «Евгеника — религия будущего и она ждет своих пророков». С таким решением вопроса мы согласиться не можем, потому что тогда к религии следовало бы отнести и свиноводство, и птицеводство, и селекцию капусты, и всякое вообще творчество новых живых форм в соответствии с хозяйственными запросами человека. Религией

называет (вслед за Гальтоном) Кольцов евгенику, а не наукой потому, что «наука, не имеющая возможности решить вопрос о добре и зле, не вправе определить идеал той высшей человеческой расы, к установлению которой надо стремиться»1. Это — метафизическая постановка вопроса. Ибо евгенический идеал устанавливается не мечтами великих умов, а суровой жизнью. Из того, что «античный грек, суровый римлянин, христианин, магометанин, социалист и евгеник» устанавливали себе различные идеалы вовсе не следует, что мы должны отказываться от научного исследования вопроса о тех мероприятиях, которые могут и должны быть организованы для того, чтобы те силы и потенции, которые заложены в генофонде обитателей нашего Союза, получили возможность наилучшего развития. Идеалом рабовладельца-римлянина был вождь-завоеватель, а идеалом американского мещанина — банкир, не потому что они «свободно увлекались» различными евгеническими типами, а потому, что банкирская контора на улицах древнего Рима была бы так же смешна, как и слоны Ганнибала на улицах Нью-йорка наших дней.

Задачей евгеники вовсе не является составление и осуществление какого-то «идеального сверхчеловека» вне времени, пространства и социальной среды обитающего. Это можно было бы вполне назвать «утопической евгеникой», в параллель с утопическим социализмом, фантазировавшим о формах социалистического строя без учета производственных отношений и классовых противоречий.

О религии применительно к евгенике можно говорить во всяком случае лишь иносказательно, в смысле «не-науки». Называя евгенику религией, Н. К. Кольцов имеет в виду невозможность научно обосновать тезис о необходимости улучшения человеческого рода и считает, что должна быть известная вера в нужность этого («хочешь — веришь, хочешь — нет»). Однако, как известно, религиозный идеал вовсе не является «субъективным», объективно необусловленным, с одной стороны, а с другой — стремление человека все совершенствовать и улучшать не имеет никакого мистического элемента, присущего всякому религиозному настроению. Поэтому правильнее задаваться вопросом не о том, религия ли евгеника или наука, но наука ли она или утопия. Как увидим сейчас, в одних условиях она оказывается утопией, а в других — наукой.

Действительно, не только неопределенность идеалов буржуазной евгеники заставляет относить ее в область «религии будущего». Причиной этого является ее полная беспомощность вмешаться в частный семейный быт капиталистического общества. Как бесплодная дева, она может мечтать лишь о том, что вот красивые и умные мужчины будут выбирать себе в жены красивых и умных женщин и будут у

них красивые и умные детки. Ничего этого, конечно, в капиталистическом обществе не будет, а будут там верхушки правящего класса покупать себе жен и заставлять их рожать себе в небольшом числе наследников. В той битве всех против всех, которой является капиталистическое общество, каждый спекулянт, нажившийся на перекупке акций, будет и должен считать себя самым евгеническим типом и разубедить его в этом не будет конечно никакой возможности. «Всякий класс, добившийся господства, — пишет Плеханов в «Materialismus militans»1, — естественно склоняется к самодовольству. А буржуазия, господствующая в обществе, основанном на ожесточенной взаимной конкуренции товаропроизводителей, естественно склоняется к такому самодовольству, которое лишено всякого альтруизма. Драгоценное «я» всякого достойного представителя буржуазии целиком заполняет собой все его стремления и все его помышления».

Лозунг западной евгеники о том, чтобы «евгенический муж» подбирал себе «евгеническую» жену, является совершенно бессмысленным и ненаучным. Если умный будет выбирать себе умную жену, то оставшийся дурак женится на оставшейся дуре и еще вопрос, кто из них наплодит больше потомства. И никакими «поощрениями к размножению» помочь здесь будет невозможно, ибо умная жена не будет рожать наперегонки с дурой не потому, что она ограничена в средствах, а потому, что она умная, и в рожательную машину превращаться не хочет.

Не менее бесплодны и все остальные меры, предлагавшиеся западной евгеникой: стерилизация, запрещение браков и пр. Для того чтобы эти меры могли оказать хоть какое-либо заметное влияние, они должны проводиться в таких широких размерах, которые могла бы осуществить лишь какая-либо ассиро-вавилонская или египетская деспотия. Да и последней это вряд ли было бы под силу.

В таких условиях естественно, что евгеника обречена на полное бесплодие и на превращение из науки если и не в религию, то просто в маниловщину. Это своеобразное положение евгеники в буржуазном обществе отлично сознают и многие видные биологи, «Приходится признать, — пишет Донкастер, — что в настоящее время эти вопросы не входят в область «практической политики», но вряд ли можно сомневаться, что нация, которая первая сумеет ввести их в практику жизни, быстро приобретет мировое господство»1. Корренс, один из основателей менделизма, о положительной работе генетики, применительно к человеку, говорит еще пессимистичнее: «Преднамеренное комбинирование или накопление выгодных зачатков следует признать невозможным, пока мы не пересоздали всей нашей культуры»2. Так как пересоздание культуры вовсе не входит в программу германской науки, то этот пессимизм в

устах немецкого профессора вполне естествен, но нота грусти в этих строках навеяна именно сознанием, что в «нашей культуре» столь мощное оружие оказывается остающимся без употребления.

В чем же главная суть этих обеспложивающих евгенику условий? Мы отвечаем — в частнособственнической системе хозяйства и основанной на этом семье.

Самодовольный собственник-буржуа признает только собственных детей. Его жена должна рожать ему только его детей. Всякое нарушение его прав в этой области он не прощает так же, как не прощает взлома своего сейфа. И если ему нужен наследник, а барышня из евгенического бюро доказывает ему, что его сын будет бездарным или астеником, то ее слова несомненно падут на каменистую почву. Да и в рассуждении того, иметь или не иметь ему побочных детей, он тоже менее всего будет соображаться с указаниями евгеники. Еще меньше у него в этом смысле оснований заботиться о рабочем классе. Последний же, задыхаясь от безработицы, нужды и лишений, естественно направляет свои силы в первую очередь на борьбу за элементарное улучшение условий своего существования, справедливо видя в свержении капиталистического строя единственный радикальный способ уничтожения гнета и насилия. При капитализме ему не до евгеники.

Решение вопроса по организации отбора в человеческом обществе несомненно возможно будет только при социализме после окончательного разрушения семьи, перехода к социалистическому воспитанию и отделения любви от деторождения. Остановимся прежде всего на последнем. В настоящее время в замкнутой семье деторождение является результатом любовных отношений, общения между супругами. Оба эти момента, любовь и зачатие, не имеющие по существу нечего общего между собой, связаны воедино биологически, так как наслаждения, доставляемые половым общением, служат приманкой самца к самке, мужчины к женщине. Нет сомнения, что эта сторона дела (наслаждение) является ценнейшим достоянием человека, и при всяком строении общества мужчина и женщина, вступая в брак, будут с полным основанием дорожить им. Ничего предосудительного в этом конечно нет.

Биологически «любовь» представляет сумму безусловных и условных рефлексов и сопровождается размножением. Но при сознательном отношении к делу деторождение может и должно быть отделено от любви уж по одному тому, что любовь является совершенно частным делом любящих, деторождение же является, а при социализме тем более должно явиться, делом общественным. Дети нужны для поддержания и развития общества, дети нужны здоровые, способные, активные, и общество вправе ставить вопрос о качестве продукции и в этой области производства.

Мы полагаем, что решением вопроса об организации отбора у человека будет распространение получения зачатия от искусственного осеменения рекомендованной спермой, а вовсе не обязательно от «любимого мужчины». Сейчас мы попробуем защитить этот тезис.

Главнейшим возражением против него является указание на «природу» человека, против которой невозможно идти, и что эта «природа» заставляет мужчину стремиться к оплодотворению женщины, к получению потомства именно от собственной спермы. Только такого ребенка-де мужчина и может по настоящему любить. Та же самая «природа» заставляет женщину стремиться к оплодотворению именно спермой любимого человека.

Эта точка зрения совершенно неверна и ничем не отличается от взгляда на буржуазные отношения вообще как на «природные», естественные, единственно правильные. Для генетика природа бывает двух сортов — генотипическая и фенотипическая, и о них надо говорить отдельно. С точки зрения генетики генотипические особенности действительно с очень большим трудом поддаются воздействию. Наоборот, область наших условных рефлексов является благодатным полем для воздействия на него воспитания. В какой же области лежит отношение родителя к происхождению его детей?

В области генотипа мы имеем элементы, определяющие наши инстинкты и безусловные рефлексы. Естественный отбор ввел в эту область для мужчины стремление сблизиться с женщиной и совершить половой акт. Также вероятно имеются инстинкты охраны и защиты детей, «любовь» к ним. Дифференцируется ли при этом «свой» ребенок, то есть ребенок своей женщины от ребят своей стаи, своей общины, — совершенно сомнительно, судя по отношениям, наблюдающимся в первобытных семьях-общинах с неясными родственными отношениями и в первую очередь с неясным отцовством. Так как эти отношения имели место у человека уже по достижении им человеческой стадий развития, с которой дальнейший естественный отбор замедлился и прекратился, то нет ни малейших оснований думать, что мужчина обладает наследственным инстинктом любить ребенка по преимуществу той женщины, с которой он имел сношения. И уже безусловно нелепым будет предположение о наличии инстинктивной любви к ребенку, происходящему от оплодотворения собственным сперматозоидом, в отличие от чужого, введенного в ту же самую женщину.

То же самое можно сказать и о женщине. Инстинктивно она несомненно предпочитает любить своего ребенка сильнее, чем не своего. Но никакой естественный отбор не мог, конечно, связать степень ее любви с происхождением сперматозоида, оплодотворившего ее яйцо.

Если тем не менее в современном браке мы имеем резкие различия в отношениях (любви) родителей к детям своим и чужим, и для мужчины часто оказывается решающим вопрос, он ли является отцом ребенка или другой; если нередко мужчина, узнав, что ребенок «не его», начинает ненавидеть этого ребенка и его мать, — то это зависит не от врожденных инстинктов и безусловных рефлексов, но от приобретенной системы рефлексов условных. Условные рефлексы закладываются в организм постэмбрионально, в каждом поколении вновь и по наследству не передаются совершенно. Поэтому, сколько бы поколений эти условные рефлексы ни определяли отношение родителей к детям, они могут быть легко переделаны соответствующим воспитанием в одно поколение. Существующая сейчас разница в отношении отцов к своим и не своим детям (кстати сказать вовсе необязательная: достаточно вспомнить широко распространенное явление «воспитанников» в деревнях, где воспитанник, пробыв несколько времени в семье крестьянина, совершенно с нею сливается) никакого отношения к «природе», в виде врожденных инстинктов, не имеет, а целиком зависит от системы условных рефлексов, заложенных воспитанием в атмосфере частнособственнических отношений вообще и соответствующего понимания роли жены как собственности мужа, в частности. Здесь не «природа», а «хозяйство»; а так как хозяйство человека не постоянно, а подлежит развитию и переходу от одних форм к другим, то и отношение к детям неизбежно должно претерпевать изменения, отражающие форму хозяйственных отношений.

Социализм, разрушая частнокапиталистические отношения в хозяйстве, разрушит и современную семью, а в частности разрушит в мужчинах разницу в отношении к детям от своего или не своего сперматозоида. Точно также, может быть несколько труднее, будет разрушено стыдливое отношение женщины к искусственному осеменению, и тогда все необходимые предпосылки к организации селекции человека будут даны. Что касается положительной части воспитания, то она должна будет заключаться лишь во внедрении идеи о том, что для зачатия ребенка должна быть использована сперма не просто «любимого человека», но что во исполнение селекционного плана сперма эта должна быть получена из определенного рекомендованного источника. Наоборот, необходимо будет внушить, что срыв этого сложного, на много поколений рассчитанного плана есть поступок антиобщественный, аморальный, недостойный члена социалистического общества.

Мы не сомневаемся, что именно подобные моральные директивы окажутся отвечающими интересам нового социалистического общества и будут поддержаны жизнью настолько, что через пару поколений будут

казаться всем той самой «природой», на которую сейчас ссылаются защитники буржуазной семьи и неотделимости любви от зачатия.

Совершенно очевидно, что при наличии такой обстановки евгеника-наука займет одно из самых почетных мест в системе человеческих наук, так как получаемые на ее базе успехи будут самыми драгоценными из всех мыслимых. В самом деле, при свойственной мужчинам громадной спермообразовательной деятельности и при современной отличной технике искусственного осеменения (находящего сейчас широкое применение лишь в коннозаводстве и овцеводстве), от одного выдающегося и ценного производителя можно получить до 1000 и даже до 10 000 детей. При таких условиях селекция человека пойдет вперед гигантскими шагами. И отдельные женщины и целые коммуны будут тогда гордиться не «своими» детьми, а своими успехами и достижениями в этой несомненно самой удивительной области — в области создания новых форм человека.

Мы думаем, что это время, хотя и измеряемое не столько годами, сколько поколениями, не так далеко. Правда, необходимыми предпосылками для этого являются достаточно развитое социальное воспитание и достаточно глубоко и широко пошедшее разрушение современной семьи. Но в нашей стране мы несомненно стоим на пути к этому.

Это — обязывает. Евгенике в нашей стране предстоит действенная роль. Поэтому интерес к изучению наследственности человека в условиях нашего строя совсем иной, чем в условиях Запада. Мы должны в спешном порядке расширять и углублять нашу работу, до максимума конкретизировать ее, изучать наш генофонд, изучать и анализировать родословные, подходить к организации опытов — должны готовиться к тому, что к нам начнут обращаться за советами, на которые мы должны будем давать ответы не в общей форме, но с достаточным научным обоснованием.

В начале мы говорили о тех направлениях, отделах антропогенетики, по которым должна идти ее разработка. В свете тех перспектив, о которых мы только что говорили, мы можем сказать, что в антропогенетике нет ненужных мелочей. Всякое, даже самое маленькое исследование, если только оно тщательно и добросовестно выполнено и если оно стоит в уровень с современной наукой, — явится вкладом в ту фактическую базу, без которой невозможно будет практическое применение антропогенетики. Между тем в нашей стране имеется огромное число людей, которые могли бы принять участие в разработке антропогенетики. И под углом зрения на антропогенетику и ее прикладную ветвь — евгенику, как на науку, помогающую нам развить до максимума производительные силы нашей страны, мы приглашаем широкие круги биологов, врачей, педагогов и всех вообще работников, строителей нового общества, принять участие в этой работе.

В. П. ОСИПОВ

К ВОПРОСУ О МЕРАХ ПСИХИЧЕСКОГО ОЗДОРОВЛЕНИЯ ПОТОМСТВА

Душевная заболеваемость населения прогрессирует довольно быстро; на это указывает статистика Западной Европы и статистика Союза, хотя и гораздо менее совершенная.

Можно было бы предложить ряд очень целесообразных мер для предупреждения роста душевной заболеваемости, как, напр., улучшение экономических условий жизни населения, но в настоящее время эти меры осуществимы лишь с большим трудом, так как не в силах людей изменить направление и течение исторического процесса; люди могут лишь до известной степени бороться с его отрицательными последствиями, и эту посильную борьбу они обязаны вести.

В данном случае в мою задачу не входит рассмотрение профилактики душевных болезней вообще, я остановлюсь лишь на одной существенной части этого обширного вопроса, находящейся в связи с охраной материнства и младенчества, касаясь общих мероприятий лишь по необходимости, в пределах их отношения к здоровью матери и будущих поколений. С этой точки зрения вопрос должен быть поставлен в плоскости евгеники, т. е. какие условия необходимы, чтобы матери рождали здоровых детей, не являющихся носителями психопатических задатков, готовых при наличности соответствующих вызывающих моментов, которыми всегда изобилует жизненная обстановка, вылиться в душевное заболевание, или детей, больных от самого рождения. Вопрос сводится к борьбе с психопатической наследственностью, крупнейшим фактором в этнологии и генезисе душевных болезней.

Общих условий сразу победить мы не в состоянии, но частичная борьба с ними возможна. Оздоровляя население, оздоровляем потомство. Поэтому меры борьбы с прогрессирующим ростом душевных болезней должны вестись в следующих направлениях: 1) осуществимые при данных условиях меры общего характера, 2) пропаганда условий заключения здоровых браков, дающих здоровое потомство, стойкое по отношению к душевным заболеваниям, 3) охрана здоровья беременных и кормящих грудью женщин, 4) предупреждение и прерывание беременности в случаях, в которых с уверенностью можно ожидать появления на свет младенца с патологической нервной системой.

Алкоголизм и сифилис являются двумя главными бичами, дающими недоразвитое, хилое потомство, предрасположенное к душевным заболеваниям. С этими факторами необходимо вести неустанную борьбу; она ведется в действительности, но она должна быть непрерывной. Нельзя не признать, что запретительная система по отношению к распространению спиртных напитков представляется самой рациональной; в ограничительных размерах она была применена у нас, и ее можно только приветствовать. Правда, против нее существуют возражения, что благодаря ей развивается тайное винокурение и потребление наркотических веществ. При этом потребляется денатурат, плохо очищенные сорта водки (самогонка), морфий, кокаин и другие вещества, гораздо более вредные, нежели чистые сорта спирта, вино, пиво; но не следует забывать, что распространение спиртных напитков при тайном винокурении несравненно слабее, а наркоманов гораздо меньше, чем алкоголиков при свободной продаже спирта; с этими злоупотреблениями тоже необходимо бороться соответственными мерами и особенно посредством пропаганды идей трезвости, полного воздержания от употребления спиртных напитков. Другое возражение заключается в том, что при запретительной системе государство лишается громадного дохода; но, во-первых, доход, получающийся от отравления граждан, недопустим для государства, во-вторых, этот доход обманчив, так как он повышается за счет понижения производительных сил страны. Если бы допустить при нашем прошлом экономическом положении свободную продажу крепких сортов спиртных напитков, было бы трудно даже представить все пагубные и ужасные последствия такой катастрофы. В ряде штатов Северной Америки уже давно проведена запретительная система, давшая превосходные результаты; так, в штате Мэне, где эта система осуществляется с 1851 г., потребление спирта населением сократилось более чем в двадцать раз при одновременно значительно возросшем благосостоянии и увеличении производительности, далеко окупившей фискальные интересы государства.

Итак, необходимо всемерно поддерживать запретительную систему хотя бы по отношению к крепким напиткам, и бороться с тайным винокурением и наркотизацией.

Борьба с сифилисом уже ведется, но она много труднее и сложнее, чем борьба с алкоголизмом. Дело специалистов и государства, как поставить рационально эту борьбу; благодарные ее последствия должны сказаться с течением времени; необходимо продолжать ее непрерывно.

Строгое проведение запретительной системы и энергичная борьба с распространением сифилиса, несомненно, должны благотворно отразиться на душевном здоровье будущих поколений.

Второе условие психического оздоровления будущих поколений заключается в пропаганде здоровых браков, дающих здоровое и устойчивое по отношению к душевным заболеваниям потомство. В этом важнейший способ борьбы, так как неблагоприятная наследственность представляется очень крупным фактором, располагающим к возникновению душевных болезней. Пропаганда должна выразиться в широком распространении и изложении среди населения правильных сведений о значении патологической наследственности, вырождения и условий их возникновения, сведений об опасности браков с душевнобольными, эпилептиками, хроническими алкоголиками и наркоманами вообще. Такая пропаганда несомненно принесет гораздо больше пользы, чем ограничительный закон, осуществление которого представляет много затруднений; ведь необходимо бороться не только с заключением нездоровых браков, но вообще с патологическим деторождением, которое происходит и вне брака, а при ограничительном законе внебрачные деторождения усилятся.

При каких условиях потомство подвергается риску вырождения, риску сделаться носителем психопатического расположения, рискует подвергнуться душевному заболеванию и даже родиться настолько инвалидным, что его нервная система оказывается неспособной развиваться нормально и в достаточной степени, в результате чего получается душевная дефективность различной силы до полной идиотии включительно? В каких случаях риск рождения психопатического потомства особенно велик и в какой степени с достоверностью можно о нем говорить? На эти два вопроса необходимо ответить, так как от разрешения их зависит направление и содержание пропаганды и некоторые законодательные меры.

Все возможности передачи потомству свойств, обнимаемых понятием психопатического расположения и душевной инвалидности, предусмотреть в высшей степени трудно, поэтому остановимся на более определенных и устранимых. Сюда относятся: 1) потомство от браков между кровными родственниками, 2) потомство лиц, обнаруживающих психопатическое расположение, дегенеративных душевнобольных, страдающих неврозами, 3) потомство алкоголиков, 4) потомство сифилитиков.

Рассмотрим каждую из приведенных категорий в последовательном порядке.

Принято считать установленным, что кровосмесительные браки дают вырождающееся потомство. Это положение имеет в свою пользу много оснований. Окружающая жизнь дает мало наблюдений в этом направлении, но изучение генеалогии династий и знатных поколений, в которых браки между близкими родственниками совершались, как

обычное явление, как из-за соображений родовитости, так и из-за экономических, - ради накопления богатств в одних руках, - блестящим образом подтверждает это мнение. Доказано, что психопатические свойства, носителями которых являются кровные родственники, при этих условиях в нисходящих поколениях усиливаются, нередко приводя к вырождению потомства и к развитию в нем не только душевных болезней, но даже идиотии, а с течением времени и к полному прекращению потомства, к вымиранию рода (Peipers, Mayet).

Браки между кровными родственниками, здоровье которых представляется, безупречным, не только не отражаются неблагоприятно на потомстве, но даже способствуют закреплению в нем положительных качеств предков. Однако, такие благоприятные условия встречаются редко, учесть их очень нелегко, а потому, пропагандируя идею оздоровления потомства, необходимо относиться отрицательно к кровосмесительным бракам; это тем более легко, что идея недопустимости таких браков прочно укрепилась в сознании народа, вследствие чего ее следует лишь поддерживать.

Дегенераты, душевнобольные, страдающие или имеющие заболеть душевным расстройством впоследствии, имбециллы и идиоты, если они способны производить потомство, могут передать ему психопатические свойства своей природы, что влечет за собой вырождение нисходящих поколений. Имея в виду это проявление психопатической наследственности, необходимо учитывать два следующих довольно прочно установленных положения: 1) душевное заболевание потомка не зависит от того, до или после душевной болезни родителей он появился на свет (Harbolla), 2) душевное заболевание потомка проявляется обычно в более раннем возрасте, чем у родителей (Mott). Сказанное относится к тем случаям передачи наследственных свойств, в которых дело идет о психопатической конституции родителей, а не о приобретенном заболевании. Правда, далеко не все дети психопатов-родителей заболевают душевно, особенно в тех случаях, когда одна из производящих сторон не обнаруживает психопатического расположения; опасность весьма значительна, когда психопатические влияния исходят от обоих родителей: здесь большинство потомков получает их болезненные свойства в усиленной степени; когда же больной представляется одна сторона, то передача болезненных задатков, по-видимому, подчиняется закону Менделя, по которому рецессивные свойства скрываются доминирующими, а частью даже вытесняются последними; однако, полное вытеснение происходит лишь в небольшой части потомства, в большей же части рецессивные признаки скрываются лишь временно, снова выявляясь при дальнейшем размножении; в части потомства они

остаются в неизменном виде. У которых именно детей болезненные задатки выльются в психоз и которые из детей останутся здоровыми, мы не знаем, поэтому, пропагандируя здоровые браки, мы должны указать совершенно определенно на опасность рождения детей от дегенератов и душевнобольных. Психоз, явившийся следствием случайных причин, подействовавших на здоровый организм, представляет меньшую опасность в смысле наследственной передачи (инфекционные психозы).

Особенно опасно влияние на потомство хронического отравления родителей алкоголем, подробно разработанное А. Л. Мендельсоном. Значение недостаточно леченного и свежего сифилиса также очень велико.

Все это должно войти в содержание пропаганды, значение которой сильнее ограничительного закона, так как пропаганда обращает внимание не только на несомненную опасность, но даже на ее возможность, давая орудие борьбы в руки самого населения, между тем как закон, ограничивающий вступление в брак, может распространяться лишь на случаи, грозящие здоровью потомства. Нужен ли ограничительный закон и какие браки должны войти в круг его действия? Пока браки совершаются и государство признает их необходимость, оно должно и регламентировать их законодательным путем, тем более что необходимость браков диктуется жизнью и население стремится к их заключению. Следовательно, кроме пропаганды, которой должно быть отведено первое место, необходимо и до известной степени можно способствовать оздоровлению потомства соответствующей регламентацией случаев, препятствующих вступлению в брак.

Несомненным и бесспорным является положение о недопустимости браков с душевнобольными и слабоумными от рождения; кроме опасности для потомства, такие браки недопустимы и по соображениям юридического свойства.

Крайне опасной для потомства представляется наличность двусторонней психопатической наследственности, т. е., когда психопатическая наследственность передается и со стороны отца и со стороны матери; конечно, здесь не подразумеваются случаи брака между двумя душевнобольными, такие случаи не имеют практического значения, потому что их почти не встречается, кроме, быть может, старых времен, когда потехи ради венчали карликов и шутов, среди которых, несомненно, были имбециллы; но опасность передачи психопатических задатков одинаково велика, независимо от того, происходит зачатие в состоянии душевной болезни или до нее. Поэтому опасность появления психопатического потомства от родителей, обремененных психопатической наследственностью, не выявившейся в форме душевной болезни, так же велика, как и для потомства от душевнобольных или перенесших

душевное заболевание. Однако, вводить в законодательство просто указание на психопатическую наследственность, как повод, препятствующий вступлению в брак, значило бы вступить на слишком скользкий и сомнительный путь довольно неопределенного критерия; я считал бы поэтому допустимым включение в круг действия ограничительного закона, если он будет признан необходимым, лиц не только обремененных двусторонней психопатической наследственностью, но действительно обнаруживающих явления дегенерации с явно выраженными психопатическими симптомами: навязчивые идеи и влечения, недоразвитие высших чувствований (моральное чувство) лиц, страдающих тяжелыми конституционными и т. п. неврозами.

Особое место среди душевных болезней занимает маниакально-депрессивный психоз, или циклофрения, поглотивший прежнюю манию и меланхолию и периодические психозы; в настоящее время установлено, что это — рецидивирующее заболевание, отдельные приступы которого, разделяемые самыми различными промежутками времени, в большинстве случаев протекают благополучно, оканчиваясь временным выздоровлением, которое в отдельных случаях измеряется многими годами; между тем болезнь в целом неизлечима и в то же время обладает особым стремлением к наследственной передаче; в таком же положении находится генуинная эпилепсия. Поэтому было бы рациональным с евгенической точки зрения рассматривать эти заболевания, как препятствующие вступлению в брак, равно как при обнаружении их после брака считать их достаточным поводом для его расторжения.

Окончившиеся выздоровлением острые душевные расстройства, явившиеся следствием причин до известной степени случайных, как, напр., психозы инфекционные, препятствием для вступления в брак служить не должны, если после выздоровления прошло достаточно времени, в течение которого организм мог вполне оправиться от болезни; таким сроком я считаю период времени не менее двух лет.

Не следует допускать браков с дипсоманами, хроническими алкоголиками и наркоманами вообще. Под хроническим алкоголизмом понимаются такие состояния, в которых хронически отравляющиеся спиртными напитками вводят новые дозы алкоголя, в то время, когда они еще не освободились от отравляющего влияния предшествующих доз; для многих из таких лиц препятствие к вступлению в брак может быть устранено посредством лечения.

Доказано, что различные вредные влияния, которым подвергается беременная женщина, как интоксикация, особенно алкоголем, истощающей труд, и отсутствие необходимых гигиенических условий питания и жилища отражаются на потомстве, которое рождается хилым, не-

жизнеспособным и расположенным к душевным заболеваниям; поэтому необходимо поставить беременную женщину в соответствующие условия жизненной обстановки как путем пропаганды гигиены беременности, так и путем законодательным, что отчасти у нас и сделано.

Перейдем к рассмотрению последнего из поставленных вопросов — о предупреждении и прерывании беременности в случаях, грозящих потомству недоразвитием нервной системы и передачей психопатического предрасположения. Вопрос распадается на две части: предупреждение зачатия и прерывание беременности. На первую половину его ответить проще: во всех случаях, связанных с угрозой рождения патологического потомства, следует рекомендовать предупреждающие зачатие меры. Ответ на вторую половину поставленного вопроса значительно сложнее: во-первых, здесь дело идет о показаниях к прерыванию беременности из-за соображений опасности для беременной женщины, во-вторых, о прекращении беременности на основании опасности для потомка унаследовать психопатические свойства родителей.

Опасность для беременной женщины может основываться на двух соображениях: возможности заболевать душевным расстройством в связи с беременностью и родами (психозы беременности и послеродовые психозы) и наличность душевной болезни у беременной независимо от беременности, иначе говоря, о забеременении душевнобольной. Поскольку тот и другой случай является показанием для прерывания беременности?

В некоторых случаях в связи с беременностью развиваются тяжелые хронические симптомы и эклампсические приступы; то и другое является показанием для производства аборта, так как вслед за этой операцией указанные тяжелые осложнения обыкновенно прекращаются. Сама по себе душевная болезнь не представляется показанием для производства аборта, так как течение беременности и роды у душевнобольных обыкновенно протекают благополучно, не отражаясь неблагоприятно на течении психоза беременной и родящей женщины. Жолли выделяет случаи тяжелых депрессивных состояний, связанных с упорным стремлением к самоубийству, при которых он считает производство аборта показанным; однако, необходимо иметь в виду, что в таких случаях дело идет о тяжелом маниакально-депрессивном психозе, на течение которого аборт обыкновенно не оказывает влияния, следовательно, и это показание для производства выкидыша отпадает; последнего взгляда держится и Крепелин. Случаи послеродовых психозов также могут служить лишь весьма относительным показанием для производства выкидыша: часть этих психозов обусловливается недостаточно тщательным проведением родового акта, частью же родовой акт является вызывающим моментом для развития припадков маниакально-депрессивного

психоза, который в другой раз наступает и помимо беременности и родов. Если же установлено, что повторная беременность и роды сопровождаются развитием душевного расстройства, то может возникнуть вопрос об искусственном прерывании беременности. В таких случаях выкидыш может быть произведен; но гарантировать, что вслед за ним не разовьется душевного расстройства, нельзя, - при этом условии оно представляется лишь менее вероятным. Во всяком случае, речь может идти лишь о производстве выкидыша, а не о преждевременных родах.

Посмотрим теперь, как разрешается вопрос об искусственном выкидыше с евгенической точки зрения, с точки зрения охраны здоровья будущего поколения и дальнейших могущих от него последовать поколений.

Здесь показания для производства искусственного прерывания беременности расширяются, и в тех случаях, когда опасность для потомка родиться хилым, мало жизненным, обнаруживающим психопатические задатки, представляется несомненной, прерывание беременности должно быть показанным, если доведение ее до конца даже не грозит здоровью матери какими бы то ни было осложнениями; я бы признал производство выкидыша допустимым и в тех случаях, в которых указанная опасность для потомка не только представляется несомненной, но весьма вероятной. Регламентация таких случаев находится в тесном соотношении с основаниями, ограничивающими вступление в брак. Во-первых, сюда относятся случаи двусторонней психопатической наследственности как в смысле выраженной душевной болезни обоих родителей, так и в смысле психопатического отягощения их обоих; далее, сюда относятся случаи хронического алкоголизма обоих родителей. При односторонней наследственности показания должны устанавливаться строже, и я ограничил бы их следующими основаниями: умственным недоразвитием отца или матери и близким к беременности по времени заражением сифилисом отца или матери. К более широкому установлению показаний для производства аборта необходимо отнестись с крайней осторожностью, так как односторонняя психопатическая наследственность дает всего около 30% передачи психопатических задатков потомству, поэтому прерывать беременность при таких условиях было бы неправильным, и, расширяя показания, можно вступить на очень скользкий путь утраты ясного и точного критерия. Устанавливая показания для производства искусственного прерывания беременности, следует тщательно проследить и изучить восходящую наследственность пациентов, выяснить, как и в каком направлении передавались патологические задатки и только после этого решить вопрос об оперативном вмешательстве, индивидуализируя каждый отдельный случай.

Искусственное прерывание беременности представляется частичным случаем в широком вопросе психического оздоровления будущих по-

колений. Несравненно большее значение принадлежит мерам профилактическим, которые отчасти были указаны выше. Существенно важною мерою было бы расширение призрения душевнобольных в специальных заведениях и изъятие из населения тех элементов, которые могут быть явно опасными в евгеническом отношении, но мы еще очень далеки от этого. Конечно, такие меры мыслимы лишь при соответственных гарантиях со стороны государства. Вопрос о применении искусственного прерывания беременности имеет важное значение постольку, поскольку мы встречаемся с конкретными случаями.

Резюмируя сказанное, я считаю возможным выставить следующие положения:

1. Для борьбы с психопатическим вырождением населения необходимы широкие государственные мероприятия, выполняемые в очень важной части и в настоящее время.

2. К числу таких мероприятий относится проведение запретительной системы по отношению к спиртным напиткам при условиях борьбы с ее отрицательными сторонами и при широкой пропаганде трезвости; настоящее законодательство, ограничивающее потребление алкоголя, должно рассматриваться лишь в качестве этапа на пути к полной трезвости.

3. Энергичная борьба с распространением сифилиса.

4. Широкое развитие дела лечения и призрения душевнобольных, эпилептиков, идиотов и умственно-отсталых, хронических алкоголиков и наркоманов вообще.

5. Широкая пропаганда условий здоровых браков, дающих здоровое потомство.

6. Законодательное запрещение браков между кровными родственниками, браков с душевнобольными, слабоумными, тяжелыми дегенератами, хроническими алкоголиками и наркоманами (до их излечения), эпилептиками, сифилитиками (при условии недостаточного лечения сифилиса и близкого ко времени заключения брака заражения).

7. Охрана здоровья беременной и кормящей грудью женщины.

8. Хотя душевная болезнь матери не представляется сама по себе основанием для искусственного прерывания беременности, кроме некоторых случаев послеродовых психозов, но, принимая во внимание интересы душевного здоровья потомства, беременность может быть прерываема, в случае желания и согласия матери, при двусторонней психопатической наследственности, проявляющейся у супругов, при хроническом алкоголизме обоих родителей, психического недоразвития одного из них и близкого к беременности по времени заражения сифилисом одного из них.

П. И. ЛЮБЛИНСКИЙ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЕВГЕНИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Англосаксонские страны

Англия явилась страной зарождения научной евгеники. Научная разработка вопросов человеческой наследственности здесь тесно связана с именем Ф. Гальтона, который с 60-х гг. начал печатать свои работы «О наследственности таланта и гения» (1865) и «О наследовании гениальности» (1869), в которых в зародыше уже содержалось последующее научное построение евгеники. В 1874 г. появилась книга Гальтона о наследственности 180 выдающихся английских ученых и писателей, в 1883 г. — «Исследования о развитии человеческих способностей» и в 1889 г. — «Естественная наследственность», в которой были подведены итоги предшествующих работ по наследованию способностей человека.

Взгляды Гальтона встретили значительную критику, которая побудила его в 1901 г. выступить в Антропологическом обществе с докладом «о возможности улучшения человеческой расы при современных условиях при помощи законодательства и чувствований». Три года спустя свои практические предложения он формулировал в другом докладе Лондонскому социологическому обществу, озаглавленном «Евгеника, ее определение и ее задачи». Здесь была выдвинута следующая программа исследовательской работы: 1) распространение сведений об известных уже законах наследственности и способствование дальнейшему исследованию их, 2) изучение рождаемости в различных социальных слоях у древних и современных народов, 3) собирание доступных данных, из которых можно было бы заключить, с какою частотой рождаются выдающиеся члены семьи, 4) исследование факторов, влияющих на брак, 5) постоянная пропаганда важного для народа значения евгеники. Для достижения этих целей он основал в 1904 г. при Лондонском университете Общество евгенических изысканий, а в 1905 г. сделал крупное пожертвование для учреждения первой евгенической лаборатории, которая ныне носит его имя (Galton's Laboratory of national eugenics). При создании ее сотрудниками Гальтона были д-р Э. Шустер и мисс Э. Эльдертон. Со смертью Гальтона (17 января 1911 г.) на завещанные им суммы была создана при Лондонском университете кафедра по евгенике, на которую был приглашен проф. К. Пирсон.

Для распространения евгенических сведений в 1908 г. в Англии было учреждено новое общество Eugenics Education Society, во главе которого стал сын Ч. Дарвина, Л. Дарвин, а Гальтон был избран его почетным президентом. Общество это вскоре стало издавать свой трехмесячник «The Eugenics Review». Лондонское общество евгенического воспитания имеет свои разветвления во многих городах Великобритании и 4 отделении в Новой Зеландии. Параллельно с ним в Ливерпуле создалось Liverpool Heredity Society, преследующее цели научного изучения евгеники.

Из Англии евгеническое движение перебросилось в другие англосаксонские страны. В Новой Зеландии энергичным проводником его явилась мисс Л. Мак-Грегор, которой удалось в 1921 г. организовать здесь New Zealand Society for promoting Eugenics. В Австралии евгеническое движение представлено Race Preservation League, имеющей местом пребывания Мельбурн и Eugenics Education Society в Новом Южном Уэльсе, с местопребыванием в Сиднее.

Наиболее широкий отклик, однако, нашло себе новое движение в соединенных Штатах Северной Америки. Быстрый интеллектуальный прогресс этой страны, интерес к новейшим научным достижениям, соединенный с готовностью быстрого использования научных выводов для практических целей, политический интерес, связанный с разноплеменностью состава населения, значительный рост психической дефективности за последние годы — все это явилось причиной повышенного интереса к новой науке.

Первая попытка введения евгеники в Соед. Штаты относится еще к 1880 г., когда, усилиями Л. Муди, поэта Лонгфелло, О. Манна др., в Бостоне был создан институт по изучению наследственности (Institut for Heredity). Это было эпохой, когда Гальтон в своем докладе Лондонскому социологическому обществу стал впервые развивать принципы искусственного подбора среди людей. Институт просуществовал недолго, но на смену его в Вашингтоне, по инициативе Г. Белла, было организовано Бюро генеалогических данных (Genealogical Record Office). Из работ Г. Белла особенно известны исследования о наследственной глухонемоте и о передаче ее при браках между близкими родственниками. До своей смерти (2 августа 1922 г.) Г. Белл стоял во главе другого бюро (Eugenics Record Office) и особого отделения Генеалогического бюро, посвященного изучению наследственности физических дефектов (так называемое Volta Bureau). Первые работы по евгеники привлекли к себе внимание Ассоциации американских скотоводов (American Breeders Association, позднее переименованной в American Genetic Association). Ассоциация выделила особую секцию для изучения вопросов евгеники. Из нее вышли первые работы, под редакцией Иордана и Дэвенпорта, по-

священные исследованию наследственности физических качеств людей, подведшие прочный фундамент под новое движение и снискавшие ему широкую известность. Через некоторое время секция стала издавать «Journal of Heredity» под редакцией П. Попеноэ.

В 1910 г., по инициативе Дэвенпорта, на средства, пожертвованные г-жей Гарриман, неподалеку от Нью-Йорка, на Лонг-Айленде, было создано новое исследовательское учреждение — Eugenics Record Office; институт, предназначенный для изучения влияния наследственности и окружающих условий на поведение человека. Несколько позднее при Институте им. Карнеги в Вашингтоне была создана секция генетики, которая позднее слилась с евгенической секцией Американской генетической ассоциации.

Из лабораторий Eug. Record Office вышли значительные работы, среди которых отметим работы Дэвенпорта о наследственности насильственных черт характера, о наследственной хрупкости костей, о наследственности пеллагры, хореи, болезни Реклингаузена, о наследственности у рыб и пр., работы Годдарда (директора Bureau of Juvenile Research в Огайо) о наследственности умственной дефективности, Стантона — о наследственности музыкальных способностей, Литтля — о наследственности рака, Истбрука — о некоторых какогенических семьях, Риддля — о физиологии пола, Стокарда — об алкоголизме и пр. Институт опубликовал «Сборник отличительный черт» (Traits book).

Record office сообщает по запросам сведения и разъяснения относительно своих методов исследования наследственности, рассылает формуляры для регистрации характерных наследственных черт, собирает данные о наследственности у человека и оказывает помощь исследованиям, ведущимся в этом направлении. При нем имеется и консультация для тех, кто пожелал бы осведомиться о своей евгенической пригодности перед заключением брака. Для производства необходимых исследований Евгеническое бюро содержит штат обследователей (field workers), которых оно рассылает по разным местам для собирания справок и данных о дефективных, невропатических и др. семьях, генеалогии которых исследуются; обследователи эти проводят поголовные обследования душевнобольных пациентов и заключенных. При помощи их ныне в Нью-Йорке начата перепись дефективных (State Eugenics Survey), которая должна постепенно охватить всю страну. Евгеническое бюро издает ежемесячный журнал «The Eugenical News», в редакционной коллегии которого принимают участие Дэвенпорт, Лафлин и Джонсон. Этот журнал уже насчитывает десять лет существования и является органом трех крупных американских евгенических обществ: Eugenical Research Association, Eugenies Society of USA и Galton Society.

Первое из них было организовано в июне 1913 г. В 1915 г. оно примкнуло в качестве секции к American Association for Advancement of Science. Общество преследует чисто научные цели, способствуя организации самостоятельных исследований и объединяя вокруг себя лиц, интересующихся научной разработкой евгеники. В настоящее время оно насчитывает 366 членов. Председателем его является Джонсон, профессор Питтсбургского университета.

Научную же цель преследует и Общество им Гальтона, председателем которого является ныне Дэвенпорт и которое собирается в Американском музее естественной истории.

Евгеническое общество Соед. Штатов Америки возникло в 1921 г. в качестве отпрыска Eugenics Committee of U.S. of America, образованного по случаю 2 Международного евгенического конгресса, заседавшего в Нью-Йорке. Оно преследует практические цели, заключающиеся в популяризации евгенических знаний, в проведении в жизнь, мероприятий евгенического характера и, в частности, евгенического воспитания. В составе его образовано десять подкомиссий, каждой из которой передана определенная практическая функция. Председателем общества состоит проф. И. Фишер из Уэльского университета.

Eugenics Committee является органом преимущественно совещательного характера, услугами которого нередко пользуется и правительство. Оно включает в себя «консультационный совет», составленный примерно из 100 специалистов по различным отраслям биологии.

Другим учреждением, преследующим евгенические цели, является Race Betterment Foundation (фонд для улучшения расы), которое имеет Eugenics Registry, институт, помещающийся в Баттль Крик и предназначенный для выявления среди молодежи лиц, более одаренных в умственном отношении.

В отдельных крупных городах США существуют местные евгенические общества. Так в 1922 г. в Колорадо было создано Genetic Foundation под руководством д-ра Жилет, стоящего во главе экспериментальной станции Агрономического колледжа. Это учреждение ставит себе целью собирание данных и пропаганду сведений, имеющих непосредственное отношение к улучшению человеческой породы. В Миннесоте имеется свое евгеническое общество, председателем которого состоит д-р Дайт. Все эти институты пользуются однородными методами и действуют согласованно. Эта однородность организации труда имела своим результатом собрание весьма обширных данных о санитарном и физическом состоянии населения различных частей страны, которые служат ценным подспорьем для законодательства.

Евгеника является предметом преподавания в весьма многочисленных университетах и колледжах Сев. Америки. Представителями

этой кафедры являются крупные научные авторитеты, как, напр., Конклин в Принсестоне, Кастоль в Бостоне, Холмс в университете Стендфорда и т. д. При университете Пренсестона публикуется особый журнал «Genetics». Существующая в Балтиморе «Школа Гигиены и Общественного Здоровья» имеет евгеническую секцию, руководимую проф. Пирл, в которой собираются данные по статистике населения с евгенической точки зрения. В Бостоне имеется лаборатория д-ра Вудса, специализировавшегося на вопросах о родственных браках и о подборе среди людей. Имеется и ряд других лабораторий (Стокарда, Гейера и др.). Практическое значение евгеники в Соед. Штатах иллюстрируется тем, что один из первых социально-профилактических институтов Life Extension Institute недавно создал особый евгенический отдел под руководством д-ра Гарриса. Евгеническое движение пользуется поддержкой интеллектуальных сил страны и государственных деятелей, которые видят в нем одно из ценных завоеваний науки о человеке.

Скандинавские страны

Швеция является одной из стран, которая не только высоко поставила у себя изучение евгеники, но и организовала практически борьбу за улучшение человеческой расы. Корни практических мероприятий в этой области были заложены еще в XVIII веке; уже в 1757 г. здесь был опубликован закон, воспрещавший браки эпилептиков. Действующий закон 1915 г. запрещает браки и допускает свободный развод не только между эпилептиками, но и между слабоумными и дефективными, а также между лицами, больными венерическими болезнями в период их заразительности. Тот же закон, по евгеническим соображениям, устанавливает минимальный брачный возраст в 21 года для мужчин и в 18 лет для девушек. Общественное мнение сильно настроено в пользу принудительной стерилизации дегенератов. Проект такой стерилизации был внесен в 1922 г. в ригсдаг. Кроме того, в Швеции организовалось движение, стремящееся в евгенических целях ограничить эмиграцию более производительных и здоровых элементов и воспретить иммиграцию элементов, нежелательных в евгеническом отношении. В 1907 г. с этой целью было образовано Национальное общество борьбы с эмиграцией. Принят ряд мер для противодействия вредному действию на потомство индустриализма и урбанизма. Энергично проводится борьба и с расовыми ядами.

Для разработки евгенических вопросов в Швеции существуют две общественных организации и два государственных института. В 1910 г.

в Стокгольме образовалось шведское общество расовой гигиены (Svenska Sallskapet for Rashygien), которое оказывает поддержку евгеническим исследованиям, распространяет сведения, относящиеся к расовой гигиене и принимает участие в борьбе за улучшение и поднятие качества будущих поколений. Общество выдает премии за лучшие работы по евгенике. В том же 1910 г., под председательством Нильсона-Эйле, в Лунде возникло Общество им. Менделя (Mendelska Sallskapet), при котором публикуется журнал Heredinas (Genetiskt Archiv) на английском, французском и немецком языках, посвященный исследованию наследственности у скандинавских народов. Журнал этот издается уже пятый год, редактором его состоит Руборет Ларссон.

В 1918 г. при Лундском университете был учрежден на государственные средства Шведский институт генетики, изучающий вопросы экспериментальной биологии (преимущественно на материале растений), руководителем института является проф. Нильсон-Эйле. В 1921 г. ригсдаг ассигновал 100.000 крон на создание при Упсальском университете Исследовательского института по расовой гигиене (Statens Institut for Rasbiologi), явившегося первым государственным институтом по изучению евгеники в Европе. Руководителем института состоит проф. Герман Лундборг, явившийся его инициатором. История возникновения института изложена д-ром Хальмаром Андерсоном в книге, опубликованной Лундборгом и Рунстромом (The Swedish Nation in wird and picture. 1921). Институт посвящен главным образом биологическим исследованиям с точки зрения расы и изучает особенности шведского населения, углубляя тем самым работу, уже в течение многих лет проводившуюся Лундборгом. К 1925 г. собранный материал, содержащий антропологические сведения о юношах, охватывал 75.845 лиц. Институт собирает обильный статистический, генеалогический и фотографический материалы. Руководители его читают также лекции по биологии в Упсальском университете. Он публикует ряд небольших работ под общим заглавием «Reporys of the State Institute of Race-Biology». В 1923-24 гг. государство отпустило на содержание института 55.000 шведских крон.

Лекции по евгенике читаются в университетах Лунда, Упсалы, Готеборга и в некоторых школах второй степени. Среди лекторов имеется ряд видных научных работников (Лакман, Гетлин, Хофстен, Норденштренг, Бамстрем, Фюрст, Халлквист, Нильсон-Эйле, Брат, Розенберг и др.).

В Финляндии, в особенности в шведской ее части, также ведутся исследования по евгенике. В Гельсингфорсе при университете имеется кафедра генетики, замещенная ныне проф. Г. Федерли. Проф. О. Ша-

уман, умерший в 1922 г., завещал все свое состояние, достигавшее 4 миллиона марок, Евгеническому обществу шведской Финляндии для постройки особого института генетики и евгеники. Часть его была передана другому финляндскому обществу «улучшения общественного здоровья Шведской Финляндии» (Sampundet Folkshalsan i Sovenska Finland), которое имеет две секции: научную и практическую.

Норвегия. В Осло имеется исследовательский институт по вопросам биологии (Winderen laboratorium), который с 1908 г. публикует шестимесячники «Den Nirdiske Race» («Северная Раса») под редакцией д-ра Мьоен, который разработал программу практической евгеники, получившую известность и за границей. Там же при университете существует институт по изучению наследственности под руководством проф. X. Бонневи. Среди представителей евгеники в Норвегии, кроме указанных выше, можно назвать проф. Фогта, Мора, Кейлхей, Коллина, Гульдберга, Хегстада. В 1908 г. в Норвегии был организован «Консультационный евгенический комитет» (Consultative eugenics Committee of Norway), председателем которого состоит упомянутый уже проф. Мьоен.

Дания также является страной, достигшей большого прогресса в области евгенического законодательства. До 1893 г. здесь производились расово-биологические исследования проф. Г. Вестерграадом и д-ром С. Панзеном, изучившими материал, полученный от обследования 300.000 детей. В 1903 г. в Копенгагене был создан Антропологический комитет (Antropologiske Komite), который стал продолжать эти исследования и организовал ряд других относительно физического состояния населения, в частности, относительно сравнительного качества детей-первенцев, о генеалогии дефективных (слепых, эпилептиков, душевнобольных, глухонемых). Этими исследованиями до сих пор занимается статистическая лаборатория Копенгагенского университета. Правительство выдает на эту работу ежегодную субсидию. В 1922 г. образовалась Датская евгеническая комиссия (Eugeniska Komite), в работах которой приняли участие, кроме проф. Ганзена, известный биолог Иоганнсен и психиатр А. Виммец — оба из Копенгагенского университета.

Страны немецкой культуры

В Германии евгенические работы получили первый толчок со стороны двух биологов А. Плетц и В. Шалльмейера. Плетц окрестил юную науку, созданную Гальтоном, именем расовой гигиены; это название, невзирая на критику в самой Германии, до сих пор удерживается большинством немецких исследователей. Тот же Плетц основал видный журнал «Archiv fur Rassen

und Gesellschaftsbiologie». Шальмейеру (умер в 1919 г.) Германия обязана первым крупным трудом по евгенике «О наследственности и отборе». До войны немецкие евгенисты (в числе которых следует особо упомянуть проф. Баура и Христиана в Берлине, проф. Грубера, Рюдина, Ленца, Леманна в Мюнхене, Фишера во Фрейбурге и Вейнберга в Штутгарте) делали мало попыток к популяризации евгенической науки и к ее практическому применению. В 1905 г. Плетц основал в Мюнхене «Германское общество расовой гигиены», которое явилось проводником евгенического движения, но параллельно с этим движением возникло другое, которое стремилось лишь к простому увеличению числа населения, не обращая внимания на улучшение его качеств. Это популяционное направление приобрело значительное развитие, особенно в годы войны, и его лозунгом было быстрое восстановление убыли в человеческом материале, вызванной войной.

Популяционное движение имело демократический характер, и его представители боролись с евгеническими доводами, ссылаясь на их антидемократичность. Вся дискуссия сосредоточилась вокруг вопроса о средствах поднятия уровня рождаемости и о помощи многодетным семьям, без всякого внимания к качеству потомков.

Общество расовой гигиены, имеющее несколько ответвлений в главных городах Германии, приложило во время войны много усилий для распространения биологических сведений и для смягчения односторонних увлечений популяционистов. Под влиянием этого общества в Мюнхене Врачебной ассоциацией была назначена особая комиссия для всестороннего изучения вопроса о народонаселении, и результаты этой работы, опубликованные спустя два года, представляют собою основные вехи практической программы немецких евгенистов.

К Обществу расовой гигиены примыкают и другие социальные организации. Так в 1915 г. Zentralstelle für Volkswhlfahrt организовало в Берлине конгресс, в котором приняло участие свыше 1000 делегатов, для обсуждения вопросов о народонаселении как с количественной, так и с качественной точки зрения. В 1916 г. аналогичный конгресс был созван в Дармштадте Немецким обществом для изучения народонаселения. Германская комиссия по увеличению рождаемости (Aesschuss für Volksvermehrung), под руководством пастора Вебера, развила широкую пропаганду среди религиозных организацией по вопросам расовой гигиены. В феврале 1918 г. в Берлине образовалось Общество дружбы по оружию (Wassenbrüderliche Vereinigung), которое, пригласив представителей Австрии, Венгрии и Болгарии, подвергло обсуждению на особом съезде вопрос о населении. Обсуждение носило бурный характер вследствие антагонизма между консервативной и радикальной частью съезда.

После войны вопросы евгеники отошли на второй план в виду других проблем, волновавших лучшие умы немецкого народа. Сторонники популяционного направления смолкли и стали стремиться к слиянию своего общества с Обществом расовой гигиены. Последнее же по-прежнему продолжало свою исследовательскую работу по вопросам евгеники. Среди этих исследований укажем на работу Рюдина о наследственности, на коллективную работу Баура, Ленца и Фишера «Grundriss der menschlichen Erbichkeitslehre u. Rassenhygiene», являющуюся капитальным трудом, полезным для каждого интересующегося вопросами евгеники и генетики. Баур является также автором известного «Введения в экспериментальное изучение наследственности» (Einführung in die expermentelle Vererbungslehre), а перу Фишера принадлежат интересные работы о скрещивании европейцев с некоторыми южно-африканскими расами. Ленц позже написал интересную работу о расовой гигиене с историко-философской точки зрения. Наряду с этими более крупными трудами, отметим работы меньшего значения, но все же Значительные, принадлежащие Гротьяну, Сименсу, Мукерману, Шейдту, Гюнтеру. Лучшие популярные труды по евгенике издаются Немецким гигиеническим музеем в Дрездене.

В Германии не существует государственных институтов по изучению евгеники, как то имеется в Швеции, нет и самостоятельных институтов типа нью-йоркского Евгенического бюро. При Мюнхенском университете в Психологическом институте имеется секция генеалогических исследований, руководимая Рюдином. Недавно при антропологическом институте того же университета образован консультационный отдел для исследований по семейной наследственности. При Институте гигиены с 1923 г. имеется секция по расовой гигиене, во главе которой стоит проф. Ленц. В Берлине с 1922 г. открыта при университете кафедра людской генетики (menschkiche Erblichkeitslehre), находящаяся в связи с анатомо-биологическим институтом университета. Кафедру эту занимает проф. Поль, являющийся единственным ординарным профессором по этому предмету. Впрочем, небольшие курсы по расовой гигиене и родственным предметам читаются периодически почти во всех германских университетах; укажем в виде примера курсы проф. Гротьяна и Макса Христиана в Берлине.

В Австрии имеется мало интересного в области евгеники. Группа ученых, созванная д-ром Рудольфом Гольдшейд, проф. Павлом Каммерер и Юбилем Тандлером, пыталось создать в Вене евгенический центр, но до сих пор им не удалось объединить вокруг себя достаточного числа интересующихся. В 1917 г. бывший министр Матайя образовал в Вене Австрийское общество для изучения науки о народонаселении,

преследующее те же цели, как и германское. На заседаниях этого общества обсуждались социальные и статистические вопросы, но без освещения их с точки зрения наследственности и биологии. В 1916 г. в Вене был создан организацией Deutschoesterreichische Zentrale für Volkswohlfahrt съезд, обсуждавший вопросы народонаселения, но он должен был прерваться вследствие политических волнений.

Венгрия. Венгерский народ всегда проявлял живой интерес к евгенике. Вначале проводились положения, принятые английскими и американскими евгенистами. Позднее была положена в основание работы немецкая концепция расовой гигиены, и в 1914 г. была избрана комиссия для организации этого движения. Правительство в принципе относилось сочувственно к этому начинанию и послало в комиссию своего представителя. Война приостановила работу комиссии, и только в 1917 г. было образовано Венгерское общество для изучения расовой гигиены и вопросов народонаселения. Председателем его был избран П. Телеки, бывший министр и видный ученый. Как показывает само название общества, оно преследует двойную цель: популяционную и евгеническую; представители социальных и биологических наук работают здесь в тесном контакте друг с другом.

Венгрия явилась первой страной континентальной Европы, которая приняла евгенику, как основу для правительственных мероприятий. Телеки, назначенный в 1917 г. министром по обеспечению пострадавших от войны, заявил в своей декларации о намерении следовать в практике указаниям евгеники. Он поручил проф. Г. Гофманну из Будапешта наладить эту работу. В 1917 г. были изменены постановления относительно подоходного налога в целях покровительства отцам многочисленных семей. С 1920 г. в Венгрии приняло широкие размеры движение по возрождению расы, которое затронуло не только вопросы евгеники, но и вопросы морали, законодательства и пр.

Чехословакия. Первые шаги в области евгеники здесь относятся к 1900 г. Движение здесь возникло независимо от англичан и американцев и обязано преимущественно невропатологу, проф. Гасковичу из Праги. Позднее проводниками евгенического движения явились врачи Вальтер, Брожек, Герфорт, Куенский. В 1908 г. в Богемии образовалась Чешская комиссия по охране детства, проводившая в жизнь идеи евгеники. В 1914 г. Гаскович и Ружичка стали выпускать особое приложение к «Архиву Невропатологии», посвященное вопросам наследственности и евгеники. В 1915 г. было основано, частью на пожертвованные средства. «Евгеническое Общество при институте экспериментальной генетики и биологии Пражского университета». Общество это выработало довольно обширную программу, охватывающую всю область социальной гигиены.

В 1919 г. правительство, по совету этого общества, внесло в парламент проект о представлении свидетельств о здоровье брачующимися. Недавно директор Пражского педологического института д-р Герфорт создал три евгенических центра: при институтах педологическом, психотехническом и дефектологическом Пражского университета.

В Голландии несколько обществ сотрудничают в практическом проведении евгенических мероприятий. Ими являются: 1) национальное антропологическое бюро в Амстердаме, учрежденное в 1922 г. проф. Клейвегом; оно объединяет ныне свыше 200 членов и распадается на несколько секций, из которых секция наследственности и евгеники возглавляется женщиной — д-ром ванн Херверден. 2) Общество генетики, учрежденное в 1915 г. под именем «Общества научного содействия», но затем в 1924 г. изменившее свое название на указанное выше. Председателем его является д-р П. Мейес. 3) Общество освидетельствования брачующихся, учрежденное в 1912 г. и ныне насчитывающее сотню членов, среди которых имеются различные социальные и гигиеническое организации; председателем его является проф. Слисвик, профессор гигиены Дельфтского университета. Под руководством этого общества функционируют бесплатные консультации для брачующихся в Айе и Амстердаме. 4) Общество Het Nederlandsche Volk, учрежденное в 1914 г., имеющее особую комиссию для изучения человеческой наследственности, образованную с 1920 г.; секретарем комиссии является психолог д-р ванн дер Шпек. Все эти общества образовали в 1924 г. центральный комитет, председателем которого является проф. Фретс. Комитет имеет целью координировать работу этих обществ.

В Голландии еще не имеется особых евгенических институтов. Косвенно этими работами интересуется государственное бюро статистики, являющееся вместе с тем центром Международного бюро статистики. В университете Гронинген существует единственная официальная кафедра генетики, которую занимает проф. Таммес. В Утрехтском университете д-р ванн Герверден с 1912 г. читает курс общей генетики, а с 1920 г. — курс евгеники для студентов медицинского факультета.

Среди последователей евгеники следует назвать д-ра Варденбурга, издающего журнал «Генетика», недавно умершего д-ра Руджерса, специально интересовавшегося вопросами ограничения рождаемости в связи с евгеникой (Rassenverbesserung und bewusste Anzahlbeschränkung). Книга эта переведена на ряд языков и содержит описание голландской практики консультаций по контролю за рождаемостью.

Швейцария. Главным сторонником и популяризатором евгенического движения в Швейцарии в течение ряда лет является видный невролог и психиатр А. Форель, ныне достигший весьма преклонного возраста. В Цюрихе существует институт расовой биологии, директором которого

состоит О. Шлагинхауфен, профессор антропологии Цюрихского университета. Он вместе с Форелем был делегатом Международной евгенической комиссии. Значительная поддержка работам по расовой гигиене в Швейцарии была оказана умершим Ю. Клаусом, завещавшим в 1920 г. 100 тыс. франков на такие работы. С 1923 г. в Берне издается журнал «Natur und Mensch», разрабатывающий вопросы наследственности и расовой гигиены. В 1922 г. в заседаниях Общества гигиены в Цюрихе, под председательством проф. Гонценбаха, подверглись всестороннему обсуждению вопросы евгеники в их практическом применении.

Латинские и другие страны

Франция. В 1912 г., по случаю первого международного конгресса по евгенике, происходившего в Лондоне, при поддержке правительства и ряда видных ученых. В Париже было основано Societe Francaise d'Eugenique. Первым действительным президентом общества был избран Перрье, член Академии Наук. Ближайшими его сотрудниками были профессора Ландузи, Гуссе, Люсьен Марш, Рише и Пинар. Первым секретарем Общества был д-р Аперт. Со времени своего учреждения общество стало издавать бюллетень «Eugenique », содержащий оригинальные статьи, отчеты о заседаниях, заметки и пр. Во время войны общество должно было прервать свою деятельность. В настоящее время оно насчитывает около 60 членов. Секретарем его является д-р Шрейбер.

Незадолго до войны общество опубликовало сборник статей под заглавием «Евгеника и селекция»; некоторые из этих работ подверглись обсуждению на конференциях Межсоюзной школы социальных наук. Этот труд явился первой работой по евгенике на французском языке.

Кроме Евгенического Общества, существует евгеническая секция при Международном антропологическом обществе. Преподавание евгеники еще отсутствует во Франции; не существует вовсе и евгенического законодательства. Широкие круги общества заняты лишь вопросом уменьшения рождаемости, интересуясь лишь количественной стороной и оставаясь равнодушными к практическим задачам евгеники.

Бельгия. В 1912 г. по инициативе директора Социологического института им. Сольвей, Э. Ваксвейлер, начаты были первые работы по евгенике. Они послужили основой для создания Societe belge d'Eugenique, которое возникло в 1919 г. в Брюсселе, благодаря усилиям д-ра Буланже, явившегося его первым председателем, Иенша и Рюло. Общество образовало в своем составе ряд секций и комиссий при участии специалистов различных наук, смежных с евгеникой. Целью общества

является преимущественно пропаганда и распространение сведений по евгенике в широких общественных кругах. С января 1921 г. общество публикует журнал «Revue d'Eugenique», выходивший раньше 2 раза в год, а с 1924 г. переименованный в ежегодник «Annales d'Eugenique». В числе наиболее активных членов Бельгийского евгенического общества имеются: Говэртс, являющийся его секретарем, Шренен, Рене Занд. Де Моор, судья для малолетних Ветс и др. В 1922 г. в Антверпене было открыто отделение общества.

В настоящее время бельгийское евгеническое движение разделено между указанным обществом в Бюро евгеники (Office Belge d'Eugenique»), созданным в 1922 г. в Брюсселе во время Journees Internationales d'Eugenique. Оно существует при Социологическом институте А. Сольвей и на средства института. В 1923 г. это бюро открыло отделение при клинике для дефективных детей Гинтон в Брюсселе, в котором регистрируются семейные истории больных детей. В стране имеются и некоторые самостоятельные группы ученых, ведущих евгенические исследования.

Италия. 21 марта 1913 г. в Риме. В составе Римского антропологического общества, был образован Comitato Italiano per gli studi di Eugenica, в котором приняли участие профессора Джини, Серджи, де-Санктис, Манджагали, Артом, Ничефоро и Саффиотти. В 1919 г., по инициативе проф. Джини, Песталоцца и Артом, было учреждено «Societa Italiana di genetic ed eugenica». Председателями этого общества последовательно были Песталоцца, Ахилл Лориа и К. Джини. Общество имеет целью «способствовать всем тем исследованиям, которые стремятся к развитию знаний о законах наследственности и об улучшении расы, уделяя особое внимание вопросам человеческой расы». Деятельность общества находится в сотрудничестве с другими ветвями Международной евгенической комиссии. Оно заседает в Риме при Институте социальной гигиены, профилактики и помощи. Оно имеет два органа: «Сборник работ по вопросам пола» и ежемесячный журнал «Difesa Sociale». По инициативе общества, в октябре 1924 г. в Милане был собран первый итальянский конгресс социальной евгеники с участием представителей Международной евгенической комиссии. Имеется в виду издание международной библиотеки по евгеническим вопросам.

Румыния. В этой стране еще не имеется ни евгенических обществ, ни бюро, но все же ведутся некоторые работы по евгенике. При Институте гигиены университета Клюи образована небольшая секция евгеники, где выполняются экспериментальные и статистические работы, печатаемые в издании Биологического общества. В университете студентам читается постоянный курс евгеники.

Португалия. В 1923 г. в Лиссабоне, по инициативе Б. да-Рокка-Кабраль, образован Институт биологических исследований.

В Испании с недавнего времени стал выходить журнал «Eugenia».

В Бразилии имеются три евгенических общества: одно в Сан-Паоло, основанное в 1918 г. по инициативе д-ра Р. Келл; оно публикует «Евгенические Анналы». Другое общество находится в Манасе (Амазона) и председателем его состоит д-р М. Лео. Наконец, третье общество находится в Рио-де-Жанейро; оно было организовано бразильским Обществом неврологии и психиатрии и председателем его является проф. Ю. Морейра. В ноябре 1922 г. на американско-латинском конгрессе врачей было внесено предложение об образовании Всеамериканской ассоциации евгеники и гомокультуры. В 1923 г. для этой цели была созвана конференция, на которой постановлено образовать международное всеамериканское бюро по евгенике с местопребыванием в Вашингтоне.

Эстония. В 1924 г. в Тарту (Дерпте) образовалось Эстонское евгеническое общество, председателем которого был избран профессор гигиены Дерптского университета д-р А. Раммуль. Общество организовало серию конференция по всей стране и предполагает издавать небольшой евгенический журнал под заглавием «Tulev Eesti» (Эстония завтрашнего дня).

В Граце (Югославия) также в 1924 г. образовалось общество расовой гигиены. Его первым председателем явился проф. Полланд, по специальности дерматолог.

Евгеническое движение начинает пускать корни и в странах азиатского Востока.

В Индии в г. Лагоре возникло в 1921 г. первое евгеническое общество (Hindusthan Ieitisudhar Sabha) благодаря усилиям д-ра Алувалиа. Оно насчитывает свыше 150 членов и имеет отделения в Дальфи. Симле и Бангалоре.

В Китае некоторые из студентов, побывавших в американских университетах, явились распространителями сведений по евгенике. Терон Илик открыл курс евгеники при университете в Нанкине.

В Японии имеется свое евгеническое общество, организованное бар. Гото, которое публикует ежемесячный журнал «Евгеника», печатающийся частью на английском языке.

Международная деятельность

Международных конгрессов по евгенике состоялось всего два. Первый происходил в 1912 г. в Лондоне, по приглашению Общества

евгенического воспитания. В нем участвовало свыше 7600 делегатов, представлявших почти все страны. За год до того в Дрездене, по инициативе Немецкого общества расовой гигиены, основанного Плетцом, состоялся Международный Конгресс Расовой Гигиены. Второй Международный евгенический конгресс происходил в Нью-Йорке в 1921 г. В 1922 г. в Брюсселе происходило Международное совещание по евгенике (Journees Internationales d'Eugenique).

Постоянные международные учреждения. По инициативе Германии, Австрии, Швеции и Швейцарии еще до войны было организовано Международное евгеническое общество. Во время войны это общество, имевшее в своем составе преимущественно немцев, не проявляло активности, хотя оно не прервало своих международных отношений.

Другим постоянным международным учреждением является Международная евгеническая комиссия, образовавшаяся в 1913 г. после Лондонского международного конгресса. После войны она собиралась на сессии в 1919 г. в Лондоне, в 1921 г. — в Нью-Йорке, по случаю 2 международного конгресса, в 1922 г. — в Брюсселе, в 1923 г. в Лунде, в октябре 1924 г. — в Милане, в августе 1925 г. — в Лондоне, в июле 1926 г. — в Париже. В комиссии представлены 22 страны. Председателем ее является Л. Дарвин. Представителем от СССР — проф. Н. К. Кольцов. Сама комиссия устанавливает место и время созыва международных конгрессов и занимается всем тем, что имеет интернациональный интерес в области евгеники. Ею проводятся различные анкеты по различным странам.

Является небесполезным сопоставить между собою некоторые основные тенденции практическо-программного характера, преследуемые отдельными более влиятельными евгеническими организациями.

Так английское Общество евгенического воспитания стремится к распространению сведений о законах наследственности с тою целью, чтобы английский народ, зная такие законы, а также учитывая влияние отдельных дефектов на потомство, смог сознательно относиться к браку и деторождению; оно имеет в виду поощрение браков индивидов, наследственно лучше одаренных, и ограничение браков лиц с отягченной наследственностью.

Программа Парижского евгенического общества имеет в виду устранить или, по крайней мере, ослабить дегенеративные черты, тяготеющие над населением, и стремится к распознанию законов причинности в области поведения. Деятельность общества направлена главным образом на лиц, уже наследственно отягощенных, которых оно стремится или излечить, или обособить.

Шведское общество ставит своей задачей работу над усовершенствованием скандинавской расы, оно проводит кампанию за принудительную

стерилизацию дегенератов, способствовало проведению в жизнь законов об ограничении браков между имбецилликами, эпилептиками и пр.

Норвежский институт расовой гигиены рекомендует: а) обособление дефективных, эпилептиков, привычных алкоголиков и преступников, б) стерилизацию (но не обязательную) таких лиц, в) изменение программ преподавания в школах с подчеркиванием важности биологических и гигиенических наук, г) реформу налог7овой системы, состоящую в введении мер в пользу материнства и многодетных семей; д) борьбу против расовых ядов (алкоголя, сифилиса и пр.), е) воспрещение браков между лицами, принадлежащими к резко отличным друг от друга расам.

Чехословацкое евгеническое общество имеет весьма обширную программу, которая необычайно расширяет пределы евгеники, включая в нее борьбу против всех социальных болезней и за улучшение окружающей обстановки.

Итальянская ассоциация имеет в виду улучшение человеческого рода вообще, независимо от национальности и расы. Она тесно увязывает программу практической евгеники с вопросами социальной гигиены и профилактики.

Немецкое общество расовой гигиены стремится достигнуть, помимо качественного улучшения немецкого народа, также и его численного роста; оно ведет борьбу против уменьшения рождений и выдвигает меры поощрительного характера.

Наиболее развитой является евгеническая программа американских обществ: они стоят за принудительную стерилизацию дефективных, ограничения при вступлении в брак и освидетельствование брачующихся, утверждают право на евгенический контроль над деторождением (birth control), требуют раннего учета и обособления дефективных элементов и пр. Порою к этим программам примешиваются и мероприятия по сохранению здоровья и жизненных качеств белого населения, которое размножается менее быстро, чем цветнокожее население Америки.

В общем практические программы евгенических организаций находятся еще в стадии выработки, и многие вопросы еще не в достаточной мере освещены в каждой стране.

П. И. Люблинский

НОВОЕ В ВОПРОСЕ О СТЕРИЛИЗАЦИИ ДЕФЕКТИВНЫХ

В № 3 Русского Евгенического журнала за 1926 г. было приведено резюме проекта, представленного д-ром Бетерсом саксонскому правительству относительно стерилизации умственно-дефективных лиц. Благодаря любезности проф. Л. Г. Оршанского, передавшего мне коллекцию оттисков и газетных заметок, собранную д-ром Бетерсом в связи с ведущейся им кампанией в пользу законодательного признания стерилизации, мы имеем возможность сообщить о некоторых дальнейших этапа пропаганды в пользу стерилизации в Германии.

Предложение д-ра Бетерса, изложенное в №№ 28 и 29 научного приложения к Лейпцигской учительской газете за 1924 г., было представлено им еще в конце 1923 г. саксонскому правительству, которое передало его на рассмотрение особой врачебной комиссии. В начале 1924 г. саксонское ведомство здравоохранения опубликовало законопроект относительно обеспложивания лиц душевнобольных, слабоумных и преступников по предрасположению при условии сохранения их половых желез (стерилизации посредством вазэктомии и сальпингэктомии). Проект этот был, однако, оставлен без дальнейшего движения ввиду той значительной критики, которую он вызвал в среде врачей и юристов. Тогда д-р Бетерс решил обратиться к имперскому правительству. 18 октября 1925 г. им был передан Рейхстагу проект «О предупреждении неценной жизни посредством оперативных мероприятий», который в ряде статей изменял первоначальную редакцию 1923 г. В новой своей редакции проект состоял из 7 статей следующего содержаний: 1. Дети, признанные, вследствие прирожденной слепоты, прирожденной глухоты, эпилепсии или идиотизма, неспособными с успехом принимать участие в нормальном школьном обучении, должны по возможности быстрее подвергнуться операции, долженствующей лишить их способности к размножению. При этом органы, имеющие важность для внутренней секреции, должны быть сохранены (стерилизация). 2. Лица душевнобольные, умственно-слабые, эпилептики, слепорожденные, рожденные глухими или являющиеся морально-несдержанными (mralisch-haltlose), пользующиеся призрением в публичных или частных учреждениях, подвергаются стерилизации перед их освобождением или условным

отпуском. 3. Душевнобольные, умственно-слабые, эпилептики, слепорожденные и рожденные глухими могут вступать в брак лишь после произведенной над ними стерилизации. 4. Женщины и девушки, неоднократно рождавшие детей, отцовство которых не может быть установлено, должны подвергнуться освидетельствованию их психического состояния. Если при этом будет обнаружена их наследственная малоценность, то они должны или подвергнуться стерилизации, или содержаться в закрытых учреждениях до окончания возраста их способности к оплодотворению. 5. Заключенные тюрем, наследственная малоценность которых будет стоять вне сомнения, могут получить по заявленному или ходатайству частичное сокращение наказания после того как они добровольно подвергнут себя операции обеспложивания. Судебное производство против половых преступников должно быть определено особым законом. 6. Операция может быть производима лишь такими врачами, которые обладают надлежащими познаниями по хирургии и гинекологии и располагают всеми необходимыми вспомогательными средствами. Для лиц неимущих сама операция и последующее лечение должны быть бесплатными. 7. Стерилизация людей нормальных должна влечь за собой наказание наравне с тяжким телесным повреждением». В апреле 1926 г. в дополнение к приведенному проекту д-р Бетерс представил в Рейхстаг «проект постановления в проведении в жизнь стерилизации». Этот проект гласит:

«1. Ни один находящийся в школьном возрасте ребенок не может быть изъят от освидетельствования в целях установления недостатков, указанных в ст. 1 закона. 2. Предложения о стерилизации в случаях, предусмотренных ст. 1, делаются органами школьной инспекции, а в случаях, указанных в ст. 4, отделом детства; о производстве операции решает врачебная власть. 3. Постановление врачебной власти доводится до сведения законно представителя лица, подвергаемого стерилизации. При отсутствии законного представителя, таковой должен быть назначен. 4. Законный представитель может, в течение двух недель со дня извещения о последовавшем постановлении, принести жалобу в участковый суд. Участковый суд решает дело по выслушивании заключения общинной власти, объяснений ближайших родственников стерилизуемого лица, поскольку это возможно, заключения эксперта по вопросам наследственности и в случае, указанном в ст. 1, учителя ребенка в данное время. 5. Издержки и судебные расходы (поскольку постановление было обжаловано) с лиц малоимущих не взыскиваются. 6. Стерилизация выполняется немедленно после вступления постановления в законную силу. 7. Лица, принятые в учреждения лишь в целях наблюдения, не считаются находящимися на призрении в смысле ст. 2

закона. К условному увольнению приравнивается и передача на содержание в семье. Действию ст. 2 подлежат также те призреваемые, которые неоднократно совершали побеги из учреждений и от которых можно ожидать в дальнейшем самовольных отлучек. 8. К каждому заявлению о вступлении в брак должны быть приложены: а) удостоверение от полиции о поведении за последние пять лет, б) свидетельство о прохождении школы, в) изложенные по особой анкете сведения о наследственных данных, добросовестность и возможная точность которых должны быть удостоверены подпиской, равносильной присяге. Орган, регистрирующий акты гражданского состояния, может затребовать дальнейшие сведения от органов, ведущих справки о судимости. Если на стороне кого-либо из вступающих в брак обнаружены недостатки, указанные в ст. 3 закона, и если не будет доказана его стерилизация, то орган, ведущий регистрацию, пересылает все документы соответствующей врачебной власти на заключение. Если последняя признает наличие таких недостатков обоснованным, то орган, ведущий регистрацию, должен отказать в регистрации брака и уведомить о том все другие органы регистрации актов гражданского состояния. Об отказе сообщается лицам, желавшим вступить в брак, которые могут в течение 6 недель принести жалобу в участковый суд. Производство по жалобе происходит в порядке, указанном в ст.ст. 4 и 5, 9. Наследственная малоценность может быть, в частности, признана при алкоголизме, злоупотреблении морфием и кокаином, при неисправимом тунеядстве, а также по отношению к бродягам и цыганам. 10. Каждый принимавший участие в стерилизации врач обязан послать в двух экземплярах отчет о поводе к операции и об ее выполнении соответственному органу врачебной власти. Последний хранит один экземпляр у себя в течение 20 лет, а другой пересылает в министерство внутренних дел. 11. Ст. 7 закона ни в чем не затрагивает случаев производства операции в лечебных целях».

Приведенный проект Бетерса не лишен ряда курьезов. Таковы, например, его предложения относительно представления брачующимися удостоверений от полиции о своем поведении, рекомендация стерилизации цыган, предложение о «добровольном» ходатайстве заключенных, вознаграждаемом сокращением срока заключения, и некоторые другие. Нужно, однако, заметить, что большинство этих предложений не является оригинальным: они — скорее отзвук некоторых американских законов. Последние также предусматривают создание комиссий для решения вопроса о стерилизации с участием евгенистов и с правом обжалования постановления комиссий в суд; мы встречаем здесь также законы (например, закон шт. Вашингтон 1925 г.), разрешающие браки наследственно-дефективных при условии их предварительной стерили-

зации; там также наблюдается увлечение в смысле распространения этой меры на алкоголиков, наркоманов, привычных преступников и проституток. Для Германии, однако, такой радикализм является делом совершенно необычным, и как саксонское правительство, так и научные круги подвергли предложения Бетерса бойкоту. После более чем годового молчания, на настойчивые запросы Бетерса председатель имперского отдела здравоохранения Бумм ответил письмом, в котором указывал на крайнюю трудность целесообразного применения этой меры и на ее сомнительную необходимость с точки зрения охраны здоровья населения. Саксонское правительство, в конце концов, также высказалось против подобной стерилизации психически-дефективных. К таким же отрицательным выводам пришло и прусское ведомство здравоохранения. В детском возрасте, по заявлению руководителя этого ведомства, еще нельзя с определенностью установить психической малоценности человека. По мнению же имперского отдела здравоохранения, вопрос еще не созрел, и потому оно воздержалось от того, чтобы предложить рейхстагу рассмотреть проект закона о стерилизации душевнобольных и психически анормальных лиц.

Несмотря на свою неудачу, призыв Бетерса сыграл известную роль в Германии, вызвал множество журнальных и газетных статей, обсуждавших этот вопрос. В переданной мне коллекции имеется до десятка агитационных статей самого Бетерса, помещенных в общей прессе различных направлений. Наряду с резко отрицательной критикой проекта, не мало было и авторитетных голосов психиатров, педагогов и гинекологов, высказывавшихся в пользу стерилизации. Оживленному обсуждению подвергли этот вопрос и криминалисты на съезде, состоявшемся в сентябре 1926 г., высказавшись, однако, против стерилизации. Характерно в этой полемике указание на то, что фактически уже и теперь стерилизация применяется в Западной Европе довольно широко и притом не по одним только медицинским показаниям. Берлинский профессор-гинеколог Дюррсен в своей статье «Zur Reform des Sexualstrafrechts» (1926) сообщает, что стерилизация женщин применяется им с 1899 г., причем ему удалось найти технически усовершенствованный оперативный прием для нее. Он высказывается за возможность применения ее не только в тех случаях, когда дальнейшие беременности должны быть безусловно предупреждены в интересах здоровья и жизни женщины, но и по экономическим основаниям (многодетность, изнурение сил матери-пролетарки и пр.). Такого же взгляда придерживается и цитируемый им видный германский акушер Дедерлейн. Бетерс сообщает о неоднократном применении стерилизации в Цвикау в учреждениях для слабоумных детей. В одном из тюрингенских лечебных учреждений

в течение двух лет было стерилизовано 22 женщины и 3 мужчины при выпуске в целях предупреждения нежелательного с евгенической точки зрения зачатия. При туберкулезе женщины стерилизация является довольно частой операцией. Один видный дрезденский врач сообщает, что в течение 5 лет практики он произвел свыше 100 таких операций с хорошим исходом. Особенно распространена стерилизация женщин за последние годы в Париже. Поскольку речь идет о добровольной стерилизации, ни среди врачей, ни среди юристов не возникает сомнений о ее допустимости. Несколько более спорным явился лишь вопрос о допустимости ее с согласия законного представителя при малолетстве или невменяемости самого стерилизуемого. В целях устранения сомнений в этом вопросе саксонское правительство в 1925 г. внесло предложение в имперское ведомство юстиции дополнить вырабатываемый ныне в Германии проект уголовного уложения статьей следующего содержания: «Не является наказуемым телесным повреждением производство врачом операции стерилизации над лицом, страдающим душевной болезнью или душевным расстройством, могущим быть приравненным к ней, или тяжкими наследственными предрасположениями к преступности, если операция производится с заключения двух официально уполномоченных врачей о том, что с большою вероятностью можно ожидать от такого лица наследственно-отягощенного потомства. Операция должна производиться с согласия лица или, если оно является недееспособным, с согласия законного представителя; в обоих случаях требуется также согласие опекунского суда. В качестве эксперта могут быть приглашаемы лишь психиатры или врачи, сведущие в евгенике и расовой гигиене». Постановление это не было воспринято официальным проектом 1925 г., однако в ст. 238 последнего мы находим общую формулировку: «Операции и способы лечения, соответствующие обычаю добросовестного врача, не являются телесными повреждениями или недозволенными насилиями с точки зрения настоящего закона».

Из различных штатов Северной Америки, допускающих принудительную стерилизацию, единственным штатом, широко практикующим ее в жизни, является Калифорния. Со времени издания, 26 апреля 1909 г., первого закон о стерилизации здесь было произведено свыше 5000 таких операций по евгеническим показаниям. Эти операции применялись к лицам, содержавшимся в шести государственных госпиталях для душевнобольных и убежищах для слабоумных. Изучение богатого калифорнийского опыта, поэтому, может дать много интересного для изучения применения этой меры в жизни. Эта работа и была предпринята небольшой группой исследователей в начале 1926 г. В 1927 г. в журнале

Journal of Social Hygiene (May and June, 1927, № 5 and 6) напечатана статья П. Попеноэ, являющаяся сводкой полученных данных (Paul Popenoe, Eugenie sterilization in California). Статья разбивается на две части, из которых в первой взяты лица душевнобольные, а во второй — слабоумные. Всего до 1 января 1927 г. подверглось стерилизации 3.951 душевнобольных (2.355 мужчин и 1.596 женщин из общего числа 38610 больных, прошедших за этот период через государственные госпитали, что составляет свыше 10%). Исследователи ограничились внимательным изучением 1.189 случаев в двух госпиталях для душевнобольных. Они сопоставили их с общими данными относительно душевнобольных штата и пришли к статистически обоснованным выводам о том, что в основе отбора пациентов отсутствовали какие-либо расовые или национальные предубеждения. По возрасту лица, подвергшиеся стерилизации, несколько моложе среднего возраста душевнобольных, впервые поступающих на излечение. Средним возрастом для подвергшихся стерилизации мужчин были 33 года, а для женщин 30 лет; число стерилизованных мужчин превышает число женщин в пропорции 3:2. Две трети мужчин были холостыми, две третьи женщин являлись замужними. Наибольший интерес представляет таблица с указанием тех душевных болезней, которые послужили основанием для применения стерилизации. Мы воспроизводим ее с указанием параллельно общг5ео процента первых поступлений больных соответственной болезнью в Калифорнии вообще.

Вид душ. болезни	Группа стерилизованных в %		Поступления по всей Калифорнии в %	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Юнош. слабоумие	60,0	29,23	16,76	19,22%
Маниак.-депрессивные психозы	17,34	47,59	13,63	27,18
Психопатич. конституция	7,73	11,28	16,75	10,12
Алкоголизм, сифилис. Наркомания с психозом	4,80	0,84	23,89	9,03
Эпилепсия	5,33	3,55	2,07	2,33
Прочие душ. болезни	4,80	7,51	26,90	32,12
Итого	100,00	10,00	100,00	100,00

В этих данных бросается в глаза несоответствие в процентных отношениях между поступавшими вообще в больницы и стерилизованными; оно понятно, ибо для стерилизации подбирались преимущественно случаи с эндогенными психозами, тогда как среди поступавших большинство

было с психозами экзогенного происхождения. Например, психозы на алкогольной и сифилитической почве дали для мужчин почти 24% поступлений, тогда как среди стерилизованных они составили лишь 4,8%. Юношеское слабоумие стоит на первом месте по проценту стерилизованных как болезнь, чаще всего имеющая наследственный характер.

Значительный процент стерилизованных женщин, страдавших маниакально-депрессивными психозами, объясняется сравнительно частыми случаями психозов в связи с родами. Бывали случаи, когда каждая новая беременность или роды создавали вспышку психоза, и в таких случаях стерилизация являлась мерой, прямо диктуемой медицинскими соображениями. Этим, между прочим, объясняется и преобладание замужних в группе стерилизованных женщин. Порою один страх беременности уже вызывал состояние психоза.

Из числа душевнобольных, подвергшихся операции, 26,4% мужчин и 51,57% женщин были окончательно выписаны из госпиталя, 4,26% мужчин и 8,53% женщин условно выпущены, 4,36% мужчин убежало. Довольно значительная часть (47,78% мужчин и 29,38% женщин) до сих пор еще находится в больницах. Впрочем, большая часть последней группы падает на тех, которым операция была произведена в течение последних двух лет. Обычно операция производится над теми больными, которые подают надежду на выздоровление и на выпуск которых из больницы можно надеяться. В других случаях (особенно часто при юношеском слабоумии) операция производится в надежде на то, что она сможет произвести благоприятное действие на физическое и психическое состояние пациента; здесь она преследует скорее лечебную, чем евгеническую, цель. В лечебную силу этой операции верят многие врачи и психиатры Калифорнии на основании сделанных ими наблюдений; даже калифорнийский законодатель в тексте закона подчеркивает допустимость производства вазэктомии, «когда это окажется ведущим к улучшению физического, психического или морального состояния какого-либо из содержащихся в учреждении». Подробные данные об этой стороне операции авторы отчета обещают дать в будущем.

Число лиц умственно-отсталых, к которым была применена стерилизация, несколько меньше. За последние 10 лет она была произведена над 1.054 лицами, страдавшими умственным дефектом (606 мужчин и 448 женщин). Значительное большинство стерилизованных (почти 80% мужчин и 75% женщин) находилось в возрасте между 15 и 24 годами. Обследователи имели в своем распоряжении 605 дел, на которых они и основывают свои заключения. Наименьшим возрастом, в котором была произведена операция, был 12-летний. Но это — редкое исключение. Как правило, до прохождения периода полового

созревания операция не производилась. Наиболее высоким возрастом производства операции был 42 года для мужчин и 43 для женщин. Средний коэффициент умственного развития подвергшихся стерилизации был для мужчин 59% для женщин 61% (развитие, соответствующее физическому возрасту, принимается за 100%), другими словами, средний уровень проходил на грани между имбецилликами и дебиликами. Но умственное развитие распределялось между стерилизованными не равномерно. С одной стороны, были случаи, близкие к идиотии, а с другой, встречались индивиды с нормальным развитием (коэффициент 90-99%), но представлявшие значительные извращения в половой и психической сферах. Правда, последние случаи были довольно редки (1,6%). Из числа подвергнутых операции 34% мужчин и 28% женщин по-прежнему содержатся в учреждении, 62% мужчин и 69% женщин выпущены окончательно или условно; остальные умерли, переведены в другие учреждения или скрылись. Из числа выпущенных некоторое число пациентов вступило в брак. Случаев сколько-нибудь решительных возражений против операции со стороны родителей, опекунов и близких оперированного не наблюдалось.

Этюды о применении стерилизации в Калифорнии, по-видимому, еще не закончены, так как отсутствуют указания на некоторые весьма существенные стороны вопроса (влияние на здоровье, на дальнейшую жизнь, отношение к операции самих оперируемых и пр.). Но и опубликованные части обследования представляют несомненный интерес как первая экспериментально-клиническая работа по этому новому и мало освещенному вопросу практической евгеники.

За последнее время вопрос о стерилизации живо обсуждался и в английских научных кругах. В конце 1925 г. центральный английский совет по общественному призрению (Board of Guardians) представил в парламент меморандум, в котором просил палату заняться внимательным рассмотрением вопроса о возможности допущения стерилизации лиц умственно-дефективных. Аналогичные же резолюции были представлены и от имени некоторых общественных организаций. По данным английского совета по контролю за душевнобольными и умственно-дефективными, созданного законом 1913 г. (Board of Control), в 1924 г. находились под наблюдением совета в Англии и Шотландии 201.179 лиц, из коих 51.230 являлись лицами умственно-дефективными. Содержание лечебных заведений и убежищ для душевнобольных и умственно-дефективных обошлось в том же году государству 6.953.804 фун. ст. Значительное число умственно-дефективных находится и среди заключенных в местах лишения свободы, особенно среди рецидивистов. За 4 года на содержание умственно-дефективных и душевнобольных

израсходовано 18.687000 ф. ст. При всем этом сеть учреждений недостаточна, надзор за содержащимися слаб и зачастую приходится оставлять на свободе лиц, представляющих общественную опасность. Лэнгдон-Даун в статье, напечатанной в Eugenics Review 1927 № 2, сомневается в том, чтобы парламент одобрил политику применения стерилизации. Он потребует гарантий того, чтобы эта мера применялась только тогда, когда будет достаточно очевидно доказано, что субъект обладает наследственно передаваемыми через зародышевую плазму дефектами и что дети его не избегнут этой наследственности; между тем современная наука еще не может представить таких доказательств. Парламент потребует доказательства того, что существующие меры недостаточны для борьбы с распространением умственных дефектов, между тем как в значительном числе случаев сегрегация умственно-дефективных является вполне достаточной мерой. Наконец, парламент потребует таких доказательств, которые могли бы убедить его в том, что хорошие результаты стерилизации перевесят собою те отрицательные последствия, которые эта мера может вызвать (ослабление сдержек для беспорядочных половых отношений, понижение рождаемости и др.). Если быть последовательным, необходимо стерилизовать человека уже с 16 лет, т. е. с возраста, когда он становится возможным родителем, но наука еще не доказала полной безопасности этой операции для организма, еще не развившегося. Применение стерилизации в ранние годы может отпугнуть родителей от отдачи детей в учреждения для умственно-дефективных, и они будут скрывать их у себя.

Упомянем, наконец, что в 1924 г. в Швеции была произведена официальная анкета по вопросу о стерилизации. Комиссия в окончательном выводе высказалась против принудительной стерилизации, но признала ее целесообразной в определенных случаях с согласия лица или его законных представителей.

С конца 1924 г. вопрос о выработке закона о стерилизации дефективных лиц встал на очередь и в Дании. Королевским указом от 23 декабря 1924 г. была организована специальная комиссия из выдающихся судебных и врачебных работников для научной разработки этого вопроса. Комиссия присвоила себе наименование «Комиссия по выработке социальных мероприятий против лиц, подвергшихся вырождению». В ноябре 1926 г. она смогла уже представить в министерство юстиции записку о рекомендуемых мероприятиях, среди которых особое внимание уделено стерилизации. В записке указывается на то, что стерилизация может преследовать различные цели: частью она рекомендуется, чтобы удержать человека от совершения преступлений, вызываемых нездоровыми сексуальными влечениями, причем в таких

случаях, по мнению комиссии, мера эта должна приниматься по желанию самого субъекта, а не принудительно. Затем стерилизация может ставить себе более широкую цель улучшить психическое и физическое состояние населения, в частности путем устранения возможности рождения детей определенными группами социально-дефективных или даже вредных лиц, если можно ожидать, что это потомство также окажется дефективным или социально-вредным. Наконец, не преследуя широких евгенических задач, эта мера может ставить себе задачей из соображений гуманности ограничить размножение тех лиц, обстоятельства которых дают основание спасаться, что их потомство окажется плохо вооруженным в борьбе за существование вследствие наследственной отягощенности, полной беспризорности и ляжет тяжелым бременем на общество. В последних двух случаях вопрос может идти и о введении стерилизации против воли соответственного лица. Ознакомившись с данными биологических и евгенических исследований, с положением вопроса в иностранных законодательствах и в общественных кругах, комиссия признала, что наступил момент к проведению стерилизации как в целях предупреждения преступности, так и в известной мере, по соображениям социальным и гуманитарным, но что при существующем положении наших знаний о наследственности, еще не наступило время рекомендовать применение этой меры в целях более широких, а именно — в целях улучшения психического и физического состояния населения. Далее комиссия признала возможным допустить стерилизацию лишь с согласия лица — а в целях предупреждения преступности, даже по его личной инициативе — и, рассматривая эту попытку как эксперимент, предложила ввести в действие поставленный ею законопроект лишь на несколько лет, подвергнув его затем пересмотру.

Самый проект комиссии изложен в следующих семи статьях.

1. Проект закона о допустимости стерилизации

§ 1. Лица, ненормально сильное или ненормально направленное половое влечение которых подвергает их опасности совершить преступление и тем самым подвергнуть опасности себя самих и общество, могут по их собственному предложению быть подвергнуты кастрации или другой операции в области полового аппарата, если получат согласие со стороны комиссии, указанной в § 3.

Такое предложение может исходить только от лиц совершеннолетних. К заявлению должно быть приложено врачебное свидетельство, содержащее возможно подробные сведения относительно оснований,

вынуждающих заявителя (заявительницу) прибегнуть к данной мере. Если заявитель (заявительница) находятся под опекой, то требуется согласие опекуна. Если заявитель находится в брачном сожительстве, то, по общему правилу, требуется согласие супруга.

§ 2. Комиссия, указанная в § 3, может вместе с тем решать вопрос об устранении способности размножения лиц психически анормальных, содержащихся в учреждениях, если ею будет особо важным в социальном отношении признано сделать таких лиц неспособными произвести потомство, даже в тех случаях, когда не будет иметься на лицо опасности для правопорядка, указанной в § 1.

Предложения подобного рода делаются комиссии администрацией соответствующего учреждения, к заявлению должно быть приложено удостоверение врача учреждения или должностного врача. Предложение должно сопровождаться, при недееспособности или малолетстве лица, согласием со стороны его опекуна. Если содержащееся в учреждении лицо, не будучи признано недееспособным и находящимся под опекой, является неспособным, в силу своих психических недостатков, понимать значение подобного рода операции, то для этой цели должен быть назначен особый опекун. Если соответственное лицо находится в браке и брачное сожительство не прекращено судебным или фактическим путем в течение более длительного периода, то, по общему правилу, требуется получение согласия другого супруга на операцию.

§ 3. Решение вопросов, указанных в §§ 1 и 2, предоставляется комиссии, составленной из особого, выделенного министром юстиции судьи и двух членов, выделенных судебно-медицинской коллегией, из коих один должен быть психиатром. По предложению комиссии министр юстиции может назначить еще двух членов.

Комиссия обязана, до вынесения постановления относительно поступившего в нее предложения, затребовать от органов власти все признаваемые ею необходимыми сведения и заключения, допросить или поручить допросить лиц, познаниям которых можно доверять, а также провести другие расследования, могущие оказаться полезными.

Комиссия должна прийти к убеждению в том, что соответственное лицо (или в соответственных случаях его опекун) имеет надлежащее представление относительно характера и предполагаемых последствий данной операции.

Если комиссия дает разрешение на выполнение операции, то она должна указать способ ее выполнения, употребляя научно-медицинскую терминологию. В случаях, указанных в § 1, лицо, подвергающееся операции, может само избрать сведущего в хирургии врача для производства операции, а в случаях, указанных в § 2, врач избирается

администрацией учреждения. Немедленно после производства операции, врач должен поставить о том в известность комиссию.

Если комиссия отвергнет предложение о производстве операции, то новое предложение может быть внесено лишь по истечении года со времени отказа, если только не появились такие обстоятельства, которые отсутствовали ранее и которые имеют важность при решении вопроса.

§ 4. Члены комиссии должны хранить в тайне сведения, полученные ими при выполнении своих обязанностей.

§ 5. Члены комиссии могут получать вознаграждение по постановлению министра юстиции. Расходы на эту цель, а также на задачи, связанные с работой комиссии, вносятся в годовой бюджет.

§ 6. Недозволенное производство указанных в данном законе операций, поскольку другими законами не предусматривается за это более строго наказания, влечет за собою штраф в сумме от 500 до 5000 крон.

Непосылка указанного в § 3 п. 4 извещения влечет денежный штраф от 10 до 200 крон.

§ 7. Действие настоящего закона распространяется на 5 лет, считая со дня его опубликования.

П. И. ЛЮБЛИНСКИЙ

ЕВГЕНИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ И НОВЕЙШЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ДЕТЯХ

Доклад, прочитанный в заседании Ленинградского Отделения Русского Евгенического Общества 12 января 1925 г.

I.

Английский историк Эдмунд Бэрк говорил, что народ представляет собою триумвират тех своих сочленов, которые умерли, которые живут и которые имеют родиться. Действительно, живущее поколение есть только как бы законный представитель, охраняющий наследство предков с тем, чтобы передать его в приумноженном и более цветущем виде своим потомкам. Это наследие, конечно, следует рассматривать не только и даже не столько как сумму материальных благ и культурных ценностей, но и как совокупность известных биологических качеств, жизненных приспособлений и навыков, определяющих собою жизненность и устойчивость расы в дальнейшем ее существовании.

Тройственный союз прошлых, настоящих и будущих поколений, впрочем, далеко не покоится на равноправии своих сочленов. В то время как в эпохи прошлые власть умерших поколений в виде культа предков и их традиций тяготела над сознанием народа, подчиняя его поведение и уклад жизни авторитету старейшин, являющихся, в свою очередь, носителями родовых традиций, в настоящий период все резче дает себя знать власть поколений будущих, в жертву интересам которых порою не только приносятся тысячи уже существующих жизней, но ради которых существующие поколения добровольно налагают на себя ряд стеснительных ограничений. Чем культурнее страна, чем более высокие задачи она ставит перед народом, тем интересы будущих поколений пользуются большим признанием и большей защитой. Наконец, в эпохи напряженной взаимоистребительной борьбы, в эпохи голода и материального истощения с особенной силой пробуждается инстинкт самосохранения существующих поколений, которые для охранения своей собственной жизни нередко приносят в жертву интересы прошлого и будущего.

Сложное взаимоотношение трех этих тенденций проявляется прежде всего в характере социальной психологии каждой эпохи, в жизненных идеалах, мотивах поведения, в котировке различных социальных ценностей, - словом, во всем облике «социального устремления» масс населения. В основе его лежит смутный и подсознательный инстинкт массовой ориентации в определенных жизненных условиях, инстинкт массового приспособления, играющий в развитии народа не меньшую роль, чем инстинкт индивидуального приспособления в жизни индивида. Так называемые законы размножения населения, явления войн, переселений, эмиграции и даже явления революций своими корнями опираются на него. Но с наибольшей отчетливостью он проявляется, пожалуй, в области текущего законодательства каждой страны. Законодательство, творимое наиболее сознательными и верно отражающими смутные потребности народа элементами, представляет собою хорошее зеркало его социальной психологии и его жизненной ориентации. Поэтому изучение законодательства с определенной точки зрения имеет большую важность не только для юриста, который будет призван к тому, чтобы проводить его веления в жизнь, но и для социолога и для евгениста, изучающего влияние социальных норм на биологические качества расы.

Из различных областей законодательства особенно показательным является законодательство о детях, так как здесь некоторое соперничество между интересами существующего и интересами будущего поколения более заметно дает себя знать и вместе с тем наиболее ярко выявляются те черты жизненного устремления народа, которые направлены на будущее. «Дети — носители будущего, строители будущей жизни», эта истина ныне звучит почти трюизмом, но вместе с тем она в практическом отношении далеко еще не утвердила себя. Лишь с самого начала XX века интересы здорового развития ребенка начинают с особенной силой интересовать государство и полагаются в основание ряда государственных мероприятий. К социальным правам ребенка начавшая развиваться к этому времени евгеника присоединяет новое право — «право быть хорошо рожденным», т. е. не унаследовать таких болезней или дефектов, которые делают человеческую жизнь несчастной и тягостной как для самого человека, так и для народа. Социально-правовая охрана детства, начавшая складываться также лишь с начала XX века, вручает высшие опекунские права по отношению к каждому ребенку государству, тогда как раньше только небольшая категория детей, наиболее заброшенных и несчастных, пользовалась некоторым вниманием государственных органов, и притом это внимание далеко не всегда было направлено в сторону спасения ребенка от тяжелых условий; иногда государство карало ребенка за правонарушения, считаясь больше с интересами общей безопасности, чем с интересами самого малолетнего.

Война нанесла тяжелый удар детству. Не будет преувеличением, если мы скажем, что дети явились категорией населения, наиболее пострадавшей от войны. Конечно, нельзя исчислить в денежных суммах ущерба, понесенного детьми, и не о материальных убытках идет здесь речь. Вред, причиненный детству, явился результатом того «длительного оскудения» как материального, так и духовного, в условиях которого детям пришлось, а отчасти приходится еще и теперь развиваться. Призыв на войну педагогов, воспитателей, старших родственников, взятие школ под лазареты, военные учреждения, беженство лишили их возможности получить необходимое образование. Голодные условия существования в период военной нужды, дороговизна, жилищный кризис лишили их необходимого материального базиса для здорового физического развития. Преждевременно ранний труд в неблагоприятных условиях подточил их силы и лишил их возможности надлежащей профессиональной подготовки. Наконец, нездоровая социальная обстановка сначала полная военных сенсаций, а затем безудержной спекуляции, разгула, социальной разнузданности и грубого эгоизма, развила в них дурные привычки и социально-опасные наклонности. Все это наложило печать оскудения на детей, выраставших во время войны, и значительно ослабило их жизненные качества. Громадное развитие детской беспризорности в странах, наиболее пострадавших от войны, явилось симптомом не только тяжелых материальных условий, в которых оказались дети, но и той жизненной неприспособленности детства, которая явилась продуктом их физического и душевного оскудения.

Драгоценный человеческий материал юных поколений, разъедаемый злом невежества, болезней, беспризорности и безработицы, не только гибнет втуне, но и является громадным резервуаром, из которого черпаются кадры антисоциальных элементов (преступников, проституток, попрошаек, дегенератов, авантюристов и пр.). На слабые плечи выходящего в жизнь поколения накладываются огромные трудности по восстановлению разрушенной войной экономической жизни, а порою и тяготы по старым расплатам за войну. Естественно, что рождаются самые мрачные мысли относительно того, насколько оно сможет справиться со всем эти, и невольно навертывается вопрос, не стоит ли европейская часть человечества на пороге «заката», который предсказывает Европе Шпенглер.

Однако, лишь немногие из более малодушных склонны поддаваться такому отчаянию. Энергия борьбы за возрождение проснулась после войны во всех странах, и почти повсюду все ударные силы брошены на оздоровление и поднятие благосостояния детства. В самом деле, экономическое возрождение страны, о котором так много говорят, возможно только тогда, если надлежащим образом будет поставлен наиболее

ценный фактор производства — человеческий труд. Производительность труда может быть повышаема, без опасности физического истощения работника, лишь поднятием его жизненных сил и квалификации. А эти последние, в свою очередь, зависят от тренировки и выучки, полученной в детстве и юношестве. Поэтому поднятие производительных сил страны неизбежно требует укрепления и оздоровления детства, как кадра будущих работников страны. В основании политики охраны детства в настоящий момент, таким образом, лежит не просто гуманитарный мотив сердечного попечения о несчастном ребенке, а серьезнейший государственный мотив поднятия благосостояния будущих поколений.

Однако, война наложила свою печать и на само отношение существующего поколения к будущему. В зависимости от условий, в которых оказались после войны отдельные народы, существенно различны между собою и тенденции, проявляющиеся в их законодательстве о детях. После войны мы наблюдаем повсюду громадное развитие детского законодательства. Нет ни одной страны, в которой не были бы проведены знаменательные и крупные реформы в этой области. Однако, не все страны идут по одному и тому же пути, и здесь мы можем различить между собою по крайней мере три господствующие тенденции, каждая из которых является характерной для определенной группы народов или стран.

1. Страны с низкой рождаемостью, вышедшие из мировой борьбы победительницами, необычайно озабочены умножением своего населения, так как только при хорошей рождаемости они смогут закрепить за собою плоды своей победы. К этой группе прежде всего принадлежат Франция и Бельгия. Острее их нового законодательства по детскому вопросу направлено именно в эту страну. Борьба с абортом и противозачаточной практикой, проведение всеми возможными путями политики поощрения рождаемости, система мер социальной помощи многодетным семьям, борьба с детской смертностью, поддержание морали, наиболее способствующей укреплению брачных отношений и плодовитости — вот главнейшая программа этих стран, которую можно назвать именем популяционной программы. Конечно, нельзя оставлять без внимания и интересов уже народившегося детства, но эти последние стоят на втором плане, и в то время как проблема усиления рождаемости ныне во Франции и Бельгии стала уже вполне оформленной государственной программой, проблема охраны детства в тесном смысле еще до сих пор в преобладающей степени проводится инициативой частных и общественных организаций полусоциального, полублаготворительного характера, в деятельности которых сильно заметны черты классовых и конфессиональных тенденций. Само государство взяло под свое покровительство лишь детей — сирот войны, которые объявлены детьми нации и которые содержатся и воспитываются на общественные средства.

2. Если теперь обратиться к странам побежденным, в частности к Германии и Австрии, которые после войны оказались на долгие годы лишенными достаточных материальных ресурсов, экономической опоры вне своих тесных европейских границ, окруженных недоброжелательными соседями, и, главное, каких-либо отрадных перспектив ближайшего будущего, то нам представится совершенно иная картина тенденций, наблюдаемых в области детского законодательства. Об усилении рождаемости здесь нет и речи; материальных возможностей и средств едва хватает на удовлетворение нужд существующего населения, и оно всячески сдерживает свой рост путем воздержания от браков, противозачаточной практики, абортов. Инстинкт массового самосохранения толкает его в сторону постепенного свертывания в целях приспособления к значительно более узкому базису материального существования. Обеспечение уже существующему детству необходимых материальных условий для здорового развития — программа материального минимума — вот основной лозунг нового немецкого законодательства о детях. В течение долгих лет войны, рассчитанной на истощение противника, немецкие дети развивались в крайне тяжелой обстановке. Продовольственный, топливный, жилищный, одежный и др. кризисы лишили громадную массу детей необходимых материальных условий их развития, усилили детскую заболеваемость, развили в громадном размере детскую беспризорность. По статистическим данным к 1924 г., число лиц, пользующихся публичной поддержкой, с 5% довоенного времени ныне достигло 50%. К прежним группам лиц, пользовавшихся социальным обеспечением, прибавилось свыше 1½ миллиона инвалидов войны, 600.000 вдов воинов, 1.200.000 осиротелых детей воинов, ложащихся на бюджет государства. Помимо того, экономический кризис после войны создал новые громадные массы социально обеспечиваемых: безработных, мелких рантьеров, разорившихся от обесценения марки, детей беднейших классов, беженцев из провинций, отошедших к другим государствам, рурских рабочих, проводящих политические забастовки и пр.[1]

---

[1] На втором евгеническом конгрессе д-р Крум в своем докладе иллюстрировал падение рождаемости в коренном населении Америки следующими цифрами. Он собрал сведения о 15.000 женщин и их 75.000 детей за период с 1680 г. по 1890 г. В первый период (около 1700 г.) менее 2% женщин имели одного ребенка, в конце XIX века таких матерей было уже 19%. К 1700 г. матерей, имевших более 10 детей, было 24%, в 1890 г. — всего 3%. В 1770 г. менее 2% замужних женщин не имели детей, в 1890 г. — 8%. Возраст вступления в брак с 20 лет повысился в среднем до 23 лет.

Влияние тяжелых материальных условий на состояние детства сказывается во всем. 90-92% всех правонарушений, совершаемых детьми, являются имущественными преступлениями, отражающими тяжелое материальное положение детства. Некоторые формы этих правонарушений приняли настолько стихийный характер, что потребовалось издание специального закона, воспретившего покупку от детей благородных и неблагородных металлов и железного лома (закон 11 июня 1923 г.), так как дети буквально растаскивали уличные сооружения в целях получения денег. Борьба с дурными привычками детей: беспорядочным посещением кино (закон 11 апреля 1920 г.), потреблением детьми крепких напитков и посещением ими кафе, ресторанов и пр. (закон 9 февраля 1923 г.) имеет в виду не только предупреждение дурных влияний на малолетнего, но и удержание детей от вредной расточительности и создание сдержки против того духа «максимального использования настоящего момента», который объял все классы населения в Германии и который заставляет население забывать о завтрашнем дне.

Германская конституция от 11 августа 1919 г. провозглашает, что «воспитание подрастающего поколения с целью выработки из него элементов, годных в физическом, умственном и общественном отношениях, является высшим долгом и естественным правом родителей, и на страже этого находится все государственное общежитие» и что «молодежь должна быть охраняема от эксплуатации, а также от нравственной, умственной и физической заброшенности» (ст. 120-122). Точно так же имперский германский закон от 9 июля 1922 § 1 гласит, что «каждый немецкий ребенок имеет право на воспитание в целях достижения физической, духовной и общественной пригодности». Однако все попытки более широкого понимания и обеспечения этих прав ребенка неизменно наталкиваются на материальные соображения. При издании закона 1924 г. о месте оказания материальной поддержки долго и мучительно обсуждался вопрос, должна ли община, оказывающая поддержку, ограничивать свои траты на ребенка только доставлением ему начального образования или же на ее обязанности должно лежать также снабжение его элементарной профессиональной подготовкой. По тем же соображениям декларативная статья закона об охране детства от 9 июля 1922 г., которую мы выше цитировали, признает право на воспитание только за немецкими детьми, как бы опасаясь того, что какой-либо нуждающийся ребенок-иностранец отнимет кусок хлеба от его немецкого сверстника. Постановления немецких законов о материальном обеспечении детства и других категорий населения представляют собою дремучий лес, пробиться сквозь чащу которого представляет большие трудности для исследователя, даже относительно хорошо знакомого с германским законодательством. Но во всех них ясно проглядывает одна

тенденция: различные группы населения, в том числе и дети, упорно и с отчаянием протягивают свои руки к государству, требуя от него удовлетворения своих материальных нужд. Напомним еще раз, что половина всего населения современной Германии существовала еще недавно непосредственно на средства, получаемые путем публичной поддержки, и нам станет ясным, почему тенденциям материального обеспечения, диктуемая элементарным инстинктом самосохранения существующих поколений, может быть для Германии признана основной тенденцией всего социального, в частности, детского законодательства.

3. Обращаясь к англосаксонским странам, преимущественно к Англии и Сев Америке, мы наблюдаем здесь тенденции опять-таки иного рода. Их можно охарактеризовать общим образом как тенденции евгенические. Не случайным является то обстоятельство, что евгеника, как наука и как программа социальных мероприятий, нашла свое развитие именно в этих странах. Статистика показывает, что коренное население этих двух стран в численном отношении прогрессирует очень мало,[2] но что вместе с тем в его составе все более и более часто наблюдаются явления вырождения, умственной дефективности, душевные заболевания. По сведениям английской королевской комиссии, собранным на основании переписи 1906 г., в Англии насчитывалось 271.607 лиц душевнобольных и умственно-слабых, что составляет 1 на 120 человек населения. Американские исследователи, опираясь на данные переписей и отчеты различных учреждений, определяют общее число слабоумных в Соединенных Штатах в 182.000 человек или, примерно, 1 на 500 жителей. В 1917-1918 гг. при освидетельствовании 1.700.000 молодых людей, призванных для военной службы, 5,4% были признаны непригодными к службе вследствие своей умственной дефективности, причем в это исчисление не вошли лица, содержавшиеся в больницах и убежищах, как заведомо неспособные[3].

Ни Англия, ни Америка не заинтересованы непосредственно в увеличении своего населения: первая имеет почти неисчерпаемый резервуар людей в своих колониях, разбросанных во всех частях света; вторая может черпать людской материал почти в любом количестве путем иммиграции. Но обе нации крайне заинтересованы в том, чтобы коренное, англосаксонское население страны, создавшее свою историческую культуру, утвердившее во всем мире свою власть и экономическое

[2] Подробнее см. мою работу «Евгеника и умственная дефективность» в сборн. «Вопросы воспитания нормального и дефективного ребенка». Л. Гос. Изд. 1924 г.

[3] Подробнее см. мою работу «Евгеника и умственная дефективность» в сборн. «Вопросы воспитания нормального и дефективного ребенка». Л. Гос. Изд. 1924 г.

могущество, сохранило свое качественное преобладание над другими вливающимися в него элементами. В Америке это стремление приобретает особенную силу вследствие значительного процента негритянского населения, размножающегося быстрее, чем население белокожее, а также вследствие постоянной угрозы со стороны эмиграции желтых рас. Опираться на одну силу или на крепость исторических традиций не приходится, и желанное преобладание может быть достигнуто лишь путем радикального оздоровления и облагораживания господствующей расы. Соответственно с этим и идеи евгеники пользуются здесь громадной популярностью. Они накладывают свою яркую печать и на большинство актов законодательства, в частности, законодательство об охране детства. Евгеническое законодательство англосаксонских стран представляет собою уже довольно внушительный сборник законов. Законы о стерилизации какогенических индивидов, об ограничениях вступления в брак слабоумных, эпилептиков, туберкулезных, сифилитиков и т. п., законодательство о контроле над умственно-дефективными и детернировании их, меры, проводимые в судах по искоренению преступности, проституции, наркомании и пр., все это — продукт евгенических тенденций на протяжении одного-двух последних десятилетий. Мощные и богатые общественные организации, из которых назовем Ассоциацию Умственной Гигиены (Mental Hygiene Association) и Ассоциацию Социальной Гигиены (Social Hygiene Association) борются с факторами, вызывающими развитие умственных дефектов, сифилиса, туберкулеза. В области организаций по охране детства, ставящих в основание своей деятельности евгенические принципы, можно назвать Joint Committee on preventing juvenile delinquency, возникшей всего пару лет тому назад.

Английский закон об умственно-дефективных (Mental deficiency act 1913 г.) и ряд последовавших по его пути американских законов об умственной дефективности (Нью-Йорк, Индиана, Массачусетс и др.) стремится уже с самого раннего возраста выделить дефективное детство из общей массы населения и поставить его в особые условия, которые, обеспечивая таким детям необходимую заботу и воспитание, тем не менее предупреждали бы дальнейшее размножение дефективных. В широкой постановке дела охраны материнства и младенчества евгеническая точка зрения находит себе выражение в объединении работы консультаций с диспансерами по борьбе с сифилисом, гонорей, туберкулезом, т. е. профилактикой болезней, особенно сильно подтачивающих здоровые корни расы. Эта точка зрения сказывается и в разрешении ряда вопросов женского и детского труда, где учитывается влияние определенных видов труда не только на здоровье самого индивида, но и на жизненные качества его будущих потомков. «Минимальные стандар-

ты детского благополучия», выработанные Вашингтонским конгрессом по охране детства в 1919 г., рассчитаны на то, чтобы сохранить юное поколение здоровым, стойким и предохранить его от вырождения. При анализе каждого случая, в котором приходится решать судьбу ребенка, учитываются не только факты его прошлой жизни и личные качества, но и факты, касающиеся его наследственности. В дальнейшем мы коснемся подробнее наблюдаемых в англосаксонских странах евгенических тенденций, отметив пока, что преобладание их, особенно в течение последнего десятилетия, является фактом, резко бросающимся в глаза.

Мы установили, таким образом, три основных тенденции, или программы современных государств в деле охраны детства и детского законодательства — популяционную, материального минимума и евгеническую. Они, конечно, не исчерпывают всей проблемы охраны детства, но накладывают яркую печать на большинство принимаемых мер. Избрание той или иной программы зависит не от внутренних достоинств каждой из них, а от жизненных интересов народа, проявляющих себя в смутных инстинктах массового приспособления к создавшимся историческим условиям. Поэтому и обсуждение их сравнительных достоинств и недостатков было бы бесцельным. Каждая из них хороша для своих условий. Но при всем том нельзя не отметить известной постепенности в этих программах. Программа материального минимума является наиболее элементарной, поскольку она ставит своей главнейшей задачей самосохранение существующих поколений. Программа популяционная имеет в виду уже интересы будущих поколений, понимаемые, однако, очень узко, в смысле одного лишь численного преобладания его представителей; она является наследием эпохи милитаризма, когда численностью армии определялась и мощь каждой страны. Наконец, программа евгеническая, стремясь не столько к количественному, сколько к качественному прогрессу населения, являет собою программу, более соответствующую мирному и здоровому развитию человечества, хотя, конечно, в отдельных странах и к ней могут примешиваться националистические нотки.

В дальнейшем мы иллюстрируем выявленные нами в этой главе тенденции отдельными примерами из области новейшего законодательства.

II.

Одним из наиболее ярких показателей существующих тенденций является отношение законодательства к проблеме деторождения, к появлению на свет будущего поколения. Законодательство охраняет

жизнь не только существующих граждан, но и тех, которые должны придти им на смену. Охрана будущей жизни — одна из культурных функций государства, без выполнения которой государство обречено было бы на вымирание. Но здесь мы наблюдаем различные степени и оттенки такой охраны, которые позволяют нам уловить и различные тенденции законодателя.

Начнем со стран с популяционной тенденцией — Франции и Бельгии. По статистическим данным во Франции в течение 1922 г. зарегистрировано 759.854 рождения и 689.267 смертей, что дает превышение рождаемости над смертностью в 70.579 или 1,8 на 1.000 населения. В 1923 г. число рождений равнялось 781.861, а число смертей — 666.990, что дает разницу в 94.871 или 2,4 на 1.000. Увеличение 1923 г. приблизительно равномерно падает на некоторое уменьшение смертности населения и на увеличение его рождаемости. Это небольшое повышение, давно уже незнакомое Франции, наполняет сердца французов ликованием; но посмотрим, какой ценой оно было получено.

Одним из существенных факторов сокращения рождаемости является сознательное уклонение от материнства, в целях чего население прибегает к противозачаточным средствам и к аборту. Французское уголовное законодательство еще до войны содержало статью, каравшую аборт суровым наказанием — долгосрочным заключением в исправительном доме. Но после войны этого запрета оказалось недостаточным. 31 июля 1920 г. здесь был издан закон о репрессии за призыв к производству аборта и пропаганду противозачаточных средств. По этому закону карается тюрьмой от 6 месяцев до 3 лет и штрафом от 100 до 3.000 фр. всякий, кто станет приглашать к производству аборта, хотя бы этот призыв не имел последствий, посредством речей, произносимых в публичных местах или на публичных собраниях, путем продажи, предложения к продаже, рассылки или раздачи как в публичных местах, так и на дому или в виде посылки по почте в закрытом или открытом виде, непосредственно или через посредство агента-разносчика, - книг, печатных произведений, объявлений, афиш, рисунков, изображений, эмблем. Наказуемо помещение объявлений в газетах о врачебных или так наз. врачебных советах, связанных с беременностью. Теми же наказаниями карается предложение или передача каким-либо образом средств, веществ, инструментов или каких-либо предметов, заведомо предназначаемых для аборта, даже в тех случаях, когда аборта или попытки к нему не последовало или когда предложенные предметы в действительности оказались неспособными вызвать аборт. Если же в результате этого аборт последовал, то виновный отвечает, как за производство аборта. Те же наказания применяются к женщине, которая

достала средства для производства себе аборта, или которая дала согласие на применение к ней указанных средств, если аборт последовал. Таким образом, не только само производство аборта, как раньше, но и пропаганда абортивных средств, доставление средств к аборту или использование их поставлены под угрозу серьезного наказания.

Но наряду с абортом тот же закон впервые во Франции вводит наказуемость пропаганды противозачаточных средств. Он карает тюрьмою до 6 мес. И штрафом до 5000 фр. распространение этих средств одним из указанных выше способов, направленное к рекомендации приемов, могущих предупредить беременность, или к облегчению пользования этими способами. Под угрозу наказания поставлены даже отвлеченная пропаганда, направленная против деторождения, и шарлатанство, выражающееся в сбыте, в сущности, безвредных средств, снабженных, однако, этикетками, анонсами или другими указаниями, свидетельствующими об их специфическом употреблении.

Совершенно аналогичный законопроект был внесен в конце 1923 г. в бельгийскую палату депутатов председателем совета министров г. Картон де Виаром.

27 марта 1923 г. во Франции издается новый закон о смягчении наказаний за борт для самой беременной. Вместо прежнего заключения в исправительном доме новый закон устанавливает наказание простой тюрьмой от 6 мес. До 2 лет и штрафом от 500 до 10.000 фр. С первого взгляда мы как будто наблюдаем противоречие с отмеченной выше тенденцией усиления наказаний за борт. Но на самом деле вопрос обстоит совершенно иначе. Тяжкое наказание, установленное за борт до закона 1923 г., делало это деяние подсудным суду присяжных. Присяжные в громадном большинстве случаев оправдывали подсудимую, и репрессия сводилась почти к нулю. Снижая наказание, «коррекционализируя» его, закон передает его тем самым в ведомство суда исправительной полиции, состоящего из трех правительственных судей, который, конечно, будет более стойким. Сокращение тяжести основного наказания при этом компенсируется введением высокого штрафа, неизвестного прежнему закону. Любопытно отметить, что скрытая ель закона была настолько ясна всем, что при обсуждении проекта в Палате врачи и юристы (напр., Долери, Тибо. Лафарг), являющиеся ярыми приверженцами кар за аборт, были наиболее ревностными защитниками проекта, а его противниками были представители более сдержанного отношения к наказуемости.

Но меры репрессии имеют свой предел. Гораздо большего можно достичь мерами поощрения рождаемости. В этом отношении во Франции и Бельгии за последнее время мы наблюдаем планомерную и широкую политику всевозможных поощрений. Главным средством поощрения

явилось установление премий за материнство. Первый шаг к тому был сделан уже законом 27 июля 1904 г., установившим выдачу в 50 франков каждой француженке за произведенного ею на свет ребенка. После войны законами 29 июня 1918 г., 30 апреля 1922 г. и декретом 30 августа 1920 г. система премий за материнство была построена на новых началах. Начиная с 3-го ребенка, в основание ее был положен прогрессивный принцип: так, за 3-го ребенка француженка получает 300 фран., за 4-го — 1000 фр. и т. д.; в отдельных местностях к этим суммам делаются довольно значительные приплаты из местных средств, построенные также по прогрессивному принципу. Закон 24 октября 1919 г. обеспечивает каждой француженке государственную выдачу в размере 15 франков в месяц в течение года за вскармливание ребенка грудью. Кроме того, дополнительные выдачи на роды и кормление практикуются страховыми кассами, создавшими особую форму материнских выдач (caisses d'allocations maternelles). Уже в течение 1922 г. на премии матерям было израсходовано свыше 3 миллионов франков, причем ими воспользовалось не только рабочее население, но и сравнительно зажиточные семьи. Застрахованная француженка-мать, имеющая грудного ребенка, получает 85-100 фр. в месяц различных выдач из государственных, коммунальных и страховых средств. Другой мерой явилось прогрессирующее увеличение заработной платы главе семьи. С рождением каждого нового ребенка ставка работника увеличивается механически на определенную сумму. Особенно много льгот вводит французский закон 30 июня 1923 г.: он удлиняет сроки обязательного срока выхода в отставку для государственных служащих, являющихся отцами больших семей, вводит прибавки многодетным чиновникам и военнослужащим, гарантирует их от оставления за штатом при сокращениях, облегчает им приобретение участков земли и т. д. Многосемейным в первую очередь выдаются публичные пособия. Assistance publique в течение 1921 г. Выдало 313.985 пособий 231.062 многодетным семьям. Декретом 27 января 1920 г. во Франции был создан Высший Совет по Рождаемости (Conseil soperieur de Natalite), которому поручено «изыскивать все меры к устранению падения рождаемости, развивать охрану здоровья детей и принимать всяческие меры в интересах усиления рождаемости». Он наметил широкую программу своей деятельности. В каждом департаменте он имеет свой орган в лице Commission departamentale de Natalite; департаментские комитеты опираются в свою очередь на организации окружные. Но кроме правительственной организации, возник ряд общественных союзов, ежегодно собирающих национальные съезды для обсуждения вопросов, связанных с рождаемостью. Таковы Etats generaux des Familles

de France, Congres d'allocations familiales etc. На состоявшемся в сентябре 1922 IV национальном конгрессе по рождаемости намечена система законодательных и административных мер в этом направлении, в числе которых упомянем: оказание широкого кредита и рассрочки многочисленным семьям для постройки жилищ, бесплатное обучение в школах, обязательное обучение всех девушек домоводству и уходу за детьми, предоставление женщинам-служащим права выхода со службы на срок свыше 2 лет без утраты служебных прав, удержание молодых девушек в деревнях, где они охотнее отдаются материнству, поощрение аграрной политики с тем, чтобы усилить благополучие крестьян, дающих большую рождаемость. Страссбургский конгресс по рождаемости, состоявшийся в октябре 1924 г., пошел еще дальше: он принял резолюции о предоставлении так наз. плюрального избирательного права отцам семей. Каждый глава семьи получает при политических и коммунальных выборах к своему голосу столько дополнительных голосов, сколько у него имеется детей (suffrage familial). Проект закона о suffrage familial был затем внесен в Палату депутатом Рулло Дюгаж и получил принципиальное одобрение большинства Палаты.

Не отстает от Франции и Бельгия. Уже во время войны ряд промышленных предприятий и государственных учреждений ввел особые доплаты к заработку многосемейных. С 1915 г. стали возникать особые страховые кассы для выплаты таких добавок, которые должны выдаваться с появлением на свет 3-го ребенка. В 1921 г. образовалась Бельгийская Лига многодетных семей (Ligue des familles nombreuses de Belgique). На первом своем конгрессе, состоявшемся в октябре 1922 г., Лигою были выдвинуты вопросы об облегчении налогов для многодетных, об особых страховых фондах, об эмиграции, о фондах для воспитания и образования детей многодетных семей. В 1924 г. состоялся уже 4-й конгресс этой Лиги, и в программе его мы находим вопросы: о создании местных касс по оказанию пособий специально многодетным, об уменьшении для них квартирной платы, о введении для них более льготных железнодорожных тарифов, об особо льготных условиях приобретения домов и недвижимости, о внеочередном предоставлении мест и повышений по службе, о привилегии первенства при удовлетворении за убытки, испытанные в течение войны, о прогрессивном уменьшении налогов и мн. др. Между прочим, Лига проектирует учреждение и пожалование особого ордена «du merite maternel» и опубликование «Declaration des droits de famille». Постепенно меры, намеченные Лигой, проводятся в жизнь. Законом 5 сентября 1919 г. в Бельгии учреждено Oeuvre National de l'enfance, располагающее значительными средствами, специально ассигнованными на улучшение положения

матери и новорожденных. По соглашению с профессиональными союзами, в коллективные договоры введена прогрессирующая прибавка к жалованию рабочих в зависимости от числа имеющихся детей (первый почин был сделан в 1922 г. союзом углекопов).

Стремление к увеличению населения во Франции приводит и к другим оригинальным мерам. Законом 19 июня 1923 г. разрешено французским гражданам усыновление иностранцев (хотя бы взрослых). Этим путем многочисленные кадры осевших во Франции эмигрантов (в частности, русских, которые на Западе славятся своей рождаемостью) смогут приобрести права французского гражданства, не ожидая долгих сроков натурализации, и тем способствовать повышению численности французского населения.

Вся система воспитания молодежи, особенно девушек, проникнута идеями материнства. Education en vue ву marriage — модная педагогическая тема, широко обсуждающаяся в печати. Оно включает в себя определенные правила личной гигиены, определенное направление сексуального просвещения, культивировку семейных идеалов, близкое ознакомление с ведением домашнего хозяйства и пр. Борьба с алкоголизмом, курением, половым развратом ведется под лозунгом дурного действия этих вредных наклонностей на способность к деторождению. Возрождается культ католичества как религии, особенно поощряющей рождаемость.

Я думаю, что приведенные примеры достаточно ярко иллюстрируют популяционную тенденцию в вопросах рождаемости. Проявления ее в других областях детского законодательства мы коснемся в дальнейшем.

От Франции и Бельгии мы перейдем к странам, стремящимся удержаться на границе материального минимума существования и принужденных в связи с этим ограничивать свою рождаемость, прибегая для этой цели даже к насильственным средствам. В первую очередь остановимся на Германии.

Еще в 70-х годах Германия стояла на втором месте по проценту рождаемости; последняя равнялась 42 на 1000 населения. К 1914 году, когда Германия насчитывала уже 68 миллионов населения, рождаемость упала до 27 на 1000 (во Франции она равна была 19). В падении рождаемости видели неизбежный результат трудности экономических условий. По исчислению экономиста Конрада, если бы в период 1880-1914 гг. рождаемость в Германии держалась на прежнем уровне, приблизительно 40 на тысячу, то к моменту начала войны население Германии было бы на 8,3 миллиона человек больше. Для прокормления их потребовалось бы лишних 13 миллионов центнеров хлеба, 2,4 милли-

арда литров молока, 3,2 миллиона центнеров мяса и т. д., причем так как большинство их находилось бы еще в детском возрасте, когда они являются только потребителями, но не производителями, то, очевидно, Германия еще раньше должна была сдаться из-за недостатка припасов. Закон ограничения рождаемости автор считает неизбежным для стран, терпящих экономическую и социальную нужду.

По этому пути и идет современная Германия[4].

Число абортов в Германии значительно выросло. По статистике проф. Бумма[5], при естественном ходе вещей приходится считаться с 5% перерыва беременности. При тяжелом физическом труде женщины этот процент достигает 10%. Уже во время войны в больших городах число абортов, однако, достигло 20%. В Берлине на 30.000 рождений приходилось в год 6.000 абортов, а если принять даже более скромный процент, именно 15%, то для всей Германии ежегодное число абортов выразится примерно в 200.000. К 1921 г. Макс Хирш сообщает о громадном росте абортов, вызываемых произвольно, без медицинских показаний, или так наз. «преступных абортов». По его сведениям на 100 плодовитых браков в среднем приходится 93 аборта. При этом, чем старше возраст родителей, тем более число абортов прогрессирует. На 100 плодовитых браков в возрасте 19-24 лет приходится 44 аборта, в возрасте 25-30 лет — 79 и от 31-36 лет — 119. Каждая женщина, находящаяся в возрасте 30-37 лет, проделала в среднем 1,2 аборта, и на два случая рождения ребенка приходится по крайней мере один аборт. 75-80% всех абортов носят преступный характер, причем операция большею частью производится самою женщиной путем механических средств[6].

Германское законодательство относилось до войны к аборту с особенной строгостью, карая самое женщину каторжной тюрьмой до 5 лет, а лицо, содействовавшее ей, - каторжной тюрьмой до 10 лет (§§ 218, 219). Составители проекта Герм. Угол. Улож. 1913 г. внесли

---

[4] Приведем для сопоставления цифры движения населения Германии за 1913 и 1922 гг. В 1913 г. на 1000 жителей приходилось рождений 28,3, смертей 12,4; избыток рождений над смертями 12,4. В 1922 г. рождений 23,6, смертей 14,4; избыток — 9,2, т. е., другими словами, уменьшение прироста почти на 25%. Эмиграция значительно упала. За 1922 г. в другие страны переселилось всего 35,887 человек. Несколько повысилась брачность (с 7,7 на 1000 в 1913 г. до 11,1 в 1922 г.), что объясняется значительным сокращением брачности в годы войны. См. Н. В. Болдырев и С. Я. Гессен. Современная Европа. Л. 1925. Стр. 10.

[5] E. Bumm. Zur Aufhebung der Abtreibung §§ des SGB. Zeitschrift f. Ges. St. R. Wiss. B. 43. S. 182.

[6] M. Hirsch. Die Fruchtabtreibung. Berlin, Enke. 1921.

в проект и статью, карающую публичную пропаганду аборта или распространение абортивных средств.

Но уже в конце войны пришлось пойти на некоторые смягчения строгости закона об аборте. 4 июля 1918 г. имперский канцлер внес в рейхстаг проект закона против перерыва беременности, в котором объявлялся ненаказуемым аборт, совершенный врачом для отвращения тяжкой опасности для тела и жизни женщины. Врач должен лишь сделать аборт по совещанию с другим врачом и с немедленным доведением о том до сведения власти с приложением истории болезни. Но даже за преступный аборт наказание понижалось до 3 лет каторжной тюрьмы (вместо 10), а при смягчающих обстоятельствах, а также для самой беременной — до тюрьмы не ниже 1 месяца. Проект этот был передан в комиссию о населении, но до революции не успел оттуда вернуться.

Разгром Германии и революция, за которой последовал жесточайший экономический кризис, породили целую серию законодательных предложений об ограничении наказуемости аборта. 27 февраля 1919 г. от лица берлинского народного собрания был внесен проект о допущении абортов для замужних женщин, уже имеющих 3 детей; то же право предоставлялось каждой незамужней, ставшей жертвой соблазна или насилия. 31 июля 1920 г. от лица независимой социалистической партии и социалистов большинства вносится проект об отмене §§ 218-219 Уг. Улож., с оговоркой, что безнаказанность должна быть обеспечена, если операция произведена специально уполномоченным врачом в течение 3 месяцев с начала беременности. В 1921 г. вносится снова проект об устранении кар за аборт. «Каждая беременная, - гласит этот проект, - имеет право прервать свою беременность в публичном лечебном учреждении или при помощи специально уполномоченного государства врача бесплатно, на средства государства. Другим лицам, кроме государственно-апробированных врачей, запрещается производить аборт. «Каждая беременная, - гласит этот проект, - имеет право прервать свою беременность в публичном лечебном учреждении или при помощи специально уполномоченного государством врача бесплатно, на средства государства. Другим лицам, кроме государственно-апробированных врачей, запрещается производить аборт. Аналогичный же проект вносится в 1922 г. В литературе, в лице видных юристов, как проф. Лист и Радбрух, также находит себе защиту точка зрения полной безнаказанности аборта, произведенного в течение первых трех месяцев беременности. Проф. Яшке высказался в 1924 г. за освобождение самой беременной от наказания за аборт, но за строгое преследование третьих лиц. Наконец, большинство женских организаций и социалистических партий высказывается за строгое преследование лишь тех абортистов,

которые прибегают к этой операции, не имея достаточной врачебной квалификации[7].

Хотя до сих пор наказуемость аборта в Германии не отменена, но фактически §§ 218-219 Угол. Уложения бездействуют. Попытки применений их в жизни вызвали столь резкий протест (при чем дело доходило порою до открытого возмущения, как в Гамбурге в 1922 г.), что прокуратуре не осталось ничего другого, как смотреть на широкую практику абортов сквозь пальцы, считая их злом, неизбежным в условиях, существующих в Германии[8].

Путь абортов является не единственным путем, который был признан ведущим к сокращению народонаселения. В 1920 г. известным криминалистом Карлом Биндингом и врачом Хохе была издана вызвавшая большой шум книга об уничтожении «неценной в жизненном отношении» жизни[9]. Авторы ее рекомендовали безболезненное уничтожение лиц, страдающих идиотией, тяжкими душевными болезнями, неизлечимо больных, считали допустимым применение евтаназии в целях сокращения мучений и т. д. В литературе нашлись приверженцы этих взглядов, и предложение серьезно обсуждалось в ряде организаций.

Постепенно вводится в практику и стерилизация, причем далеко не по одним только евгеническим показаниям. Уже проект рейхсканцлера от 4 июля 1918 г., о котором мы упоминали, специально упоминал об «обеспложивании» (Unfruchtbarmachung), приравнивая эту операцию к аборту. Он, однако, не осуществился, и операция стерилизации, производимая по желанию пациента, остается безнаказанной. Отношение к стерилизации дефективных индивидов (идиотов, душевнобольных, эпилептиков, преступников) за последние годы значительно изменилось в сторону признания допустимости этой меры даже в принудительном порядке. Видный юрист-практик Эбермайер, председатель комиссии по выработке проекта Угол. Улож. 1913 г., ныне относится уже благосклонно к стерилизации по евгеническим показаниям. В защиту ее (при соблюдении известных гарантий) выступает и д-р Фридрих Ленне в своей недавней книге[10]. Особенно сочувственное отношение к себе прак-

[7] См. F. Lönne. Das Problem der Fruchtabtreibung. Berlin, Springer. 1924.

[8] В Саксонии, при министерстве Цейгнера, безнаказанность аборта была фактически осуществлена в течение некоторого времени путем циркуляра о прекращении возбужденных преследований за аборт и полного помилования осужденных за это преступление.

9 K. Binding und A. Hoche. Die Freigabe der Vernichtung lebensunwerten Lebens. Leipzig. 1920.

10 F. Lönne. Цит. соч., стр. 39.

тика стерилизации встретила в Саксонии. В 1922 г. здесь обсуждался в правительственных кругах проект ее легализации. В 1923 г. саксонский правительственный медицинский советник д-р Бетерс[11] представил правительству записку о необходимости планомерного проведения стерилизации идиотов и слабоумных и обратился к представителям врачебной профессии с воззванием применять эту меру, по возможности, во всех случаях, когда к этому представится возможность. По его побуждению, целый ряд операций стерилизации был проведен в больнице для душевнобольных и идиотов в Цвикау. Директор больницы формально опирался при этом на согласие, полученное от родных или опекунов пациентов. Против закономерности этой операции, даже с согласия законных представителей больного, выступил в литературе профессор-криминалист Геймбергер, указавший, что опекун, действующий исключительно в интересах подопечного, не в праве давать своего согласия на производство такой операции, которая нужна в интересах не самого больного, а по евгеническим соображениям. Геймбергер считал, что саксонская прокуратура должна была бы привлечь виновников операции к ответственности за телесное повреждение[12]. С защитой противоположного мнения выступил д-р Денов из Гамбурга[13], который отстаивает допустимость стерилизации по желанию не только пациента, но и его законных представителей, считая, однако, полезным истребование в каждом отдельном случае предварительного заключения компетентного врачебного или евгенического учреждения.

Таким образом, проблема перенаселения в связи с тяжелыми материальными условиями приводит Германию к различным мерам сокращения рождаемости[14]. Проекты обратного характера показались бы здесь чудаческими.

В Австрии проект о безнаказанности аборта, если он произведен врачом с согласия беременной в течение первых трех месяцев беременности, был внесен в законодательное собрание депутатом Адельгейдом Попп в январе 1921 г.; он, однако, не встретил широкого сочувствия[15].

---

11 См. текст обращения д-ра Бетерса во втором отделе настоящего выпуска.

12 Heimberger. Sterilisierung und Strafrecht. Monatschrift f. Kriminalpsycholigie. 1924. XV. № 5-7. S. 154-166.

13 F. Dehnow. Sterilisierung und Strafrecht. Archiv f. Kriminologi. Nov. 1924, B. 76. H. 3.

14 Наиболее решительно эту линию проводит, как мы видели, Саксония. Вместе с тем по плотности своего населения (320,6 жит. на 1 кв. километр) она занимает первое место в ряду германских государств.

15 E. Liszt. Oesterreichische Strafrechtsreform. Wien. 1922.

Напротив того, в Венгрии при кратковременной диктатуре коммунистической партии весною 1919 г. Единственным декретом, который успел быть издан в области общеуголовного права, явился декрет революционного правительства об отмене наказуемости за аборт[16].

Проблема материальной поддержки многосемейных находит свое признание и в Германии, и в Австрии, однако, не как мера поощрения рождаемости, а лишь как средство поддержать существование уже родившихся детей; здесь совершенно отсутствует принцип прогрессивности. Так, в Германии профсоюзы в своей политике коллективных договоров проводят два вида прибавок: а) на семью и б) на каждого ребенка в отдельности, соответственно его возрасту. Так, напр., электротехнические предприятия в Дрездене выдают добавочную плату в 48 марок в неделю на одного ребенка, а за каждого последующего производится доплата в 32 марки; особые разовые доплаты на семью, так наз., «Wirtschaftsbeihilfen», выдаются на приобретение одежды, обуви и пр. В Австрии в декабре 1921 г. издан интересный закон о «страховании детства». Все предприниматели должны делать особые взносы в страховые кассы на содержание детей рабочих, причем размер взносов исчисляется, исходя из среднего числа детей в рабочих семьях. Если среди рабочих одного предприятия имеется больше многодетных, то оно получает из центральной страховой кассы разницу; напротив того, предприниматели, выплачивающие своим рабочим сумму ниже средней нормы, обязаны вносить остатки в центральную кассу, в распоряжении которой образуется таким образом определенный фонд. Каких-либо государственных мероприятий помощи многодетным семья в обеих странах не принято.

Переходя к англосаксонским странам, мы наблюдаем здесь опять-таки своеобразную постановку вопросов рождаемости, находящуюся в значительной мере под влиянием евгенических идей.

Борьба с противозачаточной пропагандой здесь велась уже в течение ряда лет путем подведения публичного рекламирования или распространения противозачаточных средств под понятие публичного бесстыдства. Но контроль за распространением таких средств проникал и дальше. В Англии воспрещается распространение бесстыдных книг, печатных произведений и других предметов, рекомендующих противозачаточную практику или указывающих на вредные последствия половых сношений (закон 1889 г.), воспрещается также пересылка пакетов с такими произведениями или предметами по почте. В Сев. Америке в 1873 г. Антоний Комсток склонил американский конгресс к принятию закона,

[16] Ракош. Революционное правосудие. Пер. с нем. Л. 1921 г.

воспрещающего пересылку по почте бесстыдных произведений, писаний и изображений, в том числе сведений о применении противозачаточных средств. Так как почта в Америке является федеральным учреждением, то и соответственная запретительная статья получила общефедеральное значение. Кроме того, около 42 штатов внесли в свое законодательство статью о наказуемости противозачаточной пропаганды. В обеих странах запрет этот проводился с такою строгостью, что даже чисто научная информация по антиконцепционным вопросам, необходимая для врачей, была крайне затруднена. После войны отношение к противозачаточной пропаганде несколько изменилось. В 1924 г. в конгресс был внесен законопроект (Commins Vile bill 1924), который отменяет этот запрет и разрешает указание по просьбе пациента таких противозачаточных средств, которые будут одобрены 5 практикующими врачами, как не могущие причинить вреда для жизни и здоровья. Этот проект был поддержан Лигой Добровольного деторождения (Voluntary Parenthood League). В Англии и Америке в ряде больших городов созданы ныне специальные клиники по деторождению (parents clinics). Эти клиники дают противозачаточные указания женщинам, умственные, физические или экономические условия которых требуют ограничения деторождения. Такие клиники существуют вполне легально, они создаются особыми общественными организациями, проповедующими добровольное материнство. Так, в 1923 г. в Нью-Йорке такая клиника была организована на средства American Birth Control League; в том же году аналогичная клиника была открыта в Чикаго на средства Illinois Birth Control League. Интересно отметить, что в последнем случае местный отдел здравоохранения опротестовал в суд закономерность открытия Лиги, указав, что это учреждение «противоречит публичным интересам и стремится извратить основы морали». Судья Фишер признал отказ в регистрации клиники неправильным. «Как бы суды, - гласят мотивы решения, - ни почитали требований религии, они должны в своих решениях руководствоваться только законами страны, предоставив церкви путем нравственного убеждения проводить чисто религиозные требования. Суды должны воздержаться от признания безнравственными и противоречащими публичным интересам тех действий, относительно которых существуют серьезные разногласия между вполне рассудительными людьми; к таким действиям относится и практика применения противозачаточных средств». В Англии на конгрессе, организованном Английским Институтом по охране общественного здоровья, происходившем в Плимуте в июне 1922 г., вопрос о применении противозачаточных средств явился наиболее злободневным. Докладчица леди Баррет, указав на допустимость применения таких

средств по медицинским показаниям, подчеркнула вред, который явился бы следствием публичной пропаганды противозачаточных средств (неспособность к зачатию, внушение в населении искусственного страха перед беременностью, уменьшение рождаемости именно среди передовых и культурных классов населения). Однако, она встретила в среде участников конгресса сильную оппозицию. Д-р Лоример Гауторн из Глазко высказалась за необходимость наладить пропаганду наиболее гигиенических противозачаточных средств, указав на тяжесть экономического положения женщин и матерей, принужденных работать для пропитания своих детей. После оживленной дискуссии конгресс воздержался от принятия резолюции по этому вопросу.

Мы видим, что и Англия, и Америка постепенно отходят от своей строго запретительной позиции по вопросу о применении противозачаточных средств. Однако, они стремятся подчинить их применение известному врачебному контролю и передать этот контроль в руки таких учреждений, которые могли бы в каждом отдельном случае учесть, насколько ограничение рождаемости является для данных лиц желательным. Желательными работниками в parents clinics являются не только врачи-гинекологи и гигиенисты, но и специалисты по евгенике, та как ограничение рождаемости по евгеническим соображениям выдвигается на первое место, особенно в Америке.

Законы о недопущении вступления в брак лиц, страдающих душевною болезнью, идиотией, умственной слабостью, эпилепсией, алкоголизмом, сифилисом, а порою и туберкулезом ныне проведены в жизнь в 14 штатах Сев. Америки. Ряд американских штатов содержит также запреты полового сношения с лицами, содержащимися в публичных и частных учреждениях для умственно-слабых[17]. Точно так же английский закон 1913 г. об умственно-дефективных воспрещает под страхом наказания (тюрьма до 2 лет) половые сношения с умственно-дефективной девушкой или женщиной, содержащейся в учреждении, приемнике или у частных лиц. Такая женщина приравнивается как бы к малолетней, и данное ею согласие на половой акт недействительно.

Еще далее идут законодательства Сев. Америки, допуская стерилизацию или лишение способности деторождения по евгеническим основаниям. С 1907 г. по 1920 г. 15 различных штатов издали статуты, уполномочивающие или предписывающие стерилизацию лиц, признаваемых нежелательными производителями потомства. В период 1921-1924 гг. к ним присоединилось еще 6 штатов. Не повсюду законы эти удержались в жизни, и в отдельных случаях действие их было приостановлено по-

17 Laughlin. Цит. соч., стр. 96.

средством судебных решений, но все же по крайней мере в 8 штатах они нашли свое осуществление. Здесь до 1920 г. имело место 3.233 случая принудительной стерилизации по евгеническим основаниям[18]. Стерилизация находит себе признание и у ряда английских авторитетов по евгенике, хотя до сих пор в законодательных сферах этот вопрос не возбуждался.

Евгенический принцип проводится в Америке и в законодательстве об иммиграции. Правительство в праве отказать иностранцу в допущении в страну, если он, независимо от своей социальной пригодности, не удовлетворяет определенным требованиям в отношении наследственных умственных, физических и темпераментных свойств, которые делали бы желательным для американского народа его будущее потомство. В связи с этим лица душевнобольные, умственно-слабые, психически-дефективные, страдающие туберкулезом, сифилисом и т. д. не допускаются на территорию страны в качестве иммигрантов.

В программу своей социальной политики ни Сев.-Американские Штаты, ни Англия не ставят каких-либо мер для поощрения рождаемости. Но за последние годы они широко развивают охрану уже родившегося детства от грозящих ему опасностей. В этом отношении они, пожалуй, должны быть поставлены на первое место.

Что касается аборта, то в обеих странах по-прежнему сохраняется суровое отношение к этой практике, так как твердо господствует убеждение, что каждая зародившаяся жизнь нуждается в государственной охране. Тенденции к устранению или ослаблению репрессии за это деяние здесь не находят себе сочувствия.

III.

Мы видели, как значительно отличаются между собою взгляды, определяющие отношение к зарождению новой жизни в странах, преследующих различные тенденции. Известное, хотя и не столь резкое различие можно установить и в законодательстве, охраняющем материнство и младенчество. В общей форме мы должны указать, что эта отрасль социальной политики сделала громадный шаг вперед со времени войны и почти во всех странах можно отметить существенные достижения. Не имея возможности в подробностях останавливаться на всех них, я ограничусь характеристикой лишь наиболее существенных моментов этого законодательства в интересующих нас странах.

Франция раньше других стран встала на путь особой заботы о матерях и на младенцах. Здесь еще в 1874 г., по инициативе Теофиля

[18] Laughlin. Цит. соч., стр. 96.

Русселя, был проведен закон, установивший административный и врачебный надзор за младенцами, отданными для вскармливания в чужие руки. В 1891 г. проф. Боденом в Париже была открыта первая консультация для беременных. Закон 1893 г. предоставил право беременным женщинам на бесплатную медицинскую помощь. Наконец, закон Штрауса 1913 г. установил обязательные перерывы в работе перед родами и после родов. С 1844 г. во Франции стали возникать ясли для грудных детей, а с 1896 г. — особые комнаты для вскармливания грудных младенцев при фабрично-заводских и торговых предприятиях, в которых работают матери. Во всех случаях Франция давала пример другим странам.

Однако, все эти меры являются сравнительно скромными по сравнению с достижениями периода послевоенного. Отметим лишь важнейшие законодательные изменения. Принятой в 1923 г. поправкой к закону Русселя, от всякого желающего поместить грудного ребенка куда-либо вне его родного дома требуется уже предварительная заявка в мэрию. Последняя посылает сестру патронажа, которая должна обследовать как положение матери, так и условия, в которые желают поместить ребенка, и только при благоприятном отзыве такая передача допустима. Если условия помещения, избранные матерью, оказываются неудовлетворительными и вместе с тем оставление ребенка у матери невозможно или крайне затруднительно для нее, то мэрия сама рекомендует матери лучший способ устройства ребенка. В качестве нового способа после войны здесь возникли особые пункты воспитания младенцев (centers d'elevage des nourissons). Они устраиваются в сельских местностях, расположенных неподалеку от больших городов, где имеются необходимые для хорошей постановки вскармливания условия. Здесь создается маленькая молочная станция и консультация, состоящая из врача и сестры патронажа. В каждый пункт размещается от 70 до 100 младенцев, которые живут в крестьянских семьях, но находятся под постоянным врачебным надзором и получают из молочной станции специальные молочные смеси. В настоящее время около одного Парижа устроено свыше 20 таких пунктов. В такие пункты направляются не только дети матерей, занятых трудным повседневным заработком и не могущих поэтому лично смотреть за ними, но и дети с предрасположением к туберкулезу, рахиту. Наряду с этим увеличивается во Франции количество ясель (ныне свыше 400). Законом 15 апреля 1916 г. при учреждениях по охране материнства и младенчества созданы обязательные диспансеры по социальной гигиене и борьбе с туберкулезом. Учреждение таких диспансеров обязательно в тех местностях, где детская смертность превышает определенную норму. Широкое распространение получили во Франции и убежища для одиноких матерей

с грудными детьми. Такие убежища, по примеру Страсбурга, Тура, Нанси, ныне созданы в каждом департаменте. Сюда помещаются на 3 месяца женщины, лишенные средств и заработка, с целью облегчения им самостоятельного вскармливания ребенка в первые месяцы. Они пользуются здесь и небольшой материальной поддержкой. По закону 24 октября 1919 г., каждая француженка, вскармливающая своего ребенка, получает от государства 15 франков ежемесячного пособия. По проекту закона о страховании материнства, внесенному в 1922 г., для каждой трудящейся женщины время обязательного перерыва в связи с родами повышается до 6 недель до родов и 6 недель после родов, с сохранением за нею пособий по болезни в размере наивысшей ставки, получившейся ею в период беременности. Если она неспособна к труду, то пособие удлиняется на весь период беременности и на 6 мес. после родов. Льготная врачебная помощь распространяется и на супруга, и на детей женщины, не достигших 16 лет. Закон 5 августа 1917 г. требует устройства специальных комнат для содержания грудных младенцев при торговых и промышленных предприятиях. Матери, вскармливающие детей, должны пользоваться 1 часом свободного времени, разделенного на 2 получасовых промежутка для вскармливания своих младенцев. Закон 26 февраля 1917 г. запрещает изготовление и распространение сосок, допуская таковые только из чистой резины. В 1923 г. проф. Пинар внес проект полного запрета изготовления резиновых сосок и пустышек, как наносящих значительный вред грудному детству.

В Бельгии охрана материнства и младенчества сосредотачивается в руках Oeuvre National de l'Enfance, учрежденной по закону 5 сентября 1919 г. Закон подчиняет деятельность всех учреждений по охране материнства и младенчества (консультаций, патронажа, капель молока, ясель, столовых для матерей, учреждений для вскармливания детей и пр.) надзору и руководству этой организации. Не сосредотачивая прямо всех этих учреждений в руках государства, закон ограничивается установлением субсидий отдельным учреждениям по установленной норме. Борьбу с детским туберкулезом проводит специальная организация Oeuvre de preservation de l'Enfance contre tuberculose, помещающая таких детей в благоприятные условия сельской жизни до достижения ими 10 лет. В области женского труда закон 26 мая 1914 г., дополненный королевским декретом 28 февраля 1919 г. и законом 15 июня 1921 г. о 8-часовом рабочем дне, проводит общие нормы охраны труда, принятые Вашингтонской международной конференцией 1919 г. В целях устранения спекуляции на возможную смерть ребенка, закон 26 декабря 1906 г. воспрещает страхование жизни младенцев до достижения ими 5 лет.

В общем, во Франции и Бельгии, несомненно, сделано многое в области охраны материнства и младенчества, но работа эта, главным образом, протекает под лозунгом борьбы с детской смертностью, как злом, уносящим ежегодно тысячи детских жизней. По последним данным, во Франции на 100 рождений приходится ежегодно 16,2 смертей в возрасте до 1 года, в Бельгии – 10,36 (1920 г.) и 11,53 (1921 г.). Но еще большим показателем некоторого евгенического ухудшения расы является число мертворождений. Так, во Франции по статистике 1920 г. на 834.411 живорожденных пришлось 38.641 мертворожденных, или 46 на 1000. Если взять только Париж, то здесь на 55.813 рождений живыми пришлось 4024 мертворождений, или 72 на 1000. в 1921 г. в Париже при медицинском факультете учреждена особая Ecole de puericulture, при которой имеется особый диспансер для лечения наследственных детских болезней, преимущественно сифилиса и туберкулеза (clinique du traitement des maladies hereditaires).

Какую громадную роль играют именно эти наследственные факторы на детскую смертность, свидетельствуют некоторые данные д-ра Байс (Bayet) (Брюссель)[19]. Для Брюсселя он устанавливает, что 15% всех детей, умирающих до 1 года, умирают от наследственного сифилиса. Для Англии д-р Остер приписывает 1/6 часть детской смертности прирожденному сифилису. Д-р Финлей (Глазго)[20] указывает, что 40% женщин, больных сифилисом, бесплодны и 28% регулярно выкидывают плод, не донашивая его. Изучение 1300 беременностей в сифилитических семьях, проведенное в Глазго, показало 58% детской смертности вследствие сифилиса. По отчетам Британского Королевского Общества, 30% детей, находящихся в общинных убежищах для слепых, обязаны своей слепотой сифилису или гонорее. Д-р Мочах из Парижа, работавший со слепыми детьми в возрасте 3-13 лет, указывает, что в 40% случаев сифилис явился причиной их слепоты и в 25% - причиной прирожденной глухоты. В Глазго д-р Лов проследил генеалогию 21 сифилитической семьи, у членов которой он констатировал 172 беременности, из которых 75 окончились мертворождением, а из 97 детей, родившихся живыми, 31 оказались слепыми или глухими от рождения. В других 283 семьях. Явно пораженных сифилисом, констатировано 1280 беременностей, причем 1054 ребенка родились живыми. Из них к одному году остались в живых 350. Д-р Жанс, производивший свои исследования в Сен-Луи, исчисляет, что около 10% семей заражены

[19] A. Bayet. Les consultations des nourrisons et Pheredosyphilis. Bulletin de la protecition de l'enfance, 1923. № 12, p. 73.

[20] Finley. Syphilis hereditaire. Ibid. 1923. № 10, p. 858.

сифилисом и 75% их потомков унаследуют заразу, и что до 5% всего детского населения города имеют признаки прирожденного сифилиса.

Эти факты, свидетельствующие об убийственном влиянии сифилиса на жизненность расы, особенно учитываются странами, проявляющими евгенические тенденции, где мы находим довольно развитое законодательство, специально направленное на борьбу с распространением сифилиса среди детей и на предупреждение вредных от него последствий. Так, в Англии, еще по акту о детях 1908 г., под угрозой наказания воспрещается отдача ребенка, больного сифилисом, на вскармливание здоровой кормилице, и наоборот — кормление здорового ребенка кормилицей, не получившей врачебного удостоверения об отсутствии сифилиса. Такие же запреты проведены в Дании, Швеции, Чехословакии. Далее, английский закон предписывает обязательное впускание новорожденному нескольких капель атропина в глаза для уничтожения гонококков, могущих проникнуть в глаз при проходе через половые органы матери. Закон Южно-Африканской Республики 1919 г. под страхом уголовной ответственности обязывает родителя или опекуна предпринимать систематическое лечение ребенка, больного сифилисом. Новейшие законодательства Англии, Дании, Чехословакии карают лиц, больных сифилисом, за принятие к себе на воспитание здорового ребенка в свой дом. Значительное число случаев наследственного сифилиса объясняется тем, что мать в период беременности не лечилась от своей болезни и таким образом и заразила плод. Поэтому в настоящее время в Англии и Америке (в других странах так же, но в меньшей степени) признается обязательным создание при консультациях для беременных диспансеров по сифилису с испытанием каждой беременной по методу Вассермана и с обязательным лечением ее в случае обнаружения еще незалеченного сифилиса.

Не меньшую опасность, чем сифилис, представляет и детский туберкулез. Даже в странах с хорошими материальными условиями, как, напр., в Америке, у детей до 1 года наблюдается 4-5% туберкулеза; в странах истощенных (Германии, Австрии) этот процент увеличивается во много раз. В качестве мер борьбы с детским туберкулезом в настоящее время проводится: 1) строгое молочное законодательство; 2) обязательные осмотры беременных в целях ранней диагностики туберкулеза и 3) возможно ранняя изоляция детей от больных туберкулезом родителей. Я беру только младенческий возраст, не затрагивая общих профилактических мер по борьбе с туберкулезом среди населения вообще и даже среди детей дошкольного и школьного возраста.

Для характеристики того, что делается в этом направлении в англосаксонских странах, остановлюсь кратко на молочном законо-

дательстве. На основании изданного английским ведомством здравоохранения Milk Order, 1922 г., вступившего в силу 1 января 1923 г., все поступающее на рынок молоко должно подлежать определенному испытанию и контролю. Оно разделяется на 4 категории: 1) certified milk; этот вид должен получаться от здоровых коров, периодически свидетельствуемых ветеринаром, молоко должно быть подвергнуто испытанию туберкулином, должно быть разлито в бутылки на самой ферме, причем здесь должен быть произведен его бактериологический анализ. Ферма, изготовляющая этот сорт молока на указанных условиях, получает разрешение на продажу этого молока в городе для детей; 2) Grade A, tuberculine tested — отличается от первой категории лишь тем, что к нему предъявляются несколько менее строгие требования в отношении бактериологического анализа; 3) Grade A milk — молоко не подвергнутое испытанию туберкулином, но изготовленное от здоровых коров и разлитое на самой ферме и 4) пастеризованное молоко выдержанное в температуре 145-150° по Фаренгейту в течение ½ часа и охлажденное до 55°. Оно должно быть подвергнуто бактериологическому анализу и содержать не менее 35% жиров. Доставляемое в город молоко должно соответствовать одному из указанных сортов и носить соответствующую этикетку.

1 июня 1923 г. в Англии издается новый регламент относительно этикеток и состава сгущенного молока. Каждая продаваемая бутылка молока должна иметь соответственную этикетку, указывающую состав молока, сорт его, размер и адрес фермы. Жестянки со сгущенным молоком должны содержать, кроме того, указания способа его разведения и того, что оно непригодно для употребления новорожденными. Сгущенное молоко должно удовлетворять определенным минимальным качествам, при отсутствии чего производитель отвечает, как за фальсификацию.

Из американских законодательств остановлюсь в виде примера на законодательстве Канады и Индианы. По новому канадскому законодательству 1922 г., контроль за молоком приурочен к 4 стадиям: 1) контроль на ферме, 2) контроль на железных дорогах и при транспортировке, 3) контроль на молочных складах, откуда только и может отпускаться молоко магазинам, ресторанам, больницам и 4) контроль за мелкими продавцами, продающими молоко частному потребителю. Постановка гигиенического производства молока на ферме проводится особыми государственными инспекторами-молоковедами. При транспортировке молока производители обязаны пользоваться определенными бидонами, запломбированными их именными печатями. По прибытии в город молоко до распределения по складам подвергается анализу в городской лаборатории, после чего направляется на специальные

склады, где разливается в бутылки и может быть продаваемо потребителю только в бутылках и через определенные магазины. Если кто-либо будет продавать в городе молоко, не прошедшее определенную систему контроля, то он может быть задержан и при опросе обязан сообщить место изготовления своего молока. Инспектор с ветеринаром направляются затем к нему на ферму, производят осмотр местности и коров и составляют об этом акт. При удовлетворительных результатах осмотра они вносят его в список производителей и снабжают необходимыми инструкциями по производству и консервированию молока. Такая инспекция обязательна по крайней мере раз в год. В большинстве местностей молоко по прибытии пастеризуется. В 1911 г. пастеризации подвергалось всего 35% поступающего в продажу молока, ныне же (в 1921 г.) – 99%. В связи с этим статистика Торонто констатирует резкое понижение детской смертности. Так, смертность от поносов в 190901913 гг. Давала 78 на 1000, в 1922 г. – всего 8.

В Индиане для производства анализа молока на фермах действует с 1921 г. Особая передвижная лаборатория, состоящая из бактериолога-молоковеда, ветеринара и помощника. Они с запасом необходимых лабораторных приспособлений, систематически объезжают все окрестные фермы, производя смотр скота, посуды, производя инструктирование и пр.

Укажу, что вопросы выработки доброкачественного молока для детей служат темной широкого обсуждения. В октябре 1923 г. В Вашингтоне был созван всемирный конгресс по молочному делу, который наметил ряд мер к созданию контроля над изготовлением молока, экспортом и импортом его и т. Д. 21 ноября 1923 г. В Лондоне состоялась национальная конференция по пастеризации молока (National clean Milk Society).

В области охраны материнства и младенчества в Англии и Америке следует отметить два законодательных акта первостепенного значения. 21 ноября 1921 г. Американский конгресс принял общефедеральный закон по охране материнства и младенчества (так наз. Sheppart-Towner act 1921). Этот закон учреждал при федеральном бюро о детях особый Совет – Board of Maternity and Infant Hygiene, состоящий из представителя бюро о детях, главврача США и представителя от федерального ведомства народного образования, в распоряжение которого отпускается ежегодно сумма в несколько миллионов долларов для развития дела охраны материнства и младенчества в стране. Совет этот ассигнует начальную сумму в 5000 долларов каждому штату, который изъявит готовность подчиниться следующим условиям: 1) принять постановления этого закона, 2) выделить в своем составе особый государственный орган для сотрудничества с федеральным Советом, 3) представить в течение

года на одобрение Совета план постановки дела охраны материнства и младенчества в данном штате. В случае одобрения этого плана федеральный Совет принимает на себя обязательство выплачивать данному штату половину расходов, необходимых на проведение этого плана, при условии, что эти средства будут затрачиваемы непосредственно на практическую работу (а не на приобретение земель, возведение и оборудование зданий и пр.) и что по израсходовании будет представлен надлежащий отчет о расходах и деятельности данного штата. К весне 1924 г. постановления федерального закона и федеральная субсидия были приняты 42 штатами (из 49-ти). За 1923 г. федеральный Совет распределил субсидий на 1.240.000 долларов. В общем, в план были включены следующие задания: 1) санитарно-просветительная работа по охране материнства и младенчества (составление брошюр, чтение лекций, корреспонденция, фильмы и пр.), 2) устройство консультаций для беременных (таких консультаций насчитывается ныне до 2000), 3) организация бесплатной или дешевой акушерской помощи, 4) обязательная регистрация новорожденных, 5) устройство профилактических диспансеров при консультациях по сифилису и туберкулезу. Особое внимание обращается федеральным Советом на постановку этого дела в сельских местностях.

В Англии в 1918 г. был издан Maternity act 1918, который также выработал систему субсидирования общин в целях развития дела охраны материнства. К концу 1923 г. здесь имелось свыше 2000 пунктов охраны, наблюдающих за 350.000 детей, большей частью до 1 года. Кроме того, здесь имеется свыше 400 домов-интернатов для одиноких матерей, значительное число домов для отдыха беременных и рожениц, дома для ухода за детьми на случай временного отсутствия матери, дома для матерей с легко недомогающими детьми, не требующими больничной изоляции, и т. д. Во всех случаях учреждения эти получают 50% правительственной субсидии.

Характерной мерой социальной помощи матерям являются материнские пенсии (Mothers pensions). Они назначаются одиноким матерям (незамужним, вдовам, разведенным) общиной в случае нуждаемости матери, с тем, чтобы она могла самостоятельно воспитывать ребенка, не сдавая его на руки общественной благотворительности и не слишком обременяя себя непосильным трудом. Такие пенсии стали впервые выдаваться в Скандинавских странах (Дания — 1913 г., Норвегия — 1916 г. и Швеция — 1917 г.), но оттуда очень быстро распространились по странам Нового Света. Ныне они введены во всех штатах Австралии, в Новой Зеландии, в Сев. Америке. К концу 1919 г. эти пенсии были уже введены в 39 штатах Сев. Америки (из 49-ти). Пенсии эти начинают

выдаваться еще в период беременности и продолжаются до достижения ребенком периода промысловой зрелости, т. е. до того, как он сможет получать личный заработок.

Наконец, упомянем, что как в Англии, так и в Америке на новых началах ставится ныне проблема женского труда. При выработке списка профессий, к которым не должны быть допускаемы женщины или допускаются лишь с определенными ограничениями, учитываются не только вредные стороны влияния определенной профессии на здоровье и нравственность женщины, но и влияние их на жизнеспособность плода. Списки работ, к которым не допускаются беременные женщины, вырабатываются особо.

Мы видим в итоге, что и в области охраны материнства и младенчества англосаксонские страны выработали несколько иную линию, чем та, которую дает нам Франция. Профилактические устремления направлены здесь на борьбу с развитием социальных заболеваний (туберкулеза, сифилиса), на широкую санитарно-просветительную работу и, наконец, на развитие социально помощи матерям.

В Германии также можно отметить ряд законодательных мероприятий по охране материнства и младенчества. Так, закон 9 июня 1922 г. несколько расширил страхование материнства, установив право каждой застрахованной: 1) на медицинскую помощь во время родов, при беременности, 2) на единовременное пособие при родах, 3) на сохранение полного заработка в течение 10 недель в период родов, 4) 12-месячное пособие на кормление в размере ½ пособия, по болезни и 5) возмещение расходов по погребению. Уставы больничных касс могут удлинять сроки выдачи пособий и увеличивать ставки их. Закон 28 декабря 1921 г. распространил выдачи за кормление на всех нуждающихся немецких матерей (даже не застрахованных), заработок семьи которых не достигает известного минимума. Законом 5 января 1922 г. введена бесплатная коммунальная акушерская помощь всем нуждающимся. Закон 1921 г. регулирует наем кормилиц и отдачу грудных детей на вскармливание. Во всех случаях мы наблюдаем, однако, скорее борьбу с экономическими факторами, усиливающими детскую смертность: поднятие семейных бюджетов или уменьшение расходов, связанных с родами, нежели более широкие мероприятия евгенического характера.

IV.

Из весьма многочисленных сторон законодательства, относящегося к дошкольному и школьному детству, мы остановимся лишь на мерах

охраны умственно-дефективного детства, имеющих более непосредственную связь с евгеникой.

Изучение психического здоровья детей с целью профилактики душевных заболеваний и предотвращения детской беспризорности и преступности ведется в настоящее время во многих странах. Несомненны в этой области заслуги немецких исследователей: Моля, Нонкемеллера, Грубе, Гоффмана и др. Но их исследования являются единичными попытками, пока только пробивающими путь к более широкому интересу к проблемам психического здоровья детей. Иную картину мы видим в англосаксонских странах, где охрана психического здоровья детства приняла уже государственный характер и необычайно сильно прогрессировала за последние годы[21].

Уже английский закон об умственно-дефективных 1913 г. возложил на местные органы народного образования обязанность сообщать Совету по умственной дефективности обо всех детях старше 7 лет, которые окажутся неспособными в силу умственного дефекта получить образование в специальных (вспомогательных) школах или классах или будут оказывать в них дурное влияние на остальных детей, а также обо всех несовершеннолетних до 16 лет удаляемых по каким-либо причинам на специальных школ. Совет по дефективности, обследовав ребенка и окружающую его обстановку, устанавливает меру, наиболее подходящую для него (помещение в убежище или другое учреждение, назначение особого опекуна, лечение), которая затем утверждается судебною властью. Если дефективный ребенок принят в учреждение по просьбе родственников, то администрация учреждения должна в течение 7 дней уведомить о том Совет по дефективности, который осуществляет надзор за его содержанием. Закон проводит особые меры охраны дефективных, находящихся под контролем Совета в учреждениях или у опекунов, оберегая их от опасностей и эксплуатации и вместе с тем изолируя их от детей здоровых. Им принимаются меры и к предупреждению размножения дефективных.

В Америке в ряде штатов за последние годы произведены специальные переписи умственно-дефективных (в штатах Индиана, Массачусетсе, Нью-Йорк, Виргиния, Нью-Джерси и т. д.). Почти в каждом штате уже имеется закон об умственно-дефективных, предусматривающий государственный надзор за их воспитанием и содержанием. Клиники по диагностике психической дефективности имеются при карательных учреждениях, судах как общих, так и для несовершеннолетних, при

[21] Подробнее см. мою работу «Евгеника и умственная дефективность» в сборн. «Вопросы воспитания нормального и дефективного ребенка». Гос. Изд. 1924 г.

полицейских управлениях[22]. Особенно широко за последние годы психопатические клиники и лаборатории стали развиваться при публичных школах. Мощная ассоциация психической гигиены организовала уже в десятке городов показательные клиники для исследования психической дефективности среди детей. В Нью-Йорке в Массачусетсе для той же цели введены подвижные клиники, последовательно объезжающие отдельные местности штата. При публичных школах учреждена должность учителя-обследователя (visiting-teacher), на задачу которого выпадает семейное и социальное обследование детей, отклоняющихся от нормы в школе, и ранняя диагностика их умственных и психических аномалий. Для детей самого нежного возраста (от 1 года и более) создаются клиники по установлению здоровых привычек (habits clinics), в которых путем систематического врачебно-педагогического воздействия выправляются непонятные «капризы» и «странности» детей (отказ от пищи, нервность, гневливость, крикливость, мрачность и т. д.). Перед окончанием школы дети поступают в клиники по профессиональному руководству (child guidance clinics), которые определяют их профессиональные способности и наклонности. Словом, начиная с самого раннего возраста дети находятся под наблюдением и руководством клиник, состоящих из педагога, психолога, психиатра и социального обследователя.

Помимо массы школ и убежищ для дефективных различных категорий, в ряде штатов устроены колонии и даже маленькие городки для поселения в них умственно-дефективных, не требующих более строгой изоляции. Жизнь в этих колониях приспособлена к уровню их обитателей и наполнена трудом, с которым они в состоянии справляться.

Мощное движение, направленное к пропаганде и проведению в жизнь психической гигиены, исходит из того основного положения, что большинство социальных конфликтов, происходящих между личностью и обществом, коренится в неприспособленности личности, что в свою очередь является результатом ее психической недостаточности. Специальная комиссия, образованная в штате Массачусетс для изучения вопроса о причинах увеличения преступников, умственно-слабых, эпилептиков и дегенератов в этом штате, в своем отчете пишет: «Наше особое внимание обратил на себя тот факт, что, изучая преступников, лиц умственно-дефективных, душевнобольных и т. д., мы, в сущности, изучали различные фазы или выражения одного и того же основного дефекта. Все эти лица и семьи представляются неспособными содержать себя собственным трудом. Во многих семьях та или иная форма дефекта

[22] Подробнее см. мою работу «Евгеника и умственная дефективность» в сборн. «Вопросы воспитания нормального и дефективного ребенка». Гос. Изд. 1924 г.

варьирует из поколения в поколение: алкоголики в одном поколении, пауперы или преступники — в следующем и умственно-дефективные или душевнобольные в третьем». Вместо разрозненной и случайной борьбы с отдельными проявлениями умственной дефективности, ведущейся притом тогда, когда органические дефекты успели осложниться дурными социальными влияниями и привычками, новое движение стремится уже с ранних лет выделить массу умственно-дефективных из общего состава населения и, поставив их в относительно более благоприятные условия, предупредить превращение их в антисоциальные элементы и, по возможности, ограничить их дальнейшее размножение.

Евгенический подход мы могли бы констатировать и в новом законодательстве, последовательно проводящем сексуальную охрану детства в законодательных и административных мерах, направленных на борьбу с вредными привычками молодежи (курением, алкоголизмом, наркоманией, в мерах борьбы против распространения венерических заболеваний среди молодежи и пр.). Но эти темы требуют самостоятельного рассмотрения и значительно увеличили бы и без того разросшуюся нашу статью.

Нашим общим заключением является вывод о том, что евгеника, преимущественно в странах англосаксонского мира, вышла уже из стадии чисто теоретических положений или добрых пожеланий, а энергично влияет на жизнь через посредство соответственного законодательства.

Положения евгеники находят свое особенно широкое применение по отношению к молодежи, которая легче поддается оздоровительным влияниям. Вместе с тем идеи охраны детства в первую очередь требуют направления сил в эту сторону, так как с каждым новым поколением усложняются задачи, падающие на человечество, и увеличиваются опасности, стоящие на пути к его здоровому и счастливому существованию. Если еще недавно права личности понимались как требование невмешательства государства в определенные области отношений, и это понимание индивидуальной свободы еще не изжито в отношении взрослых граждан во многих странах, то по отношению к детству принцип невмешательства уже успел за последние десятилетия смениться принципом активной охраны. Даже родительская власть не служит препятствием для проведения этих принципов в жизнь, хотя порою мы и наблюдаем вежливые поклоны в ее сторону. Разумность и социальная необходимость становятся высшими законами, определяющими собою развитие человечества на пути приспособления его к новым формам социально-экономических отношений.

В нашем обзоре тенденций современного законодательства о детях мы сознательно оставили в стороне тенденции, наблюдаемые в новом

советском законодательстве. Оно заслуживает самостоятельного рассмотрения. Отметим лишь, что с начала 1918 г. в основу его положена идея социального воспитания, понимаемого как развитие в юном гражданине трудовых навыков и выработка мировоззрения, соответствующего идеям социализма и коммунизма, как общественной формы, идущей на смену капитализма. Этой идеей проникнуто отношение к семье, школе, трудовой деятельности, к борьбе с детской беспризорностью и охране детства. Но при проведении этой тенденции в жизнь приходится считаться с многочисленными затруднениями материального характера, заставляющими ограничивать и суживать широкие задания, поставленные государством. Тяжелые последствия мировой и гражданской войны и экономический кризис заставили и Советский Союз пойти навстречу тенденции к сокращению рождаемости. Отмена наказуемости аборта и проведение противозачаточной пропаганды в наиболее соответствующих требованиям гигиены формах служат показателем этой тенденции. Охрана материнства и младенчества сделала и у нас после войны крупные успехи. Но пока, опять-таки за недостатком средств, приходится проводить в этой области классовый принцип, устремляя все силы на обслуживание детей рабочих и крестьян.

Евгенические тенденции также не остаются чужыми советскому законодательству. В число показаний к аборту включаются показания евгенического характера. От вступающих в брак требуется взаимное осведомление о состоянии здоровья. При пунктах охраны материнства и младенчества создаются диспансеры по туберкулезу и сифилису. Предпринимаются шаги к ранней диагностике умственной отсталости среди детей. В отношении юных правонарушителей мерам медико-педагогического характера отводится первое место.

Конечно, в условиях складывающейся на новых социальных основаниях жизни факторы социального порядка играют сильно преобладающую роль, и в сторону борьбы с этими факторами должно быть направлено в первую очередь законодательство о детях. Но не следует забывать и о мерах общего оздоровления детства, - мерах евгенической профилактики, которые в ряде случаев могут оградить детей от легкой податливости неблагоприятным условиям окружающей среды.

В. В. БУНАК

ВОЙНА КАК БИОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Период кровавой борьбы, в какой вступила европейская история последнего десятилетия, явился для большей части русской интеллигенции совершенной неожиданностью. Убаюканная долгими годами относительного спокойствия, она полагала, что кровавые столкновения народов, этот пережиток средневековья, окончательно отошел в область прошлого. Иначе обстояло дело в Западной Европе. В литературе, как научной, так и общественной, и художественной, и отнюдь не только в Германии, постоянно раздавались голоса, обсуждавшие перспективы ближайших войн с точки зрения экономической, социальной, исторической и, наконец, биологической. Мощные политические течения, проходившие под флагом национализма, - пангерманизм, панлатинизм, панславизм, панбританизм и пр. — служили стимулами, вызывавшими к жизни разнообразные дискуссии о войне, о милитаристической организации и её положительных сторонах в области социально-экономической, этической и, как сказано, даже биологической. С другой стороны, из противного лагеря шла критика этой системы и указание на глубокий вред её во всех отношениях и, в частности, на особую губительность войны в биологическом отношении. Воспитанное на пацифистских идеях, русское общество оставалось чуждым этим вопросам. Если национально-исторические или социально-экономические проблемы милитаризма и освещались в русской литературе, то биологическая сторона вопроса оставалась совершенно незамеченной. Разумеется, и повсюду эта область является наименее исследованной. В современных условиях русской действительности этот пробел может быть восполнен, и заинтересованные научные, правительственные и военные круги обратят внимание на эту область и приступят к организации собирания материалов и учету фактов, могущих осветить эти проблемы.

Едва ли не первым, кто обратил внимание на биологическое значение войны в жизни человечества, был Чарльз Дарвин, основатель господствующего направления в современной биологии. В своей книге «Происхождение человека» Чарльз Дарвин с полной ясностью указал, что война и военные организации являются несомненным фактором отбора, вызывая уничтожение или численное сокращение одних физических типов и преобладание или распространение других. Процесс биологической эволюции, в котором естественный подбор является одним из самых существенных (если не исключительным) факторов, в

значительной степени осуществляется при помощи войн, которые ведут народы между собой.

Если мы обратимся к человеческим племенам, находящимся в примитивной стадии культуры, правильность этого положения выступает с большей ясностью. В самом деле, какие условия обеспечивают победу или ведут к поражению у примитивных народов? Здесь имеют значение физическая сила, ловкость и выносливость, инстинкт племенной солидарности и взаимопомощи, идеологическое богатство племени, выражающееся в степени развития его религиозных и социальных представлений, уровень его материальной и технической культуры, его приспособленность и соответствие требованиям окружающей среды и т.д. Всё это факторы естественного порядка, т.е. определяющиеся наследственными задатками преобладающего типа племени, его расовыми особенностями. При прочих равных условиях: у примитивных человеческих племен, представляющих собой не смешанные, т.е. чистые расовые типы, можно предположить, что племя, одерживающее военную победу над другим, превосходит его по своим наследственным качествам, и таким образом определенный расовый тип оказывается благоприятствуемым в своем распространении по сравнению с другим; другими словами, мы имеем перед собой действие определенного естественного отбора. Если к тому же иметь в виду, что войны примитивных народов нередко отличаются чрезвычайно тяжелыми условиями для побежденных, сопровождаются умерщвлением женщин и детей, обращением их в рабство, иногда даже съедением пленных, - то значение войны как фактора отбора в борьбе племени за выживание не может быть отрицаемо. Это «отбирающее» действие войны имеет благоприятные для человечества в целом результаты. Оно является непременным условием его физической и общественной духовной эволюции, ибо только тогда, когда от размножения устраняются менее ценные в этом отношении элементы, а более ценные имеют преимущество, положительные особенности, которые доставляют племени победу, могут быть закреплены. Отбор при помощи войны сказывается, таким образом, двояко: доставляя преобладание более приспособленному типу, расе в целом, т.е. проявляясь в межрасовых отношениях (интеррасовый отбор), или обеспечивая в пределах каждого племени преобладание лучше организованным особям (интрарасовый отбор).

Существуют попытки применить этот ход рассуждения и к войнам народов, давно вышедших из стадии примитивной культуры. Предполагается, что даже войны, ведущиеся современными народами Европы, обеспечивая преобладание одним расовым типам и уничтожая или ставя в неблагоприятные условия размножения другие, являются отражением тех же биологических оснований конкуренции рас, которые знаменуют

собой начальные стадии физической и культурной эволюции человечества и представляют собой «культурное» выражение, так сказать, «зоологических», неискоренимых фактов конкуренции и - основанной на ней - эволюции.

Такого рода допущения сопряжены с очевидными трудностями: прежде всего войны, которые ведутся в Европе, это состязание не «рас», а «народов»; «народ» - как политическое и культурное целое - отнюдь не совпадает с понятием определенного наследственного, т.е. расового типа; все европейские народы включают несколько расовых типов, в большинстве случаев одних и тех же, смешанных в населении в различных пропорциях.

Другой фактор, с которым мы встречаемся, относится к способам и приёмам ведения войны «культурными» народами. Перечисленные выше «наследственные» факторы играют в успехе или неуспехе войны, несомненно, далеко не столь большое значение, как внешние условия: культура, техника, искусство, традиция. Конечно, и эти факторы могут быть не одинаково распространены среди различных расовых типов; но становясь быстро широким достоянием масс, они утрачивают эту зависимость и имеют скорее внешнее, усвоенное воспитанием, значение, чем глубокое наследственное, которое одно и приходится иметь в виду, говоря о биологических основах войны.

Наконец, очень существенно то, что войны современных народов далеко не представляют собой войны на «уничтожение» масс населения, так как это уничтожение происходит, и является явной или скрытой целью военных состязаний.

Останавливаясь прежде сего на этом последнем факте, необходимо отметить, что для воюющих народов - и только их, а не расы - мы можем иметь в виду: действительное уничтожение более или менее обширных масс населения тем менее осуществимо, чем выше в ряду культурного развития они стоят. Если в колониальных войнах мы еще встречаемся с прямым или косвенным массовым истреблением населения, то в войнах европейцев этому способу борьбы отводится лишь второстепенное место. Женщины и дети побежденной и даже занятой неприятелем страны в значительной части остаются невредимыми и имеют возможность продолжать свой род. И мужчины воюющих стран далеко не все принимают участие в борьбе со всеми её опасностями. Правда, в войнах, ведущихся в настоящее время, производятся попытки восстановить старый способ войны на уничтожение, и даже в усиленном виде: прекращение торгового обмена, сухопутная и морская блокада границ, вызывающая в стране недостаток сырых или технических продуктов, имеют следствием вымирание целых слоёв населения. Может

быть, этому способу борьбы, являющемуся рафинированным продуктом европейской культуры, и принадлежит будущее, и он заменит собой непосредственное вооруженное состязание народных масс. Однако до настоящего времени ни в одной из войн девятнадцатого столетия этот способ борьбы не был решающим; он лишь усиливал или ослаблял те соотношения, какие определялись на поле сражения живой военной силой.

Задача уничтожения или численного сокращения народной массы противника, с которым ведётся война, осуществляется в европейских войнах преимущественно другим путем — косвенным: этой цели служат социальные и экономические ограничения, налагаемые на побежденный народ, - в целом или на отдельные его части, обитающие в пограничных зонах, включаемых в состав государства победителя. Эти неблагоприятные внешние условия, понижая шансы в борьбе за существование побежденных, должны быть фактором, препятствующим их размножению или заставляющим их покидать свою территорию, эмигрировать в колониальные страны и пр. Однако и это орудие не всегда достигает цели. Побежденное население иногда не только не прекращает свой рост, но даже его усиливает. Процессы социального расслоения, происходящие в населении и оказывающие, как давно установлено в демографии, существенное влияние на его рост, действуют нередко в противоположном направлении: известно, что порабощенные социальные классы размножаются быстрее, чем высшие, и усиленный прирост побежденных народов является для них характерным, так в Прусской Силезии и Познани польское население в последние десятилетия росло в числе быстрее, чем привилегированное германское. Подобное же явление может быть констатировано и в ряде других случаев. Отчасти в связи с этим стоит и этот давно известный факт, что победа приносит государству для его развития нередко больше вреда, чем пользы. Во всяком случае нужно признать, что войны, имеющие своей целью или результатом изменение в неблагоприятную сторону социально-экономического положения народов далеко не всегда ведут к уменьшению его численности, равно как и наоборот, благоприятные внешние условия у победителей не всегда обеспечивают их численное усиление.

Другой род войн, характерных для новой европейской истории, это войны за территорию, преимущественно, за пограничную или имеющую особое значение для экономической жизни народа — прибрежную полосу, богатые естественными ресурсами районы и проч. Последние относятся скорее к предыдущей категории — войн экономического характера, и к ним приложимы те соображения, какие высказаны раньше.

Собственно территориальные войны, представляющие, разумеется, известную абстракцию, ибо в действительности все эти элементы по

большей части тесно связаны один с другим, — имеют задачей расширить поприще деятельности народа и обеспечить лучшее приложение сил большим его массам, которые, если население достигает известной плотности, не находят себе применения и обречены на эмиграцию или сокращение прироста. Эти войны, достигающие, в случае успешного исхода, своей цели в экономическом отношении, в национальном отношении встречаются с тем же фактором, какой оказывает свое влияние в конкуренции национальностей: поскольку туземное население завоеванных областей остается в местах своего обитания, оно не может быть исключено из экономической жизни страны и, пользуясь также ее благами, нередко успешно соперничает с пришлыми победителями.

Итак, мы видим, что в борьбе народов военные успехи или неуспехи ещё не являются исключительным фактором, определяющим их судьбу. Если отдельные европейские и внеевропейские национальные элементы и обнаруживают тенденцию к сокращению или расширению, то это обстоятельство определяется, может быть, не столько военными удачами, сколько первенством в культурном соревновании.

Так, границы французского языка в бывших германских Эльзас-Лотарингии или итальянского языка в Южной Австрии отнюдь не обнаруживали отступления. Вообще национальные мотивы в качестве стимулов вооруженной борьбы являются одними из самых призрачных (и в то же время опасных, ибо они постоянно создают поводы для новых войн: наступающая народность ссылается на свои давние исторические права на спорную область, обороняющаяся видит в этом посягательство и угрозу своей независимости. История показывает, что национальное сознание никогда не может быть объективным).

Т.е. нужно заключить, что численное увеличение или сокращение отдельных народов, хотя для их судьбы войны и не проходят бесследно, определяется не только непосредственно военным соревнованием. В этом смысле «отбирающее» действие войны в конкуренции народов имеет значение очень второстепенное, если вообще оно может иметь его.

Мы говорили до сих пор о народах, т.е. о различных агломератах наследственных или расовых типов, объединенных общностью исторического и культурного движения, представляющего нечто целое. Эти расовые типы слагают разные народы различно или одинаково, но - по отношению к их совокупности - сказанное выше, очевидно, остается в силе. Мы можем поэтому сказать, что «интеррасового» отбора войны культурных народов не производят, и в этом отношении их биологическое значение мы имеем все основания отрицать.

Этот вывод не встречает противоречия, если расширить понятие рас, как это делают некоторые антропологи, включением в него не только

физических признаков, на которых собственно строится классификация рас, но и некоторых психических особенностей — темперамента и характера, проявляющихся определенным образом в социальной жизни и точно так же в значительной мере имеющих наследственную основу, глубокое биологическое происхождение и также связанных с отбором. В этом смысле можно говорить о нации или народе, насколько она (или он) представляет нечто цельное, - как о «психической» расе, и о войне народов - как о соревновании различных «психических» рас. Мы не будем далее углубляться в эту чрезвычайно сложную область. Так это или нет, означают ли войны народов борьбу различных расовых, наследственных типов или лишь состязание вариантов одного общего расового типа, обязанных своим происхождением различию условий среды, - во всяком случае, мы не имеем основания, по развитым выше соображениям, считать, что преобладание или сокращение расового типа определяется военной победой или поражением.

Вопрос об интеррасовом военном отборе приобретает большую сложность, если мы обратимся к народам, принадлежащим к резко различным культурным типам, например, европейцам и азиатам. Войны этих народов, при различии их культурного строя, не имеют тех особенностей, какие отличают борьбу народов одной европейской культуры; и в то же время состязание этих народов, при значительном различии их расового состава, можно рассматривать, до известной степени, как борьбу рас. Казалось бы, здесь «отбирающее» действие войны должно проявиться с наибольшей ясностью. Однако целый ряд фактов показывает, что биологические условия взаимодействия победителей и побежденных и здесь чрезвычайно сложны. Так, азиатское племя турок, победивших греческое и армянское население Малой Азии, является, безусловно, политическим и экономическим хозяином этой области. Однако мы напрасно стали бы искать в населении Малой Азии представителей центрально-азиатского расового типа: их нет ни среди победителей, ни среди побежденных. Подобным же образом, бесследно для распространения северного европейского типа, прошли многочисленные завоевания германцев (вандалов) в Северной Африке и Южной Италии. Англичане, с большим успехом упрочившие свою расу в Южной Австралии, в сходных широтах северного полушария Старого Света, в Пенджабе и Бенгалии, несмотря на все усилия и полную покорность побежденных туземцев-индусов, оказались на это совершенно не способными. На протяжении истории Китая множество различных завоевателей покоряло страну и оседало в ней, однако преобладающий тип населения серединного царства и до сих пор остается цельным и единым. Напротив, другой культурный восточно-азиатский

народ — японцы, подвергшийся завоеванию и колонизации в эпоху еще более давнюю, и в настоящее время позволяет ясно различать несколько различных расовых типов, из которых сложился этот народ. Из этих фактов явствует, что при столкновении различных рас, какое происходит в завоевательных войнах, имеющих несомненно характер войн на «уничтожение», судьба рас определяется далеко не только победой или поражением и даже не только внешними климатическими и т. п. условиями. Действующие здесь факторы несомненно очень сложны, и, несомненно, чисто биологическим моментам следует приписать значительную роль в этом процессе. Каковы эти биологические факторы? Об этом можно высказываться только предположительно. Здесь нужно иметь в виду явление доминирующей и рецессивной наследственности при скрещивании, различную имуннентность рас по отношению к эндемическим болезням, своеобразные условия социального отбора, в какие становятся победители и побежденные, и многое иное.

О колониальных войнах европейцев, ведущихся ими с туземцами-дикарями, находящимися в примитивной стадии культуры, говорить не стоит, ибо это, собственно, не войны, а систематическое истребление туземцев. Хотя и здесь положение колонизаторов бывает весьма различно, но о военном «отборе» здесь не может быть и речи.

Итак, резюмируя эти замечания, мы имеем основание совершенно отрицать возможность интеррасового военного отбора: как при столкновении народов, так и рас. В интеррасовом отношении современные войны очевидно совершенно не имеют биологического значения.

Но если это так, если такое могущественное средство борьбы, как война, не оказывает биологического «отбирающего» действия, то можно спросить, проявляются ли биологические факты эволюции в жизни человеческого общества вообще и как именно? И как может быть объяснена пестрая картина смены - исчезновения и нарождения - народов и наций? Разве не военные победы доставляли господство и вели к гибели мощные империи и государства? Рассмотрение, даже самое беглое, относящихся сюда исторических фактов отвлекло бы нас слишком далеко в сторону от темы, имеющей в виду определить биологическое значение войны в жизни современного человечества. Имела ли война значение биологического фактора в историческом прошлом человечества или нет, от этого не меняется роль ее в настоящем. Необходимо только отметить, что военные поражения, низвергавшие могущественные империи, являлись обычно лишь внешним выражением глубокого внутреннего процесса разложения, и, разумеется, не им как первоисточнику должна быть приписана гибель государства и наций. Процесс внутренней эволюции определяет судьбу нации гораздо в

большей степени, чем ее военные успехи, и если мы можем предполагать действие биологических факторов в истории человечества, то именно в этих явлениях внутринациональной конкуренции и отбора. И действительно, многое говорит за то, что такой внутренний отбор, такое мирное замещение биологических типов, субституция их, постоянно имеют место.

Здесь мы подходим к вопросу действий войны как средства отбора, происходящего внутри государства, «интранационально». Такое внутриплеменное «отбирающее» действие войны может сказаться в дифференцировании плодовитости и смертности различных типов, т.е. большей плодовитости и меньшей смертности одних групп населения по сравнению с другими, происходящих вследствие войны, военного строя и всех присущих им атрибутов. Здесь мы, разумеется, не имеем непосредственных и точных данных и можем прибегать лишь к фактам, указывающим на эти процессы косвенно.

Что касается избирательной плодовитости, обусловленной войной, то свидетельство статистических фактов довольно бесспорно. Служба в постоянной армии, добровольная или принудительная, отрывает на три или четыре года от семьи в самом важном для размножения возрасте. Долгая казарменная жизнь отзывается уменьшением числа детей у семейных или, как это установлено в большинстве европейских стран, более поздним средним возрастом вступления в брак. Демографическая статистика с несомненностью устанавливает, что поздний брачный возраст постоянно сопровождается меньшим числом детей в семье. Существуют вычисления, показывающие, что если бы все население страны вступало в брак в тридцатилетнем возрасте — прирост населения прекратился бы. Плодовитость лиц, служащих в армии и не служащих, оказывается таким образом различной, и имеет явно избирательный характер. Она меньше у военных и больше у прочего населения. Если теперь принять во внимание, что привлекаемые к военной службе обладают лучшим здоровьем и высшими физическими качествами, чем массы не служащих в войсках, то отбирающее действие войны для нас станет ясным. Военный строй имеет своим последствием то, что менее ценные в физическом отношении элементы могут размножаться и растить детей с большей легкостью, чем более ценные, призываемые к военной службе. Это есть, несомненно, биологическое действие войны, и в этом её значение как фактора отбора проявляется с очевидностью. Подтверждением могут служить давно установленные наблюдением факты, что физические качества населения после продолжительных войн понижаются. Точные исследования Лапужа относительно призывных 1891-1893 годов, т.е. родившихся в годы Франко-Прусской войны, когда

значительная часть наиболее крепкого мужского населения принимала участие в походе, показала, что средний рост их меньше среднего роста призывных, родившихся в невоенные годы. Большая доказательность этих фактов очевидна сама по себе. В сравнении с ней теряют всякое значение указания на плодотворные действия военного строя в смысле физического воспитания мужского населения, достигаемого военной службой. Если такое благоприятное действие военной службы в действительности имеет место и не осуществимо другими путями, биологический результат его представляется недоказанным. Улучшенное физическое развитие, наблюдающееся у прошедших военную службу, еще не гарантирует такового же у их потомства, ибо внутренним, чисто наследственным задаткам, принадлежит во всяком случае не менее важная роль в определении физического развития.

Переходя теперь к вопросу о роли психических признаков в военном внутриплеменном отборе, мы можем найти некоторое освещение ее в явлениях избирательной смертности, связанной с войной, на которую точно также обращено внимание демографией. Каковы психические особенности, понижающие или повышающие шансы смертности в войне, - об этом мы, разумеется, не можем иметь точных данных, хотя, примерно говоря, очень вероятно, что лица с выдающимся мужеством, решительностью, энергией и прочими положительными психическими свойствами, подвергаются риску смерти в гораздо большей степени, чем лица, не имеющие этих достоинств. Более объективные факты мы находим в официальной статистике потерь умерших во время войны. Известно, что во всех войнах процент убитых и раненых из командного состава выше, чем рядовых солдат, хотя смертность от болезней среди последних много выше. Так во Франко-Прусской войне 1870-1871 г. смертность среди солдат и низшего командного состава составляла три процента, среди командного состава восемь процентов (смертность от ранений). Число раненых солдат составляло одну седьмую общего состава, среди командного состава одну четвертую. Больные солдаты составляли 3/5, командный состав 1/7 (Вестергаард). Преобладающая часть командного состава военного времени рекрутируется из запаса, включающего в себя представителей всех интеллигентных профессий, из лиц, занимающих лучшее социально-экономическое положение, и т. д. Таким образом, война имеет следствием отбор, направленный в пользу менее культурных слоев общества. Разумеется, социальное расслоение не совпадает с психолого-биологическим. Однако некоторое соответствие между социальными и биологическими типами в человеческом обществе отрицать невозможно, иначе процесс социальной дифференциации был бы совершенно необъяснимым. Более образованные,

если и не обладают монополией выдающихся психических свойств, по выражению известного социолога Штейнмеца, то, во всяком случае, как по среднему уровню различных психических свойств, так и по проценту выдающихся по одаренности лиц, превосходят средний уровень массы. Многочисленные антропометрические и психологические исследования, произведенные в школах, университетах, войсках, вполне подтверждают это положение. Поэтому можно сказать, что военный отбор, действующий посредством повышенной смертности среди командного состава, сопровождается относительным сокращением числа представителей более высоко стоящих, по психическим свойствам, наследственных типов в пользу представителей типов, представляющих меньшую психическую ценность. Со временем эти потери пополняются выделением из уровня массы новых, поднимающихся в высшие слои элементов; но первые, после войны, периоды проявляются с этой неблагоприятной стороны очень ощутительно. Ряд следующих друг за другом больших войн может в корне надолго подорвать духовные силы нации, чему история представляет много примеров. Известное выражение — десяток крупных побед может разрушить государство — справедливо не только со стратегической точки зрения, но и с точки зрения социально-исторической. Губительные последствия наполеоновских войн для Франции представляют всем хорошо известный факт.

Таким образом мы приходим к заключению, что биологическое действие войны в области внутриплеменных отношений является весьма вероятным. Война является несомненным фактором отбора, сокращая более сильные в физическом и психическом отношении типы и способствуя увеличению типов, менее сильных в этих отношениях.

Другой вопрос, к которому мы теперь приходим, заключается в том, распределяются ли эти наследственные физические и психические типы равномерно среди различных расовых компонентов данного племени, или отбор какого-нибудь из последних означает одновременно отбор, направленный в сторону определенного расового типа? Другими словами, - являются ли различные расовые типы, какие различаются среди населения Европы, вполне однородными по их гигиеническим и психическим свойствам, или же некоторые из этих свойств присущи в большой степени представителям одного расового типа и в меньшей степени представителям другого. Не являются ли субъекты, принадлежащие, например, к длинноголовому, светловолосому и высокорослому типу, так называемому «северному», преимущественными носителями личной инициативы, энергии и предприимчивости по сравнению с представителями другого, встречающегося в Европе, расового типа, так называемого «альпийского», характеризующегося широкой формой головы,

переходными по цвету волосами и глазами и низким ростом. Разумеется, здесь не приходится говорить о причинной связи между теми или иными расовыми особенностями и гигиеническими, и психическими свойствами. Эта связь может быть только внешней, основывающейся на единстве происхождения и общности биологических задатков носителей данного расового типа. В такой форме вопрос ставился многими антропологами и вызвал самые различные отношения. Многочисленные антропологические работы Аммона, Лапужа, Розе Пфицнера, исходивших из идей крупных историков прошлого века, Клемма и графа Гобино, привели названных авторов к положительному решению вопроса. Они показали, что различные социальные типы одного народа не одинаковы по своим антропологическим особенностям. С другой стороны, демографические исследования поучительно резюмированные в статистико-географических картах Риклея, показывают, что на области, с преобладанием того или иного расового типа, обнаруживают явное различие в целом ряде экономических и социальных признаков: политической окраске, размере годового дохода, величине занимаемого помещения, количестве лиц, получающих высшее образование, количестве представителей художественных и научных профессий и далее в таких признаках, как относительная частота брачных разводов и т. д. В этом отношении особенно интересны наблюдения Лапужа во Франции, которые установили определенную замену одного расового типа другим, происшедшую в течение истекшего столетия: серии черепов, относящихся к ранним периодам девятнадцатого века, в некоторых областях Франции, где не было никакого нового переселения посторонних элементов, содержат гораздо больший процент представителей длинноголового типа, чем серии черепов из тех же кладбищ, относящихся к более позднему времени. Это явление может быть объяснимо только одним способом: постепенным сокращением числа представителей длинноголовой расы и увеличением представителей широкоголовой, или, другими словами, определенным отбором, являющимся результатом невидимой мирной борьбы расовых типов и вызывающим незаметную субституцию (замещение) одного расового типа другим. Увеличивающийся в численности расовый тип как бы вытесняет другой, который принужден искать себе место в жизни на других поприщах, путем эмиграции в крупные центры или колониальные страны, или, наконец, просто сокращаться вследствие воздержания от брака или позднего вступления в брак. Этот сокращающийся в численности элемент характеризуется длинной формой черепа и состоит, видимо, в значительной степени из представителей так называемой «северной» расы. Одновременно он же является, как следует из упомянутых исследований Лапужа, носите-

лем духа предприимчивости, личной и социальной энергии, а также и большой умственной силы. На этом основании некоторые крайние представители этого течения, в том числе и сам Лапуж, рассматривают всю историю, политическую или социальную, как выражение борьбы двух главных расовых типов Европы: длинноголового — северного и широкоголового — альпийского. Эти типы, смешанные в различных пропорциях в населениях всех стран Европы, определяют своими взаимоотношениями их историю и культурный прогресс. Сокращение численности длинноголовых блондинов, являющихся творцами всей европейской культуры, и представляет собой неизбежное следствие их высоких психических качеств и огромной энергии. Жертвы своего благородного призвания — они гибнут и уступают место представителям другого расового типа, характеризующегося посредственностью в своих психических качествах. Вместе с ними гибнут блеск и высокие достижения европейской культуры; напряженность её духовных и социальных стремлений и открытий грозит Европе застоем и, в заключение - как это имело место в других странах, изживших себя, - гибелью. Следы этого печального явления Лапуж видит в современной истории Франции, духовный упадок которой он признает безоговорочно.

Во всех этих теориях, разумеется, многое преувеличено, и они не остались без возражений со стороны антропологов и социологов. Но каковы бы ни были взгляды отдельных авторов, факты, приводимые ими, безусловно, заслуживают внимания, и с этой точки зрения несомненное замещение одного расового типа другим, какое мы наблюдаем с начала XIX века в некоторых областях Франции, безусловно, представляют большую важность. Позволительно спросить, не является ли это сокращение длинноголового населения, которое констатировано Лапужем во Франции, результатом того, несомненно происходящего, как мы констатировали выше, военного отбора, какой имел место в результате долголетних наполеоновских войн. Если мы объективно взвесим разнообразные факты, приведенные школой Аммона-Лапужа, отбросив все их крайности и непроверенные утверждения, и будем в то же время строго держаться биологических принципов, нам представляется, что вопрос должен быть решен положительно, и что военный и интранациональный отбор имеет несомненно интеррасовый характер, т. е. в результате войны происходит сокращение и увеличение не только некоторых неопределенных физических и психических типов, как мы показали это выше, но и определенно расовых типов. Война, таким образом, есть несомненный фактор отбора, но этот отбор осуществляется не между воюющими народами, а внутри их самих, и происходит бессознательно и незаметно, не поддаваясь контролю и воздействию

сознательной воли. Т.е., если войне свойственно биологическое значение, то совершенно не то, о котором думают и говорят её инициаторы и защитники. Не к сокращению одного народа на счёт другого ведет война, а к замещению в среде самого народа, одинаково как побежденного, так и победившего, одного расового элемента другим. Этот вывод является вполне объективным; мы пришли к нему путем совершенно независимым от несколько экстравагантных исканий Лапужа. Для безусловных противников взглядов этого автора наш вывод одинаково приемлем. Впрочем, может быть, с одной оговоркой — следует сказать: замещение не «расовых» элементов, а «наследственных», гигиенических и психических, оставляя вопрос - об отношении последних к расовым - открытым. В таком виде утверждение о вызываемом войной замещении биологических типов решается положительно общими биологическими фактами и бесспорными указаниями статистики.

Итак, мы видели, что хотя биологическое значение войны и её роль как фактора отбора являются несомненными, многое в этом вопросе требует ещё длительного изучения. Антропологические исследования в войсках и в населении, тщательная разработка военно-санитарной статистики, исследования в области военной психологии и пр., могут выяснить многое. Может быть, в настоящее время, когда проблемам войны и империализма отводится столь большое место в политических интересах, можно было бы уделить внимание к научной стороне вопроса и приступить к собиранию материалов, могущих всесторонне осветить чрезвычайно важную и сложную проблему войны.

В. В. Бунак

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПРЕСТУПНИКА, ЕГО СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ

I.

Особенности физического типа преступника долгое время занимали центральное место среди криминологических проблем. Интерес к ним был вызван атавистической и дегенеративной теориями преступности и был особенно интенсивен в конце XIX века. С 900-х годов в криминологии получили преобладание другие воззрения, и проблема физического своеобразия преступника значительно утратила актуальность. Лишь в последние годы (Видони, Ратт, Горинг) к ней возвращаются вновь, однако уже по другим теоретическим путям, исходя из данных учения о конституции, наследственности и пр. Вместе с тем большие изменения произошли и в антропологической методологии, и они заставляют критически отнестись к собранному прежними исследователями материалу по антропологии преступников, а равно и к выводам из него как положительным, так и отрицательным. Если с точки зрения современной антропологической науки представляются совершенно бездоказательными выводы Ломброзо и его школы, то в равной мере это относится и к положениям его противников (Вер и др.), пользовавшихся, в сущности, тем же методом, что и Ломброзо. В настоящий момент вопрос о физическом типе преступника должен быть рассмотрен заново и притом на основе новых методов: применения вариационной статистики, морфологического анализа признаков, данных эндокринологии, генетики и пр. В этом направлении сделано еще очень мало, а по отношению к русским правонарушителям и вовсе ничего. Наметить для этого пути их формулировать очередные проблемы и методологию их разрешения составляет задачу предлагаемой работы.

II.

Существенный недостаток прежних исследований с современной точки зрения заключается в том, что они очень произвольно пользовались

термином «норма» и «аномалия». Ясное представление об этом предмете должно быть необходимым условием для всякого, кто приступает к изучению преступника как с физической, так и с психической стороны. К сожалению, нелегко изложить этот вопрос в немногих словах для лиц, мало знакомых с учением об изменчивости и с вариационной статистикой, и потому прежде всего необходимо указать на соответствующие курсы.

В представлении о норме необходимо решительно отказаться от качественной оценки нормальности признака. Нормальный признак далеко не всегда самый лучший, аномалия не обязательно означает несовершенство. Единой раз навсегда установленной нормы не существует. Каждая данная группа имеет свою норму, свой тип. Норма — понятие эмпирическое и статистическое. Мы называем нормальными те степени признака, которые встречаются у преобладающей части исследованных особей, составляющих какую-нибудь целостную группу, около 40%. Далее идут менее частые вариации, не превышающие 15%, - это промежуточные вариации, суб- и ультра-нормальные. Еще более редкие вариации — экстремные — можно ограничить нахождением их в 10%. Аномалия — это наиболее редкая вариация, находимая не чаще, чем в 5%, обычно же много реже. Норма и аномалия соединены неуловимым рядом переходов. В признаках, поддающихся измерению, например, в росте, это очевидно: поддающихся измерению, например, в росте, это очевидно: между карликами и великанами имеются все градации субнормальных, центральных и прочих вариантов. С тем же явлением мы встречаемся и в признаках, определяемых описательно, но при этом необходимо считаться с некоторыми затруднениями. Если в этих последних мы, как обычно, выделяем три степени признака — большую, среднюю, малую, то наличие у субъекта одной из крайних степеней признака, например, сильно развитых надбровных дуг, еще не дает права называть признак аномальным, ибо такие варианты при различении трех степеней, находятся обычно у 10-15% всех субъектов. В подобных случаях мы должны говорить о супранормальном варианте, аномальным же считать исключительно редкое развитие, которое может быть охарактеризовано крайним классом при различении семи, девяти или даже большего числа степеней (классов) варьирования. Ввиду трудности применения подобной дробной системы при определении описательных признаков, практически приходится считать аномалиями лишь очень резкие изменения органа, представляющие собой значительные видоизменения или новообразования, как, например, срастания, расщепления, увеличения или уменьшения в числе и т. п. Этим же следует руководиться при односторонних вариациях, которые нельзя рассматривать, как крайние уклонения от какой-нибудь средней, напри-

мер, наличие дополнительных центров окостенения в черепе. Общим признаком, который может служить для разграничения нормальных и аномальных вариантов как в описательных, так и в измерительных признаках, является относительная частота нахождения варианта.

На основании этих данных мы можем для каждого признака и для каждого типа построить таблицу, в которой непрерывный, как правило, ряд вариантов будет разделен на варианты собственно нормальные или центральные, суб- и супра-нормальные или промежуточные (интермедиарные), гиперсуб- и гиперсупранормальные или экстремные, и аномальные. Такая таблица построена Шмидтом для роста. То, что составит аномалию в одной группе, может оказаться только экстремным вариантом в другой. Поэтому, употребляя термин «аномалия», следует непременно указывать, какая группа субъектов имеется в виду. Если же говорить об аномалиях вообще, то следует разуметь только редчайшие варианты, которые составляют исключительное явление во всех группах.

Такая постановка вопроса, диктуемая современным учением об изменчивости, приводит нас к необходимости особо тщательного морфологического анализа изучаемых признаков. Совершенно точное и однообразное определение морфологических свойств составляет необходимое условие для установления им аномальности или нормальности. Если по отношению к признакам, поддающимся количественному определению, т. е. измерению, не может возникнуть особых затруднений, то по отношению к признакам, определяемым описательно, необходимо соблюдать ряд условий. Главнейшие из них таковы:

1) необходимо учитывать весь объем вариации от аномалии в одном направлении до аномалии в противоположном направлении и разделить его на равномерные интервалы (классы). Например, в завитке уха мы различаем все переходы от совершенно развернутого плоского края до закругленного, приросшего к раковине завитка. Обычный, умеренный завернутый завиток составляет нормальную форму, и только крайние степени, одинаково удаляющиеся в обе стороны от нормы, можно считать аномальными;

2) необходимо основываться на возможно точных разделительных признаках для отдельных классов; например, аномально-сильно развитое надбровье можно охарактеризовать тем, что правая и левая надбровные дуги соединяются ясным выступом в области надпереносья (глабеллы) и имеют утолщенные боковые края верхней крыши глазниц;

3) необходимо учитывать каждое свойство в отдельности; например, если мы встречаем в зубной системе недоразвитие коронки зуба и вместе прорезывание его сбоку альвеолярного отростка, налицо две аномалии, а не одна;

4) необходимо учитывать половой, возрастной и расовый тип субъекта, например, наличие складки верхнего века нельзя считать аномалией, если субъект монгольского происхождения;

5) нельзя считать аномалией также непостоянные симптомы болезненных процессов, исчезающие вместе с излечением болезни;

6) значительная часть аномалий имеют врожденный конституционный характер, и для установления их многое дает генетика (учение о наследственности).

III.

Усвоив изложенное понимание аномалий, необходимо признать, что аномалии, как исключительно редкие варианты, будут свойственны всегда лишь небольшой части группы, какова бы она ни была. Нельзя ожидать, что найдется какая бы то ни было группа, в которой аномальные варианты скажутся преобладающими или найденными у большей части индивидуумов. Уже сравнительно небольшое различие в относительном числе аномалии будет очень характерно для типа в целом, указывая, что в состав его входит известная доля аномальных субъектов. Поскольку эта особенность составляет характерное явление для данной категории, например, преступников, т. е. наблюдается при сравнении нескольких групп преступников с нормальным населением, поскольку мы встречаем проблему большой важности в криминологии.

Из огромного числа признаков, которые описывались прежними исследователями как аномальные, с современной точки зрения таковыми могут быть признаны очень немногие. Поскольку прежние исследователи не давали ясного морфологического критерия для отграничения аномальности в непрерывно варьирующих свойствах, постольку было бы ошибочно полагаться на их определение аномальности в количественных признаках. Особенно это относится к строению скелета и мягких частей лица, форме и размеру головы, пропорциям тела и т. д. Приведу в качестве иллюстрации таблицу аномалий, составленную по данным двух наиболее обстоятельных и противоположных по результатам исследователей: исследования 400 тяжелых преступников — мужчин, сделанного в Италии Пента, ближайшим сподвижником Ломброзо, и исследования немецких преступников — Бера.

Признаки, имеющие характер симптомов болезни или очень неопределенные при составлении той таблицы опущены (Ломброзо, стран. 132, Бер — стр. 102-193).

Таблица № 1.

Признак	Пента 400 в %	Бер – 1885 в %
Альвеолярный прогнатизм	45	20,4
Выступание скул	37	-
Большая нижняя челюсть	29	-
Большие надбровные дуги	21	3,2
Убегающий лоб	19	4,7
Сильная асимметрия лица	18	7
Деформированный нос	10	2,1
Уши неправильной формы	45	7
Аномалии зубов	15	-
Большие межпальцевые складки кожи	3	-
Аномалии половых органов	15	-

Исследования, устанавливающие очень высокие, аналогичные данным Пента, цифры аномалий, как отдельных органов (череп, ухо, конечности), так и организма в целом, очень многочисленны и относятся к преступникам многих европейских стран.

Некоторые из этих трудов приводят данные о распространении аномалий у непреступного населения и устанавливаются значительное преобладание всякого рода уклонений у преступников.

Менее многочисленны исследования, давшие противоположные результаты. Нужно однако заметить, что и авторы этих последних в общем признают большее или меньшее своеобразие типа преступника, как не отрицает его и Бер.

Большой процент крайних вариантов, какой дает Пента, отчасти и Бер, свидетельствуют о том, что авторы не делали различий между сильными уклонениями и уклонениями менее резкими, вариантами аномальными, экстремными и т. д. Если сильная асимметрия лица характеризуется по Пента 18% и по Беру – 7%, то очевидно, что далеко не все эти 18% и даже не все 7%, составляют аномалию в собственном смысле слова; в это число входят, наряду с аномальными, и экстремные и промежуточные варианты. Разграничительный морфологический критерий отсутствует, открывается простор произволу исследователя. Неудивительно поэтому резкое расхождение цифр этих двух исследователей. Очевидно, те варианты, которые Пента считал аномальными, Бер таковыми не признавал, относя их к нормальным. Такой метод исследования осуждает на полную непригодность все материалы, относящиеся к количественно-определяемым признакам, какие были

собраны прежними исследователями, независимо от их направления. Самое сравнение их между собой и с данными исследования нормального населения, в сущности, неубедительно и затруднено, ибо разные авторы брали разные признаки, и сравниваемые группы далеко не всегда достаточно однородны по возрасту, профессии и расе.

Такие же трудности возникают и при использовании данных изучения количественных признаков на трупном материале, относящихся к преступникам. К этой категории свойств нужно отнести прежде всего вариации извилин и размеров мозга, которые имеют явно — непрерывный характер. Представление о низшем или аномальном типе мозговых извилин преступников, защищавшееся Бенедиктом и другими, могло держаться только до тех пор, пока не имелось достаточно данных о вариациях извилин у обычного населения, и оно обнаружило всю свою методологическую необоснованность при накоплении соответственных данных (Зернов). Впрочем, Ломброзо, да и сам Бенедикт, видели в этих особенностях выражение своеобразия преступного типа, но не определяли их, как настоящие аномалии. То же приходится сказать и об особенностях прочих внутренностей, сосудистой системы, измерительных признаках черепа и пр.

Сколько-нибудь надежную базу при изучении аномальностей преступников по материалам, собранным прежними исследователями, мы находим только в качественно определяемых признаках. И при том таких, которые представляют собой новообразования в анатомическом смысле, или совершенно определенные свойства, смешение которых с другими невозможно; сюда относятся главным образом исследования мертвого материала (Оттоленги). К сожалению, признаки этого рода изучены гораздо меньше (в частности — костный материал, который неизменно дает довольно высокие цифры уклонений). Самое изучение крайне не систематично: разные исследователи обращали внимание на разные аномалии и о многих не упоминают вовсе. Определение отклонений нередко недостаточно точно. Какой-нибудь общей схемы и программы, по которой можно бы сравнить разные группы преступников и непреступного населения не имеется, что делает невозможным построение обобщающей, резюмирующей таблицы. Чтобы дать представление о конечном, наиболее бесспорном результате, к которому приводит изучение собранного материала в смысле характеристики физической аномальности преступников, мы возьмем наиболее низкие цифры отдельных достоверных аномалий, найденные разными исследователями, как сторонниками Ломброзо, так и его противниками

Таблица № 2

Признак	Пол и число иссл.	%% аном.	Автор	Источник
Лобный шов	66	12,0	Ломброзо	Ломброзо ст. 160
Слияние атланта с черепом	-	3,0	-	-
Лобный отросток височн. кости	-	3,4	-	-
Эпактальная кость	-	9,0	-	-
Открытый крестцовый канал	-	5,0	-	-
Дополнит. грудн. позвонки	63	10,0	Тенчини	ст. 193
Недостаточн. грудн. позвонки	-	10,0	-	ст. 194
Прободение локтевой ямки	-	6,0	-	ст. 193
Отст. больш. пальца не менее 3 см. у основан.	200	27,0	Ломброзо	ст. 206
Дополнительные грудн. железы	400	3,0	Пента	ст. 233
Фимоз. гипостадия.	-	1-3	Кнехт	Бер. 212

Относительно многих из этих признаков имеются сравнительные данные для непреступного населения. Не подлежит сомнению, что приведенные цифры аномалий преступников значительно превосходят число аномалий непреступного населения.

Этот небольшой список включает в себе едва ли не все основные факты, какие современный антрополог может извлечь из огромной литературы об аномальности преступников. Огромные волюмы, наполненные работами этого рода, в настоящее время почти целиком потеряли научное значение, и это относится одинаково к трудам представителей обоих боровшихся научных направлений, ибо и Ломброзо, и его критики пользовались одним и тем же крайне несовершенным методом.

Приведенных данных, конечно, недостаточно для того, чтобы установить характерность для преступников физической аномальности, но все же их нельзя и игнорировать, ибо они представляют собой известные цифры. Если даже, что весьма вероятно, между отдельными категориями преступников, в резные эпохи и в разных странах окажутся значительные различия в числе аномалий, и некоторые преступные группы не обнаружат большей аномальности, чем не преступное население, - наличие хотя бы нескольких подобных групп, напр., убийц, изнасилователей, заслуживало бы большого внимания. Поэтому, нам остается только признать имеющиеся данные неудовлетворительными. Характерность для преступников физических уклонений также мало

установлена, как и опровергнута. Несмотря на продолжительное дискуссирование этой проблемы, она и ныне остается нерешенной, хотя совокупность данных говорит скорее за положительное ее решение. Для разъяснения этого бесспорно важного в теоретическом отношении вопроса, мы стоим перед необходимостью продолжать эту работу, или лучше сказать, начать ее заново, руководясь теми методическими положениями, какие выдвигает современная наука.

IV.

Если это так, то, естественно, возникает вопрос о том, какое значение для понимания преступного типа может иметь физическая аномальность, если характерность ее для этого типа будет установлена. В какой мере эта проблема представляется важной и может рассчитывать на наше внимание в свете современных научных данных?

Этот вопрос приводит нас к необходимости выяснить значение физических аномалий для характеристики типа, каким оно представляется важной и может рассчитывать на наше внимание в свете современных научных данных?

Этот вопрос приводит нас к необходимости выяснить значение физических аномалий для характеристики типа, каким оно представляется в настоящее время, то есть положить современное положение проблемы так наз. «дегенерации».

Главнейшие взгляды на значение аномалий физического строения можно свести к следующим теориям. Я изложу их в той последовательности, в какой они развивались.

1. Атавистическая теория получила применение к объяснению аномальности, главным образом, преступников, в первоначальных работах Ломброзо. Физические аномалии представляют собой по этой теории восстановление признаков, унаследованных от животных предков человека или низших рас. Они служат указанием на низшую или примитивную в филогенетическом смысле природу носителя этих аномалий.

В позднейших своих трудах (4-м и 5-м итальянском издании своей книги) Ломброзо сам в значительной части отказался от этого взгляда, отведя место другим моментам. В настоящее время этот взгляд является совершенно неприемлемым, ибо аномалии строения, которые можно рассматривать как атавистические, составляют сравнительно немногочисленную группу, и, если они и связаны с аномалиями психическими, представляющими наибольшую важность для понимания личности, то определение последних, как атавистических, является совершенно

произвольным и непродуктивным. Трактовать дефекты и дисгармонии интеллектуальной, эмотивной и волевой сферы как «атавизм», не значит что-нибудь объяснить. Представление о первобытном человеке и дикаре, как об аморальном или умственно дефективном субъекте, защищавшееся Ломброзо, совершенно несостоятельно и отвергнуто современной антропологией и этнологией.

2. Дегенеративная теория получила первоначальную формулировку в работах Мореля в применении к душевным болезням. Применение ее к преступнику было дано Ферэ, отчасти самим Ломброзо.

В этой теории для нас существенны три положения:

а) Уклонения от нормы, передаваясь по наследству, накапливаются и усиливаются в ряде поколений, захватывают новые области, уменьшают способность к воспроизведению, и в конце концов ведут к резким уклонениям (идиотизм), бесплодию, угасанию рода (дегенерации), вырождению.

б) Между уклонениями от нормы в физическом строении и в психике существует необходимая, функциональная связь. Она объяснялась различно: непосредственным влиянием дефектов нервной системы на формирование развивающихся органов (аномалии сравнивались с «пятнами» при сыпном тифе), ранним периодом возникновения аномалий, относящимся к стадии дифференцирования органов, неизбежно захватывающим как нервную ткань, так и прочие органы, вследствие чего появляются незаконченные формы, асимметрии и т. д., общим нарушением питания и «эволютивной энергии» организма в целом; болезненными воздействиями на половые элементы (токсические повреждения, влияние переутомления, недостаточного питания и пр.), которые имеют не изолированный характер, а проявляются в целом ряде органов и т. д. (см. сводку Джиуфрида).

в) Аномалии обязаны своим происхождением внешним влияниям на половые элементы, подобным перечисленным выше.

В настоящее время мы должны признать эти положения неприемлемыми, ибо они не согласуются с положительными данными генетики[1]. Мы знаем множество примеров, относящихся к животному и человеку, строгой наследственной передачи аномалий (Пирсон). Усиление и ос-

[1] Доступное изложение учения о наследственности, знакомство с которым при изучении преступника необходимо, читатель найдет в книге Филипченко «Наследственность» - Богданова — «Менделизм», а также в книгах по евгенике Юдина, Гетса. Критический разбор менделизма в применении к человеку дан в моей работе «Методы изучения наследственности у человека» Р. Евгенический журнал, т. 1, п.п. 2-3.

лабление аномалий, их появление и исчезновение в потомстве зависит от того, с кем вступает в брак носитель аномалии, и каков подбор генов, определяющих данный признак, а также и от самой генетической природы признака (полимерность и т. д.). Никакого обязательного вырождения в смысле Мореля не существует. Появление тождественных аномалий у боковых родственников, находящихся в разных внешних условиях, свидетельствует о том, что многие аномалии имеют малую связь с внешними условиями. Твердо установленные факты «расщепления» в потомстве отдельных физических и психических свойств, а также изолированное появление уродств при экспериментальных воздействиях на развивающийся зародыш — свидетельствует о том, что связь физических и психических уклонений вовсе не является функциональной и неизбежной. Она возможна постольку, поскольку проявится коррелятивная связь отдельных свойств.

3. Индифферентная теория. Так можно назвать взгляды Топинара, Манупврие и некоторых других антропологов, а также многих психиатров, высказанные в 80-х годах в противовес крайностям двух выше названных систем. Эта теория видит в аномалиях безразличные расовые или индивидуальные уклонения, не связанные с психикой. Аномалии представляют собой или эстетические недочеты или воспроизводят чуждый расовый тип, в котором они составляют норму (например, - толстые губы негра) или являются даже высшими морфологическими образованиями.

Этот взгляд приемлем постольку, поскольку он выражает отказ от качественной оценки аномалий, но вызывает возражения, поскольку он отрицает количественный критерий аномальности. Всякая редкая особенность представляет аномалию, независимо от того, является ли эта особенность высшей или низшей. Кроме того, неприемлемо принципиальное отрицание связи психических и физических аномалий. Эта связь не абсолютна и не обязательна, но этим не устанавливается полное ее отсутствие.

4. Патологическая теория тесно связана с теорией дегенерации, представляя собой ее дальнейшее развитие. Она нашла себе широкое признание в психиатрии 900-х годов. Эта теория видит в физических аномалиях результат повреждения зародыша различными болезненными воздействиями, главным образом, свинцом, алкоголем, туберкулезом, сифилисом и проч. При этом допускается возможность болезненного воздействия этих ядов на нервно-психическую сферу. В этом пункте рассматриваемая теория совпадает с теорией дегенерации, отличаясь от нее отрицанием неизбежного ухудшения и абсолютного характера связи аномалий.

По поводу этой теории нужно заметить, в дополнение к приведенным выше данным генетики, что, не отрицая принципиально возможность возникновения аномалий вследствие токсических повреждений, необходимо признать, что подобные явления должны иметь исключительный характер, и обычные дозы болезненных воздействий являются для того недостаточными. Представление о сифилисе, как универсальной причине всех пороков, уже не защищается современными сифилидологами (Мещерский). Непосредственные исследования потомства алкоголиков (Пирсон) и сифилитиков (Бунак) — во всяком случае не подтверждают этой теории.

5. Новейшей разновидностью этих взглядов является эндокринная теория аномалий, сводящая их к нарушению эндокринных воздействий на развивающийся плод. Эта теория заслуживает больше внимания, ибо основывается на экспериментах над животными, как например, экспериментальное получение шестипалости. Соответственные данные в освещении чрезвычайно важном для рассматриваемой проблемы в психиатрии вообще, приведены в работе Абдерхальдена. Было бы однако ошибкой рассматривать эндокринный как единственный и всецело объясняющий все аномалии факт (Бунак). Такое положение не подтверждается ни экспериментальными данными, ни нашими сведениями по эмбриологии, и противоречит приведенным фактам генетики, появлению аномалий у боковых родственников. Бесспорно, что одни и те же воздействия ведут к разным проявлениям в зависимости от индивидуальных наследственных предрасположений, особенностей конституции в широком смысле слова.

Нарушение эндокринной деятельности и в более поздние периоды развития оказывает большое модифицирующее влияние на морфологические особенности. Видони полагает, что учение Ломброзо должно замениться новой криминальной антропологией, основанной на эндокринологии. Однако, в данном случае идет речь об аномальных, точнее — патологических, конституциях, о более или менее поверхностных вариациях строения органов (акромегалических, евнухоидных и т. д.), а не об аномалиях в настоящем смысле слова. Поэтому и эндокринная теория может иметь значение лишь вспомогательного построения.

Итак, ни одна из предложенных теорий не может претендовать на исключительное и универсальное значение. Современное воззрение на аномалии должно быть основано на твердо установленных фактах расщепления и независимости генов, и, вместе с тем, их возможной корреляции. Основываясь на этих данных, я предложил бы теорию, которая, как мне кажется, наиболее удовлетворяет выставленным требованиям, которую можно назвать генетической или комбинативной.

6. Комбинативная теория исходит из того факта, что каждый тип или группа с «нормальными» признаками, характеризуется наличием некоторого общего набора генов как физических, так и психических признаков. Появление аномалии указывает на то, что типичный комплекс генов подвергается некоторой перетасовке, выпадению одних, появлению других и т. д., вообще атипическому комбинированию. Последнее тем более сильно. Чем резче, многочисленнее и разнороднее аномалии: скопление нескольких физических аномалий, независимых одна от другой, относящихся к разным органам и достаточно резко выраженных, связано со значительным переустройством хромозомных элементов. Структура хромозом и корреляции генов, достаточно изученные у некоторых животных (Морган), у человека еще не изучены, гены отдельных признаков представляются достаточно независимыми. Но по теории вероятности, положения которой в данном случае приложить вполне уместно, нужно ожидать, что случаи, когда атипическое комбинирование захватит одни гены физического строения, или одни гены психических свойств будут реже, чем те случаи, когда атипичное комбинирование захватит гены тех и других свойств. Абсолютной связи тут нет; степень физических уклонений, может быть, не соответствует степени уклонения в психике: существуют психически нормальные люди с физическими аномалиями, и, наоборот, имеется лишь вероятная связь, и эта вероятность будет тем больше, чем резче и многочисленней уклонения. Здесь имеется аналогия известному закону Гейнке. За известными пределами вероятность становится достоверностью. Изучение этих пределов, т. е. числа и степени физических аномалий, при которых можно сделать заключение об уклонениях в психике, составляет очередную научную задачу практически важную и в учении о преступнике.

Таким образом, теория комбинирования генов видит в физических аномалиях, поскольку они независимы, т. е. относятся к разным органам, резки и не единичны, условный индивидуальный стигмат психологической аномальности. Конечно, здесь нужно оперировать со сравнительными данными, установить, как часто встречаются субъекты с одной, двумя, тремя аномалиями среди тех или иных групп населения. Если по отношению к индивидууму достоверность стигмата будет не абсолютна, то по отношению к группе, для характеристики ее типа, сравнительное количество физических аномалий может служить одним из показателей ее психического типа в суммарном целом. Нужно заметить, что эти выводы хорошо согласуются с преобладающими воззрениями среди психиатров. Целый ряд авторов, отрицая показательное значение единичных уклонений, признает, что скопление их имеет диагностическое значение. Точно также Ломброзо считал, что признаком настоящего преступного

типа является наличие не менее трех аномалий. Заслуживает внимания, что наиболее резкое отрицание значения физических аномалий мы находим у авторов, исследовавших не преступников, а душевнобольных, у которых по целому ряду данных физических аномалий, по видимому, меньше, чем у преступников, - обстоятельство, объяснимое, может быть, тем, что психическая болезнь и «уклонение» психических свойств как нормальных, так и аномальных, - явления разного порядка.

Итак, в результате анализа аномалий физического строения преступников, мы приходим к заключению, что имеющиеся данные, по их методологическим недостаткам, не дают возможности определенного решения вопроса; он и в настоящее время остается открытым, однако, отказ от изучения аномалий является преждевременным. Это изучение для некоторых групп преступников может дать теоретически и практически интересные результаты и должно быть поставлено, как очередная задача.

V.

Выше было сказано, что прежние исследователи описывали в качестве аномалий многие из таких свойств, которые нужно признать нормальными вариациями. Вообще существовала тенденция в целях выявления своеобразия типа считать аномалией всякую особенность преступника. Нормальные вариации сами по себе мало интересовали прежних исследователей. Такое положение совершенно неправильно. Какая-нибудь группа может представлять собой совершенно своеобразный и характерный тип и в то же время во всех признаках обнаруживать вариации, не выходящие из пределов нормальной изменчивости.

Разграничение нормальной и аномальной изменчивости, выдвигаемое современной антропологией, имеет не только теоретический интерес, но очень существенно для понимания непосредственно перед нами стоящей проблемы. Аномальные вариации очень редки, и для группы может быть характерна лишь большая или меньшая примесь их; они никогда не будут преобладающими за ничтожными и спорными исключениями. Нормальные варианты, хотя бы экстремные, будучи таковыми в одной группе, в другой могут составить промежуточную или центральную группу и характеризировать «тип», «норму». Трудно допустить, чтобы экстремный для данной группы вариант, например, сильный (не аномальный) наклон лба в рядовом населении какой-либо европейской страны не встретился, как основной, промежуточный или центральный признак, в какой-нибудь другой группе в том же евро-

пейском населении, совершенно обычном в социальном отношении (не преступном). Другими словами, если в данной группе преступников мы находим преобладание вариантов являющихся экстремными для какого-нибудь типа не преступного населения, с огромной вероятностью можно ожидать, что найдется другая племенная или социальная группа, не преступного населения, с огромной вероятностью можно ожидать, что найдется другая племенная или социальная группа, не преступная, для которой данный вариант будет также преобладающим. Из этого следует, что если разница между преступным и непреступным населением выражается преобладанием экстремных вариантов данного признака, то эта разница не больше, чем между разными группами непреступного населения. В такого рода особенностях мы должны видеть не специфическую особенность преступника, а лишь проявление своеобразия типа, совершенно аналогичное тому, какое имеется между разными возрастными, племенными, социальными, профессиональными, конституциональными и т. д. типами. Это — область нормальной изменчивости, и, как таковую, мы должны ее изучать, признавая большую ее важность и не квалифицируя находимых особенностей, как аномалии. Если для прежних исследователей нормальные вариации имели второстепенное значение, то для нас они не менее важны, чем аномальные.

Это положение требует разъяснения, и поэтому нам нужно прежде всего выяснить, что может дать для понимания преступника изучение его нормальных свойств.

Для Ломброзо, а отчасти и его противников, эти свойства представляли главным образом двоякий интерес: во-первых, они истолковывались в смысле френологическом и физиономическом, т. е. по особенностям строения головного скелета и мягких частей лица делалось заключение о психическом типе субъекта, о его низшем или высшем уровне; во-вторых, по особенностям формы головы, пропорций тела и пр. стремились установить резкое своеобразие физические склада преступника, в частности, резкое отличие от европейского типа, характерность менее совершенных, незрелых форм, примитивность, близость к низшим расам (с этим связывалось и представление об атавистической природе преступника). Кроме этих двух главных пунктов, отмечалось также обилие болезненных изменений отдельных органов, частота разных заболеваний и неудовлетворительное физическое развитие.

С современной точки зрения эти взгляды должны быть значительно видоизменены, частью даже совершенно отвергнуты. Прежде всего это относится к френологической теории. Возможность определения психического склада субъекта по строению мозга — очень невелика, а по внешнему строению черепа абсолютно ничтожна. Здесь может быть

речь лишь о корреляции независимых психических и морфологических элементов, и эта корреляция, в условиях разнородных скрещиваний, не может быть значительна. Такие свойства, как наклон лба, выпуклость затылка и т. д., широко варьируют у разных рас независимо от психического склада индивидуума. Это племенные признаки и только. Следует сделать только одну оговорку — об абсолютной величине головы, которая в своих крайних вариациях (очень большая или малая при одном росте) может представить некоторый интерес для характеристики психического типа, хотя связь этих свойств еще далеко неясна, и мы не знаем, с каким именно элементом психики связаны вариации массы мозга и соответственных размеров черепа, - т. к. интеллигентностью, специальной одаренностью, памятью и т. д.

Сказанное о форме головы нужно повторить и относительно возможности диагноза психического типа по форме носа, уха, глаза, волосяному покрову и другим физиологическим признакам. Если в настоящее время и может быть построена система физиогномики, то не по этим признакам, а только по мимическим, т. е. по тем следам, которые оставляет непосредственно связанная с психикой мимическая мускулатура в виде складок, морщин, вариаций положения подвижных частей лица — век, губ. Разработка мимической физиогномики преступников представляет действительную задачу большой важности, однако до настоящего времени в этом отношении ничего еще не сделано.

Что касается расового своеобразия преступников, то нужно прежде всего принципиально отринуть предположение о том, что преступники представляют собой как бы особую расу, объединяются в один тип. Эта теория опровергается наличием преступных элементов в самых различных странах, среди различных племен, и говорить об их тождестве было бы абсурдом. Методически несостоятельными нужно признать также попытки установить общую для всех преступников примитивность «типа». Такие признаки, как форма головы и лица, пропорции тела — настолько широко варьируют среди европейских рас, что классифицировать тот или иной нормальный вариант, как примитивный, очень трудно. Современный антрополог, изучая расовые признаки той или иной группы преступников, может поставить вопрос только о том, не представлен ли в данной группе преступников какой-нибудь расовый тип из числа имеющихся в данной стране больше других типов. При этом необходимо учитывать возрастно-половой состав и социальную группировку сравниваемых типов. В некоторых случаях, при сходстве этих моментов, могут сказаться и расовые особенности, темперамент и т. п. свойства, которые могут повести к преобладанию среди преступников того или иного расового элемента. Для понимания

индивидуального склада могут быть характерны также случаи резкой расовой смешанности. Поэтому изучению расовых признаков должно быть отведено место при исследовании преступников, хотя и с совершенно иной точки зрения, чем та, которой держался основатель криминальной антропологии.

Патологические изменения и недостатки развития, поскольку они представляют собой непостоянные, проходящие явления, притом нередко связанные с условиями жизни, тюремным режимом и т. д., не могут иметь существенного значения для характеристики физического типа преступника, как такового. Но они представляют большую важность тогда, как являются более или менее постоянными признаками, характеризующими «конституцию» субъекта, как патологическую, так и нормальную.

VI.

Вопрос о конституционных особенностях преступников в современной его постановке был вне поля зрения прежних исследователей, так как эта проблема возникла сравнительно недавно, а изучение конституции преступников только еще начато. Тем не менее она приобретает уже огромное значение и занимает центральное место в физической характеристике индивидуума. В этом отношении мы должны не только видоизменить и уточнить, сообразно требованиям современной методологии, представления прежних исследователей о задачах физического изучения преступника, но и значительно их дополнить.

Понятие о конституции субъекта (которое здесь не должно трактоваться в узко-психическом смысле) имеет в основе прежде всего функциональные свойства, как, например, содержание сахара в крови, симпатико или ваготония, кровяное давление и пр. признаки, характеризующие жизнедеятельность организма, предрасполагающие его к реакциям (в том числе нервно-психическим) определенного рода, создающие склонность к определенным заболеваниям. Подобно всем другим особенностям, эти свойства широко варьируют, представляя различные нормальные и аномальные разновидности. Совершенно нормальные, здоровые люди обнаруживают значительно различающиеся варианты отдельных свойств, и, что особенно важно, их соотношений в частности, вариации траты и накопления, мускульного тонуса и т. д. Соотношение функциональных свойств определяет особый тип жизнедеятельности в его нормальных и аномальных разновидностях. Посредством эндокринного аппарата, обладающего, как известно, мор-

фогенетической функцией, т. е. влияющего на развитие и формирование органов, устанавливается тесная связь между функциональными и морфологическими особенностями, между типом жизнедеятельности и внешним габитусом индивидуума, являющимся как бы внешним выражением типа жизнедеятельности. Из совокупности признаков габитуса и типа жизнедеятельности слагается понятие конституции. В виду того, что методы определения функциональных свойств еще не достаточно разработаны, габитус является нередко главнейшим диагностическим средством для определения типа жизнедеятельности и конституции в целом. Следует различать конституции нормальные в разных степенях; собственно аномальные и суб-аномальные.

Оставаясь в пределах нормальных конституций, у человека, как и у домашних животных, можно различать, по-видимому, три или четыре основных и ряд смешанных и переходных типов. В этом пункте сходны, по-видимому, все исследователи, хотя методически они подходят к выделению этих типов по разному.

Трудность заключается в том, чтобы установить морфологические особенности, которые связаны с эндокринным аппаратом настолько, что небольшое колебание регулирующей деятельности эндокринных желез отражается заметным изменением формы органа. Другими словами, нужно выделить такие признаки габитуса, которые связаны с жизнедеятельностью организма функционально, т. е. неразрывно, и потому являются надежными способами определения типа жизнедеятельности. По-видимому, далеко не все признаки удовлетворяют этому требованию, по крайней мере, поскольку речь идет о нормальных конституциях. Такие свойства, как форма головы, мягкие части лица и др., если и связаны с жизнедеятельностью, то не функционально, а коррелятивно. Конституционные типы, выделяемые по методам Зиго, Кречмера, представляют собой, таким образом, не функциональные, а комбинативные конституции, и к пользованию ими необходимо относиться с осторожностью. Также непригодны для выделения функциональных конституций и измерительные признаки, выражающие величину и пропорции тела. Наименьшие возражения, как я пытался показать (Бунак) вызывают такие особенности габитуса, как жироотложение, мускулатура, форма грудной клетки и некоторые другие.

Так или иначе выделенные конституционные типы представляют большую важность для понимания индивидуума, ибо характеризуют собой ряд важнейших функций, в том числе и психических. Для понимания личности преступника они дают очень много, определяя собой способ реакций на окружающую обстановку, физический склад, ее соответствие и т. п. Разумеется, между преступниками мы находим те же нормальные

конституции, что и среди нормального населения; характерных различий можно ожидать лишь между отдельными категориями преступников (убийцами, мошенниками и т. д.). Конституционные свойства будут характеризовать не тип преступников в целом, а отдельные группы его.

То же самое приходится сказать относительно крайних нормальных или субаномальных конституций, которые устанавливаются по преобладанию какой-нибудь одной функции и характеризуются комплексом своеобразных морфологических изменений, не достигающих, однако, очень сильных степеней. Такого рода конституции обозначаются прибавлением окончания «о-ид-ный», обозначающего сходство по виду (от корня «ид» греческого слова — вид), к корню, определяющему соответственное резкое патологическое состояние, например, конституции акромегалоидная кретиноидная, евнухоидная и т. п. Наличие подобных экстремных разновидностей очень характерно для группы, указывая на своеобразие реакций индивидуумов, составляющих группу. Изучение их у преступников очень важно.

Совокупность признаков, характеризующих физическое развитие, общий запас физических сил, могущий быть различным при одинаковом типе жизнедеятельности, я предложил обозначать термином «санитарная конституция» (Бунак). Эта последняя определяется преимущественно измерительными признаками, соотношением веса и роста и окружностью груди. Она представляет также существенную важность для понимания личности преступника, определяя собой его пригодность к тому или иному виду деятельности, приспособление к обстановке.

В особую рубрику можно выделить ту часть исследования, которая характеризует возрастные и половые признаки, т. е. соответствие соматического и хронологического возраста (преждевременное постарение, моложавость и т. д.), а также выраженность половых признаков. То и другое связано с жизнедеятельностью организма и дает существенные штрихи для понимания индивидуума.

VII.

Что касается собственно функциональных признаков, т. е. признаков, характеризующих при помощи эксперимента или измерения определенные физиологические свойства, относительно их необходимо заметить, что большая часть этих испытаний не вышла еще из стадии узко-лабораторного метода. По сложности аппаратуры и количеству потребного времени эти испытания применимы лишь для исследования единичных индивидуумов, и то при наличии специальных условий.

Поскольку задачей ставится массовое изучение типа преступников, то есть массовая характеристика отдельных групп, применяемые методы должны быть технически несложны. Физиология до сих пор не стала еще «типологической» наукой, как морфология человека (часть антропологии), хотя в этом направлении она развивается. То, что уже достигнуто, еще недостаточно для получения сколько-нибудь законченного представления не только о функциональном типе в целом, но даже об отдельных функциях, ибо употребительные методы дают слишком недифференцированную характеристику. Недостаточно разработана и аппаратура, все еще очень несовершенная. Поэтому вопреки ожиданиям пока приходится смотреть на физиологические эксперименты как на некоторое добавление к морфологическим исследованиям, характеризующим функциональную конституцию группы, а не наоборот.

Из более разработанных и давно применяемых приемов можно прежде всего указать на измерения силы рук и жизненной емкости легких (динамометр и спирометр). Эти данные могут служить для дополнительной характеристики физического развития. Систематические многократные наблюдения над температурой тела и пульсом одних и тех же индивидуумов поскольку эти наблюдения возможны в подходящей обстановке, представляют большую важность для характеристики особенностей нормальной функциональной конституции; опять-таки и в этой области наши теоретические представления очень неопределенны. Более разработаны исследования кровеносной системы, в частности, кровяное давление, но следует помнить, что этот признак очень сложен и определяется очень многими моментами. Наиболее применимы в массовом исследовании некоторые реакции крови, в частности, изогемоагглютинация. Особый интерес в этом отношении представляет относительное количество субъектов первой и четвертой группы среди разных категорий преступников.

Острота органов чувств у преступников по понятным причинам давно интересовала исследователей. При использовании этих данных нужно иметь в виду необходимость устранить влияние преломляющих и проводящих частей глазного и слухового аппарата, а также различные внешние условия, могущие повлиять на чувствительность кожи и слизистой оболочки носа и языка. С соответственными поправками исследования осязания, обоняния и вкуса могут быть также использованы для характеристики преступника.

Таковы же задачи, которые возникают перед современной наукой при изучении нормальных особенностей преступника. Они сводятся к тому, чтобы охарактеризовать его расовый, возрастной, половой, конституционный тип, размеры головы, мимический склад, запас

физических сил, остроту чувств. Изучение конституции и мимики выдвигаются, как главнейшие, практические, существенные задачи в характеристике личности. Прочие служат вспомогательными признаками, необходимыми для использования двух вышеназванных категорий свойств, а также дают важные в теоретическом отношении указания. Сопоставляя сказанное выше, мы можем констатировать, что изучение перечисленных нормальных свойств может служить не для установления особенностей типа преступников в целом (как изучение аномальных свойств), но для характеристики отдельных категорий преступников (воров, убийц, мошенников) и т. д., а также отдельных индивидуумов. Эти данные могут служить для разъяснения того. Какие физические особенности (при одинаковых социальных условиях) предрасполагают к тому или иному виду правонарушения. Конечно, они не могут дать полного объяснения конфликта индивидуума с социальной нормой даже и при одинаковых социальных и культурных условиях, ибо в рядовом населении всегда найдутся сходные физически субъекты, которые избегают этого конфликта.

Физические особенности не являются единственно важными и даже главными; решительную роль в конечном счете играют, помимо социально-экономических моментов, психические свойства индивидуума. Но в этом как раз и заключается важность соматического исследования. Как показано выше, оно дает нам, хотя и косвенным путем, объективные вспомогательные данные для характеристики личности, по крайней мере в суммарном грубом итоге. Соответствие, или его отсутствие, по физическому типу между преступниками и прочим населением, не может быть безразличным моментом. Кроме того, и это очень важно, физическая характеристика, уточняя представление об индивидууме, дает указания для выяснения его семейного и родственного сходства, фактор, который необходимо особенно учитывать при изучении преступника должно быть отведено место исследованию его нормальных свойств — морфологических и функциональных.

Из сказанного ясно, что это изучение должно идти по пути, сильно отличающемуся от того, какой был намечен прежними исследователями. В этом новом направлении работа еще только начинается, а пока сделано ничтожно мало. Поэтому, если от теоретического анализа перейти к фактическому и поставить вопрос, какие данные имеются для разрешения намеченных проблем, ответ будет, разумеется, крайне неполный. Огромные материалы, собранные прежними исследователями, настолько устарели методически, настолько неприемлемы для современного исследователя, что могут дать ничтожно мало и едва ли вознаградят труд, потраченный на их изучение.

В нижеследующем я попытаюсь все же свести важнейшие имеющиеся положительные данные, применительно к намеченным выше пунктам, опуская все то, что окончательно утратило свое значение, как, например, совершенно излишне многочисленные измерения головы, дробные измерения пропорций тела, при отсутствии многих необходимых данных, и многое другое; следует иметь в виду, что сравнение отдельных групп почти невозможности вследствие различия техники.

Из признаков, характеризующих расовой тип, между преступником и рядовым населением, по-видимому, нет различия в головном указателе; относительно формы лица имеются разногласия между прежними исследователями. Окраска волос и глаз преступников обнаруживает отличие по Ломброзо, из современных исследователей — по Слингенбергу, оказывается одинаковой у английских преступников по Горингу. В росте большинство исследователей находило разницу. Вообще можно сказать, как и следовало ожидать, что некоторые группы преступников обнаруживают по расовым признакам небольшое отличие от массового населения, другие группы никаких различий не обнаруживают. К числу последних принадлежат английские заключенные в тюрьме Паркхерст, изученные в образцовой работе Горинга.

Этот Автор не нашел различия и в абсолютных размерах головы, как между преступным и непреступным населением, так и между отдельными категориями преступников. Большинство других исследователей, напротив, могло констатировать различие между отдельными группами, особенно ворами (меньшая величина) и убийцами (большая величина).

По физическому развитию и особенно конституции, различия отдельных категорий преступников устанавливаются исследованиями Виола и Видони. Он находит среди убийц и грабителей преобладание брюшного типа (55%), среди воров и т. п. — грудного — (44%). Данные эти, конечно, не могут претендовать на точность. Горинг находит, что по физическому развитию преступники уступают прочему населению, но и внешние условия (питание, жилище) этих групп населения неодинаковы и могут оказать существенное влияние.

Признаки преждевременного постарения и несовершенного развития половых особенностей были констатированы Ломброзо; между прочим, им отмечен некоторый маскулинизм у женщин-преступниц, чего не подтвердили другие авторы.

Исследование остроты чувств (по старым методам) показали меньшее развитие некоторых из них у преступниц (Тарновская). Неопределенные результаты даны новейшими работами Бельтрана.

VIII.

В предыдущем был формулирован ряд задач, выдвигаемых современной наукой в области изучения физического типа преступника. Главнейшими из них являются: изучение аномалий, конституции (в изложенном понимании) и мимики.

Наряду с этими задачами должна быть поставлена и еще одна, которая, несмотря на то, что она относится не только к физическому, в собственном смысле слова (морфо- и физиологическому) типу, а к нервно-психическому, точно также должна быть рассмотрена здесь, ибо она методически тесно связана с предыдущими, требуя применения биологических методов, как при собирании данных, так и их обработки. Эта задача заключается в исследовании семьи правонарушителя.

В этом отношении нужно прежде всего упомянуть об исследовании плодовитости семей, из которых происходят преступники, а равно их самих, о количестве братьев, сестер, рожденных детей, в частности доживших до пятилетнего и более старшего возраста. Сравнительные данные о плодовитости семей правонарушителей с прочим населением представляют очевидный интерес для биологического и социального понимания, преступности. Изучение этой проблемы представляет, впрочем, большую трудность, так как при этом необходим большой статистический материал, одинаковый по возрастному и социальному типу.

Но главная задача семейного исследования заключается в выяснении общего и, главным образом, психического типа кровных родственников правонарушителя.

Из сказанного выше о физических особенностях преступников ясно, что при всей важности их для понимания особенностей данного типа в целом, они не содержат в себе ничего такого, что играло бы определяющую роль в поведении правонарушителя. Важность соматических признаков в том, что они дают вспомогательные способы для косвенного диагноза особенностей психического и биологического склада (аномалии, мимика, конституция, примесь чуждых расовых элементов) и притом способы объективные, чего так не хватает до сих пор психологии. Такого взгляда держались и прежние исследователи; современная антропология может только подчеркнуть и усилить это понимание, перенося существенное содержание проблемы в область психических особенностей правонарушителя.

Что касается этих последних, то определение их, и главное, истолкование очень различно у разных авторов; главнейшие трудности заключаются, во-первых, в отграничении чисто патологических от физиологических вариаций, а во-вторых, в элиминировании влияния тюремного

режима и неодинаковости условий при сравнении заключенных со свободными людьми (метод для этого указан Горингом). При всем том, самый факт наличия разницы в психическом складе преступников и соответственных по социальным и прочим признакам групп непреступного населения, говоря, конечно, о типичных категориях, а не отдельных случаях, нужно признать прочно установленным и подтвержденным всеми имеющимися данными. Это положение признают все исследователи, изучавшие преступника, в том числе противники прежней уголовной антропологии, как Бер и другие. В последнее время имеются попытки и количественной характеристики различий в психическом складе преступников и непреступников (Рат, Горинг). Эти работы, хотя метод их и вызывает некоторые возражения, ослабляющие силу ярких выводов, полученных этими исследователями, все же намечают правильный путь, по которому должно идти изучение преступника в настоящее время.

Если это так, если предположение о наличии психических особенностей преступников нужно считать подтвержденным новейшими исследованиями, то для правильного понимания их становится необходимым изучение семьи правонарушителя, как ближайшей среды, в которой определяется его психический склад, и притом изучение биологическое: с членами своего рода каждый индивидуум связан не только общностью внешней обстановки и навыков, но и рядом полученных от общих предков наследственных задатков; от своих ближайших предков индивидуум получает как совокупность известных воспитательных воздействий, так и некоторый набор генов, и этот последний не может быть безразличен для его поведения.

Подобно тому, как заболевание туберкулезом, справедливо именуемым социальной болезнью, определяется двумя моментами: внешним или стимулом, создающим подходящую обстановку для проникновения туберкулезной палочки, и внутренним или предрасположением, то есть способом реакций организма на возбудителя болезни, определяющим заболевание именно этой, а не какой-нибудь другой болезнью, подобно этому и в явлениях преступности, необходимо различать эти два момента: объективный стимул и субъективный способ реакции на этот стимул, или индивидуальное предрасположение. Стимул преступности лежит в объективных условиях социально-экономической и бытовой обстановки, определяющей самую возможность и форму нарушения социальной нормы. Индивидуальный способ реакции на эти условия определяет, кто из многих, находящихся в тождественных внешних условиях индивидуумов вступает в конфликт с социальной нормой, и кто этого конфликта избегает. Огромный материал, полученный при генетическом изучении животных и человека, не оставляет сомнений в том, что индивидуальное

предрасположение в значительной степени определяется наследственными задатками, генами. Существующие теоретические дискуссии относительно сравнительного значения стимула и способа реакции, являются в значительной степени бесплодными, ибо, в большинстве случаев, мы не имеем объективных методов для сравнительной количественной оценки тех и других. В настоящее время нам остается только, не претендуя на сравнительную оценку, ограничиться признанием наличия и кардинального значения обоих фактов. Для глубокого понимания преступности и для успешной борьбы с нею, мы не должны забывать ни о том, ни о другом моменте, и наряду с изучением стимула преступности, - социально-экономической обстановки, отвести место изучению предрасположения, которое выявляется биологическим семьеведением. Это последнее становится, таким образом, одной из главнейших задач в изучении преступника.

Основная задача в изучении семьи правонарушителя состоит в выявлении свойственных ей психологических особенностей, и особенно таких, из которых может сложиться предрасположение к анти-социальному поведению индивидуума. Главнейшие методические принципы этого исследования можно формулировать следующим образом:

1. Необходимо установить заранее род и число категорий, к которым следует относить отдельных родственников при определении их психического типа. Наиболее удобны следующие: 1) неизвестные или умершие молодыми, 2) лица выдающихся дарований, 3) нормальные (в условном смысле), то есть субъекты без особенностей, 4) тяжелые и странные характеры, 5) анти-социальные, 6) психопаты и нервнобольные (в медицинском смысле), 7) умственно-дефективные.

2. Для отнесения субъекта к тому или иному типу необходимо пользоваться определенными разграничительными признаками. За необходимостью применения тестальных методов, наиболее ценным биологически является метод изучения поведения по объективным данным биографий (бехавиористский).

3) Каждую категорию родственников, каждое поколение, нужно изучать отдельно, различая отцовскую и материнскую линию. Для характеристики группы можно выводить индекс, устанавливающий процентное отношение всех субъектов 4, 5, 6 и 7-й категорий к общему числу родственников данного поколения.

4. Сопоставляя всех родственников отцовской и материнской линии, можно получить индекс линии, а сопоставляя два последние индекса, - общий индекс, который может быть выведен, как для индивидуума, так и для группы. Образец подобной сводной таблицы, в том виде, в каком он составляется в Московском Кабинете по изучению преступников, дан в приложении II.

Сравнение общих индексов отдельных правонарушителей или целых групп их. С индексом, полученным для непреступного населения, может служить для характеристики значения предрасположения. Особенно существенны в этом отношении будут данные о боковых родственниках, ибо последние редко живут вместе с исследуемым, и общность внешних условий у них нередко отсутствует.

Данных, полученных по описанному способу, в литературе не имеется, но имеются многочисленные указания относительно количества уклонений в семьях преступников, без подразделения этих уклонений, а равно и категорий родственников. К сожалению, многие исследователи допускали при этом существенную ошибку, направляя свое внимание при изучении семьи и правонарушителя на поиски среди его родственников подобных же преступных субъектов и недостаточно учитывая другие категории психических уклонений, то положение совершенно неправильно, ибо под влиянием внешней обстановки, проявление наследственных задатков может видоизменяться, ослабляться, усиливаться, выступать в различных эквивалентных формах. Было бы неправильно ожидать, что преступники должны иметь большое число родственников-преступников. О наличии особого гена преступности говорить не следует, ибо преступность — слишком сложное явление и не удовлетворяет понятию наследственного свойства. Анализ последнего дан в моей работе «О методах изучения наследственности» (Бунак). Можно говорить лишь о наследственности отдельных элементов психического склада, которые предрасполагают к антисоциальному поведению, но это последнее может вылиться не только в форме преступности, но и в других формах — бродяжничество, проституция и т. д., или даже проявиться просто в тех или иных особенностях характера или умственной деятельности. В этом смысле мы должны принципиально отвергнуть господствовавшие в прежней уголовной антропологии представления о «врожденном преступнике». С современной точки зрения мы можем видеть в лицах, сравнительно предрасположенных к тому или иному виду правонарушения, лишь одну из разновидностей своеобразных психических уклонений, ближайшая природа которой должна быть еще установлена. Это и составляет очередную задачу семейного изучения преступника.

Из сказанного ясно, что попытки применения к собранным посемейным данным менделевского анализа, сделанные Ратом, должны быть принципиально отвергнуты. Больший интерес представляет применение биометрического метода, сделанное в исследовании Горинга. Его вывод, совпадающий с данными прежних исследователей. Устанавливает такое же понимание генетического содержания антисоциального поведения, какое дано выше. Нужно заметить только, что Горинг особенно под-

черкивает связь преступности с умственной дефективностью, что хотя и согласуется с данными, полученными другим способом, например, Тарновской, однако все же и не составляет, по-видимому, общего для всего типа преступников явления, характеризуя лишь отдельные, впрочем, бесспорно, достаточно типичные группы правонарушителей.

Вообще при наличии некоторых общих черт, характеризующих преступников, между отдельными группами их, имеются существенные различия. Изложенное выше положение учения об изменчивости делает это явление понятным и вызывает, вместе с тем, необходимость изучения каждой группы преступников в отдельности. Для каждого района и каждого периода времени характерны особые контингенты правонарушителей, и их можно установить лишь по данным изучения отдельных конкретных групп.

Поставленный на очередь во многих странах вопрос о введении санитарных паспортов, в которые вносятся данные личного и семейного исследования, должны дать возможность продуктивно использовать эти данные, по линии евгенического изучения и психиатрической диспансеризации и тем самым сыграть большую роль в социальной профилактике преступления, наряду, конечно, с общими мероприятиями социально-экономического и культурного порядка.

IX.

В заключение приведу главнейшие выводы, которые выдвигаются современной антропологией в изучении физических свойств преступника:

1. Необходимо различать нормальные и аномальные вариации признаков, критерий для этого может быть только статистический.

2. Из огромной литературы о физических аномалиях преступника в настоящее время невозможно сделать вывод общего значения ни положительный, ни отрицательный. Пока можно считать доказанным наличие сравнительно большого числа аномалий лишь у отдельных групп преступников.

3. Истолкование аномалий в смысле атавистической, дегенеративной и проч. теорий недопустимо. С современной точки зрения, основывающейся на данных учения об изменчивости и наследственности, наиболее приемлемой, является комбинативная теория.

4. Из нормальных признаков наибольший интерес для биологической характеристики преступников представляет изучение конституции, мимики и расовых особенностей. Эти данные могут служить для характеристики отдельных групп преступников, свойственного им способа

реакции на окружающую обстановку, соответствие последней особенностям их физического склада и т. д. Между отдельными категориями правонарушителей установлено существенное различие в этих признаках.

5. Наряду с изучением аномалий физического сложения, конституций (в широком смысле) расового типа и мимики, выдвигается, как одна из главнейших задач изучения преступника в целом семейное исследование его, имеющее целью установить, из каких элементов может слагаться индивидуальное предрасположение к тому или иному виду поведения, в частности к правонарушению.

Собранные до настоящего времени данные позволяют заключить, что склонность к правонарушению, сравнительная легкость вступления индивидуума на путь преступления тесно связана с другими видами антисоциального поведения и умственной недостаточности. Между отдельными группами преступников следует ожидать больших различий в этом отношении. Чрезвычайно важно обследование возможно большего числа их, в разные периоды, в различных местностях.

Приложение I.

АНТРОПОМЕТРИЧЕСКИЙ ЛИСТ №

I. Общие сведения о субъекте
Пол Дата рождения или возраст Род правонарушения
Фамилия............ имя................. отчество...............
Уроженец губ..... уезда...... волости......
Социальное положение......... профессия.........
Племенная принадлежность и месторождение отца.......
....матери
Семейное положение (сколько лет в браке).............

II. Демографические данные
Возраст отца........... матери..................... (если умерли, то к числу лет следует прибавить знак +)
Сколько братьев и сестер живых........... умерших.................
Сколько детей живых................ умерших...................

III. Заключение психиатрич. и врачебн. обследования (выписка)
Общее состояние
Перенесенные болезни

Место исследования......... Дата........... Исследователь............

Функциональные изменения	Аномалии	Наследственность

1. Окр. головы
2. Продольн. диаметр
3. Поперечн. диаметр
4. Высотный диаметр
5. Высота лица морф.
6. Ширина лица наиб.
7. Ширина челюст.
8. Высота носа
9. Ширина носа
10. Верхушечной
11. Подбородочной
12. Плечевой
13. В. грудинной
14. Лобковой
15. Пальцевой
16. Плечевой диаметр
17. Тазо-гребен. диам.
18. Ширина кисти
19. Длина кисти
20. Окружи. груди
21. Вес
22. Сила рук
23. Жизн. емк. легких
24. Жироотлож.
25. Мускулатура
26. Кожа
27. Грудная клетка
28. Форма брюшн. обл.
29. Форма спины
30. Общий тип
31. Окраска слизист.
32. Лимфат. железа
33. Костяк
34. Волос. покров
35. Грудн. железы у. о.
36. Форма и наклон таза
37. Область жироотл.
38. Гениталии

39. Морщины
40. Плешивость.
41. Сохранность зубов
42. Осанка
43. Окраска кожи
44. Окраска глаз
45. Окраска волос
46. Форма волос
47. Борода
48. Скуластость
49. Верт. проф. лица
50. Горизон. проф. лица
51. Прикус

ФИЗИОНОМИЧЕСКИЙ ЛИСТ №

Фамилия, имя, отчество

Возраст........ пол......

Уроженец губернии и местности

Образование

Профессия

Физическое состояние при исследовании (перечисление болезни, самочувствие, усталость, недомогание и т. п.)

Особенности психического состояния при исследовании (настроение)

СХЕМА ФИЗИОНОМИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ:

Поперечные морщины на лбу: отсутствуют, слегка заметны, глубокие.

Вертикальные морщины на переносье (между бровями) отсутствуют, слегка заметны, глубокие.

Поперечные морщины на переносье: отсутствуют, слегка заметны, глубокие

Положение бровей: высокое, среднее, низкое.

Контур бровей: дугообразный, прямолинейный, косвенный с наклоном внутрь, наружу.

Положение верхнего века: опущенное, среднее, сильно приподнятое (впадина между лбом и глазным яблоком незаметна, брови и ресницы почти сливаются).

Положение нижнего века: сильно опущенное, среднее, поднятое.

Подвижность глазного яблока (взгляд) малая (медленный, ленивый), средняя, большая (быстрый).

Состояние глазного яблока при фиксации предмета: ненапряженное, среднее, напряженное.

Фиксация предмета при рассмотрении: непродолжительная, средняя, продолжительная.

Направление взгляда: исподлобья, в сторону, вверх, вниз, прямо.

Блеск глазного яблока: тусклый, средний, ясный.

.............................: влажный, средний, сухой.

Носогубная складка, контур верхней части: направление поперечное, слегка косвенное, сильно наклонное вниз.

Носогубная складка, контур в целом: выпрямленный, направление, близкое к вертикальному, дугообразный, вершина изгиба смотрит наружу и вверх; средний контур и положение.

Носогубная складка: выражение ясно, средне, слабо.

Контур рта: углы опущены вниз, прямолинейный, приподнят.

Смыкание губ: рот приоткрыт, губы спрятаны средне, губы спрятаны очень плотно.

Положение губ относительно зубов: губы прижаты к зубам плотно, средне, слабо.

Взаимное расположение губ (в профиль): верхняя губа выступает над нижней, слегка оттопырена; верхняя и нижняя губа расположены одинаково, нижняя выступает из-под верхней, слегка оттопырена.

Вытянутость в вертикальном направлении губ (в профиль): верхняя более вытянута, чем нижняя: нижняя более чем верхняя (кажется удлиненной): обе одинаково.

Боковые губно-подбородочные борозды: выражены ясно, средне, слабо.

Губно-подбородочная борозда: выражена ясно, средне, слабо.

Губно-подбородочная борозда: расположена высоко, средне, низко.

Российская Академия Наук

Труды Комиссии по изучению племенного состава населения России

ИНСТРУКЦИЯ К СОСТАВЛЕНИЮ ПЛЕМЕННЫХ КАРТ

Издаваемых Комиссией по изучению племенного состава населения России

Петроград
Типография Российской Академии Наук 1917

Общие положения

При составлении племенных карт имеется в виду указать не только районы расселения отдельных народностей России, но и выяснить взаимные численные и территориальные соотношения между всеми этническими элементами, населяющими государство. Поэтому необходимо, чтобы все работы по составлению племенных карт были централизованы и совершались по одному общему плану, одними и теми же методами. Только при этом условии можно будет достигнуть однообразия и удобосравнимости результатов этих работ, выполненных для отдельных частей страны. Крайне важно также, чтобы составители карт пользовались по возможности однородным, как статистическим, так и картографическим материалом.

Единство плана и однообразие выполнения работы обеспечиваются, помимо пользования общей инструкцией, периодическими собраниями руководителей по составлению племенных карт — для обсуждения сообща всех затруднительных случаев, которые могут встретиться при производстве работ, а также для постепенного совершенствования приемов работы, применительно к характерным особенностям отдельных крупных частей государства, каковыми являются: Европейская Россия (51 губерния), Кавказ, Сибирь и Средняя Азия.

В виду большого разнообразия этнического состава населения России, где многие народности живут вперемежку друг с другом и часто разбросаны колониями среди других народностей, использование источников и подготовка к изданию карт для каждой народности в отдельности и даже для групп народностей сопряжены с большими техническими трудностями. Поэтому, при распределении работ и при издании отдельных листов племенных карт России признано более целесообразным подразделить всю ее территорию на ряд областей, состоящих из групп губерний и уездов, только до известной степени считаясь с однородностью племенного состава выделенных областей.

Работы по областям производятся под руководством специалистов-этнографов, при содействии помощников и сотрудников, при личном участии, наблюдении и под ответственностью руководителя, на обязанности которого лежит также и составление объяснительных записок к картам.

Предположено издать отдельными листами детальные племенные карты: для западной пограничной полосы Европейской России масштаба 25 верст в дюйме и 40 верст для остальной Европейской России, 20 верст в дюйме — для Кавказа, масштаба 40 верст в дюйме для Средней Азии и для Сибири, и две сводные племенные карты — одну масштаба 60 верст в дюйме для Европейской России с Кавказом и другую для Сибири со Средней Азией, масштаба 100 верст в дюйме.

Племенные карты отдельных народностей и групп народностей будут издаваться по мере надобности, и основой для составления их будут служить детальные карты отдельных областей России.

Источники и материалы для составления племенных карт

Источниками для составления племенной карты могут служить: всеобщая перепись 1897 года; списки населенных мест, изданные по губерниям и уездам земствами и правительственными учреждениями после переписи 1897 года; материалы по сельскохозяйственной переписи 1916 и 1917 гг.; «Списки населенных мест» 49 губерний Европейской России по данным 1859-60 гг. (изд. Ц.С.К. в 1865-72 гг.); статистические материалы, изданные Переселенческим Управлением; статистико-племенные материалы, обнародованные или в рукописях, собранные правительственными учреждениями и общественными организациями или частными лицами; труды ученых экспедиций и командировок; работы исследователей различных частей страны; наконец, специальные исследования на местах.

За основание при составлении племенных карт должна быть принята всеобщая перепись 1897 года, касающаяся населения всего государства, за исключением Финляндии. Данные этой переписи обнародованы лишь в виде итогов по губерниям, уездам и городам, почему в обработанном виде они и не могут считаться пригодными для составления племенной карты. Оригиналы переписных листов более не существуют, но копии в свое время должны были быть переданы в местные правительственные и общественные учреждения (Губернские статистические комитеты, Губернские правления, Ученые архивные комиссии и друг.), где часть их могла сохраниться и по настоящее время. Поэтому в первую очередь должны быть приняты все меры к отысканию на местах копий с переписных листов и к составлению в уездах со смешанным населением списков населенных мест данного уезда с обозначением племенного состава и числа жителей по населенным пунктам и волостям.

По использовании данных переписи 1897 года или при отсутствии последних следует обратиться к Спискам населенных мест, изданным на основании частичных переписей внегородского населения, предпринятых кое-где земствами.

В третью очередь должны быть использованы данные подворной сельскохозяйственной переписи последних двух лет, при производстве которой отмечалась и национальность. Данные эти еще не опубликованы и находятся в обработанном и полуобработанном виде, главным образом, в статистических отделах губернских и уездных земских управ, откуда и могут быть почерпнуты. Представляя известную ценность при определении племенного состава населения, статистические данные этой переписи, касающиеся количества населения, должны считаться мало удовлетворительными.

За отсутствием вышеперечисленных материалов придется пользоваться устаревшими «Списками населенных мест» 49 губерний Европейской России 1859-60 гг., где в числе других данных указывается попунктно и число представителей главнейших, проживающих в губернии, народностей. По Прибалтийскому краю и для окраин таких списков не имеется.

При пользовании данными переписи, в том числе и всеобщей 1897 года, надо иметь в виду, что названия народностей в переписных материалах нередко обозначены не точно и даже ошибочно. Ошибки эти могут быть исправлены только по дополнительным материалам с участием специалистов.

Во всяком случае, независимо от того, какой из вышепоименованных источников послужит к составлению племенной карты, в своем окончательном виде она должна быть проверена и дополнена сведени-

ями, почерпнутыми из соответствующей научной литературы и других достоверных источников.

При просмотре различных трудов с целью извлечения материалов для составления племенной карты, необходимо на особые листочки (карточки) выписывать, помимо имени автора, заглавия работы и года издания, все сведения о населенных пунктах, их местоположении, числе жителей, их национальности и религии.

При полном отсутствии сколько-нибудь удовлетворительных данных о племенном составе того или иного района или территории, должны быть произведены специальные обследования на местах. За невозможностью заняться поголовной переписью населения таких районов, работы на местах сведутся:

1. К отметкам приблизительного числа представителей отдельных народностей в каждом более крупном населенном пункте или в группе мелких.

2. К извлечению статистических данных из материалов, имеющихся в волостных правлениях и различных архивах.

3. К использованию метрических записей священнослужителей, исповедных и клировых ведомостей.

Подобные работы с успехом могут быть поручены сельским учителям, священнослужителям, местным чиновникам, студентам и друг. при непременном сообщении им точных указаний и выполнении совместно с ними части работы. В местностях же, где при определении национальности могут встретиться затруднения (напр., Туркестане, некоторых районах Кавказа), вся работа должна быть выполнена под непосредственным наблюдением руководителей отдельных районов или вообще ученых-специалистов.

Картографические работы

Географические карты, необходимые для составления карты племенной, должны удовлетворять следующим требованием: во-первых, они должны быть требуемых масштабов, во-вторых, быть снабжены географической сеткой; в-третьих, должны быть составленными по возможности по последним данным и, в-четвертых, более или менее соответствовать современному состоянию знаний по географии данной страны. Наиболее подходящими картами для большей части России являются карты разных масштабов Военно-Топографического Отдела Главного Штаба, а для Зауральской России также карты Переселенческого Управления Главного Управления Землеустройства и Земледелия.

Для работ по составлению племенной карты необходимо иметь карты трех масштабов — в зависимости от трех стадий работы.

Вся черновая работа по Европейской России должна вестись на рабочих картах масштаба 10 верст в дюйме, по Сибири 10 и 40 верст в дюйме, по Кавказу 5 и 10 верст в дюйме и по Средней Азии на картах 10 и 40 верст в дюйме. Карты эти заключают в себе почти все населенные пункты и потому чрезвычайно удобны для работы. На рабочих картах отмечаются подчеркиванием цветными линиями (карандашами или цветными чернилами) все населенные пункты (за исключением городов, о которых речь будет ниже), причем цвет линии является условным обозначением национальности, живущей в данном пункте. Крупные селения со смешанным племенным составом жителей должны быть отмечены линиями, состоящими из частей разного цвета и разной длины, соответствующей их приблизительному процентному отношению среди общего населения данного пункта[1]. Мелкие селения следует подчеркивать цветом преобладающей народности, а группы мелких населенных мест (хуторов, выселков и т. п.) можно обводить цветными кружками, отвечающими национальности жителей. Затем группы населенных мест, подчеркнутые краской одного и того же цвета, очерчиваются линиями, и таким образом отделяются от поселений, подчеркнутых другими цветами. Из селений со смешанным населением таким же путем выделяются один или несколько самостоятельных районов. Особо отмечаются и более значительные селения или их группы, вкрапленные в сплошную массу населения другой народности.

При составлении рабочей племенной карты полезно пользоваться, как подсобными, картами населенных мест более крупного масштаба (пяти-, четырех- и трехверстными), особенно новейшими изданиями губернских земств для Европейской России и Переселенческого Управления для Средней Азии и Степного края.

По составлении вышесказанным способом рабочей племенной карты крупного масштаба и по тщательной ее проверке надлежит перейти к подготовке к изданию детальной племенной карты (масштаба 25 и 40 верст в дюйме для Европейской России, 20 верст в дюйме для Кавказа, 40 верст в дюйме для Сибири и Средней Азии). Очертания всех племенных районов с рабочих карт переносятся на детальные, причем составитель руководствуется течением рек, направлением гор-

[1] Так, например, если в селе 755 великоруссов, 325 татар и 132 вотяка, то, при длине всей черты в два сантиметра, красная черта, отмечающая число великоруссов, должна быть 14 мм., желтая, отмечающая татар — 6 мм. и зеленая, отмечающая число вотяков, должна быть 2 мм. длины.

ных хребтов, главных путей сообщения и сеткой. После этого районы с однородным или почти однородным[2] племенным составом населения закрашиваются соответствующими красками. Районы со смешанным населением закрашиваются цветными столбиками, толщина которых определяется процентным отношением народностей, населяющих данный район. Подобные смешанные районы весьма практично приурочивать к территориям целых волостей, очертания которых обычно можно найти на картах достаточно крупного масштаба (5, 10 и 25 верст в дюйме), что облегчит и вычисление процентного отношения племенных единиц, в данном случае к общему числу жителей волости (или полицейского участка), а не случайно взятой совокупности селений.

При картографировании племен в волостях со смешанным составом населения могут встретиться следующие четыре случая. Первый, когда волость делится на две или три территориально обособленные, с однородным населением части, примыкающие к площадям сплошного одноименного населения. В таком случае эти части волости весьма желательно закрасить сплошной краской. Второй, когда мы имеем в пределах волости поселения с однородным населением, но территориально между собою перемешанные. Третий, когда в состав волости входят поселения с разнородным составом населения. В последних двух случаях территория волости, или группы волостей, закрашиваются, как указано выше, разноцветными столбиками. Наконец, четвертый случай, когда одно или несколько селений вкраплены в сплошную массу населения иного племенного состава. Такие селения, о чем также упоминалось, отмечаются особыми пятнышками соответствующих цветов.

Те части сплошных пространств лесов, болот, гор, полупустынь, где заведомо не имеется более или менее постоянного населения и куда лишь случайно (а не периодически) заходят отдельные лица, следует оставлять незакрашенными.

Подробности, не поддающиеся картографированию и касающиеся расселения отдельных народностей по территории губернии каждой области, должны быть приведены в объяснительной записке.

Перенесение сведений о племенном составе с детальных карт более крупного масштаба (20 верст и 40 верст в дюйме) на сводные карты малого масштаба (60 верст в дюйме для Европейской России и Кавказа и 100 верст в дюйме для Сибири и Средней Азии) совершается с не-

[2] Т. е., когда преобладающая народность составляет не менее 90% всего населения; народности, составляющие менее 10% всего населения района, картографируются только в том случае, когда составитель карты считает последнее необходимым по тем или иным особым соображениям.

избежными упрощениями таким же путем, как перенесение с рабочих карт на детальные, и не представляет больших затруднений.

Что касается самих цветов, применяемых при закраске карт, то, хотя отдельным сотрудникам при их черновых работах и предоставляется произвольный выбор красок, - при подготовке к изданию и при печатании детальных и сводных карт необходимо придерживаться заранее установленных Комиссией цветов, оттенков и густоты краски для отдельных народностей всей страны, сообразуясь с их взаимным родством.

При составлении карт расселения отдельных народностей весьма желательно пунктиром или линейными очертаниями разбить всю область обитания на районы из волостей и их групп в зависимости от процентного отношения численности данной народности ко всему населению района (от 0 до 20, и от 21 до 40 и т. д.). При покрытии области соответствующей краской, районы, намеченные по вышеуказанному признаку, следует выделить степенью густоты краски или характером штриховки.

Все карты, на которые предполагается наносить сведения о племенном составе жителей, должны быть изготовлены на неклеевой бумаге и без красок.

До сих пор, говоря о картографировании материалов по племенному составу населения России, мы имели в виду только сельское население. Дело в том, что города, равно как и крупные промышленные центры, а в Западном крае и некоторые местечки, имеют племенной состав населения, значительно отличающийся от такового сельских местностей. Включение населения городов и вышеупомянутых крупных центров в общее число жителей губерний и уездов при составлении племенной карты дало бы неверную картину распределения отдельных народностей по территории страны. Изображение племенного состава населения городов удобнее вынести за рамки самой карты, на ее поля, которые с этой целью следует сделать более широкими. На самых же картах города должны быть нанесены в виде обычных черных кружков различной величины.

Наиболее удобная форма изображения племенного состава городов — серия столбиков, состоящих из отрезков разной длины, цвета которых показывают народности, а длина — процентное их отношение к общему числу жителей данного города или иного крупного поселения. Длиною всего столбика определяется общая численность населения данного города. В виду очень значительного числа городов России (до 900), при графическом изображении племенного состава городов надлежит ограничиться только крупными, с населением свыше 20.000

жителей, для остальных же дать один общий столбик для каждой губернии на картах детальных и для отдельных частей государства — на картах сводных.

Объяснительная записка к племенной карте

Объяснительная записка является неотъемлемой частью племенной карты. Вернее, она представляет собою главную часть всей совокупности работ по составлению племенной карты, сама же карта служит дополнением к ней, делая более наглядною ту часть ее фактического материала, которая касается географического распределения отдельных народностей по территории России.

В зависимости от двух типов предположенных к изданию племенных карт, и объяснительные записки должны быть двух родов.

Объяснительная записка к детальной карте по каждой области должна заключать в себе прежде всего подробный обзор всех тех источников и материалов, на основании которых составлена карта. Обзор этот не должен, однако, ограничиваться простым перечислением источников и материалов, а должен заключать в себе обстоятельную их критику и сравнительную оценку, указания, почему автор карты отдел предпочтение одним данным перед другими, и т. д. Вместе с тем необходимо указать методы, по которым составлялась карта, особенно во всех тех случаях, где были допущены отступления от общепринятой инструкции.

Статистические данные о количестве отдельных народностей и их религии в объяснительных записках к детальным картам должны быть приведены для каждой губернии и уезда, а в местностях со смешанным населением — для отдельных волостей (на Кавказе для полицейских участков) и групп волостей. Там, где отдельные народности составляют преобладающую часть единичных крупных селений или их групп и занимают более или менее сплошные, хотя бы и небольшие участки территории волости, эти селения следует выделить из состава волостей, как это показано на приведенных в Приложении образцах статистических таблиц.

Сведения о численности отдельных племен в населении городов, крупных промышленных центров, а в Западном крае и местечек (с населением свыше 20.000 ч.) следует всюду давать особо.

Приведение статистических данных помимо губерний, уездов и волостей еще и по особым районам предоставляется усмотрению автора записки.

Рассматриваемые статистические данные должны быть облечены в форму таблиц и приведены как в абсолютных числах, так и в процентных отношениях ко всему населению губернии, уезда, группы волостей или волости (см. Приложение, табл. I и II).

Если для данных губерний и более мелких территориальных единиц имеется ряд статистических сведений о племенном составе, относящихся к разному времени или заключающихся в нескольких источниках, - чрезвычайно желательно сопоставление этих данных в особой таблице и критический разбор ее автором записки.

Описание расселения народностей по территории данной области должно быть по возможности обстоятельное. Описание должно быть сделано для каждой в отдельности народности в пределах каждой губернии, а в некоторых случаях и для уездов, с точным указанием границ местностей или местоположения селений, где данная народность живет более или менее компактно и где она живет вперемежку или вкрапленно в массе жителей иного племенного состава. При этом всюду необходимо приводить численность (в абсолютных и относительных величинах) этих групп жителей различных национальностей, а также указать, какие этнические элементы и в каких именно местностях являются соседями описываемой народности.

Объяснительная записка к сводной карте должна заключать обзор всех источников и материалов, послуживших к составлению общеплеменной карты, с их сравнительной оценкой. В ней должны быть использованы все соответствующие обзоры объяснительных записок к картам детальным, с необходимыми ссылками.

В отличие от записок к детальным племенным картам, в которых статистический материал приводится по губерниям и уездам, в записках к сводным картам тот же статистический материал должен быть сгруппирован по народностям, а итоги должны быть подведены для целой части страны. Как и в записках к детальным картам, статистические данные должны приводиться в абсолютных и относительных цифрах, в виде особых таблиц.

Кроме того, в объяснительной записке к сводной карте, насколько позволят имеющиеся сведения, полезно привести данные о территориальном расселении отдельных народностей не только в настоящее время, но и в прежние времена, не исключая и отдаленных от нас эпох.

При описании расселения каждой народности по территории государства особенное внимание следует обратить на описание занятых ею границ, с указанием всех соседящих народностей. При этом весьма желательно было бы упомянуть в записке те населенные пункты, которые являются крайними форпостами описываемой народности со

стороны областей, занятых другими народностями, отметив в этих пунктах распределение жителей по племенному составу.

О народностях, не живущих оседло, в объяснительной записке следует указать, ведут ли они полуоседлую, кочевую или бродячую жизнь, какие передвижения или перекочевки они предпринимают в разное время года, в каких направлениях и в каком размере. Если часть подобных полуоседлых или кочевых народностей перешла к оседлому образу жизни, надо указать, где они проживают и какой приблизительно процент составляют по отношению к общему числу представителей данной народности и ко всему населению данной местности или данного уезда. Следует еще обратить внимание на местности, где население имеет смешанный характер, где известная народность ассимилировалась другой народностью и при этом утратила свой родной язык. В объяснительной записке необходимо указать границы обитания таких денационализированных групп населения и по возможности определить их число и процентное отношение к общему населению отдельных уездов. Вопроса же о подразделении отдельных народностей на их составные части (роды, колена) и о местах обитания последних, за исключением тех случаев, когда подобные части народностей получили право гражданства, как в научной литературе, так и в общежитии (напр., черемисы: луговые и горные, мордва: эрзя и мокша), лучше не затрагивать, оставив этот вопрос до описания отдельных народностей в особых очерках.

Академия Наук
Союза Советских Социалистических Республик

Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран

СПИСОК НАРОДНОСТЕЙ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Составленный под редакцией И. И. Зарубина

Ленинград
Издательство Академии Наук СССР 1927

Публикуемый список народностей СССР предназначается в качестве пособия при работах по национальной статистике и географии Советского Союза. В частности имелись в виду потребности обработки статистических материалов последней переписи.

Прикладным назначением объясняется характер списка, представляющего собою расположенный в систематическом порядке перечень народностей Советского Союза. Прибавлены лишь самые краткие сведения о самоназвании, численности, распределении по территории, языке, религии и хозяйственной деятельности; в отдельных случаях указываются также иные факты, полезны для характеристики народности. Первоначально предполагалось указать в соответствующих местах основную литературу, относящуюся к каждой народности. Но от этого пришлось отказаться. Точно также не удалось для народностей, имеющих пребывание как в Союзе, так и вне его, дать сведения о численности их зарубежных частей.

Но даже для составления списка в этих рамках далеко не всегда оказался достаточный материал. Иногда по отсутствию основных сведений возникали затруднения даже при решении, внести ли в список, как самостоятельную единицу, ту или другую этническую группу, или же нужно считать ее недостаточно обособленной от какой-либо иной народности и потому входящей в ее состав. Погрешности этого рода, может быть очень существенные, совершенно неизбежны и могут быть исправлены только на основании будущих материалов. Статистические

данные, послужившие для определения численности отдельных народностей, не могут считаться удовлетворительными. По необходимости приходилось пользоваться цифрами, взятыми из переписей разных лет, корректируя их по материалам Комиссии. Недостаток места не позволил сделать ссылки на источники, на основании которых определена численность, но почти всюду (в скобках) указывается, к какому году она приурочена. В некоторых случаях числовая величина народности дана в круглых цифрах; иногда отсутствуют даже такие сведения. Все же цифровые характеристики списка могут быть полезны до получения данных новой переписи. Что касается прочих сообщаемых фактов, то не всегда могла быть соблюдена их однотипность, также в силу неоднородности наличных материалов.

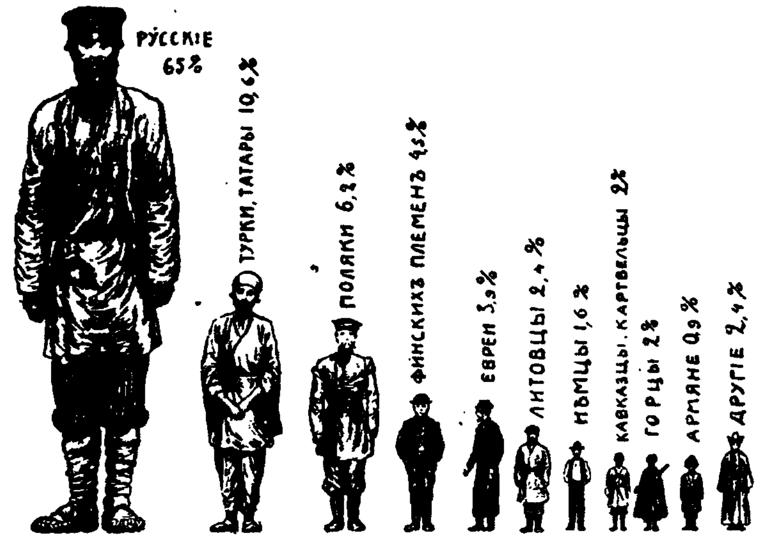
Из народностей, имеющих основные территории за советскими пределами, в список включены не все, представители которых проживают в Союзе, хотя бы постоянно, а лишь те, чьи более или менее компактные массы с ним органически связаны и считают его своей родной страной.

Каждая народность помещена под ее общепринятым названием; за ним следуют другие названия, которые применяются или применялись в отношении этой народности, хотя бы ныне вышедшие из употребления или отмененные; самоназвания набраны курсивом, все прочие наименования, равно как племенные и иные подразделения, - разрядкой. Как эти, так и все остальные упомянутые в тексте этнические и языковые термины включены в приложенные алфавитные указатели. Употребляемые сокращения общепонятны. Из экономии места в религиозных определениях основные названия (христиане, мусульмане) опущены, а даны только подразделения (православные, сунниты).

Весь фактический материал дан соответствующими отделами Комиссии по изучению племенного состава населения СССР; им же принадлежат этнографические характеристики народностей. Общий план издания, объем и расположение материала, а также окончательная его сводка лежат на ответственности редакции. По составлении, список был просмотрен руководителями отделов и членами Комиссии по специальности и утвержден ее общим собранием. По многим затруднительным пунктам редакционной работе оказывалось самое деятельное содействие со стороны различных специалистов — членов и сотрудников Комиссии; из специалистов, не входящих в состав Комиссии, редакция весьма обязана С. Е. Малову, Я. П. Кошкину, М. Н. Соколову и другим, чьи ценные указания в пределах специальности оказали существенную помощь составлению списка.

Июль 1927 г.

Ив. Зарубин.

Сравнительная численность народовъ, населяющихъ Россію.

Дореволюционный (1912) статистический плакат.

СПИСОК НАРОДНОСТЕЙ СССР

I. ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ

А. Славяне

1. **Русские**, великорусы, великороссы, около 70.000.000 (1920). Одна из трех ветвей восточных (русских) славян, наиболее многочисленная народность Союза. Основная масса (52.213.322) – в Европ. части РСФСР, на Украине – 2.610.267, на Сев. Кавказе – 5.631.851, в Сибири – 7.097.699, в Казахстане – 1.581.691. Сплошное великорусское ядро (свыше 99% всего населения) находится в Московской, Ярославской, Владимирской, Калужской, Тульской, Орловской, Иваново-Вознесенской, Костромской, Вологодской и др. губ. Имея не мало местных различий, великорусы выделяют две наиболее крупные группы: южных и северных великорусов. Большое число своеобразных культурно-бытовых типов (поморы, старообрядцы Поволжья, сибиряки, казаки, семейские и т. д.). Яз. Русский в нескольких говорах и при едином литературном языке. Рел. православные, не мало старообрядцев и сектантов. Зан. на основе сельского хозяйства все виды хозяйственной деятельности, свойственной культурному населению.

2. **Украинцы,** малорусы, малороссы, около 25.000.000. Одна из трех ветвей восточных (русских) славян. Основная масса сосредоточена в Украинской ССР (в 1926 г. около 22.500.000); кроме того, в пограничных районах РСФСР и БССР, Среднем Поволжье ок. 400.000, на Сев. Кавказе — ок. 700.000, в Сибири — ок. 640.000 и Казахстане — ок. 620.000 (очень неполные данные 1920 г.). Наибольший процент всего населения (больше 80%) украинцы составляют в б. Полтавской губ. Сохраняя этнографическое единство, украинцы отдельных районов имеют свои бытовые особенности. Яз. украинский в нескольких говорах, в городах также русский. Рел. православные, также сектанты, очень немного католиков. Зан. на основе сельского хозяйства все виды хозяйственной деятельности, свойственной культурному населению.

3. **Белорусы,** свыше 4.000.000. Одна из трех ветвей восточных (русских) славян, основная народность Белорусской ССР. Главное ядро белорусов сосредоточено в бывших Минской, Могилевской, Витебской губерниях и северных уездах б. Черниговской. В 1897 году их насчитывалось всего около 6 миллионов, а без Польши и Прибалтийского края — 4.205.618; переписи 1920 г. на основной белорусской территории не было. Зан. сельское хозяйство, торговля, отхожие промыслы. Яз. белорусский, в городах также русский. Рел. православные (большинство), католики (меньшинство).

4. **Поляки,** 369.078 (1920). Основная народность Польши; в пределах СССР живут в Европ. части РСФСР и Белорус. ССР (167.290), в Укр. ССР (117.070), по Сибири (60.676), на Сев. Кавказе (18.279), в меньших количествах в Средней Азии, как в городских, так и сельских поселениях. Яз. польский. Рел. католики.

5. **Чехи,** 43.054 (1897). Основная народность Чехо-Словакии; в пределах СССР жили отдельными колониями, главным образом, в бывших губерниях: Волынской (27.670), Киевской (3.294), Таврической (1.962) и Херсонской (1.351) и на Кавказе (в Черноморском округе и Абхазии — 3.285 чел.), занимаясь преимущественно земледелием и садоводством. Яз. чешский. Рел. католики и православные.

6. **Сербы.** Основная народность Юго-Славии; в пределах СССР живут отельными колониями в Херсонском и Днепропетровском округах, также в других местах (в Европ. части РСФСР — 986, в Сибири — 849, на Сев. Кавказе — 375), занимаются преимущественно земледелием, садоводством и табаководством. Яз. сербский. Рел. православные. Ассимилировались с местным населением.

7. **Болгары,** 52.758 (1920). Основная народность Болгарии; в пределах СССР живут отдельными колониями, главным образом, в бывших Таврической и Херсонской губ., также в других местах (на Украине – 34.556, в Казахстане – 3.107, на Сев. Кавказе – 2.399), занимаясь земледелием. Яз. болгарский. Рел. православные.

B. Летто-Литовцы (балтийцы).

8. **Латыши,** 177.616 (1920). Основная народность Латвии; в пределах СССР сосредоточены преимущественно на северо-западе (в 1897 г. в Витебской губ. – 264.062, Псковской – 11.127, С.-Петербургской – 10.251; по переписи 1920 г. в Европейской части Союза – 122.956), но также и в других местах (в Западной Сибири в 1897 г. – 6.768 чел.). Зан. сельское хозяйство и промышленность. Яз. латышский. Рел. протестанты и католики.

9. **Литовцы,** 75.883 (1920). Основная народность Литвы; в пределах СССР сосредоточены преимущественно в западной части; в Европейской части РСФСР – 44.953, на Украине – 16.555 и в Сибири – 9.675. Зан. сельское хозяйство. Яз. литовский. Рел. католики.

C. Иранцы.

10. **Персы,** ирани, около 35.000 (1920). Основная народность Персии. В пределах СССР живут преимущественно в городах Кавказа и Средней Азии, составляя в некоторых городах Туркменистана до 30% населения; в меньших количествах в городах Азербайджана, Грузии, Дагестана и Узбекистана. Зан. ремесла, торговля, работа на отхожих промыслах. Яз. персидский, в обиходе пользуются также языком окружающего населения. Рел. шииты, частью бехаисты. По недоразумению термином перс, персиянин иногда называют всех вообще выходцев из Персии, в частности азербайджанских турок.

11. **Ирани,** 12.272 (1920). Иранское население старого Мерва. Принудительно выселенное после его разрушения в 1785 году; живут в гг. Бухаре и Самарканде с окрестностями, меньшими группами в Джизакском и Каттакурганском уездах. Зан. земледелие, торговля, ремесла. Яз. персидский. Рел. шииты.

12. **Таджики,** тоджик, 871.532 (1924). Основное население Таджикистана, Ходжентского округа Узбекской ССР и гг. Бухары и Самарканда, в других районах Узбекистана населяют отдельные селения и волости,

преимущественно в Ферганской области, Ташкентском, Самаркандском и Джизакском уездах. Зан. земледелие, ремесла, торговля, скотоводство (в горах). Яз. таджицкий (диалект персидского) в различных говорах, в обиходе (при соприкосновении с турецким населением) узбецкий. Рел. сунниты. Обычно из общей массы выделяют горных таджиков, в меньшей степени подверженных турецкому влиянию и сохранивших более примитивный уровень материальной культуры. Иногда к горным таджикам причисляют мелкие горные иранские племена Средней Азии, объединяемые также коллективным именем гальча.

13. **Джемшиды,** 1.608 (1920). Кочевая иранская народность, основная масса которой живет в Афганистане; в пределах СССР населяют одно сельское общество и один поселок б. Кушкинской вол. Мервского округа Туркм. ССР, также в небольшом числе живут в Пендинском районе того же округа. Зан. скотоводство и земледелие. Яз. персидский. Рел. сунниты. Мало исследованы.

14. **Хезарейцы,** хазара, 455 (1920). Иранизованная народность монгольского происхождения, основная масса которой живет в северном Афганистане; в пределах СССР живут в трех поселках б. Кушкинской вол. Мервского округа Туркм. ССР. Зан. скотоводство и земледелие. Яз. персидский. Рел. мусульмане. Их же иногда называют бербери. Мало исследованы.

15. **Бербери,** 219 (1920). Полуоседлая иранская (может быть, по происхождению монгольская) народность, основная масса которой живет в северо-западном Афганистане и северо-восточной Персии; в пределах СССР составляют два сельских общества Байрам-алийского района Мервского округа Туркм. ССР. Зан. скотоводство и земледелие. Яз. персидский. Рел. сунниты. Их же иногда относят к хезарейцам. Мало исследованы.

16. **Белуджи,** балючь, 936 (1920). Основная масса живет в Белуджистане, в части Персии и Афганистана, в пределах СССР составляют отдельное сельское общество Байрам-алийского района в Мервском округе Туркм. ССР; ведут кочевой образ жизни (в переходе к оседлости). Зан. скотоводство, земледелие, ковровое производство. Яз. персидский, у белуджей СССР совершенно вытеснивший, по-видимому, родной белуджский. Рел. сунниты. Иногда в литературе именем белуджей называется одна из этнических групп, относимая также к среднеазиатским цыганам. Мало исследованы.

17. **Курды**, курмандж, кюрд, около 49.000 (1897). Основная народность персидского и турецкого Курдистан; в пределах СССР живут преимущественно в Азербайдж. ССР и разных пунктах Арм. и Груз. ССР (кроме того, в незначительных количествах в пограничной части Ашхабадского округа Туркменской ССР), ведя кочевой, полукочевой и оседлый образ жизни и занимаясь скотоводством, земледелием и ремеслами (ковровое производство). Яз. курманджинский диалект курдского, в двух наречиях с многочисленными говорами; литературные языки — османский и курдский, обиходные — персидский, армянский и азербайджанско-турецкий, соответственно месту проживания. Рел. сунниты (преимущественно) с яфетическими переживаниями. Кочевые курды резко отличаются по типу и характеру от оседлых и полукочевых. Разделяются на множество племен и родов; строгое деление на три основных сословия.

18. **Езиды**, езидии, йезиды, около 15.000. Народ близко родственный курдам с основным местопребыванием в пределах Турции и Персии; в СССР живут в разных частях Армянск. ССР и незначительными группами в Азербайдж. ССР, ведя полукочевой образ жизни и занимаясь скотоводством, земледелием и отхожим промыслом (переноска тяжестей). Яз. курманджинский диалект курдского, в обиходе, соответственно местожительству, армянский, азербайджанско-турецкий, персидский. Рел. последователи своеобразного синкретически-дуалистического вероучения с весьма древними элементами. Теократически-кастовая форма социального строя; национальное тяготение к армянам и персам.

19. **Талыши**, талиш, 75.824 (1922). Основное население южной половины Ленкоранского уезда Азербайдж. ССР, равно как соседней персидской провинции Гилян. Зан. земледелие, скотоводство (кочевья в Муганской степи). Яз. талышский. Рел. шииты (с яфетическими пережитками в быту и верованиях). Сословное деление.

20. **Таты**, тат, 125.000 (1922). Населяют Бакинский и Кубинский уезды и сев. Часть Шемахинского уезда Азерб. ССР, отдельные поселения доходят до Дербента (Дербентский и Кайтако-табасаранский округа). Зан. земледелие, работа на нефтяных промыслах. Яз. татский, вытесняемый азербайджанско-турецким. Рел. главным образом шииты (с яфетическими пережитками в быту и культуре).

21. **Афганцы**, авганцы, патан, 365 (1924). Основная народность Афганистана; в пределах СССР живут постоянными колониями в 4-х селе-

ниях Дюшамбинского вилайета Таджикистана, кроме того, отдельными группами, преимущественно в пограничной полосе. В местах основного обитания ведут полукочевой образ жизни, занимаясь скотоводством, земледелием, торговлей. Развитая система родовой организации. Яз. пушту (афганский, авганский) в двух основных говорах, в обиходе и письменности — персидский. Рел. сунниты.

22. **Ишкашимцы**, ишкошуми, 100 (1917). Одно из горных иранских племен, известных в литературе под терминами гальча и горных таджиков; населяют одно селение Ишкашимской волости Горно-бадахшанского вилайета Таджикской АССР, занимаясь земледелием. Яз. ишкашимский, в обиходе и письменности персидский. Рел. исмаилиты.

23. **Ваханцы**, вух, вахи (по-персидски), 2.224 (1920). Одно из горных иранских племен, известных в литературе под терминами гальча и горных таджиков; населяют Ваханскую волость Горно-бадахшанского вилайета Тадж. АССР; занимаются земледелием, скотоводством и ремеслами. Яз. ваханский, в обиходе и письменности персидский. Рел. исмаилиты.

24. **Шугнанцы**, 15.140 (1925). Одно из горных иранских племен, известных в литературе под терминами гальча и горных таджиков; населяют сплошь с.-з. часть Горно-бадахшанского вилайета Тадж. АССР; занимаются земледелием, скотоводством, ремеслами. Яз. шугнано-рушанский в 4 главных диалектах (шугнанский, рушанский, орошорский, бартангский), в обиходе и письменности персидский. Рел. исмаилиты. Подразделения: собственно шугнанцы, хугни (Шугнан — 7.968 ч.), рушанцы, рушни (Рушан — 6.139 ч.), бартангцы (Бартанг — 700 ч.), орошорцы (Орошор — 333 ч.).

25. **Язгулямцы**, юздом, около 1.000 (1920). Одно из горных иранских племен, известных в литературе под терминами гальча и горных таджиков; населяют долину реки Язгуляма, правого притока Пянджа (в Горно-бадахшанском вилайете Тадж. АССР); занимаются земледелием, скотоводством и ремеслами. Яз. язгулямский, в обиходе и письменности персидский. Рел. сунниты, шииты.

26. **Ягнобцы**, ягноби, тоджик, 1.197 (1920). Основное население долины реки Ягноба (в Искандерской вол. Пенджекентского вил. Тадж. АССР). Подверглись весьма сильной ассимиляции со стороны окружающих таджиков. Зан. земледелие, скотоводство, ткацкое и гончарное ремесла, отхожие промыслы. Яз. ягнобский в двух говорах, в обиходе также таджицкий. Рел. сунниты.

27. **Осетины,** ирон, ос, 227.630 (1920). Основной народ авт. областей Сев. Осетии и Южной Осетии («Тульская Осия»). Зан. скотоводство, земледелие, лесной промысел. Яз. осетинский с наречиями: иронским, дигорским и туальским; на юге обиходным языком служит одновременно и грузинский. Рел. православные (жители плоскости на севере и туалы на юге) и сунниты (дигоры) вместе с пережитками яфетического язычества. Племенные подразделения: ироны (иры), дигоры с сословием тагауров (в сев. части) и туалы (в южн. части).

D. Прочие индоевропейцы

28. **Немцы,** 1.044.371 (1920). Основная народность Германии и Австрии; в пределах СССР живут повсеместно (в Европ. части РСФСР – 614.125, на Украине – 210.689, в Сибири – 88.978, на Сев. Кавказе – 75.780, в Казахстане – 54.799), как в городах, так и в сельских местностях; наиболее крупные земледельческие колонии сосредоточены в АССР немцев Поволжья, в Крыму, на Украине, в Северо-западной области и на Кавказе. Зан. сельское хозяйство, ремесла, торговля. Яз. немецкий. Рел. протестанты, католики, сектанты.

29. **Норвежцы,** около 300. Основная народность Норвегии; в пределах СССР живут в качестве колонистов на побережье Мурманской губ., занимаясь рыболовством и скотоводством. Яз. норвежский. Рел. протестанты.

30. **Молдаване,** около 1.300.000. Основная народность Молдавской АССР и Бесарабии, кроме того, живут в Черноморском округе и в Абхазии (в 1910 году 1.650 чел.). Зан. хлебопашество, виноградарство и садоводство. Яз. румынский (молдаванский). Рел. православные.

31. **Французы,** 370 (1907). Основная народность Франции; в пределах СССР живут в Бесарабии, в колонии Шабо, близ Аккермана, куда переселились из Швейцарии в 1894 году. Зан. виноградарство. Яз. французский, русский. Рел. реформаты.

32. **Албанцы,** арнауты, около 3.000. Основная народность Албании; в СССР живут в трех селениях Мелитопольского округа Украинской ССР (Гаммовка (Джандран), Георгиевское (Тююшки) и Девненское (Таз)) и в с. Каракурты Измаильского у. Бесарабии (в 1907 г. – 1.011 чел.). Зан. земледелие. Яз. албанский.

33. **Греки,** эллины, 171.061 (1920). Основная народность Греции; в пределах СССР живут отдельными селениями и в городах, главным образом, на Украине (в Днепропетровском, Таврическом и Херсонском округах – 103.968) и на Кавказе (около 40.000), преимущественно на Северном, также в Абхазии и Тифлисском уезде; в Бесарабии в 1897 г. их насчитывалось 2.700. Зан. земледелие, садоводство, торговля. Яз. греческий. Рел. православные.

34. **Цыгане,** цыгане европейские, около 28.000 (1920). Ведут полуоседлый и бродячий образ жизни почти во всех частях СССР, в Бесарабии частично оседлы; в Европ. части РСФСР (в Донской обл., Воронежской губ. и в Крыму) их 9.022, на Украине (главным образом, в Херсонском и Днепропетровском округах) — 3.530, в Сибири (преимущественно в западной части) — 5.350, на Сев. Кавказе — 1.070, в Бесарабии — 8.500 (1897). Зан. торговля, ремесла. Яз. цыганский, русский, частью молдаванский (в Бесарабии). Рел. православные.

35. **Цыгане армянские,** боша, гнчу (литерат.), 2.500 (1920). Главная масса живет в Малой Азии и Персии; в пределах СССР — маленькими группами в разных частях Арм. ССР, занимаясь кустарными промыслами (деревянные и волосяные изделия), мелкой торговлей, также гаданием (женщины). Яз. боша (индийский диалект с значительными армянскими элементами). Рел. армяно-григориане.

36. **Цыгане среднеазиатские,** около 2.500 (1924). Условный термин, объединяющий мелкие бродячие группы, известные в отдельности под наименованием люли, мазанг, джуги; к ним также иногда относят белуджей среднеазиатских республик (см.). Переписью отмечены в Ферганской, Самаркандской и Ташкентской областях Узбекистана и Дюшамбинском вилайете Тадж. АССР. Зан. деревообделочное и ювелирное мастерства (люли), гадание и нищенство (мазанг, джуги). Яз. таджицкий или узбецкий со словарными особенностями. Рел. сунниты. Мало исследованы.

II. ЯФЕТИДЫ

А. Яфетидо-индоевропейцы

37. **Армяне,** хай, 1.126.594 (1897). Основное население Армянской ССР, в больших количествах живут в Грузии и Азербайджане с нагорным Карабахом, менее значительными группами на Сев. Кавказе, в Дагестане и Туркменистане и рассеянно повсеместно в СССР. До войны составляли также основное население турецкой Армении. Зан. все виды сельского хозяйства, торговля, ремесла (в городах). Яз. армянский с рядом диалектов и говоров; в обиходе пользуются, кроме того, языком окружающих народностей; местами (в западной Грузии и в Армавирском округе Сев.-кавк. края) утратили родной язык, заменив его соответственно грузинским или черкесским. Рел. армяно-григориане (большинство), католики и протестанты (незначительная часть), также сунниты (часть так называемых хемшинских армян, хемшинов — выселенцев из Турции, живущих по черноморскому побережью).

В. Южно-кавказские яфетиды

38. **Грузины,** картвелы, 1.094.734 (1897). Основная народность Груз. ССР; небольшими колониями живут также в Сев-кавк. крае, в Дагестане и в других частях РСФСР. Зан. земледелие, скотоводство, садоводство, виноградарство и виноделие, охота (у горцев), огородничество (в зап. Грузии). Яз. грузинский в значительном числе говоров. Рел. православные (большинство), католики (незначительное меньшинство), отчасти сунниты (аджарцы, ингилои). Племенные подразделения, в некоторых случаях ставшие лишь географическими: картлелы (карталины), кахи (кахетинцы), ингилои, туши (тушины), пшавы, хевцы (мохеве), хевсуры, имеры (имертины), рачинцы, лечхумцы, аджарцы, гурийцы, сомхитцы, джавахцы, месхийцы, кларджийцы, таойцы. Пять последних характеризуются не только племенными и географическими особенностями, но также наличностью самостоятельных говоров. До революции сословная организация с резким выделением дворянства.

39. **Мегрелы,** мегрел, мингрельцы, 239.611 (1897). Живут в Зугдидском и Сенакском уездах Грузинской ССР (в западной Грузии). Зан. земледелие, садоводство, виноделие, шелководство, огородничество (на равнине), скотоводство (в горах). Яз. мегрельский, в обиходе и письменности также грузинский. Рел. православные.

40. **Лазы,** чан, йон, около 2.400. Основная масса живет в Турции; в пределах СССР живут в Аджарской АССР, по левому берегу нижнего течения Чороха и к западу от его устья, занимаясь земледелием, мелкой торговлей и рыболовством (на побережье). Яз. чанский (лазский) в двух наречиях: западном (с говорами: вице-архавским и атинским) и восточном (с говорами: хопским и чхальским), в обиходе и письменности также османский. Рел. сунниты. Подразделения (географические): архавцы, атинцы, виццы, чхальцы.

41. **Сваны,** шван, шон, 23.000 (1920). Населяют Лечхумский уезд Грузинской ССР, по верховьям рек Ингура и Цхенисцкали. Зан. скотоводство, охота, пчеловодство, земледелие. Яз. сванский, у восточных сванов в обиходе также грузинский (он же язык письменности). Рел. православные с местными особенностями и языческими пережитками. Подразделения (географические): лахамульцы, лашхцы, лентехцы, чолурцы.

D. Западные (понтийские) яфетиды Северного Кавказа

42. **Абхазы,** апсуа, 72.000 (1897). Основная народность Абхазской АССР, этнически близкая черкесам (см.), особенно их подразделениям — убыхам и бескесек-абаза. Зан. скотоводство, земледелие, виноделие, пчеловодство и лесной промысел. Яз. абхазский в трех главных наречиях (самурзаканском, абжуйском и бзыбском). Рел. православные

и сунниты с многочисленными яфетическими переживаниями культа кузницы и светил. Племенные или географические подразделения: бзыбы, джихи (джики), садзы (на севере), абжуи, цебельдинцы (срединные), самурзаканы (на юге).

43. **Черкесы,** адиге, 68.736 (1920). Основная народность Адыгейской (Черкесской) автономной области и Черкесского национ. округа. Сев.-кавк. края; в незначительном количестве живут также в Черноморском округе. Зан. земледелие, скотоводство, охота, садоводство, пчеловодство. Яз. черкесский с несколькими наречиями. Рел. сунниты. Племенные подразделения 9численность по сведениям 1909 г.): абадзехи (19.000), бжедухи (15.000), бескесек-абаза (абазинцы, черкесские абхазы) (10.000), бесленеевцы (7.000), шапсуги (3.000), натухажцы (натхокуадж) (менее 1.000), шегеки (хеаки), гатюкаи, жанеевцы, темиргои (кемиргои, кемгои), ерерукой, махошевцы, убыхи. Особо выделяются этнически близкие кабардинцы (см.).

44. **Кабардинцы,** 123.223 (1920). Народность этнически близкая черкесам (см.); живут в Кабардинско-балкарской автономной области Северокавказского края. Зан. коневодство, овцеводство, земледелие, ремесла (седельное, бурочное и деревообделочное). Яз. кабардинский (черкесской группы). Рел. сунниты. В быту наблюдаются пережитки сословной организации.

E. Центральные (материковые) яфетиды Северного Кавказа

45. **Чечены,** нахче, нахчии, нахчоу, чеченцы, 181.257 (1920). Основная народность Чеченской автономной области; живут также в небольшом количестве на верховьях Алазани. Зан. земледелие (у плоскостных), скотоводство (у горных). Яз. чеченский с несколькими наречиями. Рел. сунниты. Племенные и географические подразделения: маиствеи (махистуи), ичкеринцы, ауховцы, назрановцы. Особо выделяются этнически близкие ингуши (см.) и бацбии (см.). Родовой строй.

46. **Ингуши,** галга, кисты, 58.370 (1920). Основная народность Ингушской автономной области, этнически близкая чеченам (см.), живут также в незначительном числе в Кизлярском округе Дагест. АССР. Зан. земледелие, скотоводство. Яз. ингушский (чеченской группы). Рел. сунниты.

47. **Бацбии,** бацы, цова-туши, 1.945 (1910). Народность этнически близкая чеченам (см.); составляют одно из четырех Тушинских обществ (Цовское) в горной части грузинской ССР. Зан. скотоводство, охота. Яз. цова-тушский, он же бацбийский (чеченской группы). Рел. православные.

F. Восточные (каспийские) яфетиды Северного Кавказа

48. **Даргинцы**, около 180.000 (1925). Живут в Дагестанской АССР (в Даргинском, Лакском, Кайтако-табасаранском, Гунибском и Буйнакском округах). Зан. скотоводство, гончарное и кожевенное производства, отхожие промыслы. Яз. даргинский с несколькими наречиями. Рел. сунниты.

49. **Кубачинцы**, ухбукан, 2.232 (1886). Живут в с. Кубачи Кайтако-табасаранского округа Дагестанской АССР. Зан. скотоводство, обработка металлов, ювелирное производство. Яз. кубачинский (даргинской группы). Рел. сунниты.

50. **Лаки**, казикумуки, 90.000 (1920). Живут в Лакском, Даргинском и Самурском округах Дагестанской АССР. Зан. скотоводство, кожевенное и гончарное производства, обработка металлов (выделка оружия), земледелие. Яз. лакский (казикумукский). Рел. сунниты.

51. **Авары**, хунз, 234.000 (1909). Одна из основных народностей Дагестанской АССР; населяют центральные горные возвышенности страны с севера до главное Кавказского хребта (главным образом, в Аварском и Гунибском округах) и части Терского округа Сев.-кавк. края и Закатальского уезда Азерб. ССР. Зан. скотоводство, кустарные промыслы (бурочный, кожевенный, деревообделочный, ювелирный, художественное шитье). Яз. аварский с диалектами: хунзахским, гунибским и др., и чохский. Рел. сунниты.

52. **Андии**, андийцы, куаннал, 7.780 (1920). Живут в Андийском округе Дагестанской АССР. Зан овцеводство, ремесла (бурочное, ковровое, ювелирное). Яз. андийский с несколькими наречиями. Рел. сунниты.

53. **Ботлихцы**, буюхады, 1.363 (1920). Живут в Андийском округе Дагестанской АССР. Зан скотоводство, кустарные промыслы, земледелие. Яз. ботлихский (андийской группы). Рел. сунниты.

54. **Годоберинцы**, 1.339 (1920). Живут в Андийском округе Дагестанской АССР. Зан. скотоводство, кустарные промыслы (бурочный и ковровый), земледелие. Яз. годоберинский (андийской группы). Рел. сунниты.

55. **Каратаи**, каратинцы, кирды-калалал, 5.593 (1920). Живут в Аварском и Андийском округах Дагестанской АССР. Зан. скотоводство, ремесла, земледелие. Яз. каратайский (андийской группы). Рел. сунниты.

56. **Ахвахцы**, ахвак, садакилиду, 3.322 (1920). Живут в Андийском и Гунибском округах Дагестанской АССР. Зан. скотоводство, кустарные промыслы, земледелие. Яз. ахвахский (андийской группы). Рел. сунниты.

57. **Багулалы**, квандийцы, ганитлала, 6.167 (1920). Живут в Андийском округе Дагестанской АССР. Зан скотоводство, ремесла, земледелие. Яз. багулальский, он же квандийский (андийской группы). Рел. сунниты.

58. **Чамалалы**, 4.923 (1920). Живут в Андийском округе Дагестанской АССР. Зан скотоводство, ремесла (бурочное, ювелирное),

земледелие. Яз. чамалальский (андийской группы). Рел. сунниты.

59. **Тиндии**, тиндали, идери, иди, 1.753 (1920). Живут в Андийском округе Дагестанской АССР. Зан. скотоводство, кустарные промыслы, земледелие. Яз. тиндийский (андийской группы). Рел. сунниты.

60. **Дидои**, цаза, цезе, цецы, цунтал, 6.115 (1920). Живут в Андийском округе Дагестанской АССР. Зан. скотоводство, кустарные промыслы (ювелирный), земледелие. Яз. дидойский с несколькими наречиями. Рел. сунниты.

61. **Хваршины**, хварши, хуаны, 1.561 (1920). Живут в Андийском округе Дагестанской АССР. Зан. скотоводство, земледелие (отчасти). Яз. хваршинский (дидойской группы). Рел. сунниты.

62. **Капучины**, бешитль, хванал, 2.803 (1920). Живут в Гунибском округе Дагестанской АССР. Зан. скотоводство, кустарные промыслы (ювелирный), земледелие. Яз. капучинский (дидойской группы). Рел. сунниты.

63. **Хунзалы**, гунзал, нахады, ензеби, энзеба, 799 (1920). Живут в Гунибском округе Дагестанской АССР. Зан. скотоводство, ремесла, земледелие. Яз. хунзальский (дидойской группы). Рел. сунниты.

64. **Лезги**, лезги-ар, лезгины, 131.609 (1920). Южно-дагестанская народность, населяющая бассейн р. Самур (Кюринский и Самурский окр. Даг. АССР) и часть Кубинского, Нухинского и Шемахинского уездов Азерб. ССР; ведут полукочевой образ жизни, занимаясь скотоводством, земледелием, бахчеводством и отхожими промыслами. Яз. собственно лезгинский (лезгицал) в трех диалектах — ахтинском, кубинском и кюринском, - в литературе известный также под именем кюринского, в обиходе также азербайджанско-турецкий. Рел. сунниты. Название одного из подразделений лезгов, живущих по левому берегу р. Самур в ее среднем течении, в местности Кюра (Кюре), именно кюрины, в литературе иногда употребляется, как синоним, для обозначения всей лезгской народности, населяющей бассейн Самура. С другой стороны, имя этой последней «лезгины» иногда распространительно понимается в качестве собирательного наименования всех дагестанских народов.

65. **Агулы**, 7.976 (1920). Живут по верхнему течению Курачая (в Кюринск. округе и селении Чираг Лакского округа Дагестанской АССР). Зан. скотоводство и ремесла. Яз. агульский (лезгинской (кюринской) группы). Рел. сунниты.

66. **Арчинцы**, 797 (1920). Живут в Лакском (Казикумукском) округе Дагестанской АССР. Зан. скотоводство и кустарные промыслы. Яз. арчинский (лезгинской (кюринской) группы). Рел. сунниты.

67. **Рутулы**, мыхады, мюхадар, 11.907 (1920). Живут в Самурском округе Дагестанской АССР. Зан. скотоводство, кустарные и отхожие промыслы. Яз. рутульский (лезгинской (кюринской) группы). Рел. сунниты.

68. **Цахуры,** 4.949 (1920). Живут в Самурском округе Дагестанской АССР. Зан. скотоводство, кустарные и отхожие промыслы. Яз. цахурский (лезгинской (кюринской) группы). Рел. сунниты.

69. **Хиналуги,** 2.196 (1920). Южно-дагестанская народность, живущая на севере Азерб. ССР (в Кубинском уезде при речке Кудлялчай); ведя полукочевую жизнь, со скотом уходят в низины, в уезды Кубинский, Джевадский, в Муганскую степь и в Сальяны. Яз. хиналугский (лезгинской (кюринской) группы). Рел. сунниты.

70. **Джеки,** 7.187 (1920) (с крызами и хапутцами). Южно-дагестанская народность, живущая на севере Азерб. ССР (в Кубинском и частью Шемахинском уездах). Зан. скотоводство, садоводство, земледелие (отчасти). Яз. джекский (лезгинской (кюринской) группы). Рел. сунниты.

71. **Хапутцы,** гапутлинцы, 7.187 (1920) (с джеками и крызами). Южно-дагестанская народность, живущая на севере Азерб. ССР (в Кубинском и отчасти Шемахинском уездах). Зан. скотоводство, садоводство. Яз. диалект джекского (лезгинской (кюринской) группы). Рел. сунниты.

72. **Крызы,** 7.187 (1920) (с джеками и хапутцами). Южно-дагестанская народность, живущая в Кубинском уезде Азерб. ССР. Зан. скотоводство, земледелие, садоводство (отчасти). Яз. диалект джекского (лезгинской (кюринской) группы). Рел. сунниты.

73. **Будухи,** будугцы, 3.410 (1920). Южно-дагестанская народность, живущая на севере Азерб. ССР (в Кубинском уезде). Зан. скотоводство, садоводство. Яз. будухский (лезгинской (кюринской) группы). Рел. сунниты.

74. **Удины,** утийцы, уды, 9.668 (1920). Живут в двух деревнях Нухинского уезда Азерб. ССР (Вардашен и Ниж), занимаясь земледелием и скотоводством. Яз. удинский в двух наречиях (лезгинской (кюринской) группы); в обиходе также армянский и азербайджанский. По местожительству, говору и религии делятся на удинов-вардашенцев и удинов-нижцев. Рел. христиане (вардашенцы православные, нижцы армяно-григориане).

75. **Табасараны,** 27.782 (1920). Живут в Кайтако-табасаранском и Кюринском округах Дагестанской АССР, занимая бассейн реки Рубаса, где ведут полукочевой образ жизни, занимаясь земледелием, садоводством, скотоводством и ремеслами. Яз. табасаранский (лезгинской (кюринской) группы). Рел. сунниты (преимущественно).

76. **Кайтаки,** хайтак, кайтахи, кара-кайтахи, 21.609 (1920). Живут в Кайтако-табасаранском округе Дагест. АССР. Зан. скотоводство, земледелие (отчасти). Яз. кайтахский (даргинской группы) в двух наречиях: маджалис-кайтахском (северном) и кара-кайтахском (южном). Рел. сунниты.

III. СЕМИТЫ

77. **Евреи,** евреи европейские, 1.842.384 (1920). Живут повсеместно в городах СССР (Украина – 1.189.029, Европ. часть РСФСР – 572.992, Сев. Кавказ – 41.080, Сибирь – 34.078, Казахстан – 5.205), в некоторых из них, преимущественно на Украине, являясь даже преобладающим населением. По занятиям и бытовым условиям мало отличаются от окружающего городского населения, пользуясь в обиходе его языком, наряду с родными йидиш (диалект немецкого) или русским. Рел. иудеи-талмудисты.

78. **Евреи крымские,** крымчаки, около 7.500 (1912). Живут преимущественно в Карасу-базаре и Симферополе отдельными общинами; незначительными группами встречаются в других городах Крымского полуострова; занимаются торговлей и ремеслами, мало отличаясь в бытовом отношении от окружающего татарского населения. Яз. крымско-татарский, литературный – древнееврейский. Рел. иудеи-талмудисты.

79. **Евреи горские,** даг-чуфут, евреи кавказские, около 25.000 (1897). Одна из составных частей туземного населения Кавказа, живут особыми слободами в гг. Дербенте и Кубе и в некоторых деревнях Дагестанск. АССР, Азербайджанской ССР и Сев.-кавк. края, в количестве около 13.000 (1897), занимаются торговлей, разведением табаку, выделкой сафьяна. Яз. еврейско-татский (см.), вытесняемый в Азербайджане азербайджанско-турецким; евреи западной и восточной Грузии (евреи грузинские, закавказские), в количестве около 12.000 (1897), усвоили грузинский язык и говорят только на нем. Рел. иудеи-талмудисты.

80. **Евреи среднеазиатские,** иври, яхуди, жугут, бухарские евреи, 22.842 (1924). Живут в городах и торговых селениях Узбекистана и Туркменистана (больше половины в особых кварталах Самарканда и Бухары), занимаясь торговлей и ремеслами и мало отличаясь в бытовом отношении от окружающего населения. Яз. еврейско-таджицкий, в обиходе также узбецкий и русский, литературный, кроме того, древнееврейский. Рел. иудеи-талмудисты.

Караимы см. 107.

81. **Арабы,** 54.318 (1924). Компактными массами живут в Бухарском уезде Зеравшанской обл. и Катакурганском и Самаркандском уездах Самаркандской обл., отдельными группами и в других местах Узбекской и Туркменской ССР среди сплошного узбецкого или таджицкого населения, ведя оседлый образ жизни и занимаясь преимущественно земледелием. Яз. узбецкий или таджицкий, в зависимости от окрестного населения, в некоторых селениях Каракульской вол. Бухарского уезда, кроме того, сохранили арабский язык (не проверено). Рел. сунниты. Местами сохраняется родовое деление. Значительная часть среднеази-

атских арабов совершенно ассимилирована узбеками и входит в состав их родовых делений.

82. **Айсоры**, сирийцы, халдеи, сиро-халдеи, 4.701 (1897). Главная масса живут разбросано к западу от оз. Урмии в персидских и турецких владениях; в пределах СССР, где они недавние пришельцы, живут мелкими группами в городах и некоторых деревнях РСФСР и ЗСФСР. Зан. земледелие, садоводство, скотоводство, мелкие промыслы (в городах). Яз. айсорский (новосирийский), обиходный — одновременно, смотря по соседству, армянский, азербайджанский, курдский, персидский и иногда несколько. Рел. несториане, якобиты и православные.

IV. ФИННО-УГРЫ

А. Западные (балтийские) финны

83. **Карелы**, карьяла, карьялайсет, 207.728 (1897). Основное население Карельской АССР, в значительном количестве живут также в Тверской и Новгородской губ. (в 1897 г. 117.679 чел.). Зан. сельское хозяйство, рыболовство, лесные промыслы, торговля. Яз. карельский, в обиходе также русский, в письменности русский (в Тверской и Новгородской губ.) и финский (суоми) (в Карельской АССР). Рел. православные. От большей части карел выделяют карел Олонецкого района под именем олончан (аунус). Сюда же относят мало обследованную группу людилэйсет (в районе Петрозаводска), иногда учитываемую статистикою вместе с вепсами.

84. **Ижора**, ингры, инкери, инкерикот, 10.595 (1920). Сохранились лишь в Ленинградской губ., главным образом, в Кингисеппском уезде, занимаясь сельским хозяйством и рыболовством. Яз. ижорский, в письменности русский и отчасти финский (суоми). Рел. православные.

85. **Финны ленинградские** (ингерманландские), 120.388 (1920). Наименование, объединяющее финские племена савакот, эврэмейсет; иногда называют их маймистами, также чухнами (пренебрежительно). В 1897 г. в С.-Петербургской губ. их было 130.413 чел. (всего финнов — 142.180). Зан. сельское хозяйство, рыболовство, судоходство. Яз. диалекты финского (суоми). Рел. протестанты.

86. **Финны** (собственно), суоми, суомалайсет. Основная народность Финляндии; в пределах СССР живут в незначительных количествах, главным образом, в Карелии, Ленинградской губ., на Мурмане и в соседних районах. Зан. сельское хозяйство, рыболовство, судоходство, лесной промысел и охота. Яз. финский (суоми). Рел. протестанты.

87. **Вепсы**, чухари, чудь, кайваны, 15.708 (1920). Сосредоточены в Северо-западной области, преимущественно в Лодейнопольском уезде Ленинградской губ., в Череповецкой губ. и в Петрозаводском у. Ка-

рельской АССР. Зан. земледелие, рыболовство, лесной промысел. Яз. вепский, в письменности русский. Рел. православные. По последним (неофициальным) сведениям насчитывают свыше 30.000 чел.

88. **Водь**, вадья, ватья, ватьялайсет, около 1.000. Сохранились в Котельской и Наровской вол. Кингисеппского у. Ленинградской губ. Зан. земледелие и рыболовство. Яз. ватья (водский), русский, частью ижорский. Рел. православные. Сильно обрусели.

89. **Эсты**, эстонцы, эсти, эстласед, виро, виролайсет (по-фински), 153.564 (1920). Основная народность Эстонии; в пределах СССР главным образом живут в Ленинградской, Псковской и Новгородской губ. (в Европ. части Союза — 114.687 чел., в Сибири — 32.297 чел., на Сев. Кавказе — 4.446 чел.). Зан. сельское хозяйство, ремесла, торговля. Яз. эстонский. Рел. протестанты, частью православные (так называемые «полуверцы»).

B. Северные финны

90. **Лопари**, 1.620 (1926). Основная масса живет на крайнем севере Норвегии; в пределах СССР живут в Мурманской губ., ведут полукочевой образ жизни, занимаясь рыболовством, оленеводством, охотой и лесным промыслом. Яз. лопарский в нескольких наречиях, в письменности русский и финский (в пограничных районах). Рел. православные.

C. Юго-восточные (волжские) финны

91. **Мордва**, 1.167.537 (1920). Основная масса сосредоточена в средне-поволжских губ., также в Пензенской и Тамбовской (всего в Европ. части СССР — 1.083.000, в Сибири — 49.867, в Казахстане — 34.120 чел.). Зан. сельское хозяйство. Яз. мордовский и русский. Рел. православные. По языку и культуре делятся на две большие группы — эрзя и мокша, и две малые — картаи (б. Казанск. г.) и терюхане (Нижегородск. губ.).

92. **Черемисы**, мари, 399.764 (1920). Основная народность Марийской автономной области, в значительных количествах живут также в Чувашской, Татарской и Башкирской АССР и Вятской губ., занимаясь сельским хозяйством, охотой и кустарными промыслами. Яз. черемисский, в письменности, кроме того, русский. Рел. православные (с сильными дохристианскими пережитками). Делятся на горных, луговых (лев. берег р. Волги) и восточных.

D. Северо-восточные (пермские) финны

93. **Зыряне**, коми, 186.108 (1920). Основная народность автономной области Коми, живут также в бб. Тобольской и Томской губ. (около 10.000) и частью в Мурманской губ. (600 чел. ижемцев). Ведут полукочевой образ жизни, занимаясь оленеводством, земледелием, охотой,

рыболовством и торговлей. Яз. зырянский, в обиходе также русский. Рел. православные.

94. **Пермяки,** комиморт, 128.132 (1920). Живут, главным образом, в Пермском и Вятском крае, частью в б. Томской губ., занимаясь земледелием, охотой, рыболовством. Яз. пермяцкий (диалект зырянского), вытесняемый русским и зырянским. Рел. православные. Сильно обрусели.

95. **Вотяки,** удмурт, 466.182 (1920). Основная народность Вотской автономной области, где их в 1897 г., было 377.893 чел. из общего количества 420.058 чел. Зан. сельское хозяйство. Яз. вотяцкий (вотский), в обиходе и письменности также русский. Рел. православные (с сильными дохристианскими пережитками).

96. **Бесермяне,** около 10.000. Народность очень близкая к вотякам, но подвергшаяся сильному влиянию татар. Живут, главным образом, в Ежовской, Балезинской и Люкской вол. Глазовского у. Вятской губ., занимаясь земледелием и отчасти охотой. Яз. вотяцкий, русский, частью татарский, в письменности русский. Рел. православные.

Е. Угры.

97. **Остяки,** ас-яг («обский народ»), ханды, хондихо, уштяки (по-татарски), 18.591 (1911). Живут, главным образом, в Тобольской губ. и в Нарымском округе Томской губ. по рр. Оби, Иртышу и их притокам Конде, Васюгану и др. Образуют колонии среди русского населения по рр. Оби и Иртышу, выше устья р. Демьяновки будучи только вкраплены в русское население. Ведут полуоседлый образ жизни, занимаясь охотой, рыболовством и оленеводством. Яз. остяцкий в 7 наречиях и русский (в местах соприкосновения с русскими). Рел. шаманисты и православные.

98. **Вогулы,** маньсь, манза, вогуличи, югра (устар.), остяки (местное русское название бродячих вогулов), 6.814 (1911). Живут в западной части б. Тобольской губ., в Туринском, Березовском и Тобольском уездах, по рр. Сев. Сосве, Конде и Тавде, также в приуральской части б. Пермской губ. Зан. охота и рыболовство. Яз. вогульский в 4-х наречиях и русский (у обрусевших вогул Пермской губ.). Рел. шаманисты и православные. Делятся на южных и северных (сохранивших первобытную культуру).

V. САМОЕДЫ

99. **Самоеды,** хазово, самоеднам (по-лопарски), 18.021 (1920). Живут сплошной массой в тундре, начиная от восточных берегов Белого моря и до устья р. Подкаменки и Б. Балахны, впадающих в Хатангский залив, частью совместно с зырянами (в последнее время в небольшом количестве также на Кольском полуострове). По течению Енисея (лев. берег) спускаются узким языком к югу, доходя до г. Красноярска.

Зан. оленеводство, охота и рыболовство. Яз. самоедский в нескольких диалектах, в обиходе также зырянский (у европейских самоедов), в письменности русский. Рел. шаманисты (формально православные). Разделяются на отдельные племена: юраки (7.057 в 1911 г.) — в б. Архангельской губ., обл. Коми, б. Тобольской губ., в области между Обской и Тазовской губами, в тундровых пространствах Туруханского края, по левому берегу Енисея до с. Дудинского, в низовьях р. Таза к западу до р. Пура; енисейские самоеды с примыкающими к ним тавгийцами (899 в 1917 г.) — в Енисейской губернии, по правому берегу Енисея к северу от р. Хантайки до Дудинки и Норильского озера и в верховьях рр. Хоты, Дудытты и Пайтурмы в Туруханском крае; пян-хазово, т. е. «лесные самоеды» (600 чел.) — на Обско-Тазовском водоразделе, главным образом, в системе р. Пура; остяко-самоеды (1.800 в 1927 г.) — в Туруханском крае, в лесной полосе по рр. Турухану и Тазу).

VI. ТУРКИ

А. Чуваши

100. **Чуваши,** 1.062005 (1920). Основная народность Чувашской АССР; кроме того, живут в Ульяновской и Самарской губ. и в соседних автономных республиках РСФСР (в Сибири — 29.334 чел.). Зан. сельское хозяйство. Яз. чувашский (в нескольких говорах), русский, татарский. Рел. православные. По своему географическому положению относительно Волги делятся на низовых и верховых, отличающихся друг от друга рядом бытовых особенностей. Сильные яфетические переживания в культе, быту и речи.

В. Северо-западные турки.

101. **Кумандинцы,** 873 (1917). Живут узкой полосой от Улалы к г. Кузнецку, главным образом, по среднему течению р. Бии с селом Макарьевским б. Верхне-Кумандинской волости, а также и в б. Нижне-Кумандинской волости Бийского уезда б. Томск, губ., оседлы, занимаются земледелием, скотоводством и охотой. Яз. кумандинский, русский. Рел. шаманисты.

102. **Алтайцы,** алтай-кижи, «горные или белые калмыки», 26.084 (1897). Живут в Ойратской автономной области, в бассейне р. Катуни, верхнего течения р.р. Чарыша, Ануя, Песчаной и Урусули. Ведут полуоседлый образ жизни, живя в отдельных аилах и только местами соприкасаясь с другими алтайскими народностями и русскими. Занимаются скотоводством, охотой, отчасти земледелием и мараловодством. Яз. алтайский, русский. Рел. шаманисты, православные и бурханисты. Составляя основное население Ойратской автономной области, они вместе с другими алтайскими народностями известны также под официальным

названием ойратов, принятым после революции. (По современным неточным данным их — 11.827 чел.)

103. **Теленгеты,** теленгет, 9.200 (1897). Часть алтайских турок, живущая небольшими группами в юго-восточной части Алтая, на юг и юго-восток от Телецкого озера в бассейне р. Чулымана с Башкаусом, в Чуйской степи, по р. Чуи, р. Архыту с Каракемом, по правому берегу р. Катуни. Ведут полуоседлый и местами кочевой образ жизни, занимаясь скотоводством, охотой, отчасти земледелием. Яз. теленгетский и русский. Рел. шаманисты, православные, бурханисты. Сохранилось деление на колена и роды. (По современным неточным сведениям их в Ойратской авт. области около 4.600 чел.)

104. **Телеуты,** около 7.000 (1923). Народность близкая по происхождению к теленгетам и, возможно, составлявшая с ними ранее один народ, хотя и отличный по языку. Живут на территории Ойратской авт. области и в Кузнецком округе Сибирского края (основное ядро).

105. **Татары крымские степные,** ногаи (по южно-крымски). Живут в степной и предгорной полосах Крымского полуострова. Занимаются земледелием, скотоводством, садоводством. Яз. крымско-татарский. Рел. сунниты. Резко отличаются по языку от южнобережных татар (см.), принадлежащих в языковом отношении к юго-западным туркам.

106. **Татары белорусские,** 2.614 (1925). Живут мелкими группами в городах и селениях Белорус. ССР. Древние переселенцы из Крыма. Зан. земледелие, ремесла. Яз. белорусский. Рел. суниты.

107. **Караимы,** 13.000 (1897). Основная масса живет на Крымском полуострове (с центром в Евпатории), занимаясь земледелием, садоводством, торговлей и ремеслами. Яз. караимский (крымско-татарский), литературный, кроме того, древнееврейский. Рел. караимы (последователи Моисеева закона, не признающие Талмуда, с самостоятельной организацией).

Крымчаки см. 78.

108. **Карачайцы,** карачаевцы, 46.230 (1926). Одна из основных народностей Карачаевской автономной области. Занимаются овцеводством, ремеслами (суконное, бурочное, кожевенное) и земледелием (в незначительных размерах). Яз. карачайский (близкий к балкарскому). Рел. сунниты.

109. **Балкары,** балкар, малкар, 23.695 (1920). Одна из основных народностей Кабардино-балкарской автономной области. Занимаются овцеводством, земледелием (меньше). Яз. балкарский (близкий к карачайскому). Рел. сунниты. Подразделения (географические): безенгиевцы, хуламцы, чегемцы, урусбиевцы и баксанцы.

110. **Кумыки,** около 160.000 (1925). Населяют северную низменную часть Дагест. АССР и равнинное прибрежье Касп. моря от устья Терека

до Дербента (в округах: Кизлярском, Хасав-юртовском, Махачкалинском, Буйнакском, Кайтако-табасаранском), живут также в Сев.-кавк. крае. Занимаются земледелием, рыболовством, садоводством и овцеводством. Яз. кумыцкий с несколькими говорами. Рел. сунниты. До революции делились на сословия.

111. **Ногайцы,** 60.000 (1910). Живут по верхнему течению Кубани (6.000), в восточной части Ставропольского округа Сев.-кавк. края и на юге Калмыцкой автономной области (48.000), в Хасав-юротовском округе Дагест. АССР (4.000), в небольшом количестве также близ Пятигорска и при слиянии Зеленчука с Кубанью. Кочевники, кроме хасав-юртовских и закубанских, занимаются скотоводством. Яз. ногайский с несколькими говорами. Рел. сунниты. Племенные подразделения: джембулаковцы, едишкульцы, эдисанцы. Закубанские ногайцы до революции делились на сословия.

112. **Мишари,** мишэр, мещеряки. Живут в Нижегородской, Пензенской, Тамбовской, Ульяновской, Рязанской, Саратовской, б. Пермской, б. Уфимской, Самарской, Оренбургской губ. (по сведениям 1917 г., в губ. Пермской, Уфимской, Оренбургской — 185.568 чел.) и части Татарской АССР, занимаются земледелием и торговлей. Яз. мишарский (мещеряцкий) и татарский. Рел. сунниты, местами православные. Мишари Касимовского уезда Рязанск. губ. выделяются в особую группу касимовских татар (см.).

113. **Башкиры,** башкурт, иштак (по-фински), 320.743 (1897). Основная народность Башкирской АССР, живут также в Челябинском округе Уральской обл., б. Тобольской и б. Томской губ. Занимаются земледелием и пчеловодством (на западн. склонах и в центральной части Урала), с летними перекочевками. Яз. башкирский в двух говорах. Рел. сунниты.

114. **Тептяри,** типтэр, башкурт. Сборная группа, составившаяся из разных поволжско-приуральских народностей с преобладанием башкирского влияния. Живут в пределах Башкирской АССР (по сведениям 1917 г., в Пермск., Уфимск. и Оренб. губ. — 289.571 чел.). Занимаются земледелием и пчеловодством. Яз. башкирский. Рел. сунниты.

115. **Татары поволжские** (казанские, астраханские, касимовские), татар, ногай (у казаков и кыргызов), 2.265.000 (1920). Основная народность Татарской АССР, живут также в Башкирской АССР (в 1917 г. в губ. Пермской, Уфимской, Оренбургской — 289.351 чел.), в Астраханской губ. (40.000), в Западной Сибири (в 1897 г. 21.137 чел.), в Средней Азии (преимущественно в городах Узбекистана и Казахстана, в 1920 г. 16.778 чел.); живущие в Рязанской, Тамбовской и Пензенской губ. (около 130.000 чел.) иногда выделяются под именем касимовских

(см.); занимаются земледелием, ремеслами и торговлей. Яз. татарский. Рел. сунниты, также православные (небольшая часть, известная под именем кряшен, т. е. русск. «крещеный»); крещеные татары 5 сел. б. Верхнеуральского у. Оренбургской губ. (в 1891 г. 5.101 чел.) известны в литературе под именем нагайбаков (ногайбаков). В культурном и языковом отношении весьма близки к мишарям (см.) и в литературе часто с ними смешиваются.

116. **Татары касимовские.** Живут в Касимовском уезде Рязанской губ. Зан. торговля, земледелие и особенно отхожие промыслы (трактирный). Яз. особый диалект татарского языка. Рел. сунниты. В культурном и языковом отношении составляют одно целое с поволжскими татарами (см.) и мишарями (см.).

117. **Татары тобольские,** 37.637 (1898). Живут в средней лесостепной полосе Тобольского округа Уральской области, по среднему Иртышу, нижнему Тоболу и нижней Таре, главным образом, в 9 волостях Тобольского округа, чересполосно с русским населением. Яз. татарский, русский. Рел. сунниты. В культурном отношении составляют одно целое с поволжскими татарами (см.).

118. **Сибирские бухарцы,** бухарлык, 11.659 (1897). Живут в б. Тобольской губ., в Тарском, Тобольском и Тюкалинском уездах, чересполосно с татарским населением, а также небольшой группой в б. Томской губ. (в городах их всего 4%). Занимаются земледелием, чернорабочим трудом. Яз. татарский. Рел. сунниты.

119. **Барабинцы,** барабинские татары (турки), 4.433 (1897). Живут в б. Томской губ., главным образом, в районе Сибирской жел. дор., чересполосно с русским населением в Каинском округе, составляя 80% населения б. Тибисской волости. Занимаются земледелием. Яз. барабинский, русский. Рел. сунниты.

120. **Каракалпаки** (хивинские), каракалпак, 96.976 (1920). Основная народность Каракалпакской автономной области; ведут полуоседлый образ жизни, занимаясь скотоводством, земледелием и рыболовством. Яз. каракалпацкий. Рел. сунниты. Сохранили родовое деление. Каракалпаки Узбекистана по своей бытовой и языковой близости к узбекам рассматриваются как одно из узбецких (см.) подразделений. Мало исследованы.

121. **Казаки,** казак, киргизы, казак-киргизы (лит.), киргиз-казаки (лит.), киргиз-кайсаки (устарел.); около 4.000.000. Основное внегородское население Казакстана, в меньших количествах встречаются в Узбекистане, Каракалпакской авт. обл. и степной полосе Сибирского края (Каинский, Бийский и Змеиногородский уезды б. Томской губ. и Тюкалинский, Ишимский, Курганский и Тарский уезды б. Тобольской губ.). Ведут

кочевой образ жизни в переходе к оседлости (большинство осело), занимаясь скотоводством, земледелием, ремеслами (валяние кошем и др.). Яз. казацкий. Рел. сунниты. Делятся на старшую (большую) орду (улу джюз) с основными подразделениями: дулат, адбан, джалаир, чапрашты и др. (Джетысуйская и Сырдарьинская губернии), среднюю орду (орта джюз) с основными подразделениями: кирей, найман, аргын, кыпчак и др. (Копальский и Лпесинский уезды Джетысуйской губернии, Сырдарьинская губ., Акмолинская, Семипалатинская и Тургайская обл.), младшую (малую) орду (кипи джюз) с основными подразделениями: алимулы, байулы, джети-уруг (джитыру) и др. (Сырдарьинская губ., Уральская обл., Тургайская, Оренбургская и Астраханская губернии) и Букеевскую орду, выделившуюся из младшей орды (Астраханская губерния).

122. **Чулымцы,** чулымские (мелецкие) турки (татары), 11.123 (1897). Живут в Томском и Мариинском уездах б. Томской губ. и в Ачинском уезде б. Енисейской губ. (по реке Чулыму). Занимаются земледелием, скотоводством. Яз. чулымский, русский, остяцко-самодеский. Рел. сунниты, шаманисты, православные.

123. **Кыргызы,** кыргыз, каракиргизы, киргизы, буруты, 643.099 (1924). Основное внегородское население Киргизской АССР, также прилегающих областей Узб. ССР и Тадж. АССР. Ведут кочевой образ жизни в переходе к оседлости, занимаясь скотоводством, земледелием, ремеслами (войлочное и ковровое). Яз. кыргызский. Рел. сунниты. Делятся на два крыла: он (правое) и сол (левое), с основными подразделениями: бугу, сарыбагыш, султу, багыш, саяк, асык (Семиречье), мундуз, хыдырша, кутчу, сору, ичкилик (Фергана).

С. Юго-западные турки

124. **Гагаузы,** 76.266 (1907). Основное население нескольких волостей Бендерского, Аккерманского и Измаильского уездов Бесарабии. Зан. земледелие. Яз. гагаузский (юго-западный диалект турецкого) и болгарский. Рел. православные.

125. **Татары крымские южнобережные** (таты на языке крымских степных татар). Живут в городах и селениях южнобережного района Крыма. Зан. земледелие, садоводство, скотоводство. Яз. крымско-татарский особого диалекта юго-западной группы. Рел. сунниты. Резко отличаются по языку от татар степных (см.), принадлежащих в языковом отношении к северо-западным туркам.

126. **Азербайджанцы,** турк, турки (тюрки) азербайджанские, адербейджанские татары, мугал (в Закатальском уезде), 1.506.540 (1897). Основная народность Азербайджанской ССР и персидского Азербайджана, в значительном числе живут также в Армянской и Груз. ССР, и в

малом количестве в Сев.-кавк. крае и в Дагест. АССР. Зан. земледелие, скотоводство, отхожие промыслы, торговля. Яз. азербайджанско-турецкий. Рел. шииты, частью сунниты. До революции было сословное деление, с руководящим значением земельной и денежной аристократии. Часть азербайджанцев степных районов сохранила кочевые традиции.

127. **Карапапахи**, 8.000 (1910). Турецкая народность, представляющая собою смешение борчалинских азербайджанцев и анатолийских турок, живут в Ахалкалакском уезде Грузинской ССР, ведя полукочевой образ жизни и занимаясь скотоводством и отчасти земледелием. Яз. карапапахский. Рел. сунниты, шииты.

128. **Турки анатолийские**, турк, турки османские, османцы, османлы. Основная народность Турции, в пределах СССР ныне живут в части Артвинского округа бывш. Батумской области (ныне Аджарск. АССР) и в Агбабинском участке бывш. Карской обл. (ныне в составе Армянской ССР) (1.480 чел.), также в бб. Екатеринославской и Таврической губ. и на Сев. Кавказе (около 1.500 чел.); в 1897 г. их насчитывалось в русских владениях всего 139.304 чел., из них больше 60.000 в Карской обл. Зан. земледелие, ремесла и торговля. Яз. турецкий. Рел. сунниты.

129. **Туркмены**, турмен; 683.606 (1924). Основное внегородское население Туркменистана; живут также в части Каракалпакской авт. обл., на Северном Кавказе, и с утратой национальных особенностей в Узбекистане. Ведут кочевой образ жизни в переходе к оседлости (большинство оседло и полуоседло), занимаются скотоводством, земледелием, ремеслами (в частности ковровым), рыбными промыслами (на побережье). Яз. туркменский. Рел. сунниты. Развитая племенная и родовая организация с ярко выраженным племенным самосознанием. Основные племенные деления: теке (текинцы) (Ашхабадский, Мервский и Тедженский округа); йомуды (Красноводский и Ташаузский окр.); гокланы (Каракалинский район Ашхабадского окр.); сарыки (Пендинский и Иолатанский районы Мервского округа); салоры (Серахский район); эрсари (Байрам-алийский район Мервского округа, Чарджуйский и Керкенский округа); эмрели, чаудор, карадашлы, алиели (Ташаузский округ); ата (Турткульский округ Каракалпакской авт. обл.); нухур (нухурли, нухурцы) (Бахарденский район Ашхабадского окр.) и др. Географически и исторически обособились ставропольские туркмены (трухмены), живущие, в количестве 15.334 человек (1912 г.), в Ставропольском округе Сев.-кавк. края. Нуратинские туркмены, живущие, в количестве 1.885 человек, в Джизакском и Ходжентском уездах Узбекистана, по своей языковой и бытовой ассимиляции с узбеками, рассматриваются, как одно из узбецких племен.

D. Юго-восточные турки

130. **Узбеки**, узбек, 3.764.366 (1924). Основная народность Узбекистана, в больших количествах живут также в Ошском у. Киргизской АССР, западных частях Таджикской АССР и в крупных городах Казахстана: Чимкенте, Аулиэата, Туркестане и др. Яз. узбецкий, распадающийся на говоры, среди коих особое место занимают говоры хорезмских (хивинских) узбеков. Рел. сунниты. По образу жизни и признаку племенного (родового) деления делятся на полукочевых и оседлых.

I. Полукочевые узбеки преимущественно населяют Самаркандскую, Зеравшанскую, Кашкадарьинскую, Сурхандарьинскую и Хорезмскую область УзССР и западные части Таджикистана, живут также в Фергане (турки, кыпчаки, каракалпаки), в большинстве оседлы, но сохранили кочевые традиции, занимаются скотоводством и земледелием; делятся на многочисленные племена и роды. Главные подразделения: мангыт, кунград, сарай, кенегез, катаган, локай, турк, найман, каракалпак, кыпчак, дурмен, туркмен, ктай, минг, араб и др.; некоторые из этих подразделений обладают сильно развитым племенным самосознанием (в ущерб общенациональному), к каковым особенно относятся ферганские кыпчаки (в 1917 г. 42.114 ч.) и ферганские и самаркандские турки (тюрки) (в 1917 г. 29.476 ч.).

II. Оседлые узбеки, сарты (последний термин, как национальное определение, отвергнут руководящими кругами узбецкого народа, но местами, особенно за пределами Узбекистана, может быть встречен) составляют основное население Ташкентской области и Ферганской долины, занимаются земледелием, кустарной промышленностью, торговлей; часть населения бывшего Хавинского ханства (от Хазараспа до Ханка) также именует себя сартами.

131. **Курама**, кураминцы, свыше 50.000 (1920). Основная масса живет в Ташкентском уезде, в бассейне р. Ангрен, отдельными группами в Андижанском уезде Узбек. ССР. Занимаются земледелием, оседлы, но сохранили некоторые кочевые пережитки. Яз. кураминский, говор узбецкого диалекта. Рел. сунниты. Родовые подразделения: уйсын, дулат, джалаир, найман и др.

132. **Таранчи**, уйгур (самоназвание, принятое после революции вместе с кашгарцами), 62.303 (1920). Выходцы из Кульджи и других мест Восточного Туркестана, в русские пределы переселились в 80-х годах XIX века. Компактными массами живут в Джаркентском и Алма-атинском уездах Казакск. АССР, составляют Таранчинское сельское общество в Байрамалийском районе Мервского округа Туркм. ССР. Занимаются земледелием, огородничеством. Яз. таранчинский (ныне называемый уйгурским). Рел. сунниты. Иногда в литературе также называются сартами.

133. **Кашгарцы**, кашгарлык, уйгур (самоназвание, принятое после революции вместе с таранчами), 39.528 (1920). Выходцы из Восточного

Туркестана, не имеющие общенационального самоназвания, а определяющие себя по месту постоянного жительства или происхождения и объединяемые именем кашгарцев (кашгарлыков) по имени главного города и оазиса Восточного Туркестана. Компактными массами живут в Ферганском и Андижанском уездах УзССР, меньшими количествами в Джетысуйской губернии; занимаются земледелием, в городах мелкие торговцы и чернорабочие. Яз. кашгарский (восточно-туркестанский). Рел. сунниты. Иногда в литературе называются также сартами восточного Туркестана.

Дунгары см. 167.

134. **Черневые татары** (турки), тубалар, туба-кижи, йыш-кижи («лесной житель»), 6.342 (1897). Живут в северных отрогах Алтая (Бийский округ Сибирск. края) по рекам: Бии, Сары-кокше, Пыже, Инырге, Балотыке, Салтону и др., а также близ Телецкого озера. На севере они близко соприкасаются с русским населением, на западе — с алтайцами. Ведут оседлый образ жизни, занимаются скотоводством, охотой, сбором кедровых орехов, земледелием, пчеловодством и местами сплавом леса. Яз. черневой (турецкий) и русский. Рел. шаманисты (формально православные). Иногда название черневых татар распространяют также на шорцев (см.) и томско-кузнецких татар (см.).

135. **Томско-кузнецкие татары** (турки), 8.164 (1897). Сборная, мало исследованная турецкая группа, живущая к западу от р. Томи, в северных отрогах Кузнецкого Алатау, в 8 волостях Кузнецкого округа Сибирского края; по языку близки к шорцам (см.) и частью к телеутам (см.), в обиходе пользуются также русским языком. Рел. православные (с пережитками шаманизма). Часть, живущая ближе к Кузнецку, известна также под именем абинцев, абалар. Название томско-кузнецких татар распространяют также на шорцев (см.) и черневых татар (см.).

Е. Северо-восточные турки

136. **Шорцы**, шор-кижи, шоры, 14.809 (1897). Живут в Кузнецком округе Сибирского края, в системе рек Кондомы, Мрассы и Томи, ведут полуоседлый образ жизни, занимаясь охотой, рыболовством, пчеловодством и кедровым промыслом. Яз. шорский (близкий к абаканско-турецкому) и русский. Рел. шаманисты (формально православные). Делятся на 22 рода. Иногда причисляются к томско-кузнецким и черневым татарам (см.).

137. **Лебединцы**, ку-кижи, чолканут, 907 (1897). Живут в Кондомошекальской волости, по р. Лебедь (правый приток р. Бии) и по Кондоме (Кузнецкий округ Сибирского края). Ведут оседлый образ жизни, занимаясь земледелием, скотоводством, охотой и кедровым промыслом. Яз. шорский. Рел. шаманисты.

138. **Кызыльцы,** 7.959 (897). Живут в юго-западной части Ачинского округа Сибирского края, в степи между рр. Белым и Черным Июсом, в гористой местности по рр. Печище, Сальбату, Сарале, верхнему Урюпу и др., а также среди русского населения у Божьего озера. Ведут полуоседлый образ жизни, занимаясь скотоводством и земледелием. Яз. кызыльский и русский. Рел. шаманисты (формально православные). Делятся на 10 родов.

139. **Сагайцы,** 3.019 (1897). Часть абаканских турок, живущая в южной части Кузнецкого уезда б. Томской губ. и в Минусинском уезде б. Енисейской губ., в бассейне рек: Енисея, Абакана, с его левым притоком Уйбатом, Аскыза, Тел, Еси, Таштыба и по реке Улени, притоку р. Томи. Ведут полуоседлый образ жизни, занимаясь скотоводством и отчасти земледелием. Яз. сагайский. Рел. шаманисты (формально православные). Известны также, вместе с другими абаканскими турками, под официальным названием хакасов, принятым после революции.

140. **Качинцы,** 11.974 (1897). Часть абаканских турок, живущая в северо-западной части Минусинского и Канского округов Сибирского края, по левому берегу Енисея между рр. Абаканом, Белым Июсом и верхним течением р. Чулыма. Ведут полуоседлый образ жизни, занимаясь скотоводством и земледелием. Яз. качинский, русский. Рел. шаманисты (формально православные). Делятся на 10 родов.

141. **Бельтиры,** 7.959 (1897). Часть абаканских турок, живущая в Сибирском крае, по р. Абакану и его притокам Арбату, Моноку, Таштыпу и при р. Кызыл-Карасуке; ведут полуоседлый образ жизни. Яз. бельтирский. Рел. шаманисты (формально православные).

142. **Койбалы,** 1.015 (1897). Часть абаканских турок, живущая в Сибирском крае, в Койбальской степи к востоку от Абакана по рр. Бее, Уте и по правому берегу р. Абакана. Зан. скотоводство. Яз. койбальский. Рел. шаманисты (формально православные).

143. **Камасинцы,** 137 (1890). Отуреченная часть самоедов; живут в южной части Канского округа Сибирского края. Зан. земледелие, охота, скотоводство. Яз. русский и абаканско-турецкий с примесью отдельных самоедских слов. Рел. православные (с пережитками шаманизма). Мало исследованы.

144. **Сойоты,** сойонцы, урянхайцы, тубалар, около 2.500. Живут в Усинском крае. Зан. скотоводство, охота, частью (близ устья р. Ус) земледелие. Яз. сойонский (урянхайский). Рел. шаманисты.

145. **Карагасы,** туба, 389 (1897). Бродячая отуреченная народность, живущая в Иркутской губернии в северных отрогах Саян по верховьям рр. Ии, Уде, Оке, Бирюсе, Кану и Агулу. Зан. охота и оленеводство. Яз карагасский. Рел. шаманисты. Делятся на 5 родов.

146. **Якуты,** сака, саха, 220.040 (1917). Основная народность Якутской АССР. Зан. скотоводство, земледелие (в некоторых приленских

долинах), охота и рыболовство (подсобно). Яз. якутский, русский (небольшое количество). Рел. православные с сильными пережитками шаманизма. Делятся на роды.

147. **Долганы**, 967 (1897). Объякученная тунгусская народность; живут в Туруханском уезде б. Енисейской губернии. Главным районом их кочеваний является р. Таймыр, верховья рр. Пясиной и Дудынты и область Норильских озер. Зан. кочевое оленеводство и охота. Яз. якутский. Рел. шаманисты. Делятся на 2 рода.

VII. МОНГОЛЫ

148. **Буряты**, 220.442 (1924). Основное население Бурято-монгольской АССР. Ведут кочевой и полуоседлый образ жизни. Зан. скотоводство, охота и земледелие (осевшая часть). Яз. бурятский; меньшинство пользуется в обиходе также русским и монгольским, а в письменности тибетским и монгольским. Рел. буддисты (ламаисты) (большинство), шаманитсы и православные (меньшинство). Делятся на роды; население северо-западных аймаков по языку и образу жизни значительно отличается от юго-восточных. Часть бурят Гучитской волости (104 чел.), традиционно выделяя себя от окружающих, именует себя баргутами.

149. **Калмыки**, около 140.000 (1920). Основное население Калмыцкой автономной области; кочуют также (около 14.000 ч.) в северокавказских степях, к югу от Восточного Манычa, и по левому берегу Терека, в районе Грозного. Зан. скотоводство. Яз. калмыцкий. Рел. буддисты.

150. **Сарт-калмыки**, сарт (?), 2.405 (1917). Основное население Сарт-калмыцкого аульного общества Каракольского округа Киргизской АССР; ведут кочевой образ жизни, занимаясь скотоводством. Яз. калмыцкий, в обиходе пользуются также кыргызским. Рел. сунниты. Мало исследованы.

VIII. ТУНГУСО-МАНДЖУРЫ

А. Тунгусы

151. **Тунгусы** (собственно), эвенки, 53.194 (1897). Живут разбросанно в Сибирском и Дальневосточном краях и в Якутской и Бурято-монгольской АССР. Зан. оленеводство и охота (19.160 чел., главным образом, в Якутии), скотоводство (29.737 чел., преимущественно в Забайкальи) и земледелие (4.175 чел., в Забайкальи). Яз. тунгусский (собственно), в обиходе также русский, бурятский и якутский (в зависимости от соседнего населения). Рел. шаманисты (формально православные), также буддисты-ламаисты (9.258 чел. в южном Забайкальи). Делятся на роды. Часть тунгусов, живущих в Бурято-монгольской АССР и в Забайкальской области и Амурской губернии, носит название орочонов (т. е. «оленных»). Тунгусы — скотоводы Бурято-монгольской АССР называются мурченами (т. е.

«конными»). Тунгусы, живущие по среднему течению рр. Зеи и Амура, именуются манеграми (от названия одного из местных родов манягир). Раньше манягры, гурагры, уллагры и другие роды бассейна рр. Силимджи и Буреи носили коллективное название бирары («поречные»). К тунгусской народности принадлежат также солоны (монгольск. Солон «стрелок»), проживавшие в 1897 г. (несколько семейств) по нижнему течению р. Имана, правого притока р. Уссури. Раньше к тунгусам причислялись также дауры, дахуры, - народность спорного происхождения и монгольского языка, ныне, как этническая группа, не представленная в СССР.

Долганы см. 147.

152. **Ламуты,** эвэн (мн. ч. эвэшель), 9.049 (1897). Живут в Колымском и Верхоянском округах Якутской АССР (2.399 ч.) и по Охотско-камчатскому побережью Дальневосточного края (6.650 ч.). в Дальне-вост. крае они именуются также орочонами и тунгусами. Зан. оленеводство, охота и рыболовство (240 чел. осели в Анадырском и Охотском районах). Яз. ламутский. Рел. шаманисты (формально православные). Делятся на роды. Название ламуты значит «поморы» (тунгусск. ламу «море»).

153. **Негидальцы,** амгульцы, элкэн-бэйэ, 423 (1897). Живут по берегам р. Амгуни, левого притока р. Амура. Зан. рыболовство, собаководство и охота. Яз. негидальский. Рел. шаманисты (формально православные). Делятся на роды.

В. Манджуры

154. **Гольды,** гольди, нанай, нани, 5.441 (1897). Живут по нижнему течению р. Амура и его левым притокам Тунгуске и Горину и по р. Уссури и низовьям ее левых притоков Хора, Бикина, Имы и Баку. Зан. рыболовство, собаководство и охота. Яз. гольдский. Рел. шаманисты (формально православные). Делятся на роды. Гольдов, живущих по р. Горину, принято называть также самарами, самагирами. Самогирами, соответственно родовому самоназванию. Гольды, живущие по низовьям рек, называются ходзенами (ходзе-най «нижние люди»); живущие по верховьям рек — солонами (соло-най «верхние люди»). Иногда гольдов, живущих по берегам Амура вниз от устья р. Уссури, называют ходзенами, а живущих вверх от устья Уссури, а также по рр. Тунгуске и Горину — килями или килеками.

155. **Ольчи,** ульча, нанэй, нани, 2.204 (1897). Живут по низовьям р. Амура от г. Мариинска до с. Тлярс и на Сахалине. Зан. рыболовство, собаководство и охота, также оленеводство (на Сахалине). Яз. ольчский (диалект гольдского). Рел. шаманисты и православные (небольшая часть). Делятся на роды. Сахалинские ольчи обычно называются ороками (менее 150), амурскике — также мангунами. Название ольчи,

ульча значит «оленный» (ольчск. уля «домашний олень»), название мангуны — «житель большой реки» (мангу «большая река»).

156. **Орочи**, нани, кэкари, 2.407 (1897). Живут между Татарским проливом и Японским морем, с одной стороны и р. Уссури — с другой. Занимаются охотой и рыболовством и частью земледелием (на юге). Яз. орочский, у окитаившихся (тазов) китайский. Рел. шаманисты, православные и буддисты (незначительное количество). Делятся на орочей собственно (в 1924 г. 460 чел.), живущих от зал. Де-Кастри на севере до р. Копи (впадающей в Татарский пролив) на юге, главным образом, в бассейне р. Тумнин (западная граница хреб. Сихотаалин) и удэхэ (удыхэ) (около 2.000), живущих к югу и западу от первых: по р. Самарге, Иману, Бикину, Хору, Онюю, Хунгари и др. и подвергшихся влиянию китайцев; из них южная часть (тазы) совершенно окитаилась.

IX. ПАЛЕОАЗИАТЫ

А. Чукотско-коряцко-камчадальская группа

157. **Чукчи**, таньг (по-коряцки), 12.00 (1900). Живут в Чукотском районе Камчатского округа. В Колымском округе Якутской АССР обитает часть оленных чукоч на тундре от Чауна до Индигирки. В своих южных пределах (от мыса Наварина на Беринговом море и до Станового хребта) чукчи живут чересполосно с коряками. Зан. оленеводство, охота на морского зверя. Яз. чукотский. Рел. шаманисты. В хозяйственном отношении делятся на оленных (чавчу «оленевод») и приморских (нымылыт «жители»); последних соседние русские называют также сидячими; в Камчатской губ. первых считалось 6.000 (1914), вторых — 2.645 (1924).

158. **Коряки**, таньг (по-чукотски), 6.702 (1924). Живут в Камчатском округе, примыкая на севере к территории чукоч (см.); на побережье Берингова моря селения коряков приближаются к Анадырской бухте, на Охотском побережье юго-западу доходят до с. Ямск, на западе кочевья оленных коряков ограничиваются отрогами Анадырского хребта, на Камчатском полуострове корякие поселки отделяются от камчадальских примерной черной, проходящей от с. Озерного и до с. Аманина. Зан. оленеводство, рыболовство и охота на морского зверя. Яз. корякий, также русский (в нескольких селениях). Рел. шаманисты. В хозяйственном отношении делятся на оленных и сидячих, живущих оседло на морском берегу или в устьях рек; северная часть приморских коряков, живущая по побережью Берингова моря, выделяется под именем кереков.

159. **Камчадалы**, ительмены, 5.700 (1924). Живут на полуострове Камчатке, занимая его южные две трети. Зан. рыболовство, охота, собаководство, разведение скота (отчасти) и огородничество (очень

мало). Яз. русский, частью камчадальский (ительменский); говорящих по-ительменски до 1.000 человек, исключительно по западному Охотскому берегу, в селениях Харьюзово, Аманино, Седанка и др. Рел. православные. Обрусели, живут в избах русского типа.

B. Юкагиро-чуванская группа

160. **Юкагиры,** одул, этэл, атал (по-чукотски и коряцки), 1.003 (1901). Живут в Верхоянском и Колымском округах Якутской АССР, на верховьях притоков р. Колымы — рр. Ясачной и Коркодоне, также разбросанно по верхнему течению реки Колымы и между рр. Колымой и Омолоном. Зан. кочевое оленеводство, рыболовство и охота. Яз. юкагирский (на верховьях реки Колымы), тундренное наречие юкагирского языка (между рр. Колымой и Индигиркой), тунгусский (между Индигиркой и Яной), якутский (между рр. Яной и Леной). Рел. шаманисты. Утратили в большинстве свою племенную чистоту, подвергшись смешению с тунгусами, и вместе с ними усвоили якутский язык, одежду и т. д. Часть юкагиров по рекам Колыме и Анадрыю обрусела.

161. **Чуванцы,** 452 (1901). Народность этнически близкая юкагирам и составлявшая некогда одно целое с ними; встречаются в Анадырском районе Камчатского округа и в Колымском округе Якутской АССР, по нижнему течению реки Омолона, по Малому Анюю, по верхнему течению Анадыря, по Яблону и Ярополу. Зан. рыболовство, охота, отчасти оленеводство. Яз. русский (у оседлых), чукотский или коряцкий (у кочующих). Рел. шаманисты. Больше половины обрусело и живет оседло (276 чел.), часть ведет бродячий образ жизни.

C. Прочие палеоазиаты

162. **Енисейские остяки,** кеты, енисейцы, 1.281 (1917). Живут в б. Енисейской губернии, по правым притокам Енисея: Подкаменной Тунгуске, Бахте, Нижней Тунгуске, Курейке, и из левых притоков по р. Елогую; в незначительном количестве также между русскими по берегам Енисея от нижнего течения Курейки приблизительно до устья Сыма. Зан. оленеводство, рыболовство и охота. Яз. кетский (енисейско-остяцкий), также русский (у живущих среди русского населения). Рел. шаманисты, частью православные. Полуоседлы и делятся на роды.

D. Примыкающие к палеоазиатам (эскимосо-алеуты)

164. **Азиатские эскимосы,** юит («люди»), намоло (по-коряцки «жители»), анкалэн (по-чукотски «помор»), 1.134 (1925). Живут в Камчатском округе, в 13 поселках у мыса Дежнева и мыса Чаплина, занимаясь охотой на морского зверя. Яз. эскимосский в трех диалектах

по племенам. Рел. анимисты. Распадаются на три племени: айванов, вутээнцев и нооканцев (пэков).

165. **Алеуты**, унарган, 501 (1909). Живут на Командорских островах — Медном и Беринга, будучи в XVIII веке переселены Русско-американской торговой компанией с Алеутских островов; занимаются котиковым промыслом. Яз. алеутский. Рел. шаманисты (формально православные). Часть населения (так называемые креолы) является помесью алеутов с русскими.

X. ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ НАРОДЫ

166. **Китайцы**, 57167 (1925). Основная народность Китая; в пределах СССР живут на Дальнем Востоке, в бб. Забайкальской, Амурской и Приморской губерниях, или приобретя постоянную оседлость и занимаясь торговлей, ремеслами и земледелием, или же имея лишь временное пребывание, в качестве рабочих, хищников на приисках, искателей женьшеня, охотников; в небольших количествах также в крупных городах СССР. Большинство китайцев Сибири сохраняют подданство Китая. Яз. китайский. Рел. конфуциане, буддисты.

167. **Дунганы**, 18.318 (1917). Переселенцы из Кульджи и других мест Восточного Туркестана, поселившиеся в 80-х годах XIX века компактными массами в Пишпекском округе Киргиз. АССР, в меньших количествах в Джетысуйской губернии и в Аулиэатинском уезде Казак. АССР. Зан. земледелие, огородничество. Яз. китайский, в обиходе также таранчинский. Рел. сунниты. В бытовом и культурном отношении близки к китайцам, сильно отличаясь от соседей мусульман.

168. **Японцы**, 588 (1925). Основная народность Японии; в пределах СССР живут на Дальнем Востоке (главным образом во Владивостоке и других крупных городах, единицами встречаются в б. Амурской губ. и на остр. Сахалине и в летние месяцы на полуострове Камчатке), занимаясь рыболовством, торговлей и ремеслами. Яз. японский. Рел. буддисты, шинтоисты. Почти все японцы сохраняют подданство Японии.

169. **Корейцы**, 73.310 (1925). Основная народность Кореи; в пределах СССР живут в б. Амурской губернии (село Благословенное) и б. Приморской губ., главным образом, между рр. Тумень и Суйфуном, занимаясь в огромном большинстве сельским хозяйством, частью работая, в качестве чернорабочих, в городах и на золотых приисках. Яз. корейский. Рел. православные, буддисты. Приблизительно 45% корейцев Амурской и Приморской губерний приняли гражданство СССР.

Содержание

В книжной серии «**БИБЛИОТЕКА РАСОВОЙ МЫСЛИ**» в наличии имеются книги:

Эрнст Крик. **Преодоление идеализма.** *Основы расовой педагогики*

Данное издание представляет собой сборник лучших работ Эрнста Крика (1882-1947), одного из крупнейших немецких философов XX века. Прямой продолжатель Фридриха Ницше, он развивал направление, получившее название «философия жизни».

Философия вождизма. *Хрестоматия*

По каким именно физическим кондициям следует распознавать вождя? Как правильно выстроить иерархию психологического общения с начальниками и подчиненными? Как достичь максимальной консо-лидации национального духа? Как поднять уровень эффективности управления сложной административно-политической системой? Как из трусливого и недисциплинированного сборища новобранцев создать совершенную, боеспособную армию нового типа?

Савельев А.Н. **Образ врага.** Расология и политическая антропология

Это синтези научных знаний в области физической антропологии, расологии, истории, политологии, философии, объёмный взгляд исследователя на ключевые проблемы современности.

Раса и мировоззрение. *Сборник оригинальных философских работ* под редакцией В.Б. Авдеева.

Эта хрестоматия, составленная из лучших работ немецких учёных, так как в Германии этому направлению уделялось большое внимание. Мировоззрение в концентрированной форме отражает систему ценностей, выработанных расой в процессе эволюционной борьбы за существование. Поэтому для национальной безопасности России очень важно строить собственное мировоззрение по академическим стандартам науки, чтобы не впадать в губительные заблуждения, которыми полна наша история.

Авдеев В. Б. **История английской расологии.** *Критическое исследование.*

Данное издание является первым в мире систематическим описанием на русском языке основ английской классической расовой теории. Исследование основано на уникальных первоисточниках, неизвестных даже узкому кругу специалистов как у нас в стране, так и за рубежом.

Ганс Ф.К. Гюнтер **Родоведение. Наука о семье.** Перевод с нем. А.М. Иванова, под редакцией В.Б. Авдеева.

Будучи хорошим отцом и семьянином, он тонко чувствовал, какой моральный вклад в браке принадлежит каждому полу: «Матриархат склонен преувеличивать биологическое значение женщины, патриархат — мужчины. В действительности оба пола имеют одинаковое биологическое значение, а нравственное поведение женщины важней. Когда нравственность расшатана вообще, государство еще может существовать какое-то время, если же расшатывается нравственность женщин, оно быстро рухнет».

«БЕЛЫЕ АЛЬВЫ»

Книги для просвещённых людей

А. Тарунин Сакральный символ. История свастики. Цветной альбом. Подарочное издание. — 2009. — 592 с.: ил.

Марина Кочаева. Сокровища русского орнамента. Цветной альбом. — 2010. — 208 с.: ил.

Марина Кочаева. Сокровища русского орнамента. Книга 2. Цветной альбом. — 2011. — 168 с.: ил.

Платон Лукашевич Чаромутие. Язык магов, волхвов и жрецов. Репринтное издание. (1846 г.) — 2008. — 144 с.: ил.

Праязык. Опыт реконструкции / Сборник. работ. — 2010. — 272 с.: ил.

В.Н. Василев Происхождение русского слова. — 2011. — 248 с.:

Н.Р. Гусева Арии и древнеарийские традиции. — 2010. 240 с.: ил.

Мавро Орбини Початие имене, славы и разширения на-рода славянского и ихъ Царей и Владетелей под многiми имянами и со многiми Царствiями, Королевствами и Привiнцiями. Репринтное издание 1722 г. — 2010. — 368 с.

Н.А. Рубакин Миллионы лет истории русской земли. — 2009. — 368 с.: ил.

А.Ф. Черняев Русская механика. Популярное излож.. — 2011. — 148 с.: ил.

В.В. Брунов Дар руссов. — 2011. — 104 с.: ил.

Праведы. Древнее священное знание северных волхвов. Изд. 4-е. — 2012. — 624 с.: ил.

ОБРАЗ. **Целое Знание от Господа Который Пришёл** (Продолжение Правед). — 2008. — 312 с.

Юрий Глазырин, Роман Волков Пробуждение. Книга 1. Серия «Хранитель». — 2010. — 448 с.

В.И. Симоненков Мифы о языческой богине Софии (Цветная вклейка). — 2009. — 264 с.: ил.

Виктор Воронов Правда о первой лжи. Или семь спо-собов получения истины. — 2009. — 256 с.

Радей Сим. Путь Лебедя. Родовое ведание. Практики-радения. — 2011. — 160 с.

Архивариус. Война миров. Том 1. — 2011. — 560 с.: ил.

Ольга Грейгъ, Александр Рудаков. Врата фюрера: Апокалипсис волка. — 2012. — 368 с.: ил.

В. Дегтярёв, А. Шалин. Протоязык. Расшифровка дрейнейших топонимов Евразии и тайн дрревних цивилизаций. 2 книги. — 2012.

Докирилловская славянская письменность и дохристианская славянская культура. Сборник трудов Международной конференции. В 2-х томах. — 2012. — 424 с.: ил. / 408 с.: ил.

Книги издательства «БЕЛЫЕ АЛЬВЫ»
можно приобрести:

в Москве – в книжных магазинах «Молодая Гвардия», «Библио-Глобус», «Москва», «Дом книги,
в книжном клубе в СК «Олимпийский» (1 этаж – места 109, 16, 2 этаж – 259, 3 этаж 131, 310).
в С.-Петербурге – через редакцию газеты «За русское дело» (198103, С.-Петербург, а/я 170, e-mail: zrdspb@gmail.com);
в торговой сети «Буквоед».
в Екатеринбурге – тел. 8-922-132-69-94
в Вологде – тел. (8172) 75-4322, 75-2143.
в Архангельске – (8182) 65-38-02, в книжном магазине: Новгородский пр-т, 32;
в Минске – 8-029-401-97-09.
в Украине – zubr01@yandex.ru, 8-099-602-78-77.

РУССКАЯ ЕВГЕНИКА
Сборник оригинальных работ русских учёных (хрестоматия)
Серия: «Библиотека расовой мысли»

Компьютерная вёрстка В. Санкин
Редактор С. Удалова

Подписано в печать 27.06.2012. Формат 84 x 108 / 32
Печать офсетная. Печ. л. 18 Заказ №1252
Тираж 3000 экз.

Издательство «Белые альвы»
109542, Москва, а/я 44, Светлане Николаевне Удаловой
Тел./факс (499) 235-8797 E-mail: **lebedy@gmail.com**
Интернет-магазин: **shop.influx.ru**

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

БИБЛИОТЕКА
РАСОВОЙ
МЫСЛИ

ISBN 978-5-91464-066-5

